ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

★

ТРУДЯЩИЕСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН — УЧАСТНИКИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

1—6—3
75—1967-II

ВВЕДЕНИЕ

Интернационалисты...

В годы борьбы за утверждение Советской власти это слово наряду со своим обычным политическим значением приобрело и более узкий смысл. На страницах большевистской печати, в речах большевистских ораторов, среди бойцов Красной Армии интернационалистами звали тех товарищей по борьбе, кто, хотя родился и вырос за рубежами России, но, оказавшись на ее земле, не остался в стороне от разворачивавшихся всемирно-исторических событий; тех, кого правильно понятая общность классовых интересов, готовность к служению высоким идеалам мира, свободы, демократии, социализма побудили занять место в рядах российского революционного пролетариата и вместе с ним отстаивать и укреплять дело Великой Октябрьской социалистической революции.

Интернационалисты...

Они вышли из разноплеменной многомиллионной массы, которую обстоятельства первой мировой войны привели на полыхавшую огнем революции землю России. Они говорили на разных языках, различны были исторические судьбы их народов, у них были разные привычки и традиции, они принадлежали к различным социальным слоям и политическим течениям.

Одни из них переступили границы России в составе армий враждебной империалистической коалиции; другие — в рядах войск интервентов; третьи искали в глубине страны спасения от бедствий войны; четвертые пришли, чтобы продать свой труд... Военнопленные, эмигранты, беженцы, отходники — таковы были основные категории огромной, примерно 5-миллионной, массы выходцев из зарубежных стран. Несмотря на языковые, психологические, религиозные, политические барьеры, в большей

или меньшей степени отделявшие их от народных масс России, от ее рабочего класса и трудящегося крестьянства, несмотря на различия в правовом и политическом положении, всепобеждающие идеи пролетарской революции проникали в среду всех временных групп населения страны. Оказавшись в сфере непосредственного влияния великого учения марксизма-ленинизма, в обстановке ожесточенной борьбы российского пролетариата против социального и национального гнета, против царизма, помещиков и капиталистов, многие выходцы из-за рубежа пополнили собой политическую армию революции.

Политическая армия социалистической революции в России сложилась в результате целеустремленной деятельности большевистской партии, благодаря ее политической зрелости, изумительной организаторской и идейно-политической работе. Большевикам удалось поднять и сплотить рабочий класс и слить с его мощным и организованным революционным движением потоки крестьянского и национально-освободительного движения. Вот эту-то политическую армию, поднявшуюся против старого мира, пополняли собой передовые круги оказавшихся в России трудящихся других стран.

Подобно тому, как на заре рабочего движения первая, недолгая и непрочная диктатура пролетариата — Парижская Коммуна 1871 г. привлекла под свои знамена сынов и дочерей многих народов — поляков и итальянцев, венгров и немцев, русских и австрийцев, Октябрьская революция многих своих иностранных свидетелей и очевидцев сделала активными участниками великих исторических событий. Подобно тому как гордостью революционного движения многих стран является то, что оно дало своих героев Коммуне Парижа, международное рабочее и коммунистическое движение по праву гордится тем, что к великому подвигу пролетариев Петрограда и Москвы, Урала и Донецкого бассейна, Украины и Сибири, утверждавших Советскую власть и положивших начало новой эпохе всемирной истории, оказались причастны уже не одиночки, а сравнительно многочисленные группы поляков и финнов, венгров, чехов и словаков, югославян и румын, австрийцев и немцев, французов и итальянцев, китайцев и корейцев и многих других народов.

Для победы Октябрьской революции над ее внутренними и внешними врагами немалое значение имело то обстоятельство, что ввиду полного соответствия коренным интересам всех трудящихся и эксплуатируемых, ввиду действенной силы своих лозунгов и грандиозности масштабов она вызвала мощное движение пролетарской солидарности, охватившее все части света. Это движение пролетарской солидарности не только в существенной мере сковало силы империализма, но и помогло тому, что немало иностранцев стремились действенно помочь революции, вступив в число ее вооруженных защитников и бойцов.

Когда 15 января 1918 г. В. И. Ленин получил из Амстердама письмо от голландца Беренда Лютераана с просьбой зачислить его в Красную гвардию России и прислать ему денег на поездку в Страну Советов, он в тот же день написал Н. И. Подвойскому и Н. В. Крыленко о необходимости «по принципиальным мотивам» удовлетворить просьбу Б. Лютераана[1]. Именно высоко принципиальные мотивы определяли отношение большевиков к интернационалистскому движению, движению братьев по классу, становившихся в ряды борцов за социализм на земле первого пролетарского государства.

Руководствуясь этими принципиальными мотивами, В. И. Ленин в первом же партийном документе, написанном после начала мировой войны, — «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — в качестве задачи первостепенной важности выдвинул пропаганду на всех языках социалистической революции[2]. Находясь еще в глубоком подполье и руководствуясь ленинскими указаниями, идеями пролетарского интернационализма, большевики сразу же после того, как война забросила в глубь России первые большие группы беженцев, военнопленных, отходников, начали большую и трудную работу по их политическому просвещению, стремились сблизить и сплотить их с трудящимися массами страны. В одних случаях, когда дело касалось, например, польских или финских трудящихся, это сближение облегчалось традициями длительной совместной борьбы против общих врагов, деятельностью политических групп и организаций, издавна связанных с большевиками; в других случаях такие связи затруднялись разнообразными политическими, языковыми и национальными преградами. Приобщение временных контингентов трудового населения страны к борьбе рабочих и крестьян России проходило в ожесточенной борьбе против буржуазных, националистических, религиозных, реформистских влияний и взглядов. Несмотря на преследования, препятствия и помехи, большевики систематически и постоянно несли свои идеи в среду зарубежных трудящихся.

Уже в первом «Письме из далека», написанном 7 (20) марта 1917 г., через несколько дней после низвержения самодержавия, В. И. Ленин указывал, что пролетариат России имеет двух союзников: во-первых, полупролетарское и мелкокрестьянское население, во-вторых, «союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. . .»[3]

Тогда же, в марте 1917 г., Ленин написал обращение «Товарищам, томящимся в плену», выпущенное отдельной листовкой. Предназначенное для русских военнопленных, находившихся

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 31—32.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 6.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 22.

в Германии и Австро-Венгрии, это обращение по всему своему духу относилось не только к тем, кому оно было непосредственно адресовано, но и к находившимся в русском плену. «Вы, томящиеся в плену, — писал В. И. Ленин, — не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы и к тому, что и на вашу долю, быть может, уж скоро выпадет важная задача... Завоевавши республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все человечество к *социализму*...»[4]

В новых условиях, созданных победой Февральской буржуазно-демократической революции, большевики еще энергичнее, чем прежде, стремились объединить рабочих и других трудящихся зарубежных стран, находившихся в России, и повести и их на борьбу за победу социалистической революции.

В своей работе среди трудящихся из-за рубежа после победы Великой Октябрьской социалистической революции большевики видели не только путь к умножению числа непосредственных защитников революции, но и способ оказания помощи международному пролетариату, мировой революции.

В. И. Ленин был твердо убежден,что не только действия, специально обращенные к временному населению, но и вся деятельность Советской власти оказывают огромное революционизирующее влияние на широкие массы находившихся в России иностранцев. Борясь за окончание войны, он, в частности, указывал, что, «заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными, и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии»[5].

Если В. И. Ленин уже 19 января (1 февраля) 1918 г. ожидал столь многого от еще сравнительно краткосрочного «обучения» в огне революции, то не может быть сомнения, что в целом интернационалистское движение находившихся в Советской республике трудящихся из-за рубежа могло стать и действительно стало для них величайшей революционной школой. Даже в самом факте возвращения огромных масс иностранных трудящихся из революционной России в свои родные страны В. И. Ленин видел мощный ускоритель революционного движения. Они, говорил Ленин, имея в виду «возвращенцев» из Советской России, «передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком»[6].

Господствующие классы зарубежных стран вскоре поняли, что в своей значительной массе возвращающиеся из Советской России становятся глашатаями идей и опыта, усвоенных в российской революционной школе.

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 65—66.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 318—319.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.

В. И. Ленин

Тем временем, все шире включаясь в строительство Советского государства и его оборону, движение интернационалистов поднималось на новые, высшие ступени. Оно естественно и закономерно привело к образованию при РКП(б) ряда иностранных коммунистических групп. Создание этих групп В. И. Ленин в сделанном им 18 марта 1919 г. отчетном докладе Центрального Комитета VIII съезду партии оценил «как одну из самых важных страниц деятельности Российской Коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной Коммунистической партии» [7].

В недрах иностранных коммунистических групп РКП(б) зрели процессы, которые в сочетании с развитием событий в рабочем движении тех стран, откуда происходили и куда возвращались зарубежные интернационалисты, оказали благотворное влияние на формирование многих коммунистических партий. В укреплении в международном рабочем движении партий или групп, солидарных с большевиками, Ленин видел результаты по внешности невидной и краткой работы иностранных групп РКП(б) [8].

Таким образом, выполняя свой долг по отношению к Советской революции, зарубежные интернационалисты, находившиеся в Советской республике, одновременно выступали и как подлинные революционеры-патриоты, готовые и способные принести на родину плоды своего идейно-политического и организационного «обучения» в горниле российской революции.

Не упуская из виду реальной перспективы революций в своих странах, зарубежные интернационалисты первой своей задачей считали защиту Советской власти. Повинуясь зову пролетарской солидарности, действуя в соответствии со своими жизненными классовыми интересами, следуя примеру своего коммунистического авангарда, многие иностранные трудящиеся из числа беженцев, отходников, военнопленных вступали в ряды Красной Армии. Интернационалисты составляли ядро ряда подразделений, частей и соединений Красной Армии. В составе Красной Армии действовали польские, финские, венгерские, немецкие, чехословацкие, югославянские, китайские, корейские, персидские, румынские, французские, итальянские, турецкие по основному своему составу добровольческие формирования, сражались красноармейцы — болгары, афганцы, индусы и представители многих других народов мира.

Выступая на проводах из Москвы на фронт 1-го Революционного полка Красной Варшавы, В. И. Ленин говорил, обращаясь к польским интернационалистам — солдатам революции: «Теперь осуществляется союз революционеров различных наций, о чем мечтали лучшие люди, настоящий союз рабочих, а не интеллигентских мечтателей... Вам выпала великая честь с оружием

---

[7] Там же.
[8] Там же.

в руках защищать святые идеи и, борясь вместе с вчерашними врагами по фронту — германцами, австрийцами, мадьярами, на деле осуществлять интернациональное братство народов» [9].

Конечно, морально-политическое значение самоотверженной помощи, оказанной революции интернационалистами, намного превосходило значение того чисто боевого вклада, который они внесли в победу над внутренними и внешними врагами Советской власти.

В. И. Ленин отмечал, что успехи советского народа в борьбе против интервентов были достигнуты «не одними победами на фронтах, а тем, что мы привлекли на свою сторону солдат воюющих с нами стран» [10]. Для того чтобы облегчить и ускорить привлечение на сторону революции солдат армий интервентов, Ленин призывал: «Ради бога, *не жалейте* денег на издания (на немецком, французском, итальянском, английском языках) и скорее, скорее» [11]. Помощь интернационалистов в работе среди войск интервентов была также весьма ощутима.

Часть интернационалистов работала также в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Они внесли свой вклад в развитие культуры, здравоохранения, науки молодого пролетарского государства.

Участие трудящихся из-за рубежа в Октябрьской революции и защите ее завоеваний от внутренних и внешних врагов, таким образом, во-первых, укрепляло моральный дух рабочих и крестьян России, наглядно свидетельствуя о солидарности международного пролетариата с делом Октября; во-вторых, содействовало победе на фронтах гражданской войны и борьбе с хозяйственной разрухой в тылу; в-третьих, облегчало революционное воздействие на войска интервентов; в-четвертых, весьма важным его последствием, особенно давшим себя знать в связи с начавшимся в 1918 г. массовым возвращением зарубежных трудящихся в свои страны, явилось усиление революционного воздействия идей Октябрьской революции, идей марксизма-ленинизма и передача опыта русской революции рабочему классу и угнетенным народам капиталистических и колониальных стран; в-пятых, оно способствовало интернациональному воспитанию трудящихся, укреплению пролетарского интернационализма.

Деятельность иностранных интернационалистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны издавна привлекала внимание исследователей. Еще в годы гражданской войны предпринимались попытки воссоздать и проанализировать отдельные стороны этой деятельности. Позднее стали появляться более обстоятельные работы по истории интернационалистского движе-

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 26.
[10] Там же.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 135.

ния. Однако с середины 30-х годов научно-исследовательская работа по изучению этой проблемы затормозилась.

После XX съезда КПСС, особенно в связи с приближением 40-летия Октябрьской революции, возрос интерес к изучению участия трудящихся из-за рубежа в борьбе за победу Советской власти в России. Выступления руководителей КПСС и братских коммунистических и рабочих партий в связи с празднованиями 40-летия революции, содержавшие высокие оценки действий интернационалистов и значения интернационалистского движения для развития революционного процесса во всем мире, существенно стимулировали изучение этой темы.

Вопросы истории интернационалистского движения заняли значительное место в работах состоявшегося в январе 1961 г. первого всесоюзного координационного совещания славистов. Тогда же определилась роль Института славяноведения АН СССР как головной организации по изучению этой темы, проводимому в рамках Научного совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

Сравнительно широкий круг вопросов истории интернационалистского движения, исследованных за последние годы как в СССР, так и в зарубежных странах, создал условия, благоприятствующие подготовке настоящего труда. Авторский коллектив предлагаемого читателю исследования по истории интернационалистского движения в Советском государстве в 1917—1920 гг. стремился избежать недостатков, выявившихся в работах предыдущего десятилетия. Среди этих недостатков обращали на себя внимание преувеличение роли и значения движения интернационалистов в целом и отдельных его отрядов, изучение движения в отрыве от организующей и направляющей роли большевистской партии, игнорирование сложных внутренних процессов, происходивших в недрах многомиллионного иностранного населения России, преувеличение политической сознательности, уровня развития участников движения, невнимание к тому обстоятельству, что немалая часть выходцев из-за рубежа пополняла собой не силы революции, а силы контрреволюции. Между тем Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) — один из руководящих органов интернационалистского движения — сама исходила из того, что «большинство интернационалистов не убежденные коммунисты, но только люди, увлеченные революционным энтузиазмом. . .» [12]

История интернационалистского движения привлекала внимание и буржуазных историков. В большинстве своем они варьируют одно из двух пропагандистских измышлений, пущенных

---

[12] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 9, д. 1, л. 6 об.

в оборот еще в 1918 г. организаторами антисоветской интервенции: одно из этих измышлений изображает интернационалистское движение как результат происков германского генерального штаба, рассчитывавшего с помощью вооруженных военнопленных использовать Советское государство в борьбе против антигерманской коалиции, а другое — выдает интернационалистское движение за движение всякого рода деклассированных и безыдейных элементов, которые стали безвольным орудием «коварных» большевиков. Хотя ни одно из этих измышлений не выдерживает даже тени научной критики, они все еще бытуют в работах буржуазных фальсификаторов истории Октябрьской революции и международного рабочего движения.

Воссоздание подлинной истории развития интернационалистского движения призвано обогатить представление о международном значении Октября, о силах, сплотившихся вокруг Советской власти и большевистской партии, показать во всем величии союз революционеров различных наций, торжество идей пролетарского интернационализма. «Интернациональная солидарность трудящихся, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС, — прошла историческую проверку в огне социалистической революции» [13].

Авторов работы вдохновляло благородство целей движения зарубежных революционеров-интернационалистов, находившихся в огненные 1917—1920 гг. на Советской земле. Авторский коллектив надеется, что это исследование, приуроченное к 50-летию Великого Октября, будет рассматриваться как одно из свидетельств доброй памяти советских людей о боевом содружестве с ними многих тысяч зарубежных интернационалистов, приобщившихся к великому делу защиты первого отечества трудящихся от его внутренних и внешних врагов.

Следует отметить, что сложность решаемой задачи и неравноценность источников, сохранивших сведения о деятельности различных групп интернационалистов, не позволили добиться примерно равного уровня и объема в освещении всех рассматриваемых в работе сюжетов. Кроме того, сам профиль Института славяноведения обусловил то обстоятельство, что участие трудящихся из стран зарубежного Востока в интернационалистском движении рассматривается лишь в ряде общих глав.

Стремление отразить общие процессы развития интернационалистского движения, а также раскрыть его своеобразие — вот основная задача авторов. Особенности развития интернационалистского движения, в связи со специфическими условиями классовой борьбы в отдельных районах Советского государства, рассматриваются в книге, посвященной интернационалистскому движению на юге и востоке Страны Советов, которая в настоящее

---

[13] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС». М., 1967, стр. 11.

время готовится к печати. Эта книга тесно примыкает к настоящему изданию; в ней будет помещена библиография по рассматриваемой теме и относящаяся к обеим книгам. Узловые вопросы исследования истории интернационалистского движения были обсуждены на всесоюзной научной сессии, состоявшейся в ноябре 1965 г. в Одессе.

Работа выполнена широким кругом авторов: сотрудниками Института славяноведения АН СССР, ИМЛ при ЦК КПСС и ряда других научных учреждений и учебных заведений. Фамилии авторов указаны в оглавлении. В тексты 2-й, 5-й глав, 3-го раздела 16-й главы включены отдельные фрагменты, написанные членами редакционной коллегии, кроме того, во 2-й главе использованы сведения, любезно сообщенные В. В. Зелениным, М. М. Коронеком, В. М. Рожко, Е. И. Спиваковским, а в 1-м разделе 15-й главы — А. Х. Клеванским и В. Р. Копыловым.

В книге широко использованы материалы, хранящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов власти и государственного управления, в Центральном государственном архиве Советской Армии и в ряде других центральных, партийных, республиканских и местных архивов и книгохранилищ СССР.

Значительное количество материалов было привлечено также из архивов и книгохранилищ ПНР, ЧССР, ВНР, НРБ и других стран. Руководству и сотрудникам этих архивов и библиотек авторы исследования и редакционная коллегия приносят благодарность за помощь и содействие в работе.

Научно-вспомогательная работа при подготовке настоящего исследования, выявление ряда материалов и подбор многих иллюстраций проведены А. К. Стрижковой. Введение написано А. Я. Манусевичем.

ГЛАВА 1

ТРУДЯЩИЕСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ЦАРСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(август 1914—февраль 1917 г.)

1. Военнопленные Центральных держав в царской России

Первая мировая война принесла неисчислимые бедствия трудящимся — болезни, голод, нищету, усиление эксплуатации, национального и политического гнета. Растянувшиеся на тысячи километров фронты поглощали трудовое население воюющих держав, втягивая в кровавую мясорубку все новые контингенты мобилизованных, а в далекие тылы непрерывным потоком двигались миллионы физически и морально искалеченных жертв войны — раненые, пленные, беженцы.

К сентябрю 1914 г. в русском плену оказалось свыше 100 тыс. солдат и офицеров Германии и Австро-Венгрии; на 1 (14) января 1915 г. пленных насчитывалось уже свыше 250 тыс. человек, а на 1 (14) января 1916 г. — около 1 млн. человек [1].

Учетом военнопленных в России занимался ряд ведомств — Центральный комитет о военнопленных Российского общества Красного Креста, Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), штаб Московского военного округа и др. В советской исторической литературе, как правило, используется таблица «Движения численности военнопленных, взятых с начала войны до 1 сентября 1917 г.», составленная Генеральным штабом, в которой общая численность военнопленных определена в 1 961 331 человек [2]. Между тем последний не считал эти данные окончательными.

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 3333, оп. 3, д. 575, л. 2, 3.

[2] «Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М., 1925, стр. 41.

Позднее, в 1918—1919 гг., Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж) уточнила численность военнопленных путем выверки картотек. Согласно этим разработкам, в русском плену было 2,1—2,2 млн. солдат и офицеров Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции[3]. Международный Красный Крест, основываясь на данных представителей организаций Красного Креста нейтральных стран в России, исчислял общее число военнопленных по одним данным в 2 322 378, а по другим в 2 342 378 человек[4]. Судя по разным источникам, военнопленные распределялись по армиям, в которых они служили до взятия плен, следующим образом:

Таблица 1

Армия	По сведениям		
	ГУГШ	Центропленбежа	Международного Красного Креста
Австро-венгерская	1 736 794	1 876 038	2 104 146
Германская	159 390	186 347	187 082
Турецкая	64 509	50 078	50 950
Болгарская	670	183	200
Всего	1 961 363	2 112 646	2 342 378

Национальный состав военнопленных в известной мере отражал этническую структуру воевавших государств и их армий. Из австро-венгерской армии в плену было (ориентировочно в тыс. человек[5]): австрийцев — 400—450, венгров — около 500[6], чехов и словаков — 200—250[7], югославян — 200—300[8], румын — 120—150[9]. Кроме того, среди австрийских военнопленных были тысячи галицийских украинцев, итальянцев и др. В германской армии, помимо немцев, служили также и поляки (всего в плену

[3] ЦГАОР СССР, ф. 3333, оп. 6, д. 11, л. 200; оп. 19, д. 1, л. 355.

[4] А. Х. Клеванский. Из истории чехословацких политических организаций в России (1914 — февраль 1917 гг.). — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV. М., 1962, стр. 77—78.

[5] Данные о национальном составе военнопленных, собранные различными ведомствами и организациями, отрывочны и неполны. Содержащиеся в современной литературе и используемые в настоящей работе некоторые сведения по этому вопросу весьма приблизительны.

[6] «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 22.

[7] А. Х. Клеванский. Из истории чехословацких политических организаций. . ., стр. 79.

[8] И. Д. Очак. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 годы). М., 1966, стр. 15.

[9] «Anuarul Institutului de istorie din Cluj». Cluj, 1959, p. 252.

оказалось около 100 тыс. поляков—военнослужащих австрийской и германской армий) [10], а в турецкой — армяне, курды и др. Солдаты составляли примерно 96%, а офицеры — 4% общей численности военнопленных.

Зимой 1914/15 г. военнопленные концентрировались главным образом в Азиатской части России. Из 257 тыс. военнопленных, числившихся на 1 (14) января 1915 г., в Сибири было размещено 186 тыс.[11] Летом 1915 г. число военнопленных в военных округах Азиатской части России возросло и достигло в Иркутском военном округе 200 тыс., Туркестанском — 200 тыс. и Омском — 152 тыс.[12] В дальнейшем широкая эксплуатация труда военнопленных вызвала размещение новых контингентов пленных в Европейской части России, а также перемещение их из восточных в центральные и южные районы страны. На 1 (14) января 1917 г. во внутренних военных округах России находилось 1 144 194 военнопленных, в том числе: в Московском — 321 575 человек, Казанском — 285 308, Омском — 199 077, Иркутском — 135 594, Приамурском — 47 191, Туркестанском — 155 352 человек [13].

Война резко сократила рынок рабочей силы в России. Ее производительные силы были истощены неоднократными мобилизациями основных контингентов трудоспособного мужского населения. Царское правительство ввело принудительный труд мобилизованных солдат в промышленности и в сельском хозяйстве, отменило ограничения в эксплуатации труда женщин и детей, провело так называемую реквизицию инородцев, в результате которой тысячи узбеков, туркмен, киргизов, казахов были насильно угнаны на строительство фронтовых укреплений, железных дорог, на шахты Донбасса и рудники Сибири. Значительный резерв дешевой рабочей силы представляли и военнопленные. В одном из писем царице, сообщая о пленении более 10 тыс. солдат, Николай II с удовлетворением отмечал: «Столько новых рук для работы на наших полях и фабриках!» [14] Рескрипт от 20 августа (2 сентября) 1914 г. устанавливал «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы, притом без какого-либо особого за выполнение таковых работ вознаграждения, с предоставлением им лишь установлен-

---

[10] А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль—октябрь 1917 г. М., 1965, стр. 19.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 3333, оп. 3, д. 44.

[12] «Отчет члена, состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным, Е. Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных в австро-венгерской армии». Пг., 1915, стр. 9; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 2-е дел-во, 1915 г., д. 216, л. 22.

[13] ЦГАОР СССР, ф. 3333, оп. 3, д. 44.

[14] «Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг.», т. IV, М.—Л., 1926, стр. 317.

ного казенного пайка»[15]. 23 августа (5 сентября) 1914 г. Совет министров рассмотрел вопрос об использовании военнопленных на казенных, земских и городских работах. Пока Военное министерство вырабатывало соответствующие правила, министр внутренних дел в циркулярной телеграмме губернаторам предложил им сообщить, нужны ли военнопленные и на какую работу, указав, что правительство планирует «привлечь военнопленных к казенным и общественным работам без особой платы за труд»[16]. Заявки поступили на 70 тыс. пленных для использования их на рубке леса, дорожном и гидротехническом строительстве.

Гаагская конвенция 1907 г. провозглашала принципы гуманного обращения с военнопленными, исключала для них тюремный режим; заключение их под стражу могло быть применено лишь как временная мера. Допуская привлечение военнопленных солдат к труду, конвенция указывала, что их работа подлежит оплате, не должна быть тяжелой и связанной с военными действиями. Но эти и другие нормы международного права нарушались всеми воюющими державами.

«Положение о военнопленных», разработанное Военным министерством России и утвержденное 7 (20) октября 1914 г. Николаем II, повторяя в общих чертах Гаагскую конвенцию, передавало заведование всеми делами о военнопленных военному ведомству, устанавливало лагерный режим содержания, вводило обязательное привлечение военнопленных солдат к работам, указывая, что эти работы оплате не подлежат[17] Эти же нормы в отношении условий содержания и оплаты труда были включены в разработанные тогда же «Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ». 8 (21) марта 1915 г. было утверждено дополнение к «Положению о военнопленных», в котором ведомствам предоставлялось право выдавать военнопленным денежные поощрения[18]. Направление военнопленных на работу осуществлялось по запросам ведомств, правлений компаний и обществ в Военное министерство. Доставка, содержание и охрана военнопленных производились за счет ведомств и обществ, использующих их труд. В правилах подчеркивалось, что неповиновение или нежелание работать влекут применение к пленным «необходимых мер строгости»[19].

Сложный порядок отпуска военнопленных на работы, неподготовленность ведомств и организаций и т. д. создавали сначала

---

[15] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 1276, оп. 1, д. 732, л. 19.

[16] «Правительственный вестник», 7 (20).IX 1917.

[17] «Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных». Пг., 1917, стр. 11.

[18] Там же, стр. 26.

[19] Там же, стр. 10, 27.

помехи для массового использования ими дешевого труда. Однако если на 1 (14) июня 1915 г., например, на работах Министерства путей сообщения было занято 27 087 военнопленных, то уже к 1 (14) сентября 1915 г. их было 70 тыс., а к 1 (14) сентября 1916 г. — свыше 140 тыс. Военнопленные использовались в основном на крупном железнодорожном строительстве, ремонте железных и шоссейных дорог (например, на строительстве Мурманской железной дороги в конце 1916 г. было занято 40 тыс. военнопленных[20]).

Еще более широко труд военнопленных эксплуатировался в сельском хозяйстве. Согласно утвержденным 28 февраля (13 марта) 1915 г. правилам, на эти работы направлялись военнопленные низших чинов, «по преимуществу не немецкого и не мадьярского происхождения»; отпуск военнопленных осуществлялся по запросам земств, направляемым через губернаторов в ГУГШ. Военнопленные, поступавшие в распоряжение земств, затем распределялись между землевладельцами. С последних взималась плата, не менее половины которой должно было выдаваться военнопленным, а остальная часть поступать в распоряжение земств в возмещение расходов по приему, содержанию и охране военнопленных.

Перспектива оплаты труда военнопленных вызывала недовольство землевладельцев. Выражая их взгляды, министр внутренних дел П. А. Маклаков направил в конце марта 1915 г. в Совет министров представление, в котором высказал мнение, что условия использования труда военнопленных не должны обременять землевладельцев, и резюмировал: «Пусть работают за хлеб и одежду»[21]. Вслед за этим в апреле — августе 1915 г. государство взяло на себя часть расходов по содержанию и охране военнопленных, занятых на сельскохозяйственных работах[22]. К 1 (14) сентября 1915 г. на сельскохозяйственных работах их было уже 295 тыс. человек[23]. На 1 (14) мая 1916 г. из 808 140 военнопленных, занятых в хозяйстве страны, на сельскохозяйственных работах использовалось 460 935 человек, что составило немногим более 57%[24]. Военнопленные работали в основном у кулаков и помещиков, при этом значительная часть — в экономиях крупных землевладельцев. По сельскохозяйственной переписи 1916 г., из хозяйств с посевной площадью до 10 дес. военнопленных-рабочих держали лишь 9,1%, с площадью 100—250 дес. — 45,6, а свыше 1 тыс. дес. — 75,7% от

---

[20] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1916 г., д. 106, ч. 7, л. 174.

[21] Цит. по кн.: В. П. Милютин. Сельскохозяйственные рабочие и война. Пг., 1917, стр. 46.

[22] «Сборник узаконений. . .», стр. 42—45.

[23] «Промышленность и торговля», 1916, № 3, стр. 66.

[24] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 369, оп. 9, д. 9, л. 10,

Группа военнопленных

числа хозяйств. У последней категории в среднем было по 224 военнопленных-рабочих на хозяйство [25].

Обеспечивая помещиков принудительным трудом военнопленных, а также направляя последних на казенные работы, царское правительство в первое время отрицательно отнеслось к использованию труда военнопленных на частных промышленных предприятиях. Между тем еще осенью 1914 г. поступили запросы об отпуске военнопленных для работы на частных предприятиях. Вопрос о привлечении военнопленных был рассмотрен на XX съезде горнопромышленников Урала, состоявшемся 27 февраля—8 марта (12—21 марта) 1915 г. в Екатеринбурге. Участники съезда высказались за широкое применение труда военнопленных на предприятиях Урала, причем один из них, критически оценив порядок отпуска и содержания военнопленных на казенные, земские и сельскохозяйственные работы, предложил, чтобы применение их труда в промышленности осуществлялось на условиях вольного найма. После обсуждения съезд постановил «поручить Совету возбудить перед правительством ходатайство о разрешении горнопромышленным предприятиям Урала найма пленных по добровольным с ними соглашениям и об установлении облегченных условий содержания пленных» [26].

[25] См. А. М. Анфимов. Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны (до Февральской революции). — «Исторические записки», вып. 60, 1957, стр. 132.

[26] «Труды XX съезда горнопромышленников Урала». Пг., 1915, стр. 115—116.

В это время в Военном министерстве были составлены «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», которые были утверждены 17 (30) марта 1915 г. Военнопленные выделялись лишь для крупных горных, горнозаводских, фабрично-заводских и других промышленных предприятий, при этом на каждое из них отправлялось не менее 25 человек, но и не свыше 15% от общего количества рабочих. В правилах указывалось, что военнопленные отпускаются исключительно для работы за плату. Однако из своего заработка они могли получить не более 20 коп. в день, и то лишь те, которые обнаружат «усердие в работе». Третья часть заработной платы подлежала отчислению в казну, а оставшаяся выделялась на транспортировку, охрану и содержание военнопленных[27].

В апреле 1915 г. первые партии военнопленных появились на заводах и рудниках Урала и Донбасса[28]. Однако предприниматели выражали недовольство условиями, на которых им предоставлялись военнопленные[29]. За «приспособление правил к потребностям промышленников» высказался Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов, проведенный 25—27 июля (7—9 августа) 1915 г. В связи с такими пожеланиями правила от 17 (30) марта 1915 г. были несколько изменены. Отчисления в казну из заработка военнопленных были сокращены и установлены в размере 25%. Выполнено было и пожелание о переводе из сельского хозяйства в промышленность до 100 тыс. рабочих-военнопленных. Тем не менее эти меры не удовлетворили крупную российскую буржуазию. Состоявшийся в ноябре 1915 г. съезд горнопромышленников Юга России высказался за полную отмену отчислений в казну.

Свои требования о расширенном применении принудительного труда военнопленных в промышленности капиталисты подкрепляли и таким немаловажным аргументом, как необходимость борьбы с забастовочным движением. В докладе «О нуждах каменноугольной, антрацитной и металлургической промышленности», представленном Советом съезда горнопромышленников Юга России министру торговли и промышленности, откровенно отмечалось: «Увеличение числа пленных, работающих на заводах, послужит к пополнению комплекта рабочих и в то же время явится одним из средств для предупреждения возникновения забастовок»[30].

Наконец, уступая нажиму, жалобам заводчиков и фабрикантов на острый недостаток рабочей силы и незначительную про-

[27] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 3, д. 4051, лл. 45, 46; «Сборник узаконений...», стр. 37—41.
[28] «Промышленность и торговля», 1915, № 13-14, стр. 48.
[29] «Труды XXI съезда горнопромышленников Урала». Пг., 1916, стр. 164—166.
[30] «Горнозаводское дело». Харьков, 1916, № 20, стр. 13542.

изводительность труда военнопленных, Военное министерство отменило с 1 (14) апреля 1916 г. отчисления в казну 25% их заработка[31]. Одновременно было разрешено увеличить денежную выдачу военнопленным до 50 коп. в день и распространить этот порядок на всех военнопленных, работавших в промышленности, на транспорте, в строительстве и т. д.

Однако все эти нововведения, как свидетельствуют многочисленные факты, ничуть не улучшили условий содержания и труда военнопленных, а лишь содействовали усилению их эксплуатации и росту доходов предпринимателей, получавших возможность не делить с казной прибыль от дешевого принудительного труда военнопленных.

Созданное в конце 1915 г. при Военном министерстве Междуведомственное совещание по распределению военнопленных на работы увеличило нормы дополнительного отпуска пленных на 1916 г. для промышленности Донбасса и Урала. Кроме того, власти заверили предпринимателей, что в дальнейшем большая часть военнопленных будет направлена на работу в горнопромышленные предприятия. Общая численность военнопленных, занятых в промышленности России в начале 1917 г., составила почти 294 тыс.; в сельском хозяйстве было занято 545 тыс. военнопленных, на лесоразработках — 160 тыс., на работах Министерства путей сообщения — 168 тыс., военного ведомства — 103 тыс. Всего же к различным работам к этому времени было привлечено около 1330 тыс. человек.

Подавляющее большинство военнопленных, занятых в промышленности, работало в основных центрах металлургической и топливной промышленности России — в Донбассе и на Урале. Использование военнопленных в некоторых промышленных районах России иллюстрируют следующие данные[32] (см. табл. 2 на стр. 22).

Таким образом, на Урале и в Донбассе военнопленные составляли 20—30% от общего числа рабочих на предприятиях. К концу 1916 г. на Урале работало более 50 тыс. военнопленных, из которых свыше 40 тыс. использовали 19 крупнейших акционерных обществ[33].

В 1914—1915 гг. пленных солдат армий стран Четверного союза использовали главным образом на работах, не требовавших специальной квалификации: земляных, лесозаготовительных, погрузочных и др. Затем в 1916—1917 гг. при сохранении массового применения неквалифицированного труда (сельское

---

[31] «Трудовое посредничество», т. I. М., 1917, стр. 54; ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1065, л. 36.

[32] Таблица составлена на основе «Материалов по учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. II. Пг., 1917, стр. 18, 19, 22, 25, 34, 44, 114, 120, 121, 124.

[33] ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 2, д. 544, л. 87.

Таблица 2

Район	Отрасль промышленности	Период	Число занятых рабочих	В том числе военнопленных	% военнопленных по отношению ко всем занятым рабочим
Донбасс	Каменноугольная	январь 1916 г.—	213 531	23 498	23
		декабрь 1916 г.	288 000	72 000	25
	Металлургическая	январь 1916 г.—	97 832	16 000	16
		декабрь 1916 г.	126 517	34 428	20,8
Кривой Рог	Железорудная	январь 1916 г.—	19 414	8 546	44
		декабрь 1916 г.	26 368	15 315	58
Урал	Горнозаводская (данные по 19-и предприятиям)	октябрь 1915 г.—	135 379	15 305	11,3
		октябрь 1916 г.	139 296	41 998	30

хозяйство, железнодорожное строительство, лесоразработки и др.), расширении его использования в важнейших отраслях промышленности (металлообрабатывающие заводы, угольные шахты, рудники и др.) значительно возрос удельный вес военнопленных и в сфере основного производства. Если в 1915 г. у мартеновских печей всех заводов России число рабочих-военнопленных составляло 3—4%, занятых в основном на вспомогательных работах, то в 1916 г. — уже 48—50%, причем большинство их работало на участках основного производства [34].

В каменноугольной промышленности Донбасса (без антрацитовых шахт) в сентябре 1916 г. было занято 174 076 человек, в том числе 41 691 военнопленный-шахтер (23,9%) [35]. При этом на работах, не требующих высокой квалификации, военнопленные составляли треть всех рабочих, а на основных производственных участках — 15—25%.

Еще более значительным, чем в угольной промышленности, был удельный вес рабочих-военнопленных в основных профес-

[34] И. В. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, стр. 323.
[35] «XLI съезд горнопромышленников Юга России (ноябрь—декабрь 1916 г.). Доклады», № 3. Харьков, 1917, стр. 20.

сиональных группах железорудной и марганцевой промышленности [36].

В годы империалистической войны труд военнопленных в нарушение международных конвенций широко использовался и на предприятиях, удовлетворявших военные нужды (10% от числа рабочих) [37], и на фронтовых работах. Не останавливаясь на психологических аспектах такого применения труда военнопленных, следует подчеркнуть, что на работах военного ведомства пленные за малейшее неповиновение подвергались самым суровым наказаниям. Так было в Австро-Венгрии и Германии, так было и в России. Между тем на Стокгольмской и других конференциях представителей организаций Красного Креста воюющих стран эти нарушения международного права даже не рассматривались.

Военнопленные в России, как и во всех воевавших империалистических государствах, находились в полном распоряжении властей, предпринимателей и помещиков, подвергаясь неограниченной эксплуатации. Их содержание регламентировалось, помимо «Положения» от 7 (20) октября 1914 г. и «Правил» об отпуске на работы, многочисленными циркулярными указаниями Военного министерства, ГУГШ, штабов военных округов, Министерства внутренних дел, постановлениями, инструкциями, правилами, издававшимися губернаторами, земствами, администрацией заводов, железных дорог и других предприятий, в распоряжении которых они находились. Во всех этих документах военнопленные рассматривались как враги России, которые должны быть изолированы от местного населения и находиться под строгим надзором. В соответствии с указанием МВД от 21 февраля (6 марта) 1915 г. общения с военнопленными, не вызванные выполнением служебных обязанностей, должны были рассматриваться как государственное преступление. В другом циркуляре от 14 (27) июля 1915 г. МВД потребовало, чтобы военнопленные, отпущенные на работу в горнозаводские предприятия, были размещены в казармах и не общались с местными рабочими. Военнопленные не имели права предъявлять администрации какие-либо требования; отказ или самовольный уход с работы карался содержанием на строгом тюремном режиме в период пребывания в плену [38]. Центральные власти и местная администрация не уставали напоминать о необходимости самого строгого соблюдения установленного порядка содержания военнопленных. Направляя их в распоряжение местных железнодорожных властей, управление Сызрано-Вяземской

---

[36] Там же, стр. 21.

[37] А. Х. Клеванский. Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.). — «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 25.

[38] ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 5, д. 544, лл. 60—61.

железной дороги, например, предупреждало: «Нужно требовать полного послушания и усердной работы, не допуская никаких послаблений, не забывать, что пленные находятся на принудительной работе, а не на работе для заработка» [39].

Многочисленные документы, уже неоднократно приводившиеся в литературе, а также хранящиеся в архивах, раскрывают тяжелейшие условия, в которых оказались миллионы военнопленных в лагерях, на сборных пунктах, в рабочих командах, на промышленных предприятиях, сельскохозяйственных работах и строительстве.

Во второй половине 1915 г. делегаты Польского общества помощи жертвам войны провели обследование лагерей. Результаты его были изложены в записке «Положение военнопленных славян в России». В документе констатировалось, что в Мариинске военнопленные жили в холодных и сырых бараках и землянках без печей, а на меновом дворе под Оренбургом они содержались в нишах толстых стен. «Сапог и верхней одежды, — отмечалось в записке, — для большинства военнопленных не выдавалось с самого начала войны» [40]. За тяжелый труд лишь немногим платили по 5—20 коп. в день. «В Тамбовской губернии, в городской управе, — указывали делегаты, — 1500 человек от апреля до августа не получили ни одной копейки» [41]. Сообщались факты избиения на работах, например в Ижевске. В Ташкенте охрана из казаков при сопровождении пленных на работу избивала их нагайками. В городах Сибири опаздывавшие к обеду оставались голодными до следующего дня. Больных от здоровых не изолировали и от работы не освобождали, что приводило к массовым заболеваниям и большой смертности. Авторы записки предлагали самые скромные меры для улучшения положения военнопленных: выдать солому (поскольку у военнопленных не было матрацев), смену белья, сапоги, оплачивать труд и выдавать пищу «в количестве, по крайней мере достаточном для поддержания жизни» [42].

Флигель-адъютант Мордвинов в декабре 1915 г. посетил ряд лагерей, в том числе в Дарнице, под Киевом. В своем рапорте царю он был вынужден признать, что застал в Дарнице безотрадную картину: через лагерь прошло до 600 тыс. военнопленных, помещений для их размещения не хватало, многие пленные не имели шинелей, и среди них была большая смертность [43].

Представители Международного комитета Красного Креста Тормейер и Форрьер, осмотревшие осенью 1915 г. лагеря военно-

---

[39] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 3, д. 4051, л. 32.
[40] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2188, л. 2.
[41] Там же.
[42] Там же, л. 4.
[43] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 2-е дел-во, 1915 г., д. 334, л. 1.

пленных в Европейской части России, Туркестане и Западной Сибири, обнаружили, что помещения находились в антисанитарном состоянии, у пленных не было одежды и предметов первой необходимости, питание было неудовлетворительным, не редкостью являлись эпидемические заболевания. Об эпидемии, начавшейся в тоцком лагере, в результате которой значительная часть пленных погибла, сообщала записка группы избирателей из Самарской губернии члену Государственной думы И. Гладышу [44].

Проверка положения военнопленных на промышленных предприятиях Урала, организованная штабом Казанского военного округа, показала, что, например, в Богословском горном округе, где военнопленные строили железную дорогу, выжигали уголь, работали в цехах Надеждинского завода, они фактически не получали никакой платы. Кроме того, 12 тыс. пленных оказались «должниками» владельцев округа, и их долг к 1 (14) июля 1916 г. составлял более 450 тыс. руб. Штаб округа вынужден был признать, что отношение администрации Надеждинского завода к военнопленным является крайне суровым, «условия заработка и труда носят характер кабалы» [45].

По материалам о положении военнопленных славянских национальностей, собранным правлением Союза чехословацких обществ в России и Русским народным советом Прикарпатской Руси, в декабре 1916 г. была составлена записка А. А. Брусилова начальнику штаба Ставки генералу Алексееву, в которой указывалось на многочисленные факты гибели в лагерях военнопленных, причина которой заключалась в том, что военнопленные «оказались в положении рабов, голодных, босых, полуголых, нередко больных, вынужденных нести непосильный труд и выносить бесчеловечное обращение» [46]. Эта записка, как и другие документы, характеризующие положение военнопленных в России, была известна лишь узкому кругу высших чиновников, и в печать содержавшиеся в ней факты, конечно, не попали. Напротив, описывая условия, в которых находились русские пленные в Австро-Венгрии и Германии, буржуазные газеты стремились представить дело таким образом, будто в России военнопленным живется значительно лучше. Между тем и в России, и в Германии, и во Франции, и в Австро-Венгрии военнопленные подвергались одинаково тяжелой эксплуатации.

Вместе с тем военнопленные, и прежде всего военнопленные славянского происхождения, явились объектом политических спекуляций, шовинистической, милитаристской пропаганды различных польских, чешских и других националистических орга-

[44] Н. Жданов. Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1920, стр. 292—299.
[45] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 9-е дел-во, 1916 г., д. 243, л. 49.
[46] Н. Каржанский (Качанов). Чехословаки в России. М., 1918, стр. 18—21.

низаций, поддерживаемых царским правительством и российской буржуазией.

Царские власти сознательно и настойчиво стремились не только изолировать военнопленных от населения России, но и разобщить их, противопоставить друг другу.

По указанию ГУГШ военнопленных славянских национальностей во время следования по России и при размещении отделяли от немцев, австрийцев и венгров. В 1914—1915 гг. первые направлялись преимущественно в Московский, Казанский, Омский и Туркестанский военные округа, а вторые — в Иркутский и Приамурский. Военный министр А. А. Поливанов в письме к управляющему МВД А. Н. Хвостову и министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому от 7 (20) октября 1915 г. просил установить подобное размещение и среди военнопленных, находившихся на работах [47]. Департамент полиции немедленно откликнулся на это письмо еще одним циркулярным указанием местным властям. Другим циркуляром, от 22 декабря 1915 г. (4 января 1916 г.), Департамент полиции сообщил, что военное ведомство считает желательным предоставление военнопленным-славянам, находившимся на работах, некоторых льгот (прогулки по воскресным дням, чтение, общение с соотечественниками и др.).

Правление Союза чехословацких обществ в России, основанного в феврале 1915 г. на съезде, созванном буржуазными кругами чешских и словацких колонистов и переселенцев, возбудило в апреле 1916 г. ходатайство об освобождении военнопленных чехов и словаков с последующей мобилизацией освобожденных в армию или направлением на работу на военные заводы. В связи с этим начальник штаба Ставки генерал Алексеев представил Николаю II доклад, в котором поддерживал ходатайство и предлагал распространить освобождение на всех военнопленных славян. Разработанный проект в положение военнопленных ничего нового не вносил, если не считать перемены в наименовании — они становились «трудообязанными». «Освобожденные» не имели права переходить с одной работы на другую, их заработок устанавливался властями, за ними вводился надзор полиции. Но даже этот куцый проект так и не был принят [48].

Вопрос о так называемом освобождении был теснейшим образом связан и с формированием воинских частей из подданных Центральных держав, проживавших в России, и из военнопленных, главным образом славян, а также румын и представителей некоторых других национальностей. Союз чехословацких обществ в России приступил с согласия царского правительства к формированию Чешской дружины, состоящей в основном из доб-

[47] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 2-е дел-во, 1915 г., д. 334, л. 1.

[48] А. Х. Клеванский. Из истории чехословацких политических организаций..., стр. 91—92.

ровольцев — чехов и словаков — колонистов (австро-венгерских подданных). В марте 1915 г. Союз чехословацких обществ поставил перед Советом министров вопрос о создании «особого войска» из пленных чехов и словаков. Однако эта инициатива не нашла поддержки у штаба верховного главнокомандующего, МИД и других ведомств. Было сочтено возможным лишь разрешить чехословацким организациям вовлекать военнопленных в уже существовавшую дружину[49]. Такое отношение объяснялось тем, что царское правительство не испытывало в первые годы войны острой нужды в людских резервах для армии, подозревало руководителей Союза в склонности установить контакт с Чехословацким национальным советом, созданным Т. Г. Масариком в Париже под покровительством англичан и французов, считало опасным для своих интересов предоставление Союзу возможности распоряжаться крупным автономным воинским формированием и не желало связывать себя какими бы то ни было обещаниями в отношении будущности чешских и словацких земель Австро-Венгерской империи.

В дальнейшем, когда военные круги начали склоняться к более широкому привлечению военнопленных чехов и словаков в воинские части, этому воспротивились русские промышленники и землевладельцы, испытывавшие острую нужду в рабочих руках. Военные власти вынуждены были считаться с этим. Правда, в начале февраля 1916 г. Чешская дружина была переименована в Чехословацкий стрелковый полк, а в середине апреля генерал Алексеев разрешил начать формирование Чехословацкой стрелковой бригады. Таким образом, следует констатировать, что мероприятия русских властей по формированию чехословацких воинских частей были чрезвычайно ограниченными и осторожными, и широко задуманные планы Союза по созданию национальной армии, главным образом из военнопленных, не были реализованы[50]. Председатель правления Союза чехословацких обществ в России В. Вондрак в письме П. Н. Милюкову от 30 ноября (13 декабря) 1916 г. утверждал, что «ходатайства представителей чехов об организации из военнопленных войска рухнули...»[51].

Более благосклонно относились царские власти к формированию югославянских воинских частей, начатому в России сербской военной миссией. В конце 1915 г. было разрешено создание в Одессе сербского отряда. Как и в Чешскую дружину, в него первоначально вступали главным образом сербские подданные, ранее проживавшие в России. В первое время военнопленные

---

[49] А. Попов. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. — «Красный архив», 1929, № 33, стр. 21—22.

[50] См. А. Х. Клеванский. Из истории чехословацких политических организаций..., стр. 86.

[51] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 626, л. 15.

составляли лишь 10—20% этого подразделения. В 1916 г. были сформированы две сербские дивизии, сведенные в начале 1917 г. в корпус. В нем служили сербы, хорваты, боснийцы, словенцы, а также чехи, словаки и галичане [52].

После вступления Румынии в августе 1916 г. в войну на стороне стран Антанты правительство России разрешило румынской военной миссии формирование воинских частей из военнопленных. Было организовано несколько специальных комиссий по вербовке добровольцев. Комиссии, играя на национальных чувствах трансильванских румын, проводили в лагерях националистическую пропаганду. Широко распространялась националистическая газета «Романиа Маре», призывавшая военнопленных-румын вступать в румынскую армию. Военной миссии Румынии, ее вербовщикам царские власти оказывали всемерное содействие. Добровольческие батальоны из военнопленных-румын формировались в Дарнице, где сначала было сосредоточено около 1500 добровольцев [53].

Когда Италия объявила войну странам Четверного союза, царское правительство разрешило освобождение из лагерей военнопленных-итальянцев и отъезд их в Италию для вступления в армию. Однако этим воспользовались немногие, предпочитая плен в России фронту в Альпах.

К 1916 г. относятся и попытки создания военных дружин армянскими национальными организациями в России, в которые, наряду с российскими подданными, вербовались армяне-военнопленные и беженцы из Турции.

В русской армии находилось около 500 тыс. военнослужащих-поляков, не организованных в специальные формирования [54]. Лавируя в польском вопросе, царизм вынужден был отчасти пойти навстречу стремлениям польских националистических организаций к созданию польских частей в русской армии. Уже 6 августа 1914 г. Б. А. Матушевский направил верховному главнокомандующему докладную записку, ходатайствуя о разрешении формирования польской армии. Автор записки был принят в штабе Ставки, которая в конечном счете согласилась на формирование легионов из польских добровольцев. Эту инициативу поддержал Центральный гражданский комитет Королевства Польского, при котором даже был создан Организационный комитет польских легионов. Легионы формировались в Новой Александрии. Однако

---

[52] И. Очак. Из истории участия югославян в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.) — «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957, стр. 275—276.

[53] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 587, л. 2. Данные о формировании румынских частей из военнопленных и приводимые ниже сведения об эвакуации румынского гражданского населения в Россию до Февральской революции представлены Е. И. Спиваковским.

[54] См. H. Bagiński. Wojsko Polskie na Wschodzie, 1914—1920. Warszawa, 1921, str. 107.

дело не двигалось, и по приказу верховного главнокомандующего и варшавского генерал-губернатора в январе 1915 г. формирование было прекращено; созданные две польские дружины были включены в общую систему государственного ополчения, а Организационный комитет упразднен[55]. Летом 1915 г. царские власти рассмотрели еще один проект, составленный командиром 104-й бригады государственного ополчения, в состав которой вошли сформированные ранее польские дружины, Г. М. Шимановским, и дали согласие на создание отдельной польской бригады[56]. Ее формирование началось в Бобруйске и продолжалось до Февральской революции.

2. Эмигранты, отходники и беженцы из сопредельных стран на территории России в годы войны

Многонациональное население России в процессе развития капитализма значительно пополнилось за счет иммиграции, отходничества и ввоза рабочих из Европы и Азии. В Петроградской, Олонецкой и других губерниях проживали десятки тысяч выходцев из Финляндии. Около 15 тыс. финнов насчитывалось перед первой мировой войной в столице[57]. На предприятиях Урала к концу 1915 г. их было до 10 тыс. На постройке Мурманской железной дороги работало свыше 3500 финских отходников.

Издавна Россия являлась страной интенсивной (главным образом сельскохозяйственной) иммиграции из Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и других государств. Немецкие колонисты селились в Волынской, Херсонской, Саратовской и других губерниях. На юге России насчитывалось около 600 тыс. немецких колонистов. В Юго-Западном крае, а также в Крыму и на Кавказе оседали чехи и словаки. Всего в России проживало около 100 тыс. выходцев из чешских и словацких земель. В портовых городах Причерноморья находились колонии греков, турок. Большинство переселенцев стало подданными России, но к началу мировой войны осталось немало и таких, кто сохранил свое прежнее подданство. Только на Украине проживало до 8 тыс. чехов и словаков — подданных Австро-Венгрии. Выходцы из Болгарии и Сербии основали свои поселения в Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Харьковской губерниях. Болгарских переселенцев насчитывалось около 200 тыс.[58]

---

[55] ЦГАОР СССР, ф. ПОПЖВ, д. 426, лл. 58—61, 74—87.

[56] Там же, лл. 113—120.

[57] «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Пг., 1922, стр. 11.

[58] «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», т. II. СПб., 1905, стр. XI.

Перед первой мировой войной в России проживало до 300 тыс. отходников и рабочих, вывезенных из губерний Царства Польского. Контингент рабочих-поляков был значительным на Путиловском, Никополь-Мариупольском, Краматорском и других заводах. Приток польских рабочих в Россию наблюдался и в начале войны.

Располагая огромным внутренним рынком труда, российская буржуазия вместе с тем принимала меры к привлечению отходников и ввозу рабочих из стран Азии (Персии, Китая, Кореи), особенно в развивавшуюся промышленность Закавказья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Персидские колонии имелись в Астрахани, Красноводске, Ташкенте. В Закавказье перед мировой войной проживало около 200 тыс. персидских подданных — выходцев из южного Азербайджана и собственно персов [59]. Особенно много отходников из Персии было в Баку: они работали на нефтяных промыслах, на текстильных и кондитерских фабриках, в типографиях, в порту. В 1915 г. из 46 439 рабочих бакинской нефтяной промышленности подданные Персии составляли 28,9% (13 136 человек), при этом большая часть их была занята на наименее квалифицированных работах [60]. Партии рабочих-персов были завербованы на Бахмутские соляные копи, Криворожские рудники [61], на промыслы Челекена, на строившуюся в 1914—1916 гг. Бухарскую железную дорогу.

В России еще перед войной находилось немало переселенцев и отходников также из Китая и Кореи.

К осени 1916 г., когда наметился переход от империалистической войны к империалистическому миру, царское правительство, заботясь об интересах помещиков и капиталистов, начавших проявлять беспокойство в связи с перспективой потери дарового принудительного труда военнопленных, разрешило широкий ввоз китайских и других восточных рабочих в Европейскую часть России, где к тому времени, по сведениям МВД, их насчитывалось уже около 20 тыс.[62] Отходников из Китая можно было увидеть на предприятиях Москвы, Петрограда, на Северном Кавказе и в Прибалтике. Всего за годы первой мировой войны было ввезено около 60 тыс. китайских рабочих [63].

---

[59] Ш. Тагиева. Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1917—1920 гг. Баку, 1956, стр. 24.

[60] В. В. Покшишевский. Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917). Баку, 1927, стр. 8, 10.

[61] «Промышленность и торговля», 1916, № 24-25, стр. 685; «Горнозаводское дело» (Харьков), 1916, № 7, стр. 12959; № 19, стр. 13586.

[62] «Трудовое посредничество», т. I, стр. 60.

[63] По данным Союза китайских рабочих (очевидно, сезонные рабочие, прибывавшие летом на золотые прииски и другие предприятия Дальнего Востока, не учитывались). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 2, стр. 192.

Следует также иметь в виду, что в годы войны в России оказались и квалифицированные рабочие из стран Европы и Америки. Так, по предложению Центрального военно-промышленного комитета осенью 1915 г. прибыло около 800 бельгийцев, из которых до 300 человек поступило работать на Сестрорецкий завод. В то же время партия рабочих из Канады (508 человек) была направлена на строительство Мурманской железной дороги[64]. Для сооружения туннелей Бухарской железной дороги приехала группа итальянцев[65]. Около 850 европейских рабочих было занято на заводах Златоуста, Челябинска и Троицка[66].

Материальное и правовое положение иностранных отходников в России в период мировой войны было различным: если небольшие группы квалифицированных рабочих — бельгийцев, итальянцев и т. д. — получали сравнительно с российскими рабочими более высокую заработную плату, то условия труда и заработки многочисленных рабочих-отходников из стран Азии были несравненно хуже. Эти рабочие явились объектом самой хищнической эксплуатации. В частности, хотя на Бакинских нефтепромыслах на персидских подданных распространялось страхование, трудовые договора и пр., тем не менее реальная заработная плата чернорабочих и рабочих буровых партий, значительную часть которых составляли отходники из Персии, упала в годы войны больше, чем в других профессиональных группах. Поэтому многие персидские отходники стали возвращаться на родину, и их удельный вес в 1916 г. сократился в нефтепромышленности до 14,7%[67]. Еще в более тяжелом положении оказались персидские рабочие, завербованные в Донбасс.

В ужасных условиях находились отходники из Китая и Кореи, подвергавшиеся двойной эксплуатации: российских капиталистов и отечественных подрядчиков, которые по существу продавали завербованных рабочих в Россию. Труд отходников из Китая и Кореи мало чем отличался от принудительного труда военнопленных: им не разрешалось уходить с работы, трудились они под надзором вывезенной из Китая или нанятой на месте стражи, на них не распространялись правила об охране труда и страховании; их обманывали при заключении контрактов, во время расчетов и т. д.

Предприниматели использовали труд отходников-китайцев для давления на местных рабочих. «Китайцы предлагают свой труд за самую минимальную плату, — сообщалось в журнале Союза

---

[64] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 2-е дел-во, 1915 г., д. 323, л. 1.

[65] «Страница строительства Бухарской железной дороги в 1914—1916 гг.» — «Труды Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина», вып. 142. Ташкент, 1958, стр. 103.

[66] М. П. Хильченко. Интернационалисты на Урале (1917—1918 гг.). — «Из истории партийной организации Урала». Свердловск, 1962, стр. 7.

[67] «Нефтяное дело». Баку, 1917, № 14, стр. 5.

горных инженеров Сибири, — мирятся с самыми тяжелыми условиями работы, и этим, конечно, широко пользуется администрация приисков. При всяком малейшем проявлении неудовольствия со стороны русских рабочих рабочие эти рассчитываются и на их место берутся китайцы» [68]. В одном из писем со спичечной фабрики Кринкевича в Усолье, опубликованном в самарской газете «Наш голос», сообщалось, что на требования рабочих администрация отвечала: «Можете уходить. Все равно китайцев найдется сколько угодно» [69].

Осенью 1914 г. в связи с началом военных действий с Турцией десятки тысяч армян, опасаясь преследований со стороны турецких шовинистов, бежали в Россию. В начале 1916 г., когда австро-германские войска оккупировали территорию Сербии, в России появились сербы, которым удалось вместе с остатками разбитой армии прорваться по Дунаю. Сербские беженцы расселились в Херсонской губернии.

В результате разгрома австро-венгерской и германской армиями королевской Румынии в октябре 1916 г. началась эвакуация в Россию румынских учреждений, промышленных предприятий и населения. Только в октябре 1916 г. было эвакуировано 5 тыс. беженцев [70]. Они расселялись в Бессарабии, Херсонской губернии и Крыму. В декабре 1916 г. в Луганск были эвакуированы несколько тысяч рабочих румынского порохового и патронного заводов [71]. Значительные группы беженцев постепенно размещались по всей территории Европейской части России.

Летом 1915 г. в результате неблагоприятной обстановки, сложившейся для России на фронте, нависла угроза потери Царства Польского. Началась спешная эвакуация учреждений, учебных заведений, промышленных предприятий. Осуществляемая царскими военными властями, она явилась бедствием для сотен тысяч трудящихся. Большевики В. П. Антонов-Саратовский и М. С. Ольминский в издававшейся в Саратове газете писали о принудительном выселении населения Холмской, Ломжинской, а затем Виленской Лифляндской, Гродненской и других западных губерний [72]. Беженцы шли пешком сотни километров. В сентябре 1915 г. только в Минске находилось свыше 100 тыс. беженцев, в основном из Белостокской и Виленской губерний. Общая численность беженцев уже к ноябрю 1915 г. достигала 1938 тыс., а к 1 мая 1916 г. — 2802 тыс. [73], в том числе около 1,5 млн. чело-

---

[68] «Горные и золотопромышленные известия». Томск, 1915, № 5, стр. 81.
[69] «Наш голос» (Самара), 30.III (12.IV) 1916.
[70] ЦГИАЛ, ф. 1277, оп. 1, д. 3, л. 77.
[71] Там же, л. 61.
[72] «Наша газета», Саратов, 1935, стр. 16 (здесь и далее цитируется по сборнику, в котором были опубликованы все девять номеров газеты, вышедшие в 1915 г.).
[73] «Русские ведомости», 14 (27).VI 1916; «Торговля и промышленность», 1916, № 9, стр. 247.

век из Царства Польского[74]. Среди беженцев преобладали лица польского происхождения[75].

Хотя социальный состав польских беженцев и не был однородным (рабочие, ремесленники, крестьяне, служащие торгово-промышленных заведений, чиновники правительственных учреждений, учащиеся и преподаватели учебных заведений и др.), тем не менее подавляющую их часть составляли городские и сельские низы. Среди беженцев было много детей, женщин и престарелых.

Беженцы из Царства Польского расселялись по всей территории России — от Юго-Западного края до Туркестана и Сибири[76]. Эвакуированные из прифронтовых районов предприятия вместе с рабочими размещались в промышленных центрах страны. Из Варшавы были эвакуированы: листопрокатный завод «Влохи» — в Петроград, Варшавский арматурный завод, машиностроительный завод Ч. Л. Свидерского и другие — в Москву, завод «Герлях и Пульст» — в Харьков; ряд польских предприятий оказались также в Чугуеве, Александровске, Новославянске, Екатеринославе, Ярославле и других городах[77]. Из эвакуированных предприятий многие долго бездействовали, другие даже не предназначались к пуску. По данным МВД, в январе 1916 г. из 330 тыс. беженцев безработных было: мужчин — 42,1%, женщин — 28,7%, подростков — 29,2%[78].

Весной 1916 г. беженцев с семьями выселяли из городов в сельскую местность и передавали в полное распоряжение помещиков. «На их труд смотрят как на труд подневольный и принудительный»[79], — признавало Всероссийское бюро труда Земгора. К лету 1916 г. в сельских районах находилось около 1200 тыс. беженцев, из которых на сельскохозяйственных работах состояло к 1 (14) июля 1916 г. около 250 тыс.[80] Большинство работало в крупных помещичьих имениях. За работу беженцы получали гроши.

В еще более незавидном положении оказались германские и австро-венгерские подданные (австрийцы, немцы, поляки, украинцы и др.), высланные из ряда районов, занятых, а затем оставленных русскими войсками. Лишь некоторые из выселенных,

---

[74] «Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности». М., 1918, стр. 19.

[75] Следует отметить, что имеющиеся сведения о численности беженцев из губерний Царства Польского, в том числе поляков, разноречивы и нуждаются в уточнении (см. А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты..., стр. 15—20).

[76] Большинство проживало в Европейской части России: в Петроградской губернии — 66 тыс. беженцев, Московской — 50 тыс., Харьковской — 66 тыс., Екатеринославской — 68 тыс., Киевской — 57 тыс., Черниговской — 19 тыс. беженцев и т. д.

[77] ЦГАОР СССР, ф. 1041, оп. 2, д. 721а.

[78] «Трудовое посредничество», т. I, стр. 58.

[79] Там же, стр. 27.

[80] «Известия Министерства земледелия», 1917, № 1, стр. 20.

главным образом жители Прикарпатской Руси, осели на Украине, а большинство было размещено в Заволжье, на Южном Урале, в Туркестане. Они рассматривались властями как гражданские пленные и были привлечены к принудительным работам.

3. Начало совместной борьбы российских и иностранных трудящихся против войны, эксплуатации и бесправия

Война резко ухудшила и без того бедственное положение народных масс воюющих государств: росла дороговизна, реальная заработная плата падала, голод, обнищание достигли невероятных размеров. Вместе с тем во всех странах нарастало возмущение рабочего класса. «Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, — говорил В. И. Ленин на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г., — они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию» [81]. Уже весной 1915 г. в России стало развертываться стачечное движение. К лету 1916 г. забастовки охватили всю страну. Увеличилось число политических стачек, проводившихся под лозунгами прекращения империалистической войны, свержения самодержавия и установления демократической республики. Если в 1915 г. было проведено около 1 тыс. стачек с 500 тыс. участников, то в 1916 г. было уже 1500 стачек и около 1 млн. стачечников. Ширилось брожение в деревне. Зимой 1916/17 г. в России сложилась революционная ситуация.

Царское правительство, предприниматели и буржуазно-националистические организации прилагали все силы, чтобы изолировать иностранных трудящихся от рабочего класса России и противопоставить ему, принуждали их становиться штрейкбрехерами. Однако все больше иностранных трудящихся постепенно вовлекалось в интернациональный фронт борьбы против режима бесправия и безудержной эксплуатации.

Мобилизуя массы на революционные выступления, готовя их к решительной схватке с самодержавным строем, большевистская партия неустанно пропагандировала идеи интернационализма, солидарности трудящихся. В большевистских листовках и воззваниях подчеркивалось, что врагами народов России, Германии, Франции и других воюющих стран являются их собственные капиталисты и помещики, а трудящиеся, по какую бы сторону фронта они ни находились, — русские и венгры, немцы и французы, итальянцы и австрийцы — являются братьями по классу, по революционной борьбе, по великой миссии освобождения человечества.

---

[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 234.

В брошюре «Война и дороговизна в России», изданной 1 (14) ноября 1915 г. в Женеве, ЦК РСДРП призывал российских трудящихся добиваться повышения заработной платы и предупреждал, что господствующие классы не сделают этого добровольно. «В самом деле, — говорилось в брошюре, — зачем стараются привезти китайцев, персов, корейцев? Зачем вымаливают промышленники и помещики у правительства разрешения на применение труда военнопленных. . ? Все пущено для того, чтобы понизить заработную плату. . .» [82] Эта брошюра была доставлена в Россию, размножена Петербургским комитетом большевиков и получила широкое распространение в стране.

Организуя бойкот военно-промышленных комитетов, большевики указывали рабочим, что эти комитеты выступают пособниками царизма и российской буржуазии. В частности, в листовке Харьковского комитета большевиков, выпущенной в декабре 1915 г., сообщалось, что военно-промышленные комитеты добились на время войны неограниченной эксплуатации женского и детского труда, а также «ввоза рабочих китайцев и корейцев, что еще более умножило безработицу» [83].

Большевики стремились использовать каждую легальную возможность, чтобы выступить против эксплуатации иностранных трудящихся, оказавшихся в России в годы войны. Так, в последнем, девятом, номере «Нашей газеты» от 13 (26) октября 1915 г. была опубликована статья Г. И. Ломова «В погоне за дешевыми рабочими», в которой автор разоблачил политику буржуазии и помещиков, накинувшихся на даровой труд военнопленных. «Возможность пользоваться этим трудом была так заманчива, что предприниматели и городские думы пробовали перейти на труд пленных даже там, где была безработица (Иваново-Вознесенск, Витебск). В сельском хозяйстве применение труда военнопленных сыграло роль прямого средства в борьбе за понижение заработной платы, благо по отношению к пленным можно было прибегать к таким средствам воздействия, которые сильно напоминают времена крепостного права. . . Теперь промышленники и правительство озабочены применением труда китайцев, персов и других дешевых иностранных рабочих. . .» [84]

Легальный большевистский журнал «Наше слово», издававшийся в Кинешме, писал по поводу ввоза иностранных рабочих: «Спекуляция невольниками XX века принимает широкие размеры. . . В результате на Урале, благодаря конкуренции китайских кули, заработная плата русских рабочих при росте дороговизны не растет, а падает» [85]. Большевистская печать отмечала

---

[82] ЦГАОР СССР, Коллекция нелегальных изданий, № 4330, стр. 6.

[83] «Большевики в годы империалистической войны. 1914—февраль 1917». М., 1939, стр. 90.

[84] «Наша газета», стр. 99—100.

[85] «Наше слово». Кинешма, 1917, № 1, стр. 4.

также, что иногда она понижалась до уровня заработка отходников из Китая.

Эксплуатация труда военнопленных, ввозных рабочих и беженцев была раскрыта в работах большевика В. П. Милютина, посвященных рабочему вопросу в сельском хозяйстве России в годы мировой войны. Он отмечал, что за криками помещиков о недостатке рабочих как единственной причине недосева в сельском хозяйстве скрывалось «откровенное желание получить или принудительный труд военнопленных, или дешевый, вынужденный труд беженцев, или же желтый труд» [86].

Разоблачая принудительный характер дешевого труда военнопленных, беженцев и ввозных рабочих, большевики подчеркивали, что правящие классы стремились и таким путем сорвать борьбу трудящихся против бесправия и нищеты. «На полях крупнейших землевладельцев, как и в предприятиях капиталистов, — писал М. С. Ольминский в статье „Что будет?“, — раньше работали вольнонаемные рабочие, имевшие возможность проявить недовольство уходом с работы, забастовками и тому подобное. А теперь работают совершенно бесправные чужестранцы... Их труд оплачивается много ниже труда вольных туземных рабочих. Их права сводятся к арестантскому положению, к рабству...» [87]

Большевики призывали российских трудящихся взять отходников «под свою защиту, ограждая их от чрезмерной хищнической эксплуатации предпринимателей» [88]. От имени революционных трудящихся Г. И. Ломов писал: «Конечно, русские рабочие не будут бороться с пришлыми рабочими. Наоборот, они всеми мерами будут искать с ними единения для совместной борьбы с той эксплуатацией капитала, от которой одинаково страдают и русские, и иностранные рабочие. Давно указывается на то, что по своей сущности капитал интернационален. Русский рабочий класс должен также показать, что те персы, китайцы и другие несчастные кули, которых посредники готовы доставлять в „любом количестве“, причем расходы по перевозке уравниваются „низкой рабочей платой“, встретят братский прием со стороны пролетариата России» [89].

В корреспонденции из Петрограда «Рабочие и беженцы», опубликованной в «Нашей газете», сообщалось, что пролетариат столицы не остался безучастным к своим братьям по классу и раньше, чем благотворительные организации, стал оказывать

[86] В. П. Милютин. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве. Пг., 1917, стр. 11. В основу этой книги, сданной в печать еще до Февральской революции, были положены статьи, опубликованные в «Трудах по изучению современной дороговизны Общества имени П. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете» (вып. III. М., 1915; вып. IV. М., 1916).

[87] «Голос печатного труда», 1916, № 2, стр. 2.

[88] «Вопросы страхования». Пг., 1917, январь, № 1, стр. 3.

[89] «Наша газета», стр. 100—101.

рабочим-беженцам материальную помощь, содействовать в поисках работы, знакомить с условиями труда и т. д.[90] Так же поступали рабочие и в других промышленных центрах страны. По инициативе большевиков 25 августа 1915 г. в Саратове состоялось собрание представителей больничных касс, на котором было решено организовать комитет саратовских рабочих по оказанию помощи беженцам. В резолюции собрания заявлялось, что «пролетариат, руководствуясь товарищеской солидарностью и своими классовыми интересами, не может остаться безучастным к страданиям товарищей и не может допустить, чтобы предприниматели, пользуясь их тяжелым положением, ухудшали местные условия труда» [91].

Переселенцы из Австро-Венгрии, Германии, Греции, беженцы из Королевства Польского, Румынии, рабочие-отходники из Финляндии, Персии, Китая, Кореи, военнопленные были полны всевозможных национальных, сословных, религиозных предрассудков, являлись носителями различного мировоззрения, представителями различных политических взглядов. Вместе с тем среди них было немало и тех, кто принимал активное участие в рабочем, профессиональном, а также национально-освободительном движении.

Оставшиеся на свободе члены СДКПиЛ (многие польские социал-демократы находились в тюрьмах) разворачивали работу среди беженцев. Религиозно-шовинистической пропаганде многочисленных польских клерикально-националистических организаций они противопоставляли идеи пролетарского интернационализма. В Петрограде вместе с большевиками работали польские социал-демократы Р. Арский, Ян Здехович, В. Вроновский, Зб. Фаберкевич и др. Перед Февральской революцией они выпустили два номера журнала «Жичэ» («Жизнь»), который занял интернационалистскую позицию и много сделал для революционного воспитания польских беженцев. Войдя в культурно-просветительное общество «Промень» («Луч»), руководимое либералами, социал-демократы использовали его для революционной работы, для освобождения польских беженцев из-под влияния буржуазных националистов и шовинистов из ППС-«фракции». В результате были подготовлены условия для создания в подполье группы СДКПиЛ в Петрограде, оформившейся в ноябре 1916 г.[92]

Со своими соотечественниками польские революционеры работали и непосредственно, и через большевистские организации (в Ростове-на-Дону, Москве, Иркутске и т. д.). Для этого использовались и организации беженцев. Так, ссыльные большевики в Иркутске, возглавив городское попечительство о беженцах, использовали разрешенные полицией собрания не только для обсуждения беженских дел, но и для нелегальных бесед, вели рево-

[90] Там же, стр. 48.
[91] Там же, стр. 45.
[92] А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты..., стр. 48—57.

люционную пропаганду, вовлекая в движение молодежь из среды беженцев [93]. Под воздействием этой пропаганды польские рабочие-беженцы включались в забастовочное движение. Так, в апреле 1916 г., когда стачки охватили все железные дороги России, бастовали и 300 рабочих из Варшавы, занятых в Крюковских мастерских Кременчугской железной дороги [94]. В политических забастовках, прокатившихся по всем предприятиям Петрограда с 15 (28) декабря 1916 г. по 15 (28) января 1917 г., участвовали 400 рабочих с завода «Влохи» [95]. Солидарность с рабочими Москвы продемонстрировали проведением стачек 9 (22) января 1917 г. 1600 рабочих Варшавского арматурного завода и 100 рабочих механического завода «Рон, Зелинский и К°» [96].

Постепенно в забастовочное движение российских трудящихся вовлекались и рабочие-отходники. Уже вскоре после прибытия рабочих-китайцев на шахты Кизеловского горного округа среди них начались волнения. 28 августа (10 сентября) 1915 г. произошло первое выступление в форме стихийного отказа от работы. В сентябре движение переросло в стачку. 110 активных ее участников, обвиненных в агитации, были высланы царскими властями в Китай [97].

В январе 1916 г. в забастовку вылился и протест отходников из Китая, работавших на Белорецком заводе, против нарушения контракта [98]. Своих братьев по труду поддержали передовые рабочие Белорецкого завода. Одновременно забастовали китайские рабочие на шахтах Общества Кыштымских заводов [99]. Некоторые забастовки заканчивались кровавыми столкновениями. Так, 26 мая (8 июня) 1916 г. отказались работать около 400 лесорубов-китайцев в Алапаевском лесничестве. Обороняясь, забастовщики вступили в схватку со стражниками. За это 238 человек были арестованы и посажены в тюрьму в Екатеринбурге [100]. В октябре 1916 г. волнениями были охвачены лесорубы разных национальностей, занятые на работах Полевого строительного управления в Минской губернии, что вызвало сильное беспокойство властей. Минский губернатор в письмах Департаменту полиции и начальнику снабжения Западного фронта от 24 октября (6 ноября) 1916 г., признав, что «администрация военно-полевого строительства грубо обращается с русскими и китайскими рабочими, игнорирует всякие за-

---

[93] В. Вельман. Февральская революция в Сибири. — «Пролетарская революция», 1925, № 3, стр. 170.
[94] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 3, д. 4537а, л. 16.
[95] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1917 г., д. 101, т. 4, л. 13.
[96] «Рабочее движение в Москве в 1914—1917 гг.» — «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 490, 538.
[97] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1915 г., д. 50, ч. 7, л. 41.
[98] Там же, д. 133, л. 2.
[99] «Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», т. I. Свердловск. 1927, стр. 169—171.
[100] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1916 г., д. 133, л. 16.

конные требования рабочих, что вызывает среди них недовольство и волнения», с тревогой предупредил, что это может повлиять на местное население, которое «вполне солидарно с этими рабочими»[101].

Активное участие в российском рабочем движении в период войны приняли и отходники из Персии. 9 (22) января 1915 г. они бастовали вместе с рабочими промысла Люборад на Челекене. Среди арестованных полицией руководителей стачки было пятеро персидских рабочих. В том же году на Челекене однодневной забастовкой отметили праздник 1 Мая рабочие промысла «Вишау», основную массу которых составляли отходники из Персии[102].

С осени 1915 г. в движение вовлекаются рабочие Баку. Одна из забастовок состоялась в сентябре на текстильной фабрике Тагиева. Ведущее место в этом выступлении занимали персидские рабочие[103]. После 5-дневной борьбы фабрикант согласился на повышение расценок на 20% и сокращение рабочего дня до 10 часов. С требованием об увеличении заработной платы на 30% 17 февраля (1 марта) 1916 г. начали стачку рабочие Каспийско-Черноморского товарищества, среди которых были и персидские рабочие[104].

В рядах бастующих рабочих-нефтяников находились и персы. В марте 1916 г. фабричная инспекция в связи с забастовкой 550 рабочих буровых партий акционерного товарищества «Молот» докладывала из Баку в Петроград: «Нельзя не отметить одного обстоятельства — роста активности мусульманской части рабочих, особенно персидскоподданных»[105]. Совместно с рабочими-нефтяниками других национальностей персидские отходники участвовали в забастовках на промыслах Российского нефтепромышленного товарищества (летом 1916 г.), товарищества «Русская нефть» (конец 1916 г.), фирмы братьев Нобель и др.

В забастовочное движение втягивались и иностранные рабочие из других стран. Летом 1915 г. провели стачку итальянцы, занятые на Бухарской железной дороге. В конце года отказались работать на строительстве Мурманской железной дороги рабочие, вывезенные из Канады. Во всеобщей стачке в Горловке весной 1916 г. приняли участие эмигранты из Сербии и Болгарии. После ее вооруженного подавления болгарские подданные братья Каражаловы были арестованы как руководители выступления на одной из шахт округа. Не оставались в стороне и отходники-рабочие из Кореи. В январе 1917 г., требуя повышения заработной платы, забастовали 130 корейцев, работавших на строительстве

---

[101] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1916 г., д. 133, л. 77.

[102] А. А. Росляков. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900—март 1917 г.). Ашхабад, 1957, стр. 235.

[103] В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 53.

[104] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1916 г., д. 5, ч. 2, л. 17.

[105] В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 52—53.

Крымской железной дороги, за что и были уволены администрацией[106].

Военнопленные, работавшие на строительстве и ремонте железных дорог, в шахтах, на заводах, в помещичьих имениях, широко прибегали к отказу от работы, к стачкам как средству борьбы против произвола, за улучшение условий труда и содержания. Первые сведения об их выступлениях относятся уже к началу 1915 г. Газета «Новое время», сообщая 27 февраля (12 марта) о привлечении военнопленных к различным работам по месту расселения в Сибири, отмечала и случаи отказа от их исполнения. Одна из первых забастовок военнопленных произошла 16 (29) мая 1915 г. на Риддеровском руднике. В ней участвовало 60 человек. Летом начались волнения и среди военнопленных, работавших на железных дорогах. 17 (30) июня начальник Московско-Камышинского жандармско-полицейского управления доложил штабу Отдельного корпуса жандармов, что занятые на ремонте Сызрано-Вяземской железной дороги пленные бастуют и требуют оплаты труда. В Туле стачка приобрела длительный и массовый характер, хотя против пленных были приняты полицейские меры[107]. Одновременно в июне 1915 г. начались волнения военнопленных на строительстве железной дороги Минусинск—Ачинск. На станции Сон военнопленные венгры группами по 30—40 человек бросали работу, настаивая на улучшении содержания. Для подавления этих выступлений на строительство прибыла из Минусинска воинская команда, а из Красноярска — отряд казаков. Отказ от работы, стачки отмечались и среди военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги. В августе 1915 г. на Бухарской железной дороге пленные заявили администрации, что «их никакими силами заставить работать не могут»[108]. На строительстве железной дороги Казань—Екатеринбург стачки военнопленных были поддержаны работавшими там же русскими рабочими.

Волнения и отказы от работы наблюдались и среди военнопленных, переданных в распоряжение землевладельцев. Об этом говорилось в письме ГУГШ в штаб Московского военного округа от 9 (22) июня 1915 г., в циркулярах саратовского губернатора уездным земским управам и начальникам полиции от 6 (19) и 23 июля (5 августа) и в других документах[109]. Об отказе военнопленных работать в имении помещика Буше сообщил Департаменту полиции в донесении от 27 июля (9 августа) 1915 г. тульский губернатор.

Царские власти основной причиной ширившегося движения военнопленных считали не тяжелые условия труда и содержания, а слабый надзор, даже свободу, якобы предоставленную пленным

---

[106] ЦГАОР СССР, ф 110, оп. 3, д. 4523, л. 71.
[107] Там же, д. 4051, л. 53.
[108] Н. А. Попов. Революционные выступления военнопленных в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 77.
[109] ЦГАОР СССР, ф. 767, оп. 1, д. 233, л. 42 и др.

на работах. Было решено надзор за военнопленными, работавшими на железных дорогах, возложить на железнодорожную жандармскую полицию. Военное же министерство с целью подавления выступлений военнопленных разрешило губернским властям и органам полиции налагать на бастовавших административные взыскания вплоть до ареста. Кроме того, различными служебными инстанциями был издан ряд циркуляров об усилении надзора за военнопленными, о полной их изоляции от населения России. Но эти меры желаемых результатов не дали.

Напротив, с осени 1915 г. в борьбу включились военнопленные, переданные частным промышленным предприятиям. 1 (14) октября 1915 г. бросила работу партия военнопленных, занятая в лесничестве, принадлежавшем Старо-Лялинскому заводу на Урале. Произошло столкновение со стражниками. Активные участники выступления М. Шнейдер, В. Мазурик, Ф. Гениш были арестованы[110]. Вспоминая о пребывании в казалинском лагере, Э. Хорти, венгерский профсоюзный деятель, сообщал, что военнопленные уже «осенью 1915 г. стали отказываться от выхода на работу»[111]. Волнение, возникшее в лагере 28 октября (10 ноября), было подавлено силой оружия. Объясняя его причины, начальник Туркестанского военного округа писал в Военное министерство, что «многие военнопленные всегда старались уклоняться от работ»[112]. В начале 1916 г. бастовали военнопленные на заводе в Сарапуле, в шахтах Экибастуза и т. д.

Если первые выступления военнопленных солдат носили нередко характер стихийных отказов от работы, вызванных отчасти и шовинистической пропагандой офицеров, и слухами о возможных после возвращения из плена репрессиях, и требованием соблюдать Гаагскую конвенцию, запрещавшую труд на предприятиях, выпускающих военную продукцию, то зимой 1915/16 г. движение военнопленных приобретает более организованный характер; становятся все более заметными элементы антивоенной направленности и пролетарской солидарности. Военнопленные, во главе которых стояли венгры (Донсай, Сендери, Кирош, Лукач и др.), участвовали в январе 1916 г. в забастовке рабочих металлургического завода в Таганроге[113]. 7 (20) апреля 1916 г. пермский губернатор доложил Департаменту полиции, что на Старо-Лялинском заводе «военнопленные в числе 200 человек, подстрекаемые кем-то, бросают работу». В ходе расследования выяснилась причастность к выступлению рабочего завода А. В. Зубкова, советовавшего военнопленным «предъявить требования об увеличении поденной платы и улучшении пищи»[114]. Стачку 300 военно-

---

[110] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 2-е дел-во, 1915 г., д. 216, лл. 10—11.
[111] «Венгерские интернационалисты...», стр. 26.
[112] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1914 г., д. 141, ч. 69, л. 7.
[113] Н. А. Попов. Революционные выступления..., стр. 78.
[114] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е дел-во, 1917 г., д. 50, ч. 7, л. 74.

пленных-рабочих на заводе в Гусь-Хрустальном возглавляла революционно настроенная группа, вскоре арестованная полицией [115]. По сообщению полиции, 19 военнопленных — чехов и словаков, находившихся в экономии братьев Бобринских в Чигиринском уезде Харьковской губернии, 18 апреля (1 мая) 1916 г. «уклонились от работ, считая этот день Первым мая (по новому стилю) — праздником рабочих» [116]. За верность международной солидарности все участники стачки находились семь суток под арестом. Однако репрессии не пугали забастовщиков. В мае 1916 г. произошла заранее подготовленная стачка 129 военнопленных, занятых на погрузке угля в Мариупольском порту. Три ее организатора были преданы военно-полевому суду, а все остальные участники отправлены в распоряжение исправников Бахмутского, Славяносербского и Верхнеднепровского уездов.

Большое воздействие на рост политической активности военнопленных оказали стачки местных рабочих. Так, например, более 1600 пленных явились свидетелями забастовки 7 тыс. рабочих Днепровского металлургического завода в Екатеринославской губернии, которые в течение апреля 1916 г. отстаивали требование об увеличении расценок и победили. В конце мая 500 военнопленных, доставленных на этот завод, «категорически, — как подчеркивалось в записке Военного министерства, — отказались работать, почему пришлось всю партию отправить с завода» [117]. Не осталась бесследной для военнопленных, работавших на шахтах, всеобщая стачка в Шебалино-Горловском районе (Донбасс) в апреле—мае 1916 г., забастовки на заводах Урала. Именно после ряда забастовок русских рабочих Усть-Катавского завода выступили и военнопленные. Только после того как полиция арестовала 129 бастовавших военнопленных и пригрозила им судом, они возобновили работу [118].

В министерства — военное, торговли и промышленности, земледелия, внутренних дел — все чаще стали поступать сообщения о волнениях и стачках военнопленных. Губернаторы докладывали, что «случаи самовольного ухода военнопленных с работ стали учащаться» [119]. В царских канцеляриях заговорили о забастовках пленных как явлении, совершенно недопустимом «с точки зрения авторитета государственной власти» [120]. Вопрос о борьбе с выступлениями военнопленных был обсужден на совещании губернаторов, созванном в конце апреля 1916 г. председателем Совета министров Б. В. Штюрмером. Все губернаторы утверждали, что «военнопленные предъявляют во многих случаях незаконные тре-

[115] Н. А. Попов. Революционные выступления..., стр. 78.
[116] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 3, д. 4051 (россыпь).
[117] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1065, л. 78.
[118] ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 3, д. 21, л. 456.
[119] Там же, д. 4051 (россыпь).
[120] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 9, л. 2.

Братание на фронте

бования и отказываются от работ»[121] и что отказ — «явление заурядное»[122]. Единственной причиной этого была признана недостаточность мер наказания. Штюрмер доложил Николаю II, что совещание высказалось за применение к стачечникам из среды военнопленных «строжайших карательных мер»[123]. 26 мая (8 июня) 1916 г. МВД, предоставив губернаторам право наказывать пленных тюремным заключением до трех месяцев, указывало, что «должны быть беззамедлительно приняты самые решительные меры к прекращению самовольного ухода и отказа военнопленных от работ»[124]. ГУГШ дало указание военачальникам оказывать гражданским властям содействие в подавлении выступлений военнопленных[125]. Генштаб настаивал на строгом соблюдении обособленного казарменного размещения военнопленных на работах[126].

Революционное движение в стране, расшатывая самодержавный строй, делало недостаточно эффективным и существовавший режим содержания военнопленных. Уже в 1915 г. МВД обращало внимание губернаторов на то, что военнопленные находятся в по-

---

121 «Русское слово», 11 (24).VI 1916.
122 «Красный архив», 1929, № 33, стр. 156.
123 Там же, стр. 148.
124 ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 544, л. 118.
125 ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 9, л. 4.
126 Там же.

стоянном общении с местным населением[127]. Между российскими трудящимися и их зарубежными братьями по классу, несмотря на все запреты, языковую разобщенность, устанавливались дружественные связи. Так, начальник Ярославского губернского жандармского управления донес 5 (18) мая 1916 г. Департаменту полиции, что проживавшие в Солигаличе поляки-военнопленные «пользовались почти полной свободой, имели возможность вести агитацию среди соприкасавшихся с ними русских чинов»[128]. Помощник начальника Харьковского губернского жандармского управления по Изюмскому уезду сообщал 5 (18) июля 1916 г., что заводская полиция заводов Краматорского металлургического общества не следит за военнопленными, которые «посещали квартиры рабочих этих заводов, заводили знакомства.., пользовались полной свободой»[129].

Передовые рабочие России настойчиво проводили в жизнь лозунг партии большевиков о братании с рабочими-военнопленными, видели в них братьев по классу и союзников по борьбе. Рассказывая о работе пленных на строительстве железной дороги Данилов—Буй, ветеран венгерского рабочего движения Р. Гарашин подчеркивал: «Лагерная жизнь и жестокость охранников смягчались только дружелюбием и сочувствием, с которыми относились к нам русские рабочие и инженеры»[130]. Вспоминая о работе в одной из типографий Киева, словак И. Лобуда отмечал, что он и его товарищи политически воспитывались российскими пролетариями, работавшими вместе с ними[131].

Российские трудящиеся активно поддерживали справедливую борьбу военнопленных против рабских условий труда. Когда власти учинили расправу над военнопленными, работавшими на Софийском руднике в Донбассе, все горняки в знак протеста провели стачку солидарности. Осенью 1916 г. рабочие-военнопленные участвовали в забастовке текстильщиков Рождественской мануфактуры Берга в Твери. Военнопленные во главе с венгром Голлендером во время стачки поддерживали связь с большевиками. «Это было первое выступление, — вспоминал Голлендер, — когда мы шли вместе с русскими рабочими»[132]. Рабочих Рождественской мануфактуры поддержали стачкой солидарности ткачи фабрики Морозовых. Больше недели продолжалась борьба за увеличение заработной платы. Владелец закрыл предприятие и уволил всех рабочих. Голлендер, Гросс, Фидлер и другие военнопленные — активные участники стачки — были арестованы. Во время

---

[127] ЦГАОР СССР, ф. ДП, Особый отдел, 1916 г., д. 329, ч. 1, л. 267.
[128] Там же, л. 118.
[129] Там же, л. 221.
[130] «Венгерские интернационалисты...», стр. 240.
[131] «Былые походы». М., 1961, стр. 73—74.
[132] Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 28361, оп. 3, д. 370, л. 3.

забастовки шахтеров Кадиевского рудника на работу не вышли и военнопленные. Их представители входили в образованный большевиками стачечный комитет. В большевистской организации на Днепровском заводе работал военнопленный солдат австро-венгерской армии Ф. В. Карабец [133]. Немецкий военнопленный, социал-демократ с 1910 г. О. Мориц, работавший летом 1916 г. формовщиком на Кыштымском заводе, помогал в печатании и распространении большевистских листовок, вместе с русскими революционными рабочими вел среди военнопленных антивоенную агитацию. В результате все рабочие завода участвовали в забастовках [134].

В 1916 г. стачки и волнения военнопленных приобрели широкий размах. Прошли забастовки на Надеждинском заводе, на торфоразработках во Владимирской губернии, в лагерях Красноярска и Сретенска, на строительстве железной дороги Данилов—Буй, на ситценабивной фабрике в Оханске, в помещичьих экономиях Волчанского уезда Харьковской губернии и др.[135] Лишь в одной Московской губернии зимой 1916/17 г. было проведено не менее семи стачек военнопленных [136]. В лагерях, на работах, везде, где концентрировались крупные контингенты военнопленных, происходила постепенная организационная консолидация единомышленников. В донесении начальника Ярославского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 5 (18) мая 1916 г. отмечалось, что военнопленные «группируются по политическим партиям, а не по вероисповеданию или национальности» [137]. В лагерях оказалось немало революционных социал-демократов, отправленных на фронт за их «неблагонадежность». Пребывание в России, общение с передовыми русскими рабочими и установление связей с большевиками помогло им осознать свои задачи в плену. Среди военнопленных начинают возникать революционные группы.

Одна из первых подпольных антивоенных групп возникла в мае 1915 г. в лагере военнопленных в Ташкенте. Ее организатором явился венгерский рабочий, социал-демократ с 1899 г. Я. Ивани. При помощи солдат из охраны лагеря члены группы получали революционную литературу, разъясняли военнопленным грабительский характер войны. За организацию антивоенного собрания Я. Ивани был арестован и несколько месяцев сидел в тюрьме в Оренбурге [138]. Интернациональная революционная группа стала действовать в первой половине 1916 г. в томском

[133] ЦГАОР СССР, ф. ДП, Особый отдел, 1916 г., д. 5, ч. 22, л. 4.
[134] «Поворот мирового значения. Воспоминания немцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1964, стр. 135.
[135] ЦГАОР СССР, ф. ДП, Особый отдел, 1916 г., д. 329, ч. 1, лл. 71, 237; ф. 110, оп. 3, д. 1065, л. 156 и др.; ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1065, л. 156.
[136] А. Х. Клеванский. Военнопленные Центральных держав..., стр. 33.
[137] ЦГАОР СССР, ф. ДП, Особый отдел, 1916 г., д. 329, ч. 2, л. 118.
[138] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 403, л. 5; д. 404, лл. 2—3.

лагере военнопленных. Ее организаторами были венгры Ф. Мюнних и К. Рейнер, немец М. Юнг и другие левые социал-демократы. В лагерь начала нелегально поступать социалистическая литература, которая переводилась и изучалась. Группа выпускала рукописную газету и распространяла ее среди военнопленных. Связи с большевиками имели и члены революционной группы военнопленных в Иркутске во главе с немецкими социал-демократами А. Штиллером и И. Шнейдером. Они вели антивоенную пропаганду среди военнопленных, работавших на предприятиях в предместьях — Глазкове и Знаменском. Интернациональный социал-демократический кружок действовал в песчанском лагере военнопленных. Через рабочего из Будапешта Ф. Штейнгардта кружок был связан с ссыльными рабочими-большевиками [139].

Интернациональные связи были сильны между военнопленными красноярского лагеря, среди которых было несколько сот человек, принадлежавших к немецкой, австрийской, венгерской, чешской, польской и румынской социал-демократии, и русскими рабочими. Революционная группа этого лагеря во главе с немецким солдатом социал-демократом Г. Кольгофом установила через рабочих строительной команды связь с местными активистами из страховых касс и большевиками [140]. Подпольные революционные группы и кружки действовали среди военнопленных на Надеждинском заводе во главе с Т. Самуэли, в омском лагере военнопленных во главе с К. Лигети, в Оренбурге, Красноярске, Курске, Твери и т. д. В Донбассе, в районе Макеевки, возникли две революционные группы — немецкая и австрийская, насчитывавшие перед Февральской революцией около 40 членов [141]. Информируя в декабре 1916 г. В. И. Ленина о партийной работе в Донбассе, Бюро ЦК РСДРП, в частности, сообщило: «В районе много военнопленных-рабочих (австрийцев). Отношение между ними и рабочими самое лучшее. Военнопленные организуются и стараются примкнуть к нашим организациям» [142]. Участие иностранных трудящихся в 1915—1916 гг. в борьбе российских рабочих и крестьян против войны, эксплуатации и политического бесправия создавало реальные предпосылки вовлечения их в интернациональную политическую армию назревавшей в России революции.

---

[139] А. А. Мюллер. В пламени революции (1917—1920 гг.). Воспоминания. Иркутск, 1957, стр. 19—20.

[140] С. Штригниц. Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции. — «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 95, 97—98.

[141] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы». М., 1958, стр. 160.

[142] А. Шляпников. Канун семнадцатого года, ч. II. М.—Л., 1923, стр. 39—40.

ГЛАВА 2

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ФЕВРАЛЕ—ОКТЯБРЕ 1917 г.

1. Февральская революция и временное население России

Многомиллионная масса военных и гражданских пленных, беженцев и отходников — многообразная по национальному и социальному составу, политическим и религиозным убеждениям, культуре, воспитанию и традициям, правовому положению и по обстоятельствам, приведшим отдельные ее группы в Россию, — стала свидетельницей, а в части своей и участницей великих событий, предопределивших исторические судьбы современного мира. Непосредственное начало этим событиям положило низвержение самодержавия, победа Февральской буржуазно-демократической революции в России.

Расстановка классовых сил, создавшаяся в ходе революции, привела к своеобразному переплетению двух властей — буржуазной власти Временного правительства и власти трудящихся — Советов рабочих и солдатских депутатов. Преобладание в Советах сначала представителей соглашательских партий — меньшевиков, социалистов-революционеров (эсеров) и т. д. — помогло укрепиться Временному правительству, продолжавшему проводить империалистическую, антинародную политику. Вместе с тем буржуазия была вынуждена временно примириться с существованием Советов, с выходом партии большевиков из подполья, с широкой политической активностью масс. Массовое революционное движение народов России за мир, хлеб и социализм стало оказывать все более заметное влияние и на иностранных рабочих и крестьян из временного зарубежного населения России. Польские рабочие Петрограда, собравшиеся 1 (14) марта в клубе «Промень» по случаю Февральской революции, в приветствии Петро-

градскому Совету рабочих и солдатских депутатов писали: «Мы всегда шли с вами рука об руку в борьбе против нашего общего врага — царского правительства, оплота всеобщей реакции. Мы приложим все свои силы, чтобы вместе с вами довести до победного конца начатое дело свержения ненавистного самодержавия. Пусть ваша победа проложит пролетариату всех стран дорогу к решительному бою возрожденного Интернационала с капитализмом, который толкнул народы на теперешнюю кровавую резню...»[1] Содержание этого первого документа, которым польские рабочие в России откликнулись на революцию, показало высокую политическую сознательность широких кругов польских рабочих-беженцев, в среде которых вели систематическую работу тесно связанные с большевиками польские социал-демократы, а также деятели Польской социалистической партии-левицы (ППС-левицы). Такой зрелости нельзя было ожидать ни от отходников из стран Востока, ни от военнопленных, в массе своей вплоть до Февральской революции почти не имевших связей с российскими революционными организациями.

Военнопленные выражали прежде всего свою радость по поводу свержения царя, установления республики и завоевания российскими трудящимися демократических свобод. 17 (30) марта группа пленных австрийских социал-демократов приветствовала в лице Киевского Совета рабочих депутатов «Российскую социал-демократическую организацию с восстановлением свободного строя и низвержением монархического режима»[2]. 27 марта (9 апреля) чехословацкие военнопленные на митинге в Киеве приветствовали Петроградский, Московский и Киевский Советы «с установлением в России демократического строя»[3]. Группа германских военнопленных выражала в обращении к социал-демократической фракции Государственной думы «свои симпатии нарождению республики в России»[4]. Социалистические элементы из среды военнопленных, обращаясь к российской социал-демократии, просили помощи в создании партийных, профессиональных и просветительных организаций, издании газет для военнопленных на их родных языках.

Большинство военнопленных и отходников, как и многие беженцы, радуясь ликвидации царизма, надеялось, что вслед за тем последует сравнительно скорое окончание войны, а еще до того наступит существенное улучшение их материального и правового положения. Они ожидали соответствующих действий от Временного правительства и от Советов. Эти иллюзии подогре-

---

[1] «Promień» (Petrograd), 31.III (13.IV) 1917.
[2] «Борьба за власть Советов на Киевщине». Киев, 1957, стр. 22—23.
[3] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (далее — ГАОРСС МО), ф. 66, оп. 3, д. 1185, л. 2.
[4] «Работница», 1917, № 4, стр. 6.

вались русской буржуазной и правосоциалистической печатью, не скупившейся на гневные слова по поводу страданий беженцев, отходников и военнопленных при царизме. Однако Временное правительство стремилось сохранить без изменений положение как военнопленных, так и других категорий временного населения России. По отношению к военнопленным, подчеркивалось в указаниях Временного правительства местным властям, «все... распоряжения старого правительства остаются в силе»[5]. Еще 30 марта (12 апреля) 1917 г., а затем повторно 18 апреля (1 мая) министр внутренних дел А. Никитин распорядился усилить охрану военнопленных и учредить особую стражу за счет средств, удерживаемых с них самих[6].

В ответ на массовые требования о предоставлении военнопленным политических прав и свобод ГУГШ 4 (17) апреля 1917 г. в специальном письме в ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов предупреждал, что «предоставленная военнослужащим свобода собраний, безусловно, не распространяется на военнопленных чинов неприятельских армий, так как они не являются полноправными гражданами России, а ее пленниками и как таковые не могут быть причастны к благам свободы, завоеванной гражданами России»[7]. 9 (22) апреля последовал приказ военного министра А. И. Гучкова, в котором сообщалось, что военнопленные в ряде обращений к правительству и общественным организациям просят о переустройстве их внутреннего быта и о предоставлении им права свободного передвижения, собраний и организаций. В приказе подчеркивалось, что это «такие требования, которые противоречат самому понятию состояния плена», и предлагалось «лицам и учреждениям, ведающим военнопленными, объяснить последним всю невыполнимость их стремления и потребовать от них беспрекословного повиновения всем распоряжениям поставленных над ними властей»[8].

Новые власти чутко прислушивались к жалобам промышленников на военнопленных, которые «своевольничают», «предъявляют непомерные требования в отношении содержания, пищи, не подчиняются установленным правилам, отказываются от работ», «пытаются примкнуть к теперешнему политическому и социальному движению» и, минуя администрацию, устанавливают связь с местными общественными организациями[9]. 19 апреля (2 мая) А. И. Гучков отдает распоряжение: «Всех бунтующих

---

[5] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСв.О), ф. 72, оп. 1, д. 5641, л. 68.
[6] ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 519.
[7] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 78, д. 84, л. 4.
[8] ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 141.
[9] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 439, л. 2; ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 544, лл. 22, 29, 32, 41.

пленных немедленно направлять в ближайшие лагеря, где применять к ним суровый режим и строгие наказания»[10]. Во исполнение этого приказа, к примеру, пирятинский уездный комиссар распорядился всех военнопленных, уклоняющихся от работ, «подвергать самым жестоким наказаниям и затем назначать на самые тяжелые работы», создать немедленно «карательные отряды из милиционеров, которые должны выезжать в те экономии и крестьянские хозяйства, где военнопленные отказываются работать, и там поступать с такими военнопленными строго, смело, не останавливаясь и перед нагайками»[11]. Однако, как вынужден был признать А. Никитин, эти меры не дали результатов, тем более что вместо разогнанной революцией полиции военнопленных в ряде мест охраняла добровольческая милиция.

В защиту военнопленных решительно выступил революционный авангард российского рабочего класса. Бюро ЦК РСДРП(б) в конце марта обратилось в Исполком Петроградского Совета с предложением немедленно начать расследование положения военнопленных и облегчить их участь. В обращении указывалось, что «всякий шаг, способствующий восстановлению взаимного доверия между рабочей демократией воюющих держав, ускоряет наступление часа мирных переговоров и что подобная мера, направленная к облегчению участи военнопленных, явилась бы достойнейшим шагом новой демократической России, покончившей с варварскими традициями России времен царского самодержавия, и перед лицом всего мира показала бы пример высокой человечности, на которую способна только революционная рабочая и крестьянская демократия»[12]. Однако это предложение было похоронено в комиссиях и отделах эсеро-меньшевистским большинством Совета. Тогда 30 мая (12 июня) орган ЦК РСДРП(б) журнал «Работница» публикует статью члена ЦК А. М. Коллонтай «Военнопленные солдаты — наши братья». В ней отмечалось, что за два с половиной месяца, прошедшие после свержения самодержавия, еще ничего не сделано для действительного облегчения участи пленных солдат. Поэтому долг передовых рабочих и работниц России взять на себя заботу о военнопленных. «Пусть буржуазия, — писала А. М. Коллонтай, — пусть военные власти поднимают крик о том, что не время теперь думать о пленных, когда в самой России голод, разруха хозяйства. Мы ответим, что этой заботой о пленных товарищах мы показываем капиталистам-империалистам, что мы не можем, не хотим быть заодно с их гнусной политикой насилия и военного самоуправства. . .»[13]

---

[10] ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 157.
[11] «Пролетарий» (Харьков), 26.V (8.VI) 1917.
[12] «Правда», 3 (16).VI 1917.
[13] «Работница», 1917, № 4, стр. 5—6.

В июне «Правда» публикует новую статью А. М. Коллонтай, призывающую партийные организации и местные Советы самостоятельно начать расследование положения военнопленных, а собранный материал широко освещать в печати. «Правда» призывала советы вмешаться в отношение военных властей к пленным, потребовать прекращения произвола, добиться, чтобы пленных не назначали на изнурительные и непосильные работы, чтобы они не гибли от голода, истощения и цинги, отстоять их право получать вести с родины и трудовые гроши, посылаемые им родными. Газета предлагала организовать регулярную доставку пленным социалистической литературы и наладить издание специальной газеты с их участием. «Пребывание в России сотен тысяч пролетариев из Центральных держав, — указывалось в статье, — надо нам использовать для того, чтобы укрепить с ними нашу мировую, партийную связь, чтобы дать окрепнуть чувству рабочей солидарности, нашего единства против общих врагов — империалистов всех стран. Русские рабочие и работницы должны показать на деле, что им одинаково ненавистно насилие, гнет, жестокость — от кого бы оно ни исходило: от германского ли генерала, от слуги ли Временного правительства» [14].

А. М. Коллонтай

Между тем в первой половине 1917 г. количество занятых на различных работах военнопленных превышало 1,5 млн. человек. При этом в четырех основных каменноугольных бассейнах страны — Донецком, Уральском, Подмосковном и Западносибирском — военнопленные составляли в среднем около 27% всех рабочих, в металлургической промышленности Юга России — около 26%, в железорудной — около 60%, в горнозаводской промышленности Урала — почти 30%. По неполным данным анкеты Особого совещания по обороне, военнопленные в 1917 г. составляли более 10% рабочих даже на предприятиях, непосредственно работавших на войну [15].

[14] «Правда», 3 (16).VI 1917.

[15] ЦГВИА, ф. 1354, оп. 3, д. 575, лл. 1, 4, 30; ф. 2003, оп. 2, д. 550, лл. 17, 18, 58; «Статистика труда», 1918, № 2-3, стр. 31—32; «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. II. Пг., 1917, стр. 18, 22, 23, 28, 48, 66, 116, 120, 121, 124; А. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 31; «Вопросы истории», 1960, № 10, стр. 94—95.

Советы, профессиональные союзы и другие рабочие организации России решительно требовали улучшения содержания и условий труда военнопленных. Нередко, минуя местные военные власти, они привлекали пленных к участию в политических митингах и манифестациях, вмешивались во внутренний распорядок лагерей, контролировали использование военнопленных на работах и т. д.

Подняв свой голос в защиту военнопленных, рабочий класс России начал борьбу и за улучшение положения рабочих-отходников, которые, по выражению одного из членов комиссии, обследовавшей заводы Урала, «были более опутаны контрактами, чем военнопленные своим пленением»[16]. Разжигая национальную рознь, используя религиозные предрассудки, труднопреодолимые языковые преграды, применяя репрессии к одним и подкупая других, предприниматели при поддержке властей стремились противопоставить иностранных трудящихся друг другу и предотвратить их совместные выступления. Одновременно предприниматели встречали каждое требование местных рабочих угрозами или отправить их на фронт, или заменить военнопленными и отходниками.

Гнев сотен тысяч российских пролетариев, лишившихся работы из-за саботажа предпринимателей, решивших летом 1917 г. массовым закрытием предприятий подорвать революционную энергию пролетариата, капиталисты стремились также направить против военнопленных и иностранных отходников, якобы повинных в возраставшей в 1917 г. безработице.

Разоблачая маневры предпринимателей, большевистская печать еще в марте 1917 г. призвала потребовать распространения законодательной охраны труда на ввозных рабочих и военнопленных, чтобы «превратить их из вынужденных конкурентов русских рабочих в товарищей по общей борьбе»[17]. В апреле 1917 г. Всероссийское совещание Советов приняло специальную резолюцию. В ней выдвигались требования прекращения ввоза восточных рабочих, привлечения к ответственности виновных за преступления, совершенные против них, пересмотра кабальных контрактов, распространения на эти категории трудящихся законов об охране труда и содействия возвращению на родину тем из них, которые не желают оставаться в России. Резолюция рекомендовала «товарищам на местах привлекать к участию в рабочих организациях, особенно в профессиональных союзах, ввозных рабочих, а также озаботиться изданием соответствующей агитационной литературы на языках ввозных рабочих»[18].

---

[16] «Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», т. I. Свердловск, 1927, стр. 14.

[17] «Социал-демократ» (Москва), 8 (21).III 1917.

[18] «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов». М.—Л., 1927, стр. 302.

Группа польских социал-демократов на первомайской демонстрации в Петрограде. 1917 г.

Большевистская печать требовала немедленного проведения в жизнь этой резолюции совещания. Она обратилась с призывом к пролетариям России прийти на помощь ввозным рабочим и, не дожидаясь пока на призыв съезда откликнется правительство, создать возможность вернуться на родину тем из них, которые этого пожелают, а оставшихся приобщить к своей рабочей семье и добиться для них таких же условий труда, которых они требуют для себя [19].

Предпринимателям и правительству не удалось предотвратить создание широкого интернационального фронта трудящихся, направленного против эксплуатации и бесправия. Несмотря на распоряжение Временного правительства и местных властей, 18 апреля (1 мая) 1917 г. тысячи военнопленных плечом к плечу с местными трудящимися приняли участие в первомайских манифестациях и митингах в Петрограде и Москве, Киеве и Харькове, Ростове и Одессе, Екатеринбурге, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Орехово-Зуеве и во многих других городах страны. «Первомайский праздник прошел великолепно», — констатировал на VII конференции РСДРП(б) делегат Уральской партийной организации Я. М. Свердлов. Местные рабочие

[19] «Вопросы страхования», 20 мая (2 июня) 1917, № 4, стр. 9—10.

организации не посчитались с постановлением министра Гучкова о воспрещении шествий военнопленных[20]. Понятно, что сам факт участия военнопленных (не говоря уже о беженцах и отходниках) в демонстрациях российского пролетариата свидетельствовал не только о политическом подъеме в их среде, но и о дружеском отношении, о внимании к ним большевистских организаций, Советов, профсоюзов, всех организаторов революционных выступлений. Вместе с российскими рабочими иностранные участники первомайской демонстрации выступали под лозунгами социализма, мира и интернациональной солидарности.

Весной 1917 г. внимание передовой общественности России привлекла борьба между владельцем Судженских угольных копей Л. А. Михельсоном и шахтерами, 20% которых составляли военнопленные, а также китайские и корейские рабочие[21]. По инициативе созданных после революции Совета рабочих и солдатских депутатов, в состав которого входили военнопленные и отходники, и Союза служащих Судженских копей шахтеры в конце марта потребовали от владельца принятия немедленных мер по улучшению условий труда и жилищных условий, введения 8-часового рабочего дня, ликвидации штрафов и вычетов, повышения заработной платы, уравнения оплаты труда военнопленных и русских рабочих, «исходя из точки зрения общности интересов русских и германо-австрийских рабочих в борьбе с капиталом»[22]. В ответ на отказ Михельсона удовлетворить эти требования 29 апреля (12 мая) Совет рабочих и солдатских депутатов и Союз служащих изгнали администрацию и передали управление шахтами Совету по управлению копями, избранному рабочими и служащими[23], и одновременно потребовали у Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и правительства конфискации копей у владельца. 4 (17) мая Михельсон, живший в Москве, распорядился объявить от его имени рабочим, что он готов повысить заработную плату русским и китайским шахтерам, но категорически отказывается увеличить оплату труда военнопленным, так как это якобы было бы равносильно уплате контрибуции врагам России[24].

19 мая (1 июня) В. И. Ленин выступил в «Правде» со статьей «Еще одно преступление капиталистов», в которой привел телеграмму судженских рабочих Петроградскому Совету и правительству, характеризующую поведение администрации

---

[20] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы». М., 1958, стр. 123.

[21] «Знамя революции» (Томск), 21.VII (3.VIII) 1917.

[22] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3 (16).VI 1917.

[23] Государственный архив Томской области (далее — ГАТО), ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 18; «Установление Советской власти в Кузбассе». Кемерово, 1957, стр. 70.

[24] ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 58.

на шахте Михельсона как преступное и провокационное. В. И. Ленин предупреждал, что вся вина за дезорганизацию производства, безработицу и голод ляжет на Временное правительство, не принимающее решительных мер для борьбы с саботажем углепромышленников [25].

Попытка Михельсона, прикрывшись личиной патриота, расколоть интернациональный фронт шахтеров, противопоставить военнопленных русским и китайским рабочим вызвала гневный протест Совета рабочих и солдатских депутатов Судженки. Совет заявил в резолюции, что «...патриотизму он не намерен учиться у капиталистов, которые под ширмой патриотизма вызвали братоубийственную войну...». Подчеркнув, что считает военнопленных свободными, Совет вновь категорически потребовал для них равной оплаты за равный с русскими рабочими труд [26].

В поддержку судженских рабочих выступили шахтеры Анжерского, Кемеровского, Щербаковского и других казенных рудников, рабочие химических заводов Кемерова и ряда предприятий Томска [27]. Собравшаяся в середине июня в Анжерке конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна решила установить на рудниках одинаковую заработную плату для всех категорий рабочих [28].

20 июня (3 июля) Исполком Судженского Совета предупредил администрацию копей, что если военнопленные не получат причитающейся им за апрель повышенной заработной платы, то они начнут забастовку, и остальные рабочие, согласно решению конференции в Анжерке, поддержат их, а вся ответственность за забастовку как явно спровоцированную падет на владельца и администрацию [29]. Такие же решения приняли рабочие организации Забайкалья и окружной съезд Советов Урала, состоявшийся в Перми [30].

Свидетельством ясного понимания передовыми пролетариями России своего интернационального долга являются специальные резолюции «О ввозном труде» и «О военнопленных», принятые 1 (14) июля 1917 г. съездом горнорабочих Западной Сибири по докладу одного из руководителей судженских шахтеров, большевика М. М. Рабиновича. Съезд высказался за недопущение дальнейшего ввоза законтрактованных рабочих — китайцев, корейцев, персов, японцев и других, за пересмотр рабочими организациями кабальных контрактов, заключенных с уже находив-

---

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 123—124.
[26] «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 73.
[27] «Знамя революции» (Томск), 23.VI (6.VII), 21.VII (3.VIII) 1917.
[28] «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 81, 83; «Знамя революции» (Томск), 23.VI (6.VII), 23.VII (5.VIII) 1917.
[29] «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 81.
[30] «Знамя революции» (Томск), 20.VIII (2.IX) 1917; «Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии». Улан-Удэ, 1957, стр. 43.

шимися в России отходниками из стран Азии. Съезд потребовал расследования положения ввозимых рабочих и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против них. Съезд постановил распространить на эту категорию трудящихся законы об охране труда, содействовать возвращению на родину тех из них, которые не желают остаться в России, и рекомендовал привлечь рабочих-отходников к участию в рабочих организациях, особенно в профессиональных союзах[31].

В резолюции того же съезда «О военнопленных» указывалось, что съезд не усматривает разницы между трудом военнопленных и русских рабочих и считает «необходимым в настоящее историческое время, в канун мировой пролетарской революции, ярко и резко подчеркнуть освобождение русских рабочих от шовинистических и милитаристских предрассудков и безусловную солидарность и единение их с рабочими всех стран без различия шинелей». Съезд решил не считаться с запрещением принимать военнопленных в профсоюзы и больничные кассы, ибо оно «противоречит международной солидарности рабочего класса». Все вычеты из заработной платы военнопленных, сделанные ранее, было предложено изъять у администрации, и 50% от этих вычетов направить в ЦИК Советов для посылки русским военнопленным в Германию, Австрию и Турцию, 25% передать на нужды местных Советов и 25 — на нужды самих военнопленных с тем, чтобы эти средства расходовались под контролем Советов, а военнопленные были привлечены к несению налоговых тягот наравне с русскими рабочими[32]. Следует отметить, что инициатива использования вычетов из заработной платы военнопленных принадлежала им самим. Местный комитет военнопленных Судженских копей еще 2 (15) июня писал в обращении в Совет рабочих и солдатских депутатов, что, получая равную с русскими заработную плату, он отчисляет часть заработка (от 7 до 15%) с тем, чтобы она распределялась следующим образом: 30% — на семьи местных солдат, 30% — в стачечный фонд местных рабочих, 20% — для русских военнопленных в Германии, Австрии и Венгрии, 10% — Совету рабочих и солдатских депутатов Судженских копей, 10% — на местную библиотеку[33]. Подобные решения принимали и организации военнопленных в других районах страны. Так, собрание группы военнопленных интернационалистов—социал-демократов при Ростово-Нахичеванском комитете РСДРП 25 июня (8 июля) записало в резолюции, что военнопленные сами постановили отчислить 35% из своего заработка, «но только не в пользу капиталистов и казнокрадов,

---

[31] «Знамя революции» (Томск), 15 (28).VIII 1917; «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 99—115.
[32] «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 114.
[33] Там же, стр. 74—75.

а в пользу жертв капиталистов на фабриках и заводах» и передают эти средства в больничные кассы [34].

Вопреки усилиям русской буржуазии и ее правительства, ширившееся сопротивление военнопленных, беженцев и отходников режиму беззастенчивой эксплуатации сливалось со стачечной борьбой российского пролетариата. Еще в марте 1917 г. совместно с русскими рабочими бастовали военнопленные на уральском Каслинском заводе, в апреле — на Рахмановском руднике Краматорского общества [35], на ряде предприятий Кисва [36]. В мае совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов Надеждинского завода выступила с требованием заключения коллективного договора, предусматривавшего одинаковую плату и рабочее время для всех категорий рабочих, местная организация военнопленных. В ответ на отказ администрации началась стачка [37]. В июле 1917 г. бастовали русские железнодорожники и военнопленные, работавшие на станции Верхняя Часовня (близ Симбирска), требуя улучшения жилищных условий, питания, повышения заработной платы. Борьба длилась два дня и закончилась победой бастующих [38]. Совместно с русскими землекопами и дренажниками бастовали 700 военнопленных на Орской железной дороге [39]. Вместе с руководителями забастовки на машиностроительном заводе в Балашове были брошены в тюрьму за поддержку бастующих все военнопленные, работавшие на этом заводе [40].

Совместная борьба российских и иностранных трудящихся, в которую втягивались все более широкие массы военнопленных, беженцев, отходников, ускоряла начавшийся сразу же после Февральской революции процесс политической консолидации авангарда иностранных трудящихся в России.

2. Становление политических организаций иностранных трудящихся

После Февральской революции быстрее всего активизировалась и получила наиболее широкий размах деятельность вышедших из подполья польских и финских социалистических групп и организаций, издавна идейно и организационно тесно связанных с российским рабочим движением.

[34] «Наше знамя» (Ростов-на-Дону), 29.VI (12.VII) 1917.
[35] Н. А. Попов. Революционные выступления военнопленных в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 84.
[36] А. М. Лисецкий. Из истории пролетарского интернационализма. — «Труды Харьковского политехнического института», т. XLII, вып. 1. Харьков, 1961, стр. 77.
[37] «Čecho-slováci ve válce a v revoluci». Kijev—Moskva, 1919, str. 117—119.
[38] Ф. Валхар, Л. Форст. Организация военнопленных в Симбирске. — «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 136—137.
[39] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 404, лл. 5—6.
[40] «Былые походы». М., 1961, стр. 100.

Разбросанные по всей России выходцы из Польши приняли заметное участие в борьбе российского рабочего класса как против царизма, так и против Временного правительства [41].

Сразу же после Февральской революции развернула деятельность сформировавшаяся еще в подполье в ноябре 1916 г. Петроградская группа СДКПиЛ. На первом же легальном собрании группы (март 1917 г.) было принято решение о ее вхождении в большевистскую партию, о создании при районных большевистских организациях польских секций. К числу своих важнейших задач группа отнесла борьбу с буржуазным национализмом и подготовку кадров для революционной деятельности в Польше. Группа подчеркнула, что Советы рабочих и солдатских депутатов являются действительным представительством революционной демократии, и делегировала в Петроградский Совет одного из старейших деятелей польской социал-демократии Мечислава Козловского, а также Яна Здзеховича. Делегат от СДКПиЛ на V (Лондонский) съезд РСДРП Козловский с 1909 г. жил в Петербурге и вел большую работу в местной большевистской организации. Петроградский Совет избрал его в свой Исполнительный комитет.

14 (27) марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял обращение к польскому народу. Извещая о ниспровержении царского режима, который угнетал польский и русский народы, Петроградский Совет, отмечал, что демократия России стоит на платформе признания национально-политического самоопределения народов, провозглашал, «что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении» [42]. Этот акт русской революционной демократии явился выдающимся выражением братских чувств русского народа к польскому.

13 (26) апреля «Правда» поместила резолюцию Петроградской группы СДКПиЛ о вступлении в РСДРП. В резолюции указывалось, что во имя международной солидарности пролетариата и считая РСДРП единственной идейной выразительницей интересов рабочего класса России без различия национальностей, а также считая недопустимым создание на данной территории пролетарских партий по национальному принципу, группа решила вступить в РСДРП. «Принимая во внимание, что громадное большинство рабочих-поляков очутилось в Петрограде временно и лишь благодаря военным обстоятельствам, а также и в целях успешной

---

[41] Последнее попыталось создать представление об изменении политики в отношении Польши, привлекло к сотрудничеству либеральные круги польской буржуазии, поддержало и укрепило позиции польских националистов, способствуя, в частности, формированию ими польских частей в составе русской армии.

[42] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 26.

агитации и пропаганды идей революционной социал-демократии среди широких масс польских рабочих, которым доступен лишь польский язык, и для борьбы с воинствующим польским национализмом, Петроградская группа решила действовать в виде отдельной группы при Петроградском комитете партии»[43]. 3 (16) апреля польские социал-демократы Петрограда участвовали во встрече В. И. Ленина, вернувшегося из эмиграции. В апреле же группа включилась в кампанию по выборам в районные думы, призывая голосовать против соглашателей и открытых представителей буржуазии. «Если хотим совместно с пролетариатом России защититься от голода и безработицы, то мы должны помочь ему получить большинство в думах», — заявляла Петроградская группа СДКПиЛ; она указывала, что следует вести агитацию как среди польских, так и среди русских рабочих в поддержку революционной социал-демократии[44].

Ф. Э. Дзержинский

На заседаниях Петроградской общегородской конференции большевиков, происходившей 14—22 апреля (27 апреля—5 мая) 1917 г., встал вопрос о правомерности существования национальных организаций революционных социал-демократов: польских, финских и др. С разъяснением целесообразности в сложившихся условиях национальных социал-демократических организаций в большевистской партии выступил на конференции М. И. Калинин. «Сейчас все национальности имеют свои организации и посылают в ПК (Петроградский комитет. — *Ред.*) представителей. Сложившиеся таким образом естественные отношения сейчас нет оснований ломать. . .», — заявил он[45].

После Февральской революции организационно оформилась Московская группа СДКПиЛ. На ее первом собрании, происходившем 3 (16) марта, присутствовало около 50 человек (большинство из них до победы революции находилось в тюрьмах)[46]. Собрание избрало исполнительный комитет группы в составе Феликса Дзер-

---

[43] «Правда», 13 (26).IV 1917.
[44] «Trybuna», 3 (16).VI 1917.
[45] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы», стр. 33.
[46] См. «Правда», 11 (24).III 1917.

жинского, члена СДКПиЛ с 1912 г. Станислава Будзыньского, члена СДКПиЛ с 1903 г. Эдварда Прухняка, члена СДКПиЛ с 1904 г. Самуила Лазоверта и члена СДКПиЛ с 1903 г. Бернарда Закса[47]. Члены Московской группы СДКПиЛ приняли резолюцию о том, что российский пролетариат должен обратиться к пролетариату всех воюющих стран с призывом к ниспровержению своих преступных правительств для прекращения вызванной ими кровавой бойни и установления всеобщего братства народов. «На основе братского соглашения всех народов, — указывалось в резолюции, — найдет свое полное разрешение польский вопрос, и польский пролетариат, свободный и объединенный, примет участие в дальнейшей борьбе за осуществление социализма».

В уставе, принятом Московской группой СДКПиЛ, указывалось, что «группа, будучи политически и морально частью СДКПиЛ в крае (Польше. — *Ред.*), является составной частью Российской социал-демократической рабочей партии»[48]. Представитель группы вошел в Московский комитет РСДРП (с совещательным голосом); при МК было открыто Бюро польской социал-демократии. Ф. Дзержинский был избран в Исполком Московского Совета рабочих депутатов[49].

1 (14) апреля «Социал-демократ» опубликовал резолюцию Московской группы СДКПиЛ об отношении к РСДРП и задачах польской социал-демократии. В ней указывалось, что СДКПиЛ считает РСДРП единственной выразительницей интересов всех находящихся в России рабочих без различия национальностей и их идейной и организационной руководительницей. В резолюции подчеркивалось наличие у членов СДКПиЛ как представителей польского рабочего класса особых национальных задач. «Вступая в ряды РСДРП, в ее заводские, районные и другие организации в качестве ее рядовых отдельных членов, мы, — говорилось в резолюции, — вместе с тем, имея в виду связь политическую и моральную с нашей партией СДКПиЛ в Польше, наше в большинстве случаев временное пребывание в Москве и в России вообще, а также в целях более планомерной и успешной агитации среди широких масс польских рабочих, более тесного сплочения и использования их в целях революции, а также для успешной борьбы с польским воинствующим и реакционным национализмом, мы образуем отдельную группу рабочих (группу СДКПиЛ) в Москве, которая является составной частью РСДРП».

Еще 15 (28) марта Бюро ЦК РСДРП постановило «обратиться к С. Д. Польши и Литвы с просьбой прислать своего представителя в Бюро ЦК»[50]. Представителем польских социал-демократов

[47] «Trybuna», 10 (23).VI 1917.
[48] Archiwum Zakładu Historii Partii przy KC PZRP (далее — AZHP), I AA 1/2, p. 17.
[49] См. «Социал-демократ», 16 (29).IV 1917.
[50] «Протоколы Бюро ЦК РСДРП(б)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 149.

в ЦК большевистской партии стал выдающийся деятель польского рабочего движения, один из основателей социал-демократии Королевства Польского, многолетний узник царизма Бронислав Весоловский. С весны 1917 г. вплоть до Октябрьской революции он работал вместе с Е. Д. Стасовой в секретариате ЦК партии большевиков.

Бр. Весоловский

Единство СДКПиЛ с партией большевиков проявилось в поддержке польскими социал-демократами ленинской линии на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Она завершила выработку и принятие партией новой ориентировки в условиях борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, намеченной в тезисах В. И. Ленина. Делегатами конференции от СДКПиЛ были Ст. Будзыньский (Московская группа), Ю. Лещиньский (Ленский) и член СДКПиЛ с 1900 г. Ю. Уншлихт (Петроградская группа). Кроме того, одним из делегатов Московской городской организации РСДРП(б) был выдающийся деятель СДКПиЛ Ф. Дзержинский [51].

По коренным вопросам русской революции и международного рабочего движения польские социал-демократы поддержали курс большевистской партии, направленный на подготовку нового, социалистического этапа революции. Вместе с тем при обсуждении конференцией национального вопроса у польских социал-демократов обнаружилась живучесть люксембургианского отношения к программному положению РСДРП о признании права наций на самоопределение.

Петроградская группа СДКПиЛ развернула организационную и пропагандистскую работу также среди польских рабочих Кронштадта, Гатчины, Шлиссельбурга, Сестрорецка. Налаживалась корреспондентская связь между Петроградской группой СДКПиЛ и польскими социал-демократами разных городов России. 31 марта (13 апреля) была образована польская секция (группа) при Красноярском комитете РСДРП. Ее руководителями были бывший член ППС Францишек Врублевский и член СДКПиЛ с 1903 г.

---

[51] См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы», стр. 327, 328, 330.

Я. Красовска-Пекаж. Вместе с приехавшим из Красноярска организатором II съезда СДКПиЛ и делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП В. Матушевским они играли значительную роль в деятельности большевистских организаций Западной Сибири. В начале апреля 1917 г. образовалась группа рабочих — поляков и литовцев Тулы, вскоре организационно оформившаяся как группа СДКПиЛ. Летом группы СДКПиЛ были созданы при большевистских организациях Пскова, Нижнего Тагила, Омска, Челябинска, Николаева, Саратова, Ростова-на-Дону, Курска, Екатеринослава, Чугуева, Краматорска. В Киеве одним из руководителей группы был член СДКПиЛ с 1900 г. Ипполит Фиалек — видный деятель местной большевистской организации.

27 мая (9 июня) в Петрограде вышел первый номер газеты «Трыбуна» — органа группы СДКПиЛ в России. Дух интернационализма, характерный для СДКПиЛ, отражал лозунг, под которым выходила «Трыбуна», — «Да здравствует революционный Интернационал!» 10 (23) июня «Трыбуна» сообщила о создании Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России. В него вошли: Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Ст. Будзиньский, Э. Прухняк, Я. Фенигштейн (Долецкий) (члены комитета) и Стефания Пшедецкая, С. Лазоверт, Бр. Весоловский, М. Броньский (кандидаты в члены комитета). В задачи комитета входило быть организационным центром всех групп СДКПиЛ в России и поддерживать контакт с организациями, представлять вовне все группы, в том числе в отношениях с ЦК РСДРП, проводить издательскую работу и руководить партийным органом «Трыбуна», подготовить созыв в ближайшее время конференции всех групп СДКПиЛ в России [52].

Вскоре после Февральской революции стали создаваться секции ППС-левицы: в марте — в Петрограде, в мае — в Москве и в Киеве, а также в Сормове, Нижнем Тагиле, Елизаветграде, Харькове, Бердянске, Минске, Нижнем Новгороде, Перми и т. д. 7 (20) мая на основе соглашения петроградской и московской секций ППС-левицы было создано центральное руководство ППС-левицы в России, в которое вошли: Даниель Будняк, Стефан Круликовский, Францишек Пенташевский, Людвик Пинкус и Юзеф Чонглиньский. Вскоре в центральное руководство ППС-левицы (ЦИК ППС-левицы в России) вошли возвратившиеся в мае 1917 г. из эмиграции старейший деятель польского рабочего движения Ф. Кон и П. Левинсон (С. Лапиньский).

На практике ППС-левица занимала позицию, сходную с позицией меньшевиков-интернационалистов. В блоке с ними она выступала на муниципальных выборах. Обосновывая этот курс, лидеры ППС-левицы в России ссылались на то, что они решительно осуждают и оборонческую позицию меньшевиков, и «авантю-

---

[52] «Trybuna», 10 (23).VI 1917.

ризм», «анархобланкизм» большевиков. Однако, вопреки позиции руководства, отдельные секции и группы ППС-левицы все чаще поддерживали большевиков. По ряду острых вопросов момента ППС-левица в целом занимала позицию, близкую к позиции СДКПиЛ. В сотрудничестве с СДКПиЛ ППС-левица энергично выступала против намерения национал-демократов и их политических союзников создать польскую армию в России путем сведения всех поляков—военнослужащих русской армии в особое Войско Польское. Группы СДКПиЛ и секции ППС-левицы занимали более или менее близкие позиции и в отношении национал-реформистской ППС-«фракции».

Бурное втягивание в политическую жизнь широких, но политически неискушенных рабочих масс, так же как и иллюзии, что после низвержения царизма ранее существовавшие политические деления утратят свое значение, позволили правым социалистам из ППС-«фракции» в ряде городов образовать единые, объединенные организации Польского социалистического объединения, охватывавшие представителей всех называвших себя социалистическими течений. В Польское социалистическое объединение вступали и члены ППС-левицы, и отдельные члены СДКПиЛ, а также некоторые христианские демократы и члены антисоциалистического Национального рабочего союза. Инициаторы создания объединения имели в виду воспрепятствовать политической дифференциации польских трудящихся-беженцев, удержать их от участия в общероссийском революционном движении. Сильнейшая организация Польского социалистического объединения сложилась в марте 1917 г. в Харькове. Она имела тесные связи с группами этого объединения в Ровно, Чугуеве, Константинове, Александровске, Таганроге, Екатеринославе, Славянске, Саратове, Воронеже, Одессе. Программные требования организации были почти такими же, как требования прогрессивных буржуазных организаций и реформистских профсоюзов: 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, всеобщее, тайное, равное, прямое избирательное право и т. п. Относительно аграрного вопроса неопределенно говорилось об «урегулировании аграрных отношений с учетом интересов деревенского пролетариата и безземельных» [53].

Организации Польского социалистического объединения в Харькове, Гомеле, Александровске, Славянске, Воронеже блокировались с эсерами, Бундом, меньшевиками. Но ни между отдельными организациями объединения, ни внутри их не было и не могло быть единства взглядов. Под влиянием СДКПиЛ некоторые организации объединения (в частности, в Чугуеве и Екатеринославе) оказывали поддержку большевикам. На интернационалистских позициях стояла крупнейшая организация объединения в Минске (около 800 членов). Руководители этой организации — С. Гельт-

---

[53] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 684, лл. 20—21.

ман, С. Берсон и другие — играли заметную роль в революционной борьбе трудящихся Минска и всей Белоруссии.

В Харькове, Одессе и других городах происходили острые столкновения между националистическими и интернационалистическими элементами организаций объединения. Там, где лидерам ППС-«фракции» не удалось образовать объединенные организации, они создавали свои секции. К июню 1917 г. в России действовало 18 секций ППС-«фракции», насчитывавших до 4 тыс. членов.

На платформе образования буржуазно-демократического Польского государства ППС-«фракция» (особенно ее пилсудчиковское крыло) сотрудничала с либеральными кругами и людовцами, эндеками, иностранными военными миссиями, украинскими националистами, эсерами и даже самыми правыми кругами российской контрреволюции.

К лету 1917 г. польские социалистические организации в России организационно оформились. На левом крыле польского социалистического движения в России находились наиболее последовательные революционные элементы, которые объединились в группы СДКПиЛ, действовавшие как составная часть большевистской партии, хотя еще и не полностью перешедшие на идейные позиции ленинизма.

Вместе с большевиками выступали и передовые рабочие, выходцы из Финляндии, сосредоточенные главным образом в Петрограде и Петроградской губернии. К весне 1917 г. лишь в одном Петрограде проживало до 28 тыс. финнов [54]. В петроградской большевистской организации весной 1917 г. был образован финский национальный район, объединявший к июлю 613 членов партии [55]. Петроградские большевики хорошо знали финских революционеров-большевиков А. В. Шотмана, Г. Э. Ялаву, братьев Александра и Адольфа Вастен, братьев Ивана (Юкка) и Эйно Рахья.

Сын финского рабочего — А. В. Шотман был одним из революционеров-профессионалов, воспитанных В. И. Лениным. Он начал революционную деятельность еще в конце прошлого века в подпольном социал-демократическом кружке на заводе Лесснера в Петербурге [56]. Шотман являлся одним из руководителей героической Обуховской обороны в мае 1901 г., делегатом II съезда РСДРП от петербургской партийной организации. Уже тогда он был убежденным искровцем. В годы первой русской революции Шотман был членом Петербургского комитета РСДРП и депутатом Петербургского Совета рабочих депутатов. В сентябре 1913 г.

---

[54] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы», стр. 32.

[55] «Большевики Петрограда в 1917 г. Хроника событий». Л., 1957, стр. 310. По данным, приведенным на Апрельской конференции РСДРП(б) представителем Петроградского комитета, финская социал-демократическая организация являлась одной из самых крупных. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы», стр. 204.

[56] См. Т. Бондаревская. А. В. Шотман, М., 1963, стр. 6.

А. В. Шотман вместе с А. Е. Бадаевым и И. Ф. Арманд представлял на Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками петербургскую организацию большевиков. Совещание избрало А. В. Шотмана членом ЦК РСДРП(б) и одновременно членом Русского бюро ЦК. Наряду с большой общепартийной работой Шотман вел постоянно политико-просветительную и организаторскую работу среди финских рабочих.

И. А. Рахья являлся членом Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б). На заседании комитета 8 (21) апреля 1917 г. он выступал в поддержку Апрельских тезисов Ленина, осудив колебания некоторых его членов [57].

Особенно тесные связи между финскими и русскими революционерами существовали на Выборгской стороне, одном из главных промышленных районов Петрограда, где финские рабочие были наиболее многочисленны и активны. 28 февраля (13 марта) 1917 г. финский рабочий А. Хямяляйнен был избран в Выборгский районный Совет по списку большевиков от трудящихся завода «Русский Рено» [58]. В июне 1917 г. рабочий-финн В. Кукконен был избран членом Выборгской районной думы от партии большевиков [59]. С марта 1917 г. финн Н. И. Кокко являлся членом Выборгского районного комитета РСДРП(б), первым председателем легального партийного коллектива большевиков на заводе «Айваз» [60]. Активное участие принимали финны и в революционном молодежном движении [61].

Еще в ходе Февральской революции 27 февраля (12 марта) 1917 г. была создана первая вооруженная организация финских рабочих Петрограда — финская рабочая милиция [62]. Мысль о необходимости создания отряда милиции из финских рабочих возникла на заводе Парвиайнена. Первоначально в отряд добровольно записалось около 100 человек [63]. Политическими руководителями отряда были братья Рахья, командиром — А. Дувва. Финский отряд милиции организовал круглосуточную охрану Финляндского вокзала и Литейного моста, проверяя все виды транспорта, проходившие в этом районе, вел борьбу со спекулянтами, наводнявшими вокзал, охранял редакцию «Правды», по-

[57] См. «Очерки истории Ленинградской партийной организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг. Л., 1962, стр. 476.

[58] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 148, оп. 1, д. 40, л. 1.

[59] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 5, л. 10.

[60] «Выборгская сторона. Из истории борьбы рабочего класса за победу Великой Октябрьской социалистической революции». Сб. статей и воспоминаний. Л., 1957, стр. 72—73.

[61] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 8, лл. 2, 3.

[62] ГАОРСС ЛО, ф. 5301, оп. 1, д. 919, л. 2.

[63] «Kansalsissodan rintamilta Suonalaisten Vllankumouksellisten muistelmia taisteluista Neuvostovallan puolesta. Toimittaneet T. Antikainen, K. Pietarinen, T. Törmälä». Leningrad, 1930.

давил бунт бывших царских офицеров и генералов, находившихся под арестом в тюрьме «Кресты». Отряд принял активное участие в организации встречи В. И. Ленина на Финляндском вокзале 3 (16) апреля 1917 г. и в обеспечении его безопасности[64]. В июне 1917 г. отряд был распущен, а оружие сдано во дворец Кшесинской, где находились Центральный и Петербургский комитеты большевиков[65].

После свержения самодержавия в революционное движение втягиваются и другие национальные группы из числа беженцев, эмигрантов и отходников — румыны, болгары, иранцы. В их среде также начинают консолидироваться революционные социалистические элементы и организации.

Если выходцы с польских земель были бóльшими или меньшими группами рассеяны по всей России, а из Финляндии — главным образом на северо-западе, то выходцы из Румынии оказались преимущественно на юго-западе страны. В связи с поражением румынской армии в конце 1916 г. на юг России в начале 1917 г. были эвакуированы многие румынские предприятия и правительственные учреждения: в Одессу — судоверфь из Галаца, авиационная школа, военные склады, госпитали, в Кременчуг — арсенал, в Раздельную и Тирасполь — военные склады, в Херсон — склады и госпитали. В Одессе и Николаеве находился румынский торговый и военный флоты[66].

В связи с хозяйственной разрухой в Румынии и военными неудачами весной и летом 1917 г. большая волна румынских дезертиров хлынула в Россию[67]. Большинство дезертиров скрывалось в Херсонской и Бессарабской губерниях. Всего к концу 1917 г. на юге России оказалось не менее 150 тыс. румынских рабочих, крестьян, солдат и моряков.

На румынских трудящихся оказывали мощное воздействие революционные процессы, происходившие в русской армии на Румынском фронте. Русский посол генерал Мосолов отмечал, что в феврале—марте 1917 г. он присутствовал на митингах русских солдат, где участвовало «большое количество румын» и где происходило братание русских и румынских солдат[68].

18 апреля (1 мая) 1917 г. в Яссах, Галаце, Романе, Бырладе и Текуче состоялись демонстрации русских солдат с участием румын. В Яссах и Галаце русские революционные солдаты освободили из тюрем политических заключенных-румын[69].

---

[64] «Kansalsissodan rintamilta Suonalaisten Vllankumouksellisten muistelmia taisteluista Neuvostovallan puolesta. Toimittaneet T. Antikainen, K. Pietarinen, T. Törmälä», str. 39.

[65] Там же, стр. 41.

[66] М. Роллер. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917— начале 1918 года. — «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 98.

[67] «Studii şi materiale de storie contemporana». Bucureşti, 1956, № 11, p. 34.

[68] Там же, стр. 20.

[69] ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 152, л. 52.

М. Бужор

Летом 1917 г. на юге России организационно оформляется левая, революционная группировка румынской социал-демократии, порвавшая с оппортунистическим крылом партии.

В июне 1917 г. находившаяся в Одессе группа румынских левых социалистов и прибывшие из Ясс представители румынских революционных групп создали Румынский социал-демократический комитет действия, положивший начало новому этапу в развитии румынского социалистического движения.

Находясь на юго-западе России, в непосредственной близости от границ своей страны, румынские левые социал-демократы поддерживали тесную связь с революционным движением на родине. Отбывающие на Румынский фронт революционно настроенные русские солдаты выполняли поручения румынских левых социал-демократов: устанавливали связи с подпольщиками, оставшимися в Молдове, доставляли им издаваемую в Одессе и Кишиневе революционную румынскую литературу, распространяли ее среди местного населения и румынских солдат [70]. Русские солдаты помогали румынским революционерам совершать нелегальные поездки из России в Румынию и обратно, обеспечивая их безопасность.

Румынский социал-демократический комитет действия возглавили эмигрировавшие в Россию видные деятели румынского рабочего движения — Михай Бужор, являвшийся в 1906—1916 гг. редактором бухарестской социалистической газеты «Романья мунчитоаре» («Румынский рабочий»), и Александру Николау — член Румынской социал-демократической партии с 1907 г., (с июня 1917 г. он состоял в РСДРП(б)) [71]. Большую помощь румынским революционерам и Румынскому социал-демократическому комитету действия оказала большевистская организация Одессы, в частности ее секретарь П. С. Заславский [72].

Комитет действия ставил своей целью низвержение румынской олигархии и установление в стране республиканского строя. «Граждане, рабочие и солдаты, — говорилось в манифесте коми-

---

[70] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 151, лл. 2—3.
[71] ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, д. 1292.
[72] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 151, лл. 2—3.

тета, выпущенном в июне 1917 г., — социал-демократическая партия движется вперед для свержения румынского царизма. Пришло время, чтобы румынский народ стряхнул с себя олигархию и монархизм... Будьте творцами новой Румынии, свободной, мирной, справедливой и счастливой. Смело соединяйтесь, румыны, под знаменем революции спасения. Долой олигархию! Да здравствует республика!»[73].

Один из видных деятелей румынской социал-демократии Х. Раковский выступил на I Всероссийском съезде Советов с речью о связях русского и румынского рабочего движения[74].

Неоднократно Одесский Совет рабочих депутатов выслушивал представителей румынских трудящихся и выносил решения об оказании помощи румынским беженцам и упрочении русско-румынского революционного сотрудничества[75].

Одесса же была одним из центров интернационалистского движения болгарских трудящихся.

Вдоль Черноморского побережья Украины и Крыма, а также на Херсонщине и в Екатеринославской губернии проживали болгары-колонисты, издавна осевшие на этих землях; там же селилось и немало болгар-отходников и эмигрантов. Молодежь из Болгарии стремилась в учебные заведения Одессы, Москвы и Петрограда. Среди выходцев из Болгарии были члены партии тесняков.

После Февральской революции стало наблюдаться оживление политической деятельности болгар-рабочих, служащих и студентов. В частности, болгарин Михаил Антонов, по окончании учебы учительствовавший в Петрограде, написал и издал в мае 1917 г. (с помощью своего соотечественника С. Чукалова) брошюру под названием «Ленин и Плеханов»[76]. М. Антонов сопоставлял взгляды и тактику В. И. Ленина и большевиков с программой и тактикой Г. В. Плеханова по вопросам войны, мира и революции. При этом автор много цитировал как В. И. Ленина (в брошюре, в частности, почти целиком приведены Апрельские тезисы В. И. Ленина), так и Г. В. Плеханова. Хотя Антонов не поднялся до понимания ленинской концепции империализма, задач пролетариата в революции и существа разногласий между большевиками и меньшевиками, однако он подчеркнул непримиримость

---

[73] ЦГВИА, ф. 2015с, оп. 1, д. 57, л. 378.

[74] «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. II. М.—Л., 1931, стр. 319—321.

[75] Государственный архив Одесской области (далее — ГАОд.О), ф. 3829, оп. 1, д. 94, л. 28; д. 90а, л. 19 и др.

[76] Брошюра эта вышла в серии «Политическая библиотека для всех». Под № 1 в этой серии была издана брошюра «Сборник программ политических партий», подготовленная С. Чукаловым, — сокращенное изложение нелегального издания политических программ 1905 г. (см. С. Чукалов. Михаил Антонов. Спомени. — «Пиринско дело», 7.V 1961. стр. 3).

идейной борьбы большевиков с меньшевиками; отметив интернационализм В. И. Ленина и большевиков, он отнес к лагерю В. И. Ленина и его сторонников: К. Либкнехта, Р. Люксембург, Д. Благоева, Дж. Маклина и других деятелей левого крыла международного рабочего движения[77].

Брошюра Антонова привлекла внимание читателей и быстро разошлась[78]. Интерес к ней возрос особенно в связи с тем, что Г. В. Плеханов ответил М. Антонову в газете «Единство» тремя большими полемическими статьями «О нашем оппортунизме»[79]. Вслед за этим М. Антонов при содействии С. Чукалова издал (под псевдонимом М. Пирин) в той же серии брошюру «Евангелие социал-демократа». В ней он сжато изложил идеи утопического и современного социализма и теорию прибавочной стоимости К. Маркса[80].

В 1917 г. число болгарских подданных, оказавшихся в России, пополнилось солдатами и офицерами болгарской армии, попавшими в плен на Румынском фронте в Добрудже[81]. Часть из них находилась на работах в Виннице, Одессе и других городах; другие были рассредоточены мелкими группами в различных лагерях для военнопленных, главным образом в Европейской части России[82].

На крайнем юге страны — в Баку и вокруг города — в тесном сотрудничестве с большевиками выступали передовые рабочие-отходники из Ирана. В мае 1917 г. в Баку оформилась революционно-демократическая организация «Адалят» («Справедливость»). Вскоре ее деятельность распространилась на Среднюю Азию, Астрахань, а также на промышленные центры Ирана. Большевистское ядро организации, возглавляемое Асадуллой Кафар-заде, Бахрамом Агаевым и другими, находилось в тесной связи с Бакинским комитетом РСДРП(б). С 10 (23) июня 1917 г. «Адалят» начала издавать на азербайджанском и фарсидском языках газету «Байраги адалят» («Знамя справедливости»)[83].

В массовое революционное движение российских трудящихся, как указывалось выше, активно включались не только передовые

---

[77] См. М. Антонов. Ленин и Плеханов. Очерк полемики. Пг., 1917.
[78] См. С. Чукалов. Указ. соч., стр. 3.
[79] «Единство», 13 (26), 15 (28) и 17 (30).VI 1917.
[80] См. «Евангелие социал-демократа». Пг., 1917.
[81] По данным Генерального штаба болгарской армии, в плену в России в конце 1917 г. было 1473 солдата и офицера болгарской армии (по другим данным — 1350). См. Централен Държавен исторически архив (далее — ЦДИА) (София), ф. 176, оп. 2, д. 420, лл. 98—99.
[82] См. Централен партиен архив (далее — ЦПА) (София), ф. «Спомени», д. 355, л. 1; «1917-та година». София, 1957, стр. 30.
[83] Е. Токаржевский. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, стр. 17; «Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1963, стр. 219—220.

представители беженцев, отходников, эмигрантов, но и все более широкие круги военнопленных Центральных держав.

Вопреки запретам после революции в лагерях активизировались ранее существовавшие и возникали новые национальные и интернациональные социалистические кружки и группы военнопленных. Так оформились революционные ячейки в одном из крупнейших лагерей центральной России — тоцком (Самарская губерния) под руководством Й. Габора; в луганском лагере складывались кружки и группы под руководством Ф. Вагера; в офицерских и солдатских лагерях Омска — К. Лигети, Томска — Ф. Мюнниха, Б. Куна, И. Силади, Красноярска — А. Дукеса, Д. Форагача, Иркутска — Ф. Омасты и Швабенгаузена. В лагере Песчанка (близ Читы) активизировался социал-демократический кружок, сложившийся еще до революции вокруг электрика с Будапештского судостроительного завода Штейнгардта и лейтенанта австро-венгерской армии А. Мюллера, а в самаркандском лагере — вокруг бывшего рабочего-столяра социал-демократа Й. Секея. Революционные группы и кружки возникли также в лагерях военнопленных в Пензе, Симбирске, Казани, Саранске, Кургане, Балашове, Курске, Оренбурге, Тайшете и на острове Наргин, под Баку [84].

Более многочисленные и активные, преимущественно интернациональные, революционные объединения создавались на заводах, шахтах, рудниках и строительных работах, где военнопленные были тесно связаны с российским пролетариатом и его профессиональными, партийными и советскими организациями. Еще до революции среди германских и австро-венгерских военнопленных, работавших на шахтах Донецкого бассейна, существовали социал-демократические организации. После революции они объединились и влились в местную организацию РСДРП. Как докладывал на VII конференции РСДРП(б) делегат Донбасса, эта организация насчитывала в апреле уже около 100 членов. В местном Совете рабочих депутатов были представлены и военнопленные [85].

В мае 1917 г. под руководством немецкого социал-демократа Г. Мельхера была создана интернациональная группа военно-

---

[84] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 47, л. 1; д. 117, л. 7; д. 118, л. 123; д. 35, лл. 9—10; д. 91, л. 23; оп. 3, д. 404, лл. 3—7; Партийный архив Томского обкома КПСС (далее — ПАТО), ф. 4204, оп. 4, д. 45, лл. 3—4; «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 28—29, 220, 295, 307; «Ноябрьская революция». М., 1960, стр. 331, 460—461, 485—486; И. С. Сологубов. Иностранные коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961, стр. 25; «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 137; «Дружба народов», 1957, № 10, стр. 120.

[85] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы», стр. 160.

пленных при Ростово-Нахичеванском комитете РСДРП(б), насчитывала она, по некоторым сведениям, свыше 400 членов[86].

К концу осени 1917 г. свыше 100 военнопленных являлись членами большевистской организации Судженских копей и около 200 входило в объединенную социал-демократическую организацию на Анжерских копях[87].

Комитет военнопленных, работавших на предприятиях Иркутска, представлял к концу 1917 г. более 300 организованных членов и работал в полном контакте с местной большевистской организацией[88]. С местными Советами и партийными организациями сотрудничали нелегальные или полулегальные интернациональные комитеты и революционные группы военнопленных, работавших на предприятиях Москвы, Петрограда, Харькова, Киева, Екатеринослава, Одессы, Томска, Луганска, Новой Часовни.

В связи с внешнеполитическими планами Временного правительства и его западных союзников некоторые категории военнопленных (прежде всего славянского происхождения) получили легальные возможности создания политических организаций[89]. Наиболее крупной из возникших после Февральской революции рабочих организаций, действовавших среди военнопленных, была чехословацкая социал-демократическая организация, консолидировавшаяся первоначально в рамках киевского Общества чешско-славянского единения (оно было создано в июле 1916 г. представителями правого, монархистского крыла чешского национального движения в противовес буржуазно-либеральным элементам, овладевшим Союзом чехословацких обществ в России). Руководители общества добились права брать «на поруки» военнопленных, определять их на работу, а позже и давать справки, разрешающие свободное передвижение по Киеву.

К середине мая 1917 г. Общество чешско-славянского единения насчитывало около 1 тыс. членов, а к середине июня уже 3786, среди которых преобладали бывшие члены Чехославянской социал-демократической рабочей партии (автономисты)[90]. После революции организатор общества Ф. Дедина и его единомышленники были изгнаны, а созданная, очевидно, уже в конце марта —

---

[86] «Борьба за власть Советов на Дону». Ростов-на-Дону, 1957, док. № 31, стр. 68; док. № 51, стр. 82, 85—86; «Наше знамя» (Ростов-на-Дону), 11 (24).V 1917.

[87] «Сибирский рабочий» (Томск), № 1, декабрь 1917, стр. 26.

[88] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 117, лл. 7, 11.

[89] К середине 1917 г. распоряжением Военного министерства военнопленным — чехам, словакам и полякам — было разрешено получать работу по специальности, иметь выборных представителей, переписываться, получать литературу на родных языках, создавать кассы взаимопомощи, библиотеки и национальные организации (ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 272). В дальнейшем эти льготы были распространены на военнопленных румын, итальянцев, эльзасцев, сербов и других югославян (ЦГВИА, ф. 1558, оп. 9, д. 44, л. 76).

[90] Archiv Vojenského Historického Ústava (далее — AVHÚ), J (8) 1, č. 25.

начале апреля чехословацкая социал-демократическая организация взяла в свои руки руководство всей деятельностью общества. По имеющимся сведениям, за июнь в члены этой организации вступил 231 человек, за июль — 258, а к началу августа в ее рядах насчитывалось 700—800 членов [91].

Общество в контакте с Киевским Советом рабочих депутатов и профессиональными союзами активно включилось в борьбу за улучшение условий труда военнопленных. В результате к концу лета было достигнуто не только уравнение оплаты и условий труда военнопленных и местных рабочих, но и общее повышение заработной платы на ряде предприятий города.

Чехословацкие социал-демократы заявили, что они горят желанием принять участие в «деятельности по утверждению в Европе начал демократизма». Они просили оказать им помощь в создании организации и пропаганде социалистических взглядов среди военнопленных. «Мы добиваемся создания свободной чешской республики, — писали они, — по этому пути мы не пойдем вместе с нашими буржуазными партиями», ибо лишь в тесном единстве с российским революционным движением «мы можем дать чешскому освободительному движению направление, отвечающее нуждам трудящихся масс народа» [92]. Социал-демократы заявляли, что признают Чехословацкий национальный совет в Париже правомочным выступать от имени всей нации в вопросах дипломатических и политических, но оставляли за собой право в рамках общенациональной организации утверждать свое влияние с тем, чтобы ее деятельность велась в интересах трудящихся. Они высказывались за «создание чешской революционной армии» на основе добровольного вступления в ее ряды, считали необходимым использовать чешских рабочих на предприятиях, работающих «для обороны». В день первомайского праздника чехословацкие социал-демократы Киева открыто высказались в поддержку лозунга о мире без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения всех народов, за создание самостоятельной чешской республики [93].

Однако большинство чехословацких социал-демократов еще находилось в плену ложных иллюзий, что только под руководством Чехословацкого национального совета чешский и словацкий народы добьются национального и социального освобождения. Они были убеждены, что социал-демократия призвана лишь придать освободительному движению, уже принявшему «революционную форму», «правильное социалистическое течение» [94].

[91] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, лл. 50, 58, 61.
[92] «Знамя труда» (Киев), 30.III (12.IV) 1917.
[93] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 19.V (1.VI) 1917.
[94] «Письмо Центрального Комитета Чешско-славянской социал-демократической рабочей партии при Российской социал-демократической рабочей партии к русской демократии». Киев, 1917.

Анализируя первые шаги чехословацких социал-демократов в Киеве, нужно помнить, что большинство их вышло из рядов зараженной оппортунизмом Чехославянской социал-демократической рабочей партии. Кроме того, они долгое время были оторваны от рабочего движения на родине и удалены от центральных районов пролетарского движения в России. Особенно важно учесть сложность политической обстановки на Украине, где после Февральской революции наряду с общероссийскими действовали многочисленные украинские и другие националистические буржуазные и мелкобуржуазные партии. В истинном лице этих партий военнопленным зачастую было еще труднее разобраться, чем местным трудящимся. В большевистских организациях Украины по важнейшим вопросам войны и революции шла серьезная идейная борьба. Все это и предопределило медленность процесса перехода чехословацких социал-демократов от первоначального инстинктивного недоверия буржуазному руководству к последовательной классовой политике.

Создание революционных организаций, действовавших среди военнопленных-югославян, ввиду того, что оно тесно связано с историей сербского корпуса, будет рассмотрено ниже.

3. Национальные воинские формирования после Февральской революции

Как известно, русская армия являлась одним из самых мощных очагов революционного движения. Бурный процесс демократизации, начавшийся в ней сразу же после февральских дней, захватил и воинские формирования, созданные в России из эмигрантов, беженцев и военнопленных-славян. Вопреки сопротивлению русского и собственного реакционного офицерства, в марте—мае 1917 г. в югославянских, польских и чехословацких частях и соединениях возникли выборные комитеты. Они более или менее активно вмешивались в политические, военные, дисциплинарные и хозяйственные дела, выступали от имени добровольцев перед русской общественностью. Однако большинство этих комитетов не приобрело того значения и характера, который они имели в русской армии. Под прикрытием лозунгов об «особых» национальных задачах и невмешательстве в политическую борьбу в России командованию удалось в известной мере ограничить деятельность большинства комитетов хозяйственной и культурно-просветительной сферами.

Удержав, хотя и с трудом, в своих руках руководство национальными формированиями и считая привлечение как можно большего числа беженцев, эмигрантов и военнопленных в их ряды наиболее действенным средством изоляции своих соотечественников от российского революционного окружения, польские, чехо-

словацкие, югославянские, румынские буржуазно-националистические организации стремились добиться согласия русских правительственных и военных кругов на расширение национальных формирований. Нужно учесть, что Временное правительство первоначально настороженно отнеслось к ходатайствам о расширении национальных частей. В обстановке усиливающихся центробежных стремлений буржуазии угнетенных национальностей самой России оно опасалось осложнить внутриполитическую обстановку, создать нежелательный прецедент. Русские промышленники в свою очередь противились массовому снятию с производства квалифицированных рабочих—эмигрантов и военнопленных. Недовольны были помещики и кулаки, лишавшиеся почти даровой рабочей силы военнопленных.

Однако к лету 1917 г., когда резко сократилось промышленное и сельскохозяйственное производство, возросла безработица, усилилось революционное движение в тылу и на фронте, а русская армия отказывалась воевать, идея создания крупных национальных воинских формирований из беженцев, эмигрантов и военнопленных-славян стала находить все больше сторонников как в правительстве, так и среди генералитета. Представителям последнего, по свидетельству генерала А. И. Деникина, казалось, что такие национальные части сумеют избежать «увлечений демократизации и станут здоровым ядром для укрепления фронта и создания новой армии» [95]. Временное же правительство имело в виду и внешнеполитические великодержавные устремления российской буржуазии. В частности, считаясь с возможностью возникновения независимой Польши, оно, по словам А. И. Гучкова, стремилось к созданию в новом государстве «необходимой точки опоры для нашего будущего влияния», считая, что лучше всего для этого «послужила бы проникнутая русским влиянием и русской школой польская армия, ядром которой ныне явились бы части, сформированные из польских элементов...» [96] Подобного рода внешнеполитические цели никогда не упускала из виду русская буржуазия и по отношению к чехословацким и югославянским воинским формированиям.

Следует подчеркнуть, что дипломатические миссии держав Антанты, преследуя свои политические цели, также поддерживали стремление сколотить в России крупные национальные воинские формирования, в частности за счет привлечения военнопленных-славян.

Летом Генеральный штаб разрешил начать формирование 1-й, а затем и 2-й стрелковых дивизий Отдельного чехословацкого армейского корпуса. К сентябрю обе дивизии с вспомогательными

---

[95] А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I, вып. II. Париж, 1921, стр. 130.

[96] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 60.

и запасными частями и подразделениями насчитывали около 30 тыс. солдат и офицеров, а к концу года — до 38 тыс.

Вербовочной деятельности чехословацких буржуазно-националистических организаций содействовало то, что воссоздание национальной государственности в представлении многих патриотически мыслящих военнопленных связывалось почти исключительно с военным разгромом Центральных держав. Кроме того, следует учесть, что многие демократически настроенные добровольцы наивно считали, что, вступая в армию, они будут служить делу революции на родине, а также помогут защитить русскую революцию от реакционных монархий Центральных держав. Среди добровольцев было немало людей, особенно из мелкобуржуазной среды, напуганных разбушевавшимся морем революции и видевших в национальных частях своеобразную защиту от «русских неурядиц». В национальные части вступали также военнопленные, видевшие в этом единственную реальную возможность избавиться от опостылевшего лагерного режима.

Если учесть, что в корпус удалось привлечь лишь незначительную часть более чем 300-тысячной массы чехословацких эмигрантов и военнопленных (при этом лишь около 3 тыс. словаков), то можно констатировать, что успех вербовочной деятельности Чехословацкого национального совета был весьма ограниченным.

Еще более скромными были результаты вербовочной деятельности польских буржуазно-националистических организаций, стремившихся создать в России особое Войско Польское. В мае 1917 г. русское верховное командование дало согласие на формирование польского корпуса. Наряду с поляками — военнослужащими русской армии в корпус было разрешено вербовать и поляков-военнопленных, бывших солдат и офицеров австро-венгерской армии. Основой 1-го польского корпуса должна была стать 1-я польская дивизия, находившаяся под Киевом. Открыто реакционный курс польского командования, а главным образом атмосфера, царившая в революционизирующейся русской армии, по частям которой были рассредоточены поляки-военнослужащие, а также в лагерях для военнопленных, препятствовали формированию корпуса. К 29 сентября (12 октября) с Западного фронта в корпус прибыло только $^2/_5$ количества солдат, которых фронт должен был выделить. С Юго-Западного фронта вместо 12 тыс. (по разверстке) согласилось перейти в корпус лишь 2652 солдата. Для артиллерийских частей вместо 7800 солдат прибыла 1 тыс. К концу 1917 г. в 1-м корпусе было 1505 офицеров (на 169 больше штата) и 14 896 солдат (на 40 868 меньше штата), причем во 2-й и 3-й дивизиях было лишь по 2 тыс. человек[97]. 2-й польский корпус, формировавшийся в основном из поляков — военнослужащих рус-

[97] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 328, лл. 216, 218; ф. 2067, оп. 1, д. 2990, л. 687; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 161.

ских частей Румынского фронта, насчитывал всего 5 тыс. солдат и офицеров. А 3-й корпус являлся фактически конгломератом небольших вооруженных отрядов, создававшихся на Украине польскими землевладельцами для охраны своих имений. При этом формирование его затруднялось противоречиями, раздиравшими польских и украинских националистов.

Недооценка СДКПиЛ роли крестьянства как союзника пролетариата, люксембургианская, нигилистическая позиция ее в национальном вопросе и, в частности, признание принципиальной недопустимости создания национальных воинских частей, с одной стороны, оппортунистическая непоследовательность, реформистские шатания ППС-левицы — с другой, привели к тому, что польские интернационалистские организации недооценивали революционный потенциал польской солдатской массы. Польские пролетарские организации с опозданием приступили к практической организационно-политической работе среди солдат, подобной той, которую вели в армии большевики. Между тем здесь открывались широкие возможности, свидетельством чего является история находившегося в Белгороде запасного полка 1-го польского корпуса, солдатскую массу которого сумели повести за собой большевики.

В отличие от строевых частей корпуса, испытывавших хронический недостаток рядового состава, в Белгородском полку, ставшем притягательным центром для революционно настроенных поляков-военнослужащих, к октябрю 1917 г. было более 17 тыс. солдат и офицеров. Из всей этой массы лишь немногие, около 500 солдат и офицеров, согласились перейти в строевые части корпуса[98]. Под руководством созданного сразу же после Февральской революции полкового комитета, в тесном контакте с местным Советом рабочих и солдатских депутатов, в который входили и представители Белгородского полка, солдаты-поляки решительно выступали против планов русской и польской контрреволюции, добивавшейся быстрейшего формирования 1-го польского корпуса.

Формирование сербского (позднее югославянского) добровольческого корпуса из военнопленных австро-венгерской армии началось в Одессе еще до революции. К февралю 1917 г. в 1-й дивизии корпуса числилось свыше 14 тыс., а во 2-й (к началу марта) — более 12 тыс. солдат и офицеров. Это было многонациональное воинское соединение, в котором служили сербы, хорваты, словенцы, босняки, отчасти чехи и галицийские украинцы. 2-я дивизия формировалась не на добровольных началах, а по существу принудительно. Великосербский шовинизм высших офицеров-мо-

---

[98] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 97—98, 143; «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957, стр. 136.

нархистов (специально переброшенных в Одессу с острова Корфу) вызвал массовый уход из корпуса недовольных солдат и офицеров — так называемое диссидентское движение. В апреле—мае 1917 г. его покинуло 12 735 солдат и офицеров[99]. К лету 1917 г. большинство солдат и офицеров 2-й дивизии оставило ее ряды, а оставшимися пополнили поредевшую 1-ю дивизию. Покинувшие корпус югославяне оказались в Киеве, Екатеринославе и других городах Украины. Их распределили по лагерям или отправили на работы. Немногие, главным образом офицеры, вступили в русскую армию.

В дарницком лагере (под Киевом), где сосредоточилось значительное число солдат и офицеров—югославян, начал действовать Комитет диссидентов, в который вошли лица, принимавшие ранее активное участие в борьбе за демократизацию корпуса. Председателем комитета был избран Н. Грулович, секретарем — Н. Ковачевич. Комитет преследовал цель создания югославянской добровольческой части в русской армии. Временное правительство и русские военные власти охотно разрешили формирование «ударного» югославянского батальона (вскоре название «ударный» было заменено на «революционный»), стремясь использовать его, как и другие подобные национальные формирования, для «поднятия духа» русской армии, доведения войны «до победного конца». Тогда же, летом 1917 г., в батальоне, насчитывавшем около 700 солдат и офицеров, был создан выборный комитет, наладивший связи с югославянами, находившимися на работах в Киеве и его окрестностях и в других городах Украины.

Вероятно, в начале июня 1917 г. возникла и массовая организация, насчитывавшая, по некоторым сведениям, до 20 тыс. членов — Югославянский революционный союз. Председателем Центрального комитета союза стал социал-демократ М. Чанак, а секретарем — социал-демократ Н. Ковачевич, являвшийся одновременно председателем комитета «ударного» батальона. Нужно констатировать неоднородность социального состава союза, серьезное влияние, оказываемое на его руководство русскими и украинскими мелкобуржуазными партиями, а также югославянскими националистическими и правосоциалистическими кругами. Руководство союза и шедшая за ним солдатская масса стояли на позиции «добросовестного оборончества» и «невмешательства» в политическую борьбу в России. По словам одного из руководителей союза — Н. Ковачевича, это была массовая национал-демократическая организация «со всеми присущими ей мелкобуржуазными шатаниями, колебаниями и предрассудками»[100]. Однако по мере развития российской революции, под влиянием рабочих с предприятий, находившихся под сильным воздействием украинских

---

[99] «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», стр. 280.
[100] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 168, л. 41.

большевиков, Союз все более склонялся к активной поддержке российских революционных организаций.

Временное правительство содействовало формированию и румынских добровольческих частей. Используя естественное стремление румынского народа к объединению, буржуазно-националистические элементы старались утвердить свое влияние среди военнопленных-румын из Трансильвании, Баната и Буковины. Они агитировали военнопленных за вступление в добровольческие части для борьбы за расчленение Австро-Венгрии, за создание «Великой Румынии», «Румынии всех румын», утверждая, что это будет государство, устроенное «на самых широких демократических началах» [101]. Центром формирования румынских частей являлись лагеря в Дарнице, под Киевом. К концу 1917 г. из 120 тыс. военнопленных в румынские части было завербовано немногим более 10 тыс. солдат и офицеров. Таким образом, и среди военнопленных-румын результаты вербовочной деятельности буржуазно-националистических организаций оказались весьма незначительными.

Одной из важнейших причин неудачи вербовки в румынские добровольческие части была революционная пропаганда, ведшаяся в лагерях русскими, румынскими, венгерскими, югославянскими и другими социалистами.

В лагерях Томска распространению революционной литературы среди румын содействовали венгерские социал-демократы, одним из руководителей которых был уроженец Трансильвании Б. Кун. В подмосковном лагере трансильванец А. Пескарну и другие революционно настроенные румыны из Трансильвании организовали группу, называвшуюся Интернационалистическая социал-демократия. Она установила связь с московскими рабочими и получала от них революционную литературу.

Факты свидетельствуют, что в национальные формирования удалось привлечь лишь незначительную часть многомиллионной массы военнопленных, эмигрантов и других временно оказавшихся на территории России иностранцев. Мало того, попытка изолировать их от революционной среды, противопоставить народам России оказалась в тех условиях не только не реальной, но и опасной. Это показали события, развернувшиеся после расстрела июльской демонстрации рабочих и солдат Петрограда.

4. Наступление контрреволюции и новый революционный подъем

Единственный выход из стремительно обострявшегося революционного кризиса в стране российская и международная реакция видела в активизации военных действий. Готовящееся Времен-

[101] ГАОРСС ЛО, ф. 1235, оп. 43, д. 3, л. 36.

ным правительством летнее наступление нашло горячую поддержку чехословацких, польских, югославянских и других буржуазно-националистических организаций в России. Председатель Чехословацкого национального совета Т. Масарик, приехавший в Россию в начале мая, в письме военному министру А. Керенскому подчеркивал, что наступление на фронте — «единственно правильное решение с политической и стратегической точек зрения»[102]. Однако армия не хотела воевать. Антивоенные настроения захватили, в частности, и отдельные подразделения чехословацкой бригады. Так, 2-й батальон 2-го чехословацкого полка отказался выступить на фронт[103]. Отказалась принять участие в июньском наступлении и 1-я польская дивизия, находившаяся на Юго-Западном фронте. Тогда, очистив от «ненадежных элементов», ее сняли с фронта и перебросили в Быхов, расположенный по соседству со Ставкой, где зрел заговор против революции.

М. Козловский

Плохо подготовленное и плохо обеспеченное наступление окончилось провалом. Поражение послужило поводом к выступлению реакционных сил, обвинявших большевиков в разложении армии. Вслед за расстрелом 4 (17) июля демонстрации рабочих и солдат Петрограда, требовавших перехода всей власти к Советам, репрессии обрушились на РСДРП(б), революционные силы в тылу и на фронте. Польские и финские революционеры, как и большевики, подверглись травле и преследованиям. Разгромив редакцию «Правды» и большевистскую типографию «Труд», контрреволюционные элементы напали и на помещение редакции «Трыбуны». 6 (19) июля Временное правительство издало приказ об аресте В. И. Ленина. Одновременно агенты контрразведки арестовали видных деятелей СДКПиЛ М. Козловского, М. Броньского и др. Во дворце Кшесинской был арестован член Петроградского комитета большевиков И. Рахья.

В обстановке развернувшейся в июне—июле 1917 г. антибольшевистской кампании русской контрреволюцией была предпринята попытка использовать группу националистически настроенных добровольцев из сербского корпуса для ареста и расправы

[102] Н. Каржанский (Качанов). Чехо-словаки в России. М., 1918, стр. 75—77.
[103] «Památce Zborova». Praha, 1927, str. 51.

с В. И. Лениным и другими руководителями большевистской партии.

С этой целью в июне группа из 14 завербованных солдат и унтер-офицеров была тайком доставлена в Петроград, а оттуда переправлена в одну из казачьих частей, расквартированных близ Царского Села. Сербам-террористам было положено жалованье в размере 100 рублей в месяц, а в случае успешного выполнения возложенной на них задачи обещано вознаграждение по 15 тыс. рублей каждому. По словам самих участников заговора, о нем знали князь Вяземский, контрразведка Временного правительства, командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев. Знал об этом и сербский посланник Спалайкович, считавший, что успех заговора обеспечил бы Сербии ни много ни мало как «благодарность всего мира». Однако дело получило огласку после того, как представитель лондонского Югославянского комитета в Петрограде доктор А. Мандич, опасаясь неблагоприятных последствий замышлявшегося преступления, попросил у Министерства иностранных дел и у военных властей содействия в розыске и возвращении в корпус группы террористов. Тогда все 14 человек были возвращены в Одессу [104].

Перейдя в наступление на революционные завоевания масс, Временное правительство попыталось восстановить и каторжный режим содержания военнопленных в лагерях и на принудительных работах. 15 (28) июля распоряжением ГУГШ было введено «клеймение» одежды военнопленных (в левый рукав предписывалось вшивать буквы «В. П.», номер или лоскут цветной материи). Лагерному начальству было предложено установить для военнопленных рабочий день не менее чем в десять часов и привлекать их к работам по воскресеньям. В случае открытого неповиновения, побегов и забастовок военнопленных к ним было приказано применять меры «самого сурового режима и строгого наказания» [105]. 30 июля (12 августа) А. Керенский подписал специальную инструкцию, согласно которой в команды, охранявшие военнопленных, рекомендовалось зачислять прежде всего офицеров и унтер-офицеров русской армии, бежавших из плена, надеясь, что они, испытав ужас германского или австро-венгерского плена, из чувства мести не дадут военнопленным никаких поблажек [106]. Второй параграф инструкции предусматривал установление такого порядка, «который исключал бы всякую возможность совершения военнопленными побегов, участие их в каких-либо собраниях и обществах и вообще стремления военнопленных играть какую-либо роль в политической жизни русских граждан» [107].

---

[104] V. Koščak. Prilog za historiju 1917 godine. — «Historijcki zbornik», 1957, № 1—4, str. 132—135.
[105] ГАСв. О, ф. 72, оп. 1, д. 5641, лл. 40, 53.
[106] Там же, д. 5584, л. 140.
[107] ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1063, л. 97.

12 (25) июля Временное правительство ввело смертную казнь на фронте. Одновременно реакционное командование решительно потребовало уничтожения выборных комитетов, запрещения всякой политической деятельности в армии. Во второй половине июля чехословацкое командование решило ликвидировать в частях выборные комитеты. Однако это вызвало такой протест, что уже в начале августа оно было вынуждено вновь разрешить их. Еще более рьяно действовали польские контрреволюционные организации и офицерство. Командование 1-го польского корпуса не только запретило комитеты и другие выборные органы, но и начало практиковать массовые чистки польских частей от «ненадежных» солдат и офицеров. Для того чтобы подчинить себе некоторые польские формирования, командованию пришлось отчислить до $^{4}/_{5}$ их состава. Попытка подчинить революционный Белгородский запасной полк окончилась провалом. По-прежнему руководимый выборным комитетом полк, в котором к этому времени было больше солдат и офицеров, чем во всем 1-м корпусе, отказался подчиняться командованию.

После июльских событий в Петрограде обстановка в стране изменилась. Буржуазия сосредоточила в своих руках всю власть. Двоевластие кончилось. Мирное развитие революции было прервано.

Большевистская партия в соответствии с изменившимися условиями приступила к разработке новой тактики. VI съезд РСДРП(б) принял решение, определившее курс на подготовку вооруженного восстания. Польские и финские революционеры — Ф. Дзержинский, Ст. Бобиньский, Б. Весоловский, Ю. Уншлихт, А. В. Шотман и другие — приняли активное участие в работе VI съезда. Делегат съезда А. В. Шотман по поручению ЦК почти ежедневно ездил в Разлив к В. И. Ленину, помогая ему практически осуществлять руководство работой съезда. В состав нового ЦК, избранного съездом, вошел Ф. Э. Дзержинский.

В тяжелые для революции дни, когда ищейки Керенского выслеживали В. И. Ленина, по поручению ЦК в обеспечении безопасности вождя революции приняли активнейшее участие финны-большевики А. В. Шотман и Э. Рахья, а также чех В. И. Зоф — член большевистской партии с 1913 г., секретарь партийной ячейки Сестрорецкого оружейного завода. 9 (22) августа В. И. Ленин по решению ЦК партии нелегально выехал в Финляндию. Разработка плана переезда и ответственность за его осуществление были возложены на А. В. Шотмана и Э. Рахью. Наряду с Н. А. Емельяновым, непосредственными помощниками Шотмана и Рахьи были питерская работница Л. П. Парвиайнен, семья рабочего завода «Айваз» финна Э. Кальске и машинист Г. Ялава, перевезший Ленина через русско-финляндскую границу под видом кочегара. В последней «эмиграции» Ленину было обеспечено убежище во многих финских и шведских семьях.

Работа большевистской партии по подготовке вооруженного свержения Временного правительства происходила в обстановке начинающегося нового революционного подъема, ускоренного контрреволюционным мятежом генерала Корнилова. Наиболее реакционно настроенные чехословацкие, польские и югославянские офицеры являлись рьяными сторонниками Корнилова. На стороне Корнилова были и симпатии руководителей польских, чехословацких и югославянских националистических организаций. Руководители филиала Чехословацкого национального совета в России оказывали Корнилову и прямую помощь, хотя после провала генеральского путча стремились это скрыть. Еще 10 (23) августа Т. Масарик отдал распоряжение отправить 400 добровольцев из чехословацких частей в корниловский Славянский ударный полк, в котором уже существовала чешская рота. Накануне корниловского выступления 24—26 августа (6—8 сентября), когда руководители филиала вели переговоры в ставке Корнилова, Масарик пообещал Неженцеву, командиру Славянского полка, прислать 1,5—2 тыс. добровольцев[108]. Корниловцы имели тесные связи с чехословацкими офицерами, служившими в штабах Юго-Западного фронта, 7-й армии и Киевского военного округа. Немало было прямых сторонников Корнилова и среди строевых офицеров 1-й и 2-й чехословацких дивизий.

Политический и военный центры польской контрреволюции — Польский совет межпартийного объединения и Главный польский военный комитет (Начполь) — сочувствовали и помогали заговорщикам. С Начполем были тесно связаны руководящий орган русского контрреволюционного офицерства — Главный комитет союза офицеров армии и флота и один из центров заговора — штаб Петроградского военного округа. Считая генерала М. Довбор-Мусьницкого «особенно желательным» для осуществления своих планов, Корнилов обеспечил назначение его командиром 1-го польского корпуса[109]. Корниловцы рассчитывали вовлечь в контрреволюционный мятеж и югославянский «ударный» батальон (отряд) с помощью его командира — подполковника Гойковича и поддерживавших его офицеров[110].

Однако ни польским, ни чехословацким, ни югославянским пособникам генеральской авантюры не удалось втянуть в путч сколько-нибудь значительные силы. Так, решительный протест комитета запасного батальона 1-го чехословацкого полка, расположенного в Житомире, помешал офицерам оказать поддержку

---

[108] «Naše revoluce». Praha, roč. III, sv. I, str. 15.

[109] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 122.

[110] И. Д. Очак. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1966, стр. 63.

Корнилову[111]. Председатель комитета югославянского «ударного» батальона Н. Ковачевич заявил сторонникам Корнилова, что «против Советов батальон не пойдет, ибо Советы являются представителями революционной России»[112]. Единодушно поднялись против заговорщиков солдаты польского Белгородского полка.

По призыву СДКПиЛ, а также ППС-левицы против мятежников вместе с российскими трудящимися выступили широкие массы рабочих и солдат-поляков. Польские революционеры приняли деятельное участие в разложении Кавказского туземного корпуса, брошенного корниловцами на Петроград. Одним из представителей большевиков в созданном при ЦИК Советов Комитете народной борьбы с контрреволюцией был Ф. Дзержинский. Многие польские, финские, чехословацкие, югославянские пролетарии влились в дни борьбы с корниловщиной в отряды Красной гвардии, формировавшиеся в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других пролетарских центрах страны.

Разгром корниловского заговора разоблачил перед трудящимися буржуазные и соглашательские партии. Вместе с тем неизмеримо возрос авторитет большевиков и в городе, и в деревне, и в армии. В сознании рабочих, крестьян и солдат произошел серьезный сдвиг. Полевение масс нашло выражение и в дальнейшем размахе организационной и политической деятельности революционных организаций иностранных трудящихся.

Вместе с большевиками СДКПиЛ готовила своих членов, всех польских рабочих к решающей схватке с буржуазией. «Переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, — писала „Трыбуна", — может теперь быть достигнут только революционным путем, только путем борьбы на смерть и жизнь с реакцией»[113]. Польские социал-демократы энергично способствовали большевизации Советов, начавшейся после разгрома корниловщины. В новые и обновленные Советы вошли десятки поляков-интернационалистов. На Демократическом совещании была оглашена декларация СДКПиЛ о полной поддержке большевиков в их борьбе за революционное правительство пролетариата и крестьянства[114]. Как в список кандидатов, выдвинутый ЦК РСДРП(б) в Учредительное собрание, так и в списки кандидатов, выдвинутые местными большевистскими организациями, были включены видные деятели СДКПиЛ — Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский, Ю. Уншлихт, Ст. Бобиньский, М. Варшавский (Броньский), Я. Фенигштейн (Долецкий), Б. Закс, И. Фиалек, Ст. Будзыньский, З. Ширипьский, Я. Тарвацкий, Ф. Гжельщак и др.[115]

[111] V. Najbrt. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno, 1936, str. 23.
[112] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 168, л. 36.
[113] «Trybuna», 12 (25).VIII 1917.
[114] «Рабочий путь», 20.IX (3.X); 23.IX (6.X) 1917.
[115] «Рабочий путь», 30.IX (13.X) 1917; «Солдат», 15 (28).X 1917; «Деревенская правда», 14 (27).X 1917; «Псковский набат», 27.X (9.XI) 1917; ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 19, лл. 1—4.

Руководство ППС-левицы продолжало занимать колеблющуюся позицию, пытаясь найти «средний путь» в революции. Осуждая травлю большевиков буржуазной контрреволюцией и поддержку, которую ей оказывало меньшевистско-эсеровское большинство Советов, лидеры ППС-левицы в то же время после июльских дней укрепили связи с меньшевиками-интернационалистами. Ф. Кон вошел в секретариат Центрального бюро меньшевиков-интернационалистов [116]. Но многие секции ППС-левицы пошли против курса руководства, стали еще теснее, чем раньше, сотрудничать с большевиками и польскими социал-демократами.

Общее полевение масс сказалось и в том, что, вопреки руководству, в ряде организаций ППС-«фракции» и Польского социалистического объединения стало проявляться все более заметное стремление к сотрудничеству с революционным рабочим классом России, к переходу на позиции революционной социал-демократии. Происходившая в Харькове 27—29 августа (9—11 сентября) межгородская конференция Польского социалистического объединения приняла решение о роспуске организации [117]. В связи с тем, что политическая линия объединения изжила себя, осенью 1917 г. организовалась группа СДКПиЛ в Самаре [118] и в Воронеже [119]; в октябре, порвав с Польским социалистическим объединением и подобными организациями, образовали свою группу польские социал-демократы Одессы [120]; в адресных списках групп СДКПиЛ, время от времени печатавшихся в «Трыбуне», к Царицынской, Краматорской, Любимовской (Екатеринославской губернии) и другим в октябре прибавились адреса Александровской и Запорожско-Каменской (Екатеринославской губернии), Гомельской, Смоленской, Молодечненской групп СДКПиЛ [121]. В начале ноября образовалась группа СДКПиЛ в Луганске [122]. Всего к осени 1917 г. в России действовало свыше 40 территориальных групп СДКПиЛ, входивших в состав РСДРП(б). В них состояло около 5 тыс. членов, не считая тех польских социал-демократов, беженцев и солдат, которые входили непосредственно в большевистскую партию.

Ускорилось организационное самоопределение чехословацких левых социал-демократов. 4 (17) августа на собрании в Киевском университете было провозглашено создание Чехославянской социал-демократической рабочей партии при Российской социал-демократической рабочей партии. 20 августа (2 сентября) датировано письмо временного Центрального комитета партии, в ко-

---

[116] «Новая жизнь», 21.VII (3.VIII) 1917.
[117] «Jedność robotnicza», 10 (23). IX 1917.
[118] «Trybuna», 14 (27).X 1917.
[119] «Trybuna», 21.X (3.XI) 1917.
[120] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 826, лл. 164—167.
[121] «Trybuna», 21.X (3.XI) 1917.
[122] «Trybuna», 25.XI (8.XII) 1917.

тором сообщалось об основании партии и указывалось, что уже созданы местные организации в Киеве и готовится создание организаций в Таганроге, Екатеринославе, Борисполе и других местах[123]. К октябрю, кроме киевской, в которой числилось 1700 членов, существовало еще 13 местных организаций Чехославянской социал-демократической рабочей партии[124]. В это время вся организация насчитывала уже 2074 члена[125]. В руководимом социал-демократами Обществе чешско-славянского единения в октябре было около 7 тыс. членов[126].

19 октября (1 ноября) в Киеве вышел первый номер социал-демократического еженедельника «Свобода». К этому времени три члена Центрального комитета Чехославянской социал-демократической рабочей партии вошли в состав Киевского Совета рабочих депутатов. Партия тесно сотрудничала с Киевским Советом профессиональных союзов[127]. Именно через находившиеся под руководством большевиков профессиональные союзы, прежде всего пекарей и типографских рабочих, а также через русских и украинских рабочих-большевиков, плечом к плечу трудившихся с военнопленными на предприятиях Киева, большевистская партия первоначально оказывала свое воздействие на чехословацких социал-демократов. Вместе с тем в руководстве чехословацкой социал-демократической организации в этот период преобладало стремление к сотрудничеству с русскими и украинскими меньшевиками.

Чехословацкие социал-демократы, как свидетельствуют документы, ставили своей основной целью работу среди военнопленных в лагерях, на предприятиях и в армии с тем, чтобы «углублять их классовое и национальное сознание», а также «ознакомить русских рабочих со стремлениями чешского пролетариата»[128]. Сотрудничество руководства партии с русскими и украинскими меньшевиками не могло не оказать влияния на позицию чехословацких социал-демократов в важнейших идеологических, политических и организационных вопросах. Хотя и в письмах Центрального комитета, и в статьях первых номеров «Свободы» указывалось, что наряду с национальной свободой рабочий класс должен добиваться социального освобождения, что «свобода чешского народа будет лучше всего обеспечена лишь совместно со свободой народа русского»[129], в этих документах утверждалось, что в делах «общенародных» социал-демократы

---

[123] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, лл. 25—26, 61, 84.
[124] «Svoboda» (Kijev), 19.X (1.XI) 1917.
[125] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 61.
[126] «Svoboda», 26.X (8.XI) 1917; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 58.
[127] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 4.
[128] Там же, д. 253, л. 25.
[129] «Svoboda», 19.X 1917.

обязаны всеми силами поддерживать действия Чехословацкого национального совета [130].

С середины 1917 г., после того как борьбу румынских солдат и рабочих на эвакуированных в Россию предприятиях возглавил Румынский социал-демократический комитет действия, она стала носить более организованный и наступательный характер. Все чаще рабочие выдвигают не только экономические, но и политические требования. Особой активностью отличались рабочие и моряки галацкой судоверфи «Ферник», имевшие богатые революционные традиции. Они поддержали всеобщую забастовку деревообделочников Одессы в июле 1917 г., а затем потребовали от правления верфи повышения заработной платы. Хозяева верфи прибегли к локауту. Тогда под руководством румынских левых социал-демократов началась забастовка. Бастующие проводили митинги и устраивали демонстрации на улицах Одессы под лозунгами борьбы за республику в Румынии, за мир и демократические свободы. В митингах и демонстрациях участвовали рабочие с других эвакуированных румынских предприятий. По докладу большевика Л. И. Рузера Одесский Совет рабочих депутатов решил «всемерно поддержать требования рабочих и в случае неуспеха переговоров перевести их на русские заводы и обеспечить их там работой», а также оказать денежную помощь бастующим [131]. Благодаря решимости бастующих и активной поддержке одесского пролетариата забастовка закончилась победой. Администрация судоверфи вынуждена была удовлетворить большинство требований румынских рабочих [132].

В августе 1917 г. Комитет действия образовал в Одессе из румынских политэмигрантов и передовых рабочих одесскую секцию румынских левых социал-демократов, насчитывавшую более тысячи членов. 5 (18) сентября 1917 г. в Одессе вышел первый номер газеты «Лупта» — органа Комитета действия. «Лупта» призывала румынских трудящихся свергнуть власть короля, бояр и капиталистов — истинных виновников войны — и привлечь их к ответственности. Газета разоблачала произвол румынских предпринимателей, бездушие администрации госпиталей. Она поддержала лозунг мира без аннексий и контрибуций. Опираясь на помощь большевиков и революционно настроенных солдат русской армии Румынского фронта, разъездные агенты Комитета действия переправлялись через Прут и успешно распространяли революционную литературу среди румынских рабочих, крестьян, солдат и моряков.

Анализ материалов «Лупты» и других источников дает основание утверждать, что румынские левые социал-демократы еще находились в плену настроений «революционного оборончества».

[130] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 257, л. 50.
[131] ГАОд.О, ф. 3829, оп. 1, д. 90а, лл. 23, 27, 30, 32.
[132] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 151, л. 15.

Anul XIII No 8

LUPTA

ORGAN SOCIALDEMOCRAT

15 KOPEICI

ODESSA, 10 Septembrie 1917

REVOLUTIA RUSA SI PACEA

INSEMNARI

INTERVIEWUL D-lui V. GH. MORTUN

Arestarile din ţara

Sprijiniţi „Lupta"

Румынская социал-демократическая газета «Лупта». Номер от 10 (23) сентября 1917 г. Одесса

«Лупта», в частности, утверждала, что характер войны со стороны России после Февральской революции коренным образом изменился. Члены Комитета действия считали, что прочная победа социализма в стране со слаборазвитой промышленностью невозможна и поэтому курс на социалистическую революцию в России ошибочен[133]. Эта позиция румынских социал-демократов существенно ограничивала их вклад в развитие революционных событий в Одессе и других районах расселения выходцев из Румынии.

К осени 1917 г. относятся сведения о создании первой революционной организации среди военнопленных-болгар. В Инсаре (Пензенская губерния) в сентябре 1917 г. возник марксистский интернационалистский кружок «Революция». Некоторые из инициаторов его создания ранее были членами БРСДП (тесных социалистов) или сочувствующими партии и до того, как попали в плен, принимали участие в братании с революционными русскими солдатами на Румынском фронте[134]. Члены кружка «Революция» — Г. Михайлов-Добрев, П. Ташков, Г. Каракушев, С. Добрев, Ц. Милков, И. Деянов, С. Георгиев, Н. Гогов и другие — сочувствовали идеям социализма и революции в России. Организаторы кружка, заявив о своей солидарности с РСДРП(б), установили связь с местным Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов[135].

Новый революционный подъем, наметившийся в конце лета — начале осени 1917 г., ознаменовался ростом революционной активности российского рабочего класса. Все шире развертывалась борьба за установление контроля над производством. В мощном стачечном движении, охватившем всю Россию, повсеместно участвовали рабочие из числа военнопленных, беженцев и отходников.

Стачечная борьба российского пролетариата была мощным фактором, стимулировавшим рост политической активности иностранных трудящихся и способствовавшим вовлечению их в совместную революционную борьбу. В то же время те иностранные трудящиеся, которые имели опыт политической борьбы, приобретенный еще на родине, передавали его своим российским товарищам. Это имело особое значение там, где промышленный пролетариат был малочисленным (например, в Средней Азии и Сибири). В августе вместе с местными рабочими бастовали военнопленные и отходники Судженских копей, а также на Симском, Аша-Балашевском, Миньярском, Усть-Катавском заводах[136]. Не вышло на работу около 10 тыс. военнопленных,

---

[133] «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 99—100.
[134] «Септември», 1957, № 11, стр. 124—127, 130—131, 187—192, 195—199.
[135] Там же, стр. 159—167, 191—192, 198.
[136] Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 87; «Установление Советской власти в Кузбассе», стр. 97.

выкорчевывавших лес и строивших железную дорогу на Урале. В сентябре бастовали китайские и русские рабочие в Александровске на Сахалине (ныне Александровск-Сахалинский)[137], военнопленные, отходники и русские рабочие на Верхне-Уфалейском, Верхне-Туринском, Кушвинском и других заводах Урала[138]. Активно участвовали беженцы и военнопленные в сентябрьской всеобщей забастовке железнодорожников[139]. В октябре вместе с русскими и украинскими товарищами бастовали военнопленные на предприятиях Юзовского и Макеевского районов Донбасса, на сельскохозяйственных работах в Харьковской, Подольской, Киевской, Таврической губерниях, а также в других южных степных районах Украины, в Белоруссии, Поволжье и ряде центральных губерний.

Одной из характерных черт процесса большевизации Советов, шедшего на волне нового революционного подъема, являлось повсеместное избрание в местные Советы революционных представителей военнопленных, отходников и беженцев. Выше уже упоминалось о вхождении польских социал-демократов в ряд Советов Украины и Белоруссии, чехословацких — в Киевский Совет. В июле—сентябре представители пленных и беженцев, в частности представители комитетов польских, чехословацких и югославянских воинских частей, входили также в Советы Луганска и Винницы, Житомира, Белгорода и Бобруйска, Одессы и Краматорска[140].

По всей стране, в городах, поселках, на железнодорожных станциях, заводах, шахтах и рудниках, в эти месяцы возникали новые отряды Красной гвардии, в них вступали и сотни иностранных трудящихся. Прежде всего это были рабочие—беженцы, отходники и эмигранты, а также военнопленные, находившиеся на крупных предприятиях, в самой гуще российского пролетариата. Так было на заводах Парвиайнена в Петрограде, Гужона в Москве, на киевском «Арсенале», на таганрогском военном заводе Русско-Балтийского общества, на предприятиях Харькова, Серпухова, Иваново-Вознесенска, Симбирска и т. д. В Одессе чехи и югославяне, ушедшие из 2-й дивизии сербского корпуса, составили костяк местной интернациональной Красной гвардии. Были созданы красногвардейские отряды в лагерях военнопленных близ Читы, под Томском и Самаркандом[141].

---

[137] «Победа Советской власти на северном Сахалине». Южно-Сахалинск, 1959, стр. 51—52.

[138] Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 86.

[139] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 51, л. 4.

[140] Ю. М. Гамрецький. Ради України — на захисті інтересів військовополонених (1917 р.). — «Український історичний журнал», 1966, № 2, стр. 100—105.

[141] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 36, л. 14; д. 163, л. 4; д. 118, л. 124; ПАТО, ф. 4204, оп. 4, д. 45, л. 8; А. А. Мюллер. Указ. соч., стр. 33; И. С. Сологубов. Указ. соч., стр. 26; «В пламени революции

Под воздействием революционного рабочего движения летом—осенью усиливается и борьба крестьянства за землю. В крестьянских волнениях, в захвате и дележе помещичьих земель, скота, хлеба, инвентаря в ряде мест принимали участие и военнопленные-батраки [142].

Иностранные трудящиеся вливались в интернациональную политическую армию пролетарской революции, формировавшуюся под руководством большевиков.

(1917—1920 гг.). Воспоминания». Иркутск, 1957; Ю. Н. Щербаков. Братство, скрепленное кровью. Куйбышев, 1961, стр. 11—12.

[142] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 51, л. 4.

ГЛАВА 3

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ОКТЯБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ И В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

1. Интернационалисты в Октябрьском восстании в Петрограде

История не знает свершений, которые по своему неизменному и все возрастающему влиянию на поступательное движение человечества могли бы сравниться с Великой революцией Октября 1917 г. Подготовленная всем предшествующим развитием русского революционного движения, осуществленная по стратегическому и тактическому плану В. И. Ленина и под руководством созданной им партии коммунистов, Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории.

Победа революции была обусловлена тем, что партии большевиков удалось соединить с мощным социалистическим движением пролетариата демократическое движение крестьянства и освободительное движение угнетенных народов бывшей Российской империи. Благодаря своей политической зрелости, изумительной организаторской деятельности, силе своих идей большевистская партия сумела сформировать мощную политическую армию революции, сплотившуюся вокруг рабочего класса.

Дела и дни Октябрьской революции были и остаются самым преобразующим, самым творческим вмешательством народных масс в ход всемирного исторического прогресса. Это вмешательство оказалось непреоборимым. Союз российских рабочих и крестьян разгромил все силы мировой реакции, ополчившейся против революции.

Вызванное революцией мощное движение пролетарской солидарности охватило рабочий класс многих стран. Часть своих сил — передовые группы беженцев, отходников, военнопленных — это движение влило непосредственно в состав политической армии пролетарской революции в России.

Петроградский Совет в ночь на 1 (14) сентября принял внесенную большевиками резолюцию о создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства. В стране продолжалось бурное полевение рабочего класса. Об этом говорила большевизация Советов. Среди большевистских депутатов, пополнивших в начале осени Советы, были и зарубежные интернационалисты, главным образом из числа польских социал-демократов.

Широко развернувшееся движение за введение рабочего контроля, создание в большинстве пролетарских центров отрядов Красной гвардии, массовые политические стачки, как и другие формы массового пролетарского движения, оказывали растущее воздействие на трудящихся-беженцев и военнопленных, на отходников. Рабочие из числа беженцев и отходников, а часто и занятые в промышленности военнопленные были деятельными участниками выступлений российского пролетариата. Они также вливались в великую политическую армию революции. В составе этой политической армии они добивались установления в России такой власти, которая покончит с войной, поведет борьбу с голодом и разрухой, уничтожит социальный и национальный гнет, откроет им путь к возвращению в свои страны. Объективно такой властью могла стать только власть Советов под руководством большевиков — единственной партии, имевшей реально обоснованную программу разрешения коренных политических и социально-экономических вопросов в соответствии с коренными интересами всех трудящихся, всех угнетенных и эксплуатируемых. Поэтому, когда вновь зазвучал лозунг «Вся власть Советам!», практически выразивший курс партии большевиков на социалистическую революцию и вооруженное восстание, этот лозунг поддержала вся передовая часть находившихся в России зарубежных трудящихся.

Как и ранее, в политическом и организационном единстве с большевиками выступали польские социал-демократы. На Демократическом совещании Ю. Уншлихт 19 сентября (2 октября) огласил от имени СДКПиЛ декларацию; в ее заключительной части утверждалось, что необходимо «*революционное правительство пролетариата и крестьянства, которое одно только способно повести борьбу за демократический мир среди народов, втянутых в водоворот войны; только такая власть может путем внутренних преобразований дать толчок развитию международной революции...*»[1]

Вместе с А. В. Луначарским, В. Володарским, Н. А. Скрыпником и остальными участниками коллегии агитаторов и лекторов Петроградского комитета РСДРП(б) перед рабочими и солдатами петроградского гарнизона выступали входившие в эту же

---

[1] «Рабочий путь», 20.IX (3.X) 1917; «Trybuna», 23.IX (6.X) 1917.

коллегию М. Броньский, К. Залевский, Ст. Пестковский, Я. Фенигштейн (Долецкий), А. Радзишевский (Р. Арский) и другие польские социал-демократы. Зб. Фаберкевич (Т. Гневич) и другие лучшие публицисты систематически выступали на страницах таких органов большевистской печати, как «Правда», «Солдат», «Работница» и т. д.

В возобновленном осенью 1917 г. большевистском теоретическом журнале «Просвещение» наряду с огромного значения статьями В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы» были напечатаны статьи Р. Арского и К. Залевского. По всем вопросам момента СДКПиЛ стояла на позициях полного единства с большевиками. Это обстоятельство подчеркивалось тем, что в списках кандидатов, рекомендованных ЦК РСДРП(б) для проведения в Учредительное собрание, были имена видных деятелей польского рабочего движения[2]. Польские социал-демократы являлись единственной национальной революционной группой, выступившей со своим списком кандидатов в Учредительное собрание. Помимо лиц, значившихся в списках, предложенных ЦК РСДРП(б), в списке Исполкома (ИК) групп СДКПиЛ в России были выдвинуты также: от ее Московской группы Б. Закс, а от Киевской — И. Фиалек. Список кандидатов, выдвинутых Исполнительным комитетом групп СДКПиЛ, был рекомендован ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям[3]. Последние в свою очередь выдвинули в Учредительное собрание ряд польских социал-демократов, заслуживших у них признание и авторитет своей революционной работой. Среди кандидатов в Учредительное собрание, выдвинутых ЦК большевистской партии, был также И. Рахья.

Тот факт, что, помимо выдающихся революционеров России, лишь польские и финские интернационалисты были среди кандидатов большевиков на выборах в Учредительное собрание, объясняется не только особой идейной и организационной близостью пролетариев Польши и Финляндии с авангардом российского пролетариата, но и тем, что из пришлого населения лишь польские и финские трудящиеся как подданные бывшей Российской империи пользовались избирательным правом на выборах в Учредительное собрание.

Между тем в порядок дня выдвигался центральный вопрос революции — вопрос о власти.

15 (28) сентября ЦК РСДРП(б) обсудил письма В. И. Ленина о власти и вооруженном восстании и решил разослать их в наиболее важные партийные организации для обсуждения[4].

---

[2] См. стр. 83.
[3] «Trybuna», 7 (20).X 1917.
[4] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 г.—февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 55.

Вместе со всем партийным активом с письмами В. И. Ленина знакомились работавшие в большевистских рядах передовые деятели из числа зарубежных интернационалистов. Для всех пролетарских революционеров письма В. И. Ленина становились боевым руководящим документом, раскрывавшим особенности момента и задачи пролетариата в подготовке и проведении социалистической революции.

Для непосредственного участия в подготовке и проведении восстания В. И. Ленин конспиративно вернулся из Финляндии в Петроград. На паровозе № 293 его доставил финский интернационалист Густав Ялава. Сопровождал В. И. Ленина во время переезда Э. Рахья. 7 (20) октября В. И. Ленин написал «Письмо питерской городской конференции. Для прочтения на закрытом заседании», в котором указывал, что вопрос о восстании ставится на очередь[5]. Польские участники конференции — Я. Фенигштейн и Я. Здзехович (от Петроградской группы СДКПиЛ), Ю. Уншлихт (от редакции «Трыбуны»), К. Кадлубовский (от Второго городского района) и др.[6] вместе со всеми питерскими большевиками выразили твердую уверенность в том, что наступил канун массового победоносного пролетарского восстания. 9 (22) октября Петроградский Совет принял предложенную большевиками резолюцию о создании военно-революционного штаба, получившего 12 (25) октября наименование Военно-революционного комитета (ВРК). В состав ВРК были избраны также Ф. Дзержинский и Ю. Уншлихт.

На заседании ЦК партии 10 (23) октября, где после обстоятельного доклада В. И. Ленина было установлено, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, по предложению Ф. Дзержинского было избрано для политического руководства Политическое бюро во главе с В. И. Лениным[7]. Через несколько дней, заполненных напряженной политической и организационной работой, состоялось расширенное заседание ЦК партии. В заседании участвовали представители Исполнительной комиссии Петроградского комитета партии, в том числе Я. Фенигштейн и И. Рахья. Среди других ораторов, безоговорочно одобривших предложение В. И. Ленина и осудивших капитулянтскую позицию Л. Каменева и Г. Зиновьева, были Ф. Дзержинский и И. Рахья. «Массы ждут лозунга и оружия», — заявил Рахья, доказывая, что массы сознательно готовятся к восстанию[8]. После того как закончилось расширенное заседание, ЦК продолжал заседание в узком составе. На этом заседании был создан Военно-революционный центр из членов ЦК для

[5] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 347.

[6] «Вторая и третья Петроградская общегородская конференция большевиков в июле и октябре 1917 г.» М.—Л., 1927, стр. 127—129 и др.

[7] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)...», стр. 86.

[8] Там же, стр. 98.

непосредственного руководства восстанием. Вместе с А. С. Бубновым, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным, М. С. Урицким в Военно-революционный центр был избран и Ф. Дзержинский.

С 20 октября (2 ноября) ВРК приступил к назначению в части гарнизона и особо важные пункты столицы и ее окрестностей своих комиссаров. Среди них было немало польских интернационалистов. В Николаевское кавалерийское училище, например, комиссаром был назначен А. Радзишевский (Р. Арский); на Балтийский вокзал — А. Гранас[9], член СДКПиЛ с 1905 г., прибывший в Петроград в апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным, с которым он был знаком с 1912 г. А. Гранас вел большую политическую работу в 12-й армии, был одним из редакторов «Окопной правды» и приехал в Петроград в качестве делегата от Совета города Вендена (ныне Цесис) на II съезд Советов.

Приводились в полную готовность отряды Красной гвардии. Среди других интернационалистов-красногвардейцев на боевом посту начальника отряда Красной гвардии завода «Сименс-Шуккерт» (ныне завод «Электросила» им. С. М. Кирова) и заместителя начальника Красной гвардии Московско-Заставского района столицы действовал член СДКПиЛ с 1907 г. Адам Качоровский, в дальнейшем под именем Адама Славиньского ставший одним из крупных деятелей Коммунистического Интернационала[10].

В эти дни нарастающего революционного накала тысячи интернационалистов, связанных всеми своими стремлениями и идеями с большевистской партией, готовились выступить вместе с рабочими и солдатами всей России против власти Временного правительства. В отряды Красной гвардии вступали интернационалисты из разных мест России. В Иваново-Вознесенске, Курске и других городах, где Советы решительно порывали с соглашателями, среди красногвардейцев появилось немало военнопленных. Отряды Красной гвардии формировались и в ряде лагерей для военнопленных[11]. На Кондратьевском руднике в Донбассе осенью 1917 г. в Красную гвардию вступило свыше 50 китайских рабочих[12].

Особое значение приобретали выражения солидарности представителей зарубежного пролетариата с революционными рабочими, солдатами и моряками России. Эти проявления пролетарского интернационализма укрепляли веру российского пролетариата в свои силы, убеждали его в том, что революция в России имеет верных союзников и друзей. Моряки Балтийского флота,

---

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 123, лл. 2—3.

[10] ГАОРСС ЛО, ф. 834, оп. 1, д. 123, лл. 1—3.

[11] «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 29.

[12] «Рассказы о великих днях. Воспоминания старых большевиков Донбасса». Сталино, 1957, стр. 160—161.

в частности, с радостью откликнулись на приветствие, переданное им от имени социалистов США американским журналистом Альбертом Рис Вильямсом. Выходец из потомственной шахтерской семьи, 34-летний журналист, увлекавшийся социалистическими учениями, он вместе с 29-летним воспитанником Гарвардского университета, блестящим публицистом Джоном Ридом летом 1917 г. прибыл в революционную Россию. Наблюдая события нараставшей социалистической революции, и Рид, и Вильямс все больше проникались горячей симпатией к рабочим и солдатам России, к их революционному авангарду — большевикам. 12 (25) октября Вильямс посетил в Гельсингфорсе Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт). Как указывается в протоколе заседаний, Вильямс «через переводчика передает привет своей партии и надежды на русскую революцию, заканчивая свою речь словами, произнесенными на русском языке: „Да здравствует свободная Россия, да здравствует русская революция!“» Члены Центробалта выступили с ответными речами [13]. Затем Центробалт опубликовал открытое письмо Вильямсу. «Русская демократия в лице представителей Балтийского флота, — говорилось в ответе Центробалта Вильямсу, — шлет пролетариату всех стран теплые слова привета и сердечно благодарит за приветствия наших братьев из Америки...

Русский пролетариат будет бороться до последнего своего дыхания за объединение всех людей под красным знаменем Интернационала.

...Пламя русской революции, мы уверены, распространится на весь мир и зажжет огонь в сердцах рабочих всех стран, и мы получим поддержку в нашей борьбе за скорейший всеобщий мир» [14].

В вышедшей накануне восстания «Трыбуне» отмечалось: «Два лагеря лихорадочно готовятся к борьбе не на жизнь, а на смерть: революционная демократия и контрреволюционные силы помещиков, капиталистов и генералов. В хвосте плетутся обозники социал-соглашательства... Пролетариат России должен до конца выполнить свою историческую миссию в отношении собственной страны и братских народов. Нам предстоит взять последнюю баррикаду русского империализма. Ее падение предвещает крах международного империализма, открывает борьбу за социализм. Слушайте, товарищи!.. Бьет двенадцатый час революции!» [15] Отражая настроения польских социал-демократов, находившихся в России, Екатеринославская группа СДКПиЛ за день до начала восстания телеграммой в Петроград привет-

---

[13] «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917—1918». М., 1963, стр. 242.

[14] «Рабочий путь», 24.X (6.XI) 1917: А. Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 137.

[15] «Trybuna», 21.X (3.XI) 1917.

ствовала собиравшийся II съезд Советов и призывала его немедленно взять в свои руки власть [16].

По всему Петрограду проходили митинги; большевистские ораторы призывали готовиться к решающему штурму. Вместе с коренными питерскими рабочими участниками этих митингов были рабочие всех стран, трудившиеся тогда в Петрограде. Наряду с другими выдающимися деятелями большевистской партии на митингах выступали и польские интернационалисты: Ф. Дзержинский — в Московском и Нарвском районах и на Охте [17], Ст. Пестковский — на Трубочном заводе и заводе Посселя [18], Ю. Лещиньский — на Путиловском заводе [19] и т. д. Большую организаторскую и пропагандистскую работу вели сотни интернационалистов: рабочий обувной механической фабрики «Победа», член СДКПиЛ с 1899 г. В. Прусс (многолетний узник царизма, вскоре же после февральских дней он стал членом районного комитета партии, гласным нарвской районной думы, а затем и городской думы столицы) [20]; К. Кадлубовский — почтово-телеграфный работник, член СДКПиЛ с 1906 г., участник революции 1905—1907 гг., организатор профсоюза почтово-телеграфных служащих и большевистской организации на петроградском почтамте, тесно связанный в своей агитационной работе с Н. К. Крупской [21], и др. В отрядах Красной гвардии и революционных частях армии, в рабочих коллективах, в Советах и военно-революционных комитетах передовые представители иностранных трудящихся плечом к плечу с российским пролетариатом и крестьянством шли на бой за победу социалистической революции.

В секретариате ЦК большевистской партии продолжал работу видный польский социал-демократ — большевик Бр. Весоловский (погиб в январе 1919 г. от рук польских жандармов); 20 октября (2 ноября) ЦК партии поручил Весоловскому работу также и в ВРК [22]. В дни корниловщины в секретариате ЦК и одновременно в большевистской фракции ЦИК и Петроградского Совета начал работу Ст. Пестковский, после Октября перешедший в Народный комиссариат по делам национальностей, в 1918 г. по поручению партии руководивший нелегальной и партизанской

---

[16] «Звезда» (Екатеринослав), 24.X (6.XI) 1917.

[17] «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, стр. 367.

[18] С. Пестковский. Об Октябрьских днях в Питере. — «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 95; «Рабочий путь», 22.X (4.XI) 1917.

[19] «Trybuna», 21.X (3.XI) 1917.

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 717, лл. 137—147.

[21] «Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета». М., 1957, стр. 239—245.

[22] Е. Стасова. Накануне Октября. — «Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве». М., 1957, стр. 64; ЦГАОР, ф. 1236, оп. 1, д. 84, л. 116.

деятельностью в местностях, оккупированных империалистами[23], а затем занимавший руководящие посты на советской дипломатической службе. Как секретарь большевистской фракции II съезда Советов Ст. Пестковский с утра 24 октября (6 ноября) вел регистрацию прибывавших на съезд делегатов. Днем 24 октября (6 ноября) Ст. Пестковский и Ю. Лещиньский (Ленский) (впоследствии генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Польши и один из выдающихся деятелей Коммунистического Интернационала) руководили по поручению ВРК занятием Главного телеграфа в Петрограде[24]. В соответствии с указанием В. И. Ленина ВРК немедленно телеграфировал большевистским организациям других городов и районов, что восстание в столице началось[25]. Первым комиссаром почтамта стал К. Кадлубовский[26]. Выступая на заседании районного комитета 2-го Городского района Петрограда, он призывал к твердости, к решительной борьбе[27]. Вскоре К. Кадлубовский вошел в коллегию Комиссариата почт и телеграфа.

Среди рабочих и солдат, сокрушавших последние опорные пункты Временного правительства в Петрограде, свой долг революционеров выполнили сыны многих зарубежных народов. Тут были и китайские рабочие Сан Тан-фан, Лю Юн-сан, Джау Чен-чин, Лю Ю-чун, Ма Ю-дзин и другие, состоявшие в Красной гвардии[28]. Вместе с русскими красногвардейцами Николаевский вокзал занимал болгарин-летчик Сотир Петров Черкезов, затем назначенный в штаб Красной гвардии. Через некоторое время С. Черкезов по заданию В. И. Ленина выехал с чрезвычайным поручением в Болгарию для того, чтобы рассказать руководителю болгарского пролетариата Димитру Благоеву о великих событиях, происшедших в России[29]. В революционный отряд, сформированный из освобожденных политических узников, вступил находившийся с июльских дней в заключении в Петропавловской крепости серб Д. Сердич[30]. В уличных боях приняли участие и несколько венгерских интернационалистов, находившихся в Петрограде[31].

В 22 часа 45 минут 24 октября (6 ноября) В. И. Ленин оставил свою последнюю конспиративную квартиру и отправился для

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 417, лл. 102—103.
[24] С. Пестковский. Указ. соч., стр. 95—96.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 3829, оп. 1, д. 1265, л. 16 об.
[26] AZHP, Wspomnienia, t. 8313.
[27] «Первый легальный ЦК большевиков в 1917 г.» М.—Л., 1927, стр. 347.
[28] «Дружба народов», 1957, № 11, стр. 122; ГАОРСС ЛО, ф. 4888, оп. 1, д. 628, л. 2; д. 646, л. 3.
[29] «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине». М., 1958, стр. 33—40.
[30] ЦГАСА, л/д 168—015, л. 6.
[31] «Sarló és Kalapacz», 1933, № 6, стр. 41—42; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 51, л. 12.

непосредственного руководства борьбой в штаб революции — в Смольный; Ленина сопровождал неизменный Э. Рахья [32].

В это время народные массы все более широко включались в вооруженную борьбу. Всю ночь на 25 октября (7 ноября) продолжались боевые операции революционных войск и красногвардейских отрядов. Один из красногвардейцев — член ППС-левицы с 1906 г. В. Домбровский был направлен связным в Смольный от красногвардейцев завода «Новый Лесснер» [33]. Во главе революционного отряда на рассвете дня новой эры солдат В. Беднарек участвовал в занятии помещения газеты «Новое время», а затем — Государственного банка [34]. Это у таких, как Беднарек, спросил Д. Рид, проходя мимо здания Государственного банка: «Вы чьи?.. Вы за правительство?» — «Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат. — Слава богу!» [35]

Действительно, к утру 25 октября (7 ноября) в руках восставших рабочих и солдат практически находилась вся столица. От имени ВРК В. И. Ленин в 10 часов утра написал краткое обращение «К гражданам России!», уведомлявшее о том, что Временное правительство низложено, а дело, за которое боролся народ, обеспечено [36]. В середине дня был окружен Зимний дворец — последнее прибежище старой власти. В 21 час 40 минут в среду, 25 октября (7 ноября) 1917 г., прогремел исторический выстрел с «Авроры». В экипаже этого славного корабля были матросы польского происхождения [37]. Один из них — гальванер Я. Шварце-Мартынюк, слушавший В. И. Ленина 3 (16) апреля 1917 г. на площади Финляндского вокзала, спросил, кто приказал стрелять? «Тогда, — вспоминает он, — последовал ответ: революция и Ленин... И мы дали выстрел» [38].

После выстрела «Авроры» начался штурм Зимнего дворца. История не сохранила имена всех тех, кто шел в этот исторический бой. Пока с достоверностью можно назвать лишь некоторых зарубежных трудящихся — участников боя за Зимний дворец. Среди них — красногвардеец, рабочий завода «Металлизатор» Ян Бодюра [39]. Участвовали в штурме Зимнего член СДКПиЛ с 1907 г., рабочий патронного завода, член Совета рабочих депутатов Выборгского района Петрограда Ян Яскапис [40], военный моряк, член ППС-левицы с 1906 г., председатель комитета судо-

---

32 «Петроградские большевики в Октябрьской революции», стр. 378.
33 ГАОРСС МО, ф. 2165, оп. 1, д. 392.
34 AZHP, Wspomnienia, t. 3285.
35 Дж. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 80.
36 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 1.
37 Центральный государственный архив Военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 989, оп. 4, д. 212; ф. 2109, оп. 1, д. 100, л. 3 об. и др.
38 «Правда», 3.XI 1963.
39 См. AZHP, Wspomnienia, t. 202; «Śląscy bojownicy w Rewolucji Październikowej». Katowice, 1958, str. 19—23.
40 «Славяне», 1957, № 10, стр. 53—54.

вых мотористов в Кронштадте Р. Муклевич, через три дня после штурма Зимнего возглавивший подавление мятежа юнкеров Владимирского училища, а в дальнейшем ставший видным военачальником Советского Военно-Морского Флота [41]; китайские интернационалисты Лю Фу-чен, Чин Дин-шан, Сун Лин-хай [42], командир десантного отряда с военного корабля «Африка» Ян Савицкий [43] и др. В одной из венгерских газет в январе 1918 г. появилось до сих пор еще окончательно не проверенное сообщение о том, что во время обстрела Зимнего дворца военнопленный венгерский офицер с группой товарищей, присоединившихся к большевикам, командовал артиллерийской батареей [44]. В чехословацких источниках имеются сведения и о том, что несколько чехов приняло участие в событиях на Дворцовой площади. Организация чешских и словацких интернационалистов из числа эмигрантов и беженцев началась в Петрограде еще летом 1917 г. Некоторые из чешских интернационалистов — Ян Горгилак, работавший на Трубочном заводе [45], Франтишек Перча [46] и другие — вступили еще летом 1917 г. в РСДРП. Во время восстания в Смольном находилось два чешских социал-демократа, выполнявших поручения ВРК [47]. В одном из красногвардейских отрядов, действовавших в районе Адмиралтейства, недалеко от Зимнего дворца, был военнопленный-немец, бывший сельскохозяйственный рабочий Ф. Клингер [48]. Г. Манарту привелось не только участвовать в октябрьских событиях в Петрограде, но после победы революции он, согласно его воспоминаниям, даже стоял на посту в Смольном у кабинета Ленина и разговаривал с ним [49].

В работе открывшегося 25 октября (7 ноября) II съезда Советов, по неполным данным, участвовало десять делегатов, написавших в анкетах, что они являются членами польских рабочих партий [50]. Среди них был фронтовик Франтишек Гжельщак (Марцин Гжегожевский) — в конце 1918 г. он был избран председателем Варшавского Совета рабочих депутатов, а затем стал

---

[41] AZHP, Wspomnienia, t. 7891; Р. Муклевич. Октябрьские дни в Ленинграде. — «Военный вестник», 1924, № 42.

[42] ГАОРСС ЛО, ф. 4888, оп. 1, д. 628, л. 2; д. 646, лл. 3, 6 и др.

[43] «Wspomnienia Polaków — uczęstników Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej». Gdynia, 1957, str. 18—40.

[44] «Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия». — Сб. статей. Будапешт, 1959, стр. 40.

[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 325, л. 22.

[46] Там же, л. 73.

[47] «Čecho-slováci ve válce a revoluci». Moskva—Kijev, 1919, str. 135.

[48] См. «Weltenwende — wir waren dabei». Berlin, 1962, S. 192—196.

[49] Незадолго до революции Г. Манарт бежал из лагеря и при поддержке русских друзей-большевиков нашел свое место в борьбе за Советскую власть. В 1918 г. он вступил в большевистскую партию, сражался против белогвардейцев в Сибири и в Средней Азии, вернулся в 1921 г. на родину и вошел в ряды Коммунистической партии Германии (там же, стр. 197—217).

[50] «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 108—109.

известен как один из руководителей КПП и видных деятелей Коммунистического Интернационала[51]. На II съезде Советов Ф. Гжельщак выступил с гневной речью против меньшевиков. Присутствовавший на съезде Дж. Рид отметил его выступление и привел в своей книге несколько сказанных им слов[52].

Первое заседание съезда продолжалось всю ночь. Под утро слово взял Ст. Лапиньский. Он заявил, что депутаты ППС-левицы останутся на съезде. Тем самым ППС-левица отмежевывалась от меньшевиков и эсеров, которые, не желая считаться с волей рабочих, солдат и крестьян, покинули съезд. В то же время Лапиньский огласил декларацию о необходимости создания правительства всех «социалистических партий»[53]. Межеумочная позиция руководства ППС-левицы не соответствовала позиции ее групп, которые как в Петрограде, так и на местах в большинстве случаев действовали в октябрьские дни вместе с большевиками. Даже многие члены ППС-«фракции» оказались в общих революционных рядах. «Трыбуна» писала, что, вопреки своим вождям, они «пошли с русскими рабочими, прекрасно понимая, что ведется бой за общее пролетарское дело»[54].

Под утро 26 октября (8 ноября) II съезд Советов принял воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам, извещавшее о взятии им власти в свои руки. «Что тут поднялось! — пишет присутствовавший на заседании Вильямс. — Люди от радости плакали и обнимались. Повскакали и понеслись с сообщениями курьеры. Застучали телеграфные ключи, зажужжали телефоны. На фронт помчались автомобили. Над реками и равнинами полетели аэропланы. Радио передало эту весть за океан. Все сообщали о великом событии!

Воля революционных масс победила. Советы стали правительством»[55].

Передовая часть из пролетариев зарубежных стран, которые находились в октябрьские дни в Петрограде, самоотверженно служила делу пролетарской революции. Но сколько их было — сказать нельзя. Они ничем не отделяли и не выделяли себя. В солдатской шинели, матросском бушлате, рабочем пальтишке с красной ленточкой на груди или на шапке они шли в сражение так, как того требовал их классовый долг, как им подсказывали их интернационализм и революционность.

Нет и не было источников, которые помогли бы ответить на вопросы, а сколько же интернационалистов, представители рабочего класса каких народов и кто именно чеканил шаг в красногвардей-

---

[51] «Z pola walki», 1958, № 2, str. 179—186.
[52] Дж. Рид. Указ. соч., стр. 94; «Второй Всероссийский съезд Советов». М.—Л., 1928, стр. 6, 39.
[53] «Robotnik w Rosji», 12 (25).XI 1917.
[54] «Trybuna», 11 (24).XI 1917.
[55] А. Рис Вильямс. Указ. соч., стр. 155.

ских патрулях, участвовал в героических атаках и мужественно отбивал удары контрреволюции. Непосредственных участников событий влекли вперед новые дела, им было не до того, чтобы отметить свой вклад в историю, — они ее делали, они ее творили. Позднее, когда пришло время воссоздать картину великого перелома в истории человечества, многое оказалось невосстановимым.

Вечером 26 октября (8 ноября) открылось второе заседание съезда Советов. Восторженно встреченный делегатами и гостями с докладом выступил В. И. Ленин. Отражая чаяния народных масс России, всех угнетенных и эксплуатируемых, установленная победоносным пролетарским восстанием Советская власть предлагала всем народам и правительствам немедленные переговоры о справедливом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром, указывал В. И. Ленин, рабочее и крестьянское правительство России считает мир без аннексий, т. е. без захвата чужих земель, без насильственных присоединений чужих территорий, и без контрибуций. Далее в зачитанном В. И. Лениным и им же подготовленном проекте Декрета о мире устанавливалось, что, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, под аннексией понимается всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, где эта нация живет[56].

Выдвинутая В. И. Лениным, партией большевиков программа демократического справедливого мира и предложенные способы достижения такого мира определяли незыблемые основы советской внешней политики и открывали пути к коренной перестройке взаимоотношений между странами и народами, исторически сложившихся в результате насилий, захватов, угнетения, на новой основе равноправия, взаимопонимания, сотрудничества, дружбы. Впервые в истории человечества не отдельные мыслители, не группа мечтателей, а правящая партия в одной из крупнейших стран мира, правительство, государство провозглашали своей целью борьбу за ликвидацию социального и национального гнета.

Естественно, что в борьбе за принципы, провозглашенные Декретом о мире, за их утверждение, за их претворение в жизнь сотни тысяч временных жителей России — польских, финских, чешских, словацких, сербских, хорватских, немецких, венгерских, румынских, китайских, корейских и других трудящихся — увидели свой прямой долг по отношению как к русской революции,

---

[56] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—14.

так и к своим собственным народам. Укрепление революции в России, победа Советской власти становились лучшей и важнейшей гарантией, что в истории человечества, во взаимоотношениях народов восторжествуют эти новые принципы.

Фр. Гжельщак

На II съезде Советов мысли и чувства всех зарубежных интернационалистов нашли свое выражение в словах Ф. Дзержинского, выступившего от польской социал-демократии в прениях по докладу В. И. Ленина. Он заявил, что польский пролетариат с энтузиазмом принимает предложенный В. И. Лениным Декрет о мире. Подчеркивая его международное значение, он выразил уверенность, что декрет найдет «...отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира... У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров» [57].

Как Декрет о мире, так и предложенный В. И. Лениным Декрет о земле были утверждены делегатами съезда. На съезде было образовано рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. II съезд Советов заложил основы советского общественного и государственного строя. В состав избранного съездом ВЦИК вошли по списку большевистской партии польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн, Ф. Гжельщак; кандидатами в члены ВЦИК — Ст. Пестковский, М. Броньский, Ю. Лещиньский, Бр. Весоловский. На заседании ВЦИК членом ВЦИК специально от ИК групп СДКПиЛ в России был утвержден Ю. Уншлихт [58]. Избрание интернационалистов в высший орган пролетарской власти соответствовало глубокой интернациональной сущности Советской власти.

Победа Октябрьского вооруженного восстания, первые декреты Советской власти дали огромный толчок дальнейшему развитию интернационалистского движения среди иностранных трудящихся в России. Свои чувства зарубежные интернационалисты

---

[57] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 258.
[58] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва». М., 1918, стр. 8, 23.

стремились выразить в обращениях к Советскому правительству и лично к В. И. Ленину. От имени финских рабочих привет Советскому правительству передали прибывшие в Петроград представители Финляндского рабочего революционного Совета [59].

5 (18) ноября 1917 г. Смольный посетила делегация бельгийских трудящихся, работавших на Сестрорецком заводе и других предприятиях Петрограда. Среди бельгийских рабочих еще летом 1917 г., после встречи с Лениным на одном из митингов, сложилась революционная группа. Бельгийцы были первой делегацией иностранных рабочих, посетившей главу Советского правительства. «Делегация просила т. Ленина передать русскому пролетариату, что бельгийские рабочие всем сердцем с ним в борьбе за мир и социализм... Бельгийские рабочие готовы оказать новому крестьянскому, рабочему правительству полную поддержку, ибо программа, проводимая им, является одновременно и программой международного пролетариата», — излагала «Правда» революционную, интернационалистскую позицию группы бельгийских пролетариев [60]. Из работавших в Петрограде бельгийских пролетариев вышло несколько человек, стойко боровшихся в рядах Коммунистической партии и Красной Армии за власть Советов [61].

Примерно в то же время находившаяся в Петрограде группа чехословацких левых социал-демократов — военнопленных обратилась к В. И. Ленину с просьбой оказать содействие в опубликовании в печати воззвания к чешским и словацким военнопленным в России [62]. Возможно, что результатом этого обращения явилось появление на страницах «Правды» воззвания «Чешским военнопленным в России и чешским добровольцам на русском фронте». Не свободное от некоторых ошибочных положений, это воззвание правильно подчеркивало, что в России «рабочий, солдат и крестьянин совершают плечом к плечу историческое дело, которое будет иметь неизмеримое социальное значение не только для России, но и для всей Европы, даже для всего земного шара...» [63]. Те же чувства солидарности с революцией звучали в приветствии, направленном 12 (25) ноября Одесской секцией Румынской социал-демократической партии Совету Народных Комиссаров — правительству, которое «обращается к войскам и народам для заключения долгожданного мира» [64].

Видный польский публицист, один из лидеров СДКПиЛ в России Зб. Фаберкевич, вскоре погибший от рук польских контрреволюционеров, писал в «Правде»: «Русская революция не есть внутренний русский вопрос, а кровное дело всего мирового про-

---

[59] «Правда», 2 (15).XI 1917.
[60] «Правда», 7 (20).XI 1917.
[61] ЦГАОР СССР, ф. 182, оп. 2, д. 207 (россыпь).
[62] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 190.
[63] «Правда», 9 (22).XI 1917.
[64] «Правда», 28.XI (11.XII) 1917.

летариата»[65]. Приветствия победоносной пролетарской революции приходили в Смольный и из-за рубежа. Поступило сообщение, что болгарские тесняки провели в Софии 19 ноября (2 декабря) митинг, на котором присутствовало 10 тыс. рабочих. На митинге выступили Димитр Благоев, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев. Митинг признал «дело русского пролетариата своим собственным делом».

Дж. Рид

Со страстным словом к русской революции обратилась К. Цеткин. Выдающаяся немецкая революционерка, приветствуя «безгранично храбрый натиск» большевиков, давала одновременно отповедь тем, кто торопился посеять пессимизм в отношении судьбы пролетарской революции в России, утверждая, что для ее победы якобы отсутствует «необходимая зрелость» материальных условий и людей. «„Необходимая зрелость" материальных условий и людей для революции есть формула, в которую действительность вдохнет жизнь и содержание, а эта действительность, — писала Цеткин, — не позволяет втиснуть себя в ту или иную схему. Исторический материализм не есть сборник готовых рецептов для врачей, и знахарей, и аптекарей исторического развития человечества. Экономическое и социальное развитие России надо мерить ее собственной меркой... Русские пролетарии и крестьяне созрели для революции... Революция не может удовлетвориться тем, что захватывает в свои руки политическую власть, она должна и в экономике и в социальной области философствовать молотом, чтобы выковать им нечто новое из России»[66]. Тот факт, что лучшие представители международного рабочего класса безоговорочно заявили о своей солидарности с делом Октября, способствовал дальнейшему втягиванию иностранных трудящихся в России в борьбу за победу и утверждение Советской власти.

Одним из проявлений солидарности с революцией было совместное заявление в печати иностранных корреспондентов Бесси Битти, Альберта Рис Вильямса, Бориса Рейнштейна и М. Михайлова, рассеивавшее вздорные измышления буржуазной русской и зарубежной печати о положении бывших министров и других лиц, оказавшихся в заключении в Петропавловской крепости[67].

[65] «Правда», 2 (15). XII 1917.
[66] К. Цеткин. Борьба за свободу и мир в России. М., 1918, стр. 13—14.
[67] «Правда», 16 (29).XI 1917.

Русская революция высоко оценила своих американских друзей. Об этом говорят многие знаки внимания и помощи В. И. Ленина Джону Риду и другим; об этом свидетельствует удостоверение, выданное Петроградским ВРК тотчас после победы восстания, 28 октября (10 ноября) 1917 г., Джону Риду, Альберту Рис Вильямсу и Луизе Брайант на право «свободного проезда по всему Северному фронту в целях осведомления наших американских товарищей-интернационалистов о событиях в России»[68].

Бурное движение солидарности с Советской властью охватывало лагеря военнопленных. В письмах и через ходоков передовая часть военнопленных заявляла о полной поддержке Советского правительства. «Правда», в частности, писала, что «венгерский офицер-интернационалист, давно ведущий революционную пропаганду среди венгров против австро-венгерской монархии, — весьма вероятно, что речь идет о Бела Куне, прибывшем к этому времени в Петроград, — сообщил, что среди пленных венгров и австрийцев-пролетариев очень сильное движение против германского империализма и что если по вине центральных империй демократический мир окажется невозможным, то революционные австро-венгерцы готовы будут создать целый отряд в распоряжение революционной России. . .»[69] О поддержке Советской власти заявляли участники многочисленных митингов военнопленных, авторы писем и резолюций, поступавших в большевистские газеты и в созданные Советской властью органы печати для иностранных трудящихся.

Военнопленные из лагеря у станции Сусанино Московско-Виндавско-Рижской железной дороги обращались к В. И. Ленину как к вождю революции и защитнику угнетенных[70]. Состоявшийся в Москве 3 (16) декабря 1917 г. митинг военнопленных приветствовал Совет Народных Комиссаров, выразил солидарность с его политикой и призвал братьев-солдат, рабочих и крестьян по ту сторону фронта поддержать русскую революцию[71]. Военнопленные обращались в органы Советской власти с предложениями помощи и содействия[72]. Зарубежные интернационалисты внесли свой вклад в победу Советов и во второй столице — Москве.

2. Участие интернационалистов в вооруженном восстании в Москве

В то время как в Петрограде уже произошли важные исторические события, знаменовавшие собой приход к власти в России

[68] ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 1, д. 74, л. 142 и др.; «Документы Великой пролетарской революции», т. I. М., 1938, стр. 71 и 80.
[69] «Правда», 16 (29).XII 1917.
[70] Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 496, оп. 1, д. 48, п. 4, лл. 123—124.
[71] АВП СССР, ф. 496, оп. 1, д. 44, п. 4, лл. 8—9; «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 5 (18).XII 1917.
[72] АВП СССР, ф. 496, д. 53, п. 5, л. 109; д. 44, п. 4, лл. 7, 26—27 и др.

рабочих и трудящихся крестьян, в Москве все еще продолжалась подготовка к вооруженному восстанию. То обстоятельство, что политическая, организационная, техническая подготовка к взятию власти в Москве затягивалась, позволяло контрреволюционным элементам использовать время для дополнительных политических маневров и подтягивания сил. К тому же, искусно маневрируя, контрреволюция умело использовала подрывные действия меньшевиков в ВРК и ошибки большинства членов ВРК. Все это оказало влияние на то, что упорные уличные кровопролитные бои в Москве продолжались целую неделю.

Как и питерские рабочие, московские пролетарии входили в многочисленные отряды Красной гвардии, рвавшиеся в решающий бой. Их готовность к борьбе нарастала со дня на день. Большевики Москвы организовывали революционные штабы, разрабатывали оперативные планы действий. Они были твердо уверены, что пришлое трудовое население, в первую очередь беженцы, будут вместе со всей революционной Москвой. Большевистский «Социал-демократ» писал в середине октября 1917 г., что естественными союзниками партии большевиков являются массы польских беженцев, изгнанные и измученные войной; только в большевистской партии они находят искренних и действительных друзей [73].

Трудящаяся часть польских беженцев все решительнее становилась на позиции борьбы за власть Советов. Так, собрание 700 рабочих эвакуированного в Москву Варшавского арматурного завода в принятой резолюции заявило, что «только Советы могут спасти революцию и страну» [74].

Утром 25 октября (7 ноября) в Москве были получены известия о свержении Временного правительства и переходе власти в Петрограде к ВРК. Среди революционных воинских частей, вышедших в связи с этим на демонстрацию, был 55-й запасной полк. С сентября в этом полку служил Ст. Будзыньский. Он вместе с группой солдат-большевиков быстро добился перехода полка на большевистские позиции [75]. В обновленном полковом комитете, из которого были устранены эсеры, Будзыньский пользовался большим влиянием. Солдаты полка избрали его также в Московский Совет солдатских депутатов. Когда вечером 25 октября (7 ноября) объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов образовало, наконец, Московский ВРК, в его состав одним из трех кандидатов-большевиков вошел и Будзыньский.

Вечером 26 октября (8 ноября) по приказу ВРК С. Будзыньский вывел из казарм шесть наиболее надежных рот 55-го запас-

---

[73] «Социал-демократ», 10 (23).XI 1917.
[74] «Социал-демократ», 13 (26).X 1917.
[75] Ст. Будзыньский. Октябрьские дни в Москве. — «Пролетарская революция», 1927, № 10 (69), стр. 183—193.

ного полка, насчитывавших до 1500 солдат, и направил их в распоряжение ВРК[76]. Сам Будзыньский вслед за тем принял участие в организации революционного штаба Замоскворецкого района[77], затем пробрался через кварталы, занятые юнкерами, в Московский ВРК и участвовал в уличных боях[78]. Позже, 28 октября (10 ноября), на гарнизонном собрании полковых, ротных и прочих комитетов он был избран в Совет десяти, образованный взамен скатившегося на контрреволюционные позиции Исполкома Совета солдатских депутатов, и принимал деятельное участие в мобилизации частей гарнизона на борьбу против контрреволюции[79].

27 октября (9 ноября), когда в результате промедлений и ошибок, допущенных колебавшимися членами ВРК, в Москве создалась серьезная опасность для дела революции, основные пролетарские организации, руководимые большевиками, выпустили совместное обращение «К рабочим», призывая их к всеобщей забастовке и разгрому контрреволюции. Под этим обращением стояли подписи ВРК, Центрального совета профессиональных союзов Москвы, Центрального совета городских служащих и рабочих, МК большевиков и Московской группы СДКПиЛ[80].

Польские интернационалисты находились во многих отрядах Красной гвардии и революционных армейских частях, вступивших в разворачивавшиеся с 28 октября (10 ноября) уличные бои с юнкерами и другими силами контрреволюции. Компактной группой действовали польские интернационалисты-красногвардейцы с Варшавского арматурного завода, расположенного у въезда с Замоскворечья на Крымский мост. Несколько групп юнкеров, прорывавшихся в Замоскворечье, было остановлено и разоружено красногвардейцами с арматурного. Вместе с подошедшими красногвардейцами завода Михельсона они отбросили юнкеров, овладели Крымской площадью и открыли выход отрядам Красной гвардии и солдатам из Замоскворечья на Садовое кольцо[81]. Красногвардейцами с завода Михельсона командовал Михал Кжеминьский. Он, как отмечает один из руководителей Красной гвардии Москвы Ян Пече, решительно осуждал тактику выжидания, проводившуюся частью членов ВРК; Кжеминьский участвовал в занятии

---

[76] St. Budzyński. Dni październikowe w Moskwie. Wspomnienia. Warszawa, 1958, str. 75—78; Н. Стрелков. Машиностроительный завод Ильича (б. Михельсона). — «От Февраля к Октябрю». М., 1923, стр. 197.

[77] В. Файдыш. Октябрь 1917 г. в Замоскворечье. М., 1935, стр. 31; ГАОРСС МО, ф. 2169, оп. 1, д. 87.

[78] St. Budzyński. Указ. соч., стр. 105—108.

[79] «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве». М.—Л., 1927, стр. 275—276; Г. А. Игнатьев. Октябрь 1917 г. в Москве. М., 1964, стр. 85.

[80] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 28.X (10.XI) 1917.

[81] Ф. Чичарнов, А. Рогинский. Варшавский арматурный завод. — «Красное Замоскворечье. Сборник революционных воспоминаний». М., 1927, стр. 140; ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 1356.

электростанции и в боях за Крымский мост[82]. Польские интернационалисты составляли значительную часть отряда Красной гвардии фабрики Тильманиса на Пресне. Обучали красногвардейцев бывшие солдаты-фронтовики Антон Пжевоцкий, Александр Манцевич, Марьян Секлицкий. 26 октября (8 ноября) группа тильманцев во главе с Юзефом Кибортом заняла участок милиции. Затем тильманцы участвовали в боях в районе Кудринской площади, на Садово-Кудринской, Большой и Малой Никитских улицах[83].

Я. Венглиньский

Тем временем упорная борьба развернулась в Городском районе. Интернационалисты были здесь участниками многих боев. В самом революционном штабе Городского района, помещавшемся на Сухаревской площади, в трактире Романова, вместе с О. А. Варенцовой находился Ст. Бобиньский. «Тов. Бобиньский вместе с т. Варенцовой и с одним офицером из соседних казарм разрабатывал боевые планы, но больше, чем в штабе, он находился на улицах, — пишет участник событий В. Сирота, — часто появлялся в жарких местах, проверяя на месте выполнение планов, или принимал непосредственное участие в проведении того или другого боевого действия»[84].

Опоясав район Сухаревской площади баррикадами и окопами, революционный штаб двинул красногвардейцев и революционных солдат на телеграф, почтамт и телефонную станцию. В последней юнкера оказывали упорное сопротивление. В зону боев стали прибывать революционные отряды из других частей города. Со стороны Солянки с боями пробивался отряд, сформированный по собственной инициативе польским интернационалистом Якубом Венглиньским[85].

---

[82] Я. Пече. Красная гвардия Москвы в боях за Октябрь. М.—Л., 1929, стр. 20—21, 59; ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 645.

[83] И. Крымов. Идет революция... — «Москва», 1966, № 11.

[84] В. Сирота. Октябрьские бои в Городском районе. — «Пролетарская революция», 1929, № 11 (94), стр. 92.

[85] H. Bobińska. Pamiętnik tamtych lat, cz. 1. Warszawa, 1963, str. 123. Обнаруживший прекрасные организаторские способности и огромную энергию, Я. Венглиньский в дальнейшем служил в войсках ВЧК, партизанил в тылу войск буржуазно-помещичьей Польши (ГАОРСС МО, ф. 2186, оп. 1, д. 951).

На помощь восставшему пролетариату Москвы начали прибывать отряды красногвардейцев и революционных солдат Подмосковья. Из Серпухова, где власть перешла к Совету еще 26 октября (8 ноября), вместе с другими революционными силами прибыли красногвардейцы-военнопленные. Они участвовали в занятии Курского вокзала, вокзалов на Каланчевской площади, а затем в боях за Кремль[86]. С отрядом из 36 красногвардейцев (в их числе — 8 военнопленных-интернационалистов) из Клина прибыл австрийский солдат А. Холлик[87]. В боях за Кремль, а до того в штурме Александровского военного училища приняла участие группа работавших на заводе Гужона военнопленных во главе с Фридьешем Карикашем[88]. Здесь, у Кремля, скрестились боевые пути многих зарубежных интернационалистов, сражавшихся в рядах восставшего московского пролетариата. За Кремль боролась группа польских интернационалистов во главе с Ст. Бобиньским[89]. Тут же находился член СДКПиЛ с 1898 г., гласный Марьино-сущевской районной думы А. Ягодзиньский[90]. В штурме Кремля принял участие отряд Я. Венглиньского, после боев в районе Солянки выбивавший юнкеров из Китай-города и помогавший взятию гостиницы «Метрополь»[91]. Член польской социал-демократии с 1898 г. каменщик И. Грушковский возглавил успешную атаку на юнкеров, засевших было на Никольской улице. Рядом с И. Грушковским сражался и был ранен его сын[92]. В боях в Городском районе, а затем и за Кремль участвовал член СДКПиЛ с 1903 г., рабочий-жестянщик Ян Щепаньский, проведший в царских тюрьмах и ссылке 11 лет[93]. Освобождали Кремль член СДКПиЛ с 1903 г., депутат Московского Совета от рабочих фабрики Высоцкого М. Кравчиньский[94], оказавшийся в Москве по партийным делам депутат Екатеринославского городского Совета, член СДКПиЛ с 1917 г. К. Бенек и др. Ответственные поручения по поддержанию связи между Московским ВРК и районными военно-революционными комитетами выполнял Эдвард Прухняк[95];

---

86 ЦГАОР СССР, ф. 28361, оп. 2, д. 27, л. 6.
87 «Weltenwende — wir waren dabei», S. 86—89.
88 «Sarló és Kalapacz», 1930, № 10—11.
89 «Wspomnienia Polaków — uczęstników Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej», str. 21—58.
90 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 718, л. 91; д. 733, лл. 87—89.
91 ГАОРСС МО, ф. 2192, оп. 1, д. 201.
92 «Trybuna», 13.X 1918; «Trybuna komunistyczna», 29.V 1921.
93 После победы социалистической революции Ян Щепаньский был избран в Московский Совет и его исполком, но вскоре ушел на фронт; поправившись после тяжелого ранения, он перешел на работу в ВЧК и погиб в 1921 г. («Правда», 8.V 1921; «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» М., 1925, стр. 709).
94 ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, д. 891.
95 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 113; E. Próchniak. Autobiografia. — «Z pola walki», 1958, N 4, str. 228.

С. Лазоверт ведал охраной Басманного района и транспортом продовольствия [96].

Ст. Бобиньский

Не остались в стороне от октябрьских событий в Москве и работавшие на московских заводах югославяне-военнопленные. В боевых действиях московской Красной гвардии приняла участие группа югославянских рабочих, в их числе С. Никетич, Т. Груич, П. Михалчич [97]. На Арбате и на Воробьевых горах сражался черногорский революционер Вукашин Маркович. Свой долг пролетарской революционерки выполнила в эти исторические дни француженка Жанна Лябурб, в течение многих лет связанная с революционным движением в польских землях [98]. На Моховой и Знаменке, на Новинском бульваре и в других местах сражавшейся Москвы можно было увидеть красногвардейца испанца Травино [99].

1 (14) ноября, когда события были близки уже к развязке, «Социал-демократ» сообщил, что на помощь терпевшим поражение силам контрреволюции пришли французские артиллеристы [100]. Речь шла об артиллеристах находившегося в Москве французского батальона; командующий Московским военным округом полковник Рябцев пытался вовлечь батальон в борьбу против восставшего пролетариата, но офицеры французской миссии, сославшись на инструкцию о невмешательстве во внутренние русские дела, отказали ему [101]. По-видимому, позиция офицеров французской миссии в Москве диктовалась не столько действительной или мнимой инструкцией — ведь французские дипломатические и

---

[96] А. Шлихтер. Памятные дни в Москве. — «Пролетарская революция», 1922, № 6, стр. 203—204.

[97] Н. Груловић. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962, стр. 161.

[98] В. Жоаннес. Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и интернационализм французских рабочих. М., 1957, стр. 11.

[99] Родился Травино в 1896 г. в Испании, в Гренаде. В рядах Красной Армии он оставался до середины 30-х годов (ГАОРСС МО, ф. 2191, оп. 1, д. 554).

[100] «Социал-демократ», 1 (14).XI 1917.

[101] См. ЦГАОР СССР, ф. 6720, оп. 1, д. 2, лл. 9—17; R. Herval. Huit mois de révolution Russe. Paris, 1918, p. 132—133.

военные представители еще до Октября активно поддерживали российскую контрреволюцию и инспирировали многие ее заговоры, — сколько трезвым учетом соотношения сил и морально-политического состояния французских солдат. Во всяком случае уже в день опубликования в «Социал-демократе» указанного сообщения газета получила письмо от командира французского отряда, в котором опровергались сведения об участии французских артиллеристов в борьбе против рабочих и солдат. Публикуя это письмо, редакция «Социал-демократа» сопроводила его следующей заметкой: «Мы, конечно, рады, что сообщенное нами оказалось неправдой и что французские артиллеристы не с врагами народа. Мы враги империалистов-захватчиков, к какой бы нации они ни принадлежали, но мы стремимся быть в полном единстве с рабочими и крестьянами всего мира» [102].

Среди тех, кто отдал жизнь за победу революции в Москве, были борцы разных стран. Вместе с другими героями уличных боев на Красной площади, под стенами Кремля был похоронен польский рабочий-беженец Я. Вальдовский [103] — боец Пресненского отряда Красной гвардии. В этом же отряде состоял другой рабочий-беженец К. Сверчевский [104].

После победы восстания в Московский ВРК явились делегаты от военнопленных — чехов, словаков, поляков, немцев и венгров, содержавшихся в лагерях на станции Владыкино Московской окружной железной дороги. Они передали ВРК 412 рублей 78 копеек, собранных военнопленными [105]. Конечно, дело было не в размерах этой помощи, а в самом факте, что, видимо, довольно многочисленная группа военнопленных различных национальностей сочла нужным уделить часть своих копеечных заработков на поддержку пролетарской революции. В ВРК обратились и делегаты военнопленных солдат австро-венгерской и германской армий, работавших на заводе Гужона. Как уже указывалось, именно среди этой группы сложилось ядро во главе с Фридьешем Карикашем, игравшее заметную роль в развитии движения интернационалистов в Москве и Подмосковье. Военнопленные с Гужона были участниками уличных боев в Москве. Их делегаты просили ВРК напечатать на немецком, венгерском, болгарском, румынском и других языках воззвание, составленное самими военнопленными — социал-демократами, а затем распространить его среди солдат германской и австро-венгерской армий [106]. 9 (22) ноября

---

[102] «Социал-демократ», 2 (15).XI 1917.
[103] «Социал-демократ», 17 (30).XI 1917.
[104] Позже он стал одним из командиров Советской Армии, героем борьбы за свободу испанского народа, участником Отечественной войны, одним из выдающихся организаторов и руководителей Войска Польского (Я. Броневская. О человеке, который не кланялся пулям. М., 1963).
[105] «Социал-демократ», 9 (22).XI 1917.
[106] «Деревенская правда», 8 (21).XI 1917.

«Деревенская правда» — орган Московской военной организации РСДРП(б), а также некоторые другие газеты опубликовали обращение «Восстаньте, народы Германии и Австро-Венгрии!», подписанное — «Военнопленные австрийцы и германцы, работающие на заводе Гужона в Москве». Авторы его призывали создавать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, полковые, ротные, фабричные и заводские комитеты, поднимать знамя восстания, брать власть в руки трудящихся, добиваться «честного демократического мира», социализма и дружбы народов[107]. В этом документе, написанном чуть ли не в ходе восстания, поражает не столько его политическая страстность, сколько идейная глубина. Для его составителей революция в России — дело не только русского народа, это дело международного пролетариата. Обращение военнопленных было одним из ярких свидетельств идейно-политического воздействия большевиков на ту часть зарубежных трудящихся, которая оказалась свидетельницей и участницей величайшей революции. Тот факт, что солидарные действия во время вооруженной борьбы сопровождались осознанным восприятием главных, решающих в данный момент положений большевистской политической программы, подчеркивал ее действенность и ее международное значение.

Вооруженное восстание в Петрограде и Москве сопровождалось многими яркими проявлениями пролетарского интернационализма, сплочения трудящихся из различных стран вокруг российских рабочих и солдат, совершивших под руководством большевиков социалистическую революцию. Конечно, для исхода восстания участие в нем зарубежных союзников по классу практически имело небольшое значение. Но оно поднимало дух бойцов, оно вселяло уверенность, что за идущим рядом рабочим из Польши, солдатом-военнопленным из Австро-Венгрии или Германии пойдут их соотечественники, что знамя социализма, победно взметнувшееся в Петрограде и Москве, взовьется над всем миром.

С победой вооруженного восстания в Петрограде и Москве, с образованием Советского правительства и принятием первых декретов Советской власти, с превращением партии большевиков в правящую партию образовавшейся Российской Советской Республики начался новый этап социалистической революции — триумфальное шествие Советской власти.

3. Интернационалисты в победоносном шествии революции

Революционные элементы из среды зарубежных трудящихся приняли активное участие в борьбе за утверждение власти Советов в период ее триумфального шествия по России. В первых

[107] «Деревенская правда», 9 (22).XI 1917.

рядах борцов за победу пролетарской революции были рабочие промышленных предприятий Московской губернии, на которых работали и военнопленные — Мытищинского вагоностроительного завода, фабрики Коншина в Серпухове, Коломенского машиностроительного завода и др. На некоторых заводах и фабриках Подмосковья отдельные рабочие-военнопленные входили и в Красную гвардию. В частности, в Икше обучал красногвардейцев один из пленных австрийцев — унтер-офицер Шуберт, «. . . человек революционно настроенный. . .» [108] Икшинские красногвардейцы помогли установить Советскую власть в Дмитрове.

В Иваново-Вознесенске 25 октября (7 ноября) вечером Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение взять власть в свои руки и создал Революционный штаб, установивший контроль на телеграфе, почте, вокзале, в банке и т. д. Красногвардейцы из рабочих-военнопленных несли в те дни охрану железнодорожной станции [109]. В выехавшем из Иваново-Вознесенска в Москву для борьбы с контрреволюцией отряде Красной гвардии была группа революционных австро-венгерских военнопленных во главе с Ференцем Янчиком [110]. На состоявшемся затем в Иваново-Вознесенске митинге военнопленных была единогласно принята резолюция, в которой зарубежные трудящиеся призвали своих братьев на родине к поддержке социалистической революции в России.

Заметное участие в революционных событиях приняли рабочие-военнопленные в городе Любиме Ярославской губернии. Красногвардейцы-военнопленные в Любиме, и среди них Р. Гарашин, помогли занять канцелярию воинского начальника, охраняли склады с оружием и продовольствием. «Первые достижения Октябрьской революции, — писал позднее Р. Гарашин, — оказали на нас большое влияние. Мы гордились тем, что вчерашние военнопленные сегодня могут с оружием в руках, плечом к плечу со своими братьями, русскими рабочими, сражаться в рядах Красной гвардии» [111].

В воспоминаниях военнопленных интернационалистов, принимавших активное участие в гражданской войне в СССР, содержатся сведения о вхождении военнопленных в Красную гвардию в период борьбы за власть Советов в Твери, Серпухове, Курске.

Большую роль в утверждении Советской власти в Курской губернии сыграл разгром ударных корниловских батальонов под Белгородом. В этом разгроме активно участвовали революционные солдаты Белгородского польского запасного полка. В большевистской организации Белгорода было много солдат и офицеров—поляков. Председателем городского комитета РСДРП(б) являлся Иван

[108] «За власть Советов (воспоминания)». М., 1957, стр. 431.
[109] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 398, л. 14.
[110] «История СССР», 1957, № 4, стр. 170.
[111] «Венгерские интернационалисты. . .», стр. 243.

Бойцы пулеметной команды польского Белгородского революционного полка

(Ян) Г. Озембловский, учитель математики, сын ссыльного — участника польского освободительного восстания 1863 г. Прочную опору Белгородского Совета составлял местный гарнизон, самой крупной частью которого был польский полк [112]. Под руководством большевиков 30 октября (12 ноября) в Белгороде был образован ревком. Выступая 18 ноября (1 декабря) на заседании Московского Совета, представитель Белгородского полка Станислав Дзяткевич заявил, что «...польский революционный полк в числе 16 000 штыков с первых дней революции стоял на точке зрения „вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов“» [113]. Отвечая на приветствие поляков-белгородцев, председатель Московского Совета М. Н. Покровский с удовлетворением заявил: «Мы видим теперь перед собой польские революционные полки, рука об руку с русским революционным пролетариатом борющимися за один и тот же социалистический идеал...» [114] 25 ноября (8 декабря) прибывший из Петрограда сводный отряд балтийских моряков и красногвардейцев под командованием Н. А. Ховрина при активном участии Белгородского польского полка разгромил

---

[112] См. «История гражданской войны в СССР», т. III. М., 1957, стр. 27.
[113] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы». М., 1957, стр. 30.
[114] ГАОРСС МО, ф. 40, оп. 12, п. 4, лл. 591—592.

бежавшие с Западного фронта белогвардейские ударные батальоны.

Немалое значение для победы революции имело то, что одновременно с основными центрами страны — Петроградом и Москвой — власть Советов установилась в Белоруссии. В Минске уже днем 25 октября (7 ноября) власть перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов. В связи с тем, что в Минске проживало много беженцев, что среди солдат было много лиц польского происхождения и что в городе и вокруг него находились части 1-го польского корпуса, на командование которого опирались местные контрреволюционные силы, серьезное значение приобретала деятельность Польского социалистического объединения. Эта организация, насчитывавшая в Минске до 800 членов, являлась надежным союзником большевиков. Один из руководителей объединения — Станислав Берсон был избран в Минский ВРК.

Одновременно с центральными районами страны и Белоруссией революционный поток захватил Урал и Поволжье. Польские солдаты и рабочие-беженцы под руководством польских социал-демократов боролись вместе с российскими трудящимися за победу Советской власти в Казани, Самаре, Саратове и многих других городах Поволжья. Имеются указания и на то, что в начале 1918 г. охрану революционного порядка в Самаре, помимо коренного населения и польских беженцев, несли и отдельные военнопленные [115]. Рабочие-военнопленные участвовали в разоружении контрреволюционеров в городе Николаевске Самарской губернии. Вступив в Красную гвардию, они вместе с революционными солдатами 138-го запасного полка, выборным командиром которого после установления власти Советов стал В. И. Чапаев, защищали завоевания Октября. «Мы, бывшие военнопленные, вставшие на сторону большевиков, — сообщал бывший доброволец николаевского красногвардейского отряда словак Й. Сикора, — с большим вниманием относились к мероприятиям местных органов Советской власти и поддерживали их» [116]. В конце ноября 1917 г. в Казани по инициативе венгерских интернационалистов Ш. Апати и Б. Динда возник из военнопленных интернациональный отряд Красной гвардии в составе 40 добровольцев, стоявших на страже революционного порядка [117].

В начале 1918 г. напряженная обстановка сложилась в Нижнем Поволжье. Контрреволюция, опираясь на астраханских казаков, организовала вечером 12 (25) января 1918 г. вооруженное выступление против Советской власти. На помощь трудящимся Астрахани из окрестных рыбачьих поселков и деревень двинулись отряды. В одном из прибывших из Царевского уезда отрядов за

---

[115] «Астраханский листок», 10 (23).I 1918.
[116] «Былые походы». М., 1961, стр. 19.
[117] Ш. Пете. Казанский Октябрь. — «За власть Советов», ч. II. Казань, 1960, стр. 306.

власть народа сражались бывшие румынские солдаты. На стороне Астраханского Совета выступили также австрийские военнопленные[118]. 25 января (7 февраля) 1918 г. революционные войска Астрахани перешли в наступление, и белоказаки в панике отступили.

Пролетарскую революцию в России поддержали и передовые представители зарубежных трудящихся, находившиеся на Урале и в Приуралье. На массовом митинге военнопленных в Екатеринбурге, организованном в начале ноября 1917 г., была принята резолюция, в которой заявлялось: «Мы выражаем нашу полную солидарность с русской революцией... Наш долг, долг будущего, работать над созданием III пролетарского неразрывного Интернационала»[119].

В сложной обстановке проходило установление Советской власти к югу от Урала. Вскоре после начала социалистической революции, в ночь с 14 (27) на 15 (28) ноября 1917 г., оренбургское казачество в главе с полковником Дутовым захватило власть в Оренбурге. По распоряжению Совнаркома на борьбу с дутовской контрреволюцией были направлены революционные отряды из Петрограда, Самары, Перми, Екатеринбурга, Уфы и других городов во главе с чрезвычайным комиссаром Советского правительства П. А. Кобозевым. Накапливало силы и революционное подполье в Оренбурге. В городе была проведена всеобщая стачка в поддержку разогнанного Совета; в стачке участвовали и военнопленные. Работавшие в железнодорожных мастерских военнопленные отказались сооружать бронированный поезд, предназначенный для борьбы с революционными силами. Готовясь к борьбе с дутовцами, трудящиеся Оренбурга создали Красную гвардию. В ее ряды вступали также военнопленные. Их руководителями были Р. Дюрко, Л. Шипко, П. Олеандер. 17 (30) января 1918 г., когда революционные войска уже находились на подступах к Оренбургу, в городе началось окончившееся успехом вооруженное восстание, в котором участвовали и красногвардейцы-военнопленные[120].

В условиях сложной расстановки классовых сил разворачивалась борьба за установление Советской власти на Украине. Во многих Советах здесь преобладали русские и украинские меньшевики и эсеры. Кроме того, украинские буржуазные националисты сумели создать свои претендовавшие на власть органы во главе с Центральной радой, сформировать войска, а также установить сотрудничество с командованием чехословацкого корпуса и находившихся на Украине польских и сербских частей.

---

[118] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 1, д. 131, л. 2; оп. 2, д. 79, л. 9; «Правда», 28.II 1918.

[119] «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 15 (28).XI 1917.

[120] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 187, л. 27; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 56, лл. 10—11; оп. 3, д. 342, л. 2.

Кроме того, Раду поддерживали некоторые мелкобуржуазные и националистические организации, действовавшие среди беженцев и военнопленных.

В то же время передовые круги временного зарубежного населения Украины шли вместе с большевиками. Когда 28—29 октября (10—11 ноября) чехословацкие подразделения вместе с юнкерами вели в Киеве бои против революционных рабочих и солдат, ЦК чехословацкой социал-демократической организации потребовал от командования немедленного вывода чехословацких войск из Киева [121]. Хотя войска были уведены уже после разгрома контрреволюционеров, позиция чехословацких социал-демократов во многом ограничила действия чехословацкого командования. Во время уличных боев в полном единстве со всем пролетариатом Киева выступила его польская часть. Разгромом юнкеров и других мятежников в Киеве сумела воспользоваться Центральная рада, объявившая себя высшей властью на Украине.

Трудящиеся Украины готовились к решающей борьбе за власть. В первых рядах революционного пролетариата Харькова шли рабочие эвакуированного из Варшавы завода «Герлях и Пульст», на котором была создана Красная гвардия. 10—11 (23—24) декабря 1917 г. отряды Красной гвардии в Харькове разоружили гайдамаков, и вся власть перешла в руки Харьковского Совета. Рабочие завода «Герлях и Пульст» заявили, что «настало время осуществления Советской власти на деле» [122]. В упрочении революционной власти в городе участвовал прибывший в декабре 1917 г. из Петрограда отряд Красной гвардии во главе с М. Войцеховским [123]. В пролетарском Харькове 11—12 (24—25) декабря состоялся I Всеукраинский съезд Советов, объявивший о создании Украинской Советской Республики.

Польские интернационалисты приняли активное участие в установлении Советской власти во многих городах Украины. В Николаеве к моменту провозглашения Советской власти в составе местной большевистской организации существовала польская национальная группа. Представители групп СДКПиЛ входили в революционные комитеты в Бердянске и Екатеринославе [124]. В Екатеринославе многие польские рабочие во главе с Альбертом Войцеховичем состояли в Красной гвардии. Опорой

---

[121] А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, стр. 130—131.

[122] «Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции. Февраль 1917—апрель 1918 гг.» Харьков, 1957, стр. 354.

[123] В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. I. М.—Л., 1924, стр. 174.

[124] А. Я. Манусевич. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти. — «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 114.

Екатеринославского ВРК в борьбе с контрреволюцией были трудящиеся Брянского завода. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 г. 6 тыс. рабочих этого предприятия — украинцев, русских, поляков, чехов, хорватов — на общем собрании поддержали переход всей власти к Советам. На заводе была создана хорошо вооруженная Красная гвардия. Одним из ее организаторов являлся председатель комитета югославянской рабочей дружины, почти целиком вошедшей в красногвардейский отряд, серб Данило Сердич [125]. Когда он прибыл в Екатеринослав из Петрограда, в комитете большевиков ему поручили сформировать красногвардейский отряд из добровольцев-военнопленных, работавших на Брянском заводе. Это задание было выполнено [126].

26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.) гайдамаки открыли артиллерийский огонь по заводу и атаковали Екатеринославский Совет. На помощь трудящимся Екатеринослава через Синельниково прибыли петроградские, московские и харьковские красногвардейцы. Революционные войска окружили главный опорный пункт контрреволюционеров — почту. Не выдержав энергичного натиска, гайдамаки сдались. 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) в Екатеринославе была провозглашена Советская власть. Местная большевистская газета «Звезда» писала: «В этой борьбе один путь у москвича и у екатеринославца, у петроградца и у харьковчанина, у русского и немца, у украинца и у поляка» [127].

В Одессе находилось много румынских рабочих-беженцев и матросов, солдат югославянского корпуса и более 700 австро-венгерских военнопленных, которые работали в порту и на промышленных предприятиях. Иностранные трудящиеся не желали оставаться в стороне от борьбы с контрреволюцией. Революционеры-военнопленные предложили Одесскому Совету помощь в создании Красной гвардии. Одним из ее организаторов стал чех А. Шипек [128]. 18 (31) января 1918 г. в Одессе победила власть Советов «Все мы мечтали о счастливой жизни трудящихся, — писал Шипек, — все мы хотели навсегда вырваться из оков капитализма, толкнувшего нас в пучину войны, и верили, знали, что Октябрьская социалистическая революция решает и судьбы наших народов» [129]. В январе 1918 г. в Одессе были сформированы румынские революционные батальоны, пехотный и морской. В феврале 1918 г. там же начала формироваться Интернациональная Красная гвардия. В ее состав входили чехословацкий, китайский, сербский, немецкий и другие отряды.

---

[125] ГАОРСС МО, ф. 2187, оп. 1, д. 116, л. 1; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 173, л. 18.
[126] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 87, лл. 19, 21; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 167, лл. 3—5, 25.
[127] «Звезда» (Екатеринослав), 3 (16).I 1918.
[128] ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 175, л. 61.
[129] «Дело трудящихся всего мира». М., 1957, стр. 17.

Революционные войска Советской Украины со всех сторон охватывали Киев, громя гайдамаков. Есть сведения, что в наступлении участвовал отряд чехословацких добровольцев-военнопленных [130]. Когда революционные войска были уже на подступах к городу, Киевский комитет большевиков 15 (28) января 1918 г. призвал к свержению контрреволюционного режима Центральной рады. В городе началось вооруженное восстание. Украинская рада сняла с фронта войска и бросила их на подавление основного оплота восставших — завода «Арсенал». Шесть дней, пока не кончились боеприпасы, арсенальцы под руководством большевистского ревкома, в который входил и польский революционер Ипполит Фиалек, героически отражали превосходящие силы врагов пролетарской революции. Озверевшие петлюровцы расстреляли более 1500 рабочих. В боях за «Арсенал» погибли чешские и словацкие рабочие А. Чепек, П. Зевак и др.[131] 26 января (8 февраля) 1918 г. в Киев вступили советские войска. В уличных боях участвовали отряды Красной гвардии, куда входили югославянские и чехословацкие интернационалисты [132]. Одним из отрядов командовал хорват Густав Барабаш.

На многие недели затянулась борьба за Советскую власть на Дону, где сложился один из центров российской контрреволюции. И здесь зарубежные интернационалисты приняли активное участие в событиях. Член СДКПиЛ Петр Жук руководил большевистской организацией и ВРК Ростова-на-Дону. В ноябре 1917 г. в рабочих боевых дружинах состояли многие польские революционеры [133]. В Красную гвардию вступали и члены организации военнопленных при Ростовском комитете РСДРП(б). В течение 25 ноября—2 декабря (8—15 декабря) 1917 г. пролетарский Ростов отбивал атаки донских белоказаков. Все же власть в городе временно перешла к калединцам. В бою под Александровкой при отражении казачьих атак пал М. Боровский. Погибли 53 красногвардейца из военнопленных. Многие, в том числе немецкий революционер Г. Мельхер, были брошены в тюрьму [134]. В застенке оказался и П. Жук. Но группа СДКПиЛ продолжала действовать в подполье. Окрыленные успехами в Ростове калединцы стали продвигаться в революционный Донбасс. Шахтеры самоотверженно отражали налеты белоказаков. Вместе с ними активно выступали иностранные трудящиеся. Например, революционные

---

130 А. Х. Клеванский. Указ. соч., стр. 149.

131 «Киевский Арсенал в пролетарской революции». Киев, 1928, стр. 127.

132 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 97, л. 20; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 87, л. 20.

133 «Пролетарская революция на Дону. Сб. IV. Калединщина и борьба с нею. 2 декабря 1917—10 февраля 1918 гг.» М.—Л., 1924, стр. 3, 174—175.

134 И. М. Кривогуз. Германские военнопленные интернационалисты в России в 1917—1920 гг. — «Ноябрьская революция в Германии». М., 1960, стр. 336.

солдаты-поляки участвовали в боях с казаками на станции Мушкетово в Кальмиусском округе [135].

Для борьбы с калединской контрреволюцией в Донбассе формировались отряды Красной гвардии, в которые вступили и рабочие-китайцы, например, Чжан Чуань-линь, Чжай Юн-тан и др.[136] Не желали быть в стороне от революционной борьбы и военнопленные. После доклада комиссара Красной гвардии о просьбе военнопленных разрешить им вступить в гвардию Кальмиусский Совет рабочих депутатов на заседании 15 (28) января 1918 г. постановил: «Совет приветствует товарищей военнопленных, выступивших солидарно с российским пролетариатом на борьбу с угнетателями рабочего класса» [137]. Добровольцы из военнопленных входили в революционные войска, которые под командованием Сиверса наступали на Ростов-на-Дону со стороны Таганрога [138]. В восстании против калединской контрреволюции в Таганроге в январе 1918 г. участвовали чехословацкие военнопленные, работавшие на Русско-Балтийском заводе. Чех Вавра был членом заводского штаба Красной гвардии. Добровольцы-военнопленные входили и в один из отрядов Красной гвардии, в январе 1918 г. выбывший из Москвы на фронт под Ростов [139].

Революционные войска тесным кольцом сжимали силы донской контрреволюции. В руках калединцев оставались лишь Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Большевики, выйдя из подполья, стали вооружать рабочих. Вырвавшийся из тюрьмы П. Жук образовал штаб Красной гвардии. К работе в штабе он привлек Г. Мельхера [140]. 24 февраля 1918 г. революционные войска с помощью местной Красной гвардии рассеяли остатки контрреволюционных войск, и в Ростове-на-Дону утвердилась власть Советов.

Революционные элементы из военнопленных поддержали пролетарскую революцию и в Туркестане. Например, 28 октября (10 ноября) 1917 г. в Ташкенте несколько пленных вместе с солдатами 1-го Сибирского полка отбивали нападения юнкеров и казаков, а после победы вооруженного восстания участвовали в разоружении контрреволюционных элементов. Некоторые из военнопленных вступили в Красную гвардию [141].

Во многих городах Сибири — Омске, Томске, Красноярске,

---

[135] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы, т. X. Триумфальное шествие Советской власти», ч. II. М., 1963, стр. 114.

[136] «Дружба, скрепленная кровью». М., 1959, стр. 21—22, 27—28 и др.

[137] «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сталино, 1957, стр. 283.

[138] В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., т. I, стр. 227.

[139] «Астраханский листок», 11 (24).I 1918; Я. Г. Гришаков. Революционная деятельность чехословаков-интернационалистов в Таганроге в 1918 г. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 156.

[140] А. Локерман. 74 дня Советской власти. (Из истории диктатуры большевиков в г. Ростове-на-Дону). [Ростов-на-Дону], 1918, стр. 6.

[141] «Былые походы», стр. 264.

Сретенске, Хабаровске — социалистическая революция победила без вооруженной борьбы, мирным путем. У контрреволюции в этих местах не хватало сил для того, чтобы открыто выступить против власти Советов. Активную роль в установлении власти Советов в Красноярске играла группа СДКПиЛ и прежде всего член Средне-Сибирского бюро РСДРП(б) Франциишек Врублевский. Группа военнопленных—социал-демократов Красноярска во главе с Г. Хорватом, Г. Кольгофом и другими по распоряжению местного революционного комитета несла караульную службу на вокзале [142].

В конце октября 1917 г. в Томской губернии на Анжерских и Судженских копях, где работало много военнопленных и отходников-китайцев, состоялось общее собрание шахтеров. После доклада представителя большевиков было принято решение о переходе власти к Совету, вооружении рабочих и установлении контроля над производством. Организация РСДРП на копях насчитывала до 1075 членов, из них свыше 300 — из числа военнопленных [143]. Военнопленные избирались в Совет рабочих депутатов, рабочие комитеты на шахтах, входили в Красную гвардию.

В Омске значительную работу проводили венгерские военнопленные-социалисты во главе с Каройем Лигети. Поздравив Совнарком с победой социалистической революции, в телеграмме на имя В. И. Ленина от 8 (21) декабря 1917 г. они сообщали: «Мы стали союзниками русской революции и идем вместе с Вами» [144]. Несмотря на попытки офицеров—пленных из омского лагеря помешать участию солдат в митинге и демонстрации, проведенных 26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.), военнопленные-солдаты выразили солидарность с социалистической революцией и ее декретом о мире и вступили в Красную гвардию [145].

В Восточной Сибири пролетарская революция утвердилась вооруженным путем. Иркутский Совет провозгласил взятие власти 19 ноября (2 декабря) 1917 г., но она не была прочной. В городе находилось много офицеров и юнкеров, готовивших контрреволюционный мятеж. Им противостояли революционные солдаты нескольких запасных полков и небольшие отряды Красной гвардии, в которую входили, помимо местных рабочих, польские ссыльные и беженцы, а также отдельные отходники — корейцы и китайцы, и несколько военнопленных — членов группы социал-демократов. Несмотря на контрреволюционную агитацию

---

142 «Красногвардейцы и партизаны». Сборник воспоминаний. Чита, 1957, стр. 106—108.

143 «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Томск, 1957, стр. 172.

144 «Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917—май 1918 гг.)». Омск, 1958, стр. 109.

145 «Венгерские интернационалисты...», стр. 296; «Омские большевики...», стр. 125—126.

офицеров, социал-демократы — интернационалисты из военнопленных (А. Штиллер, Ф. Омаста, Швабенгаузен, Шебеко и др.) сумели сплотить к началу декабря 1917 г. около 300 революционно настроенных военнопленных [146]. Значительную помощь им оказывала иркутская организация большевиков, во главе городского комитета которой стоял сосланный царскими властями член СДКПиЛ с 1906 г. А. Рыдзинский [147]. При поддержке Иркутского Совета революционные военнопленные взяли в свои руки охрану лагеря.

8 (21) декабря 1917 г. юнкера напали на «Белый дом» — резиденцию ВРК. На помощь ВРК выступили революционные солдаты и отряды Красной гвардии. Организация революционных военнопленных сформировала два красногвардейских отряда. Один из них под командованием немецкого революционера А. Штиллера вступил в бой с юнкерами вместе с вооруженными рабочими Знаменской слободы. Другим отрядом, который действовал вместе с революционными солдатами из Глазкова, командовал венгерский революционер Ф. Омаста [148]. При поддержке отрядов вооруженных шахтеров из Черемхова, революционных солдат и Красной гвардии из Красноярска под командованием С. Лазо революционные войска подавили мятеж.

Одним из первых в Забайкалье взял власть в свои руки Совет рабочих депутатов Арбагарских каменноугольных копей. Передовые рабочие-отходники вступили в профсоюз углекопов, возглавляемый большевиком А. А. Ширямовым, и в Красную гвардию [149]. Арбагарские красногвардейцы содействовали упрочению Советской власти в Сретенске. Когда встал вопрос о переходе власти к трудящимся в Сретенске, председатель Совета большевик Пивоваров предложил военнопленным-социалистам Д. Фриду и Л. Эмберу вооружить своих революционно настроенных товарищей, которые работали на кожевенном заводе. Иностранные революционеры заявили Сретенскому Совету, что они готовы выступить с оружием в руках вместе с русскими товарищами [150].

Тяжелой и сложной была борьба за власть Советов в центре Забайкалья — Чите. Местный Совет опирался на рабочих электростанции и железнодорожного депо. В декабре 1917 г. около 40 революционно настроенных военнопленных пополнили ряды местной Красной гвардии. В январе 1918 г. власть в городе перешла к соглашательскому Народному совету, который проложил дорогу

---

[146] «Ноябрьская революция в Германии», стр. 461.

[147] А. Я. Манусевич. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти, стр. 113.

[148] «Ноябрьская революция в Германии», стр. 462—463.

[149] «Великая дружба. Очерки, статьи, воспоминания». Чита, 1959, стр. 38.

[150] Д. Фрид. Чешские военнопленные в борьбе с чехословацким мятежом. — «Пролетарская революция», 1928, № 5, стр. 159.

к установлению в Забайкалье террора банд атамана Семенова. Военнопленные-интернационалисты были разоружены, а их руководители — Ф. Штейнгардт, А. Мюллер и другие — брошены в тюрьму [151]. С прибытием же в Читу в феврале 1918 г. казачьих частей, подвергшихся существенному революционному воздействию на фронте, положение изменилось, и в Чите с их помощью была установлена Советская власть. Семеновские банды, бежавшие к границе с Китаем, вместе с революционными солдатами Аргунского полка преследовала и группа вооруженных военнопленных-интернационалистов. Активную роль в установлении Советской власти в Якутии играл серб Андрей Стоянович [152].

Участие революционно настроенных иностранных трудящихся — военнопленных, беженцев, отходников — в утверждении Советской власти свидетельствовало о том, что они восприняли социалистическую революцию в России как свое кровное дело.

---

[151] А. А. Мюллер. В пламени революции (1917—1920 гг.). Воспоминания. Иркутск, 1957, стр. 21—23.

[152] И. Рыбакова. Комиссар Ленского округа. — «Славяне», 1957, № 10.

ГЛАВА 4

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ПЕРИОД БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗА ВЫХОД ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1. Политика Советского государства по отношению к военнопленным

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила от угнетения не только все народы России, но и военнопленных и иностранных трудящихся, которые временно находились в стране. Права, завоеванные трудящимися России в период революции, были законодательно закреплены Советским правительством и распространены на всех рабочих, в том числе на беженцев и отходников.

С победой революции коренным образом изменилось и положение военнопленных. Судьба военнопленных и те условия, в которых они оказались в последнее время, указывалось в газете «Известия ВЦИК», благоприятствуют созданию из них бойцов против мирового империализма — виновника их несчастий — и превращению их в искренних друзей революционной России[1]. Уже 25 октября (7 ноября) 1917 г. Петроградский ВРК назначил М. А. Фаермана комиссаром по делам военнопленных и поручил ему провести реорганизацию Центрального комитета военнопленных Российского общества Красного Креста (РОКК), а также принять меры к созданию комитетов помощи военнопленным при Советах рабочих и солдатских депутатов[2]. В конце декабря 1917 г. Совнарком назначил большевика А. Л. Менциковского, заведовавшего отделом в НКИД, комиссаром по делам военнопленных. Под его контроль переходили все организации, занимавшиеся военнопленными в России. Комиссар издал распоряже-

[1] См. «Известия ВЦИК», 15 (28).XII 1917.

[2] «Петроградский Военно-революционный Комитет», т. I. М., 1966, стр. 117—118.

ние, обязавшее местные Советы немедленно создать отделы военнопленных.

По представлению наркома по военным делам Н. И. Подвойского 29 января (11 февраля) 1918 г. Совнарком рассмотрел вопрос об учреждениях, ведающих делами о военнопленных при ГУГШ, НКВД, НКИД, а также Комитете по делам военнопленных при РОКК [3].

Делами военнопленных занимался и Военный отдел ВЦИК. В начале декабря 1917 г. его посетила делегация военнопленных — венгерских и польских социал-демократов, ходатайствовавшая о помощи в проведении интернационалистической пропаганды в лагерях. Делегаты указывали на необходимость введения в лагерях выборного начала и предоставлении комитетам военнопленных функций самоуправления. В отделе заявили, что пожелания военнопленных будут удовлетворены [4].

Тем временем в составе отдела военнопленных НКИД начала действовать секция пропаганды среди военнопленных во главе с Б. Рейнштейном, который одновременно Наркомвоеном был назначен комиссаром по революционной интернациональной пропаганде в среде военных и гражданских пленных в России [5]. Секция приступила к изданию газет для солдат стран Четверного союза. 6 (19) декабря 1917 г. вышел первый номер газеты на немецком языке «Факел» (редактор В. Марковский), затем на венгерском — «Немзеткези социалиста» («Интернациональный социалист») (редактор Голлендер) и на румынском языке [6]. Вскоре, однако, вся работа по агитации среди военнопленных и издание газет сосредоточиваются в отделе международной пропаганды. В его работе активное участие принимали иностранные социалисты-интернационалисты. Деятельностью этого отдела очень интересовался В. И. Ленин [7].

В конце января 1918 г. при Военном отделе ВЦИК было создано Бюро пленных, председателем которого стал член ВЦИК, большевик И. И. Ульянов. Главной задачей бюро являлось проведение революционной агитации среди военнопленных и издание газет [8].

Советское правительство не только встало на путь неукоснительного соблюдения международных конвенций относительно военнопленных, но, исходя из принципов пролетарского интернационализма и гуманизма, пошло в защите прав и интересов военнопленных значительно дальше, чем предусматривалось нор-

---

[3] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 94.
[4] «Власть народа» (Москва), 12 (25).XII 1917.
[5] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 13 (26).XII 1917.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 12, л. 32.
[7] «Иностранная литература», 1957, № 11, стр. 9.
[8] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 2, л. 21.

мами международного права. Сначала было покончено с тюремным режимом в лагерях военнопленных и с принудительными работами. 6 (19) декабря 1917 г. НКИД объявил Боровичскому уездному Совету Новгородской губернии, что военнопленные освобождаются от принудительных работ и с 1 (14) декабря их труд должен оплачиваться наравне со всеми рабочими. Им также разрешалось иметь своих выборных представителей. Ограничив сначала эту меру одним уездом, Советское правительство хотело побудить Центральные державы на основе взаимности облегчить положение русских военнопленных, находившихся в Германии и Австро-Венгрии. Постановление о военнопленных Боровичского уезда было передано по радиотелеграфу в Брест-Литовск. Делегации Советской России в Брест-Литовске поручалось предложить представителям стран Четверного союза распространить принятые меры на условиях взаимности на всех военнопленных. «Народное правительство Русской республики, — указывалось в сообщении, — делает этот шаг и немедленно распространит эту меру на всех военнопленных» [9].

Несмотря на то что Центральные державы не ответили на обращение Советского правительства, указанные меры были распространены на всех находившихся в России военнопленных.

13 (26) декабря 1917 г. НКИД объявил, что военнопленные в России должны получать заработную плату полностью (за вычетом сумм на покрытие расходов на их содержание) [10]. Как разъяснил Наркомат труда, «заработная плата, за вычетом содержания натурой, должна выдаваться военнопленным на руки» [11].

Военный отдел ВЦИК, получив сведения о положении военнопленных в Астраханской губернии, в предписании Астраханскому Совету от 13 (26) декабря 1917 г. указал, что пленным необходимо дать внутреннее самоуправление, разрешить организовать комитеты по образцу русской армии, оплачивать их труд наравне с трудом русских рабочих, назначить от Совета комиссара по делам военнопленных. «В революционной стране, — отмечал Военный отдел, — не должно быть рабов, а военнопленные должны чувствовать себя в нашей стране гостями у революционно-трудового народа» [12].

В приказе по Московскому военному округу от 15 (28) декабря 1917 г. революционный штаб округа сообщил, что в полном согласии с Советом Народных Комиссаров считает одной из своих очередных задач облегчение положения военнопленных, причем оно должно осуществляться не в виде милости сильного слабому, а в форме поддержки самодеятельности самих масс военноплен-

[9] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 8 (21).XII 1917.

[10] «Правда», 13 (26).XII 1917.

[11] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 14 (27).XII 1917.

[12] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 78, д. 84, л. 19.

ных — рабочих и крестьян. В связи с этим было указано: «...Не чинить никаких препятствий к организации военнопленных в группы профессиональные и политические, а также к установлению комитетов и организаций с хозяйственными функциями, подобно тем комитетам, в которых организуется русская революционная армия»[13]. Повсеместно в лагерях военнопленных были избраны комитеты, действовавшие в контакте с назначенными советскими органами комиссарами по делам военнопленных. Представители военнопленных вошли во многие местные Советы.

Осуществляя принципы пролетарского интернационализма по отношению к военнопленным в России, Советское правительство отстаивало их на переговорах в Бресте, добивалось, чтобы правительства Центральных держав безотлагательно приняли меры к коренному улучшению положения российских военнопленных. 18 (31) декабря 1917 г. в Петрограде начала работать конференция по делам о гражданских и военных пленных. В советскую делегацию вошли А. И. Доливо-Добровольский (председатель), Ю. Уншлихт, А. Менциковский, Гиллерсон и др. Главой германской делегации был граф В. фон Мирбах, австро-венгерской — Гемпель. Уже на первом пленарном заседании выявился принципиально разный подход к задачам конференции. Если делегация Советской России выступила с предложением всесторонне обсудить вопрос о военнопленных и принять самые широкие решения, то Мирбах от имени стран Четверного союза дал понять, что они не намерены пойти далее некоторых частичных мер в улучшении положения военнопленных[14].

На первом заседании комиссии, состоявшемся 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.), представитель Советской России Менциковский огласил декларацию, в которой, имея в виду радиограмму от 7 (20) декабря, указал, что Советское правительство «сделало предложение предоставить самые широкие права всем категориям военнопленных на условиях взаимности»[15]. Поэтому Менциковский предложил начать работу с обсуждения мер по улучшению положения военнопленных. Тогда же выяснилось, что представители империалистических держав, говоря о частичных мерах, имели в виду лишь улучшение санитарного состояния, почтового обмена и другие вопросы, уже обсуждавшиеся на Копенгагенской конференции в 1917 г. и не затрагивающие основного — сохранения принудительных условий труда военнопленных. Кроме того, они попытались выдвинуть на первый план обсуждение технических вопросов, связанных с транспортировкой военнопленных после заключения мирного договора. Тем не ме-

---

[13] ЦГАОР СССР, ф. 4044, оп. 1, д. 1 (россыпь).

[14] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 24.XII 1917 (6.I 1918).

[15] «Социал-демократ» (Москва), 20.XII 1917 (2.I 1918).

нее делегациям Германии и Австро-Венгрии пришлось согласиться обсудить в первую очередь вопросы об улучшении положения военнопленных. Однако выдвинутые на конференции советскими делегатами требования об отмене принудительных работ и установлении для военнопленных 8-часового рабочего дня, меры по охране труда, право на самоуправление и т. п. были отвергнуты представителями империалистических держав. «У нас, — признал член немецкой делегации Францекель, — вся промышленность обрабатывается трудом военнопленных, и если мы с вами согласимся, то вся промышленность прекратится. . .» [16].

Советский представитель Сергей Багоцкий подчеркнул на заседании подкомиссии по улучшению положения военнопленных, что в Советской России военнопленным предоставлено право свободно высказывать свои политические убеждения. Это не устраивало империалистов. «Не в наших интересах, — признал Францекель, — то, что вы предоставляете политические вольности» [17]. А делегат Австро-Венгрии даже потребовал, чтобы военнопленным в Советской России не разрешали участвовать в политических митингах. Еще более накалилась обстановка на конференции, когда делегация Советской России внесла на обсуждение вопрос об уравнении в правах военнопленных солдат и офицеров, предложив отменить офицерские привилегии. Делегаты Германии и Австро-Венгрии и прибывшие в Петроград делегаты Болгарии и Турции отвергли это предложение. Однако С. Багоцкий предупредил, что «если германские и австрийские военнопленные в России выскажутся за уничтожение института денщиков, а они выскажутся именно в таком духе, то институт денщиков будет отменен» [18].

Чтобы скрыть от мировой общественности истинную империалистическую политику в отношении военнопленных, делегации Германии и Австро-Венгрии предложили не публиковать протоколы конференции. Делегация революционной России отвергла это предложение. Представители Центральных держав отказались обсуждать вопросы о возвращении на родину беженцев и о возвращении польских рабочих, насильственно увезенных в Германию [19].

Советское правительство использовало конференцию как трибуну для изложения своих взглядов по вопросам, в разрешении которых были заинтересованы народы всех воюющих стран.

---

[16] Н. Жданов. Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. М., 1920, стр. 115.

[17] «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», 29.XII 1917 (11.I 1918).

[18] «Новая жизнь» (Петроград), 9 (22).I 1918.

[19] См. А. Я. Манусевич. Из истории деятельности Польского комиссариата. — «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 172—173.

Освещенные в советской печати переговоры в Петрограде укрепили симпатии к Советской республике сотен и сотен тысяч военнопленных и беженцев. Иностранные рабочие и крестьяне выступали в поддержку предложений Советского правительства. В частности, Совет военнопленных рабочих депутатов в Серпухове в начале января 1918 г., приветствуя деятельность Совнаркома, решил направить в Брест-Литовск делегациям блока Центральных держав телеграмму, в которой говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство в России дало нам, военнопленным, свободу в полном смысле этого слова, мы требуем, чтобы наши правительства последовали этому примеру и дали всем военнопленным воюющих стран свободу и человеческие права» [20].

Освобождение военнопленных от бесчеловечной эксплуатации, принудительных работ и предоставление им права участвовать в общественной жизни Советской республики значительно ускорили дальнейшее социально-политическое размежевание в лагерях, ослабили позиции шовинистических кругов и «нейтралистских» элементов, содействовали консолидации революционных групп и организаций.

2. Организации военнопленных-интернационалистов

После победы Октябрьской революции военнопленные социал-демократы и социалисты убеждаются в необходимости объединения на платформе поддержки Октябрьской революции и Советской власти. Как уже отмечалось, 6 (19) ноября 1917 г. чехословацкие военнопленные социал-демократы, находившиеся в Петрограде, направили В. И. Ленину письмо, в котором заявляли, что видят свой долг в том, чтобы военнопленные-солдаты несли с собой на родину идеи социалистической революции, и просили Ленина посодействовать им в опубликовании воззвания к находившимся в России пленным чехам и словакам [21]. В воззвании, напечатанном через два дня в «Правде», а затем в «Известиях ВЦИК» и в ряде местных газет, разоблачалась антинародная политика филиала Чехословацкого национального совета в России, направленная на продолжение мировой империалистической войны, и содержался призыв к военнопленным поддержать пролетарскую революцию.

К декабрю 1917 г. оформилась Социал-демократическая организация чешских пленных и эмигрантов в Петрограде, примкнувшая затем к Петроградскому комитету РСДРП(б). Возникла также революционная группа венгерских социал-демократов, которую возглавил прибывший из Томска Б. Кун. Развертывали

[20] «Социал-демократ», 16 (29).I 1918.
[21] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, лл. 186—190.

деятельность румынские и болгарские социалисты-интернационалисты.

16 (29) декабря 1917 г. фронтовая комиссия Военного отдела ВЦИК созвала совещание представителей военнопленных[22]. В тот же день в цирке «Модерн» состоялся митинг военнопленных, на который пришли также рабочие, солдаты и матросы Петрограда. Публикуя объявления о митинге, «Правда» писала: «Наши товарищи — австрийцы, поляки, чехи и пр. — все эти жертвы кровавой преступной бойни империалистов всех стран сойдутся вместе с русскими рабочими как братья одной общей семьи всех трудящихся»[23]. Ораторы — русские, венгры, чехи, румыны, поляки — отмечали, что пролетарская революция освободила пленных, говорили о необходимости создания революционных социал-демократических организаций военнопленных, которые должны действовать совместно с большевистской партией и содействовать развертыванию революционной борьбы по возвращении на родину[24]. Митинг положил начало созданию единой интернационалистской организации. 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) в газете «Фёлькерфриден» («Мир народов») — органе Международного отдела ЦИК Советов, выходившем с 19 декабря 1917 г., было опубликовано воззвание, из которого явствовало, что в Петрограде уже действует Организация военнопленных социал-демократов в России[25]. Члены этой организации призывали всех трудящихся бороться за заключение мира на условиях, выдвинутых Советским правительством.

Иностранные революционеры в Петрограде проводили агитационную работу как среди военнопленных Центральных держав, так и среди солдат их армий на фронте. 22 января (4 февраля) 1918 г. на заседании Бюро пленных Военного отдела ВЦИК с участием иностранных социал-демократов были определены принципы этой агитационной работы[26].

17 февраля 1918 г. в Доме рабочих и крестьян состоялся новый митинг, созванный при содействии Всероссийского бюро пленных. Было решено создать руководящий орган организации — Социал-демократический революционный центр (комитет) военнопленных. В его состав были избраны представители военнопленных всех национальностей, участвовавших на митинге: немцев, венгров, австрийцев, чехов, словаков, румын, поляков. На Революционный центр возлагалась задача объединения всех

---

22 И. И. Ульянов. Октябрьская революция и военнопленные. — «Пролетарская революция», 1919, № 7, стр. 96.

23 «Правда», 16 (29).XII 1917.

24 «Известия ВЦИК», 17 (30).XII 1917; «Правда», 19.XII 1917 (1.I 1918).

25 См. И. М. Кривогуз. Германские военнопленные интернационалисты в России в 1917—1920 гг. — «Ноябрьская революция в Германии». М., 1960, стр. 335.

26 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 15, л. 18.

революционных организаций военнопленных в интересах пролетарской революции в России и революционного движения в странах Четверного союза[27]. В единогласно принятой резолюции военнопленные высказались за немедленное окончание войны и призвали всех рабочих мира встать под знамя пролетарского интернационализма; они обратились к соотечественникам в Германии и Австро-Венгрии с призывом свергнуть монархические режимы, оказать помощь революции в России.

21 февраля 1918 г. в Петрограде состоялось совещание Бюро пленных при Военном отделе ВЦИК и Петроградского социал-демократического комитета (Центра) военнопленных (от комитета присутствовали Бела Кун, серб М. Радошевич, чех Ф. Бенеш и др.). На совещании было принято решение образовать по всей стране революционные комитеты военнопленных, в задачи которых должна входить организация всех сторонников Советской власти и борьба с контрреволюционными элементами. Кроме того, было решено созвать Всероссийский съезд пленных. Предложив всем Советам изолировать контрреволюционные элементы из числа военнопленных, совещание постановило ходатайствовать перед ВЦИК о полном уравнении военнопленных пролетариев в правах с российскими трудящимися. Для осуществления указанных мер постановили образовать при Всероссийском бюро пленных отделы: венгерский, немецкий, сербский, польский, чехословацкий, а также информационный отдел с целью издания газет, брошюр, листовок и инструктирования делегатов с мест[28]. Постановления совещания были одобрены Военным отделом ВЦИК.

Тем временем военнопленные-интернационалисты сплачивались и в других городах России. Интернациональные революционные кружки, группы и комитеты военнопленных действовали на заводе Гужона и других предприятиях Москвы, а также в Серпухове, Орехово-Зуеве, Вознесенске, Яхроме. В кожуховском лагере стал действовать комитет военнопленных социал-демократов[29]. В Москве для объединения разрозненных революционных групп военнопленных в единую организацию 3 (16) декабря 1917 г. в Колонном зале бывшего Благородного собрания (ныне Дом Союзов) при поддержке МК РСДРП(б) был созван митинг. Представитель МК РСДРП(б) В. Шкловский разъяснил программу РСДРП(б) по вопросам войны и мира. Участники митинга — венгры, чехи, румыны, поляки, немцы и австрийцы — единодушно проголосовали за резолюцию, предложенную от имени МК РСДРП(б). Одобрив позицию РСДРП(б) и осудив предательство партий II Интернационала, революционные воен-

---

[27] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы», М., 1957, стр. 49.
[28] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 15, лл. 93—94.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 1.

нопленные призвали «своих братьев—солдат, рабочих и крестьян по ту сторону фронта своей революционной борьбой поддержать великую русскую революцию»[30].

Избранный на митинге временный комитет подготовил делегатское собрание военнопленных социал-демократов—интернационалистов, которое состоялось 17 (30) декабря 1917 г. в помещении МК РСДРП(б), в гостинице «Дрезден». На собрание прибыло около 200 делегатов. В его работе участвовали представители РСДРП(б). Открывая собрание, австрийский социал-демократ А. Эбенгольц заявил: «Революция символизирует для нас освобождение всего человечества, и военнопленные считают своим долгом принять участие в революционном движении»[31]. Делегаты приняли решение создать единую организацию военнопленных (Союз военнопленных социал-демократов—интернационалистов Московского военного округа) и утвердили ее устав. «Членом союза, — указывалось в уставе, — может быть каждый военнопленный, признающий программу Интернационала»[32]. Целью организации являлась «духовная и материальная поддержка членов», а также устная и печатная агитация. В состав комитета союза были избраны семь человек, в том числе А. Эбенгольц (австриец) — председатель, Ф. Янчик (венгр), А. Кольман (чех), Э. Рейтер (немец) и др. На заключительном заседании делегаты приняли резолюцию, в которой приветствовали политику партии большевиков и выражали благодарность Совнаркому за освобождение военнопленных и политику мира. В резолюции содержалось обращение к военнопленным с призывом вступать в союз с тем, чтобы, пользуясь пребыванием в Советской России, подготовиться к революционной борьбе на родине[33].

Московский комитет военнопленных социал-демократов—интернационалистов проводил митинги и собрания, распространял газету «Факел», становился центром консолидации сил зарубежных интернационалистов. 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) комитет организовал в зале Алексеевского военного училища митинг, на который прибыло до 3 тыс. пленных. Открывая его, А. Эбенгольц подчеркнул, что в Советской республике военнопленные проходят политическую школу российского пролетариата. Именно поэтому, заявил далее Эбенгольц, правительство Германии боится возвращения военнопленных. На митинге выступили А. Кольман, поляк Ягодинский, серб Лазич. Черногорец-большевик В. Маркович, посетивший фронт в районе Барановичей, рассказал о братании солдат 58-го немецкого полка и русских солдат. Участники митинга единогласно приняли обращение к «Братьям на фронте». В нем говорилось, что народ России сбросил иго капи-

---

30 «Боевое содружество. . .», стр. 35.
31 «Социал-демократ», 30.XII 1917 (12.I 1918).
32 Там же.
33 Там же.

талистического рабства, остановил кровопролитие на фронте и указал путь всему миру. «Мы должны создать новый мир, — заявили военнопленные, — который должен быть создан на основе братства народов» [34].

В декабре 1917 г. сложилась революционная группа военнопленных в Твери во главе с немцем А. Лацковичем. 1 (14) января 1918 г. в городе был созван митинг военнопленных, в котором участвовал приехавший из Москвы А. Эбенгольц. Член губисполкома большевик Г. П. Баклаев, выступая на этом митинге, подчеркнул, что пленные не враги трудящихся России, а союзники и братья по совместной борьбе за свободу всех народов. А. Лацкович был избран председателем революционного комитета военнопленных-интернационалистов [35].

При содействии Тульского комитета РСДРП(б) и его председателя Г. Н. Каминского направленный из Москвы венгерский интернационалист Голлендер созвал 4 (17) января 1918 г. митинг, на который собралось около 4 тыс. военнопленных. Избранный на митинге революционный комитет, преодолевая сопротивление контрреволюционно настроенных офицеров-военнопленных, а также русских меньшевиков и правых эсеров, провел большую работу. В результате в революционную организацию военнопленных-интернационалистов вступило несколько сот членов [36].

В январе—феврале 1918 г. в Павлове-Посаде возникла «Партия интернационалистов», в Можайске — Международная группа военнопленных, в Богородске — Комитет военнопленных социал-демократов—интернационалистов, в Ярославле, Рыбинске, Любиме — комитеты военнопленных. В Новгородской губернии на торфоразработках Боровской компании образовалась социалистическая организация военнопленных, в которой к февралю 1918 г. насчитывалось 199 венгров, 40 немцев, 30 австрийцев [37]. В организацию военнопленных-интернационалистов в Нижнем Новгороде вступило 894 человека. С момента возникновения она заявила о полной солидарности с РСДРП(б).

В Инсаре Пензенской губернии сложилась группа социал-демократов—интернационалистов-болгар во главе с Г. Михайловым. По их инициативе 16 февраля 1918 г. состоялся митинг революционно настроенных австро-венгерских, германских и болгарских военнопленных, на котором было решено создать организацию. Эта организация, как отмечалось в решении, должна быть двоякой: профессионально-экономической и поли-

---

[34] «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 5 (18).I 1918.

[35] «Известия Тверского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 11 (24).I 1918.

[36] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 41, л. 9.

[37] «Боевое содружество. . .», стр. 50.

тической — для пропаганды идей социализма и интернационализма[38]. В феврале 1918 г. по примеру Москвы и Петрограда был создан Комитет социал-демократов—военнопленных в Пензе.

Революционные интернационалистские организации военнопленных возникли в ряде городов Поволжья.

По инициативе прибывшего из Петрограда венгерского социал-демократа Я. Ивани 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) в Самаре был создан комитет военнопленных[39]. К февралю 1918 г. в городе уже действовала организация военнопленных социал-демократов—интернационалистов, насчитывавшая до 500 членов[40]. Она имела венгерскую, немецкую, чехословацкую, югославянскую секции. В нее входили также интернационалисты — румыны и поляки. Следует отметить, что программа организации в первый период не была четкой. Сказывалось влияние эсеров-максималистов, которые пытались подчинить организацию своему контролю[41].

В начале января 1918 г. в Казани сформировался комитет в составе социал-демократов—интернационалистов (А. Гофмана, Ш. Апати, Г. Вайса и др.)[42]. При содействии большевиков в Казани была создана Социалистическая организация военнопленных[43].

Создание интернационалистской организации военнопленных в Симбирске произошло 26 января (8 февраля) 1918 г. Несмотря на агитацию некоторых офицеров, в этот день к Дому свободы пришло такое количество военнопленных, что зал не вместил всех желающих. Митинг пришлось проводить на улице. По окончании митинга его инициаторы остались и обсудили основы революционной организации военнопленных. Было решено учредить в Симбирске Союз военнопленных для ведения интернационалистской пропаганды и защиты экономических интересов пленных, а также направить представителя союза в Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов. В комитет организации вошли представители от чехов и словаков (4), немцев (1), австрийцев (3), венгров (4). Они часто встречались с руководителем симбирских большевиков А. В. Швером и обсуждали с ним вопросы деятельности организации[44].

К февралю 1918 г. развернули работу Группа иностранных коммунистов в Саратове, Комитет военнопленных социал-демократов—интернационалистов в Балашове. В Царицыне 26 фев-

[38] «Социал-демократ», 2.III 1918.
[39] «Солдат, рабочий и крестьянин» (Самара), 18 (31).I 1918.
[40] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 370, л. 19.
[41] Там же.
[42] «Знамя революции» (Казань), 20.I (2.II) 1918.
[43] «Знамя революции» (Казань), 7.IV 1918; Н. Субаев. Иностранные интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.). — «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 339.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 317, лл. 3, 94.

раля 1918 г. было избрано Бюро военнопленных социалистов-интернационалистов [45].

Уральские большевики на III областной конференции РСДРП(б) 2—5 (15—18) января 1918 г. приняли специальное решение о работе с военнопленными. Конференция постановила «обратить самое серьезное внимание на работу по организации военнопленных, на агитацию и пропаганду среди них и на борьбу за улучшение их экономического положения» [46]. Интернационалистская революционная организация сложилась в Екатеринбурге в январе 1918 г. Выступая 24 января (6 февраля) на открытии III Уральского областного съезда Советов, ее представитель Франц сообщил: «Екатеринбургские военнопленные организуются, создают свои разные комитеты. Немцы и мадьяры организовались в Союз интернационалистов. Мы, — заявил Франц, — обещаем вам полную поддержку в борьбе с контрреволюцией» [47].

28 января (10 февраля) в Челябинске были проведены два собрания революционно настроенных пленных: венгров, чехов, словаков, хорватов — в Народном доме и австрийцев и немцев — в Военном клубе. По сообщению местной газеты, и в Народном доме, и в Военном клубе единодушно было принято решение, гласившее: «1) организовать в г. Челябинске социал-демократическую интернациональную группу; 2) членом организации может быть каждый военнопленный; 3) организация стремится: а) к экономическому обеспечению своих членов; б) к поднятию классового самосознания; в) к юридической взаимопомощи и прочее» [48]. Проникшие на собрание социал-шовинисты пытались сорвать создание революционной организации, клеветали на Советскую власть, но получили резкий отпор. В Алапаевске возникли группы австрийских, немецких и чешских социал-демократов; в Ижевске и Верхотурье были созданы революционные комитеты военнопленных. 16 февраля (1 марта) группа пленных в Кушве (Вондрик, Зальцман, Гусарик, Иванич и др.) приняла решение объединиться «на политической основе как организация пролетариата» [49].

В январе—феврале 1918 г. при поддержке большевиков происходило оформление Социал-демократической группы военнопленных в Уфе. В ее комитет вошли: А. Фелеки (председатель), Ю. Орлович, Р. Слэковец, М. Принчак. «Организация основана

---

[45] «Борьба» (Царицын), 28.II 1918.

[46] «Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции». Свердловск, 1957, стр. 278—279.

[47] «Известия Уральского областного Совета рабочих и армейских депутатов» (Екатеринбург), 28.I (10.II) 1918.

[48] «Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 31.I (13.II) 1918.

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 280, л. 6; «Правда», 20.II 1918.

на социал-демократической программе, — указывалось в одном из сообщений группы, — и ставит своей задачей борьбу со всемирным капиталом»[50].

На Урале революционные организации и группы в январе 1918 г. объединились в Союз социал-демократов—интернационалистов военнопленных Урала, который имел венгерскую, немецкую, польскую и другие секции. Руководящим органом союза являлся исполком, председателем которого стал О. Фильтер[51].

В конце декабря 1917 г. президиум Омского Совета утвердил организацию венгерских социал-демократов—интернационалистов[52]. В статье «Пленные», опубликованной 9 (22) января 1918 г. в омской газете «Революционная мысль», К. Лигети писал: «Пленные организуются, чтобы вместе с героическим пролетариатом России повести борьбу против угнетателей как своего народа, так и других. Они знают теперь, что только действенная решительная поддержка российской революции может привести к освобождению всех народов»[53]. Вскоре были образованы революционные группы военнопленных других национальностей. 8 (21) января в Омске состоялось собрание военнопленных-интернационалистов, в котором участвовало до 300 человек. Член Омского комитета РСДРП(б) Д. Григорьев призвал иностранных революционеров к интернациональному сплочению. С речью о значении Октябрьской революции и пролетарской солидарности выступил К. Лигети. Военнопленные-интернационалисты единогласно приняли резолюцию о защите русской революции[54]. Это собрание положило начало Омской организации интернациональной социал-демократической рабочей партии в составе шести секций — венгерской, немецкой, чехословацкой, румынской, австрийской и польской. Во главе организации стоял ЦИК, а каждая национальная секция имела свой комитет. ЦИК наладил выпуск газет на немецком и венгерском языках, которые получили широкое распространение среди военнопленных и имели большое значение для дальнейшего развития интернационалистских организаций в Западной Сибири. Проведенная 1 марта 1918 г. Омская общелагерная партийная конференция военнопленных социал-демократов—интернационалистов обратилась ко всем военнопленным рабочим и крестьянам в Сибири с призывом к объедине-

---

[50] «Вперед» (Уфа), 21.III 1918.
[51] «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 28.II 1918.
[52] Государственный архив Омской области (далее — ГАОмО), ф. 662, оп. 1, д. 16, л. 32; «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 296.
[53] Цит. по кн.: Н. Колмогоров. Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске. Омск, 1958, стр. 7—8.
[54] «Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917—май 1918 г.)». Омск, 1958, стр. 137.

нию. 3 марта революционная организация возникла в Исиль-Куле, 10 марта — в Татарске[55].

В Томске после установления Советской власти был образован Клуб интернационалистов, объединявший революционеров-военнопленных многих национальностей. Позднее, 28 января (10 февраля) 1918 г., при активном участии Томского комитета РСДРП(б) на митинге в присутствии 2 тыс. военнопленных была оформлена Интернациональная социал-демократическая партийная организация, во главе которой встали венгры Ф. Мюнних и К. Рейнер, австриец М. Юнг и др. «Мы, находящиеся в Томске военнопленные — рабочие и крестьяне, — говорилось в резолюции митинга, — требуем немедленной приостановки военных действий и немедленного мира на платформе русской революционной социал-демократии, без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Только такой мир соответствует интересам всего человечества»[56]. Под аплодисменты всех присутствующих было принято предложение о направлении резолюции в Брест-Литовск делегациям Четверного союза.

В январе 1918 г. при Семипалатинском комитете большевиков возникла интернациональная революционная организация во главе с Ветером. Одновременно в Барнауле сложилась группа венгерских социалистов. 17 февраля 1918 г. она подготовила общее собрание революционных военнопленных, на котором был образован Совет военнопленных социал-демократов, включавший венгерскую, чехословацкую, австрийскую, польскую и румынскую секции. Председателем совета был австрийский интернационалист Гроссфельдер. Объединение революционных элементов иностранных трудящихся-военнопленных происходило также в Красноярске, Канске, Березовке, Иркутске, Сретенске, Хабаровске и других городах.

Создание интернационалистских революционных организаций военнопленных—социал-демократов осуществлялось в период становления Советской власти, ломки старого государственного аппарата и строительства новых органов социалистического государства, в период борьбы за выход из империалистической войны. В ходе своего развития многие организации военнопленных-интернационалистов стали такой формой политического объединения, которая сочетала функции партийных социал-демократических организаций с функциями революционных органов внутреннего управления в лагерях военнопленных. Эти организации вели политическую работу, брали в свое ведение административные и хозяйственные дела в лагерях, представляли интересы военнопленных в советских учреждениях, формировали отряды Красной гвардии, обеспечивали революционный порядок в лагерях, пресе-

---

55 «Венгерские интернационалисты...», стр. 110.
56 «Знамя революции» (Томск), 19.II 1918.

кали попытки контрреволюционных элементов из среды военнопленных вредить Советской республике. Наряду с этим организации интернационалистов вели широкую революционную пропаганду, знакомили широкие массы военнопленных-солдат с идеями большевизма, призывали поддерживать Советскую республику.

3. Участие интернационалистов в борьбе против германо-австрийской интервенции

Нарушив 18 февраля 1918 г. перемирие, Германия и Австро-Венгрия двинули по всему фронту войска на Советскую республику. Части старой русской армии не могли сдержать напор вражеских полчищ; Красная Армия только еще начала формироваться. Учитывая создавшуюся обстановку, В. И. Ленин потребовал немедленно подписать условия мира, выдвинутые Центральными державами, несмотря на их грабительский характер. Но на сообщение о согласии Советского правительства подписать условия мира немцы не отвечали и продолжали наступать. Над Советской страной нависла смертельная опасность. 21 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров обратился к народу с написанным В. И. Лениным декретом-воззванием «Социалистическое отечество в опасности!», в котором призвал к защите родной земли до последней капли крови. Рабочие, солдаты и крестьянская беднота вступали в отряды Красной Армии. В этот тяжелый для Республики Советов час на защиту Советской власти поднялись и многие трудящиеся из беженцев, отходников, военнопленных. Польские социал-демократы повсеместно призывали к защите Советской республики. «Трыбуна» писала, что слов, резолюций уже недостаточно. «Необходимо действие, действие массовое. . ., кто в состоянии носить оружие, кто оказался демобилизован — записывайтесь в социалистическую армию, становитесь снова в ряды борющихся» [57]. Польские интернационалисты вступали в ряды Красной Армии; стали создаваться и польские по составу отряды и части [58].

Собрания и митинги солидарности военнопленных с трудящимися Советской республики состоялись повсюду: 21 февраля 1918 г. в Петрограде, 22 февраля в Нижнем Новгороде, 27 февраля в Иркутске, 3 марта в Пензе, 10 марта в Кинешме, Павлограде, Канске и т. д. Более 600 военнопленных-интернационалистов — немцев, австрийцев, венгров, чехов, словаков,

---

[57] «Trybuna», 22.II 1918.

[58] См. А. Я. Манусевич. Борьба Советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России. — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV. М., 1962, стр. 52—56.

поляков — пришли в Дом рабочих и крестьян в Петрограде. Они заявили, что трудящиеся Советской России не будут одинокими в борьбе с империалистической агрессией, им обеспечена поддержка многих тысяч военнопленных. «Новое наступление австро-германского империализма явится покушением не только на революционную Россию, но и на общее дело пролетариев всех стран, — было записано в резолюции собрания. — Судьба Советской республики прежде всего теснейшим образом связана с будущим всемирной пролетарской революции, поэтому задача и долг каждого военнопленного — защищать эту республику от всяких покушений всеми силами и всеми возможными средствами. Собрание призывает каждого военнопленного все свои силы предоставить в распоряжение революции, служить ей с оружием в руках» [59].

В Белоруссию и на Украину направились отряды Красной Армии, сформированные в Москве. 21 февраля 1918 г. Московский комитет интернационалистов провел заседание, на котором единогласно была принята резолюция, что «комитет ставит себе целью немедленно приступить к практической работе по набору военнопленных в ряды Красной Армии» [60]. Это решение было одобрено на заседании Московского Совета, состоявшемся 22 февраля 1918 г. под председательством П. Г. Смидовича. На заседании выступили представители комитета интернационалистов А. Эбенгольц и А. Кольман. Депутаты Совета бурными аплодисментами встретили их заявление, что военнопленные-интернационалисты полны решимости оказать поддержку Советской республике в борьбе с империалистами и, вступив в Красную Армию, разъяснить обманутым австро-немецким солдатам, что Октябрьская революция несет освобождение всему человечеству [61].

24 февраля 1918 г. состоялась конференция военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа. Собралось более 200 представителей от 29 местных организаций — из Серпухова, Балашихи, Яхромы, Тулы, Твери, Костромы, Смоленска, Нижнего Новгорода и других городов; в этих организациях было более 20 тыс. членов [62]. Основным на конференции был вопрос о военной поддержке республики. «Мы, военнопленные — пролетарии, — говорилось в единогласно принятой резолюции, — идем защищать Россию — родину социализма» [63].

Конференция военнопленных социал-демократов—интернационалистов в Москве имела исключительно большое значение.

---

[59] «Боевое содружество. . .», стр. 51.
[60] «Социал-демократ», 23.II 1918.
[61] «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 23.II 1918.
[62] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 5, л. 2.
[63] «Советская газета» (Кострома), 1.III 1918.

В докладе Президиуму ВЦИК И. И. Ульянов, председатель Бюро пленных, отмечал, что с конференции «десятки товарищей разъезжаются по лагерям с горячими призывами записаться в ряды Красной Армии. Это было горячее время призывов. Сердца революционеров горели огнем жажды битвы. Германский империализм своим намерением задушить Советскую Россию объединил в одну неделю пролетарские массы не только одной России, а всю массу, которая находилась к тому времени в России. Против германских солдат, выдвинутых на революционную Россию германскими палачами, вместе с русскими красногвардейцами из петроградских и московских рабочих бились германские и австро-венгерские пленные»[64].

По инициативе Московского комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов 26 февраля 1918 г. состоялось совещание комитета с представителями чехословацкой, румынской и болгарской революционных организаций военнопленных. Был образован Революционный комитет, которому поручили выпустить воззвание к военнопленным всех национальностей о вступлении в Красную Армию[65]. Воззвание в тот же день было составлено, опубликовано в газетах, а также размножено листовками. Германские войска, говорилось в воззвании, продвигаются, чтобы задушить Советскую республику и вместе с нею освободительное движение трудящихся всех стран. Подчеркнув, что Октябрьская революция приносит раскрепощение народам всего земного шара, Революционный комитет призвал военнопленных рабочих и крестьян быть верными международной солидарности, встать под красное знамя социализма[66].

У иностранных интернационалистов слова не расходились с делом. 26 февраля 1918 г. из Москвы на фронт вместе с другими частями Красной Армии отбыл один из первых интернациональных отрядов, в рядах которого были немцы, австрийцы, венгры. На знамени отряда было написано: «Русская революция — наша революция, наша надежда»[67]. Иностранные интернационалисты, отбывшие на фронт в составе 1-го Московского революционного отряда Красной Армии, воевали под Гомелем и Черниговом.

Центром набора добровольцев в Красную Армию стал Революционный комитет военнопленных — социал-демократов в Москве. В «Известиях ВЦИК» отмечалось, что комитет «рука об руку с русскими рабочими и советскими организациями принялся организовывать боевые интернационалистские отряды для воору-

---

64 «Боевое содружество...», стр. 10.
65 «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 27.II 1918; «Правда», 28.II 1918.
66 ЦГАСА, ф. 31773, оп. 1, д. 18, л. 78.
67 И. М. Кривогуз. Указ. соч., стр. 337.

женного отпора германским хищникам. Комитет образовал несколько отрядов Красной Армии, которые были двинуты на фронт [68].

В Петрограде многие солдаты-военнопленные вступили в ряды формирующейся Красной Армии. Интернационалисты помогли Комитету революционной обороны Петрограда осуществить постановление Совнаркома о регистрации всех проживавших в городе военнопленных, изоляции и выдворении офицеров, которые занимались шпионажем и готовили побег на фронт [69]. Указав районным Советам Петрограда на необходимость немедленного выполнения этого постановления. Наркомвоен вместе с тем подчеркнул, что возмущение в народных массах, вызванное нападением Германии и Австро-Венгрии на Советскую Россию, «не должно никоим образом обратиться против несчастных жертв войны, против германских и австрийских военнопленных, живущих среди нас. Среди них тысячи наших братьев, сознательных рабочих» [70].

Во время боев под Петроградом в Красную Армию решил вступить А. Рис Вильямс. Перед отъездом на фронт он посетил в Смольном В. И. Ленина. Поздравив Вильямса со званием воина социалистической республики, В. И. Ленин сказал: «Один иностранец вряд ли много навоюет. А может быть, вы найдете еще кого-нибудь?» Я ответил, что можно попробовать сформировать отряд» [71].

Всероссийская коллегия организации и формирования Красной Армии разрешила сформировать в Петрограде из иностранцев-добровольцев интернациональный отряд. Немедленно, во главе с Вильямсом, возникло бюро по записи волонтеров в отряд. «Правда» по указанию В. И. Ленина 24 февраля 1918 г. опубликовала на русском и английском языках «Воззвание» этого бюро к интернационалистам-эмигрантам. «Из всеобщей тьмы внезапно замигал свет русской революции, пробуждая великие надежды человечества, — говорилось в обращении. — В настоящий момент надвигающиеся армии наносят удар в самое сердце Советов... Наш долг принять участие в борьбе за сохранение Петрограда» [72]. Приказом № 2 по 1-му корпусу РККА от 26 февраля созданный интернациональный отряд был размещен в казарме Гренадерского полка [73]. В его рядах насчитывалось около 30 добровольцев из числа рабочих-эмигрантов. В. И. Ленин неоднократно интере-

---

[68] «Известия ВЦИК», 10.IV 1918.
[69] «Социал-демократ», 20.II 1918.
[70] Там же.
[71] А. Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 55.
[72] «Правда», 24.II 1918.
[73] «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» (Петроград), 28.II 1918.

совался, как идет формирование интернационального отряда и какая помощь ему нужна.

В составе сводного отряда Балтийского флота, отражая натиск на Петроград, бились у Нарвы добровольцы — бывшие военнопленные из интернационального отряда под командованием Бела Куна [74]. В боях под Нарвой участвовали интернационалисты разных наций, в том числе чехи и словаки. Не остались в стороне и польские рабочие и солдаты. Польские добровольцы из 1-го Революционного полка им. Минского Совета рабочих и солдатских депутатов проявили героизм и отвагу в боях с контрреволюционерами и немецкими оккупантами в Белоруссии, а затем под Смоленском. Здесь же самоотверженно сражался 1-й Минский интернациональный отряд, сформированный венгерским рабочим-военнопленным Лайошем Винерманом [75].

Иностранные рабочие и крестьяне, движимые благородными чувствами революционной солидарности, вливались в ряды Красной Армии в малых и больших городах Советской страны. Например, в Твери к 13 марта 1918 г. интернациональный отряд насчитывал 68 бойцов и был включен в формировавшийся в городе батальон регулярной Красной Армии [76]. Энергичную деятельность развернул Революционный центр венгерских военнопленных — социал-демократов в Омске, руководимый К. Лигети. Представители этого центра вошли в организованную Омским штабом Красной Армии комиссию по формированию Международного отряда [77]. В воззвании «К оружию!» Лигети призывал венгров — рабочих и крестьян встать на защиту социалистической революции, вступать в Красную Армию. К середине марта 1918 г. в Международном отряде было уже более 600 бойцов, при этом половину составляли добровольцы — бывшие военнопленные.

Развернулась работа по вовлечению добровольцев из среды иностранцев в борьбу с империалистической агрессией и на Украине. С согласия Советского правительства австро-венгерские социалисты организовали 19 февраля 1918 г. в Киеве штаб межнациональных революционных войск, поставивший своей задачей: «1) повести широкую агитацию среди военнопленных рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии и посредством литературы и пропаганды революционизировать их; 2) образовать отряды войск из рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии для поддержки Советской власти» [78]. Штаб обратился к иностранным трудящимся с призывом к отражению империалистической агрессии и защите Советской власти в России, предупреждая, что в случае поражения русской революции рабочее движения в Ев-

---

[74] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 87, л. 35.
[75] «Венгерские интернационалисты. . .», стр. 132.
[76] ЦГАСА, ф. 26088, оп. 1, д. 204.
[77] «Омские большевики. . .», стр. 157—158.
[78] «Социал-демократ», 21.II 1918; «Правда», 22.II 1918.

ропе будет задушено и надолго установится господство реакции» [79]. Вскоре интернационалисты выступили на фронт.

Большую работу в Киеве по вовлечению добровольцев в ряды революционных войск проводил штаб Чехословацкой Красной гвардии. 24 февраля на митинге чехословацких трудящихся было принято воззвание о борьбе с австро-немецкими оккупантами. К концу февраля в чехословацком отряде Красной гвардии было около 700—800 добровольцев [80]. Чехословацкие интернационалисты вошли в Социалистический отряд В. И. Киквидзе, выделившийся из 8-й армии Юго-Западного фронта и сдерживавший авангарды вражеских войск по линии Бердичев—Житомир. «Наш отряд, — сообщали чехословацкие социал-демократы — интернационалисты 3 марта 1918 г., — находится постоянно в первых рядах, и мы гордимся нашими товарищами, которые с оружием в руках исполняют свой долг, не щадя крови и жизни для защиты свободы, добытой российским пролетариатом» [81].

В формировавшиеся в Киеве интернациональные отряды Красной гвардии вступали также венгры, немцы, поляки, хорваты, словенцы и военнопленные других национальностей [82]. Так, в Киеве был сформирован югославянский красногвардейский отряд под командованием Н. Ковачевича, направленный на фронт под Бердичев. Добровольцы — сербы, хорваты, боснийцы — вливались и в югославянский революционный батальон, созданный Д. Сердичем в Екатеринославе, в сербский отряд Международной Красной гвардии в Одессе. Росли численно и румынские революционные батальоны. В телеграмме из Одессы в Совнарком от 4 марта 1918 г. Г. К. Орджоникидзе сообщал: «Сорганизованы добровольцы — отряды из румын и сербов. Отряды красногвардейцев двинуты против румын и германцев» [83]. Эти отряды сражались вместе с частями 3-й революционной армии под Тирасполем.

На проходившем в Тирасполе съезде 3-й революционной армии участник национально-освободительного движения в Китае революционер Сан Фу-ян предложил сформировать отряд из трудящихся-китайцев, работавших в Бендерах, Тирасполе и других местах. Предложение было принято. 23 февраля 1918 г. по предписанию штаба Тираспольского революционного отряда в распоряжение Днестровского полка было направлено 35 добровольцев-

---

[79] В. І. Гема, Є. М. Скляренко. Участь трудящих зарубіжних країн в боротьбі російського і українського народів проти австро-німецької агресії в 1918 р.— «Український історичний журнал», 1958, № 1, стр. 80.

[80] «Боевое содружество. . .», стр. 91, 118.

[81] См. П. А. Голуб. Братство, скрепленное кровью (Чехословацкие рабочие и крестьяне на защите завоеваний Октября в России в 1917—1920 гг.). М., 1958, стр. 19.

[82] «Былые походы. . .», стр. 78.

[83] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 581, л. 9.

Расправа с интернационалистами, захваченными в плен австро-венгерскими войсками. Екатеринослав, 1918 г.

китайцев, а на следующий день — еще 50[84]. В составе Тираспольского отряда формировался 1-й революционный китайский батальон, командиром которого некоторое время был И. Э. Якир, затем — А. Пестов, а заместителем — Сан Фу-ян. В отряд записывались и добровольцы-румыны; была в нем и группа австро-венгерских военнопленных. Тираспольцы хорошо себя показали в боях у станции Раздельная[85].

Под натиском превосходящих сил агрессоров самоотверженно сражавшиеся красногвардейские отряды отходили. Германская и австро-венгерская армии оккупировали огромную территорию, захватив Псков, Нарву, Минск, Киев. Советское правительство вынуждено было 3 марта 1918 г. подписать грабительский Брест-Литовский мирный договор.

Но борьба с империалистической агрессией продолжалась. Используя предательский сговор с Центральной радой, германское и австро-венгерское командование бросило на Украинскую Советскую Республику 100-тысячную армию. Ей противостояли революционные войска общей численностью около 20 тыс. человек. Войска интервентов при поддержке петлюровских банд гай-

[84] ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 37, л. 183.
[85] В. Л. Цетлин. О Тираспольском революционном отряде. — «Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918—1920 гг.)». Кишинев, 1964, стр. 80.

дамаков развернули наступление к Черному морю и на Донбасс. В составе отступавших революционных войск мужественно сражались и зарубежные интернационалисты. «Наша социалистическая армия, — подчеркивала газета правительства Советской Украины, — в полном смысле интернациональная. Кроме больших чехословацких сил, в наших рядах борются немало немцев, мадьяр, австрийцев. В этой революционной борьбе украинский крестьянин, российский, чешский, немецкий рабочий стоят одним фронтом»[86].

Особенно упорные бои развернулись по линии железной дороги Гребенка—Бахмач. На подступах к станции Гребенка сражался отряд В. И. Киквидзе, насчитывавший около 2 тыс. бойцов. Он составил ядро 4-й революционной армии Советской Украины. В нее вошел и отряд Г. И. Чудновского, имевший в своих рядах зарубежных интернационалистов. Начальником штаба армии был интернационалист Г. Барабаш. В районе станции Бахмач, являвшейся важным железнодорожным узлом, были сосредоточены революционные части Р. Ф. Сиверса, В. М. Примакова и Ю. Саблина, прибывшие на фронт после разгрома калединцев. Ряды зарубежных интернационалистов, воевавших в этих частях, все время пополнялись добровольцами. Добровольцы — чехи и словаки при содействии штаба Чехословацкой Красной гвардии, перебравшегося в Полтаву, были сведены в батальон, в котором насчитывалось около 450 бойцов[87]. 19 марта 1918 г. они участвовали в штыковой контратаке у станции Ромодан. В войсках, которыми командовал Примаков, действовал русско-сербский отряд. «Великолепно дрался», по словам главкома войск Украинской Советской Республики В. А. Антонова-Овсеенко, отряд венгров[88]. Рядом с ними в цепях находились чехословацкие и югославянские интернационалисты. «Части югославянского отряда, — отмечалось в письме ЦИК Югославянского революционного союза во ВЦИК от 9 апреля 1918 г., — дрались у Бердичева, Бахмача и Полтавы на стороне русских революционных войск; стойкость и храбрость югославянских революционеров засвидетельствована советскими властями»[89]. В состав частей 5-й революционной армии Сиверса (общей численностью до 3 тыс. добровольцев) входили интернациональная батарея с десятью орудийными расчетами и интернациональный отряд Крачковского из 300 бойцов[90].

Стоявшие у станции Бахмач арьергардные части чехословацкого корпуса после попыток добиться соглашения о перемирии

---

[86] «Вестник Украинской Народной Республики», 2.III 1918.
[87] В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. II. М.—Л., 1928, стр. 127.
[88] Там же, стр. 52.
[89] «Боевое содружество...», стр. 59.
[90] В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., т. II, стр. 88.

с германским командованием и после нескольких стычек с немецкими частями, не предупредив советское командование, снялись, погрузились в эшелоны и двинулись в глубь страны. Бахмач был сдан, и немецкие войска стали концентрироваться для удара на Полтаву и Харьков.

В. А. Антонов-Овсеенко

В результате тяжелой обстановки, сложившейся в районе Одессы, часть революционных войск, в том числе и одесская Международная Красная гвардия, эвакуировалась в Крым. Вскоре зарубежные интернационалисты, прибывшие в Крым, приняли участие в боях с немецкими войсками у Джанкоя. Что касается Тираспольского отряда, то он отступил по железной дороге к Вознесенску, где принял участие в обороне города. В начале апреля 1918 г. добровольцы-китайцы, самоотверженно проявившие себя в бою у станции Знаменка, прикрывали вместе с ротой Княгницкого отход остальных частей к Екатеринославу[91]. Много дней отражал пролетарский Екатеринослав бешеный натиск немецких интервентов и гайдамаков. Плечом к плечу с рабочими Брянского завода, латышскими стрелками, польскими интернационалистами, ротой венгров сражались добровольцы югославянского революционного батальона под командованием Д. Сердича[92]. После ухода из Екатеринослава в бою у станции Синельниково героизм проявил чехословацкий отряд под командованием А. Мецла[93].

Тяжелые бои в районе станции Чаплино вели части 2-й революционной армии под командованием Е. М. Венедиктова. Получив подкрепления, в том числе, как пишет Антонов-Овсеенко, интернациональный полк[94], армия перешла в контрнаступление и очистила станцию от захватчиков, но затем вынуждена была все-таки отступить.

Советские войска, в том числе и некоторые интернациональные отряды, сосредоточились в районе Луганск—Юзовка—Таганрог. На участке Бахмут—Гришино позиции занимали 1-й Интернациональный отряд под командой Лейбовича (370 бойцов) и отряд чехов и словаков (150 бойцов). На станции Семенкино стоял 1-й чехословацкий отряд Красной Армии под коман-

[91] В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., т. II, стр. 149.
[92] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 167, л. 25.
[93] «Вперед» (Уфа), 11.VI 1918.
[94] В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., т. II, стр. 227.

дованием Ф. Гашека, включавший 254 красноармейца [95]. На других участках фронта находились сербские отряды Михайловича и Петровича, а также бронепоезд, в команде которого была группа поляков. 12 апреля в Луганск прибыли Тираспольский отряд и его 1-й революционный китайский батальон под командованием Сан Фу-яна. За несколько дней батальон пополнился большой группой китайских добровольцев, работавших на донецких предприятиях. К 24 апреля 1918 г. он насчитывал 350 бойцов [96] и под Калядовкой принял участие в одной из ожесточенных схваток 3-й революционной армии с немецкими оккупантами [97].

Изнуренные в многодневных и тяжелых боях с немецкими захватчиками и гайдамаками советские войска отходили за пределы Украины. Одни части Красной Армии расположились у демаркационной линии — в Курске, Тамбове, Воронеже; другие — пробились через белоказачью Донскую область в Поволжье.

4. Зарубежные интернационалисты в Советской республике в период мирной передышки

Полученная ценой огромных жертв мирная передышка была использована Советской республикой для решения неотложных вопросов государственного, партийного, военного и культурного строительства. Брест-Литовский мирный договор существенно изменил обстановку, в которой работали зарубежные интернационалисты, потребовав новых форм деятельности их организаций. Хотя в мирном договоре и не содержалось прямых требований о роспуске революционных организаций военнопленных, можно было ожидать, что правительства Центральных держав не останутся безразличными к их деятельности, а при удобном случае используют их существование как повод для предъявления ультимативных требований к РСФСР. В одном из дополнительных соглашений к Брест-Литовскому договору было установлено, что военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают с согласия того государства, которое взяло их в плен, оставаться в его пределах [98].

Советское правительство учитывало нежелание значительных групп военнопленных вернуться в свои страны и их готовность отстаивать Советскую власть и дело революции. На заседании ВЦИК 28 марта 1918 г. был обсужден и принят декрет, провозглашавший, что все иностранцы, преследуемые за политические

---

96 ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 63, л. 72.
96 ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 33, л. 17.
97 В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., т. II, стр. 281.
98 См. «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 174, 190.

и религиозные убеждения, в случае прибытия в Советскую республику пользуются правом убежища и не подлежат выдаче тем государствам, подданными которых они являются [99]. Одновременно в Народном комиссариате по делам юстиции (Наркомюсте) была закончена разработка декрета о приобретении иностранцами прав российского гражданства [100]. Выступая 1 апреля 1918 г. на сессии ВЦИК с докладом о проекте декрета, М. Н. Покровский отметил, что этот вопрос в Советской республике ставится иначе, чем в буржуазных государствах. Остановившись на ст. 1-й проекта, в которой провозглашалось, что каждый иностранец, проживающий в РСФСР, имеет право на приобретение российского гражданства, он заявил, что отсутствие указания на давность пребывания в стране для приобретения политических прав вносит новое в существующую практику.

В ст. 2-й говорилось, что для приобретения прав российского гражданства иностранец должен подать заявление в Совет рабочих и крестьянских депутатов по месту жительства, указать род занятий и сообщить, не подвергался ли судебному преследованию, а если подвергался, то за какие действия. В соответствии со ст. 3-й личность заявителя могла быть подтверждена гражданами Советской республики, что было очень важно именно для военнопленных, которые не имели подчас устанавливающих их личность документов. Советы рабочих и крестьянских депутатов были обязаны выдавать иностранцам, ставшим гражданами РСФСР, соответствующие удостоверения (ст. 4-я), а НКВД должен был регистрировать их и через НКИД извещать о перемене гражданства государства, подданными которых эти лица ранее состояли (ст. 6-я) [101]. Оценивая проект, М. Н. Покровский заявил: «Наш закон о принятии в российское гражданство все-таки является самым широким законом из всех, которые до сих пор были в этом отношении. Он уничтожает последние рамки, последние стеснения, которые в этом направлении существовали» [102]. Сессия ВЦИК приняла решение одобрить проект декрета «О приобретении прав российского гражданства» и поручила Президиуму отредактировать его и утвердить. 3 апреля 1918 г. Президиум ВЦИК утвердил проект, а 5-го он был опубликован в «Известиях ВЦИК» [103].

Естественно, декретами о праве убежища и о приобретении прав российского гражданства в первую очередь воспользовались военнопленные-интернационалисты, проводившие революционную работу среди других военнопленных. Уже к середине апреля

[99] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 19, д. 2, лл. 4—5.
[100] Там же, д. 142, лл. 1—2.
[101] ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 19, д. 3, л. 52. Ст. 5-я декрета устанавливала, что вопрос о приеме в гражданство Советской республики иностранцев, проживавших за границей, решает ВЦИК.
[102] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 19, д. 3, л. 30.
[103] Там же, лл. 52—53; оп. 34, д. 37, л. 11.

1918 г. только в Москве более 500 бывших военнопленных, в том числе добровольцы, служившие в Красной Армии, получили высокое звание советских граждан [104]. Советское гражданство военнопленные принимали по политическим мотивам. Чех В. Туман писал, например, в опросном листе: «Не желаю жить в стране, где существует империализм, а желаю остаться в стране, где существует Советская власть» [105]. Венгр С. Сабо на вопрос о причинах перехода в российское гражданство отвечал, что он делает этот шаг «как сочувствующий Советской власти» [106].

После ратификации Брестского договора и заключения специальных конвенций со странами Четверного союза по вопросу обмена военнопленными нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин внес на обсуждение Совнаркома предложение об образовании Высшего совета по делам военнопленных. 6 апреля 1918 г. СНК обсудил этот вопрос и поручил специальной комиссии во главе с Ю. Уншлихтом проверить работу органов, ведавших военнопленными, и принять меры к упорядочению их деятельности [107]. В результате проверки комиссия пришла к выводу о необходимости объединить в ведении одних органов дела, касавшиеся не только военнопленных, но и беженцев. Совнарком утвердил, а 27 апреля В. И. Ленин подписал декрет о создании в ведении Народного комиссариата по военным и морским делам (Наркомвоена) Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж). Коллегия должна была действовать как самостоятельное учреждение, входящее в состав Наркомвоена; она получила право предоставления докладов непосредственно правительству [108].

Все ранее существовавшие учреждения, ведавшие делами пленных и беженцев, упразднялись, а их функции переходили к коллегии. В ее состав вошли Ю. (И. С.) Уншлихт (председатель), И. И. Ульянов, П. С. Тихменев и др.

По указанию Центральной коллегии по делам пленных и беженцев подобные же органы стали создаваться с конца апреля 1918 г. в губерниях, а также в некоторых уездах. Образование единой централизованной системы советских учреждений, ведавших делами военнопленных и беженцев, укрепило революционный порядок в местах их расположения, упорядочило обмен военнопленными и эвакуацию беженцев.

Перед иностранными интернационалистами встали задачи развертывания агитационной работы среди уезжавших на родину военнопленных, расширения и объединения революционных организаций, установления более тесных организационных и идей-

---

104 «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 19.IV 1918.
105 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 7, д. 24, л. 200.
106 Там же, л. 205.
107 ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 230.
108 Там же, л. 308.

ных связей с большевистской партией. Вместе с тем даже у руководителей интернационалистов еще не было единых взглядов на формы, задачи и перспективы развития движения. Среди них шли споры, создавать ли массовые политические организации военнопленных-соцалистов или партийные коммунистические группы, организационно объединенные с РКП(б); высказывались различные мнения, как сочетать интернациональные принципы с необходимостью ведения политической работы в национальной среде. Были и сторонники создания нейтральной интернациональной организации профсоюзного характера и ограничения ее задач борьбой за улучшение материального и правового положения военнопленных и т. д.

Московский Союз военнопленных социал-демократов — интернационалистов постепенно занял ведущее положение среди интернационалистских организаций. Он не только объединил организации в пределах Московского военного округа; с ним устанавливали контакты революционные группы военнопленных Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири. В распоряжение комитета союза был передан особняк князя Лихтенштейна на Поварской улице, где был организован Красный дом интернационалистов. Здесь давались консультации делегатам с мест, читались лекции, велась подготовка агитаторов. Агитаторы комитета — венгерский интернационалист Т. Самуэли, немецкий — Р. Роткегель, сербский — П. Лазич, румынский — М. Гуйю и другие выезжали в различные города и проводили большую агитационную и организаторскую работу среди военнопленных [109].

Однако в изменившихся после Брестского мира условиях комитет Союза военнопленных социал-демократов — интернационалистов Москвы не сумел выдвинуть четкой программы деятельности и строительства интернационалистских организаций. Устав союза, принятый еще на I делегатском собрании 17 (30) декабря 1917 г., определявший членство в союзе признанием программы Интернационала и провозгласивший своей целью «всевозможную духовную и материальную поддержку» вошедших в его ряды военнопленных, не отвечал, конечно, новым задачам и обстоятельствам. Во время подготовки II делегатского собрания в феврале 1918 г. этот устав был дополнен «Организационным статутом для комитетов военнопленных». В нем указывалось, что в местах расположения военнопленных следует создавать комитеты, которые должны поддерживать Советскую власть, вести пропаганду среди военнопленных с целью распространения через них революционных идей на родине, пресекать контрреволюционную агитацию. Наряду с этим на комитеты возлагалось регу-

---

[109] «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 28.III 1918; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 3, лл. 16, 21; д. 5, л. 32.

лирование всех вопросов, связанных с трудовой деятельностью военнопленных [110].

Союз военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа представлял собой интернациональное объединение как революционных военнопленных, группировавшихся вокруг местных комитетов (Тверь, Кострома, Любим, Ярославль и др.), так и партийных организаций военнопленных-социалистов (Серпухов, Пушкино, Богородск, Нижний Новгород, Шацк, Ростов Ярославский и др.). В организации и комитет входили военнопленные разных национальностей.

В отличие от московского комитета, комитет омской организации военнопленных социал-демократов—интернационалистов нацеливал революционные элементы из среды военнопленных на создание исключительно партийных социал-демократических организаций. На страницах газеты «Форрадалом» комитет опубликовал свою программу. «Создавать организации, — говорилось в ней, — надо на интернациональной, революционной, социал-демократической основе» [111]. Эти организации должны были руководствоваться учением К. Маркса и вести работу среди военнопленных, готовя из них сознательных борцов за победу пролетарской революции в странах Европы, разъяснять им значение Октябрьской революции и Советской республики как оплота мирового революционного движения [112].

В то же время руководство петроградского революционного комитета военнопленных—социал-демократов, прибывшее в Москву после переезда Советского правительства, выдвинуло программу создания иностранных коммунистических групп непосредственно в рамках РКП(б). Эта программа была изложена Б. Куном в статье «Новые пути агитации среди военнопленных». Б. Кун писал, что военнопленные-интернационалисты, участвовавшие в Октябрьской революции, и после ратификации Брестского мирного договора не прекратят борьбы, пойдут по пути большевиков. «Для нас заключение мира означает одно: многие десятки тысяч наших товарищей отныне станут эмигрантами, — заявил он. — Используя те свободы, которые Советская республика дала каждому крестьянину и каждому рабочему, мы оснуем в рамках РКП(б) свои венгерские, немецкие, румынские и другие секции и будем работать в федеральном союзе». Свою статью Б. Кун закончил словами: «Мы уверены, что наши организации будут играть видную роль в будущем Коммунистическом Интернационале» [113]. Статья Б. Куна была опубликована в день открытия IV Всероссийского съезда Советов, созванного для ратификации Брест-Литовского мирного договора.

---

[110] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 317, лл. 100—101.
[111] «Венгерские интернационалисты. . .», стр. 110.
[112] Там же, стр. 111.
[113] «Правда», 14.III 1918; «Социал-демократ», 14.III 1918.

В тот же день, 14 марта 1918 г., в Москве при помощи Всероссийского бюро пленных была проведена конференция представителей находившихся в Советской России немецких, австро-венгерских, сербских, польских, румынских и болгарских социал-демократов интернационалистов-военнопленных. На конференцию прибыло более 30 делегатов: венгры Б. Кун и Тибор Самуэли, болгарин Г. Михайлов-Добрев, австриец А. Эбенгольц, поляк С. Шленский, румын А. Пескариу, чехи Ф. Бенеш и К. Кнофличек, немец Э. Рейтер и др. От РКП(б) в ее работе участвовали И. И. Ульянов, В. Марковский, Б. Рейнштейн, Гребельская, Петров и Федотов. Председателем конференции был избран И. И. Ульянов. Открывая ее, он указал, что заключение Брестского договора не означает отказа Советской республики от своих интернациональных задач и что революционеры из зарубежных стран всегда найдут поддержку трудящихся республики [114].

При обсуждении вопроса о создании организации передовых элементов иностранных трудящихся, находившихся в Советской России, мнения участников конференции (насколько это можно судить по имеющимся неполным сведениям) разошлись. Б. Кун и поддерживавшие его делегаты из Петрограда, видимо, высказались за образование в рамках РКП(б) иностранной коммунистической федерации с национальными секциями. Это предложение было поддержано Б. Рейнштейном [115]. Некоторые делегаты (по-видимому, главным образом из Московского комитета) высказывались против создания национальных секций, считая более целесообразными организации социал-демократов — интернационалистов сложившегося типа. Решение вопроса было отложено до созыва Всероссийского съезда военнопленных и эмигрантов. Подготовка Всероссийского съезда была возложена на организационную комиссию в составе И. И. Ульянова, Б. Рейнштейна, А. Генегариу, Б. Куна, Г. Михайлова, Ф. Бенеша и др. Для расширения агитационно-пропагандистской работы была создана издательская комиссия, в которую вошли И. И. Ульянов, В. Марковский, Т. Самуэли, А. Пескариу, С. Шленский, А. Эбенгольц, Э. Рейтер и др. Участники конференции, как об этом писал в своих воспоминаниях Г. Михайлов, встретились с В. И. Лениным. На этой встрече присутствовал также Я. М. Свердлов [116].

15 марта 1918 г. был составлен документ, из которого явствует, что в Международной федерации коммунистических секций при РКП(б) (как ее условно вначале предполагали назвать) на-

---

114 «Известия ВЦИК», 17.III 1918.

115 «Правда», 17.III 1918; «Московская Красная Армия», 17.III 1918.

116 Г. М. Добрев. Откъси от моите спомени за Великата Октомврийската социалистическа революция и за Владимир Илич Ленин. — «Септември», 1957, № 11, стр. 183—184; Г. Михайлов. Маяк революции. — «Известия», 20.IV 1963.

мечалось образовать секции — венгерскую, немецкую, чехословацкую, румынскую, польскую и болгаро-сербско-хорватскую [117].

Первые практические шаги по созданию коммунистических организаций трудящихся-военнопленных в центре Советской республики были сделаны уже во второй половине марта—апреле 1918 г. Решения Московской конференции содействовали дальнейшему организационному укреплению и идейному росту революционных организаций военнопленных на местах. К концу марта 1918 г. интернациональная организация в Пензе насчитывала в своих рядах до 500 членов [118]. Ее комитету удалось наладить издание газеты «Освобождение мира», первый номер которой на немецком языке вышел 1 апреля 1918 г. 25 марта 1918 г. при содействии агитаторов из Москвы в Орле на собрании австро-венгерских и немецких военнопленных была образована организация интернационалистов и избран комитет из восьми человек (А. Завишка, А. Щербецкий, Ф. Миллер, И. Патаи и др.). В решении собрания отмечалось, что организация основана на принципах партии большевиков и будет «рука об руку работать с Советской властью...» [119] В начале апреля 1918 г. Симбирский Совет обсудил «организационный статут» и утвердил комитет местной организации военнопленных «III Интернационал» [120]. В Уфе сложилась Социал-демократическая рабочая партия военнопленных. По поручению комитета этой организации ее представители А. Фелеки и Ю. Орлович посетили Златоуст, Бердяуш, Сатку, Бакалы, Успенское и Симский завод и провели при содействии местных большевиков массовые митинги военнопленных. В Оренбурге в конце марта 1918 г. был организован Интернациональный комитет военнопленных, председателем которого избрали члена губисполкома большевика П. С. Михайлова. В комитет вошли: чехи Ледерер, Зубр, венгры Лукач, Еленфи, немцы Вандрушек, Хауптман, румын Аслендер, поляк Ковальчук и хорват Живкович. В окрестности города были направлены инструкторы-организаторы для создания среди военнопленных местных комитетов интернационалистов [121].

Важное значение для развития организаций иностранных трудящихся в Сибири имела конференция военнопленных-интернационалистов в Канске, созванная 10 марта 1918 г. по инициативе местного Совета рабочих и крестьянских депутатов. В ней участвовали делегаты из Омска, Томска, Ачинска, Красноярска. От организации интернационалистов Томска на конференции выступил Ф. Мюнних. Он сообщил, что в местном лагере образован

---

[117] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 8, лл. 3—4.
[118] Там же, д. 5, л. 36.
[119] «Орловские известия Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 29.III 1918.
[120] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 317, л. 27.
[121] Там же, д. 1, л. 78; «Правда», 24.IV 1918.

интернациональный клуб, в котором состоит 2100 членов. Кроме того, действовал Совет военнопленных. Текущую работу вел исполком Совета, состоящий из семи человек. При Совете был образован даже революционный трибунал, и в его распоряжении находился отряд Красной гвардии из военнопленных, поддерживавший порядок в лагере [122].

На конференции выявилось два направления: одни (их было меньшинство), сочувствуя социалистической революции в России, в то же время стремились ограничить деятельность организаций военнопленных культурно-просветительной работой, другие настаивали на активной поддержке Советской власти. Выступая от имени большинства, Ф. Мюнних заявил, что пролетарская революция в России имеет огромное международное значение и что задача военнопленных социал-демократов — интернационалистов состоит в защите Советской республики с оружием в руках [123].

19 марта 1918 г. в Красноярске по инициативе Г. Кольгофа, Фихтера и Ф. Мильднера состоялось собрание военнопленных с участием представителей интернационалистов Канска, Ачинска, Томска и местных большевиков (председатель Енисейского губисполкома Г. Вейнбаум, редактор газеты «Красноярский рабочий» А. А. Померанцева, от Польской группы РКП(б) — Т. Магжик и др.[124]). Собрание заслушало информацию о конференции в Канске. После выступлений Г. Кольгофа и Д. Форгача, подчеркнувших, что в «основу организации должны быть положены принципы интернационализма, сознание единства интересов международного пролетариата» [125], было решено основать «Интернациональную социал-демократическую рабочую партию военнопленных г. Красноярска». Правление этой организации выпустило прокламацию к военнопленным, заявлявшую, что наступило такое время, которого не знала мировая история, что весь мир объят пламенем борьбы. «Семя социализма, — говорилось далее, — заложенное в вас здесь, на свободной земле Российской рабочей республики, по возвращении на родину должно дать плоды» [126]. В прокламации содержался горячий призыв к военнопленным независимо от национальности вступать в организацию, что будет соответствовать интересам каждого, интересам порабощенных рабочих всех стран.

В Новониколаевске сначала действовали разобщенно чехословацкая социал-демократическая организация и группы революционных социалистов — немцев, румын, венгров, поляков. После проведенного 31 марта 1918 г. митинга, в котором участ-

[122] «Боевое содружество. . .», стр. 66.
[123] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 374, л. 5.
[124] «Красноярский рабочий», 22.III 1918.
[125] Там же.
[126] «Красноярский рабочий», 3.IV 1918.

вовали польские, чешские, немецкие, румынские, венгерские интернационалисты, а также представители Новониколаевской организации РКП(б), была создана Интернациональная социал-демократическая организация иностранных пролетариев г. Новониколаевска и его уезда. Она делилась на национальные секции. На состоявшемся 21 апреля 1918 г. общем собрании был рассмотрен и принят «Устав Интернациональной социал-демократической организации иностранных пролетариев г. Новониколаевска и его уезда», позднее утвержденный исполкомом Новониколаевского Совета. В § 1 устава говорилось, что «организация имеет своею целью объединение иностранных пролетариев города и уезда, воспитание их в духе революционного социализма и улучшение их материального быта...»[127] В статьях 4 и 5 предусматривалось, что организация должна иметь представительство в местном Совете рабочих и крестьянских депутатов и работать под контролем Совета. Центральным органом являлся комитет, который избирал президиум из пяти членов. При комитете должны были действовать организационно-агитационная и культурно-просветительная комиссии. В комитете организации сосредоточивалось также и управление лагерем военнопленных.

В это же время численно росли, организационно и идейно крепли интернационалистские организации в Иркутске, Сретенске и других городах Восточной Сибири. Партийная группа интернационалистов в Чите в марте 1918 г. насчитывала около 45 членов. В ее комитет входили Ф. Штейнгардт, А. Мюллер и др.[128] В лагере на Песчанке интернационалистская революционная организация военнопленных окончательно сложилась после собрания 26 марта, созванного интернационалистами при поддержке местных большевиков; на собрании выступал с речью на немецком языке Я. Е. Боград[129], после чего была принята большевистская резолюция и избраны делегаты в местный комитет военнопленных социал-демократов — интернационалистов. «Дело русских рабочих, — твердо заявили иностранные пролетарии, — есть наше собственное дело»[130]. Дальневосточный краевой комитет Советов в Хабаровске 27 марта 1918 г. разрешил военнопленным-социалистам организовать комитет и постановил оказать ему в работе среди военнопленных содействие[131].

---

[127] «Дело революции» (Новониколаевск), 25.IV 1918.

[128] А. Мюллер. В пламени революции (1917—1920 гг.). Воспоминания, Иркутск, 1957, стр. 29.

[129] Впоследствии в статье «Военнопленные за русскую революцию» Я. Боград сообщал, что офицеры песчанского лагеря военнопленных пытались сорвать собрание, запугивая солдат угрозами о жестоком наказании после возвращения на родину. — «Дело революции» (Томск), 16.V 1918.

[130] «Забайкальский рабочий» (Чита), 29.III 1918.

[131] «Дальневосточные известия» (Хабаровск), 6.IV 1918.

В начале апреля 1918 г. собрание большевиков Челябинска, выслушав выступление председателя комитета организации военнопленных-интернационалистов О. Роота, постановило: предоставить военнопленным право самоуправления; право издавать свою газету на немецком и венгерском языках; содействовать улучшению быта военных и гражданских пленных [132]. От имени своих товарищей О. Роот выразил горячую признательность большевикам и заверил, что военнопленные-интернационалисты пойдут рука об руку с российским пролетариатом. 7 апреля Организация интернационалистов социал-демократов среди военнопленных и военнообязанных Челябинска избрала в Челябинский Совет рабочих и армейских депутатов шестерых представителей (Роота, Паара, Шварца, Кунферштейна, Маласского и Ференчино) [133]. Депутаты от интернационалистских организаций участвовали также в работе Советов в Пензе, Казани, Самаре, Екатеринбурге, Омске, Томске, Красноярске и других городах. В Екатеринбургском Совете, как и во многих других, делегаты интернационалистов входили во фракцию большевиков [134].

При содействии местных организаций РКП(б) иностранные интернационалисты приступили к выпуску своих газет. В Омске издавалась на венгерском языке газета «Форрадалом» («Революция»), в Пензе — на немецком «Вельтбефрайунг» («Освобождение мира»), в Самаре — на венгерском «Эбредеш» («Пробуждение») и на немецком «Фрайе Ворте» («Свободное слово»), в Екатеринбурге — на немецком «III Интернационале» («III Интернационал») и на венгерском «Урали форрадалмар» («Уральский революционер») и др.

В ряде мест организации интернационалистов брали на себя заботы административного характера. Например, в омском лагере военнопленных в марте 1918 г. сложилась лагерная коллегия во главе с интернационалистами. В ведении коллегии были комиссариат, комитет порядка, комиссии — продовольственная, санитарная, Красного Креста, а также лагерный суд. Кроме того, коллегии подчинялся отряд Красной гвардии, состоявший из военнопленных, несший охрану революционного порядка [135]. Административно-хозяйственными делами занимались также интернационалистские организации в Твери, Самаре, Симбирске, Уфе, Челябинске, Барнауле, Томске и других городах.

---

[132] «Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 4.IV 1918.

[133] «Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 9.IV 1918.

[134] «Известия Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов», 24.IV 1918.

[135] «Известия Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 4.IV 1918.

Иностранные интернационалисты, ставшие гражданами РСФСР, приняли активное участие в работе местных коллегий по делам пленных и беженцев. Членами коллегий стали интернационалисты Ф. Гольдшукер — в Казани, Я. Ивани — в Самаре. Интернационалисты были введены в состав местных коллегий также в Воронеже, Курске, Саратове, Нижнем Новгороде и других городах.

Привлечение интернационалистов к деятельности государственных органов, ведавших делами военнопленных, содействовало успешной борьбе с происками контрреволюционных элементов, пресечению враждебных действий членов различных комиссий Германии и Австро-Венгрии по обмену военнопленными, а также эмиссаров и вербовщиков чехословацких, румынских, югославянских, польских и других буржуазно-националистических организаций.

Необходимость объединения усилий интернационалистов, выработки общих основ и задач их деятельности определяла неотложность созыва Всероссийского съезда военнопленных.

5. Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов — интернационалистов

29 марта 1918 г. по поручению предварительно заседавшей организационной комиссии Московский комитет опубликовал извещение о созыве 14 апреля в Москве Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов — интернационалистов. В извещении указывалось, что делегатов на съезд посылают только организации военнопленных, стоявшие на платформе Советской власти [136]. Согласно опубликованной повестке дня, на съезде предполагалось разработать и принять политическую программу, заслушать доклады с мест, отчет Московского комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов, обсудить вопрос об агитации среди военнопленных, о создании организации и избрать ее Центральный комитет [137].

Накануне съезда дискуссия по программным и организационным вопросам, шедшая и ранее среди интернационалистов, приобрела особенно острый характер. Сложившиеся в Москве группы венгерских и чехословацких коммунистов открыто выступили против создания массовой политической организации военнопленных в той форме и того характера, как это предлагал комитет Союза военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа. Они заявляли, что вместо широкой, но идейно разнородной организации «типа Советов» следует со-

---

[136] «Известия ВЦИК», 29.III 1918.
[137] «Известия ВЦИК», 7.IV 1918.

здать небольшие группы передовых, сознательных и готовых к борьбе коммунистов для ведения среди военнопленных пропаганды на строгих началах программы РКП(б) [138].

Широкая подготовка к съезду развернулась и на местах. Повсюду проводились собрания и конференции, на которых избирались делегаты на съезд, определялись программа и задачи революционных организаций интернационалистов. 31 марта 1918 г. была проведена конференция военнопленных-интернационалистов в Тверской губернии. Главной задачей организации конференция признала политическую подготовку пленных к освободительной борьбе пролетариата на родине [139]. На Всероссийский съезд в Москву было избрано шесть делегатов (в числе делегатов от Твери был Б. Кун) [140]. На состоявшемся 4 апреля 1918 г. в Красноярске собрании с докладами о деятельности организации военнопленных-интернационалистов выступили Лискаи и Г. Кольгоф. Отметив, что прямым долгом каждого члена организации является поддержка правительства Советской республики, немецкий интернационалист Кольгоф подчеркнул, что организация должна носить политический, а не профессиональный характер [141]. 7 апреля 1918 г. на съезд было избрано 11 делегатов от Казани (в том числе Ш. Апати). В тот же день состоялось общее собрание организации интернационалистов — социал-демократов военных и гражданских пленных в Челябинске [142].

На конференцию Союза социал-демократов—интернационалистов военнопленных Урала, проведенную 7—8 апреля 1918 г., прибыло 60 делегатов от 6312 членов Союза. В работе конференции участвовали представители Уральского бюро ЦК РКП(б). Конференция обсудила отчеты делегатов с мест, доклад члена ЦК Союза И. Грюна об уставе и задачах организации. Главная задача организации в проекте устава, выработанном ЦК Союза, была определена следующим образом: «...Планомерная просветительная работа среди военнопленных, подготовка их к возвращению на родину, обучая — стать дисциплинированными и готовыми на жертву членами Интернационала» [143]. В проекте устава не было четко определено отношение организации к РКП(б), и это вызвало острые прения. Большинством в 33 голоса против 6 проект был отклонен, за исключением 5-го и 6-го пунктов, в которых говорилось, что агитационная работа должна вестись путем массового распространения газет, брошюр и

---

[138] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 113, лл. 32—34.
[139] «Известия Тверского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 13.IV 1918.
[140] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 4, л. 32.
[141] «Красноярский рабочий», 10.IV 1918.
[142] «Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 9.IV 1918.
[143] «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 19.IV 1918.

листовок на всех языках. Большинство делегатов поддержало резолюцию, в которой было заявлено: «Делегаты Уральской области на конференции 7 и 8 апреля признали тактику большевиков правильной и решили при всяких условиях просвещать и вести своих товарищей и членов в духе партии коммунистов» [144]. На Всероссийский съезд было избрано десять делегатов, которые должны были руководствоваться принятой резолюцией.

В наказе делегатам от организации военнопленных интернационалистов «III Интернационал» в Симбирске, принятом на заседании 10 апреля 1918 г., было поручено добиться на съезде, чтобы всероссийской организации было присвоено название «III Интернационал» [145]. Союз военнопленных социал-демократов—интернационалистов Курска направил на Всероссийский съезд в Москву четырех, а из Нижнего Новгорода прибыло восемь делегатов. При этом Нижегородский комитет РКП(б) писал, что делегат К. Краузе является членом партии большевиков, а остальные (И. Сребрнич, Р. Гегер, Я. Олива и др.) состоят членами организации военнопленных социал-демократов—интернационалистов [146].

К 13 апреля 1918 г. большая часть делегатов прибыла в Москву. Съехались представители около 80 местных организаций [147]. К открытию съезда в «Правде» было опубликовано приветствие от РКП(б) «Товарищам военнопленным!» «Мир рабочих и крестьян всего мира, создание III Интернационала, — говорилось в нем, — вот чем должны ответить рабочие и крестьяне на мировую бойню мировых хищников. Своим конгрессом вы кладете новый камень для постройки этого великого здания. Привет вам, товарищи» [148].

14 апреля 1918 г., в воскресенье, состоялся митинг в Политехническом музее. Залы и коридоры музея, а также прилегающая улица были заполнены делегатами съезда и членами Союза военнопленных социал-демократов—интернационалистов. Ораторам приходилось выступать по два-три раза. После приветственной речи И. И. Ульянова на митинге выступили: от Венгерской группы РКП(б) — Б. Кун, от польских социал-демократов—большевиков — М. Броньский, от Чехословацкой группы РКП(б) — Ф. Бенеш, а также ораторы от интернационалистов сербов, болгар и немцев. На митинге была единогласно принята предложенная Московским комитетом военнопленных-интернационалистов резолюция солидарности с рабочими и крестьянами Советской России. С пением «Интернационала» участники ми-

---

144 «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 25.IV 1918.
145 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 317, л. 27.
146 Там же, д. 4, л. 60.
147 Там же, д. 4.
148 «Правда», 14.IV 1918.

тинга направились на Красную площадь, где возложили венки на могилы героев Октябрьской революции [149]. В статье «Съезд военнопленных социалистов» Е. М. Ярославский, рассказывая о впечатлениях о митинге, писал: «Да, такого съезда и такой демонстрации не знала история. Во враждебной стране, куда они попали как пленные, эти люди почувствовали, как отогрело их солнце революции. Будет день, когда история скажет свой справедливый приговор. Она вспомнит, что была единственная страна в мире, единственная революция в мире, которая в дни страшной войны больше всего сделала для международного мира, для победы социализма — эта страна — Российская советская республика» [150].

Вопрос о числе делегатов Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов—интернационалистов до настоящего времени окончательно не выяснен [151]. Сопоставляя архивные данные с сообщениями газет интернационалистов (немецкой — «Мировая революция» и венгерской — «Социальная революция») можно предположить, что на съезд прибыло свыше 200 делегатов с решающим и около 60 с совещательным голосом, приехавших, очевидно, без надлежаще оформленных документов.

Требует дальнейшего изучения и вопрос о количестве членов организаций военнопленных-интернационалистов, делегаты которых были представлены на Всероссийском съезде. Можно предположить, что в составе революционных организаций военнопленных-интернационалистов ко времени съезда находилось до 100 тыс. организованных членов (без Туркестана и Дальнего Востока) [152].

Открыть Всероссийский съезд в назначенный день не удалось. Продолжались предварительные совещания делегатов и заседания национальных групп, в ходе которых обсуждались вопросы о форме и структуре организации военнопленных, о ее программе. Большинство делегатов примыкало к РКП(б), но были среди них и сторонники левых эсеров и других партий.

В канун съезда венгерские и чехословацкие коммунисты пересмотрели свое первоначально отрицательное отношение к нему, что, по-видимому, было следствием большой работы по сплочению революционных элементов среди военнопленных, проведенной большевиками, а также того обстоятельства, что конфе-

---

149 «Правда», 16.IV 1918.

150 «Беднота», 15.IV 1918.

151 В ряде газет указывалось, что в работе съезда участвовало около 400 делегатов, представлявших до 500 тыс. военнопленных. «Правда», 16.IV; «Беднота», 17.IV; «Известия ВЦИК», 19.IV 1918. В ЦПА ИМЛ сохранились мандаты примерно 130 делегатов (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 4).

152 Во всяком случае в принятом на съезде манифесте делегаты рассматривали себя как выразителей воли 100 тыс. военнопленных («Беднота», 19.IV 1918).

ренции на местах показали революционный энтузиазм членов организаций, решительно заявлявших о разрыве с оппортунистической социал-демократией. Представители Венгерской и Чехословацкой групп РКП(б) выступили с предложением об образовании в рамках существующих массовых интернационалистских организаций военнопленных национальных коммунистических групп.

Первое пленарное заседание Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов состоялось 16 апреля 1918 г. в Колонном зале Дома Союзов. Съезд открыл А. Эбенгольц, обратившийся к делегатам с приветствием от Союза военнопленных интернационалистов. В президиум съезда были избраны немцы Вольф и Рубеншталь, венгры Хохстельцер и Гофман, румыны Генегариу и Пескариу, от славянской группы делегатов — Петер и Бастушек [153]. Председателем съезда был избран член РКП(б), делегат из Семипалатинска В. Феттер, секретарем — член РКП(б), представитель интернационалистов Казани К. Краузе. Официальными языками съезда были признаны русский, венгерский и немецкий. Съезд приветствовали И. И. Ульянов — от имени рабочих, крестьян и солдат Советской России, Гребельская — от МК РКП(б) и Е. М. Ярославский — от Союза молодежи «III Интернационал».

В первый день работы съезда обсуждались задачи зарубежных интернационалистов. «...Делегаты различных национальностей, — рассказывает делегат съезда Р. Гарашин, — единодушно высказались в поддержку пролетарской революции. Они с глубокой горечью говорили о том, какие страдания причинила война их народам, и клялись всю свою жизнь посвятить священному делу революции...» [154] В единогласно принятой резолюции провозглашалось, что иностранные рабочие и крестьяне, находясь в Советской республике, пользуются свободой для ведения революционной социалистической пропаганды среди своих товарищей по классу с целью подготовки их к борьбе против капиталистического угнетения во всех странах [155].

На второй день работы съезд приступил к рассмотрению главного вопроса — какими должны быть организации военнопленных и их программа. Немецкая группа делегатов внесла предложение создать единую организацию, которая объединила бы всех военнопленных, разделяющих программу III Интернационала. От имени делегатов-венгров это предложение поддержал интернационалист из Томска Й. Рабинович [156]. Член исполкома чехословацкой коммунистической организации Ф. Беneш сообщил, что чехи и словаки полностью разделяют программу большевиков, образуют секцию при РКП(б) и будут

[153] «Известия ВЦИК», 19.IV 1918.
[154] «Венгерские интернационалисты...», стр. 245.
[155] «Беднота», 17.IV 1918.
[156] «Известия ВЦИК», 20.IV 1918; «Правда», 21.IV 1918.

работать рука об руку с Венгерской и другими группами РКП(б) в рамках объединенной интернациональной федерации, состоящей из отдельных национальных секций. Вместе с тем, заявил Ф. Бенеш, они будут «поддерживать организацию военнопленных и принимать участие в ее работе» [157].

Съезд решил основать всероссийскую организацию иностранных интернационалистов и избрать ее ЦИК. Было принято предложение австрийца И. Грюна образовать ЦИК в составе 21 члена, 7 из которых должны были работать в Москве, а остальные — в местных организациях. Первоначально в ЦИК было избрано семь человек, выдвинутых Э. Рейтером по поручению кандидатской комиссии (венгры Ф. Янчик и К. Вантуш, болгарин Г. Михайлов, немец Ф. Вальц, чех Р. Райтер, румын М. Гуйю, австриец К. Томан) [158].

На заседании 18 апреля 1918 г. славянская группа просила включить в ЦИК также представителей от поляков и югославян. Просьба была удовлетворена, и в руководящий орган вошли поляк С. Барчинский и серб И. Сребрнич. После конституирования ЦИК в президиум съезда поступило письмо Московского комитета Союза военнопленных социал-демократов—интернационалистов о том, что во избежание параллелизма в работе он складывает свои полномочия и сдает дела ЦИК [159]. Затем ЦИК огласил декларацию, в которой говорилось, что новая организация военнопленных должна быть централизованной и объединять представителей всех национальностей. Предусматривалось, что организация будет работать рука об руку с РКП(б) и именоваться Интернациональной революционной социалистической организацией иностранных рабочих и крестьян [160].

Съезд обратился к военнопленным и иностранным трудящимся в Советской республике с манифестом: «Депутаты 100 тыс. военнопленных, рабочих и крестьян, — говорилось в нем, — собрались в Москве на совещание. Брат военнопленный! Послушай их слово, прежде чем перешагнуть границу социалистической России» [161]. Далее в манифесте разоблачался империалистический характер мировой войны, содержался призыв к активной борьбе за свержение капиталистического строя, к установлению диктатуры пролетариата. «Мы протестуем против постылого мира, навязанного германским империализмом русскому правительству. Мы все, как один человек, решили с оружием в руках поддержать русское революционное правительство, провести в жизнь коммунизм Маркса и Энгельса...» [162]

[157] См. «Известия ВЦИК», 20.IV 1918.
[158] См. там же.
[159] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 3, л. 111.
[160] См. «Известия ВЦИК», 21.IV 1918.
[161] «Беднота», 19.IV 1918.
[162] «Знамя труда» (Казань), 21.IV 1918.

Этот манифест был передан по радио, а через несколько дней выпущен листовкой на многих языках. В целях консолидации революционных сил в защиту Советской республики на закрытом заседании съезда была образована Коллегия по формированию интернациональной пролетарской армии [163]. С заключительными речами выступили представители национальных групп, которые подчеркнули значение Всероссийского съезда интернационалистов для борьбы за социалистическую революции на Западе [164].

Сразу после съезда ЦИК организации интернационалистов приступил к работе. На состоявшихся в апреле—мае 1918 г. заседаниях ЦИК рассмотрел вопросы о посылке агитаторов на места, в особенности в пункты, через которые шла эвакуация военнопленных на родину, о формировании отрядов Красной Армии из бывших военнопленных и др.[165]

Консолидация военнопленных-интернационалистов вызвала беспокойство в правящих кругах как Четверного союза, так и стран Антанты. В первый же день работы Всероссийского съезда стало известно о полученной накануне радиограмме МИД Германии в адрес Наркоминдела с требованием роспуска революционных организаций военнопленных-интернационалистов и даже ареста их руководителей. Этот демарш, рассчитанный на то, чтобы запугать военнопленных, был оставлен без ответа. Затем, узнав о Всероссийском съезде военнопленных-интернационалистов, 19 апреля 1918 г. МИД Германии направил в Наркоминдел еще одну радиограмму, содержавшую требование принять меры для прекращения революционной пропаганды среди пленных и недопущения созыва съезда военнопленных в Москве [166]. В существовавших тогда условиях Советское правительство не могло просто отклонить германские ноты. Рассмотрев 20 апреля 1918 г. требования правительства Германии, Совнарком поручил Наркоминделу не позже следующего дня дать ответ [167]. Тогда же Совнарком постановил, что «иностранцы, желающие поступить в Красную Армию, должны принять русское подданство». Наркомвоену было поручено издать соответствующий приказ, который был опубликован в печати на следующий день. «Принимать в состав Красной Армии, — говорилось в нем, — только тех добровольцев из числа иностранцев, которые приняли русское гражданство» [168]. Кроме того, советская печать сообщила, что съезд созван эмигрантами и бывшими военнопленными, принявшими гражданство Советской республики.

---

[163] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 9, л. 2.
[164] См. «Известия ВЦИК», 21.IV 1918.
[165] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 9, л. 2.
[166] См. «Известия ВЦИК», 16, 20.IV 1918.
[167] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 295.
[168] «Известия ВЦИК», 21.IV 1918.

В заявлении, опубликованном рядом московских газет 23 апреля, французский посол в России Ф. Нуланс, заведомо искажая смысл и характер деятельности организаций военнопленных, утверждал, что Германия и Австро-Венгрия стремятся «при посредстве своих пленных... организовать в Сибири колонизационные центры». Это заявление нужно было Нулансу и его коллегам для того, чтобы изобразить подготовлявшиеся новые акты антисоветской агрессии как вынужденные меры для предотвращения угрозы, якобы создаваемой военнопленными. На следующий же день Г. В. Чичерин в беседе с корреспондентом «Известий» выразил глубокое возмущение по поводу заявления Нуланса, который под прикрытием условно дружелюбных дипломатических фраз грозит насильственным захватом русских областей и позволяет себе измышления против тех германских военнопленных, которые являются принципиальными противниками германского империализма и никоим образом не будут его поддерживать [169].

Клеветнические измышления и неправомерные требования властей кайзеровской Германии интернационалисты встретили с негодованием. «Мы уверены, — заявляли делегаты Всероссийского съезда, — что протесты и противодействия со стороны империалистов и капиталистов всех стран приведут лишь к тому, что мы поведем нашу классовую борьбу с еще большей энергией» [170]. Во многих газетах была опубликована статья интернационалиста Элема «Попытки зажать рот Интернационалу». «Не удастся шакалам зажать рот Интернационалу, — писал Элем. — Нигде германские захватчики не спасутся от неминуемой революции. В конце концов военнопленные вернутся домой. Рассказы о русской революции, дружественном отношении к ним, о свободе, которой они пользовались, вызовут сердечные симпатии к русскому народу» [171].

19 апреля 1918 г. от имени Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов—интернационалистов председатель В. Феттер и секретарь К. Краузе, а также руководители венгерских, чехословацких и румынских коммунистов обратились во ВЦИК Советов с письмом, в котором сообщалось о создании Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян и об избрании ЦИК организации [172]. В связи с этим Президиум ВЦИК 27 апреля 1918 г. принял решение предоставить организации девять мест с совещательным голосом во ВЦИК, куда вошли члены ЦИК интерна-

---

[169] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 259—261.
[170] «Петроградская правда», 23.IV 1918.
[171] «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 23.IV 1918; «Революционный вестник» (Тула), 1.V 1918.
[172] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 22, л. 210.

ционалистов [173]. Тем самым получили еще одно яркое подтверждение свойственный Советской власти интернационализм, ее глубокая признательность к своим зарубежным союзникам.

Кроме Всероссийского съезда в Москве, в Иркутске 15—25 апреля проходил съезд военнопленных социал-демократов—интернационалистов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Всего в работе съезда участвовало 60 делегатов от 19 местных организаций (Ачинска, Канска, Красноярска, Нижнеудинска, Иркутска, Читы, Сретенска, Хабаровска, Благовещенска и др.) [174]. Председателем съезда был избран интернационалист из Красноярска венгр Фихтер. От Восточно-Сибирского бюро РКП(б) и ЦИК Советов Сибири с приветствиями выступили Я. Е. Боград, Гаврилов и др. Делегаты доложили съезду о работе местных организаций и обсудили вопросы о создании единой партийной организации иностранных интернационалистов в Сибири, об агитации среди военнопленных, о поддержке Советской республики. Съезд единодушно высказался за создание организации, деятельность которой должна определяться программой и уставом РКП(б); организация получила название Коммунистической партии иностранных пролетариев Сибири. В состав избранного ЦИК вошли венгерские, австрийские и другие интернационалисты — Фихтер, Швабенгаузен, Зингер (Хабаровск), Д. Фрид (Сретенск), Унгар (Томск), Г. Каплелер (Красноярск) и Эмбер (Сретенск). На заключительном заседании делегаты съезда приняли обращение к иностранным рабочим и крестьянам Сибири, в котором призвали их бороться за укрепление Советской власти и социалистических завоеваний в России, вступать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии [175].

4—5 мая 1918 г. в Самаре состоялась конференция военнопленных социал-демократов—интернационалистов Поволжья. В ее работе участвовало около 30 делегатов [176]. Почетными председателями конференции были избраны В. И. Ленин и К. Либкнехт. Обсуждались вопросы создания политической организации и агитации среди военнопленных. Делегаты избрали комиссию для разработки программы организации, которая должна была быть основана на платформе III Интернационала в единстве с большевистской партией. «Мы, военнопленные, — было сказано в резолюции съезда, — решили идти с русскими товарищами рука об руку и защищать революцию...» [177] 2 мая 1918 г. состоялось заседание Самарского комитета РКП(б) с участием руководите-

---

173 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 15, л. 284.

174 «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. Сборник документов и материалов». Иркутск, 1957, стр. 330—331, 339—341.

175 «Красноярский рабочий», 27.IV, 1.V 1918.

176 «Известия ВЦИК», 9.V 1918.

177 «Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 12.V 1918.

лей организации чехословацких, югославянских, венгерских интернационалистов. Рассматривалось заявление интернационалистов об организационном слиянии с РКП(б) и образовании в рамках самарской парторганизации иностранной секции. Решено было, что «секция военнопленных посылает в Самарский комитет своего представителя; Самарский комитет посылает в свою очередь представителя в комитет секции военнопленных» [178].

Комитет организации иностранных социал-демократов—интернационалистов в Казани, обсудив 12 мая 1918 г. вопрос о дальнейшей работе, постановил: «... Принимать в новые члены только настоящих социалистов и только по двум рекомендациям» [179]. Вскоре возникла инициативная группа немецких и венгерских коммунистов, а затем и иностранная секция при Казанском губкоме РКП(б). На одном из заседаний секции было решено, что «желающие вступить в партию обязаны в случае контрреволюционных выступлений вместе с другими защищать завоевания революции» [180].

В первой половине мая 1918 г. уже действовала Интернациональная партийная организация иностранных пролетариев в Барнауле. 19 мая 1918 г. было проведено губернское совещание военнопленных-интернационалистов в Уфе. Прибыли 25 делегатов от 7 местных организаций (Уфы, Златоуста, Бакальского рудника, Белорецкого и Симского заводов и др.) [181]. Совещание обсудило доклады о работе организаций, их задачах, тактике и вопрос о Красной Армии. Из докладов с мест выяснилось, что попытки контрреволюционных офицеров и социал-патриотов противодействовать работе в среде военнопленных успехов не имели. В резолюции говорилось: «Мы обещаем все наши силы отдать в распоряжение Советской власти» [182].

18—21 мая в Екатеринбурге была проведена вторая конференция Союза социал-демократов—интернационалистов военнопленных Урала. В конференции участвовали представители 15 местных организаций (Екатеринбурга, Челябинска, Ирбита, Троицка, Шадринска, Надеждинска, Перми, Красноуфимска, Алапаевска, Кунгура) [183]. Конференция заслушала и обсудила доклады о Всероссийском съезде военнопленных и агитационно-пропагандистской работе среди военнопленных и приняла новый устав организации. Союз был переименован в Коммунистическую партию иностранных рабочих и крестьян Урала [184].

---

[178] «Приволжская правда» (Самара), 11.V 1918.
[179] «Знамя революции» (Казань), 18.V 1918.
[180] «Знамя революции» (Казань), 29.VI 1918.
[181] «Вперед» (Уфа), 21.V 1918.
[182] «Вперед» (Уфа), 26.V 1918.
[183] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 193, л. 8.
[184] «Уральский рабочий» (Екатеринбург), 26.V 1918.

В утвержденном уставе говорилось, что задача организации заключается в воспитании иностранных рабочих и крестьян в коммунистическом духе и что членом ее может быть всякий, признающий программу РКП(б) [185].

Серьезное внимание созданию организации среди военнопленных уделял Воронежский комитет РКП(б). 28 мая 1918 г. на заседании комитета организатором военнопленных-интернационалистов был утвержден венгр А. Файер. Проведенная губернская конференция РКП(б) приняла решение образовать в городской парторганизации «организацию военнопленных, во главе которых надо поставить хороших организаторов» [186]. В Симбирске комитет организации «III Интернационал» 8 июня 1918 г. направил губернскому комитету РКП(б) заявление, в котором сообщал, что в ней состоит 600 стойких интернационалистов и имеется вооруженный отряд, готовый бороться с врагами Советской власти. Интернационалисты выражали желание работать совместно с большевиками и просили последних назначить своего представителя в комитет «III Интернационала». «Наша программа, — подчеркивалось в заявлении, — равняется вашей, наши идеи, цели и мнения — те же, что и ваши» [187]. На общем собрании городской организации большевиков было решено включить в комитет «III Интернационала» большевика Нейланда.

16 июня 1918 г. ЦИК Всероссийской интернациональной организации провел совещание с привлечением делегатов с мест, на котором были обсуждены вопросы о программе организации, об участии интернационалистов в защите Советской республики, задачах революционных военнопленных после возвращения на родину. Вскоре ЦИК утвердил устав организации. В параграфе первом устава подчеркивалось, что политической платформой Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян является программа большевиков [188].

Несколько иначе, чем в Европейской части России, Сибири и на Дальнем Востоке, проходило образование организаций иностранных трудящихся-интернационалистов в Средней Азии. С середины 1918 г. здесь стали возникать группы иностранных коммунистов, состоявшие из бывших военнопленных. Польские интернационалисты входили, как правило, только в партийные организации большевиков. Продолжали свою деятельность группы иранской революционной партии «Адалят». 2—8 декабря

---

[185] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 193, л. 2.
[186] «Известия Воронежского Совета рабочих солдатских и армейских депутатов», 28.VI 1918.
[187] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии». Ульяновск, 1957, стр. 255.
[188] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 9, л. 8.

1918 г. в Ташкенте состоялась конференция иностранных коммунистических групп. Конференция положила начало созданию Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян в Туркестанской республике. В основу деятельности этой организации были положены устав и программа РКП(б); организация являлась составной частью Коммунистической партии Туркестана. В Краевой комитет организации входили Ф. Фаглер, С. Тейхнер, М. Шпитцер, Э. Беднар и др. Деятельность Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян в Туркестанской республике рассматривалась II (декабрь 1918 г.) и III (июнь 1919 г.) съездами КП Туркестана. К лету 1919 г. оформились организации проживавших в Средней Азии мусульманских коммунистов — выходцев из сопредельных стран Востока.

6. Интернационалисты в борьбе с внутренней контрреволюцией весной 1918 г.

Весной 1918 г. перешла в наступление внутренняя контрреволюция. Белоказачьи войска Краснова, поддерживаемые немцами, угрожали Царицыну. На Южном Урале активизировались дутовцы. Банды Семенова, находившиеся на содержании японских милитаристов, расширили свои действия в Забайкалье.

В стране шла упорная борьба за упрочение Советской власти, разворачивалось строительство вооруженных сил Советской республики.

Расширилось формирование и интернациональных частей Красной Армии. В марте 1918 г. по приказу военного комиссариата Москвы стал формироваться Московский красный отряд Интернационала. «За последнее время, — сообщалось в корреспонденции из Москвы, — среди военнопленных, главным образом болгар, румын, идет усиленная запись в ряды Советской Армии. В бюро военнопленных ежедневно являются десятки желающих. . .» [189] Интернациональный отряд, формировавшийся Московским комитетом иностранных интернационалистов, в начале апреля 1918 г. насчитывал около 400 добровольцев. 31 марта из Петрограда в Москву выехали бойцы интернационального отряда, созданного по совету В. И. Ленина. После отъезда А. Рис Вильямса в США организатором отряда, названного «1-м Интернациональным легионом Красной Армии», стал А. Эбенгольц.

В Москве продолжал формироваться Революционный красный полк Варшавы, насчитывавший в апреле 1918 г. около 1400 бойцов. В середине апреля 1918 г. по приказу ВЧК в Москве

[189] «Петроградская правда», 19.IV 1918.

были разоружены анархисты. В операции принимали участие бойцы польского полка и отряд интернационалистов.

В начале мая 1918 г. в Москву прибыл бывший командир китайского революционного батальона Тираспольского отряда Сан Фу-ян. 9 мая «Правда» опубликовала его воззвание. «Революционеры братья-китайцы! — говорилось в нем. — Кто за освобождение порабощенных — в наши ряды! Кто за защиту власти рабочих и крестьян — иди к нам... Товарищи! Все в ряды Красной Армии, в ее китайский батальон». Приказом военного комиссариата Москвы от 13 мая было предписано «всех китайцев, состоящих в рядах Советской Армии, направлять в распоряжение военного комиссариата Замоскворецкого района на пополнение формируемого китайского батальона» [190]. В батальон вступили десятки добровольцев. «В настоящее время, — рассказывал Сан Фу-ян корреспонденту газеты „Красная Армия“, который посетил китайских добровольцев в первых числах июня 1918 г., — в моем батальоне 180 человек» [191].

В конце марта в Петрограде было объявлено о формировании 1-го Интернационального батальона Красной Армии, командиром которого был А. Облак, а комиссаром — А. Бархатов [192].

Интернациональные подразделения Красной Армии формировались во многих городах. К апрелю 1918 г. в Тверском интернациональном батальоне было свыше 400 добровольцев [193]. Международная революционная организация социалистических иностранных рабочих и крестьян в Пензе создала военный отдел, который формировал интернациональный отряд. Начальником отряда стал чех Славояр Частек [194]. К концу мая 1918 г. в отряд вступило свыше 80 добровольцев.

К маю 1918 г. в Воронежскую губернию вступил Тираспольский отряд, понесший значительные потери при движении через районы, занятые донскими белоказаками. Часть отряда была оставлена на станции Лиски для несения караульной службы [195], а 13 мая 1918 г. приказом штаба обороны Воронежского района Ж Гон-ту был назначен начальником китайского отряда в Воронеже [196]. 20 мая этот отряд пополнился 120 добровольцами-китайцами, прибывшими из Царицына. Вскоре он был превращен в Отдельный китайский батальон, которым командовал серб Г. Павлович. Красноармейцы-китайцы, несшие службу на стан-

---

190 ЦГАСА, ф. 26032, оп. 2, д. 80.
191 «Боевое содружество...», стр. 85.
192 «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 19.IV 1918.
193 См. «Известия Тверского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 4.IV 1918.
194 ЦГАСА, ф. 28131, оп. 1, д. 1, л. 42.
195 ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 43.
196 См. «Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 17.V 1918.

Один из первых интернациональных отрядов Красной Армии, сформированный из военнопленных

ции Лиски, были сведены в роту, командиром которой был назначен К. Б. Карапетян, а его помощником Цин Бо-сад. С отрядом В. И. Киквидзе в Тамбов прибыли сражавшиеся под Харьковом красноармейцы — чехи, словаки, венгры, сербы, китайцы и др. 19 мая 1918 г. состоялся смотр войск тамбовского гарнизона. После воинской присяги (ее принимал Н. И. Подвойский) В. И. Киквидзе и его красноармейцы попросили наркома передать В. И. Ленину, что в их рядах не будет трусов и они сдержат свою клятву [197].

С марта 1918 г. в Казани формировался интернациональный батальон, которому впоследствии было присвоено имя Карла Маркса. Командовал им русский солдат С. Бирюков. В батальоне служили русские, татары, украинцы, эстонцы, латыши, чуваши, чехи, венгры, немцы, китайцы. «На разных языках говорили бойцы батальона, — вспоминал бывший его командир, — но прекрасно понимали друг друга, потому что у всех была одна цель борьбы — защита завоеваний социалистической революции» [198]. К лету 1918 г. в рядах Красной Армии в Казани было свыше 400 добровольцев из числа бывших военнопленных [199]. Многие из иностранных трудящихся вступили в формировав-

---

[197] См. «Известия ВЦИК», 31.V 1918.
[198] «Правда», 16.XI 1958.
[199] «Знамя революции» (Казань), 12.VI 1918.

шийся в Самаре отряд «Коммунар». Из интернационалистов — чехов и сербов, прибывших с Украины, в Самаре под руководством Я. Гашека стал формироваться отряд. В конце мая 1918 г. в его рядах насчитывалось 120 добровольцев[200]. В Самаре также был размещен 1-й социалистический революционный югославянский отряд в составе 100 добровольцев, прибывший из-под Екатеринослава.

При поддержке Симбирского военно-революционного комитета в первых числах апреля было начато формирование боевого отряда «III Интернационал». Организатором отряда был интернационалист Зильвиндер[201]. Интернациональный отряд, сформированный весной 1918 г. в Саратове, под командованием Л. Гавро после пополнения новыми добровольцами в Астрахани участвовал в борьбе за восстановление Советской власти в Темир-Хан-Шуре[202]. 10 мая 1918 г. около 300 человек из прибывшего в Саратов сербского отряда вступили в Красную Армию[203]. В конце мая 1918 г. в Саратове началась запись в Чехословацкий красный батальон защиты пролетарской власти.

Весной 1918 г. героически сражались под Царицыном с белоказачьими отрядами Краснова добровольцы из отряда «III Интернационал»[204] и югославянского батальона Д. Сердича. Среди бойцов отрядов, прибывших из Екатеринбурга, Уфы, Белорецка, Челябинска, Оренбурга, Самары на помощь осажденному дутовцами в конце марта Троицку, были и зарубежные интернационалисты. Только организация военнопленных социал-демократов Челябинска послала на фронт около 200 добровольцев[205]. С дутовцами и уральскими белоказаками сражались самарский отряд «Коммунар», Казанский интернациональный батальон им. К. Маркса, а также отряд чехословацких интернационалистов из Пензы.

В марте 1918 г. в Омске были сформированы 1-й и 2-й международные пролетарские отряды. Из 600 добровольцев 1-го отряда около 300 были бывшие военнопленные, главным образом венгры и румыны. Во втором отряде числилось 100 русских, 150 литовцев, 130 чехов и словаков и 70 немцев[206]. 19 марта 1-й Омский международный пролетарский отряд выбыл в Забайкалье для участия в боях против банд Семенова. Вскоре на фронт отправился и 2-й Омский международный пролетарский отряд.

Томский интернациональный батальон, которым командовал Ф. Мюнних, насчитывал к середине апреля 1918 г. 250 добро-

---

200 «Боевое содружество...», стр. 77—78.
201 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 317, л. 95.
202 Там же, оп. 9, д. 7, л. 34.
203 «Боевое содружество...», стр. 70.
204 «Правда», 7, 10.IV 1918.
205 «Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 27.IV 1918.
206 «Рабоче-крестьянская газета» (Красноярск), 29.III 1918.

вольцев из числа бывших военнопленных[207]. Интернационалисты являлись надежной опорой Томского Совета[208]. В мае 1918 г. в Томске был сформирован второй батальон интернационалистов.

К концу апреля банды Семенова перешли в наступление на станцию Борзя. Вслед за этим белогвардейцы овладели станцией Оловянная. Нависла угроза над Читой. Командующий войсками в Забайкалье С. Лазо предпринял ряд мер по укреплению фронта в Забайкалье. На фронт прибыли подкрепления, в том числе интернациональные батальоны из Томска и Читы. На борьбу с семеновцами выступил также отряд из 500 добровольцев — интернационалистов Нерчинска, Сретенска, Верхнеудинска. В начале мая на фронте в Забайкалье из 5 тыс. бойцов было до тысячи интернационалистов[209]. Под командованием С. Лазо советские войска сдержали натиск белогвардейцев и затем перешли в наступление.

Империалисты Антанты, готовя интервенцию против Советской республики, не могли не учитывать политического и военного значения интернационального резерва Красной Армии. В марте 1918 г. японская пресса, а затем и военный министр Японии, извращая факты, сообщали, что в Советской России военнопленные вооружаются с целью боевых действий против стран Антанты на Дальнем Востоке и даже для похода в Китай. Эти вымыслы нужны были для того, чтобы оправдать поддержку Антантой банд Семенова и его сторонников в Приамурье[210]. Измышление министра повторил посол Японии в Риме, заявление которого подхватила вся буржуазная пресса Европы[211]. 20 марта 1918 г. Наркоминдел передал по радио в Париж, Лондон, Нью-Йорк и Токио заявление Хабаровского Совета с протестом против распространения измышлений иностранных дипломатов о захвате вооруженными военнопленными Сибирской железной дороги. Отметая клевету, Советское правительство предоставило возможность представителям США и Англии ознакомиться с положением дел на месте. Посетивший Дальний Восток (до Иркутска) во второй половине марта 1918 г. атташе посольства США в Китае майор В. Драйздл докладывал о бывших военнопленных, которых он видел в Иркутске: «Это убежденные интернационалисты, которые еще в начале войны отказались сражаться. Так как они, очевидно, не могут вернуться в Австрию, то, вероятно, решили разделить с русскими социалистами их судьбу»[212].

---

207 «Боевое содружество...», стр. 63.
208 «Венгерские интернационалисты...», стр. 222.
209 «Голос Приморья» (Владивосток), 12.V 1918.
210 «Власть народа», 22.III 1918, «Дальневосточные известия» (Хабаровск), 4.IV 1918.
211 ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 150, л. 186.
212 «Дальневосточные известия» (Хабаровск), 7.IV 1918.

Сибирь посетили также сотрудник английской дипломатической миссии капитан Хикс и сотрудник миссии американского Красного Креста капитан Вебстер. 31 марта 1918 г. в Томске их приняло руководство ЦИК Советов Сибири (Центросибирь). Им был вручен меморандум, в котором указывалось, что в период вторжения немецких войск в Советскую Россию отряды военнопленных-интернационалистов действительно были вооружены для отправки на фронт. Прекращение военных действий и заключение мира позволило использовать эти отряды с целью защиты Советской республики от внутренней контрреволюции. Один из отрядов, сообщалось в меморандуме Центросибири, который включал до 500 бывших военнопленных-интернационалистов (венгров и лиц славянских национальностей Австро-Венгрии), принятых в гражданство РСФСР, был отправлен на борьбу с бандами Семенова. Всего было вооружено немногим более 1 тыс. бывших военнопленных [213]. Ознакомившись с положением военнопленных в Сибири, Хикс и Вебстер вынуждены были признать в докладе послам Антанты необоснованность утверждений о захвате Сибирской железной дороги вооруженными военнопленными. Тогда, организовав провокацию с убийством двух японских граждан, милитаристы Японии высадили военный десант во Владивостоке. Заявление Совнаркома от 5 апреля 1918 г. разоблачило провокационную деятельность японской военщины [214].

Действуя по указаниям МИД Германии, представители Швеции и Дании в Советской России в свою очередь пытались воспрепятствовать работе интернациональных революционных организаций. Например, комитет военнопленных социал-демократов — интернационалистов в Самаре вынужден был в начале апреля 1918 г. обратить внимание губернского Совета на то, что делегат Красного Креста Швеции проводил контрреволюционную агитацию среди военнопленных. Датский консул в Томске в мае потребовал от Томского Совета, чтобы организация иностранных социал-демократов — интернационалистов была распущена. Дипломатическая миссия Дании настаивала на запрещении революционной агитации, которую проводили интернационалисты. В мае 1918 г. миссия обратилась в советские органы с нотами относительно агитации в Новосиле, Буе, Оренбурге, Кустанае, Кинешме и т. д. Одновременно миссия протестовала против агитации за вступление военнопленных в Красную Армию.

Германская главная комиссия по делам военнопленных, действовавшая в Советской республике, даже заявила, что якобы в Самаре тех военнопленных, которые отказались служить

---

213 «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 222—223.
214 Там же, стр. 224—226; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 150, л. 182.

в Красной Армии, ссылают в Сибирь. Проверка этого сообщения, а также ряда других, проведенная Центральной коллегией по делам пленных и беженцев, опровергла утверждение германской комиссии. Тем не менее в мае 1918 г. кайзеровская Германия выразила по этому поводу «протест». По поручению правительств Четверного союза датский консул в Томске настаивал в местном Совете на разоружении Томского интернационального батальона. В ответ на это интернационалисты заявили, что они принимают советское гражданство и из Красной Армии не уйдут [215].

Ничто не могло остановить растущего движения пролетарской солидарности с Советской властью со стороны бывших военнопленных и других зарубежных трудящихся, оказавшихся в революционной России.

---

[215] «Знамя революции» (Томск), 10.V 1918.

ГЛАВА 5

ФЕДЕРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРУПП РКП(б)

1. ЦК РКП(б) и возникновение Федерации

К маю 1918 г. в Советской России сформировалось пять иностранных коммунистических групп РКП(б): Венгерская, Румынская, Немецкая, Южнославянская и Чехословацкая. Поскольку цели, которые они ставили перед собой, были едины и работать им приходилось во взаимных контактах и в примерно равных условиях, встал вопрос об их более тесном сплочении. В ходе бесед в ЦК РКП(б) с руководителями групп была достигнута договоренность о создании Федерации иностранных групп РКП(б). В мае 1918 г. ЦК РКП(б) принял соответствующее решение[1]. Одним из вдохновителей создания Федерации был секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов[2].

Под Федерацией иностранных групп в широком смысле слова следует понимать добровольное интернациональное объединение ряда равноправных национальных групп коммунистов-иностранцев в рамках РКП(б).

Федерация ставила перед собой следующие задачи: революционное воспитание находившихся в Советской России иностранных трудящихся, вовлечение их в активную борьбу против внутренних и внешних врагов Республики Советов, всемерное содействие развитию революционного движения в других странах, объединение всех коммунистов-иностранцев для борьбы с реформистами, для создания III Коммунистического Интернационала.

---

[1] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, стр. 500.
[2] См. К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, стр. 430—431.

Число иностранных групп РКП(б), входивших в Федерацию, с течением времени выросло. К пяти названным группам до конца 1918 г. прибавились следующие: Французская — в августе, Болгарская (до этого болгары входили в Южнославянскую группу) — в октябре [3], Англо-американская — в ноябре [4]. В сентябре 1919 г. была создана Итальянская группа, также вошедшая в Федерацию [5]. Кроме национальных групп, в Федерацию в 1919 г. было включено интернациональное объединение иностранных коммунистов Туркестана (Коммунистическая партия иностранных рабочих и крестьян в Туркестане) [6]. Идейно близки к Федерации были и организации иностранных коммунистов Урала и Сибири, уже летом 1918 г. отрезанные от центра фронтами гражданской войны.

Я. М. Свердлов

Польские и финские коммунистические организации в Советской республике не входили в Федерацию, а имели свои бюро при Центральном Комитете партии [7]. Федерация, по мнению ЦК РКП(б), должна была объединять лишь тех коммунистов-иностранцев, которые проживали до войны на территориях, не входивших в состав старой России [8]. В Федерацию не входили также коммунистические группы народов Востока.

Руководство Федерацией называлось так же, как и вся организация иностранцев-коммунистов, — Центральная федерация иностранных групп РКП(б) (ЦФИГ). Таким образом, Федерация в узком смысле слова — это подотчетный ЦК партии руководящий орган иностранных групп РКП(б), состоявший из представителей этих групп. В настоящей главе речь и пойдет главным образом о деятельности этого руководящего органа.

---

[3] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 501.
[4] «Правда», 30.XI 1918.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 49, л. 1.
[6] Там же, оп. 9, д. 2, л. 16.
[7] Часть поляков-коммунистов (главным образом из числа военнопленных австро-венгерской армии) все же входила в местные объединенные организации, федерации и группы иностранных коммунистов.
[8] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, лл. 10—11.

Объединенные в Федерацию иностранные группы РКП(б) признавали ЦФИГ «верховным руководящим органом во всех принципиальных и тактических вопросах»[9]. В практических вопросах агитации и пропаганды, культурно-просветительской работы и издательских делах группы действовали на началах широкой автономии.

Создавая Федерацию иностранных групп РКП(б), Центральный Комитет не отходил от давно уже принятого большевиками ленинского принципа построения партии как единой, интернациональной, централизованной организации. Строительство партийных организаций по национальному принципу ЦК применил лишь к одной, весьма небольшой части членов партии. Это диктовалось спецификой происхождения и задач национальных партийных организаций. К тому же национальный тип построения партийных организаций коммунистов-иностранцев был временным явлением.

Организационным принципом построения Федерации иностранных групп РКП(б) был большевистский принцип демократического централизма, обеспечивавший равноправие всех национальных групп, их равное представительство в ЦФИГ. Коммунисты-иностранцы пользовались теми же правами, что и все члены коммунистической партии.

ЦФИГ являлась органом коллективного руководства входивших в нее иностранных групп. Каждая из групп направляла в ЦФИГ двух представителей, которых она могла в любое время отозвать и заменить другими. Представителями групп в ЦФИГ в различные периоды ее существования были: от Венгерской группы — Б. Кун, И. Ковач, Ф. Лейбович, Я. Переньи, А. Белла, Э. Руднянский, Н. Рааб и др.; Югославянской — В. Маркович, И. Милкич, И. Вук, Л. Вукичевич, Л. Райкович, М. Павич, И. Ольром, Н. Грулович и др.; Чехословацкой — А. Муна, Я. Сынек, Ю. Хораз, Я. Гандлирж, Й. Бенеш, Ф. Коза-Пермский, Й. Тесарж и др.; Румынской — А. Пескариу, А. Соки, М. Гуйю, И. Пенца, Е. Арборе-Ралли и др.; Немецкой — А. Геванд, Г. Чермак, В. Курц, Ф. Шеффер, Г. Гродник, Перельмуттер и др.; Болгарской — С. Джоров, И. Дечев и др.; Французской — С. Коста, М. Л. Жанио и др.; Англо-американской — С. Рутгерс, Ковалевский и др.; Итальянской — М. Година, Перлотти и др. Члены ЦФИГ избирали президиум в составе председателя, заместителя председателя и секретаря. Председателем ЦФИГ с момента ее образования являлся Б. Кун. После его отъезда на революционную работу в Венгрию в ноябре 1918 г. председателем ЦФИГ стал Э. Руднянский[10].

---

[9] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 500.

[10] Э. Руднянский — участник движения иностранных интернационалистов в Советской России, один из руководителей Венгерской группы РКП(б)

ЦФИГ периодически собиралась на пленарные заседания, которые должны были проходить раз в неделю. Однако практически они проводились несколько реже. Так, за 1919 г. было проведено 30 заседаний ЦФИГ[11]. Претворяя в жизнь коллективно выработанные решения, ЦФИГ проводила большую организаторскую и политическую работу по руководству входившими в Федерацию группами, а через них — по руководству всей массой иностранных рабочих и крестьян, оказавшихся на территории Советской республики.

Б. Кун. 1922 г.

Центральный Комитет партии проявлял живой интерес к работе Федерации и неоднократно обсуждал вопросы ее деятельности на заседаниях Оргбюро, Секретариата, а также на специальных совещаниях. В ЦК утверждались решения Федерации о принятии в ее состав новых коммунистических групп, рассматривались вопросы организационного строительства иностранных групп РКП(б), их политической и военной деятельности. Секретариат ЦК РКП(б) внимательно анализировал отчеты о работе Федерации и ее секций. Эти отчеты составлялись по определенной схеме, разработанной Секретариатом для всех организаций партии, и представлялись в Центральный Комитет Федерацией раз в год, а входящими в нее группами — ежемесячно и ежегодно. Секретариат ЦК партии интересовался протоколами заседаний ЦФИГ и ее секций.

Внимание ЦК РКП(б) было обращено не только на деятельность центральных групп иностранных коммунистов, но и на то, как эти группы руководили организациями интернационалистов на местах, каково было состояние этих организаций, какую они проводили работу и т. д.[12]

ЦК оказывал большую финансовую помощь Федерации иностранных групп, ежемесячно предоставляя в ее распоряжение 230 тыс. рублей[13]. В то же время Центральный Комитет рассматривал сметы Федерации и утверждал отчеты по их исполнению

и Федерации; в 1922 г. порвал с революционным движением, стал ренегатом.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 16.

[12] Там же, д. 8, л. 12.

[13] Там же оп. 4, д. 44, л. 1.

И. Файнберг

и добивался правильного и экономного расходования денежных средств [14]. Большую заботу руководящие органы Советской власти проявляли о бытовых нуждах работников Федерации. В частности, 10 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление о мерах по улучшению продовольственного снабжения сотрудников ЦФИГ. Максимум внимания и заботы, высокая требовательность и принципиальность — вот что составляло основу отношений Центрального Комитета партии к Федерации иностранных групп РКП(б).

Огромное значение для деятельности ЦФИГ имели личные контакты ее работников с руководителями коммунистической партии и Советского правительства, прежде всего с В. И. Лениным. В. И. Ленин отмечал, что председатель Федерации иностранных групп Б. Кун не раз приходил к нему «беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции» [15].

Кроме Б. Куна, на беседах у В. И. Ленина бывали Т. Самуэли [16], Д. Фараго, Д. Варга, М. Залка [17], Г. Михайлов [18], Ж. Лябурб [19], Ж. Садуль [20], И. Файнберг [21], М. Бужор, И. Дическу-Дик [22] и другие члены иностранных групп РКП(б), а также деятели польских, финских, китайских и других коммунистических групп и организаций в Советской республике.

Беседуя с ними, В. И. Ленин интересовался деятельностью зарубежных интернационалистов в Советской России, положением в странах, выходцами из которых они являлись. Он давал им ценные советы и рекомендации. В. И. Ленин делился с участниками движения интернационалистов мыслями и планами

---

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 2.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 232.
[16] Там же, стр. 557—558.
[17] «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 67, 253—255, 267—268.
[18] «Септември». София, 1957, № 10, стр. 11.
[19] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 694.
[20] См. В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 35, стр. 561, 567.
[21] «Ленин и международное рабочее движение», т. I. М., 1934, стр. 51.
[22] «Правда», 22.IV 1927; 10.III 1960.

в отношении перспектив социалистического строительства в Советском государстве и развития международного коммунистического движения. На VIII съезде РКП(б) он говорил, что десятки членов иностранных групп «были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий» [23].

Е. Д. Стасова

Много внимания Федерации иностранных групп уделял Я. М. Свердлов. В одной из бесед с группой советских работников Я. М. Свердлов разъяснял, какое огромное значение имеет работа партии среди оказавшихся в Советской России иностранных трудящихся. Он говорил, что военнопленные — это десятки тысяч будущих агитаторов, которые разбредутся по городам и селам Германии, Австро-Венгрии и будут рассказывать о том, что они видели в России, о том, как большевики завоевали власть и строят новое государство — государство трудящихся. Необходимо, подчеркивал Я. М. Свердлов, растолковать военнопленным ясно и вразумительно на их родном языке значение Октябрьской революции, значение того, что именно большевики заключили мир, разъяснить суть советской мирной политики [24].

Секретариат ЦК постоянно получал от Я. М. Свердлова указания по организации работы среди военнопленных [25]. Я. М. Свердлов принял горячее участие в подготовке конференции венгерских коммунистов, в обеспечении ее делегатов всем необходимым [26].

Когда в марте 1919 г. смерть вырвала Я. М. Свердлова из рядов партии, ЦФИГ, выражая глубокую скорбь и сочувствие, с большой любовью отзывалась о нем как о «неутомимом работнике за коммунизм» [27].

В решении многих вопросов практической деятельности Федерации принимала активное участие Е. Д. Стасова. Как секретарь ЦК партии она присутствовала на многих заседаниях ЦФИГ (к примеру в период с октября 1919 г. по февраль 1920 г.

---

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.
[24] К. Т. Свердлова. Указ. соч., стр. 430.
[25] Там же, стр. 430—431.
[26] Там же, стр. 431.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 32, л. 231.

на десяти заседаниях), а также на некоторых собраниях отдельных групп и заседаниях их ЦК[28].

Неутомимая работа В. И. Ленина и большевиков по созданию и идейно-организационному укреплению иностранных групп РКП(б), повседневное руководство их деятельностью представляли собой один из важных участков борьбы ленинской партии за единство революционных действий трудящихся всех стран.

2. Организационное строительство Федерации

Весной и летом 1918 г., кроме центральных групп в Москве, организации иностранных коммунистов возникли в Петрограде, Смоленске, Твери, Серпухове, Орле, Курске, Воронеже, Рязани, Тамбове, Пензе, Инсаре, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, Котласе, Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Ташкенте, Омске, Томске, Камске, Сретенске, Березовке, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске, Хабаровске и ряде других городов. Совместно с центральными национальными группами ЦФИГ устанавливала связи с местными организациями, помогала им окрепнуть идейно и организационно. Представители ЦФИГ — инструкторы и агитаторы — направлялись в различные районы страны. В тесном контакте с местными комитетами РКП(б) и при их содействии они помогали уже имевшимся на местах группам коммунистов-иностранцев, создавали новые группы, проводили большую агитационно-массовую работу, организовывали интернациональные отряды Красной Армии.

В сентябре 1918 г. в Нижнее Поволжье были направлены коммунисты В. Чопич, М. Гуйю, Л. Крагуевич и М. Миятович (Миятов). Их отчет в ЦФИГ показывает, что в деятельности организаций иностранных коммунистов Саратова, Царицына и Астрахани было много недостатков: агитационная работа была поставлена плохо, содержание газет, издававшихся этими организациями, нередко не отвечало требованиям момента, контрреволюционная деятельность некоторой части военнопленных не получала решительного отпора[29]. В сентябре же 1918 г. ЦФИГ собиралась также направить экспедицию в составе 12 человек в Туркестан, где существовала крупная коммунистическая организация иностранных рабочих и крестьян[30]. Однако установить тесные и регулярные связи с туркестанской организацией в то время не удалось, так как Туркестан оказался отрезанным от Европейской России Оренбургским фронтом.

---

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 38, л. 54; оп. 9, д. 2, лл. 1, 15, 20, 45, 48, 50, 71, 77, 88; оп. 11, д. 29, л. 106.
[29] Там же, оп. 9, д. 4, лл. 9—14.
[30] Там же, оп. 4, д. 94, л. 40.

Деятельность представителей ЦФИГ по созданию и укреплению организаций иностранных коммунистов на местах проходила при постоянной поддержке губкомов и укомов РКП(б). С их помощью инструкторы ЦФИГ уже в 1918 г. сумели создать в ряде городов отделения Федерации, объединившие ячейки коммунистов различных национальностей. Местные федерации были созданы в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Казани, Курске, Орле, Воронеже, Перми и Твери.

Ясное представление о задачах местных федераций, характере их взаимоотношений с ЦФИГ и партийными органами на местах дает, например, инструкция для федерации иностранных групп при Астраханском губкоме РКП(б), датированная октябрем 1918 г.[31]

Местные федерации были образованы не во всех городах, где имелись иностранные коммунистические группы. В большинстве городов национальные группы не объединялись в федерации, хотя действовали в контакте между собой. В ряде мест возникли единые интернациональные «международные» группы, в которые вошли коммунисты-иностранцы нескольких национальностей. Например, в международной группе при Пензенском губкоме РКП(б) из 76 членов (по состоянию на 12 октября 1918 г.) было: немцев — 24, чехов и словаков — 16, венгров — 13, сербов и хорватов — 7, поляков — 5, украинцев — 3, итальянцев — 1, латышей — 1, румын — 3, словенцев — 2, русских — 1 [32].

Внутренняя жизнь иностранных групп строилась на основе Устава РКП(б), а также существовавших тогда уставов ряда местных партийных организаций. Местные иностранные группы и федерации были подотчетны губкомам и укомам партии, а также своим центральным органам в лице руководств национальных групп и ЦФИГ при ЦК РКП(б).

Центральная федерация обязывала местные федерации и иностранные группы периодически направлять в Москву своих представителей. В октябре 1918 г. представитель Астраханской федерации прибыл в Москву и докладывал о работе своей организации. Доклад и его обсуждение показали, что организация иностранных коммунистов Астрахани нуждается в серьезной поддержке. ЦФИГ приветствовала стремление коммунистов-иностранцев Астрахани установить более тесный контакт с местной организацией большевиков. «...В этом, — отмечалось в письме ЦФИГ в Астрахань, — наилучший залог вашей взаимной деятельной поддержки» [33]. В то же время ЦФИГ направила письмо Астраханскому губкому РКП(б), в котором просила его «оказать

---

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 9.
[32] Партийный архив Пензенского обкома КПСС (далее — ПАПО), ф. 36, оп. 1, д. 78, лл. 4, 5.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 16.

всяческую помощь астраханской организации иностранных коммунистов...» [34]

В результате большой организаторской работы ЦФИГ [35] во всех основных центрах сосредоточения военнопленных были созданы иностранные группы РКП(б); они росли численно, крепли идейно и организационно и успешно занимались революционным воспитанием находившихся в Стране Советов зарубежных трудящихся.

Существенные изменения в работу Федерации по организационному строительству иностранных групп РКП(б) внесли октябрьская и ноябрьская революции в Австро-Венгрии и Германии. В связи с бурным развитием событий в странах Центральной Европы ЦФИГ приняла решение о посылке на революционную работу в эти страны значительной части своих кадров. В результате отъезда большой группы иностранных коммунистов на родину многие организации поредели. Например, в международной группе при Пензенском губкоме РКП(б), которая в октябре 1918 г. насчитывала 76 членов, а в ноябре — 133 члена, к январю 1919 г. осталось всего 16 коммунистов [36].

Окончание мировой войны положило начало новой волне отъезда бывших военнопленных из Советской России. База деятельности иностранных групп РКП(б) заметно сузилась. Учитывая это, Федерация взяла курс на постепенную ликвидацию тех иностранных групп на местах, в которых осталось незначительное число коммунистов.

3—4 марта 1919 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция иностранных коммунистов [37]. В ее работе приняли участие 40 делегатов: 22 — из провинции и 18 — из Москвы. Конференция заслушала доклады о положении в ряде стран, выходцами из которых являлись находившиеся в Советской России иностранные коммунисты. О положении в Германии докладывал Р. Роткегель, в Венгрии — Э. Руднянский, в Австрии — Гримм, в Чехии — Ф. Бенеш [38]. В этих докладах была нарисована картина роста революционного движения в странах Центральной Европы, которое, по мнению участников конференции, вплотную подошло к пролетарской революции.

Стремясь оказать поддержку борющемуся пролетариату своих стран, рассчитывая на его близкую победу, конференция высказалась за то, чтобы все основные силы иностранных групп РКП(б) были немедленно отправлены на родину. В связи с этим

---

[34] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 15.

[35] Только за 1919 г. ЦФИГ было получено 331 и отправлено 856 писем (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 17).

[36] ПАПО, ф. 36, оп. 1, д. 78, л. 102.

[37] В протоколах конференции она именуется Международной конференцией коммунистов (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, л. 1).

[38] Там же, лл. 2—4.

конференция приняла решение о ликвидации Федерации. Вместо нее для руководства работой остающихся в Советской России коммунистов-иностранцев предлагалось создать Центральное бюро иностранных коммунистов при ЦК РКП(б). Иностранные группы как в центре, так и на местах также подлежали ликвидации [39].

После долгих и бурных прений по докладу С. Частека «О Красной Армии» конференция приняла также постановление о прекращении работы по формированию новых интернациональных частей Красной Армии из бывших военнопленных [40]. Это решение было продиктовано стремлением иностранных коммунистов направить главные силы на революционную работу в свои страны.

Однако решение конференции о ликвидации иностранных групп РКП(б) оказалось преждевременным, так как в Советской России еще в течение нескольких лет оставалось немало иностранных коммунистов и большие массы военнопленных. На местах оно было выполнено лишь частично. При этом во многих городах ликвидированные группы вскоре были вновь восстановлены. Продолжал существовать и руководящий орган иностранных групп РКП(б) — ЦФИГ.

В марте 1919 г. Федерация перешла в ведение только что образовавшегося III Коммунистического Интернационала. Этот переход был связан с указанными уже ранее обстоятельствами — переключением основного внимания Федерации на проблемы революционного движения за границей.

В это же время в связи с пролетарской революцией в Венгрии, дальнейшим ростом революционного движения в других странах Европы, а также успешным продвижением Красной Армии на запад Бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) решило переместить центр деятельности иностранных коммунистов из Москвы в Киев [41].

К лету 1919 г. вся деятельность Федерации была уже сосредоточена на Украине. Здесь же находилось и Южнорусское бюро III Интернационала. Киевский период деятельности Федерации был весьма непродолжительным. В связи с падением Венгерской и Словацкой советских республик, а также походом Деникина на Украину Федерация к сентябрю 1919 г. вновь перенесла свою деятельность в Москву. К этому времени главным направлением в работе Федерации опять стала организация и политическое воспитание остававшихся на территории Советской России иностранных трудящихся. Поэтому в августе 1919 г. Центральный Комитет партии по согласованию с ИККИ вновь взял на себя непосредственное руководство деятельностью Федерации [42].

---

[39] Там же, л. 13.
[40] Там же, л. 15.
[41] Там же, д. 1, л. 13.
[42] Там же, оп. 4, д. 49, л. 114.

Летом и осенью 1919 г. Федерация провела большую работу по перерегистрации членов иностранных групп РКП(б). Решение о перерегистрации членов партии было принято VIII съездом РКП(б), который указал на необходимость очищения партийных рядов от случайных, карьеристских и враждебных элементов, примазавшихся к партии. Такие элементы имелись и среди членов иностранных групп РКП(б). Исключение их из партии привело к качественному укреплению организаций коммунистов-иностранцев.

Федерация приняла также активное участие в проведении партийной недели, объявленной ЦК РКП(б) в октябре 1919 г., в момент серьезной угрозы, нависшей над Советской республикой в связи с наступлением Деникина на Москву. Вопрос о проведении партийной недели был предметом специального обсуждения ЦФИГ 1 октября 1919 г. Присутствовавшая на заседании секретарь ЦК Е. Д. Стасова сообщила членам Федерации мнение Центрального Комитета о ее задачах в этой связи: сосредоточить внимание не столько на привлечении в организации новых членов, сколько на усилении политической работы среди иностранцев-коммунистов и беспартийной массы бывших военнопленных [43].

Федерация по-прежнему занималась и вопросами организационного строительства. С освобождением Урала и значительной части Сибири, где находилось много военнопленных, перед Федерацией встала задача воссоздания там организаций иностранных коммунистов. В конце 1919 г. в Сибирь были направлены три группы представителей Федерации. Они должны были содействовать тому, чтобы возникающие и существующие уже там организации использовали формы и принципы, на основе которых была построена Федерация иностранных групп [44].

Ликвидация Оренбургского фронта открыла перед Федерацией возможность регулярных и тесных связей с действовавшей в Туркестане организацией иностранных коммунистов. В октябре 1919 г. представители этой организации прибыли в Москву. На заседании ЦФИГ 22 октября был заслушан их доклад о деятельности организации. В связи с тем, что туркестанская организация была построена по иному принципу, нежели Федерация (в ней не выделялись языковые группы), ей было предложено провести соответствующую реорганизацию [45]. Что касается настойчивых рекомендаций ЦФИГ о перестройке туркестанской организации по национальному признаку, то целесообразность такой перестройки представляется сомнительной. Интернациональный тип организации сложился с самого начала деятельности в Туркестане иностранных коммунистов. Входившие в еди-

---

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, лл. 45—46.
[44] Там же, л. 17.
[45] Там же, лл. 50—57, 60.

ные организации коммунисты — немцы, венгры, чехи, румыны, представители других национальностей — могли не знать языка друг друга, но, работая вместе, они учились понимать общий для них язык — язык революции, дружбы и братства народов. Такой же тип организации, как и в Туркестане, складывался в Сибири и на Урале, органически вырастая из массовых интернациональных организаций иностранных рабочих и крестьян.

К концу 1919 г. в Федерацию входили восемь иностранных групп (Немецкая, Венгерская, Чехословацкая, Югославянская, Румынская, Англо-американская, Французская, Итальянская) и организация иностранных коммунистов Туркестана. Их состав характеризуется следующими данными, которые приводятся в отчете о работе Федерации за 1919 г.[46] (кроме численности Англо-американской и Французской групп).

Название группы	Число членов в Москве	Число членов в провинции	Всего
Немецкая	200	200	400
Венгерская	124	600	724
Чехословацкая	104	334	438
Югославянская	31	146	177
Румынская	27	15	42
Итальянская	10	—	10
Туркестанская организация	—	—	1545
Итого			3336

Приведенные выше цифры не дают точного представления о численности иностранных коммунистов, находившихся в то время в Советской России. Они не учитывают тех коммунистов, которые: 1) непосредственно входили в организации РКП(б); 2) находились в рядах Красной Армии; 3) действовали на территориях, оккупированных интервентами и белогвардейцами, и на освобожденных территориях Урала и Сибири; 4) состояли в организациях польских и финских коммунистов; 5) входили в группы и организации коммунистов — выходцев из стран Востока. Поэтому в действительности численность коммунистов-иностранцев в РКП(б) значительно превышала сведения, которыми располагала ЦФИГ.

С течением времени существование построенных по национальному признаку организаций иностранных коммунистов стало нецелесообразным. За годы пребывания в Советской России многие коммунисты-иностранцы овладели, хотя и в разной степени, русским языком; все стоящие перед ними задачи они решали

[46] Там же, л. 16.

вместе с российскими большевиками, при их постоянной помощи и поддержке. Поэтому дальнейшее организационное обособление иностранных коммунистов в рамках РКП(б) перестало отвечать новым условиям.

Новые организационные формы связи коммунистов-иностранцев с РКП(б) были установлены после VIII Всероссийской партийной конференции (декабрь 1919 г.) в соответствии с принятым на этой конференции Уставом партии. Для особых форм партийной работы Устав предусматривал создание при партийных комитетах специальных отделов (национальных, по работе среди женщин, молодежи и т. д.). Порядок организации отделов определялся особыми инструкциями, утвержденными ЦК РКП(б) [47].

Одна из этих инструкций определяла новые организационные формы партийной работы иностранных коммунистов. В ней говорилось, что с принятием нового Устава РКП(б) Федерация иностранных групп прекращает свое существование. Члены этих групп обязаны входить в общепартийные организации. Однако для руководства пропагандистской и агитационной работой среди различных национальностей РСФСР при партийных комитетах, снизу доверху, создавались отделы (бюро) пропаганды и агитации среди национальных меньшинств [48].

На заседании ЦФИГ 11 февраля 1920 г. секретарь ЦК партии Е. Д. Стасова изложила представителям иностранных групп основные положения проекта Устава для отделов агитации и пропаганды РКП(б) национальных меньшинств на территории РСФСР [49]. Проект Устава (инструкции) был передан для обсуждения в центральные группы, а 25 февраля — одобрен на заседании ЦФИГ. 26 февраля 1920 г. инструкция о работе среди национальных меньшинств была утверждена ЦК РКП(б). Со времени ее принятия Федерация прекратила свое существование. Все дела Федерации были переданы в ЦК РКП(б) по акту, подписанному 12 марта 1920 г. Е. Д. Стасовой и секретарем ЦФИГ [50].

---

47 «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 462.

48 Проект «Положения об организации при комитетах РКП отделов пропаганды и агитации среди национальных меньшинств населения» был разработан еще до VIII конференции РКП(б) и опубликован в «Известиях ЦК РКП(б)» 22 октября 1919 г.

49 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 1.

50 Там же, оп. 7, д. 81, лл. 103—106.

3. Агитационно-пропагандистская деятельность Федерации

Идейно-политическую основу пропагандистской и агитационно-массовой деятельности Федерации составляли большевистская теория, программа и тактика, к которым иностранные коммунисты пришли нелегким и сложным путем. Одни из них до войны были участниками европейского рабочего движения, состояли членами социал-демократических партий и профессиональных союзов, другие вообще не принимали никакого участия в политической жизни. Для того чтобы стать последовательными революционерами, первым необходимо было освободиться от груза прошлых социал-демократических и анархо-синдикалистских ошибок, вторым — пройти с самого начала школу классовой борьбы и политического воспитания.

Революционный пример российского пролетариата со всей убедительностью показывал зарубежным интернационалистам, что единственный путь, ведущий человечество к избавлению от войн и эксплуатации, — это путь классовой борьбы, социалистической революции и диктатуры пролетариата, путь, который освещался теорией марксизма-ленинизма.

Передовые круги находившихся в России иностранных трудящихся жадно потянулись к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, к документам большевистской партии и Советской власти. Поскольку большинство оказавшихся в России трудящихся из зарубежных стран владело лишь родным языком, иностранные группы РКП(б) уделяли большое внимание переводу произведений Маркса и Энгельса на иностранные языки. Так, на венгерский и чешский языки был переведен «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [51], на сербско-хорватский — работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» и «Гражданская война во Франции» [52].

Значительное место в работе иностранных групп РКП(б) занимал перевод и издание трудов В. И. Ленина. Были переведены на венгерский язык «Письма о тактике», «Доклад и заключительная речь на III съезде Советов» [53], на сербско-хорватский — «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» [54], «О середняках», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [55], на словенский и болгарский — «Очередные задачи Советской власти» [56]; на чешский — «Государство и революция»; на словенский — «На

---

[51] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 502, 503.
[52] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 158.
[53] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 502.
[54] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 24.
[55] Там же, стр. 24; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 158.
[56] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, лл. 158—160.

борьбу за хлеб (Обращение Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся)»[57]. Кроме того, группами были переведены и изданы и другие произведения В. И. Ленина: «Задачи пролетариата в нашей революции», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», «III Интернационал и его место в истории»[58].

Издание ленинских работ давало иностранным коммунистам замечательную возможность усвоить коренные вопросы научного коммунизма.

Большое значение в формировании коммунистического мировоззрения членов иностранных групп РКП(б) имели программа РКП(б), принятая на ее VIII съезде, и Конституция РСФСР, изданные почти всеми группами.

С мая по октябрь 1918 г. работали курсы агитаторов при Венгерской группе РКП(б); эти курсы закончили 102 человека. С лекциями на курсах выступали Б. Кун, Т. Самуэли, К. Вантуш, Э. Пор[59]. Такие же курсы и школы были организованы затем Югославянской, Чехословацкой и Немецкой группами. За 1919 г. Венгерская, Чехословацкая и Югославянская группы выпустили 205 слушателей школ и курсов (восемь выпусков). Партийные школы и курсы были созданы и местными организациями иностранных коммунистов в Омске, Ташкенте, Казани, Красноярске и др.[60] В отделе пропаганды и агитации ЦК РКП(б) рассматривались учебные планы и программы школ и курсов, решались вопросы, связанные с подбором для них лекторов и улучшением качества занятий.

На заседании ЦФИГ 29 сентября 1919 г. было принято решение о проведении раз в месяц общих собраний членов иностранных групп в Москве с докладами по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики партии[61]. ЦФИГ обратилась в ЦК с просьбой направить докладчиков из числа руководящих партийных и советских работников. ЦК РКП(б) удовлетворил эту просьбу; до конца 1919 г. в Москве было проведено четыре собрания членов групп, с докладами на которых выступали С. Лозовский, В. Межлаук, Н. Милютин и др.[62]

Важное значение для дальнейшего улучшения идейно-политической работы иностранных групп РКП(б) имели решения VIII Всероссийской партийной конференции (декабрь 1919 г.).

---

57 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 160.
58 «Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии». Сб. статей. М., 1959, стр. 205.
59 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 92, л. 27.
60 «Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии», стр. 206.
61 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 46,
62 Там же, л. 16.

В решениях этой конференции была намечена широкая программа политического образования членов партии. Постановления конференции обсуждались на заседаниях ЦФИГ 10 декабря 1919 г. ЦФИГ рекомендовала группам обратить серьезное внимание на политическую учебу коммунистов и с этой целью организовать партийные школы двух видов: а) для всех членов партии; б) для партийных работников и агитаторов. Обучение коммунистов в этих школах должно было проходить на основе следующих тем: 1) что такое коммунизм; 2) путь к коммунизму; 3) экономическая разруха как наследие империалистической войны; 4) партийная программа [63].

В соответствии с этой рекомендацией ЦФИГ в конце 1919—начале 1920 г. были созданы партийные школы при Венгерской, Немецкой, Румынской и Югославянской группах.

Организованная ЦФИГ и иностранными группами политическая учеба способствовала повышению политической сознательности зарубежных коммунистов. Однако идейно-теоретический уровень значительной части их был все же невысок. Большинству коммунистов-иностранцев предстояла еще большая работа по овладению ленинизмом.

Агитация и пропаганда среди более широких слоев иностранных трудящихся проводились первоначально Интернациональной революционной социалистической организацией иностранных рабочих и крестьян. Эта организация представляла собой широкий революционный фронт находившихся в России иностранных трудящихся, стоявших на платформе Советской власти и руководствовавшихся в своей деятельности принципами пролетарского интернационализма. К концу сентября 1918 г. в 55 местных организациях иностранных рабочих и крестьян насчитывалось около 100 тыс. членов [64]. Идейное руководство революционными организациями иностранных рабочих и крестьян осуществляла Федерация. Коммунисты-иностранцы, писал Бела Кун, «рассматривали массовую организацию военнопленных как школу коммунизма, как резерв интернациональных красных войск и намеревались заняться подготовкой кадров для коммунистических партий...» [65]

В руководстве организациями иностранных рабочих и крестьян Федерация допускала ошибки авангардистско-сектантского порядка. Она, например, отрицательно отнеслась к предложению организаций о проведении осенью 1918 г. Всероссийского съезда бывших военнопленных, подобного тому, который состоялся в апреле того же года. В письме секретарю ЦК РКП(б) Я. М. Свердлову ЦФИГ так выразила свою точку зрения по этому вопросу: «Федерация иностранных групп при Российской

[63] Там же, л. 86.
[64] Там же, оп. 1, д. 155, л. 4.
[65] «Венгерские интернационалисты...», стр. 211.

коммунистической партии высказывается против всякого конгресса, который не состоит из коммунистов, и присутствовать не будет на таком конгрессе, где могут присутствовать и члены других партий или беспартийные люди» [66]. Тем самым Федерация ослабляла связи коммунистического авангарда с широкими массами иностранных трудящихся.

Руководство большевистской партии, В. И. Ленин имели другой, противоположный взгляд по вопросу о беспартийных конференциях трудящихся, которые широко практиковались в годы гражданской войны. Выступая с политическим отчетом ЦК партии на VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г., В. И. Ленин указал на огромное значение беспартийных конференций в деле коммунистического воспитания масс [67].

Преждевременным, на наш взгляд, было решение Федерации о ликвидации в сентябре 1918 г. революционных организаций иностранных рабочих и крестьян. Хотя эти организации, как отмечается в отчете ЦИК иностранных рабочих и крестьян, прекратили свою деятельность в связи с массовым отъездом на родину бывших военнопленных [68], однако к октябрю 1918 г. в России оставалось еще значительное число попавших в русский плен военнослужащих германской и австро-венгерской армий (около 1 млн. 300 тыс. из более 2 млн. военнопленных, находившихся в России к моменту Октябрьской революции) [69]. Поэтому, приняв решение о ликвидации массовых организаций иностранных рабочих и крестьян, Федерация утратила важный приводной ремень, связывающий ее с широкой средой бывших военнопленных.

Большую роль в политическом воспитании иностранных трудящихся играла периодическая печать. Каждая из иностранных групп (кроме Итальянской) более или менее систематически издавала свою газету. Газеты выпускались также многими местными организациями иностранных коммунистов: в Казани — «Коммунист» на русском, венгерском и немецком языках; в Царицыне — «Интернационалист» на венгерском и немецком; в Самаре — «Эбредеш» («Пробуждение») и «Вёрёш Сцилаг» («Красная звезда») на венгерском, «Фрайе ворт» («Свободное слово») и «Нахрихтенблатт» («Листок известий») на немецком; в Пензе «Вельтбефрайунг» («Освобождение мира») на немецком и венгерском; в Перми — «Форрадалмар» («Революционер») на венгерском языке и т. д. В 1918—1921 гг. зарубежными интернационалистами в Советской России издавалось, по неполным данным, около 150 центральных и местных газет [70].

---

[66] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 65.
[67] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 362.
[68] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 155, л. 1.
[69] Там же, л. 4.
[70] «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 372—388.

Руководители Федерации часто выступали на страницах центральных газет иностранных групп со своими статьями. Много статей опубликовали на страницах газет интернационалистов председатель Федерации Б. Кун и один из руководителей Венгерской группы РКП(б) и Федерации Т. Самуэли.

Статьи деятелей Федерации систематически помещала «Правда». Б. Кун опубликовал в 1918 г. на ее страницах статьи «Рабочий класс и коммунизм», «Германский империализм воздвигает королевские троны» и примерно еще два десятка статей [71]. В «Правде» были напечатаны также статьи А. Муны «На пороге пятого года», «К оружию» [72]; И. Милкича — «Дипломатические интриги на Балканах» [73]; С. Джорова — «Положение в Болгарии» [74]; Б. Рейнштейна — «Евгений-Виктор Дебс» [75] и др.

Иностранные группы издавали серии брошюр, авторами которых являлись видные деятели международного рабочего движения и руководящие работники Федерации. Венгерской группой, в частности, были изданы брошюры: В. Либкнехт «Пауки и мухи», А. Паннекук «Раздел добычи» [76]; Югославянской — указанная выше брошюра В. Либкнехта и брошюра К. Цеткин «Борьба за свободу и мир в России» и др.[77] Много брошюр было написано Б. Куном; среди них — «Чего хотят коммунисты?», «Чья земля?», «Кто платит за войну?», «Что такое Советская республика?» [78]. Брошюры и статьи Б. Куна характеризуют его как превосходного пропагандиста идей пролетарской революции. Венгерской группой РКП(б) были изданы также брошюры Т. Самуэли «Как глубоки карманы попов?», «Почему пала царская корона?», «Что случилось в Венгрии?» и др.[79]

Тираж газет и брошюр, издаваемых иностранными группами, был для того времени довольно значительным. По данным отчета ЦФИГ за 1919 г., центральными группами было издано 142 номера газет и 71 брошюра общим количеством в 712 тыс. экземпляров [80]. Выпускалось также большое число листовок и воззваний. Только в 1918 г. Немецкая, Чехословацкая, Югославянская и Румынская группы выпустили 1 млн. 535 тыс. экземпляров воззваний, листовок, прокламаций [81].

---

[71] «Правда», 28.III; 9, 11, 15, 19, 24.V; 1, 2, 8, 22, 27.VI; 4, 20, 24.VII; 4.VIII; 26, 31.X 1918.
[72] «Правда», 2, 14.VIII 1918.
[73] «Правда», 10.IX 1918.
[74] «Правда», 15.II 1919.
[75] «Правда», 11.X 1918.
[76] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 502—503.
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 160.
[78] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 502—503.
[79] Там же.
[80] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 17.
[81] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 501—504.

Печать интернационалистов освещала прежде всего внутреннюю жизнь иностранных групп РКП(б), их организационно-партийную и партийно-политическую работу; на ее страницах публиковались материалы о положении военнопленных, об их настроениях, интересах.

Большое место в связи с этим в печати иностранных групп РКП(б) занимали вопросы войны, мира и революции. «Нужно, чтобы ненависть и ожесточение, которые породила в пролетариях война, были направлены на путь сознательной борьбы», — писала газета «Форрадалом» — орган омской организации венгерских коммунистов [82].

Пропаганду идей научного коммунизма, борьбу за их претворение в жизнь иностранные интернационалисты считали своей важнейшей задачей. Газета «Социалис Форрадалом» («Социальная революция») — орган Венгерской группы РКП(б), заявляла, что она придерживается «истинного, революционного марксизма» и считает одной из главных своих целей «распространение в популярной форме этой науки, являющейся научным обобщением классовой борьбы пролетариата. . .» [83]

Всестороннее освещение событий Октябрьской революции, борьбы советского народа за мир и социализм заняло одно из важнейших мест в агитационно-пропагандистской работе иностранных групп РКП(б). Газеты интернационалистов разъясняли иностранным трудящимся основные положения ленинского Декрета о мире, рассказывали об истории борьбы Советского государства за всеобщий демократический мир. Они разоблачали грабительский характер Брестского договора, на подписание которого вынуждена была пойти еще не окрепшая Советская власть. Правда, в вопросе о Брестском мире многие иностранные коммунисты не заняли правильной позиции. Некоторые из них, в том числе Б. Кун, не сразу осознали целесообразность заключения Брестского мира и одно время разделяли ошибочные взгляды «левых коммунистов». Используя это обстоятельство, левые эсеры пытались было втянуть часть бывших военнопленных в осуществление своих планов развязывания пагубной войны против Германии. В частности, М. Спиридонова и Камков стремились убедить Ф. Янчика, К. Томана и Р. Райтера в том, что если бы Советская Россия повела войну против кайзеровской Германии, то в Европе немедленно вспыхнула бы революция; спровоцировать эту войну они предлагали убийством генерала Эйхгорна — командующего германскими войсками на Украине, которое следовало бы осуществить немецкому военнопленному-интернационалисту. Участники встречи с главарями левых эсеров рассказали об этом преступном предложении большевикам. Через

---

[82] «Венгерские интернационалисты. . .», стр. 111.
[83] Там же, стр. 112.

несколько дней В. И. Ленин пригласил к себе Томана и других товарищей и в продолжительной беседе объяснил им авантюризм политики левых эсеров, ее враждебность интересам Советской власти, пролетариату. Эта беседа способствовала уяснению многими интернационалистами ленинской тактики большевиков в вопросах войны, мира и защиты пролетарской революции [84].

В печатных органах иностранных коммунистов широко освещались мероприятия Советской власти, направленные на построение нового государственного и общественного строя. В частности, имея в виду, что основную массу военнопленных составляли крестьяне, иностранные коммунисты уделяли большое внимание аграрной программе большевиков. Однако как Бела Кун, так и другие иностранные коммунисты не понимали до конца политики большевистской партии в решении аграрного вопроса, выступали против раздела помещичьей земли между крестьянами, за превращение бывших помещичьих имений в государственные хозяйства.

С особой силой печать интернационалистов подчеркивала огромное международное значение Октябрьской революции, которая положила начало крушению капитализма во всемирном масштабе, существенно облегчила условия освободительного движения трудящихся масс, дала им замечательный пример революционного преобразования общества.

Когда объединенные силы международной империалистической реакции и внутренней контрреволюции начали военную интервенцию против молодой Советской республики, одной из важнейших задач иностранных коммунистов стало беспощадное разоблачение разбойничьих планов и действий империалистов, мобилизация сил иностранных трудящихся на защиту завоеваний Октябрьской революции. В обращении ЦФИГ к находившимся в Советской России трудящимся из зарубежных стран говорилось: «Чтобы осуществилась ваша мечта — победа пролетариата в ваших странах, нужно здесь, на земле Российской советской республики, не дать контрреволюции одержать хотя бы самый маленький успех» [85].

В другом воззвании разъяснялось коренное отличие Красной Армии от армий империалистических государств: «Если задача империалистической армии — порабощение стран и народов, то российская Красная Армия ведет борьбу за освобождение угнетенных народов всего мира, не прибегая при этом к навязыванию им своей воли. (Это следует запомнить!)» [86].

---

[84] К. Томанн. Полонені під час пролетарської революції в Радянському Союзі — «Літопис революції». Харків, 1932, № 3-4 (52-53), стр. 287—288.
[85] «Венгерские интернационалисты. . .», стр. 136.
[86] Там же, стр. 165.

На страницах газет иностранных групп РКП(б) систематически сообщалось о формировании интернациональных частей Красной Армии, об их боевых действиях, о героических подвигах воинов-интернационалистов. Отмечались также трудности, которые встречались на пути создания интернациональных отрядов и их использования на фронтах гражданской войны.

В газетах и листовках неоднократно помещались обращения к той части военнопленных, которая, дав обмануть себя, оказалась в лагере врагов трудящихся и использовалась империалистами в борьбе против Советской власти. Большое количество листовок с такими обращениями издавалось в связи с антисоветским мятежом чехословацкого корпуса, начавшимся в конце мая 1918 г. В одной из листовок Уфимского комитета коммунистов-чехословаков говорилось: «Солдаты-чехи, откройте глаза! Вы помогаете душить первую социалистическую республику в мире! Бросьте оружие! Сохраните ваши силы для борьбы с действительным врагом, буржуазией! Прекратите братоубийственный бой! Да здравствует братство народов! Да здравствует Российская социалистическая республика!» [87]

Горячо призывая находившихся в России иностранных трудящихся к сплочению вокруг российского пролетариата для совместной борьбы с империализмом, печать иностранных групп РКП(б) сыграла важную роль в пропаганде идей пролетарского интернационализма. Вместе с тем, подчеркивая роль Советского государства как оплота социального и национального освобождения народов других стран, по праву называя его своим отечеством, иностранные коммунисты связывали свои ближайшие практические задачи — участие в борьбе с врагами Советского государства — с задачами социального и национального освобождения своих народов.

Газеты интернационалистов призывали иностранных трудящихся не только к защите Советского государства, но и к активной работе по восстановлению его хозяйства, к участию в коммунистических субботниках. Правда, по отношению к субботникам некоторые из иностранных коммунистов вначале заняли неправильную позицию. Когда на заседании ЦФИГ 1 октября 1919 г. обсуждался вопрос об участии иностранных коммунистов в субботниках, Э. Руднянский высказался против участия, мотивируя это тем, что сначала надо заставить работать всю буржуазию. Присутствовавшая на этом заседании секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова призвала иностранных коммунистов последовать примеру советских рабочих, отдавать часть нерабочего времени восстановлению народного хозяйства. ЦФИГ большинством голо-

---

[87] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы». М., 1957, стр. 94.

сов приняла решение о проведении коммунистических субботников[88].

В газетах и брошюрах, издававшихся иностранными группами РКП(б), освещались экономическое положение, политическая обстановка и ход революционного движения в странах, выходцами из которых были военнопленные. Интернационалистская печать разоблачала предательство лидеров международной социал-демократии и реакционных профсоюзов, поддерживала деятельность левых социалистических групп и молодых коммунистических партий, разъясняла, какую большую роль в развитии европейского революционного движения должны сыграть возвращавшиеся из Советской России бывшие военнопленные.

Находившиеся на территории Республики Советов иностранные трудящиеся жадно тянулись к литературе интернационалистов. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и телеграммы в Федерацию и входящие в нее группы с просьбой о высылке литературы[89].

Огромную помощь издательской деятельности иностранных групп РКП(б) оказывал Центральный Комитет партии и местные партийные органы. Иностранным коммунистам были предоставлены помещения для редакций, издательств, типографии, соответствующие типографские шрифты, бумага, необходимые денежные средства. ЦК РКП(б) постоянно следил за состоянием издательской работы иностранных групп, принимал меры по улучшению содержания газет и брошюр интернационалистов. Секретарь ЦК партии Е. Д. Стасова приняла участие в заседании Немецкой группы 9 октября 1919 г., на котором обсуждался вопрос о работе редакции газеты «Роте Фане» («Красное Знамя»). В своем выступлении Е. Д. Стасова указала пути улучшения качества газеты и в первую очередь рекомендовала редакции установить тесную связь с большевистской «Правдой», с тем чтобы использовать ее богатый опыт[90].

Большой интерес ЦК РКП(б) проявлял к планам издания иностранными группами политической литературы. «Просим вас сообщить, какие брошюры намечены каждой из языковых групп РКП(б) к изданию в ближайшее время», — писала в ЦФИГ Е. Д. Стасова 19 февраля 1920 г.[91]

Большое значение ЦК партии придавал регулярной и своевременной доставке интернациональной литературы на места. Получив из политотдела Восточного фронта сведения, что в освобожденных районах Сибири бывшие военнопленные остро нуждаются в политической литературе на родном языке, Цент-

---

[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 1, л. 46.
[89] Там же, д. 7, лл. 13, 54—56, 62, 63, 65.
[90] Там же, оп. 11, д. 29, л. 106.
[91] Там же, оп. 9, д. 8, л. 15.

С. М. Киров. Астрахань, 1919 г.

ральный Комитет дал указание ЦФИГ срочно отправить в Сибирь необходимое количество газет, брошюр, листовок[92].

Значительную часть политической работы иностранных групп составляла устная агитация и пропаганда. Только с конца апреля по сентябрь 1918 г. в Москве было проведено 59 собраний и митингов, 28 лекций, 278 летучих митингов. За это же время в провинцию было направлено 240 агитаторов разных национальностей[93].

Распространенной формой политического воспитания масс были тогда интернациональные митинги, на которых присутствовали представители российского и зарубежного пролетариата. Газеты оповещали о предстоящих митингах, печатали отчеты о них. Руководящие деятели ЦФИГ принимали непосредственное участие в подготовке и проведении интернациональных митингов. Наряду с Б. Куном, С. Джоровым, Г. Михайловым (Добревым), Б. Рейнштейном, В. Марковичем и другими на митингах выступали М. И. Калинин, С. М. Киров, А. М. Коллонтай, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославский и др.[94]

На интернациональном митинге 19 декабря 1918 г. в Народном доме Петрограда вступительную речь произнес А. М. Горький. Позднее в статье «Советская Россия и народы мира» А. М. Горький отметил, что этот митинг явился волнующей демонстрацией братской солидарности зарубежных трудящихся с революционной Россией. «Не так важны речи, не столь новы и ярки слова, сказанные русскому народу представителями разных государств и наций Европы и Азии, сколь важно и знамена-

---

[92] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 13.
[93] Там же, оп. 1, д. 155, л. 3.
[94] «Правда», 3, 18, 23, 25, 29.V; 6.VI; 20.XII 1918; «Известия ВЦИК», 9.XI 1918; «Красный архив», 1935, № 1 (86), стр. 114—115; «Дело трудящихся всего мира», М., 1957, стр. 88; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1; «Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии», стр. 214; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, стр. 131; «Молот» (Пенза), 26.X 1918; «Правда», 6.VI 1918.

тельно чувство пламенного доверия к рабочей России, глубокое понимание исторической ее роли, выраженные двадцатью тремя ораторами», — писал Горький[95].

Интернациональные митинги сыграли важную роль в революционном воспитании находившихся в России иностранных трудящихся, в укреплении их братской связи с советским народом. Они явились замечательной школой пролетарского интернационализма.

Иностранные группы РКП(б) проводили также большую культурно-просветительную работу среди бывших военнопленных. Центром этой работы были интернациональные клубы, где шли спектакли, концерты и другие культурно-массовые мероприятия. Авторами ряда театральных постановок являлись члены иностранных коммунистических групп.

Важное место в культурно-просветительной работе занимало изучение иностранными трудящимися русского языка в различных кружках и на курсах.

В своей деятельности по революционному воспитанию находившихся в Советской России иностранных рабочих и крестьян Федерации иностранных групп РКП(б) приходилось преодолевать серьезные трудности. Многие из пленных находились в подавленном моральном состоянии, в течение длительного времени не имея вестей от родных и близких.

Но главным препятствием на пути деятельности интернационалистов было бешеное сопротивление реакционно настроенных элементов в среде самих военнопленных и других иностранцев. Старания врагов Советской власти были направлены на то, чтобы не допустить перехода основных масс военнопленных и других иностранцев на сторону революции и использовать их для борьбы против Советской власти.

Центрами контрреволюционной агитации среди военнопленных были оставшиеся в Советской России дипломатические представительства стран Антанты, организации шведского и датского Красного Креста, а после заключения Брестского мира — и дипломатические миссии Центральных держав.

В ряде случаев агентам империализма удалось путем националистической пропаганды, обмана и угроз толкнуть часть военнопленных на антисоветские выступления. Наиболее значительным примером этого является мятеж чехословацкого корпуса. Обманутые националистической пропагандой и запуганные реакционным офицерством солдаты этого корпуса превратились в слепое орудие империалистов Антанты. В контрреволюционные формирования вступила также часть военнопленных югославян (сербские части в чехословацком корпусе, ударный батальон полковника Орба на юге России и др.), военнопленных польского

---

[95] М. Горький. Собрание сочинений, т. 24. М., 1953, стр. 193.

происхождения (5-я дивизия в колчаковской армии), румынских легионеров и др.

Несмотря на контрреволюционную агитацию в ряды врагов Советской власти встало сравнительно небольшое число находившихся в России военнопленных. Подавляющая масса их приветствовала мероприятия Советского правительства, направленные на достижение мира, на улучшение положения военнопленных и ускорение отправки их на родину, хотя в большинстве своем и оставалась в стороне от разгоревшейся в Советской республике классовой борьбы. В лагере белогвардейцев и интервентов оказалась меньшая часть военнопленных, те, кто оставался в плену националистических и мелкобуржуазных влияний, подогретых антисоветской пропагандой. Наиболее передовые и сознательные представители зарубежных трудящихся, находившихся в России, стали верными друзьями российского пролетариата и, как подлинные интернационалисты, активно участвовали в Октябрьской революции, борьбе за установление Советской власти и ее защите от посягательств белогвардейцев и интервентов.

Большая заслуга в мобилизации сил находившихся в России иностранных трудящихся на борьбу в защиту Советского государства принадлежит Федерации иностранных групп РКП(б), которая сумела донести до сознания значительной их части идеи социализма и интернационализма, а также провела огромную работу по формированию интернациональных частей Красной Армии и политическому воспитанию воинов-интернационалистов.

Большую пропагандистскую работу проводили деятели Федерации иностранных групп среди оккупационных войск Антанты, пришедших на помощь российской контрреволюции. Одной из героических страниц деятельности иностранных коммунистических групп по разложению войск Антанты была работа Иностранной коллегии в Одессе.

4. Иностранная коллегия в Одессе

Коллегия иностранной пропаганды при Одесском подпольном областном комитете КП(б) Украины, вошедшая в историю под названием Иностранной коллегии, была создана в конце 1918—начале 1919 г.; ее деятельность проходила под руководством Одесского обкома большевистской партии и его руководителя — И. Ф. Смирнова (Н. Ласточкина). За ее работой постоянно следили ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин. Во всей своей деятельности коллегия опиралась на 2-тысячный отряд одесских большевиков-подпольщиков, тесно связанных с народными массами.

Руководящим органом Иностранной коллегии был ее президиум. В него входили секретарь Одесского обкома С. И. Со-

коловская («Елена»), видный румынский интернационалист Альтер Залик и др.

Одесская иностранная коллегия делилась на два основные отдела: агитационно-организаторский и литературный. Первый из них ведал распространением революционной литературы, занимался устной пропагандой и агитацией среди войск противника; литературный отдел руководил изданием листовок и газеты «Коммюнист», выходившей на французском языке.

В Иностранную коллегию входили национальные коммунистические группы. Создание этих групп было вызвано необходимостью вести работу по разложению соответствующих частей армии иностранных интервентов.

Наиболее многочисленной и наиболее активной была французская группа, что объяснялось большим удельным весом французских войск среди оккупантов. В этой группе состояли Яков Елин («Жак»), долгие годы работавший в Париже на заводе «Ситроен» возвратившиеся из Франции политические эмигранты Михаил Штиливкер, Исаак Дубинский, Александр Винницкий, воспитанник ленинской школы в Лонжюмо Владимир Деготь, Александр Вапельник, польская учительница-коммунистка Хелена Гжелякова, коммунист-грузин Калистрат Саджая-Калиниченко и др. Членам группы позже стали деятельно помогать революционно настроенные французские матросы и солдаты.

Успешно действовала и польская группа. Среди ее активных деятелей были уже упоминавшаяся Х. Гжелякова и Ян Вимут-Гжеляк, член СДКПиЛ с 1917 г. Антони Громницкий (Сойхо), член РКП(б) с 1917 г. Антони Невинский, член ППС с 1899 г., член ППС-левицы с 1906 г., член СДКПиЛ с 1917 г. Владислав Шершень[96], Владимир Стеневич и др. Польская группа провела значительную работу по разложению реакционных польских воинских частей. С этой целью она выпустила на польском языке шесть воззваний. Когда советские войска подошли весной 1919 г. к Одессе, многие польские солдаты, указывалось в отчете о работе группы польских коммунистов Одессы, перешли на сторону Советской власти[97]. О разложении легионеров сообщал 18 февраля 1919 г. И. Ф. Смирнов (Ласточкин) командующему армиями Украинского фронта В. А. Антонову-Овсеенко[98].

Активную деятельность развернула румынская группа Иностранной коллегии, возглавляемая генеральным секретарем Все-

---

[96] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины (далее — ПА ИИП ЦК КП Украины), ф. 29, оп. 1, д. 135, лл. 10, 28.

[97] «Komuna» (Odesa), 26.IV 1919. В этом же отчете говорилось, что польская группа, находясь в подполье, пыталась издавать газету «Комуна». Были подготовлены два номера, которые должны были выйти в феврале и марте 1919 г. Однако ни один из них так и не увидел света во время господства интервентов.

[98] См. В. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. III. М., 1932, стр. 223.

украинского профсоюза торгово-промышленных служащих А. Заликом. Большую работу в этой группе вел М. Бужор. С румынской группой тесно сотрудничали болгарский коммунист Иван Ботев, коммунисты-молдаване И. Н. Криворуков, Е. Темишь и др. Многие члены группы владели, кроме румынского, еще и французским языком, что позволяло им вести работу и среди французских матросов и солдат. Установленная румынскими коммунистами связь с рядом сотрудников штаба командования Антанты дала возможность получать важные для одесского подполья сведения.

Греческая группа коммунистов, в которую входили А. Иоанниди, В. Анатасов, Н. Шкуренко и Мамендос, активно действовала среди солдат и матросов греческих подразделений в армии интервентов. В результате греческие солдаты в ряде случаев отказывались выступать против Красной Армии [99].

По некоторым данным, в состав Иностранной коллегии входила также английская группа [100].

В сфере деятельности Иностранной коллегии были не только города юга Украины, но и Бессарабия. Кроме того, как видно из воспоминаний члена Болгарской коммунистической партии с 1919 г. Х. Катева, коллегия была связана с революционной группой, находившейся в Константинополе (Стамбуле).

Константинопольская группа, во главе которой стояли греки Серафим Максимос и Захариадис, болгарин Никола Трайчев, имела свою типографию и издавала литературу на французском, английском, греческом, румынском, итальянском и других языках. Эту пропагандистскую литературу члены группы интернационалисты-болгары Христиан Катев, Марин Стойчев, Никола Тодоров, Стефан Добрев, Петко Боев, далматинец Слободан Бошняк, итальянец Пауло Коссамо, грек Анастаси Христиадис и другие распространяли среди экипажей заходивших в Константинополь военных кораблей держав Антанты — «Вальдек Руссо», «Эрнест Ренан», «Жюль Мишле», «Жан Бар», «Франс», «Жюстис» и др.[101]

В конце января—начале февраля 1919 г. состоялась нелегальная конференция одесских большевиков. Конференция приняла решение «усилить и расширить агитацию среди империалистических войск» [102]. Не располагая достаточным числом агитаторов-коммунистов, местные партийные организации обращались в ЦК КП(б) Украины и в ЦК РКП(б) с просьбой о присылке на подпольную работу новых товарищей [103].

---

[99] См. ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, 250, л. 103.
[100] В. Г. Коновалов. Герои Одесского подполья. М., 1960, стр. 67—69.
[101] См. Х. Катев. В рядах борцов за победу революции. — «Советское славяноведение», 1967, № 1, стр. 51—54.
[102] «Коммунист», 15.II 1919.
[103] См. ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 24 об.

В середине февраля 1919 г. в одесское большевистское подполье прибыли пять коммунистов, направленных из Москвы для работы среди иностранных солдат — Жанна Лябурб, Вальман Драган, Стойко Ратков, Живанко Степанович и английский эмигрант, известный под фамилией Кузнецова [104].

Ж. Лябурб

Прибывшие из Москвы коммунисты-югославяне, установив связь с местным подпольем, стали ядром югославянской национальной группы Иностранной коллегии. Сербская группа развернула широкую агитационную работу среди сербов и хорватов, находившихся в Одессе и на станции Раздельная.

Ж. Лябурб была сразу же введена в бюро Коллегии иностранной пропаганды Обкома КП(б) Украины и стала руководителем основной французской секции Коллегии. Значение секции определялось тем, что главным контингентом солдат интервенционистских армий на юге были французские пехотинцы, саперы, артиллеристы, матросы; по данным самих интервентов, их было к началу 1919 г. до 140 тыс. Вместе с Ж. Лябурб во французских войсках, среди которых было много марокканцев, сенегальцев, алжирцев, вьетнамцев, насильно включенных колонизаторами в свою армию, вели агитационную работу С. И. Соколовская, Я. Елин, В. Деготь, А. Залик, М. Штиливкер, И. Дубинский, А. Винницкий, А. Вапельник.

Французская секция продолжала издание газеты «Коммюнист». Она печаталась вместе с газетой «Коммунист» в подпольной типографии Обкома КП(б) Украины на Куяльницком лимане. Газета «Коммюнист» выпускалась в течение января—марта 1919 г. Сохранившиеся номера «Коммюниста» убеждают в том, что одесские подпольщики использовали для своей газеты некоторые материалы дошедших до них номеров московской газеты «III Интернационал» [105].

Одновременно в Одессе на французском языке издавалась еще одна подпольная газета — «Лютт финаль» («Последний бой»), которая выходила как беспартийный орган интернацио-

---

[104] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 39, л. 15.
[105] «Le Communiste», 1919, № 1.

пальной группы революционных рабочих. Сохранилась фотокопия первого номера этой газеты, в выпуске которой принимали участие Анатолий Железняков и Александр Фельдман[106]. Подпольщики, обращаясь к солдатам войск Англии и Франции, напоминали им о славных революционных традициях их народов. «... Несмотря на то, что они уже забыли, как они казнили своих королей, — с тех пор, как они вступили на русскую почву, русская революция и победы русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Франции и Англии об их революциях, и благодаря событиям в России в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то у них», — говорил Ленин[107].

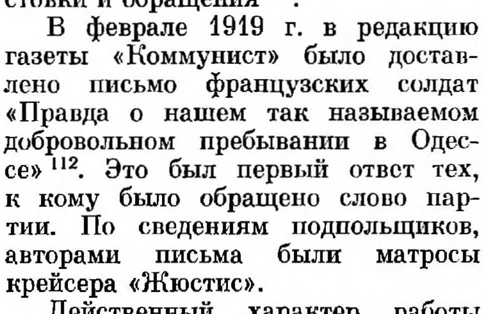
Ряд листовок одесских большевиков был обращен специально к солдатам из колониальных стран. В этих листовках рассказывалось о национальной политике Советского государства, о его стремлении видеть все народы свободными и независимыми. Моряки и грузчики — коммунисты Кефко, М. Трюх и другие — установили связь с командами французских судов, распространяли среди них подпольную французскую газету[108]. Рабочий Д. Мельников, электрик И. Чуб, учительница математики С. Яновская, отважные конспираторы Л. Картвелишвили, Ф. Балкун, М. Лоладзе, старый коммунист А. Трофимов, дочь народного учителя Л. Петренко, рабочий-модельщик А. Агаларов, табачник Н. Соболь, учитель Д. Крамов, комсомольцы Г. Ларский, М. Аркадьев, В. Васютин (Филюшкин), А. Ильин, О. Тарханов (Разумов), организатор Красного Креста Р. Черная, бесстрашные подпольщики И. Южный (Горенюк), Я. Волошенко, участники партизанской борьбы А. М. Панкратова (Нюра Палич), Павел Онищенко, Тенгиз Жгенти, Григорий Белоусов и другие принимали активное участие в распространении листовок и газет среди французских солдат и матросов[109]. Я. Елин сумел даже проникнуть на французские суда, а на улицах и в кафе вместе с М. Штиливкером и И. Дубинским ежедневно беседовал с французскими солдатами.

Особенно действенной стала большевистская пропаганда среди французских войск после того, как в одесском подполье начала работать Жанна Лябурб. Туда, где появлялась эта приветливая, уже не молодая женщина, всегда тянулись французские солдаты. Из казармы в казарму передавалась новость, что в Одессу приехала настоящая француженка. «Таких пламенных, таких чистых энтузиастов, как тов. Лябурб, я не встречала, — писала С. Соколовская. — Безусловно хорошая коммунистка, опытная пропагандистка, тов. Лябурб вся горела, всей душой была предана делу революции, и ее сильная красивая речь была полна

---

106 «La lutte finale», 1919, № 1.
107 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 171.
108 ПАОд.О, ф. 2, д. 376, л. 17.
109 Л. М. Зак. Славные традиции солидарности. М., 1962, стр. 44.

всегда захватывающего чувства революционной борьбы. Неудивительно, что за неделю, которую она проработала здесь, ее знал почти весь французский гарнизон, и солдаты слушали ее и верили ей, как никому»[110]. Жанна Лябурб не только вела беседы, но и много работала в газете «Коммюнист», писала листовки и обращения[111].

В феврале 1919 г. в редакцию газеты «Коммунист» было доставлено письмо французских солдат «Правда о нашем так называемом добровольном пребывании в Одессе»[112]. Это был первый ответ тех, к кому было обращено слово партии. По сведениям подпольщиков, авторами письма были матросы крейсера «Жюстис».

С. Ратков. 1918 г.

Действенный характер работы коммунистов проявился в отказе французских солдат выступать против революционного народа. Первой французской воинской частью, заявившей об этом, был 58-й полк авиньонского гарнизона.

Незадолго до этого, передвигаясь из Македонии в Россию, полк был свидетелем расстрела правительственными войсками безоружной демонстрации трудящихся Бухареста. Когда 4 февраля полк получил приказ наступать на советский город Тирасполь, солдаты ответили единодушным отказом. Тем не менее по приказу французского командования начался артиллерийский обстрел мирного города. Тогда солдаты взбунтовались. Вожаков выступления во главе с Арсеном Гитье отправили в дисциплинарный батальон, остальных заперли в крепости. Но воины 58-го пехотного полка держались стойко, упорно требуя возвращения на родину. В конце концов весь полк был отправлен в Марокко.

В связи с событиями в 58-м полку коммунисты-подпольщики обратились к французским солдатам со специальным воззванием. В нем говорилось, что солдаты полка «не захотели быть слепым орудием буржуазии, они протянули братскую руку нашим рабочим и крестьянам и этим снискали французской армии самую лучшую славу»[113].

---

[110] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 39, л. 16.
[111] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 80.
[112] «Le Communiste», 5.II 1919. (Перепечатано в газете «Правда», 25.III 1919 и в газете «Киевский коммунист», 3.IV 1919).
[113] Цит. по газете: «L'Humanité», 8.VIII 1932.

Отчет об иностранной работе Одесского обкома КП(б) Украины свидетельствует о систематической еженедельной отправке литературы в Очаков, Николаев, Херсон, в Румынию, Бессарабию, Крым и даже в Марсель и Константинополь [114]. Это подтверждают и воспоминания коммунистов-моряков, сопровождавших транспорты англо-французского флота из Салоник или Константинополя в Одессу: «Наша работа по дезорганизации войск союзников начиналась уже с момента посадки их в суда для отправления в Россию» [115]. В тревоге деникинские агенты сообщали о революционных настроениях французских войск, о влиянии газеты «Коммюнист», которая «пересылается из Одессы за границу для распространения среди французских солдат» [116].

Влияние большевиков среди войск Антанты росло с огромной быстротой. В одесском гарнизоне французских войск, главным образом среди артиллеристов и саперов, а также среди матросов кораблей, стоявших на рейде, сложилась группа противников интервенции. Ж. Лябурб вместе со своими товарищами по французской группе Иностранной коллегии готовила конспиративное совещание для подготовки более решительных действий. Но этим планам не суждено было сбыться. Провокатор Ман, проникший в Иностранную коллегию, выдал отважных подпольщиков, и врагам удалось обезглавить организацию одесских большевиков.

Вечером 1 марта после бесед с солдатами Ж. Лябурб вернулась к себе на квартиру. Вдруг в комнату ворвались вооруженные французские офицеры и деникинцы. Они арестовали находившихся там Ж. Лябурб, сербского коммуниста С. Раткова, семидесятилетнюю хозяйку Лейфман и трех ее дочерей. После обыска всех арестованных со связанными руками втолкнули в машину и привезли в здание французской контрразведки. Одновременно в городе были арестованы М. Штиливкер, А. Винницкий, Я. Елин и студентка М. Лиман. Торопясь быстрее расправиться с «опасными» интернационалистами, им устроили поспешный и жестокий «допрос». Одного за другим вызывали к столу схваченных большевиков. Первым был допрошен Я. Елин. Он отказался отвечать палачам. Тогда его ударили рукояткой револьвера по лицу. Из глаз и носа Елина потекла кровь. Снова удар — Елин упал, не сказав ни слова. Жестоко были избиты Винницкий и Штиливкер. Над женщинами также учинили зверскую расправу. Потом окровавленные тела бросили на две грузовые машины и повезли за город. У стен кладбища машина остановилась. Фары были потушены. Тогда С. Ратков, человек огромной физической силы, внезапно поднялся, ударом оглушил конвойного и выпрыгнул из машины. Вдогонку послышались выстрелы. Ночь была темная, безлунная. Офицерам некогда было устраивать погоню, и Ратков

---

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 39, л. 14.
[115] ПАОд. О, ф. 2, д. 316, л. 11.
[116] ЦГАОР УССР, ф. 760/1738, д. 25, л. 84.

сумел спастись. Убегая, он слышал залпы. Палачи расстреляли десять человек [117].

На следующий день интервентами были схвачены и расстреляны И. Дубинский и А. Вапельник. Вскоре интервентам удалось арестовать и утопить в море руководителя одесских большевиков И. Смирнова (Н. Ласточкина).

Однако расстрелы и казни не могли уничтожить дела отважных большевиков. Уже через несколько дней французские солдаты передавали из рук в руки маленькую рукописную листовку. В ней большевики сообщали о расстреле членов Иностранной коллегии, об аресте и убийстве нескольких товарищей [118]. Хотя основное ядро участников коллегии погибло, их деятельность принесла свои результаты.

1 марта советские войска начали освобождение Херсона. И здесь сказалось действие большевистского слова. Белогвардейцы в страхе сообщали, что части французских войск, расположенные в Херсоне, совершенно небоеспособны, ибо они «одно время составляли гарнизон Одессы и, пребывая там, подвергались в течение продолжительного времени настойчивой, умелой и крайне разлагающей пропаганде большевистских агитаторов» [119]. Шесть рот 176-го французского полка отказались выступать против Красной Армии. Было вызвано подкрепление, но французские солдаты, прибывшие в Херсон специальным транспортом, потребовали немедленного возвращения на родину.

Вслед за Херсоном Красная Армия 14 марта освободила от захватчиков и Николаев. Через несколько дней советские войска одержали серьезную победу у станции Березовка, где в плен советским войскам добровольно сдались 13 французских солдат, 9 из которых выразили желание сражаться в рядах Красной Армии. Воевать против империалистов вместе с советским народом пожелали и французские матросы Мишель Малесне, Луи Леланде и Жозеф Давуан.

Разгром интервентов под Березовкой решил судьбу Одессы. В панике деникинцы доносили о «полном разложении» французских солдат [120].

Успешное наступление Красной Армии, всенародная борьба против захватчиков, рост революционных настроений среди французских солдат и матросов и, наконец, все более настойчивые требования пролетариев в самой Франции — все это поставило ин-

---

[117] Участник гражданской войны С. Ратков затем вернулся на родину, где продолжал революционную деятельность. В 1941—1945 гг. он (под кличкой «Вава») сражался против немецко-фашистских захватчиков в рядах югославских партизан («Правда», 25.VIII 1957; «Коммунист» (Београд), 24.II 1966).

[118] Архив Одесского Музея революции.

[119] ЦГАОР СССР, ф. 1261, оп. 27, д. 1—62, л. 338.

[120] См. Л. М. Зак. Указ. соч., стр. 57—58.

тервентов перед необходимостью как можно скорее убраться восвояси. 2 апреля 1919 г. из Парижа был получен приказ об эвакуации французских войск с юга России. Во время эвакуации восстала рота 7-го саперного полка, где была организована революционная группа под руководством солдата Л. Териона. В нее вошли солдаты Макги, Лесюэр, Ломбар, Дигонне и др. Солдаты отдали одесским большевикам все свое оружие и боеприпасы, прогнали офицеров. Тогда же восстали 1-й сводный африканский полк зуавов, две батареи 19-го Нимского артиллерийского полка, стоявшие в Колендорово под Одессой.

6 апреля 1919 г. 1-я Заднепровская бригада Украинской Красной Армии вступила в Одессу.

На 18 апреля 1919 г. было намечено революционное выступление команды миноносца «Проте», стоявшего на одесском рейде. Но накануне этого дня был арестован один из организаторов выступления — механик Андре Марти, и это помешало осуществлению намеченного плана [121].

20 апреля моряки французских судов «Франс» и «Жан Бар», стоявших на севастопольском рейде, подняли па мачтах красные флаги. Командир восставшего броненосца «Жюстис», также поднявшего красный стяг, доносил, что экипаж единодушен и непримирим в стремлении прекратить антисоветскую войну. В полдень матросы французской эскадры высадились на берег и приняли участие в мирной демонстрации вместе с жителями города. Впереди колонны французский матрос с «Мирабо» гордо нес красное знамя, полученное от севастопольских металлистов. Вдруг раздались выстрелы. Командование интервентов отдало приказ греческим патрулям стрелять по безоружным демонстрантам. Улицы Севастополя обагрились кровью французских моряков и русских рабочих [122]. На восставший линкор «Франс» прибыла с выражением солидарности делегация французских солдат-пехотинцев и матросов других кораблей. По настойчивому требованию восставших командование было вынуждено отдать приказ об уводе судов на родину.

27 апреля вспыхнуло восстание на крейсере «Вальдек Руссо». Здесь красный стяг поднял матрос-вьетнамец Тон Дык Тханг. «Я видел зверства колонизаторов, поработивших мою страну, — рассказывал он спустя много лет, — я видел лицо капитализма. И когда в России грянула революция, когда русские рабочие и крестьяне свергли помещиков и капиталистов, я понял, что русский народ совершил революцию, которая положит начало освобождению и моей родины. Как-то я увидел в буржуазном журнале портрет Ленина. Ленин был изображен с ножом в зубах. Но я знал: если Ленин их враг, — он наш друг! И я поднял крас-

[121] См. А. Марти. Восстание на Черном море. М.—Л., 1940.

[122] Пробитое пулями знамя севастопольских металлистов ныне хранится в Севастополе, в Музее Черноморского флота.

ный флаг на крейсере, который французские империалисты послали против Ленина, против русских рабочих и крестьян»[123]. Матросы заявили командиру: «Если сегодня вечером вы не отдадите приказ об отплытии, то завтра „Вальдек Руссо“ будет отведен в порт и передан в распоряжение большевиков». Вскоре корабль снялся с якоря.

29 апреля 1919 г. Красная Армия вступила в Севастополь. Затем было очищено от интервентов все Черноморское побережье. В мирной первомайской демонстрации трудящихся Севастополя участвовали французские моряки-интернационалисты.

5. Федерация и интернациональные формирования Красной Армии

Со времени мятежа чехословацкого корпуса Федерация начала систематическую работу по организации интернациональных отрядов Красной Армии. В конце мая—начале июня 1918 г. она создала 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд, политическим комиссаром которого был назначен Т. Самуэли. Размещался отряд в Кремле. 12 июня 1918 г. на заседании ЦФИГ было принято решение о пополнении этого отряда и создании для него необходимых резервов. ЦФИГ высказалась против создания отдельных национальных отрядов, о чем и сообщила в ЦК РКП(б) письмом от 15 июня 1918 г. за подписью председателя Б. Куна и секретаря А. Пескариу[124]. Одновременно Федерация опубликовала воззвание «К иностранным рабочим и крестьянам» на языках всех входящих в нее групп. В нем отмечалось, что в связи с чехословацким мятежом над русской революцией нависла серьезная опасность и что долг иностранных рабочих и крестьян — выступить на защиту Советской республики. Подчеркивая общность интересов российского рабочего класса и пролетариев всего мира, воззвание разъясняло иностранным трудящимся: «Победа русской революции означает и ваше освобождение»[125].

В конце июня 1918 г. 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд в количестве 314 человек был отправлен на Уральский фронт[126].

---

[123] Товарищ Тон Дык Тханг за участие в этом восстании был осужден французским военным судом и 25 лет томился в тюрьме на острове Пуло Кондор. Ныне он вице-президент Демократической Республики Вьетнам, член Всемирного Совета Мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

[124] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 1.

[125] «Правда», 16.VI 1918.

[126] «Боевое содружество...», стр. 111.

6—7 июля 1918 г. левые эсеры подняли в Москве антисоветский мятеж. Федерация спешно сформировала батальон интернационалистов во главе с Б. Куном и Т. Самуэли. Батальон участвовал в разгроме мятежников и отбил у них Центральный телеграф.

Руководители Федерации принимали участие в боевых действиях на многих фронтах. В августе 1918 г. с отрядом интернационалистов прибыл на Казанский фронт Т. Самуэли. Возвратившись из Казани в Москву, он вместе с Б. Куном был принят В. И. Лениным, которому рассказал о боевой деятельности интернациональных войск [127].

В сентябре 1918 г. ЦФИГ отправила из Москвы на Екатеринбургский фронт интернациональный отряд численностью в 360 человек. С отрядом выехал председатель Федерации Б. Кун, уже побывавший на этом фронте [128].

Под руководством Федерации и входивших в нее групп проходила организация интернациональных отрядов в ряде городов [129].

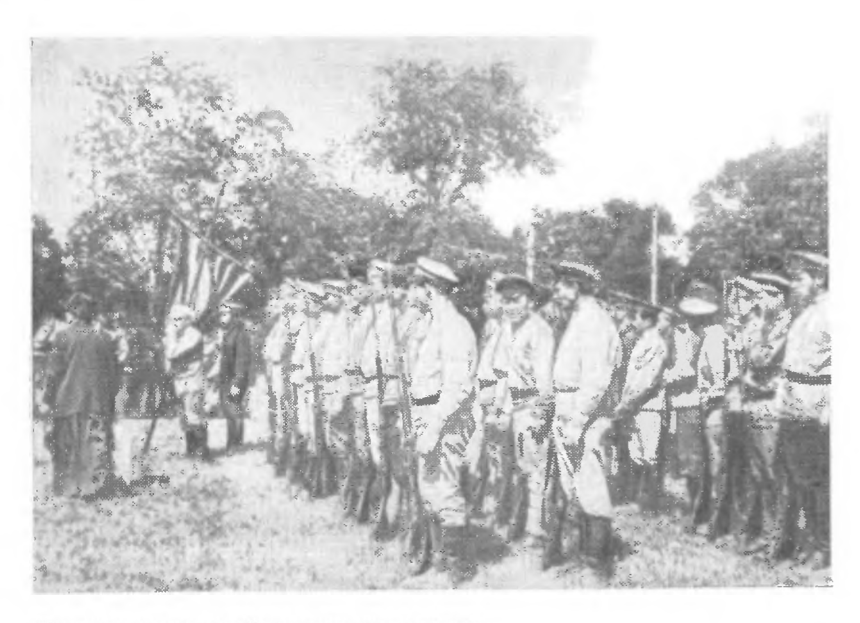
В предписании народного комиссара по военным делам оперативному отделу от 18 августа 1918 г. указывалось, что по всем вопросам формирования интернациональных частей необходимо «сноситься с Федерацией иностранных групп при Российской коммунистической партии в лице тов. Самуэли» [130]. Большое внимание формированию интернациональных отрядов уделял В. И. Ленин [131].

Вместе с ЦФИГ работу по формированию интернациональных отрядов проводила Комиссия по формированию интернациональных групп Рабоче-Крестьянской Красной Армии при ВЦИК. Она была создана по инициативе Федерации и ее председателя Б. Куна в июне 1918 г.[132] Комиссия разработала «Инструкцию о приеме и работе в частях интернациональной Красной Армии» [133]. Федерация оказывала всемерное содействие деятельности комиссии: предоставляла агитаторов, снабжала литературой. По поручению Федерации коммунисты, входившие в комиссию, создавали на местах организации коммунистов-иностранцев.

В результате совместных усилий Федерации и Комиссии по формированию интернациональных групп Красной Армии отряды интернационалистов были созданы в ряде пунктов страны. Многие из них сразу же отправлялись на фронт.

---

[127] «Венгерские интернационалисты...», стр. 213.
[128] «Боевое содружество...», стр. 115—116.
[129] См. главу 15.
[130] «Боевое содружество...», стр. 109.
[131] С. И. Аралов. В. И. Ленин и Красная Армия. М., 1959, стр. 21.
[132] «Боевое содружество...», стр. 105.
[133] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 134, л. 61.

Интернациональный легион на смотру

По данным ЦИК Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян, к сентябрю 1918 г. в Красной Армии сражались на разных фронтах более 50 тыс. иностранных пролетариев[134]. В этих данных не учитывались интернационалисты, сражавшиеся за Советскую власть в Туркестане, на Урале и в Сибири, а также бойцы интернациональных отрядов, находившихся на формировании, и бойцы польских, финских и ряда других интернациональных частей и подразделений Красной Армии. Поэтому в действительности численность бойцов-интернационалистов в Красной Армии была большей. Однако с осени 1918 г., в момент развертывания наступления Красной Армии, не только удельный вес в ее составе интернациональных частей, но и численность их бойцов стали резко сокращаться. После революции в Австро-Венгрии и Германии среди бойцов-интернационалистов усилилось стремление вернуться на родину. В этих условиях Федерация, разъясняя интернационалистам важность борьбы в России, призывала их оставаться на боевых постах. В то же время она признала целесообразным переброску интернациональных отрядов на Украину, поближе к странам Центральной и Юго-Восточной Европы. В соответствии с этим 27 ноября 1918 г. командование Красной

---

[134] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 155, л. 3.

Армии отдало приказ о переброске интернациональных частей на Украину [135]. Для проведения в жизнь решения о концентрации на Украине интернациональных частей, а также для формирования новых отрядов интернационалистов Федерация создала Военный отдел (комиссию) во главе с Ф. Фрейштадтом. Вскоре Ф. Фрейштадт выехал на Восточный фронт, где было сосредоточено значительное число отрядов интернационалистов [136].

Переброска на Украину частей интернационалистов, находившихся на различных фронтах и нередко с трудом заменимых в районах их боевой деятельности, была связана с большими трудностями. В связи с этим, а также в результате отсутствия должной оперативности в действиях военного ведомства приказ от 27 ноября 1918 г. не выполнялся. В декабре 1918 г. ЦФИГ обратилась с письмом к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, в котором подчеркивалась необходимость скорейшей отправки на Украинский фронт интернациональных частей, прежде всего Московского отряда. Признав доводы Федерации по этому вопросу правильными, В. И. Ленин дал указание об отправке на Украину 1-го Московского интернационального отряда. Это указание В. И. Ленина было немедленно выполнено [137].

18 декабря 1918 г. Федерация обратилась к воинам-интернационалистам с воззванием, в котором говорилось, что бойцам-интернационалистам, прежде чем попасть на родину, нужно подавить сопротивление буржуазно-националистических правительств Украины и Прибалтики, оказав тем самым помощь местным трудящимся в восстановлении Советской власти [138].

На конференции иностранных коммунистов 3—4 марта 1919 г., как уже указывалось выше, было принято решение о ликвидации Федерации и о прекращении формирования новых интернациональных частей [139]. 19 марта 1919 г. было образовано Управление по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР; все органы, ведавшие до этого формированием воинских частей интернационалистов, упразднялись [140].

Решение о ликвидации Федерации не было проведено в жизнь, и она, продолжая свою деятельность, оказывала содействие Управлению в решении поставленной перед ним задачи. ЦФИГ обязала свои организации срочно направить имеющиеся в их распоряжении силы в пункт формирования интернациональной бригады [141]. К маю 1919 г. местом концентрации сил интернационалистов стал Киев, куда было переведено и Управление по фор-

---

[135] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 102.
[136] Там же, д. 10, л. 59.
[137] Там же, д. 1, л. 4.
[138] «Венгерские интернационалисты...», стр. 133—136.
[139] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, лл. 13, 14.
[140] «Боевое содружество...», стр. 176—177.
[141] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 32, л. 183.

мированию интернациональной Красной Армии РСФСР. 9 мая 1919 г. в Киеве было организовано такое же Управление при Наркомвоене УССР. Начальником управления был назначен член Венгерской группы РКП(б) Й. Башкович.

Летом 1919 г. на Украине действовали интернациональные части, насчитывавшие свыше 6 тыс. бойцов и командиров [142].

В июне 1919 г. Управления по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР и УССР были расформированы, и в связи с тем, что первостепенное значение приобретала необходимость оказания помощи Венгерской советской республике, подвергшейся нападению интервентов, формирование интернациональных частей было передано Ревкому Венгрии — органу венгерских революционеров на территории Советской страны.

В августе 1919 г. в результате наступления Деникина военное положение на юге изменилось, и Красная Армия вынуждена была оставить Украину. В это же время вновь было создано Управление по формированию интернациональной Красной Армии [143]. Делом формирования интернациональных частей продолжал заниматься и Ревком Венгрии. Поскольку и во главе управления находились коммунисты-венгры, руководство по созданию интернациональной Красной Армии практически сконцентрировалось в руках Венгерской группы РКП(б).

Создавшееся положение другие иностранные группы считали ненормальным. 18 сентября 1919 г. этот вопрос обсуждался на заседании ЦФИГ. Участники заседания, кроме Э. Руднянского, высказались за то, чтобы руководство по созданию интернациональных частей находилось в руках ЦФИГ [144].

В соответствии с этим решением Федерация обратилась в Реввоенсовет с ходатайством о передаче ей всех дел по формированию интернациональных частей Красной Армии. 30 сентября 1919 г. Реввоенсовет издал приказ, который утверждал в качестве руководящего органа по формированию интернациональных частей Красной Армии Военную комиссию ЦФИГ [145].

В октябре 1919 г. Федерация решила перенести формирование интернациональных частей на восток, где находились большие массы военнопленных. Деятельность Военной комиссии была прекращена в мае 1920 г. в связи с тем, что к тому времени на территории Советского государства оставались лишь незначительные контингенты иностранных трудящихся.

Наряду с формированием интернациональных частей Красной Армии ЦФИГ проводила большую политическую работу среди воинов-интернационалистов. Она направляла в интернациональ-

---

[142] «Боевое содружество. . .», стр. 462—465.
[143] Там же, стр. 193.
[144] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 40.
[145] Там же, д. 9, л. 12. О деятельности Военной комиссии см. главу XV.

ные формирования своих представителей, которые в тесном контакте с политорганами Красной Армии создавали в них партийные ячейки, интернациональные секции политотделов, политотделы, посылала лекторов и агитаторов; из центра поступали газеты, брошюры и листовки, издававшиеся иностранными группами.

Под руководством ЦФИГ и политработников Красной Армии партийные организации иностранных коммунистов войсковых частей проводили среди воинов-интернационалистов большую политическую и культурно-массовую работу. В частности, политотдел 1-й интернациональной бригады, организованный под руководством посланного ЦФИГ немецкого интернационалиста Шейермана, летом 1919 г., когда бригада находилась на Украине, широко развернул политическую работу среди воинов.

Политотдел, в который были включены 17 политработников, начал свою деятельность в условиях, когда в бригаде еще не существовало партийных организаций. Поэтому первоочередной задачей политотдела являлось создание партийных организаций в частях и подразделениях. За короткий срок эти организации были созданы. Так, в 3-м интернациональном полку бригады в партию вступили 80 интернационалистов. Политотдел открыл библиотеку и клуб, организовал школу по изучению русского языка [146]. Результатом работы политотдела и партийных ячеек бригады явилось укрепление морального духа и боевой готовности бойцов-интернационалистов, что было отмечено политуправлением 12-й армии.

Многогранную воспитательную работу проводила среди воинов-интернационалистов и иностранная секция политотдела 5-й армии Восточного фронта, возглавлявшаяся Ярославом Гашеком. Помимо политической работы среди интернационалистов, ей приходилось вести большую работу среди иностранных военнопленных, которые находились в лагерях освобождаемых от белогвардейцев районов Сибири. Кроме того, она вела работу среди перебежчиков из белогвардейских частей, а также иностранцев, взятых в плен Красной Армией, в том числе американцев и итальянцев. Лишь за август—ноябрь 1919 г. в результате деятельности секции в Красную Армию добровольно вступило 720 человек, а на предприятия было направлено 468 специалистов из иностранцев [147].

Большое внимание Федерация уделяла подготовке кадров политработников для интернациональных формирований. Для этой цели были созданы специальные курсы. В учебном плане курсов основное место отводилось вопросам партийно-организационной и партийно-политической работы в армии. К чтению лекций на

---

[146] «Боевое содружество. . .», стр. 470—472.
[147] Там же, стр. 208—210.

курсах политработников привлекались лучшие силы Федерации иностранных групп и Политуправления Реввоенсовета [148].

Большую работу по политическому воспитанию воинов-интернационалистов вела передвижная культурно-просветительная секция Военной комиссии Федерации, созданная в декабре 1919 г. Секция проводила агитационную и культурно-просветительную работу в интернациональных частях Красной Армии, а также среди бывших военнопленных, из которых формировались эти части. С января 1920 г. передвижная культурно-просветительная секция действовала в Казани — центре формирования интернациональных частей. В тесном контакте с политотделом Запасной армии она организовала ежедневное чтение лекций на немецком, венгерском, сербском, румынском и русском языках для воинов-интернационалистов. Только с 10 января по 1 февраля 1920 г. было прочитано 35 лекций, на которых присутствовало 2205 человек, проведено 6 митингов, в которых участвовало 1800 человек. Было дано также 12 спектаклей и концертов-митингов, на которых присутствовало 7200 человек [149].

В своей деятельности по идейно-политическому воспитанию воинов-интернационалистов Федерация иностранных групп опиралась на постоянную помощь ЦК РКП(б), губкомов и укомов, а также политорганов Красной Армии. Специальные пропгруппы и агитбригады, которые ЦК РКП(б) направлял в различные районы страны и на фронт, вели политическую работу и в интернациональных частях.

Одним из ответственных участков в деятельности Федерации была революционная работа коммунистов-иностранцев в войсках интервентов и белогвардейцев, а также в их тылу. По согласованию с ЦК РКП(б) Федерация и иностранные коммунистические группы направляли в помощь большевистским подпольным организациям своих представителей. Иностранные коммунисты вели работу в мятежном чехословацком корпусе, австро-немецких оккупационных войсках на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, в армиях англо-франко-американских интервентов, захвативших Сибирь, север и юг России. Они разъясняли обманутым буржуазной пропагандой или насильно мобилизованным солдатам смысл происходящих в России событий, указывали им место, которое они должны занять в битве между трудом и капиталом.

В результате самоотверженной работы советских и иностранных коммунистов в войсках интервентов империалисты не смогли использовать свои армии в той мере, в какой они этого хотели. Немало солдат, ранее служивших в контрреволюционных формированиях, перешло на сторону революции. Объясняя, почему Антанта не смогла свергнуть Советскую власть, В. И. Ленин гово-

---

[148] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 9, лл. 30, 37.
[149] Там же, оп. 1, д. 169, лл. 28—30.

рил на VII съезде Советов: «Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств» [150].

Тысячи иностранных трудящихся, в первую очередь коммунистов, вместе с рабочими и крестьянами Советской России активно участвовали в партизанской борьбе против войск белогвардейцев и интервентов. Особенно много зарубежных интернационалистов боролось в партизанских отрядах, действовавших в Сибири. Однако Федерация и центральные группы не имели с ними регулярных связей.

С сознанием исполненного интернационального долга перед российскими рабочими и крестьянами Федерация писала в отчете о своей деятельности за 1919 г.: «Объединение пролетариев — немцев, венгерцев, чехов, югославян и других — для общей борьбы с оружием в руках против врагов рабочей России — что это такое? Это практический интернационализм, интернационализм на деле...» [151]

Защищая Советскую Россию, иностранные коммунисты выполняли не только интернациональный, но и патриотический долг, так как, способствуя укреплению первого в мире пролетарского государства, они облегчали тем самым борьбу своих народов за свободу и счастливое будущее.

6. Федерация и Советы иностранных рабочих и крестьян

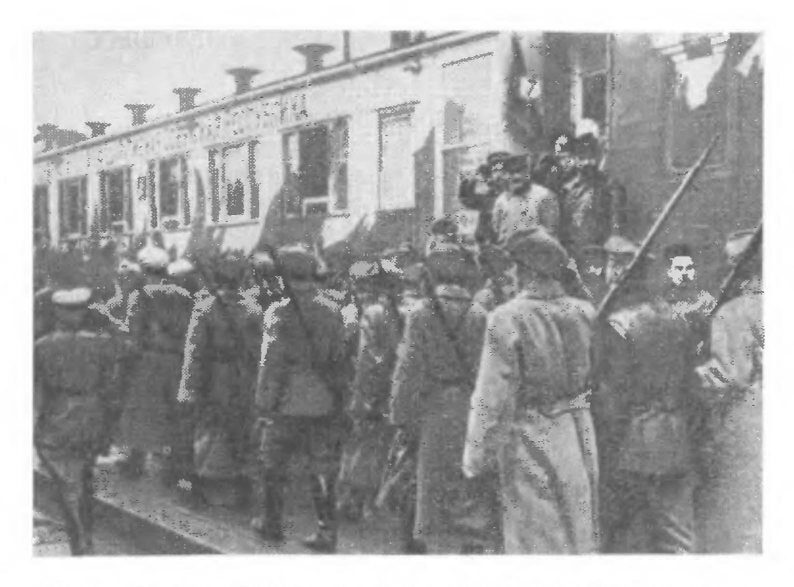
После революции в Австро-Венгрии и Германии в различных городах Советской республики возникли Советы иностранных рабочих и крестьянских депутатов. Инициатива их создания принадлежала иностранным группам РКП(б).

Образование иностранных Советов сопровождалось ликвидацией ими находившихся в ряде городов РСФСР австро-венгерских и германских консульств и военных миссий. В этом нашла одно из своих выражений ненависть интернационалистов к органам, олицетворявшим монархии Габсбургов и Гогенцоллернов.

В ноябре 1918 г. в Москве возникли новые органы, представлявшие интересы трудящихся — германских и австро-венгерских подданных в Советской России — Германский и Австро-Венгерский Советы рабочих и крестьянских депутатов. В конце 1918 — начале 1919 г. начали деятельность отделения этих Советов в Петрограде, Твери, Воронеже, Астрахани, Пензе, Самаре, Казани, Симбирске, Вятке, Оренбурге, Смоленске, Ташкенте и других

---

150 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 391.
151 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 7.

М. И. Калинин принимает парад интернационального полка

городах. К концу 1919 г. на территории Советской России существовало около 25 отделений или филиалов иностранных Советов [152].

Иностранные Советы представляли собой массовые, беспартийные организации революционно настроенных трудящихся из зарубежных стран, оказавшихся на территории РСФСР. Основными функциями их были: представительство интересов находившихся в Советском государстве подданных Германии и Австро-Венгрии, эвакуация на родину бывших военнопленных, их материальное обеспечение. Вместе с тем Советы видели свою задачу в том, чтобы широко развернуть революционную агитацию среди бывших военнопленных, «просвещая их и осведомляя о Советской власти, советском строительстве и значении диктатуры пролетариата» [153].

С момента возникновения иностранных Советов и идейное, и организационное руководство их деятельностью взяла на себя Федерация. На заседании ЦФИГ 11 декабря 1918 г. было решено направить в Австро-Венгерский и Германский Советы представителей от каждой национальной группы, которые бы являлись проводниками коммунистических идей в этих Советах [154]. В президиуме Германского Совета в различное время работали Р. Рот-

[152] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 49; д. 2, л. 117—117 об.
[153] Там же, оп. 9, д. 2, л. 16.
[154] Там же, д. 1, л. 5.

кегель, Г. Остерлоо, Шейерман и другие; в президиуме Австро-Венгерского Совета — И. Бэм, М. Рейзнер, В. Курц (Австро-немецкая группа), Э. Руднянский, Маркуш, Н. Рааб (Венгерская группа), И. Ольром, Н. Грулович (Югославянская группа), Ф. Бенеш, Ф. Киндел, К. Кубичек (Чехословацкая группа), И. Пенца (Румынская группа) и др.[155] В январе 1919 г. из семи членов президиума Австро-Венгерского Совета в Москве четверо были коммунистами; в президиуме Германского Совета, состоявшего из пяти человек, было трое коммунистов[156]. По указанию Федерации в Советах были созданы коммунистические ячейки, представителей которых она обязала присутствовать на всех заседаниях ЦФИГ. В свою очередь в обсуждении вопросов на партийных собраниях в Советах должен был участвовать кто-либо из представителей ЦФИГ. ЦФИГ требовала от партийных ячеек Советов, чтобы они представляли ей протоколы своих собраний и месячные отчеты о работе[157]. ЦФИГ оказывала большую помощь Советам в вопросах организации агитационно-массовой работы. При поддержке Федерации Советы создали агитационные пункты в городах, через которые проходил поток военнопленных, возвращавшихся на родину (Самара, Смоленск и др.).

В феврале 1919 г. в Москве состоялся I съезд Австро-Венгерских Советов, который подвел итоги деятельности Советов за три месяца их существования. Съезд послал приветствие Советскому правительству[158].

Проходившая 3—4 марта 1919 г. конференция иностранных коммунистов, заслушав доклады представителей Австро-Венгерского и Германского Советов и одобрив в целом деятельность этих Советов, обязала Немецкую группу принять меры к улучшению работы Германского Совета. Она подчеркнула также необходимость тесного контакта Советов с руководящими органами иностранных групп, которые должны направлять работу Советов[159]. Для усиления влияния групп на иностранные Советы Федерация направила в некоторые города своих представителей. В частности, в Самару в марте 1919 г. были направлены Ф. Бенеш и И. Ольром[160]. Прибыв в Самару, они вместе с местными коммунистами-иностранцами реорганизовали Совет, провели выборы нового президиума, который стал работать под руководством партийной организации иностранных коммунистов.

20 марта 1919 г. на общем собрании югославян, находившихся в то время в Москве, а также представителей провинции и

---

155 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 4, л. 9.
156 Там же, оп. 9, д. 1, л. 8.
157 Там же, оп. 4, д. 32, лл. 16, 127.
158 «Боевое содружество. . .», стр. 170.
159 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, лл. 11—14.
160 Там же, оп. 4, д. 32, л. 236.

фронтов, был образован Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов [161].

Иностранные Советы проводили работу по политическому просвещению бывших военнопленных и их эвакуации из Советской России. За период с 5 ноября 1918 г. по 1 августа 1919 г. при их содействии было отправлено на родину около 200 тыс. бывших военнопленных [162]. По мере того как число иностранных трудящихся на территории РСФСР сокращалось, уменьшался и объем деятельности Советов. В связи с этим в сентябре 1919 г. ЦФИГ приняла решение о сокращении числа работников в Австро-Венгерском Совете и о ликвидации местных иностранных Советов. Однако некоторые Советы и местные иностранные группы РКП(б) были не согласны с этим решением и не выполняли его (Оренбург [163], Смоленск [164]). ЦФИГ в категорической форме указала этим организациям на необходимость выполнения принятого ею решения. В этом вопросе Федерация получила полную поддержку ЦК РКП(б) [165]. 19 сентября 1919 г. на заседании ЦФИГ было принято предложение о реорганизации Центральных Советов иностранных рабочих и крестьян и о создании Федерации иностранных Советов [166].

ЦК РКП(б), ознакомившись с этим решением ЦФИГ, признал целесообразным реорганизацию Советов. В то же время он счел необходимым созвать специальное совещание для обсуждения общих положений о Федерации иностранных Советов, состоявшееся 17 октября 1919 г. На нем присутствовали секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова, заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов, представители Центропленбежа, Федерации иностранных групп РКП(б), Австро-Венгерского и Германского Советов. М. М. Литвинов и Е. Д. Стасова высказали мнение о целесообразности сосредоточения деятельности иностранных Советов на вопросах политического и культурного просвещения военнопленных и беженцев, оказания помощи Центропленбежу в бытовом устройстве и эвакуации военнопленных [167]. На совещании были согласованы основные положения о Федерации Советов и ее функциях. Одно из положений гласило: «Реорганизация Советов и изменение их состава происходит под руководством Федерации иностранных групп при РКП(б)» [168].

В начале ноября 1919 г. иностранные Советы были реорганизованы. Были созданы Немецкий, Румынский, Чехословацкий,

---

[161] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 6, л. 119.
[162] Там же, оп. 1, д. 422, л. 51.
[163] Там же, оп. 9, д. 7, л. 129.
[164] Там же, оп. 4, д. 32, л. 19.
[165] Там же.
[166] Там же, оп. 9, д. 1, л. 43.
[167] Там же, ф. 549, оп. 1, д. 3, лл. 6—7.
[168] Там же, ф. 17, оп. 9, д. 1, л. 51.

Венгерский, Югославянский Советы. Они объединились в Федерацию иностранных Советов рабочих и солдатских депутатов [169].

Руководящим органом Федерации иностранных Советов стал Исполнительный комитет, в который входили по три представителя от каждого национального Совета; практическая же работа проводилась президиумом из пяти членов (по одному от каждого из национальных Советов) [170]. Таким образом, в организационном отношении Федерация иностранных Советов была построена так же, как и Федерация иностранных групп РКП(б). В Федерации иностранных Советов существовало своеобразное «разделение труда». Национальные Советы под руководством ЦФИГ занимались политико-воспитательной и культурно-массовой работой среди военнопленных, а президиум Федерации иностранных Советов видел свою задачу в том, чтобы оказывать всемерное содействие Центропленбежу в материальном обеспечении военнопленных и их эвакуации на родину.

Во второй половине 1921 г. Федерация иностранных Советов, выполнив свои задачи, прекратила существование.

7. Иностранные коммунисты в России и образование Коминтерна

Принимая активное участие в защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и строительстве Советского государства, иностранные коммунисты в то же время считали себя неотъемлемой частью революционного движения рабочего класса своих стран. Они оказывали всемерное содействие развитию революции в странах капитала. «Мы не питаем иллюзий, мы не думаем, что революцию можно сделать извне, — писал в то время Б. Кун, — но история русских эмигрантских организаций учит нас тому, что необходимо для создания наших революционных организаций и для установления связи с теми пролетарско-крестьянскими массами, которые находятся у нас на родине» [171].

Иностранные коммунисты в Советской России видели одну из своих задач в том, чтобы путем пропаганды коммунистических идей среди бывших военнопленных и других находившихся в России иностранных трудящихся создать кадры сознательных революционеров, которые, возвратившись в свои страны, могли бы раскрыть зарубежному пролетариату значение Октябрьской революции и убедить его последовать русскому примеру. Эта за-

[169] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 71.
[170] Там же, оп. 7, д. 103, л. 16.
[171] «Правда», 14.III 1918.

дача решалась совместными усилиями Федерации иностранных групп РКП(б) и массовых революционных организаций военнопленных.

Иностранные коммунисты обращали большое внимание на установление связей с революционными силами, действовавшими в странах, выходцами из которых они являлись. Стремясь донести до зарубежных пролетариев правду о Советской России, показать им ее успехи и трудности, разъяснить задачи пролетариата всего мира, Федерация систематически направляла за границу своих агитаторов, а также издаваемую группами литературу. В октябре 1918 г. Федерация приняла постановление, обязывающее каждую группу выделять определенное количество газет для отправки в Берлин и Вену[172]. Через своих агитаторов Федерация стремилась установить связи с возникшими в некоторых странах коммунистическими партиями и группами, а также с левым крылом социалистического движения.

Большое воодушевление в среде иностранных коммунистов вызвали революции 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии. 3 ноября 1918 г. в Москве состоялась многолюдная демонстрация пролетариата столицы в честь австро-венгерской революции. Вместе с советскими людьми в демонстрации приняли участие зарубежные интернационалисты. Перед демонстрантами выступил В. И. Ленин. Он говорил, что мы воюем не только с русским капитализмом, мы боремся против капитализма всех стран, против всемирного капитализма, за свободу всех рабочих. У нас имеются миллионы союзников — это рабочие Австрии, Венгрии, Германии. Развивающаяся мировая пролетарская революция, выражал уверенность В. И. Ленин, победит[173].

В связи с революцией в Австро-Венгрии и Германии зарубежные интернационалисты стремились как можно скорее вернуться па родину для непосредственного участия в революционном движении. В ЦФИГ и ЦК иностранных групп, а также в советские органы стало поступать много заявлений от интернационалистов с просьбой отправить их на родину. В частности, иностранные коммунисты из Твери просили Федерацию ускорить отправку на родину военнопленных и «поддержать тем самым революционный рабочий класс Австрии и Венгрии в осуществлении опыта русской революции»[174]. 16 ноября 1918 г. представитель военнопленных сербов Д. Дмитриевич обратился во ВЦИК с просьбой оказать содействие в скорейшем возвращении на родину группы сербов в 253 человека. Он сообщал, что входившие в эту группу военнопленные, большей частью рабочие и крестьяне, не желавшие ранее возвращаться на родину, теперь,

---

[172] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 84.
[173] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 131.
[174] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 35.

в связи с революцией в Австро-Венгрии, «стремятся возвратиться домой, чтобы со своей стороны принять участие в дальнейшем развитии революционного движения» [175].

Вопросы, связанные с выездом зарубежных коммунистов за границу, решались ЦФИГ совместно с руководством групп и согласовывались с ЦК РКП(б). В ноябре 1918 г. в числе выехавших на родину коммунистов находилось немало руководящих работников ЦФИГ. В ноябре и декабре 1918 г. были направлены за границу из Венгерской группы около 200 членов партии [176], из Югославянской группы — 96 коммунистов, Чехословацкой — 36 [177].

В конце 1918 г. ЦФИГ по согласованию с советскими органами приняла необходимые меры для массовой эвакуации бывших военнопленных, не являвшихся воинами интернациональных частей Красной Армии. Она обратилась к ним с призывом по возможности быстрее отправиться на родину: «Ни один военнопленный, кроме солдат-интернационалистов Красной Армии, не должен оставаться на территории России. Теперь, когда путь на родину открыт, вы должны вернуться домой. И если пока здесь, в России, вы не стали еще солдатами пролетарской революции, то будьте ими у себя на родине» [178]. Позже, в 1919 г., Федерация продолжала отправлять на родину иностранных коммунистов. За 1919 г. было отправлено 634 человека [179]. Характеризуя свою деятельность по отправке за границу коммунистов-иностранцев, ЦФИГ отмечала, что после революции в страны Центральной Европы были отправлены «все наилучшие товарищи». Потом, во время организации Венгерской и Баварской советских республик, некоторые местные организации были распущены и отправлены за границу [180]. Выехавшие из Советской России члены иностранных групп РКП(б) и революционно настроенные пролетарии сыграли важную роль в развитии освободительного движения в своих странах, в создании и укреплении коммунистических партий.

Для координации деятельности коммунистов и коммунистических организаций, созданных в Советской России выходцами из стран Азии, в ноябре 1918 г. в Москве состоялась конференция представителей организаций коммунистов-мусульман. Конференцией было создано Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП(б). Позднее (в ноябре 1919 г.) оно было переименовано в Центральное бюро коммуни-

---

[175] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 134, л. 134.
[176] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 35, лл. 1—2.
[177] Там же, д. 33, л. 7.
[178] «Правда», 23.XI 1918.
[179] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 17.
[180] Там же, оп. 4, д. 32, л. 66.

стических организаций народов Востока [181]. Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций руководило через специально созданные секции работой коммунистических организаций среди мусульманского населения России. Наряду с этим в составе Центрального бюро с момента его возникновения были организованы отдел международной пропаганды среди народов Востока и специальные секции (турецкая, арабская, персидская, китайская) [182]. Наиболее деятельной из групп интернационалистов народов Востока являлась Турецкая группа. Еще с весны 1918 г. турецкие интернационалисты во главе с Мустафой Субхи [183] выпускали для турецких военнопленных газету «Ени Дунья» («Новый мир»). В июле 1918 г. представители групп турецких левых социалистов и прогрессивных организаций военнопленных-турок в Советской России создали на совещании в Москве Центральное бюро турецких социалистических организаций во главе с М. Субхи [184]. Китайские интернационалисты в Советской России объединялись первоначально в рамках созданного в начале декабря 1918 г. в Петрограде Союза китайских рабочих (одними из его руководителей были Лау Сиу-джау и Чжан Ин-чун, беседовавшие с В. И. Лениным 29 ноября 1918 г.) [185]. Позже, в июне 1920 г., на основе коммунистической фракции Союза китайских рабочих на третьей его конференции было создано Центральное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б), руководившее деятельностью китайских коммунистов в Советской России (Шан Бей-фун, Сан Фу-ян и др.) [186]. Персидские и другие интернационалисты — выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока — действовали главным образом

---

[181] См. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, стр. 56—57.

[182] См. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 498.

[183] М. Субхи, находясь в довоенные годы во Франции, познакомился с социалистической литературой и с деятелями II Интернационала. По возвращении на родину Субхи вступил на путь революционной деятельности, за что был арестован и сослан. В 1914 г. он бежал из ссылки в Россию, где с начала войны был интернирован как подданный враждебной державы и отправлен вместе с турецкими военнопленными на Урал. Установив связи с большевиками, Субхи вел среди военнопленных пропагандистскую работу, стал организатором турецких интернационалистов в России. Субхи написал большое число листовок, газетных и журнальных статей, руководил переводом работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на турецкий язык. В октябре 1920 г. был организатором учредительного съезда Коммунистической партии Турции. Убит в январе 1921 г. при возвращении в Турцию (см. очерк «Убежденный интернационалист». — В сб.: «Жизнь, отданная борьбе». М., 1964, стр. 507—524).

[184] См. «Известия ВЦИК», 25—26.VII 1918; Р. П. Корниенко. Рабочее движение в Турции в 1918—1963 гг. М., 1965, стр. 20—21.

[185] См. «Правда», 15.XII 1918; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 711.

[186] См. В. М. Устинов. Китайские коммунистические организации в Советской России. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4, стр. 111.

М. Субхи

на территории Туркестана (персидские — отчасти и на территории Закавказья). Хотя коммунистические группы народов Востока не входили в Федерацию, их практическая деятельность протекала в контакте с ЦФИГ. Многие интернационалисты, члены коммунистических групп народов Востока, сражались вместе с иностранными коммунистами из Федерации в общих интернациональных подразделениях и частях Красной Армии, занимались на курсах агитаторов, организованных ЦФИГ, и т. д.

Так же как их товарищи из европейских стран, молодые коммунисты Востока по возвращении в свои страны сыграли большую роль в развитии там революционного движения.

Отмечая первые успехи коммунистического движения в ряде европейских стран, В. И. Ленин в докладе на VIII съезде партии подчеркнул, что эти успехи в значительной степени были подготовлены деятельностью иностранных коммунистических групп среди военнопленных Центральных держав. Обратив внимание делегатов на представленный съезду отчет о деятельности Федерации иностранных групп, он говорил: «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии» [187].

С образованием в ряде стран коммунистических организаций и партий возникла реальная основа для объединения их в III Коммунистический Интернационал. В. И. Ленин, большевики провели всю основную работу по созданию Коминтерна. В этой работе непосредственное участие принимали и иностранные ком-

---

187 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.

мунистические группы РКП(б). В своей печатной и устной пропаганде иностранные коммунисты разоблачали социал-шовинистических и центристских деятелей рабочего движения — одних из главных виновников огромных жертв, понесенных народами в годы мировой войны, недругов Советской России, противников революционного единства международного пролетариата. Когда эти деятели выступили с призывом восстановить потерпевший позорный крах II Интернационал, Федерация резко осудила их оппортунистическую затею. В решении от 28 декабря 1918 г. она заявила, что «созыв конгресса II Интернационала ничего общего не имеет с интересами рабочего движения» [188].

Гневный протест иностранных коммунистов вызвали решения конференции социал-шовинистических и центристских партий в Берне (февраль 1919 г.), выявившие еще раз реакционную, антисоветскую сущность правых лидеров социал-демократов. Проходившая в марте 1919 г. конференция иностранных коммунистов Советской России дала этим решениям следующую оценку: «Решение Бернской желтой международной конференции противоречит принципам III революционного Интернационала..., оно вредно целям революции пролетариата, ибо международный пролетариат может победить лишь тогда, если будет следовать по пути, намеченному Русской, сегодня уже Международной Коммунистической революцией» [189].

Направляя свои усилия на освобождение масс бывших военнопленных от тлетворного влияния социал-шовинизма, реформизма и национализма, неустанно воспитывая их в духе международной пролетарской солидарности, укрепляя связи с революционным движением своих стран, иностранные группы РКП(б) тем самым вносили свой вклад в дело создания III, Коммунистического Интернационала. Представители действовавших в Советской республике иностранных коммунистических организаций и групп и представители объединенных в Федерации иностранных коммунистических групп приняли участие в проведении тех практических мероприятий, которые предшествовали созданию III Интернационала. Еще в состоявшемся в январе 1918 г. в Петрограде по инициативе большевиков совещании (принявшем решение о созыве международной конференции левых), помимо большевиков и представителей левых социал-демократов Швеции, Норвегии, Англии, США, участвовали польские, румынские, чехословацкие, югославянские интернационалисты в России [190].

Как уже указывалось выше, 19 декабря 1918 г. в Петрограде под председательством М. Горького состоялся международный митинг. На нем выступило 23 оратора, представлявших левые рабочие, социалистические и революционно-прогрессивные орга-

[188] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 1, л. 5.
[189] Там же, д. 3, л. 15.
[190] «Правда», 30.I (12.II) 1918.

низации 16 стран Европы и Азии. Среди выступавших были деятели иностранных коммунистических групп, входивших в ЦФИГ — Немецкой (Перц), Югославянской (В. Маркович) и Болгарской (М. Антонов), оратор от Австро-Венгерского Совета (Горн), представители левых социалистов Франции (Ж. Садуль), Голландии (С. Рутгерс), компартии Финляндии (Ю. Сирола), Британской социалистической партии (Б. Рейнштейн). Наряду с этим выступили ораторы из Индии (Ахмед), Китая (Лао и Чжан)[191], Турции (М. Субхи), Персии (Реджеб Бомба), Кореи (Ан), а также представители перешедших на сторону революции американских и английских солдат из экспедиционного интервенционистского корпуса на Севере. Выступавшие выражали свою солидарность с пролетарской революцией в России и призывали народы мира прийти на помощь рабочему классу России. Выражая эти чувства, Ж. Садуль, в частности, заявил, что французский народ понял, что, помогая активно русской революции, он исполнит свой долг по отношению к идеалам свободы, равенства и братства[192].

В январе 1919 г. под руководством В. И. Ленина вновь состоялось совещание, связанное с созданием Коммунистического Интернационала. В совещании, помимо представителей других партий, в том числе Коммунистической партии Польши и Коммунистической партии Финляндии, участвовали также деятели Венгерской, Англо-американской и других коммунистических групп, входивших в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Совещание приняло решение о необходимости созыва учредительного съезда Коммунистического Интернационала, сформулированное в специальном воззвании «К первому съезду Коммунистического Интернационала»[192a].

В работе состоявшегося 3—4 марта 1919 г. в Москве I конгресса Коммунистического Интернационала приняли активное участие представители зарубежных интернационалистов, находившихся в Советской России. Одни из них, будучи уполномоченными (Болгарской, Югославянской, Чехословацкой и других) групп иностранных коммунистов при ЦК РКП(б), присутствовали на конгрессе с правом совещательного голоса (С. Джоров, И. Милкич, Я. Гандлирж и др.). Другие представляли (большей частью с правом решающего голоса) коммунистические или левосоциалистические организации или группы, действовавшие за рубежом. В частности, Ю. Уншлихт представлял Коммунистическую рабочую партию Польши, О. Куусинен, Ю. Сирола, И. и Э. Рахья, К. Маннер и другие — Коммунистическую партию Финляндии; Б. Рейнштейн — левых социалистов США; Ж. Садуль —

[191] Так они именованы в источнике. По-видимому, на митинге выступали руководители Союза китайских рабочих Лау Сиу-джау и Чжан Ин-чун.
[192] «Советская Россия и народы мира». Пг., 1919.
[192a] «Правда», 24.I 1919 г.

В. И. Ленин в президиуме I конгресса Коминтерна.
Слева направо: Г. Клингер, Г. Эберлейн, В. И. Ленин, Ф. Платтен

французских коммунистов; Э. Руднянский — коммунистов Венгрии; С. Рутгерс — Голландии, Х. Раковский — коммунистов Румынии; И. Файнберг — левых социалистов Англии и т. д. На конгрессе присутствовали также и представители возникших в Советской России интернационалистских организаций народов Востока (от турецкой — М. Субхи, от персидской — Гуссейнов, от китайской — Лау Сиу-джау и Чжан Юн-куй, от корейской — Кайн и т. д.). Все они безоговорочно высказывались за немедленное конституирование Коммунистического Интернационала [193].

После создания Коминтерна Федерация иностранных групп находилась в тесном контакте с Бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). На некоторых заседаниях Федерации в период, когда она находилась в ведении Коминтерна, присутствовал представитель ИККИ.

Многие деятели иностранных групп — Ж. Садуль, С. Джоров, Б. Кун и другие — выступали со статьями в центральном органе ИККИ — журнале «Коммунистический Интернационал» [194].

---

[193] «Первый конгресс Коммунистического Интернационала». М., 1933, стр. 250—251, 273—274.

[194] См. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, 3, 4, 6.

В свою очередь печать иностранных групп РКП(б) широко освещала деятельность Коммунистического Интернационала, опубликовывала его решения, разъясняла их исторический смысл и значение для борьбы международного пролетариата за свое освобождение.

Всю практическую работу вплоть до своей ликвидации весной 1920 г. Федерация строила таким образом, чтобы способствовать проведению в жизнь генеральной линии Коммунистического Интернационала и его ведущей секции — РКП(б).

Деятельность Федерации — одна из важнейших и наиболее ярких страниц в истории интернационалистского движения зарубежных трудящихся, находившихся в 1918—1920 гг. на территории Страны Советов.

ГЛАВА 6

ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

1. В первые месяцы строительства Советского государства

Многие тысячи польских интернационалистов были участниками великого дела борьбы за победу и утверждение Советской власти в России. Они помогали громить ее врагов, способствовали формированию новых устоев общественной жизни.

Особое место в деятельности польских интернационалистов занимала борьба против польских помещиков и капиталистов. Польским аристократам и помещикам принадлежало немало земель в западных и юго-западных губерниях России. Польские промышленники владели многими предприятиями Приднепровья, Петрограда и других городов. Многочисленные политические, военные и различные другие польские буржуазные организации были тесно связаны с родственными им по духу, по классовым интересам организациями русских господствующих классов.

Не рассчитывая поднять сколько-нибудь значительные круги постоянного и временного польского населения России в защиту обанкротившегося и свергнутого Временного правительства, польские контрреволюционные элементы первоначально пытались прикрыть свою деятельность и произвести перегруппировку и мобилизацию сил под фальшивым призывом к «нейтралитету» и «неучастию» в происходившей политической борьбе, к «выделению» из общероссийских организаций, из российской армии. В том же направлении действовали лидеры ППС-«фракции» в России. «Революция — это русское дело. От нее нам не холодно и не жарко», — так характеризовала социал-демократическая «Тры-

буна» позицию руководства пилсудчиковских и реформистских элементов ППС-«фракции» в России [1].

Фальшивому лозунгу «нейтралитета» польские социал-демократы как истинные интернационалисты противопоставляли политику пролетарского единства и солидарности. «Плечом к плечу с русским пролетариатом! .. Долой нейтральность и выделенчество! Да здравствует международная революционная солидарность!» — призывала «Трыбуна» в послеоктябрьские дни [2]. «Было бы исторической несправедливостью, если бы в этот исторический момент не прозвучал голос польского пролетариата, вашего соратника в борьбе с царизмом, — заявил на состоявшемся 15 (28) ноября 1917 г. объединенном заседании ВЦИК, крестьянского съезда и Петроградского Совета выступивший от имени СДКПиЛ М. Броньский. — Польские буржуазия и помещики дали лозунг: будьте нейтральны, пусть русский рабочий сам борется с русской буржуазией. Но мы сказали, в борьбе с буржуазией для нас не может быть нейтралитета» [3].

В своем стремлении сплотить самые широкие круги польских трудящихся в России, сделать их активными и сознательными участниками революции и подготовить к борьбе за свободную, социалистическую Польшу польские социал-демократы находили полную поддержку у большевистской партии и органов Советской власти. Военно-революционный комитет, придавая большое значение польскому вопросу, назначил Ю. Лещиньского специальным комиссаром по польским делам.

Добиваясь сплочения основных течений польского рабочего движения в России, деятели СДКПиЛ выражали готовность к сотрудничеству с организациями ППС-левицы и ППС-«фракции» на общей платформе поддержки Советской власти. Но лидеры ППС-левицы в России старались навязать большевикам политику «примирения» всех сил «демократии», а лидеры ППС-«фракции», провозглашая «нейтрализм», в то же время утверждали, что победа большевиков — «это Пиррова победа», что социалистическая революция в крестьянской России обречена на поражение [4]. Правда, в отличие от позиций своих руководителей не только подавляющее большинство членов секций ППС-левицы в России, но и весьма значительная часть членов ППС-«фракции» выступала в революционных боях вместе с большевиками и с польскими социал-демократами [5].

После того как был ликвидирован контрреволюционный мятеж

---

[1] «Trybuna», 11 (24).XI 1917.

[2] Там же.

[3] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва». М., 1918, стр. 68.

[4] «Głos Robotnika i Żołnierza», 11.XI 1917.

[5] «Правда», 3 (16).XII 1917.

Керенского—Краснова, руководители и ППС-левицы и ППС-«фракции» под давлением своих рядовых членов выразили готовность к сотрудничеству с Советской властью и к участию в создаваемом ею специальном органе по польским делам — Польском комиссариате.

Дважды — 24 ноября (7 декабря) и 27 ноября (10 декабря) — на проходивших под председательством В. И. Ленина заседаниях Совета Народных Комиссаров рассматривался вопрос о Польском комиссариате [6]. 28 ноября (11 декабря) народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, действуя в соответствии с постановлением, принятым накануне Советским правительством, назначил Ю. Лещиньского комиссаром по польским национальным делам. Его заместителями были назначены член СДКПиЛ с 1907 г. Казимеж Циховский и Станислав Бобиньский.

В обращении Польского комиссариата «К польскому люду в России» сообщалось, что волей победоносной революции образован орган, который призван помогать польским беженцам, военнопленным, солдатам. «Наступил, наконец, исторический час, — говорилось в обращении, — когда польское население в России, в преддверии возможного возвращения на родину, может не только без помехи со стороны государства, но, напротив, при его помощи организоваться и подумать о себе.

Расковав кандалы неволи и насилия, Великая русская революция пробудила дремавшие до того народные силы, предоставила каждому народу широкий и смелый общественный путь для переделки всех сторон своей жизни» [7].

Вслед за образованием Польского комиссариата Советское правительство приняло ряд актов, установивших, что в ведение комиссариата передаются все государственные и общественные учреждения, эвакуированные с территории Королевства Польского [8], что все правительственные учреждения при издании приказов и распоряжений по польским делам должны согласовывать свои действия с Польским комиссариатом [9] и т. д. Особое значение имел подписанный В. И. Лениным, Ю. Лещиньским, А. В. Луначарским, Г. И. Петровским декрет Совета Народных Комиссаров об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу [10].

Все декреты и действия Советского правительства по польскому вопросу наглядно говорили о том, что с победой социалистической революции в России польский народ впервые в своей

---

[6] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 1, лл. 15. 18.

[7] «Trybuna», 3 (16).XII 1917; «Правда», 6 (19).XII 1917.

[8] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 27, л. 49; «Газета Рабочего и Крестьянского правительства», 2 (15).I 1918.

[9] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 25, л. 95; «Газета Рабочего и Крестьянского правительства», 12 (25).XII 1917.

[10] «Газета Рабочего и Крестьянского правительства» 19.I (1.II) 1918.

Ю. Лещиньский (Ленский)

истории оказался перед лицом государственной власти, последовательно и всесторонне отстаивающей его интересы, его право на свободу и независимость.

К работе в Польском комиссариате и в образованном при нем совещательном органе — Совете революционно-демократических организаций — польские социал-демократы сумели привлечь ППС-левицу и ППС-«фракцию». Руководителем демобилизационного отдела комиссариата был назначен Людвик Пинкус, отдела военнопленных — Стефан Круликовский, военного отдела — Роман Лонгва, являвшиеся признанными лидерами организаций ППС-левицы в России. Работали в комиссариате Тадеуш Жарский и другие представители ППС-«фракции». Редактором официального органа Польского комиссариата — двухнедельника «Вядомосци комиссариату» — был социал-демократ Збигнев Фаберкевич, издавна сотрудничавший в большевистской печати. Несмотря на споры и трения, вызывавшиеся противодействием представителей других партий линии, осуществлявшейся польскими социал-демократами, комиссариат сумел все же развернуть огромную работу [11].

В Москве, Киеве, Харькове, Воронеже, Туле, Минске, Казани и других городах, где оказалось сосредоточенным польское население, были открыты польские комиссариаты, действовавшие на правах отделов местных Советов. Одной из ближайших задач всей системы польских комиссариатов являлась демократизация различных органов и учреждений, созданных до революции для опеки над беженцами. По данным польских буржуазных организаций для помощи беженцам, к концу 1917 г. под их опекой находились 748 тыс. беженцев, в том числе 52 тыс. стариков и нетрудоспособных женщин, 321 тыс. детей, а также 554 школы, 675 интернатов, 1035 детских садов и другие учреждения.

Много внимания комиссариат и его местные органы уделяли детям, обеспечению их хлебом, одеждой, обувью. С помощью прогрессивной части учительства комиссариат добивался отделения школы от церкви, улучшения школьных программ и т. п. Значительное содействие работе польских школ в России оказывали

[11] А. Манусевич. Из истории деятельности Польского комиссариата. — «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 149—206.

А. В. Луначарский и Н. К. Крупская. Работники польских комиссариатов помогали организации разного рода политических и профессиональных кружков и курсов для взрослых, создавали школы по ликвидации неграмотности. В Петрограде, Москве и Минске подготовлялось открытие польских народных университетов. Прилагая огромные усилия к политическому, общеобразовательному и специальному просвещению польских трудящихся, комиссариат руководствовался не только текущими, непосредственными нуждами и интересами, но и стремлением подготовить польских рабочих и крестьян к той деятельности, к которой им предстоит приступить по возвращении на родину.

Советское правительство, учитывая нужды беженцев, стремилось ускорить и облегчить их возвращение на родину. Уже на первом заседании Комиссии о гражданских и военных пленных, образованной из представителей Советского правительства и правительств Германии и ее союзниц, происходившем 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) в Петрограде, советская сторона предложила обсудить вопрос о пленных и о всех лицах, вывезенных из оккупированных областей [12]. Для лучшего представительства польских интересов советская сторона привлекла к работе в комиссии деятелей СДКПиЛ Ю. Уншлихта и Я. Фенигштейна (Долецкого). На пленарном заседании комиссии 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) советские делегаты предложили рассмотреть вопрос о возвращении в Польшу рабочих, насильственно увезенных в Германию, и беженцев, находившихся в России. Но германская сторона отказалась обсуждать эти предложения. Советская сторона занесла в протокол конференции заявление, что «германская делегация категорически отказалась обсуждать вопрос о поляках» [13]. Польский комиссариат обратился к комиссии с особой декларацией, в которой содержалось требование, чтобы Германия освободила всех насильственно вывезенных из оккупированных ею польских земель и чтобы все лица, проживавшие ранее на польских территориях, оккупированных Германией и Австро-Венгрией, и находящиеся в России, получили возможность возвращения на родину [14].

Советское правительство делало все от него зависящее не только для помощи польскому населению России, но и для справедливого решения польского вопроса. С самого начала мирных переговоров с Центральными державами Советское правительство отстаивало право Польши на свободу, независимость, единство. Польша, писала газета «Известия» на следующий день после открытия мирной конференции в Брест-Литовске, «должна включать в себя все части бывшего Польского государства, где преобладает польское население, и быть страной глубоко демократи-

[12] АВП СССР, ф. 413, оп. 1, д. 114, п. 8, л. 1.
[13] Там же, д. 116, п. 8, л. 2.
[14] «Wiadomości Komisarjatu», 20.II 1918.

ческой»[15]. Стремясь облегчить достижение всеобщего мира и демократическое решение польского и других вопросов, Советское правительство призывало правительства западных стран поддержать его позицию, высказаться, в частности, в пользу самостоятельности Польши. Но державы Антанты, не желая демократического окончания войны, не только не поддержали Советское правительство, но и развернули против него ожесточенную борьбу. Воспользовавшись этим, Германия предъявила в Бресте широкую аннексионистскую программу. Советское правительство упорно и последовательно боролось против захватнических требований Германии. Оно предоставило возможность сказать свое слово на Брестской конференции подлинным выразителям чаяний польского народа — в состав советской делегации были включены польские социал-демократы Ст. Бобиньский и К. Радек. 25 января (7 февраля) 1918 г. по требованию советской делегации слово на Брестской конференции получил заместитель руководителя Польского комиссариата Ст. Бобиньский. Так впервые в истории на межгосударственной конференции раздался голос деятеля, представлявшего эксплуатируемые классы польского народа; впервые за многие десятилетия Польша была представлена на международных переговорах.

Отметив в начале своего выступления, что на Брестской конференции в прениях по вопросу о Польше «не прозвучал еще голос непосредственно заинтересованной стороны, а именно голос польского народа»[16], Ст. Бобиньский огласил пространную декларацию. В этом документе отмечалось, что требования польского народа состоят в уничтожении национального гнета, устранении полицейских перегородок между тремя частями одной страны, предоставлении польскому народу возможности свободно устраивать свою жизнь. Оккупационные войска должны быть немедленно выведены из Польши; разрушенные области Польши должны быть восстановлены на средства международного фонда, собранного путем обложения имущих классов всех воюющих стран, вопрос о границах будет решен путем голосования и соглашения с заинтересованным в этом соседним населением — таковы были главные положения декларации, предъявленной на Брестской конференции польскими представителями, входившими в состав советской делегации. Польская декларация выражала волю не только польских делегатов и стоявших за ними трудовых масс — ее позиции всецело разделяло Советское правительство. В декларации отмечалось, что «только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа. . .»[17]

[15] «Известия ЦИК», 10 (23).XII 1917.
[16] «Trybuna», 17.II 1918.
[17] «Мирные переговоры в Брест-Литовске. Пленарные заседания, заседания политической комиссии», т. I. М., 1920, стр. 171—175,

Польская декларация на Брестской конференции была проникнута глубоким патриотизмом и интернационализмом. Ее положения имели огромное принципиальное значение, далеко выходившее за рамки собственно польских интересов.

Центральные державы не дали ответа на польскую декларацию. 27 января (9 февраля) они заключили договор с обанкротившейся контрреволюционной Украинской Центральной радой. По этому договору, открывавшему им путь к захвату Украины, Германия и Австро-Венгрия «уступали» Украине ряд польских земель.

В полных гнева статьях «Правда» и другие органы советской печати разоблачали преступный сговор Рады с империалистами Центральных держав как измену революции, предательство Украины и России и как новый раздел Польши [18]. ЦИК Советов заклеймил поведение делегации Украинской Центральной рады как акт измены и предательства и объявил недействительным договор, заключенный ею с Центральными державами [19].

Тотчас же вслед за подписанием договора с Украинской радой Германия и ее союзники потребовали от Советской республики принятия их условий мирного договора. Предъявляя ультиматум Советскому правительству, германские империалисты уповали не только на превосходство своей военной машины по сравнению с еще только зарождавшимися вооруженными силами пролетарского государства, но и на действия контрреволюционных элементов в тылу Советского государства, в частности на мятеж, поднятый польскими контрреволюционерами в Белоруссии.

В Белоруссии, как ни в какой другой части Российского государства, польское население было особенно многочисленным и территориально близким к собственно польским землям. Вместе с тем в Белоруссии были наиболее сильны позиции польских помещиков, здесь же были расположены части 1-го польского корпуса; в Минск после Октябрьской революции перебрался военный центр польской контрреволюции — Главный польский военный комитет (Начполь).

Польские интернационалисты в Белоруссии считали одной из своих важнейших задач работу среди солдат 1-го польского корпуса. Контрреволюционное командование корпуса стремилось изолировать солдат. Оно помешало выполнению приказов главнокомандующего Западным фронтом А. Ф. Мясникова о демократизации корпуса и избрании ротных, полковых и других комитетов. Когда польские интернационалисты Минска 4 (17) ноября 1917 г. приступили к изданию своей газеты «Правда» (вскоре она стала выходить под названием «Польска Правда»), генерал Довбор-Мусьницкий попытался было подчинить ее своей цензуре. Эта

---

18 «Правда», 1 (14).II, 2.III 1918 и др.

19 «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 462.

попытка окончилась неудачей. Но в то же время и местные органы Советской власти не имели достаточных сил для ликвидации политических и военных центров польской контрреволюции.

В этих условиях исключительное значение приобретала агитационная работа польских интернационалистов. Газеты «Трыбуна», «Правда» («Польска правда») популяризировали и разъясняли декреты Советской власти, перепечатывали публиковавшиеся центральной печатью статьи и речи В. И. Ленина, систематически разоблачали антипольскую политику стран Антанты и Центральных держав. «Польша принадлежит к числу наиболее пострадавших стран. Только принятие самим народом власти из рук прожорливой собственнической клики может спасти Польшу от полного обеднения и разорения», — ясно представляя себе перспективы развития родины, писала «Польска Правда» [20].

Задачам революционного авангарда польского народа в отношении социалистической революции в России и в отношении социального и национального освобождения самой Польши была посвящена I Всероссийская конференция групп СДКПиЛ в России, состоявшаяся 2—4 (15—17) января 1918 г. в Петрограде. На конференции были представлены только 12 партийных организаций — бо́льшая часть организаций не смогла в силу различных обстоятельств направить своих делегатов в Петроград. Важнейшим документом, принятым конференцией, являлись «Тезисы по польскому вопросу». Во многих отношениях этот документ показал, что, несмотря на величайшую революционную школу, которую польские социал-демократы проходили в рядах большевистской партии, руководство организаций СДКПиЛ в России не освободилось еще от люксембургианских представлений по национальному и крестьянскому вопросам, по вопросу о независимости Польши, по ряду текущих вопросов и, в частности, не занимало ленинской позиции по такому острому вопросу момента, как вопрос о возможности и допустимости мира между Советской страной и империалистическими хищниками. Сильную сторону «Тезисов по польскому вопросу» составляли свойственный им дух пролетарского интернационализма, солидарности с Советской властью и большевистской партией, революционный патриотизм, утверждение полного единства интересов всего польского народа как в бывшем Королевстве Польском, так и на землях, издавна находившихся под игом Германии и Австро-Венгрии, равно как и той части польских трудящихся, которая оказалась вне родных земель [21].

---

[20] «Polska Prawda», 16 (29).XII 1917.

[21] Подробнее см. А. Я. Манусевич. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти. — «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 183—189.

В принятом конференцией документе «Революция и польский пролетариат» подчеркивалось, что победа Октябрьской революции «открыла всему миру эру непосредственной борьбы за социализм, эру международной социалистической революции»[22]. В других своих решениях конференция отметила задачи в отношении Польского комиссариата, неустойчивость позиции ППС-левицы, национализм ППС-«фракции», опасность замыслов польской буржуазии, стремящейся создать из будущей независимой Польши охранный вал против русской революции, необходимость борьбы с клерикально-националистическим влиянием на беженцев, польских солдат в России, и т. д. Завершая процесс организационного строительства польских социал-демократических организаций в России, конференция приняла устав групп СДКПиЛ в России. Устав определял, что членом группы является каждый, «кто принадлежит к РСДРП (большевиков), стоит в польском вопросе на позиции СДКПиЛ, признает настоящий устав и платит членские взносы»; члены группы образуют польские секции при местных организациях РСДРП, посылают своих представителей в комитеты большевистской партии; руководство польской социал-демократией в России осуществляет ЦИК, избираемый конференцией. В состав ЦИК групп СДКПиЛ в России конференция избрала Ф. Дзержинского, Ю. Лещиньского, Ст. Будзыньского, Т. Магжика, Ст. Бобиньского, Ю. Уншлихта, Я. Фенигштейна, кандидатами в члены ЦИК групп — Э. Прухняка, З. Фаберкевича, Ст. Лазоверта[23].

Являясь неизменными участниками всей деятельности большевиков и Советской власти, видные польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Фр. Гжельщак, Ю. Уншлихт были по спискам большевистской партии избраны депутатами Учредительного собрания[24]. Вместе со всеми депутатами-большевиками они ушли с заседания Учредительного собрания.

Спустя несколько дней, 10 (23) января 1918 г., Ю. Лещиньский в приветственной речи от имени польской социал-демократии пожелал успехов в работе II съезду Советов[25]. С приветствиями съезду выступили также деятели швейцарской, румынской, шведской, норвежской социал-демократии, Британской социалистической партии, американец Джон Рид и др. Съезд Советов, среди делегатов которого находился также чешский интернационалист Л. Кольман, одобрил внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства, утвердил «Декларацию прав народов России» и принял решение, что Российская социалистиче-

---

[22] «Trybuna», 22.I (4.II) 1918.
[23] «Trybuna», 26.I (8.II) 1918.
[24] «Всероссийское Учредительное собрание». М.—Л., 1930, стр. 119, 120 и др.
[25] «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 16.

ская республика учреждается как федерация советских республик. В составе ВЦИК, избранного съездом, среди 160 большевиков были польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн, Фр. Гжельщак[26].

Идя вместе с большевиками, польские социал-демократы в России вместе с тем обнаруживали непонимание ленинской позиции в вопросе о необходимости заключения сепаратного и аннексионистского мира, навязывавшегося Советскому правительству на переговорах в Бресте Германией и союзниками. На III съезде Советов ЦИК групп СДКПиЛ огласил декларацию, в которой категорически высказывался против всякого компромисса с империализмом и призывал дать ему достойный революционный отпор[27]. Эта позиция, развивавшаяся далее во многих статьях «Трыбуны» и выступлениях руководящих деятелей польской социал-демократии, сближала позицию СДКПиЛ в России по вопросу о мире и войне с позицией «левых коммунистов». Однако в отличие от последних польские социал-демократы не скатывались до заявлений о предпочтении гибели Советской власти несправедливому миру, до противопоставления себя ленинскому ядру ЦК и всей большевистской партии. Они никогда демагогически не спекулировали, как это делали и «левые коммунисты», и лидеры ППС-левицы, и ППС-«фракции», и другие колеблющиеся и непоследовательные элементы, на том, что заключение грабительского мира лишит польский народ возможности тотчас и непосредственно утвердить свою независимость, основы которой заложила Октябрьская революция. Заблуждаясь в вопросе о мире и революционной войне, польские социал-демократы оставались истинными революционерами и интернационалистами. Своим первым делом они считали всестороннее содействие упрочению Советской власти.

В развитии Советского государства, в деятельности большевистской партии все большее значение приобретали задачи формирования вооруженных сил, способных отстоять и упрочить дело революции. Передовая часть польских интернационалистов принимала энергичное участие в начавшемся строительстве Красной Армии. В составе ряда красногвардейских отрядов, отрядов революционных матросов и солдат в Красную Армию вливались многие выходцы из польских земель.

Безоговорочно поддерживая действия Советской власти, направленные к укреплению ее вооруженных сил, польские социал-демократы довольно долго отрицали целесообразность существования в составе интернациональной по своему характеру Красной Армии национальных подразделений и частей. Преодолевая отрицательное отношение к польским революционным формирова-

---

[26] «Правда», 21.I (3.II) 1918.
[27] «Третий Всероссийский съезд Советов...», стр. 92—93.

ниям, обусловленное тем, что весьма часто национальная форма использовалась контрреволюцией в своих целях, польские интернационалисты Белоруссии уже в ноябре 1917 г. выступили за создание польских революционных отрядов. Вскоре в Минске в составе 1-го Революционного полка им. Минского Совета рабочих и солдатских депутатов был образован польский революционный батальон.

Ст. Гельтман

Большую организационную и политическую работу по формированию польских революционных частей провели при помощи местных большевистских и советских органов народный комиссар по делам национальностей Западной области и фронта Ст. Берсон, комиссар по польским делам Ст. Гельтман и руководитель военного отдела Польского комиссариата в Минске В. Дашкевич [28].

Польские революционные формирования складывались и в других городах. Но Польский комиссариат с крайней настороженностью относился к ним. Его позиция в этом вопросе определялась не только недооценкой польскими социал-демократами национальных форм общественных, военных и других организаций, но и опасением, что национальные военные формирования могут с большей легкостью, чем интернациональные, оказаться под влиянием польских националистов. Такие опасения порождали не только положение в польских корпусах, сформированных при поддержке Временного правительства, но и результаты съезда левых кругов военнослужащих-поляков и события, ареной которых в декабре 1917 г. стал Белгородский полк.

Съезд левых кругов военнослужащих-поляков, состоявшийся в Петрограде 30 ноября—6 декабря (13—19 декабря) 1917 г., решительно отверг все предложения, навязывавшиеся ему открытыми врагами Советской власти. В то же время позиция социал-демократов, в особенности их безоговорочное осуждение политики Регентского совета — марионеточного органа власти, образованного австро-германскими оккупантами в Варшаве, не встретила поддержки большинства участников съезда [29], которое в этом вопросе пошло за пилсудчиками, за лидерами ППС-«фракции»,

[28] St. Heltman. Robotnik Polski w Rewolucji Październikowej na Białorusi. Mińsk, 1927, str. 66.
[29] «Trybuna», 10 (23) XII 1917.

утверждавшими, что Регентский совет является органом, способным отстаивать подлинные интересы польского народа.

О том, что элементы, не стоящие на платформе Советской власти, пользуются еще заметным влиянием даже в наиболее революционных польских частях, говорили и события, произошедшие в Белгородском полку. Не разобравшись в националистическом и контрреволюционном характере Украинской центральной рады, полковой и ротные комитеты отказались выполнить приказ революционного военного командования об отправке ряда батальонов на борьбу против войск Рады. Последовавший затем конфликт между революционным командованием и полком раздувался все еще находившимися в полку контрреволюционными офицерами и другими враждебными Советской власти элементами. Во время этого конфликта провокаторами был убит выборный командир полка — поручик Мечислав Яцкевич [30].

По инициативе Московской группы СДКПиЛ командование Московского военного округа решило перевести полк из Белгорода в Москву [31]. 6 (19) января 1918 г. до 12 тыс. солдат и офицеров полка прибыли в Москву [32] и разместились в Александровских казармах. Начались демобилизация желающих и очищение полка от неустойчивых и вражеских элементов. Разрабатывались планы создания на базе полка бригады, которой предполагалось присвоить имя Тадеуша Костюшко [33]. Но многие события помешали осуществлению этих планов. Первым по времени в ряду этих событий был мятеж, поднятый командованием 1-го польского корпуса. Корпус пользовался широкой материальной поддержкой империалистов Антанты, русской и польской контрреволюции, был связан с украинскими и белорусскими буржуазными националистами, лидерами чехословацких буржуазно-националистических кругов в России. Объявив 11 (24) января 1918 г. войну Советской власти в соответствии с планами антантовских империалистов, командование корпуса в то же время в тайне от своих западных союзников вступило в сговор с германским командованием. Переход на сторону Германии, затевавшийся командованием корпуса, был порожден страхом перед Советской властью и обнаружившимся сразу же после начала мятежа развалом корпуса [34].

---

[30] Останки М. Яцкевича были перевезены в специальном вагоне в Москву и похоронены с воинскими почестями.

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 57.

[32] Еще до переезда полка многие солдаты и офицеры были уволены в долгосрочный отпуск (ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 7, л. 101).

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 64; Wl. Glinka. Pamiętnik z Wielkiej Wojny, t. III. Warszawa, 1924, str. 210.

[34] См. А. Я. Манусевич. Борьба Советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России. — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXV. М., 1962, стр. 29 и др.

Некоторые части и подразделения корпуса с самого начала мятежа отказались выполнять приказ контрреволюционных генералов. Не только польские социал-демократы, но и ряд групп ППС-левицы, московская, витебская, могилевская и другие секции ППС-«фракции», многие союзы поляков-военнослужащих осудили организаторов и руководителей мятежа. Солдаты бывшего Белгородского полка призвали солдат 1-го польского корпуса покинуть его ряды и направили группу своих представителей во главе с социал-демократом В. Сцибором для ведения разъяснительной работы среди мятежников [35].

Мятеж 1-го польского корпуса находился накануне полного провала, когда после авантюристического и преступного срыва Троцким мирных переговоров в Бресте Германия и ее союзники днем 18 февраля 1918 г. начали наступление. Остатки корпуса сомкнулись с немецкими захватчиками. Германское командование в оплату заслуг командования корпуса выделило ему в управление часть территории Белоруссии, где сразу же были восстановлены буржуазно-помещичьи порядки. В мае 1918 г. германское командование разоружило и расформировало остатки 1-го польского корпуса.

После начала немецкого вторжения Совет Народных Комиссаров обратился к народу с написанным В. И. Лениным воззванием «Социалистическое отечество в опасности!» Для отпора немецкому нашествию вместе с другими защитниками Советской власти поднялись все польские интернационалисты. 24 февраля в Доме Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Петрограде собралась Петроградская группа СДКПиЛ, чтобы обсудить свои задачи в связи с «походом империализма против революции». ЦИК групп СДКПиЛ в России обратился к польским рабочим: «Вставайте в ряды Красной Армии, берите оружие и бейте врага!» [36] 22 и 23 февраля «Трыбуна» поместила напечатанный огромными буквами призыв: «К оружию! Революция в опасности! Польский рабочий люд умеет бороться и погибать за свободу! Станем все в первых рядах революционной армии!» [37]

В эти дни со страниц «Трыбуны» раздался поэтический призыв к оружию, к защите революции:

Штыки примкнуть! Под флаг червонный,
Пусть кровь горячая кипит.
На бой, рабочих батальоны!
Пусть песнь свободная звучит... [38]

Сотни и сотни польских рабочих и солдат вступали в ряды Красной Армии. Комиссаром одного из отрядов, двинутых против

[35] «Правда», 31.I (13.II) 1918; AZHP, Wspomnienia, t. 6804.
[36] «Trybuna», 23, 28.II 1918.
[37] «Trybuna», 22, 23.II 1918.
[38] «Trybuna», 20.III 1918.

оккупантов, был назначен Ромуальд Муклевич [39], инспектором (командующим) артиллерии так называемой Донецкой республики стал член СДКПиЛ с 1910 г. Феликс Леонардо-Шелига [40]; во 2-й Макеевский отряд вступил рабочий Юзеф Ярош [41]; на фронт отправился один из героев октябрьских боев в Замоскворечье Михал Кжеминьский [42]. Во 2-й Московский советский полк вошел составленный из бывших белгородчиков кавалерийский отряд в 600 человек. Командиром отряда был назначен капитан Петр Боревич, учитель из Лодзи, призванный в армию в 1914 г. и ставший после Февральской революции членом СДКПиЛ. Его отряд, получивший затем название «Победа», нанес тяжелый удар немецким оккупантам под Курском [43].

22 марта на базе бывшего Белгородского полка завершилось формирование новой воинской части Красной Армии — 1-го Революционного полка Красной Варшавы [44]. Свое название (полк назывался также Красным полком революционной Варшавы) полк получил согласно воле бойцов — в значительной части уроженцев Варшавы и Варшавской губернии. Командиром полка вскоре же стал поручик Ст. Жбиковский, недавно еще изучавший математику в Варшавском университете [45].

В ночь с 11 на 12 апреля отряд, сформированный из солдат полка, участвовал в проводившейся ВЧК ликвидации анархо-бандитских очагов в Москве. Погибшие в этой операции А. Гадомский и Ф. Барасевич были торжественно похоронены на Красной площади. Выступая перед прибывшими на траурный митинг трудящимися и воинскими частями, Ст. Бобиньский призывал продолжать дело, за которое пали еще два товарища, и еще больше крепить нерушимый союз русского и польского пролетариата [46].

По утверждению участника событий Юзефа Подсядло, захоронение на Красной площади погибших бойцов полка Красной Варшавы было проведено по предложению В. И. Ленина [47].

Огромная тревога, охватившая все революционные и демократические элементы в связи с германским нашествием, вызвала подъем интернационалистского движения среди поляков-военнопленных. Принимая участие во всех действиях военнопленных-интернационалистов, польские военнопленные-интернационалисты

---

39 AZHP, Wspomnienia, t. 7891.
40 ГАОРСС МО, ф. 2185, оп. 1, д. 655.
41 AZHP, Wspomnienia, t. 8418.
42 ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, д. 645.
43 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 65; «Kalendarz Komunistyczny na rok 1920». Moskwa, 1920, str. 61; «Trybuna», 1.V 1918.
44 ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 1, лл. 1—3.
45 «Z pola walki», 1960, № 2 (10), str. 85.
46 «Trybuna», 17.IV 1918.
47 «Z pola walki», 1958, № 1, str. 153.

Братская могила на Красной площади в Москве, где 16 апреля 1918 г. были похоронены А. Гадомский и Ф. Барасевич

также организовывались. У них сложился комитет военнопленных-коммунистов, приступивший к изданию в Москве своей газеты.

Помимо 1-го Революционного полка Красной Варшавы, на базе бывшего Белгородского полка были сформированы Отдельная сводная караульная дружина, предназначавшаяся для несения гарнизонной службы в Москве, эскадрон мазовецких улан и ряд других подразделений и отрядов. Вслед за 1-м польским революционным батальоном, входившим в состав 1-го Революционного полка им. Минского Совета, из бывших солдат 1-го польского корпуса зимой 1918 г. был сформирован 2-й польский революционный батальон [48]; в Витебске действовал польский революционный дивизион, насчитывавший весной 1918 г. до 690 бойцов [49]. Польские по основному своему составу части и подразделения Красной Армии имелись также в Петрограде, Туле, Воронеже, Борисоглебске, Нижнем Новгороде и других городах [50]. Своего рода признанием боевого значения польских

---

[48] А. Е. Антонов. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 г. — «Военно-политическая ордена Ленина академия Красной Армии им. В. И. Ленина. Труды академии», сб. IV. М., 1940, стр. 65.

[49] «Sprawa Żołnierska», 21.I (3.II) 1918.

[50] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1610, л. 16—16 об.; ф. 3935, оп. 1, д. 3, л. 17 и др.; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 342.

формирований Красной Армии явилось то, что 1-й Революционный полк Красной Варшавы участвовал в состоявшемся 1 мая 1918 г. в Москве первом военном параде Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На параде присутствовал В. И. Ленин. Как писала «Правда», «с блеском, щеголевато прошли польские части» [51].

С первых же шагов строительства Красной Армии значительная часть польских интернационалистов принесла ей свой революционный энтузиазм, боевой и политический опыт.

2. Выход Советской республики из империалистической войны и польские интернационалисты

С начала германского нашествия вопрос о войне или мире стал вопросом самого существования Советского государства. В. И. Ленин требовал немедленного вступления в переговоры с Германией, подписания тяжелого и унизительного мира [52]. «Теперь нет возможности ждать, — говорил он. — Это значит сдавать русскую революцию на слом» [53]. Большинство руководителей СДКПиЛ в России стояло на позиции революционной войны. Однако многие ее видные деятели — Ст. Будзыньский, Зб. Фаберкевич, К. Циховский, Ст. Берсон и другие, ее Омская, Царицынская и другие группы разделяли ленинскую позицию. Польские социал-демократы — участники VII съезда большевистской партии, проходившего 6—8 марта 1918 г. в Петрограде, — Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Я. Фенигштейн, Зб. Фаберкевич — по вопросу о мире на съезде не выступали. В своей речи по докладу В. И. Ленина о пересмотре программы и названия партии Я. Фенигштейн выдвинул предложения, одобренные съездом: создать комиссию для доработки программы большевистской партии и единогласно одобрить ленинское предложение впредь называть партию Российской коммунистической партией (большевиков) [54]. Съезд опять избрал Ф. Дзержинского в ЦК партии [55].

Во время работы IV Чрезвычайного съезда Советов, состоявшегося 14—16 марта в Москве и принявшего решение о ратификации Брестского мира и тем самым завершившего борьбу В. И. Ленина и большинства ЦК партии за мирную передышку, ни ЦИК СДКПиЛ, ни «Трыбуна» уже не пытались противопо-

---

[51] «Правда», 3.V 1918.
[52] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 194—199.
[53] Там же, стр. 201.
[54] «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд». М.—Л., 1928, стр. 188—189.
[55] Там же, стр. 177.

ставить ленинской линии свою установку на революционную войну. Что же касается руководства ППС-«фракции» и ППС-левицы в России, то они продолжали занимать авантюристические позиции. ППС-«фракция», действуя в единстве с эсерами и меньшевиками, требовала политики «революционной войны»[56]. Призывая к защите Советской власти от германского империализма, как это в марте 1918 г. сделала III конференция секций ППС-левицы в России[57], ее лидеры в то же время утверждали, что революция в России якобы руководствуется партикуляристской, провинциальной крестьянской идеологией[58].

В обстановке резкого обострения классовой борьбы в стране, наступившего вслед за германским нашествием, начавшейся антантовской вооруженной интервенции и активизации внутренней контрреволюции, усилились разногласия между различными течениями польских интернационалистов. Деятели ППС-«фракции», участвовавшие в работе Польского комиссариата и Совета революционно-демократических организаций, при поддержке деятелей ППС-левицы предприняли ряд попыток, направленных к вытеснению социал-демократов с руководящих позиций в комиссариате и отделению самого комиссариата от Советского правительства. В борьбе вокруг вопроса о прерогативах Совета революционно-демократических организаций и роли Польского комиссариата, затеянной ППС-«фракцией» и лидерами ППС-левицы, нашел одно из своих выражений отход мелкобуржуазных и колеблющихся элементов от Советской власти. В середине апреля межпартийное сотрудничество в Польском комиссариате распалось[59]. Оставив свои посты, представители ППС-«фракции» практически полностью перестали сотрудничать с Советской властью. Правда, отдельные деятели этой партии не последовали за раскольниками. То же следует сказать и о ППС-левице с той лишь разницей, что ее отход от Советской власти оказался сравнительно непродолжительным и сопровождался бурной внутрипартийной борьбой, результатом которой был полный переход этой партии на позиции диктатуры пролетариата.

Между тем вся специальная многосторонняя революционная работа среди польского населения, проводившаяся Польским комиссариатом и его местными органами, легла на польских социал-демократов.

Одним из последствий германской интервенции явилось то, что значительная часть польских беженцев и других выходцев из Польши оказалась на оккупированной территории. К весне 1918 г. у границы с оккупированными областями скопилось до

---

56 «Głos Robotnika i Żołnierza», 1.V 1918.

57 «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 325—328.

58 «Robotnik w Rosji», marzec 1918.

59 «Trybuna», 13.IV 1918; «Petrogradzki głos robotnika», 1.V 1918.

300 тыс. беженцев[60], которые в связи с заключением Брестского мира надеялись быстрее вернуться на родину. Германские власти, опасаясь массового перенесения «большевистской заразы» в Польшу, не пропускали на запад не только беженцев, скопившихся в «приграничной» зоне, но и беженцев, находившихся на оккупированных территориях Украины и Белоруссии. Активизировали свои происки среди польских беженцев, солдат-поляков и других групп польского населения различные контрреволюционные элементы. Положение осложнило и то обстоятельство, что, опираясь на поддержку германского правительства и его представительства в Советской республике, явочным порядком в Москве в марте 1918 г. развернуло деятельность представительство Варшавской Регентской рады.

Советской власти, Польскому комиссариату приходилось прилагать огромные усилия, чтобы прокормить и уберечь от эпидемий беженцев, собравшихся у «пограничных» станций, и удержать других беженцев от неподготовленного и преждевременного отъезда из мест временного расселения. Работа по демобилизации, трудоустройству, реэвакуации, помощи бывшим военнопленным, выявлению вывезенных из Польши предприятий и ценностей, борьба с польской контрреволюцией, всесторонняя помощь Советской власти, содействие ей в формировании Красной Армии, в борьбе с разрухой, в создании продовольственных отрядов составляли основное содержание деятельности Польского комиссариата и всего передового отряда польских трудящихся — социал-демократии.

Польские социал-демократы в подавляющем большинстве вопросов поддерживали позицию большевистской партии. Они вели упорную работу по политическому просвещению и организации польских трудящихся масс в России. Ставшая с февраля 1918 г. ежедневной газетой, «Трыбуна» являлась энергичным проводником идей революции и интернационализма. В связи с переносом издания этой газеты в Москву в Петрограде начала выходить местная польская интернационалистская газета «Справа роботнича». В Москве же продолжалось издание органа Польского комиссариата — двухнедельника «Вядомосци комисарьяту»; стал выходить орган Союза польской социал-демократической молодежи — «Глос вольных»; большими тиражами издавались брошюры; отдельные группы СДКПиЛ — в Казани, Самаре, Царицыне — выпускали листовки по самым актуальным вопросам момента.

Вместе с большевиками, под их руководством польские социал-демократы добивались сплочения интернационалистских элементов в международном рабочем движении. Представитель СДКПиЛ Я. Фенигштейн участвовал в происходившем в Петро-

60 «Wiadomości Komisarjatu», 30.VI 1918.

граде в январе 1918 г. предварительном совещании представителей революционного крыла социалистических партий Швеции, Норвегии, Британской социалистической партии, Американской социалистической партии, партии большевиков и др.[61]

Движение за активную поддержку Советской власти охватило и военнопленных-поляков, служивших ранее в австрийской и германской армиях. Представители интернационалистских кругов поляков-военнопленных приняли участие в состоявшейся в Москве 14 марта 1918 г. конференции интернационалистов-военнопленных[62].

Вскоре после этой конференции, 30 марта 1918 г., в Москве начала выходить новая еженедельная газета на польском языке — «Интернационалиста». «Вступайте в боевые отряды революционной Красной Армии», — под таким призывом вышел первый номер еженедельника[63]. Газета сначала выходила как орган комитета военнопленных коммунистов, а затем как орган Польской группы эмигрантов при РКП(б). Но существование особой организации польских коммунистов из бывших военнопленных при наличии организаций СДКПиЛ, входивших в состав РКП(б), было нецелесообразным. Поэтому польские интернационалисты из числа военнопленных и других лиц, не состоявших ранее в русском подданстве, сплачивались в составе групп СДКПиЛ, а издание газеты «Интернационалиста» было в конце мая 1918 г. прекращено.

Для обсуждения новых задач, исправления ряда допущенных ранее ошибок 12—14 мая в Москве была проведена II конференция групп СДКПиЛ в России. В отчетном докладе, сделанном от имени ЦИК польских социал-демократических групп Ю. Лещиньским и Э. Прухняком, была предпринята попытка оправдать позицию, занимавшуюся ЦИК по вопросам мира и войны[64].

Выступившие на конференции К. Циховский, Ст. Берсон, Зб. Фаберкевич и другие резко критиковали линию и практическую деятельность ЦИК групп польской социал-демократии. «В вопросах войны правда находилась на стороне Ленина», — заявил участник конференции Домбровский[65]. Обстоятельный доклад о реэвакуации беженцев сделал председатель Центропленбежа Ю. Уншлихт. Хотя в докладе Ст. Бобиньского о польских воинских соединениях наряду с повторением типичной для СДКПиЛ позиции о недопустимости создания национальных частей признавалась возможность существования частей, подобных 1-му Революционному полку Красной Варшавы, в которых польские солдаты составляли большинство, конференция в своей резо-

[61] «Правда», 30.I (12.II) 1918.
[62] «Правда», 17.III 1918.
[63] «Internationalista», 30.III 1918.
[64] «Trybuna», 15.V 1918.
[65] «Trybuna», 24.V 1918.

люции высказалась против создания отдельных польских боевых единиц в составе Красной Армии[66]. Но это не помешало тому, что конференция бурно приветствовала Ст. Жбиковского, заверившего польских социал-демократов, что полк Красной Варшавы по примеру части П. Боревича готов по первому зову Советской власти идти на борьбу с врагами революции.

В работе конференции отразился процесс идейно-политического роста авангарда польских интернационалистов—социал-демократов, но в решениях конференции, в частности по вопросу о текущем моменте, еще проявлялась живучесть взглядов, характерных для «левых» коммунистов[67]. В новый состав ЦИК групп СДКПиЛ в России были избраны Ю. Лещиньский, Ст. Бобиньский, Ю. Уншлихт, Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн, Э. Прухняк, Ст. Будзыньский, кандидатами в члены ЦИК — С. Пшедецкая, С. Лазоверт, Бр. Весоловский, М. Броньский[68].

В практической своей деятельности польская социал-демократия в России не жалела усилий для укрепления Советской власти, борьбы за претворение в жизнь ленинского плана приступа к построению социализма. Однако осуществление этого плана срывалось врагами революции.

3. В пору заговоров и мятежей

Советское государство постепенно оказывалось в кольце фронтов. Опираясь на интервентов, активизировалась вся внутренняя контрреволюция. Польские контрреволюционные элементы формировали свои отряды, участвовали в антисоветских мятежах и заговорах. Даже в Москве ими был сформирован в основном офицерский по составу полк, которому для маскировки дали имя сподвижника Т. Костюшко — крестьянина Бартоша Главацкого. Полк был разоружен и расформирован советскими органами. В апреле ВЧК арестовала одну из групп польских контрреволюционных заговорщиков во главе с М. Лютославским[69]. Вскоре была пресечена деятельность еще одного польского контрреволюционного центра, действовавшего в контакте с главой французской военной миссии генералом Лавернем и с чехословацкими заговорщиками[70].

Весной 1918 г., протестуя против антипольской политики Центральных держав, 2-я Карпатская бригада австрийской армии повернула фронт, прорвалась с боем на советскую территорию в районе расположения 8-й армии Юго-Западного фронта. Револю-

[66] «Trybuna», 31.V 1918.
[67] «Правда», 7.VI 1918.
[68] «Trybuna», 31.V 1918.
[69] «Известия ВЦИК», 4.V 1918.
[70] «Известия ВЦИК», 4.X 1918.

ционное командование 8-й армии приветствовало и поддержало перешедшую бригаду[71]. Вскоре бригада объединилась с частями формировавшегося 2-го Польского корпуса, командование которым перешло к командиру бригады Юзефу Галлеру.

После германского вторжения на Украину 2-й польский корпус начал отходить на восток. Его командование вело одновременно секретные переговоры с германским оккупационным командованием в Киеве.

Делегация, направленная командованием корпуса в Москву, посетила Я. М. Свердлова и И. В. Сталина. Я. М. Свердлов предложил делегации вступить в переговоры с Польским комиссариатом. Хотя делегаты и встречались со Ст. Бобиньским, но их больше интересовали секретные контакты с антантовскими дипломатами, находившимися в Москве, и центрами польской контрреволюции[72].

В разгар переговоров пришло известие, что 11 мая немецкие войска разгромили 2-й польский корпус, находившийся к тому времени в районе Канева.

Многие офицеры и солдаты корпуса сумели избегнуть плена и перебраться на советскую территорию. В Москву тайно прибыл и генерал Галлер. Действовавший здесь польский контрреволюционный центр, находившийся в тесном контакте с французской военной миссией, назначил Галлера военным руководителем польских националистических вооруженных сил[73]. С помощью большой и разветвленной конспиративной сети Галлер и его ближайшие помощники начали стягивать отдельные группы польских солдат и офицеров в Вологду, Ярославль, Нижний Новгород, Мурманск. Но ВЧК и польские интернационалисты сумели помешать этим приготовлениям.

Организуя отпор своим многочисленным врагам, Советская власть была вынуждена лавировать, отступать, выжидать, продолжая изо всех сил свою военную подготовку[74]. Удары, падавшие на Советскую республику, вместе со всем народом испытывали на себе и польские трудящиеся. От рук контрреволюционеров продолжало гибнуть немало польских интернационалистов. В частности, в Крыму белогвардейцы расстреляли председателя Симферопольского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов, члена СДКПиЛ с 1898 г. Яна Тарвацкого и комиссара внутренних дел Таврической Советской Республики, члена СДКПиЛ с 1906 г. Станислава Новосельского[75]. Серьезный урон понесли группы СДКПиЛ Киева, Одессы, Луганска, Харькова и в других оккупированных местностях, продолжавшие в составе

---

[71] ЦГВИА, ф. 7947, оп. 2, д. 103, л. 10.
[72] AZHP, Rada Polska Zjednoczenia Międzypartyjnego», 392/5, k. 82—88.
[73] Archiwum Akt Nowych w Warszawie. KNP, Dz. II, t. 59, k. 64—65.
[74] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 323.
[75] «Trybuna», 10.V 1918.

большевистских организаций борьбу против захватчиков и их ставленников — гетмана Скоропадского на Украине, атамана Краснова на Дону и др.

В короткий срок было завершено формирование 1-го Революционного полка Красной Варшавы. Приведенный в полную боевую готовность полк 11 мая 1918 г. принес присягу на верность революции, борьбе за свободу своего и всех народов[76]. Особое, символическое значение принесению присяги придавал тот факт, что торжественная церемония происходила на территории одной из цитаделей пролетариата Москвы — на заводе Михельсона. Бойцы и командиры полка, казармы которого находились недалеко от завода, часто посещали собрания рабочих, бывали на заводских митингах. Здесь они, как вспоминает боец-варшавянин Юзеф Подсядло, слушали выступления В. И. Ленина[77].

Антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса, вспыхнувший в конце мая, резко ухудшил положение Советской республики. Обширные территории Поволжья, части Урала, Сибири и Дальнего Востока оказались во власти мятежников, белогвардейцев и полностью скатившихся в лагерь контрреволюции эсеровских и меньшевистских правительств. Войска английских империалистов вторглись в Туркестан и Закавказье. Вместе с российской контрреволюцией и антантовскими интервентами выступали их польские союзники. Были они и в составе мятежного чехословацкого корпуса; в августе в захваченной мятежниками Самаре состоялся даже съезд представителей различных польских контрреволюционных организаций, проходивший при участии представителей французской и английской военных миссий и чехословацкого командования. Съезд призвал к созданию «польской армии» в Поволжье и Сибири[78].

Но в тылу врага вместе с другими революционерами сражались против мятежников и интервентов польские партизаны, красногвардейцы, красноармейцы. Польские интернационалисты стали деятельнейшими участниками революционного подполья.

Летом и осенью 1918 г. Восточный фронт оказался главным фронтом борьбы Советского государства за свое существование, за спасение социалистической революции.

Вместе с представителями национальных коммунистических групп, составлявших Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б), Ст. Бобиньский от имени СДКПиЛ подписал обращение об отправке на противочехословацкий фронт всех членов групп, присутствие которых не является необходимым в Москве или в других тыловых городах[79]. Польские социал-демократы способ-

---

[76] ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 13, л. 10.

[77] J. Podsiadło. W szeregach Rewolucyjnego pułku Czerwonej Warszawy. — «Z pola walki», 1958, № 1, str. 152.

[78] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 699, лл. 1—2.

[79] «Правда», 16.VI 1918.

ствовали включению в вооруженные силы революции всех, готовых ее защищать. Совместно с Е. М. Ярославским и Б. Рейнштейном Ст. Жбиковский — командир 1-го Революционного полка Красной Варшавы выступил с публичной лекцией об интернациональных отрядах, их задачах и целях [80].

Варшавский полк продолжал крепнуть и развиваться. Из его состава постоянно выделялись караульные команды для особо ответственной в условиях жестокого голода и массового бандитизма охраны продовольственных грузов, реквизиции запасов продовольствия, находившихся у частных организаций и лиц. Один за другим полк формировал отряды и направлял их на боевые участки. Так, 2-я рота полка под командованием инструктора Марьяна Ковальского была направлена на укрепление советских сил в Курск [81], находившийся под угрозой захвата немецкими войсками; отряд под командованием Романа Эйненкеля в борьбе с кулацким мятежом восстанавливал Советскую власть в Талдомском уезде Московской губернии [82]; в начале июня после выполнения этого задания тот же Эйненкель во главе роты Варшавского полка был направлен на фронт в район Астрахани [83]; вслед за тем 200 бойцов полка во главе с инструктором Шпаком и комиссаром В. Сцибором направились на подавление контрреволюционного мятежа в район Усмани [84], а гусарский эскадрон был послан в Тамбов [85] и т. д. Вместе с тем полк непрерывно пополнялся. В частности, 1 июня в состав полка были включены в качестве отдельного батальона остатки прибывшего в Москву 1-го польского пехотного полка советских войск армии южных республик [86]; в полк определялись добровольцы из солдат, беженцев и т. п.; принимались также желающие из бывших военнопленных, а равно и те из легионеров бывших 1-го и 2-го польских корпусов или солдат, вовлеченных в другие контрреволюционные формирования, которые переходили на сторону революции. Хотя основное ядро полка составляли поляки, с самого начала полк складывался как интернациональная по составу часть. Помимо русских и уроженцев земель, соседних с Польшей, в полк зачислялись югославяне [87]; еще в мае в полк было принято 90 китайцев [88]; позднее в полку были сформированы мусульманский взвод [89] и Восточный китайский батальон [90]. В полку служили

---

80 «Правда», 6.VI 1918.
81 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 73.
82 ГАОРСС МО, ф. 73, оп. 2, д. 151, л. 133.
83 ЦГАСА, ф. 1458, оп. 1, д. 3, л. 107.
84 ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 9, л. 883.
85 Там же, д. 1, л. 179.
86 Там же, д. 12, л. 26.
87 Там же, д. 9, л. 219.
88 Там же, лл. 323, 326.
89 Там же, д. 12, л. 168.
90 Там же, д. 9, лл. 799—801.

корейцы[91], а также евреи, итальянцы, австрийцы, словаки, чехи[92] и др. В конце апреля в полку насчитывалось 573 человека, в конце мая — 703, в июле — 1115[93], в начале августа — 1799 человек[94]. Среди 31 лица командного состава полка, начиная от инструкторов-командиров рот и выше, 10 человек были членами СДКПиЛ, 1 — членом ППС-«фракции», 1 — членом ППС-левицы, 19 — беспартийными[95]. Всего в полковой группе польской социал-демократии в июле состояло несколько более 30 человек[96]. Сравнительно малочисленная группа СДКПиЛ, к которой принадлежали командир полка Ст. Жбиковский и комиссар полка Ст. Бобиньский, оказывала решающее влияние на морально-политический облик всей части. Военный комиссариат Замоскворецкого района аттестовывал полк как самую дисциплинированную воинскую часть, на которую «можно возлагать самые трудные и ответственные задачи по борьбе с врагами Рабоче-Крестьянской власти»[97]. В полк постоянно сообщались все новости, поступавшие с берегов Вислы. По возвращении в Москву из нелегальной поездки по партийным делам на родину Ст. Будзыньский 28 июня выступил перед красноармейцами полка и рабочими завода Михельсона с докладом о положении в Польше[98]. На этом же митинге, собравшем более 4 тыс. человек, с речью о гражданской войне выступил В. И. Ленин[99]. Участники митинга приняли резолюцию, одобрявшую постановление Московского Совета от 25 июня об исключении навсегда из Совета меньшевиков и эсеров (правых и центра), ставших явными предателями рабочего дела.

Но лидеры и левых эсеров, саботируя политику Советской власти в отношении контрреволюционного кулачества, пропагандируя планы срыва Брестского договора и войны с Германией, все больше противопоставляли себя большевикам, революции. 6 июля во время работы V Всероссийского съезда Советов левые эсеры организовали убийство германского посла в Советской России графа Мирбаха и подняли мятеж в Москве. Мятежники захватили несколько кварталов города, овладели телеграфом, арестовали председателя ВЧК Ф. Дзержинского и ряд других видных советских деятелей, а также командира одного из отрядов ВЧК, героя октябрьских боев Я. Венглиньского[100]. На другой же день мятеж левых эсеров был подавлен. Более длительным, затянувшимся до 21 июля, было сопротивление белогвардейцев, эсеров и меньше-

[91] ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 9, л. 736.
[92] Там же, д. 3, л. 32; д. 4, лл. 72—76.
[93] Там же, д. 18, лл. 25, 237, 508.
[94] Там же, д. 18а, л. 222.
[95] Там же, д. 9, л. 719.
[96] Там же, л. 719 об.
[97] ГАОРСС МО, ф. 73, оп. 2, д. 151, л. 44 об.
[98] ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 6, л. 428.
[99] «Правда», 30.VI 1918.
[100] «Правда», 8.VII 1918.

виков, поднявших 6 июля мятеж в Ярославле.

При подавлении мятежа в Москве активно действовали многие интернационалисты. Заметным было участие в борьбе против мятежников отряда конных пулеметчиков Варшавского полка во главе с Брониславом Гаврисем [101].

Ст. Жбиковский

Тотчас же после получения известия о начале мятежа в Ярославле Московский окружной комиссариат по военным делам приказал Варшавскому полку выслать для борьбы против мятежников отряд в 250 человек при 8-ми пулеметах [102]. В отряд, командиром которого был Виктор Фильянович, а комиссаром Владислав Сцибор, вошли 1-я рота полка, 6-я рота, состоявшая преимущественно из китайцев и корейцев, эскадрон мазовецких улан, а также пулеметчики и бомбометчики [103]. Вместе с воинскими частями и вооруженными отрядами рабочих из Петрограда, Москвы, Рыбинска, Иваново-Вознесенска и некоторых других городов отряд разгромил мятежников.

Вслед за мятежами в Москве и Ярославле 10 июля в Симбирске поднял мятеж командующий советскими войсками на Восточном фронте М. А. Муравьев, замышлявший сорвать мир с Германией, соединиться с мятежным чехословацким корпусом и антантовскими интервентами. Польский отряд во главе с Юзефом Турковским, входивший в охрану Муравьева, занял по его приказу почту, телеграф и телефонную станцию. Но как только в результате разъяснительной работы большевиков бойцам отряда стала известна контрреволюционная суть событий, участниками которых они оказались, они поднялись против Муравьева и помогли ликвидировать мятеж [104].

Как и ранее, все польские социал-демократы действовали в критические июльские дни 1918 г. в полном органическом единстве с большевиками. Польские социал-демократы делегаты V съезда Советов — Ст. Берсон, Ст. Бобиньский, Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский и другие — вместе со всеми большевиками голосовали за резолюцию, одобрявшую внешнюю и внутреннюю поли-

---

101 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 88.
102 ЦГАСА, ф. 3856, оп. 2, д. 12, л. 80.
103 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 78.
104 Там же, л. 79.

тику Советского правительства, за резолюцию, подтверждавшую незыблемость хлебной монополии и необходимость решительного подавления сопротивления кулачества и организацию комитетов бедноты. Они, как и все большевики, одобрили меры по организации и укреплению Красной Армии на основе обязательной воинской повинности трудящихся. Наконец, они одобрили акт величайшего исторического значения, принятый съездом, — Конституцию РСФСР, закрепившую основные завоевания социалистической революции.

Среди 153 человек, вошедших от РКП(б) в новый состав ВЦИК, были Ст. Бобиньский, М. Броньский, Бр. Весоловский, Ф. Дзержинский, а среди 30 кандидатов в члены ВЦИК от РКП(б) был избран Ст. Пестковский [105]. На первом же заседании ВЦИК по предложению Я. М. Свердлова в состав высшего органа советской власти был кооптирован незадолго до того вызволенный Советским правительством из германского концентрационного лагеря выдающийся деятель польского и международного рабочего движения Юлиан Мархлевский.

В связи с ухудшавшимся военным положением Советской республики объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. приняло по предложению В. И. Ленина решение: «Признать социалистическое отечество в опасности». Провозглашенный тогда же лозунг «Смерть или победа!» стал боевым лозунгом всех бойцов за дело революции.

Так случилось, что первую свою речь, разъясняющую этот лозунг, Ленин произнес именно перед польскими интернационалистами. По приглашению Ю. Мархлевского, Ст. Бобиньского и других своих польских друзей В. И. Ленин выступил 1 августа 1918 г.[106] перед отправлявшимся на фронт 1-м Революционным полком Красной Варшавы. Митинг происходил в актовом зале расположенного недалеко от казарм полка Коммерческого института (ныне Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова) [107]. Выступление В. И. Ленина было выражением признательности вождя и организатора социалистической революции ко всем участникам интернационалистского движения. Определяя задачи этого движения, разъясняя особенности международного и внутреннего положения Советской республики, Ленин подчеркивал, что русская революция прокладывает путь рабочим революциям в других странах.

Отмечая полное единство русских и польских революционных интересов, В. И. Ленин отметил, что «мы, и польские, и русские

[105] «Известия ВЦИК», 14.VII 1918.

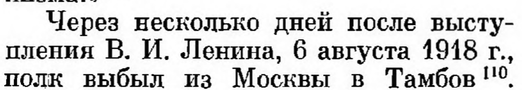
[106] В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (т. 37, стр. 24—26) вслед за «Вечерними известиями Московского Совета» от 3 августа 1918 г. ошибочно указывается, что выступление В. И. Ленина на митинге полка состоялось 2 августа 1918 г.

[107] ЦГАСА, ф. 3856, оп. 2, д. 9, лл. 734, 753.

революционеры, горим теперь одним желанием сделать все, чтобы отстоять завоевания первой мощной социалистической революции, за которой неминуемо последует ряд революций в других странах» [108]. Напутствуя красноармейцев-интернационалистов, В. И. Ленин говорил им: «Ваша задача, идя на фронт, прежде всего и больше всего помнить, что это единственно законная, справедливая, священная война угнетенных и эксплуатируемых против насильников и грабителей». Закончил он свою речь выражением уверенности в том, что против интернационалистской Красной Армии, выступающей под боевым лозунгом «Смерть или победа!», «не устоит никакая сила империализма!» [109]

М. Броньский

Через несколько дней после выступления В. И. Ленина, 6 августа 1918 г., полк выбыл из Москвы в Тамбов [110]. Избрание Тамбова местом дислокации одной из лучших частей Красной Армии диктовалось рядом обстоятельств: в Тамбовской губернии находились значительные запасы хлеба [111], и Тамбовский плацдарм разделял силы контрреволюции, действовавшие в Среднем Поволжье и на Дону.

Еще до отправления полка в Тамбов польские социал-демократы, учитывая удачный опыт формирования этой части Красной Армии и делая надлежащие выводы из того обстоятельства, что многие польские интернационалисты выражали желание служить именно в такого рода частях, разработали план формирования новых интернационально-польских воинских частей и сведения их в одну Западную стрелковую дивизию.

3 августа 1918 г. приказом военного командования Ст. Жбиковскому было предписано приступить к формированию Западной советской дивизии (Западной стрелковой дивизии). Кроме 1-го Революционного полка Красной Варшавы, основой дивизии становилась также Отдельная сводная караульная дружина, которая по желанию солдат была переформирована в боевую часть — Люблинский пехотный полк [112]. При дивизии создавались инструкторские курсы для подготовки командного состава.

---

[108] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 24.
[109] Там же, стр. 26.
[110] ГАОРСС МО, ф. 73, оп. 2, д. 151, л. 162.
[111] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 554.
[112] ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 9, л. 796.

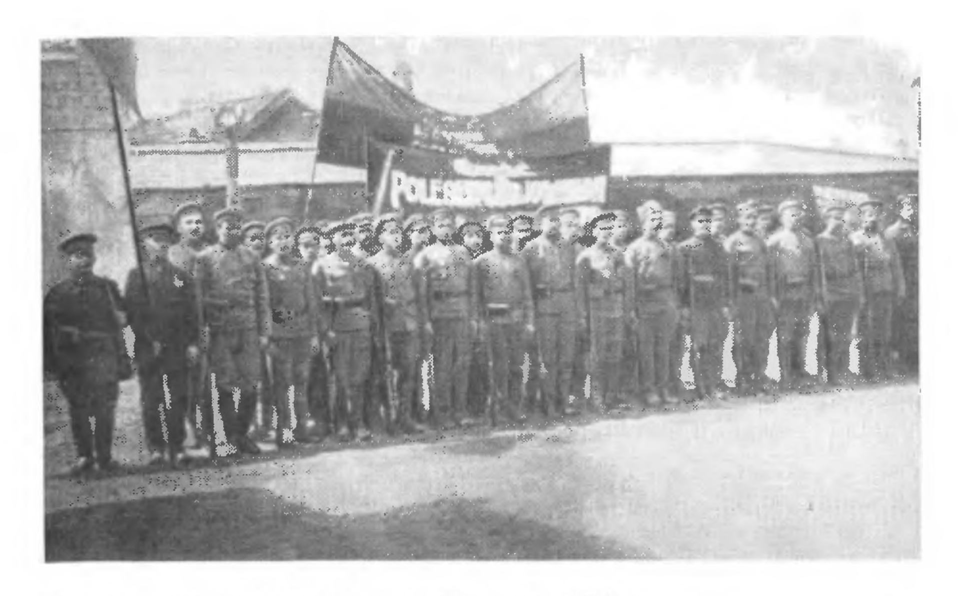
Уже 22 августа была сформирована 1-я бригада дивизии в составе 1-го Варшавского и 2-го Подлясского стрелковых полков, Варшавского гусарского полка и легкого артиллерийского дивизиона [113]. Командиром бригады был назначен Роман Лонгва, комиссаром — В. Сцибор. В сентябре началось формирование 2-й бригады дивизии (в составе 3-го Люблинского, 4-го Варшавского, 6-го Гродненского полков и других частей), а в октябре — 3-й бригады.

Формирование дивизии происходило в условиях, когда отдельные ее части и подразделения вели бои с мятежниками и контрреволюционерами, когда, как и ранее, на фронт направлялись специальные отряды и группы. Так, в августе отряд из 165 мазовецких улан, состоявших при 1-м Революционном полке Красной Варшавы, был направлен в район Казани, где вошел в 27-ю стрелковую дивизию 5-й армии [114]; под Липецк был направлен отряд в 146 бойцов под командованием Владислава Швенка и комиссара Владимежа Пысь [115]; на Южный фронт, в 14-ю армию, был послан отряд в составе 398 штыков, 120 сабель, 2 пулеметов, 8 тяжелых пулеметов. Инструктором (командиром) в отряде был Борисов, комиссаром — сначала Казимеж Пивонь, затем Станислав Зелинский [116]. Части и подразделения Западной стрелковой дивизии вели бои также в районах Борисоглебска — Поворино, южнее Балашова и в других местах. Во многих боях революционным солдатам противостояли превосходящие силы противника, но красноармейцы самоотверженно вели борьбу. В одном из сражений против белоказаков батальон Люблинского полка из 340 бойцов потерял 217 человек. Докладывая о результатах сражения, командир батальона писал, что, хотя многие солдаты Красной Армии погибли в бою, «но они показали красновской банде, как борются люблинцы за дорогую Октябрьскую революцию» [117].

Продолжали свой боевой путь и ранее сложившиеся польские революционные части. После боев против войск Центральной рады на Украине и различных контрреволюционных сил на Смоленщине в июне был брошен против чехословацких мятежников 1-й Революционный полк им. Минского Совета (в дальнейшем 237-й стрелковый Минский полк [118]); в составе этого полка продолжали сражаться остатки польских революционных батальонов. На страже Советской власти в Витебске стоял насчитывавший

---

113 ЦГАСА, ф. 1458, оп. 1, д. 3, л. 116.
114 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 78.
115 ЦГАСА, ф. 3856, оп. 3, д. 4, л. 27.
116 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 74; «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1963, № 3-4, str. 509.
117 ЦГАСА, ф. 191, оп. 4, д. 25, л. 42 об.
118 ЦГАСА, ф. 4878, оп. 1, д. 6, л. 1 об.

Польская революционная рота в Иркутске. 1918 г.

около 1 тыс. бойцов 4-й Варшавский пехотный полк [119]. В составе Воронежской пехотной дивизии 3-й армии Южного фронта состояли сформированные из поляков Красный Люблинский полк и Варшавский пехотный полк [120], в Орле был сформирован польский батальон [121], в Саратове действовала польская боевая дружина [122] и т. д. Бойцы и командиры — польские интернационалисты служили почти в каждой из частей Красной Армии.

В результате разъяснительной работы польских социал-демократов и других интернационалистов целые группы солдат, оказавшихся втянутыми в различные контрреволюционные формирования, переходили на сторону Советской власти. Более 200 солдат, служивших ранее в 1-м и 2-м польских корпусах, подписали обращение, призывавшее к борьбе за революцию и социализм. В Польше, говорилось в обращении, сами солдаты, рабочие города и деревни «должны взяться за дело создания нового государства, в котором земля и фабрики станут собственностью народа. Здесь, в России, мы должны учиться, как присту-

---

[119] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1611, лл. 8—9.
[120] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 383.
[121] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 120.
[122] «Trybuna», 22.VIII 1918.

пать к этому делу у нас на родине, *и прежде всего мы должны встать в ряды героически сражающегося русского народа и помочь ему одержать победу, ибо поражение России будет поражением также и для польского пролетариата»* [123].

Дух пролетарского интернационализма и революционного патриотизма, характерный для всей деятельности СДКПиЛ в России, вызывал к ней глубокие симпатии всего российского пролетариата. В связи с исполнявшимся 25 августа 1918 г. 25-летием со времени основания польской социал-демократии редакция «Правды», выражая чувства всех членов РКП(б), обратилась с боевым приветом к польским друзьям и товарищам, «с которыми наша партия была всегда в наиболее близких отношениях». Далее в приветствии выражалось пожелание успехов «в назревающих классовых битвах в городах и селах истерзанной войной Польше» [124].

В связи с 25-летием СДКПиЛ в Москве в Польском доме состоялось торжественное заседание. Участники заседания избрали в президиум испытанных ветеранов польского революционного движения, основателей партии Бр. Весоловского и Ю. Мархлевского, а также Ст. Пестковского. В приветствии, произнесенном по поручению ЦК РКП(б) и ВЦИК, Я. М. Свердлов отметил постоянную совместную деятельность польских и русских марксистов, которая в России уже привела к победе [125]. Призыву сомкнуть теснее ряды для защиты социалистической республики было посвящено выступление на торжественном заседании Ф. Дзержинского. Те же мотивы звучали в речах Ю. Лещиньского, представителей латышских и литовских коммунистов, швейцарских социал-демократов. Выступившая от имени английских и французских коммунистов Жанна Лябурб, революционная деятельность которой началась в годы первой русской революции на польской земле, указала, что пролетариат Запада всей душой вместе с революционными российскими рабочими. Участники торжественного заседания послали телеграмму томившейся в германской тюрьме Розе Люксембург [126].

Напрягая все свои усилия, чтобы сокрушить Советскую власть, контрреволюция решила обезглавить Советское государство и большевистскую партию путем индивидуального террора. 30 августа при выходе с завода Михельсона был ранен отравленными пулями В. И. Ленин. Гнев и негодование, вызванные этим злодейским преступлением, вместе со всем советским народом разделили сотни тысяч иностранных трудящихся, находившихся в революционной России. Примером этому может послужить теле-

---

123 «Trybuna», 1.VIII 1918.
124 «Правда», 27.VIII 1918.
125 Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 269.
126 «Правда», 30.VIII 1918.

грамма участников польского коммунистического вечера, состоявшегося 7 сентября в Тамбове, В. И. Ленину. Собравшиеся выражали непоколебимую уверенность, что «дорогой Владимир Ильич скоро поправится и снова возьмет в свои могучие руки кормило русской и мировой революции». Выражая чувства всех своих единомышленников, участники тамбовского собрания решили на предательские покушения из-за угла ответить сплочением своих рядов и массовым террором, направленным против класса угнетателей [127].

Вместе со всеми бойцами и командирами Красной Армии, со всеми советскими трудящимися польские интернационалисты отдавали все силы для отпора врагу. При освобождении 12 сентября от чехословацких мятежников и белогвардейцев Симбирска — родины В. И. Ленина — особо отличился переброшенный на Восточный фронт польский по составу своего основного ядра полк Петра Боревича [128].

Резкое обострение вооруженной классовой борьбы в стране и покушение на жизнь В. И. Ленина вызвали крутое изменение позиции ППС-левицы — ранее весьма непоследовательного направления польских интернационалистов. Комитет московской секции ППС-левицы обратился 5 сентября с письмом к В. И. Ленину, в котором писал, что своими выстрелами «подлые слуги буржуазии, мирового империализма и контрреволюции, злейшие враги рабочего класса думали убить великие идеи непосредственной борьбы за социализм и власть в руках пролетариата. Но великие лозунги, которыми тов. Ленин призывал российский пролетариат к Октябрьской революции, не замолкнут, пока не приведут нас к полной победе во всех странах. И мы уверены, что с неуклонной своей энергией и железной волей тов. Ленин будет продолжать вести российский пролетариат к нашей общей полной победе» [129].

Вслед за тем руководство ППС-левицы в России, сормовская, московская, петроградская и другие секции этой партии одна за другой вынесли решение о полной поддержке РКП(б) и вступлении в ее состав [130]. В соответствии с условиями договора, заключенного между РСДРП и СДКПиЛ в 1906 г. [131], вступление ППС-левицы в РКП(б) могло произойти только путем предварительного ее объединения с СДКПиЛ.

Углублявшаяся политическая поляризация проявилась также на позиции ППС-«фракции». Конференция ее секций, состоявшаяся 5—8 октября 1918 г. в Москве, с рядом больших оговорок

---

[127] «Trybuna», 13.IX 1918.
[128] «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1957, стр. 241, 249.
[129] ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 15, л. 2.
[130] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 438—439; ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 37, л. 21; д. 35, л. 19 и др.
[131] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 529—530.

высказалась все же за поддержку Советского правительства и партии большевиков [132].

Партия большевиков ценой гигантской политической и организаторской работы успешно отстаивала Советскую власть в борьбе против внутренних и внешних врагов. В августе Советское правительство приняло декрет, которым все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи и касающиеся разделов Польши, объявлялись отмененными бесповоротно. В октябре Советское правительство назначило Ю. Мархлевского дипломатическим представителем в Польше. Г. В. Чичерин писал, что назначение советским представителем в Польше одного из самых видных и старых вождей польского рабочего движения будет воспринято польскими народными массами как доказательство не только отсутствия со стороны Советской России каких-либо враждебных намерений по отношению к национальной свободе Польши, но и полной солидарности Советского правительства со стремлением народных масс Польши к социальному освобождению [133]. Опасаясь именно этих стремлений, польские буржуазные круги воспрепятствовали приезду в Варшаву официального советского представителя.

Тем временем на родину, в Польшу, возвращалось все большее количество беженцев. Польские социал-демократы вели большую агитационную работу среди реэвакуировавшегося населения. Оно снабжалось листовками, брошюрами.

Издательская деятельность СДКПиЛ, несмотря на недостаток бумаги и технические трудности, непрерывно расширялась. В переводах на польский язык были выпущены «Государство и революция» В. И. Ленина, текст Конституции РСФСР, брошюры Р. Люксембург, Ю. Мархлевского, Т. Гневича и др. Польские социал-демократы добились некоторых успехов в организации на советской территории польских школ, в ликвидации неграмотности взрослого населения. В Перми, Астрахани, в польских по основному составу частях Красной Армии возникали новые группы польской социал-демократии.

На местах все группы СДКПиЛ помогали организации всеобщего обучения трудящихся военному делу, вели борьбу с организаторами голода и националистами. Каждая группа стремилась определить свои задачи, вытекающие из местных условий. Царицынская группа СДКПиЛ, например, со времени мятежа чехословацкого корпуса в своей деятельности руководствовалась тем, что Царицын оказался единственным пунктом, через который юг страны сохранял связь с Москвой и Петроградом [134]. Там, в Царицыне, среди многих польских тружеников, которых социал-

---

[132] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, стр. 451—456.

[133] «Известия ВЦИК», 29.X 1918.

[134] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 522, л. 32.

демократы приобщили к активной и сознательной защите революции, была и крестьянская семья Форнальских, беженцев из Люблинщины. Эта семья дала в дальнейшем польскому революционному движению много славных бойцов, в том числе Малгожату Форнальскую, одну из организаторов созданной в 1942 г. в подполье героической Польской рабочей партии. Тогда, в 1918 г., юная Малгожата вступила в Царицыне вместе со своей матерью в группу польских социал-демократов, а затем вслед за старшим братом и сестрой пошла в Красную Армию [135].

А. Славиньский

Делая всё для защиты Советской республики, польские интернационалисты ни на миг не упускали из вида положения на родине. По поручению своих партийных органов ряд деятелей СДКПиЛ и ППС-левицы направился на нелегальную работу в Польшу. Оттуда также приезжали социал-демократы и социалисты для знакомства с положением в первой стране пролетарской революции.

Значительна была активность польских интернационалистов в освободительной борьбе, происходившей на территориях, оккупированных белогвардейцами и интервентами, особенно в Белоруссии и Литве. Во главе партийного подполья в Минске находился прибывший из Петрограда А. Славиньский (Качоровский). В августе 1918 г. он был избран в Краевой комитет коммунистических организаций Белоруссии и Литвы [136]. В августе же в Москве состоялось совещание по вопросам работы в оккупированных областях. Руководил совещанием Ст. Пестковский, являвшийся с сентября 1918 г. заместителем народного комиссара по делам национальностей. В совещании участвовал еще один польский социал-демократ — Ю. Лещиньский. Пестковский стал затем председателем Центрального бюро по руководству коммунистическими организациями оккупированных областей, созданного ЦК РКП(б) в сентябре 1918 г.

---

[135] М. Форнальская. Воспоминания матери. М., 1961, стр. 278—279, 288—289.

[136] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I. Минск, 1961, стр. 341.

Представители польской социал-демократии принимали участие в состоявшейся в октябре 1918 г. в Москве конференции коммунистических организаций оккупированных Германией Украины, Белоруссии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, а также областей РСФСР. На конференции выступил Я. М. Свердлов, председательствовал Ст. Пестковский. Конференция, активными участниками которой были Ст. Бобиньский, Ст. Будзыньский, Ю. Лещиньский, К. Циховский и представитель варшавской организации СДКПиЛ, уделила много внимания задачам работы в оккупационных войсках, вопросам использования интернационалистских групп, установления тесных контактов со спартаковцами, действовавшими в германских войсках. В. И. Ленин передавал через Ст. Пестковского важные советы участникам конференции. В частности, рекомендуя всемерно поддерживать на освобожденных территориях лозунг «Вся власть Советам!», он в то же время советовал в определенных условиях не пренебрегать проведением выборов в Учредительное собрание, а использовать их для укрепления связи партии с массами, для подведения масс к осознанию необходимости замены Учредительного собрания Советами. В ленинском духе конференция высказалась за пропаганду лозунгов совместной борьбы трудящихся всех национальностей против иноземных и отечественных помещиков и капиталистов, за солидарность с пролетариатом Советской России и революционной Германии [137]. Вместе с тем в решениях конференции нашла отражение ошибочность взглядов по национальному и некоторым другим вопросам, свойственная польским социал-демократам.

4. В год решающих побед на фронтах

Революционные выступления трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы, развал монархии Габсбургов, капитуляция кайзеровской Германии, окончание первой мировой войны, крупные победы Красной Армии на Восточном фронте существенно изменили международное положение Советской республики. 13 ноября 1918 г. ВЦИК Советов аннулировал Брестский мир. Но тогда же империалисты стран Антанты и США, освободившись от борьбы против Центральных держав, начали сосредоточивать все силы для борьбы против Советской республики — главного очага и базы мирового революционного движения.

В новых условиях, создавшихся после окончания мировой войны и отъезда в свои страны многих военнопленных, беженцев и других, значительная часть польских интернационалистов осталась рядом со своими советскими единомышленниками и товари-

---

[137] ЦПА ИМЛ, ф. 333, оп. 1, д. 8.

щами. Определялось это главным образом тем, что агрессивная антисоветская политика польских правящих кругов предельно сближала задачу защиты Советской республики от польских захватчиков с борьбой против польских угнетательских классов, за пролетарскую революцию в самой Польше.

Польские социал-демократы писали в приветствии VI Чрезвычайному съезду Советов, заседавшему 6—9 ноября 1918 г., что тысячи польских пролетариев, возвращавшихся из России на родину, заронят и туда искры того грандиозного революционного пожара, который охватил пролетарскую Россию [138].

Совместная борьба за общее дело революции в России и Польше находилась в центре внимания III конференции групп СДКПиЛ в России, проходившей 14—17 ноября 1918 г. в Москве. На конференции были рассмотрены все аспекты работы польской социал-демократии в Советском государстве и на родине. При этом конференция не смогла преодолеть типичной для СДКПиЛ недооценки национальных и общедемократических задач польского революционно-освободительного движения [139]. Участники конференции приветствовали предложения об объединении с ППС-левицей, но практическое решение вопроса посчитали находящимся в компетенции лишь партийных инстанций, действовавших в Польше. Конференция отметила, что осуществлявшаяся в последнее время концентрация поляков-военнослужащих в одних частях Красной Армии себя оправдала и вполне отвечала задачам момента.

С согласия ЦК РКП(б) и командования Красной Армии ЦИК СДКПиЛ начал добиваться перевода в Западную стрелковую дивизию всех красноармейцев и командиров — поляков, непосредственно не участвовавших в боях на фронте. В воззвании к рабочим и солдатам, призывавшем их в ряды Западной стрелковой дивизии, ЦИК СДКПиЛ указывал, что Польша не должна стать слугой англо-американских банкиров и оплотом контрреволюции, что все должны быть на боевом посту готовыми выступить по призыву братьев из Польши [140]. Реввоенсовет республики приказом за № 115 разрешил всем беженцам и уроженцам Польши, Литвы и Белоруссии переводиться, по их желанию, из других частей Красной Армии в Западную дивизию [141].

Общее изменение обстановки сделало целесообразным переброску Западной стрелковой дивизии на западные рубежи Советской республики. Из частей этой дивизии лишь 1-я бригада в составе 1-го Варшавского, 2-го Люблинского, Варшавского гусарского полков продолжала вести тяжелые, изнурительные бои на

---

[138] «Правда», 9.XI 1918; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 2, д. 4, лл. 56—57.
[139] «Trybuna», 17.XI 1918.
[140] «Trybuna», 1.XII 1918.
[141] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II. М., 1964, стр. 69.

Южном фронте. Части бригады действовали разрозненно и в течение ноября-декабря 1918 г. 12 раз перебрасывались с одной позиции на другую. В декабре в боях в районе Красное, Плешаково и в других местах по направлению к железнодорожному узлу Лиски бригада потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 800 человек [142]. В феврале 1919 г. бригада была переброшена на запад, на соединение со всей дивизией. Соединиться с дивизией стремилась и кавалерийская часть под командованием П. Боревича, входившая в 1-ю армию Восточного фронта [143].

Еще в последние месяцы 1918 г. в связи с наметившимся крахом германской оккупации советских земель и Польши центр практической деятельности польских интернационалистов стал перемещаться из Москвы в Смоленск.

Части Западной стрелковой дивизии участвовали в освобождении от оккупантов Минска, Лиды, Барановичей, Вильно и других городов Белоруссии и Литвы. Польские интернационалисты играли большую роль в формировании белорусской и литовской советской государственности, приведшем 16 декабря 1918 г. к образованию Литовской Советской Социалистической Республики, а 1 января 1919 г. — Белорусской Советской Социалистической Республики. Народным комиссаром государственного контроля Белорусской ССР стал Ст. Берсон [144]. Когда в целях объединения сил и для отпора империалистической контрреволюции, ставшей особенно опасной в связи с враждебной и агрессивной политикой буржуазной Польши, была создана Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, польские интернационалисты самоотверженно трудились над укреплением молодой Советской республики — ближайшей соседки Польши. Председателем объединенного ЦИК Советов Литбела был избран Казимеж Циховский. Член СДКПиЛ с 1907 г., участник Октябрьской революции, деятель Польского комиссариата К. Циховский в последующие годы стал одним из руководителей Коммунистической партии Польши, работал в Исполкоме Коминтерна, участвовал в формировании интернациональных бригад, сражавшихся в конце 30-х годов в Испании против фашистских мятежников и итало-германских интервентов [145]. К. Циховский, а также Я. Фенигштейн (Долецкий), являвшийся народным комиссаром внутренних дел Литбела, в марте 1919 г. на объединительном съезде КП Литвы и КП Белоруссии были избраны в ЦК партии; Я. Долецкий вошел также в состав президиума ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии [146]. Народным комиссаром Литбела по военным делам был

---

[142] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, лл. 99—100.
[143] ЦГАСА, ф. 1458, оп. 1, д. 29, л. 280.
[144] «Жизнь национальностей», 16.II 1919.
[145] «Z pola walki», 1958, № 4, str. 226—227.
[146] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. I, стр. 358.

Ю. Уншлихт, народным комиссаром юстиции — М. Козловский, народным комиссаром просвещения — Ю. Лещиньский [147].

Я. Долецкий

Ко времени, о котором идет речь, во всех тех местностях Советского государства, где действовали польские интернационалисты, завершался процесс слияния групп СДКПиЛ с секциями ППС-левицы в единые группы Коммунистической рабочей партии Польши в России. Этот процесс начался вскоре же после того, как стало известно о великом событии в польском рабочем движении — объединении СДКПиЛ и ППС-левицы и образовании Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП). Среди 95 делегатов I съезда КРПП, состоявшегося 16 декабря 1918 г. в Варшаве, была группа деятелей, принимавших непосредственное участие в революционных событиях 1917—1918 гг. в Советской республике: Ст. Будзыньский, Фр. Гжельщак (бывшая СДКПиЛ), Генрик Битнер, Генрик Ивиньский, Мирослав Здзярский, Стефан Круликовский, Роман Яблоновский (бывшая ППС-левица) [148]. Среди десяти человек, избранных в состав первого ЦК КРПП, были Фр. Гжельщак и Ст. Круликовский; одним из двух кандидатов в члены ЦК — Г. Ивиньский [149].

Группы КРПП в России сохранили организационные связи с РКП(б), подобные тем, какие ранее сложились у групп польской социал-демократии. В руководящий орган — ЦИК групп КРПП в России, сформированный в январе 1919 г., — вошли Ст. Бобиньский, К. Бродский, Ст. Будкевич, Ф. Дзержинский, Я. Долецкий, Ю. Лещиньский, С. Лазоверт, Фр. Пенташевский, Ю. Уншлихт, кандидатами в члены ЦИК были Р. Муклевич и Ст. Пшедецкая [150]. ЦИК групп КРПП в России находился в Минске, а затем в Вильно, куда и переехала часть его членов. Сначала в Минске, а с 23 февраля 1919 г. в Вильно, с мая 1919 г. опять в Минске выходила газета «Млот», ставшая центральным органом польской коммунистической печати в советских республиках. «Трыбуна» продолжала выходить еженедельно в Москве.

---

147 «Жизнь национальностей», 9.III 1919.
148 «Z pola walki», 1958, № 4, str. 61—63.
149 Там же, стр. 96.
150 ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 2, л. 6.

Одним из первых актов ЦИК групп КРПП было обращение 14 января 1919 г. ко всем группам о необходимости вербовки в Западную стрелковую дивизию. В ряде городов со сравнительно большим удельным весом польского населения — Минске, Вильно, Лиде, Ошмянах, Петрограде, Москве, Смоленске, Туле, Воронеже, Саратове и других — были открыты бюро по набору добровольцев в дивизию [151]. Только польские коммунисты Саратова, руководителями которых были член СДКПиЛ с 1905 г. Ян Мизеркевич и член СДКПиЛ с 1906 г. Станислав Коханьский, отправили в дивизию за декабрь 220 добровольцев, за первую неделю января — 40 человек, за одну из следующих недель — 76 человек и т. д. [152]

В связи с отъездом Ст. Жбиковского в Польшу на подпольную партийную работу командование Западной стрелковой дивизии перешло к Ершову, затем к Маковскому, а через некоторое время к Р. Лонгве. В состав образованного революционного военного совета дивизии входили Ст. Бобиньский, Ю. Уншлихт, Я. Долецкий, Р. Лонгва, Ст. Бродовский. Ст. Бобиньский оставался комиссаром дивизии. В комиссариат дивизии также вошли Ст. Бродовский, А. Славиньский, С. Лазоверт, Бр. Дзяткевич [153]. При дивизии была создана школа красных командиров, комиссаром которой был Зд. Шерыньский.

5-й Виленский полк, состоявший преимущественно из уроженцев литовских земель, был выделен из состава дивизии и реорганизован в Литовскую стрелковую дивизию. Реввоенсовет дивизии и ЦИК групп КРПП в России разрабатывали планы соединения с дивизией кавалерийского полка П. Боревича, ряда небольших польских отрядов, действовавших на различных фронтах, отрядов польских партизан, сложившихся в период немецкой оккупации на территориях Литвы и Белоруссии, и повстанческих польских отрядов, прибывавших с запада на советскую территорию. Эти силы предполагалось использовать для развертывания польской армейской группы. В основе этих планов лежало представление о том, что события, развивавшиеся в Польше, вскоре должны привести к пролетарской революции. Однако пролетариат Польши оказался недостаточно сильным для того, чтобы свергнуть эксплуататорские классы. Укрепившись у власти, польские правящие круги, опираясь на поддержку как держав Антанты, так и Германии, уже в феврале 1919 г. перешли к захватам советской территории: 9 февраля польские войска захватили Брест, 13 февраля — Волковыск, а 21 апреля — Вильно...

Польские интернационалисты вместе со всеми бойцами Красной Армии упорно сражались с наступавшими польскими вой-

---

[151] «Młot», 8.III 1919.

[152] Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО), ф. 521, оп. 1, д. 53, лл. 1, 6, 11 и др.

[153] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 104.

сками. ЦИК КРПП распространял в польской армии листовки, в которых призывал польских солдат переходить на сторону Красной Армии, становиться в ряды борцов за освобождение трудящихся [154].

Хотя в результате сложившихся обстоятельств военная работа поглощала основные силы и главное внимание польских интернационалистов, польские трудящиеся не только на фронтах, но и в тылу выступали как подлинные союзники рабочих и всех трудящихся Советского государства. Многие тысячи их по-прежнему работали в промышленности и на транспорте.

Польский комиссариат, его отделения на местах оказывали содействие еще остававшимся беженцам. Новыми постановлениями Советского правительства были определены порядок передачи в ведение комиссариата польских материальных и культурных ценностей, вывезенных царским правительством из Польши. Много сил польских интернационалистов отнимала борьба с буржуазно-националистической агентурой и другими антисоветскими элементами среди польского населения республики.

Польские контрреволюционеры вели активную подрывную работу в советском тылу. Продолжалась вербовка в польские контрреволюционные части, сложившиеся не только в Сибири, но и на Кубани, где у генерала Деникина немногочисленными польскими силами командовал генерал Люциан Желиговский, и в Архангельске, где к весне 1919 г. действовал польский контрреволюционный отряд, насчитывавший примерно 300 человек [155]. 2 декабря 1918 г. один из польских отрядов, действуя в качестве авангарда войск Антанты, высадился в Одессе. Отряды Желиговского, в декабре 1918 — январе 1919 г. перебазированные с Кубани в Одессу, вскоре были развернуты при помощи французских и других интервентов в 4-ю стрелковую дивизию, личный состав которой едва доходил до 4 тыс. человек.

Тотчас же по прибытии в Одессу первых польских отрядов с Кубани местные группы СДКПиЛ, ППС-левицы и ППС-«фракции» в совместно выпущенной листовке призвали легионеров стать рядом с рабочим народом в борьбе за свободу и социализм [156]. Вслед за тем Одесская группа СДКПиЛ опубликовала воззвание, в котором разъясняла солдатам, что польские паны давно предали лозунг «За вашу и нашу свободу» и что Польша станет свободной, перестанет быть предметом торга только тогда, когда буржуазия будет отстранена от власти [157]. Эти и подобные

---

154 ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 12, л. 75.

155 «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, стр. 202.

156 Там же, стр. 33—34.

157 «Kalendarz Komunistyczny na rok 1922». Moskwa, 1922, str. 53.

воззвания, равно как и листовки на французском, румынском и других языках, печатались в нелегальной типографии, руководимой Яном Гжеляком. В дальнейшем, с весны 1919 г., деятельность польского революционного подполья в Одессе слилась с деятельностью Иностранной коллегии [158].

Как и другие участники мощного интернационалистского движения, развернувшегося под влиянием Октябрьской революции и деятельности большевистской партии, польские коммунисты стремились к сплочению революционных сил не только внутри Советской республики, но и в международном масштабе. ЦИК групп КРПП в России, действуя в соответствии с поручением ЦК своей партии [159], принимал участие в подготовительной работе, связанной с созданием III, Коммунистического Интернационала. Представитель ЦИК групп КРПП участвовал в проводившемся В. И. Лениным во второй половине января 1919 г. совещании представителей коммунистических и левосоциалистических партий и групп ряда стран. Под обращением участников этого совещания «К первому съезду Коммунистического Интернационала» от имени КРПП стоит подпись Ю. Мархлевского (Карского) [160].

Тем временем в Москве 1 марта состоялось предварительное совещание делегатов по вопросам международного съезда коммунистов, а 2—6 марта происходил I конгресс Коммунистического Интернационала, на котором польских коммунистов представлял Ю. Уншлихт. Вместе с В. И. Лениным, Б. Рейнштейном, Ю. Сиролой и другими он подписал Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира [161].

Среди делегатов состоявшегося вскоре же, 18—23 марта 1919 г., VIII съезда РКП(б), помимо Ф. Дзержинского, Я. Долецкого, М. Козловского, Ст. Пестковского, избранных непосредственно большевистскими партийными организациями, К. Бродский и Я. Ганецкий представляли польских коммунистов [162]. В сделанном В. И. Лениным отчете съезду Центрального Комитета партии, содержавшем анализ стратегии и тактики партии за время, прошедшее после заключения Брестского мира, была дана высокая оценка интернационалистского движения и его значения для развития международного коммунистического движения и создания III Интернационала [163]. Съезд принял новую программу партии — программу построения социализма. Ф. Дзержинский, как и ранее, был избран членом ЦК партии.

[158] См. стр. 200—209.
[159] ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 3, л. 19.
[160] «Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. 1914—1919». М., 1934, стр. 116.
[161] «Первый конгресс Коммунистического Интернационала, Март 1919 г.» М., 1933, стр. 201—212.
[162] «Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 459—461, 463, 468, 475.
[163] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 147—148.

Вместе со всеми партийными организациями группы польских коммунистов развернули большую работу по пропаганде решений VIII съезда РКП(б). Работа по осуществлению решений VIII съезда происходила в сложной обстановке, вызванной наступлением колчаковских войск, подошедших в апреле к Волге. Контрнаступление Красной Армии, начатое в конце апреля, привело к значительным успехам. Но тогда, чтобы помочь Колчаку, активизировались белогвардейские силы на севере, северо-западе и в Прибалтике, создав было угрозу Петрограду. Западная стрелковая дивизия и другие части Красной Армии, действовавшие на Западном фронте, вели упорные оборонительные бои против возобновивших наступление польских войск. Польские коммунисты в Литбеле вместе со всеми коммунистами республики, вместе с находившимся в июне в Белоруссии агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция», коллектив которого возглавлял М. И. Калинин, делали все для укрепления фронта. Но войскам буржуазной Польши удалось 8 августа 1919 г. занять Минск и продвинуться дальше на восток.

Хотя в июле—августе Красная Армия нанесла ряд крупных ударов по силам Колчака и освободила Урал, положение республики оставалось исключительно тяжелым. С лета главная опасность Советской республике стала угрожать с юга, откуда наступали войска Деникина.

Исключительно сложное военно-политическое положение республики сделало невозможным осуществление ряда хозяйственных, военных и других планов, намеченных в течение зимы 1918/19 г. Среди других неосуществленных планов оказалось начатое сведе́ние всех польских интернационалистов, служивших в Красной Армии, в польскую армейскую группу. Повинуясь своему революционному долгу, красноармейцы и командиры польского происхождения, как и новое пополнение из числа польских трудящихся, служили в тех частях Красной Армии, где это диктовалось общими условиями.

Вслед за проведенным в июне по предложению советских республик Литвы и Белоруссии и Латвии объединением сил всех советских республик для защиты Советской власти от общего врага в июле 1919 г. приказом по 16-й армии Западная стрелковая дивизия была переименована в 52-ю стрелковую дивизию, 1-й Варшавский стрелковый полк — в 460-й стрелковый полк, 2-й Люблинский стрелковый полк — в 461-й стрелковый полк и т. д. Это были не только меры упорядочения, но и проведения единства в организации Красной Армии. В отношении Западной стрелковой дивизии эта линия объективно вытекала из того, что с лета 1919 г. ее пополнение лишь в небольшой степени проходило за счет уроженцев польских земель.

В октябре, когда после захвата Курска и Воронежа деникинцы оказались сравнительно близко от Москвы, 52-я (быв-

шая Западная) стрелковая дивизия, в соответствии с принятым ЦК партии решением о переброске на Южный фронт возможно большего числа лучших войсковых частей, была снята с Западного фронта и брошена на деникинский фронт.

Возможность снятия 52-й дивизии с противопольского фронта, где именно на этой дивизии лежала основная тяжесть обороны, появилась в связи с тем, что, не желая помогать победе деникинцев, выступавших под лозунгом «единой и неделимой» России, т. е. России в границах 1914 г., польские правящие круги с конца лета 1919 г. приостановили какие-либо активные военные действия против Советской республики. Определенная заслуга в некотором умиротворении на советско-польском фронте принадлежала Ю. Мархлевскому.

Возвращаясь нелегально весной 1919 г. из Германии (где он находился с января 1919 г., был кооптирован в ЦК КПГ и руководил классовыми боями рабочих в Рейнско-Вестфальской области), Ю. Мархлевский, несмотря на большой риск, по собственной инициативе вступил в Варшаве в контакт с польскими правящими кругами, обеспокоенными великодержавной позицией Колчака и Деникина. Он убеждал польских правителей в готовности Советского правительства к выгодному для Польши мирному урегулированию и предлагал начать неофициальные советско-польские переговоры, которые могли бы привести к открытым переговорам [164]. После того как польская сторона выразила согласие, Ю. Мархлевский, действуя уже в соответствии с официальным поручением Советского правительства, хотя и вопреки взглядам ряда лиц из высших польских партийных инстанций в Советской России [165], вел переговоры с польской стороной в Беловеже в июле и в Микашевичах в октябре 1919 г.[166] Эти переговоры не привели к открытию мирных переговоров, но они все же способствовали временной стабильности на Западном фронте, что было очень важно в период решающих сражений Красной Армии против деникинцев.

Освобождение 20 октября Орла явилось переломом в борьбе против деникинцев; одновременно с развернувшимся контрнаступлением на Южном фронте советские войска разгромили войска генерала Юденича и погнали из Сибири войска адмирала Колчака. В ходе гражданской войны произошел коренной перелом в пользу Советской власти.

Решающим условием этого перелома явилась огромная политическая и организаторская работа большевистской партии. В ходе

---

164 «Księga czerwona». Moskwa, 1920.

165 W. Gostyńska. Rola Juliana Marchlewskiego w tajnych rokowaniach polsko-radzieckich (czerwiec-lipiec 1919 r.). — «Z pola walki», 1966, № 2 (34).

166 J. Marchlewski. Pisma wybrane, t. II. Warszawa, 1956, str. 754—756; J. Sieradzki. Białowieża i Mikaszewicze. Warszawa, 1959.

этой работы укреплялось единство партии и лежащие в основе ее построения принципы демократического централизма и коллективности руководства. В соответствии с решениями VIII партийной конференции при ЦК и при местных органах РКП(б) создавались отделы агитационно - пропагандистской работы среди национальных меньшинств. Для руководства работой среди поляков-коммунистов и всего польского населения республики было решено образовать Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Польские коммунистические группы преобразовывались в польские коммунистические секции при местных организациях РКП(б) [167]. Тем самым было ликвидировано двойственное положение польских коммунистических групп, которые ранее считались составной частью и РКП(б) и КРПП, самостоятельно принимали новых членов, собирали партийные взносы и т. п. Завершение перестройки польских партийных организаций было связано с первой конференцией поляков — ответственных партийных работников, состоявшейся 9—11 сентября 1919 г. В состав избранного конференцией и утвержденного ЦК РКП(б) Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) вошли Ю. Мархлевский, Ф. Кон, Ст. Бродовский, Ст. Бобиньский, К. Бродский, Я. Долецкий, С. Лазоверт [168]. Я. Долецкий вместе с К. Циховским и С. Пшедецкой входил также в Исполнительное бюро — созданный в сентябре 1919 г. орган, специально занимавшийся связью с КРПП, оказанием ей помощи, отправкой на родину польских коммунистов, работой в польской армии и на оккупированных ею территориях [169]. Находилось Исполнительное бюро в Смоленске, куда было перенесено и издание газеты «Млот». При 12-й, 15-й и 16-й армиях РККА были образованы польские отделы [170].

Ю. Мархлевский

---

[167] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 1, л. 2.

[168] Там же, д. 4, л. 7.

[169] Там же, л. 1.

[170] Р. Ермолаева. К истории польских коммунистических организаций и органов РКП(б) для работы среди польского населения на территории Советской Республики в 1917—1921 гг. — «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957, стр. 57—59.

Польские коммунисты в Советской республике продолжали вести большую, специально обращенную к польскому населению работу. В результате деятельности лишь редакционно-издательской комиссии Польского бюро с сентября по конец 1919 г. было издано 109 названий различных журналов, газет, брошюр, листовок общим тиражом почти в 1,5 млн. экземпляров [171]. Среди этих изданий было немало листовок, обращенных к солдатам польской армии [172]. О том, что эта агитация достигала цели, говорили переход польских солдат на советскую сторону, волнения в отдельных польских частях, общий рост антивоенных настроений в польской армии [173], обращения польских солдат, оказавшихся в советском плену, к солдатам польской армии с призывами повернуть оружие против своих угнетателей — польской буржуазии и помещиков [174].

Большую разъяснительную работу приходилось вести польским коммунистам среди беженцев и эмигрантов, возвращению которых на родину продолжало препятствовать польское буржуазное правительство. Как писал Ю. Мархлевский, беженцам можно было дать только один хороший совет — работать в Советском государстве [175].

Задачу широкого приобщения постоянного и временного польского населения Украины к борьбе за полное изгнание интервентов и за полную ликвидацию остатков гетманщины и петлюровщины пытались решать, как писал Ф. Кон, польские коммунисты, действовавшие в рядах КП(б) Украины [176].

Решающие победы, одержанные Советской властью в 1919 г. над силами внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, давались ценой больших жертв и огромных усилий. В рядах Красной Армии, в партизанских отрядах сложили свои головы многие герои борьбы — польские интернационалисты. Погиб Бронислав Весоловский. Находясь в Польше во главе официальной миссии Российского Красного Креста, он вместе со своими сотрудниками был расстрелян польскими жандармами 2 января 1919 г.; был расстрелян польскими солдатами 22 апреля 1919 г. под Вильно Ст. Берсон; убит жандармерией в Лапах Зб. Фаберкевич (Т. Гневич); польской охранкой в Минске был убит участник революции 1905—1907 гг., один из видных деятелей ППС-левицы, корреспондент довоенной ленинской «Правды» Станислав Кулечиньский. 19 января 1919 г. от руки левоэсеровских заговорщиков, действовавших по наущению английских империалистов, погибли 14 тур-

---

171 ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 15, лл. 60—61.

172 «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, стр. 408—410, 435—437.

173 Там же, стр. 378—379, 396 и др.

174 «Młot», 7.XII 1919.

175 «Trybuna Komunistyczna», 9.II 1920.

176 Там же, 24.II 1920.

кестанских комиссаров — среди них Владислав Фигельский, школьный товарищ Юлиана Лещиньского, блестящий математик, ученик по Сорбонне Андрэ Пуанкарэ, неоднократно встречавшийся в Париже с В. И. Лениным. В. Фигельский с 1913 г. жил и работал в Туркестане, где вскоре стал деятельным участником большевистской организации. Депутат Самаркандского Совета солдатских и рабочих депутатов, затем его председатель В. Фигельский в мае 1919 г. был избран председателем Совета Народных Комиссаров Туркестанской Советской Республики [177]. После мучительных пыток пал от рук чехословацких контрразведчиков один из организаторов СДКПиЛ Винценты Матушевский, являвшийся в 1917—1918 гг. видным деятелем большевистских организаций Восточной Сибири. В бою пал комиссар 1-го батальона Пензенского полка, варшавский каменщик, член СДКПиЛ с 1898 г. Игнацы Грушковский. В колчаковском застенке умер делегат II и V съездов СДКПиЛ и V съезда РСДРП Томаш Магжик.

В. Матушевский

Подводя итоги прошедшего периода борьбы, В. И. Ленин говорил на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 г., что «главные трудности у нас позади» [178]. Конференция приняла новый Устав РКП(б). В связи с тем, что существовавшие в 1917—1919 гг. национальные партийные группы и организации свою роль уже сыграли, устав предусматривал деятельность лишь территориально-производственных организаций партии.

Тотчас же после конференции состоялся VII Всероссийский съезд Советов. От имени рабочих Польши съезд приветствовал Ф. Кон. Своего рода официальным мандатом, дающим ему полномочия на такого рода приветствие, он просил считать «боевой клич, раздающийся на улицах Варшавы и Лодзи. . . В тот момент, когда я обращаюсь к вам от польского пролетариата, он выступает во всех городах с кличем: „Долой войну с Советской Россией!“» [179]. Съезд предложил мирные переговоры всем государствам, воюющим против Советской республики. Вслед за тем

---

[177] А. Зевелев. Владислав Дамианович Фигельский. Ташкент, 1962.
[178] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 349.
[179] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 6, д. 37, л. 29.

последовали нота правительства РСФСР польскому правительству от 22 декабря 1919 г. с предложением начать мирные переговоры[180], обращение Совета Народных Комиссаров 28 января 1920 г. к правительству и народу Польши с изложением основ политики в отношении Польши, обращение ВЦИК 2 февраля 1920 г. к польскому народу с призывом установить добрососедские отношения[181] и другие акты, направленные к установлению мира между Советским государством и Польшей. Польские интернационалисты поддерживали эти действия Советского правительства. В целях определения задач польских коммунистов в России Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) решило созвать 1 мая 1920 г. (первоначально предполагалось 1 апреля) конференцию поляков — членов РКП(б).

5. В период польско-советской войны 1920 г.

Решающие победы Советской республики над силами внутренней и внешней контрреволюции позволили ей перейти к преодолению хозяйственной разрухи, развала транспорта и промышленности. В январе 1920 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет о введении всеобщей трудовой повинности. Во главе созданного Главного комитета всеобщей трудовой повинности был поставлен Ф. Дзержинский, остававшийся также на многих других ответственных постах, в том числе на посту председателя ВЧК[182].

Большую роль в организации советской экономики сыграли член СДКПиЛ с 1902 г. Мечислав Броньский, являвшийся с конца 1917 г. заместителем народного комиссара торговли и промышленности; Якуб Ганецкий — член Коллегии Народного комиссариата финансов; Мечислав Козловский — член Коллегии Народного комиссариата юстиции, председатель Малого Совнаркома. Сотни других польских коммунистов работали в государственном аппарате, в хозяйственных органах.

Вопросы хозяйственного строительства, путей развития советской экономики, электрификации страны заняли центральное место в работе IX съезда РКП(б), заседавшего 29 марта—5 апреля 1920 г. Среди 715 делегатов съезда, представлявших свыше 600 тыс. членов партии, были Францишек Врублевский от Красноярской организации РКП(б), Ф. Кон — от КП(б) Украины, Ст. Пестковский — от Оренбургской партийной организации,

---

180 «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, стр. 312—313.

181 Там же, стр. 331—333, 355—357.

182 За огромные заслуги в борьбе с контрреволюцией Ф. Дзержинский в январе 1920 г. был награжден орденом Красного Знамени. В постановлении ВЦИК о награждении Дзержинского отмечалось, что он на посту председателя ВЧК проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию и выдержку («Известия ВЦИК», 28.I 1920).

Группа польских интернационалистов на Западном фронте. 1919 г. Сидят (слева направо): Ю. Уншлихт, Р. Муклевич; стоят: Бр. Бортновский, Зд. Ширипьский и Ф. Медзведь

Ю. Уншлихт — от большевиков 16-й армии [183]. Избранный опять в состав ЦК партии Ф. Дзержинский на Пленуме ЦК был избран и кандидатом в члены Оргбюро ЦК.

Вместе со всем рабочим классом Советской республики рабочие-поляки участвовали в больших хозяйственно-политических кампаниях зимы и весны 1920 г., во всероссийском первомайском субботнике [184]. Под руководством С. Дзержинской, А. Ганецкой и других была возобновлена в широких масштабах работа по расширению знаний и повышению культурного уровня польских трудящихся. В Москве, в частности, зимой 1919/20 г. было открыто 20 пунктов ликвидации неграмотности среди взрослого польского населения [185].

Сломив главные силы белогвардейской и антантовской контрреволюции, заключив первый мирный договор — договор с Эстонией, вынудив Антанту к снятию блокады, Советская республика

---

183 «Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920 года. Протоколы». М., 1960, стр. 447, 453, 459, 465.
184 «Trybuna Komunistyczna», 1.V 1920.
185 «Trybuna Komunistyczna», 24.II 1920.

еще вела борьбу с врангелевцами, с остатками колчаковцев и др. Напряженным оставалось положение на линии соприкосновения с польской армией: правители Польши не только уклонялись от мирных переговоров с Советской республикой, но явно готовились при поддержке Франции и других западных держав к возобновлению вооруженной борьбы.

На заседании ВЦИК 2 февраля Ю. Мархлевский от имени всех коммунистов-поляков, проживающих в России, огласил заявление, подписанное 43 видными деятелями. В заявлении отмечалось, что КРПП не перестает добиваться окончания войны. Как КРПП, так и польским коммунистам, работающим в России, чужда мысль об установлении коммунистического строя в Польше с помощью русского оружия. Свергнуть установившийся в Польше порядок внешней силой нельзя. Коммунисты-поляки стремятся к миру между Советской республикой и Польшей. Но если польское правительство будет продолжать наступление, коммунисты-поляки будут, как и раньше, защищать пролетарскую Россию [186].

Выступая 6 марта 1920 г. на заседании Московского Совета, В. И. Ленин указывал, что Советская республика сделала все возможное, чтобы предотвратить войну с Польшей. «Но хотя мы сделали все возможное, дальнейшее зависит не от нас» [187]. Еще 27 февраля В. И. Ленин телеграфировал народному комиссару по военным делам: «Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей» [188].

После того как реакционные правители Польши развязали 23 апреля 1920 г. войну против Советского государства, ВЦИК и СНК в обращении, подписанном М. И. Калининым, В. И. Лениным и другими, провозгласили: «Долой польских захватчиков, насильников и угнетателей! За нашу и вашу свободу! — говорим мы пролетариям и крестьянам Польши. — Да здравствует братство трудящихся масс Польши и России!» [189].

Исполнительное бюро польских коммунистов в Смоленске выпустило листовку к польским солдатам, призывая их бороться за мир с Советской Россией. В центре внимания проходившей в Москве 3—5 мая 1920 г. II Всероссийской конференции поляков-коммунистов были вопросы борьбы против нападения польских захватчиков. В конференции участвовало 90 делегатов, представлявших польских коммунистов Москвы, Оренбурга, Курска, Тюмени, Барнаула, Самары, Тамбова, Смоленска, Харькова, Саратова, Ярославля, Твери, Могилева, Рогачева, Вятки, Нижнего Новгорода, Подольска, Петрограда, Новониколаевска, Красноярска, 53-й дивизии, 14-й армии, кавалерийского полка и др. Конференция по предложению председательствовавшего

---

186 «Trybuna Komunistyczna», 24.II 1920.
187 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 196.
188 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 147.
189 «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 495.

В. И. Ленин на закладке памятника «Освобожденный труд». 1 мая 1920 г. (справа — Ст. Будзыньский)

Ю. Мархлевского без дискуссии приняла решение о мобилизации максимального количества польских товарищей, находящихся в Советской республике. Конференция указала на необходимость усиления работы среди военнопленных и беженцев, среди молодежи[190]. Учитывая, что успехи на фронте находятся в прямой зависимости от состояния тыла, участники конференции отметили задачи польских трудящихся, связанные с работой в промышленности и на транспорте. Конференция внимательно и критически рассмотрела деятельность Польского бюро, отметив его сравнительно слабую организационную работу, а равно и недооценку некоторыми местными партийными организациями задач работы среди польского населения.

Предательское нападение польских войск вызвало возмущение широких кругов польского населения Советской республики. На собрании в Харькове 16 мая после выступлений Ф. Кона, А. Скарбека, А. Славиньского колонна польских интернационалистов направилась к зданию, где заседал IV Всеукраинский съезд Советов. На плакате, который несли демонстранты, было

---

[190] «Trybuna Komunistyczna», 18.V 1920.

написано: «Польские помещики и капиталисты воюют против Советской России и Красной Украины — польский пролетариат объединяется с рабочим классом России и Украины в борьбе против польской буржуазии»[191].

В борьбе против агрессии буржуазной Польши польские коммунисты стремились быть на самых сложных и ответственных местах. Одной из главных своих задач, наряду с вступлением в Красную Армию, они считали работу среди войск противника и в прифронтовой полосе, где значительную часть населения составляли поляки[192]. Специфической формой работы, порожденной требованиями момента, явились широкие конференции рабочих и красноармейцев-поляков, проводившиеся коммунистами-поляками. Одна из таких конференций с участием 142 делегатов от 1210 человек состоялась 1 июля в Москве. Ее участники после доклада Ю. Мархлевского и выступлений Ю. Лещиньского, С. Дзержинской и других приняли резолюцию, в которой указали, что польское правительство, вызвав войну, предъявляет неосновательные претензии на восстановление границ 1772 г., что польские трудящиеся едины с пролетариатом России[193]. Основная работа Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) была перенесена в Смоленск. Для проведения работы на Правобережной Украине Польское бюро агитации и пропаганды образовало особое бюро в составе Ю. Лещиньского, Ст. Борского и Яна Войтыги[194]. В Москве работой оставшейся здесь части бюро агитации и пропаганды стала ведать С. Дзержинская.

В тылу польских войск расширялось партизанское движение, участниками которого были и польские трудящиеся. В войсках буржуазной Польши замечалось брожение, группы солдат переходили на советскую сторону. Многие польские военнопленные выражали желание помочь Советской республике.

В тяжелых условиях белого террора КРПП призывала польский народ к борьбе против реакционных правителей. Ю. Мархлевский, представляя КРПП на II конгрессе Коминтерна, на первом же его заседании, состоявшемся 19 июля в Петрограде, выступил с гневной речью, обличавшей авантюризм и преступный характер политики правителей Польши.

Когда советские войска в результате мощного контрудара погнали польскую армию с советской земли и стало очевидным, что Красной Армии предстоит по стратегическим соображениям перенести военные действия на собственно польскую территорию, было решено провести всеобщую мобилизацию коммунистов-поляков[195]. ЦК РКП(б) образовал Польское бюро ЦК РКП(б)

---

[191] «Trybuna Komunistyczna», 10.VI 1920.
[192] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 401, л. 81.
[193] Там же, лл. 111—112 об.
[194] Там же, л. 86.
[195] Там же, д. 1, л. 106.

в составе Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского, Ф. Кона, Э. Прухняка и Ю. Уншлихта[196]. 23 июля бюро выехало из Москвы на запад; центром его деятельности с 30 июля являлся Белосток, где бюро работало в единстве с Польским временным революционным комитетом (Польревкомом).

Польский временный революционный комитет обратился с манифестом к польскому трудовому народу. В манифесте разъяснялось, что советские братья борются прежде всего за мир, что они идут с лозунгом «За нашу и вашу свободу!» — лозунгом героев польской освободительной борьбы.

Хотя все члены Польревкома прошли школу Октябрьской революции и борьбы за власть Советов в России, на освобожденных польских землях они в ряде случаев допускали ошибки и действовали без учета конкретной обстановки[197]. В сочетании с крупными ошибками командования это привело к военным неудачам на польско-советском фронте[198]. В составе Красной Армии отступали и части Польской Красной Армии, которую Польревком начал формировать в середине августа. Командующим армией был Р. Лонгва.

На развитие военных операций на польском театре военных действий большое влияние оказало наступление врангелевских войск из Крыма. Среди других соединений оказалась скованной борьбой на врангелевском фронте и 52-я (бывшая Западная) стрелковая дивизия, в которой все еще находилось сравнительно много польских интернационалистов. Дивизия, было оттесненная на правый берег Днепра, действуя вместе с Латышской и 15-й дивизиями, вскоре форсировала Днепр и повела 6—8 августа ставшие затем знаменитыми бои за Каховку. В этих боях особо отличился 464-й (бывший 5-й Виленский) полк. В ноябре 1920 г. 52-я дивизия вместе с 15-й и 153-й дивизиями форсировала Сиваш и, проделав проходы в проволочных заграждениях на Литовском полуострове, проложила путь к полному разгрому последнего крупного очага контрреволюции и интервенции. К этому времени погибшего Р. Лонгву сменил на посту командира дивизии Ян Роудман; комиссаром дивизии был Вацлав Грузедь[199].

После окончания советско-польской войны польские коммунисты в Советской республике продолжали большую работу как среди постоянного польского населения, так и среди беженцев (к весне 1921 г. их оставалось еще до 500 тыс.) и военнопленных солдат и офицеров польской армии.

Поляки-коммунисты составляли внушительную политическую

---

[196] Там же, л. 41.

[197] П. Калениченко. О деятельности Польского временного революционного комитета. — «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957.

[198] Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958.

[199] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, л. 110.

силу: к весне 1921 г. их состояло в РКП(б) 18 тыс. человек[200]. При организациях РКП(б) насчитывалось тогда 8 областных, 37 губернских и 36 уездных польских бюро. Состоявшаяся в ноябре 1921 г. III Всероссийская конференция коммунистов-поляков нацелила членов партии на работу среди постоянного польского населения республики. Это диктовалось тем, что вслед за подписанием в марте 1921 г. Рижского мирного договора с Польшей начался быстрый отъезд всех временных контингентов польского населения. Оставшиеся группы польского населения — в том числе и из бывших беженцев, солдат царской армии, военнопленных — прочно вошли в состав всего советского населения.

Одной из ярких страниц последнего периода польского интернационалистского движения в России было участие бригады красных коммунаров, созданной на основе Польской Красной Армии, в разгроме антоновщины. Польские интернационалисты принимали участие и в подавлении кронштадтского мятежа. В бою с мятежниками погиб комиссар курсов польских красных командиров, видный военачальник Болеслав Корнфельд[201].

Славные дела польских интернационалистов явились особо яркой страницей в истории революционного союза польского народа и народов России, в совместной борьбе за свободу, демократию и социализм.

---

200 ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 99, л. 14.
201 «Trybuna Komunistyczna», 3.IV 1921.

ГЛАВА 7

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В РОССИИ

1. Чехословацкие социал-демократические организации в Советской России

Сразу же после победы вооруженного восстания возникла социал-демократическая организация чешских пленных и эмигрантов в Петрограде[1]. Она была основана, очевидно, в начале ноября 1917 г. К. Кнофличком, Ф. Бенешем и другими военнопленными, работавшими еще до Октябрьской революции в типографии газеты «Чехословак» и уже тогда связанными с русскими социал-демократами Петрограда. В основном это были бывшие члены Чешской социал-демократической рабочей партии Австрии — так называемые централисты из Вены, Брно и Остравы.

Петроградская организация действовала в политическом центре пролетарской революции, и это содействовало тому, что, несмотря на свою малочисленность, она быстро заняла видное место среди чехословацких социал-демократических организаций в России. С ней были тесно связаны чехословацкие социал-демократические группы, возникшие в окрестностях Петрограда — Шлиссельбурге, Лодейном Поле, Колпине, Паше и Калище[2].

Уже в первых заявлениях чехословацких социал-демократов Петрограда, опубликованных в «Правде» и «Известиях ЦИК», подчеркивалось, что так называемое чехословацкое легионерское

---

[1] «Pochodeň» (Petrograd), 19.II 1918; «Čecho-slováci ve válce a v revoluci». Kijev—Moskva, 1919, str. 136.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 97, л. 20; «Pochodeň», 14, 24.II 1918; J. Kříže k. Penza, slavná bojová tradice čs. rudoarmějců. Praha, 1956, str. 60—61; J. Veselý. Češi a Slováci v revolučnim Rusku 1917—1920. Praha, 1954, str. 96.

движение в России, руководимое Чехословацким национальным советом, находится в финансовой зависимости от Антанты и, как показали события на Украине в августе и сентябре 1917 г., носит контрреволюционный характер. Поэтому в отличие от киевской петроградская организация решительно высказалась против вступления социал-демократов в чехословацкий корпус, а также против отправки добровольцев на Западный антигерманский фронт во Францию [3]. В первом же номере своей газеты «Походень» («Факел»), вышедшей 7 февраля 1918 г., петроградские социал-демократы заявили, что цели, стоящие перед чехословацкими трудящимися, могут быть достигнуты не путем участия в империалистической войне под руководством национальной буржуазии, а совместной борьбой пролетариев всех стран против международного капитала. Газета призывала к организации «сильной пролетарской армии» [4] для борьбы за национальную и социальную свободу, за создание Чешской социалистической республики [5].

Чехословацкие социал-демократы Петрограда вместе с другими военнопленными-интернационалистами сразу же после Октябрьского переворота подписали обращение к солдатам Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Турции с призывом взять в свои руки инициативу заключения всеобщего демократического мира [6]. На одном из первых митингов военнопленных в Петрограде 16 (29) декабря 1917 г. их представитель заявил, что «чешский пролетариат будет бороться за идеалы русской революции вместе с немецкими, польскими, русскими и венгерскими рабочими» [7]. Представители чехословацкой социал-демократической организации вошли в созданный в феврале 1918 г. социал-демократический революционный центр (комитет) военнопленных.

Первые публичные выступления членов чехословацкой социал-демократической организации Петрограда отражали влияние идей большевизма. Однако, провозглашая и пропагандируя главным образом конечные цели, максимальную программу пролетарского движения, они еще не только не представляли себе четко место и роль средних слоев в революционной борьбе на ее различных этапах, но и не видели необходимости подведения широких пролетарских масс к пониманию и восприятию социалистических лозунгов. Для некоторых из них было характерно и нигилистическое отношение к национальному вопросу. Они отмахивались от борьбы за национальные требования, утверждая, что нацио-

---

3 «Правда», 9 (22).XI; 3 (16).XII 1917; «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3 (16).XII 1917.

4 «Pochodeň», 7.II 1918.

5 «Pochodeň», 14.II 1918.

6 «Čecho-slováci ve válce a v revoluci», str. 135.

7 «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 17 (30).XII 1917.

нальная свобода — это «пустой звук». По ряду других важнейших вопросов, в том числе и по вопросу о мирных переговорах в Брест-Литовске, их взгляды были далеки от ленинской позиции. Все это, а также элементы сектантской замкнутости, особенно в организационных вопросах, еще долго ограничивали эффективность политической деятельности организации.

А. Кольман. Красноярск, 1920 г.

В первые же месяцы после Октябрьской социалистической революции начался процесс политической дифференциации в московской Чехословацкой рабочей организации. Она, как и подобные ей «внепартийные», «общенародные» организации в других местах, создавалась филиалом Чехословацкого национального совета с весны 1917 г. в качестве противовеса социал-демократическим, классовым организациям чехословацких трудящихся в России. В октябре 1917 г. организация насчитывала 636 членов. Входившие в нее рабочие — социалисты и социал-демократы (военнопленные и эмигранты) все более рашительно протестовали против продолжения прежней политической линии руководства. В начале 1918 г. организация стала именоваться Чехословацкой социалистической рабочей организацией. 14 (27) января 1918 г. она высказалась в поддержку Октябрьской социалистической революции, ибо, как указывалось в резолюции митинга, состоявшегося в этот день, чехословацкие рабочие-социалисты видят в ней самую мощную опору в борьбе за достижение государственной независимости и освобождение от гнета буржуазии [8]. В середине января 1918 г. в письме, посланном советской мирной делегации в Брест-Литовске, организация горячо приветствовала «решительность шагов революционной России к достижению всеобщего мира, который был бы не только демократическим, но и социалистическим» [9].

Левым, революционным элементам, объединившимся вокруг рабочего-печатника, социал-демократа с 1902 г. Р. Дворжака,

---

[8] ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, д. 1185, л. 22; «Социал-демократ» (Москва), 17 (30).I 1918.

[9] «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 18 (31).I 1918.

приходилось, однако, преодолевать сильное сопротивление руководителей организации, стремившихся к сотрудничеству с Чехословацким национальным советом, эсерами и меньшевиками. Левая оппозиция внутри Чехословацкой социалистической рабочей организации действовала до поры до времени в полном отрыве от Комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа, хотя уже в это время некоторые чехословацкие социалисты, находившиеся в Москве, активно участвовали в работе этого комитета.

Заместителем председателя правления комитета был Арношт Кольман, уроженец Праги, член Чехославянской социал-демократической рабочей партии с 1910 г., бывший ассистент астрономической обсерватории Пражского университета, унтер-офицер австро-венгерской армии [10].

Вслед за центральными районами России левые чехословацкие социал-демократы и социалисты развернули энергичную организационную и политическую работу по всей стране. Одна из крупнейших чехословацких социал-демократических организаций была создана в самом начале 1918 г. в Омске. В первой половине января 1918 г. чехословацкие военнопленные социал-демократы автономисты и централисты объединились в единую «Чешско-словацкую социал-демократическую рабочую партию» [11]. Организация вначале насчитывала не более 150 человек, в марте—апреле — уже 1300—1600, а к маю, по некоторым сведениям, она объединяла лишь в Омске около 2 тыс. членов и около 600, состоящих в пяти группах, разбросанных по области [12]. Вскоре в Омске сложилось и интернациональное объединение военнопленных-социалистов — немцев, австрийцев, венгров, чехов, словаков, румын, югославян, поляков и итальянцев. В Центральном комитете этого объединения вместе с другими была представлена и чехословацкая секция [13].

Чехословацкие социал-демократы были активными участниками создания интернациональных объединений военнопленных в Симбирске (Ф. Валхарж, В. Орел, Б. Пильчак, И. Пружанский, Гурко), Самаре (Ф. Шебеста), Казани (Шмейкал), Екатерин-

---

[10] А. Кольман прошел суровую школу царских лагерей для военнопленных в Дарнице, Царицыне и Иваново-Вознесенске. Брошенный Временным правительством в мае 1917 г. в тюрьму за выступление на митинге против войны, он был освобожден Октябрьской революцией и стал одним из видных организаторов интернационалистского движения. (Архив Академии наук СССР (далее — ААН СССР), ф. 4, оп. 3, д. 537; ф. 411, оп. 37, д. 761).

[11] «Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 22.III 1918.

[12] «Dělnický denník» (Brno), 22.IX 1918; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 266, л. 1; «Československý denník», 22.IX 1918; «Průkopník» (Moskva), 18.IV 1918.

[13] «Dělnický denník», 22.IX 1918.

Газеты чехословацких интернационалистов

бурге (В. Смрчка, Р. Косулик), Петропавловске (Й. Матейка), Хабаровске (Суханек) и других городах.

Деятельность революционных организаций военнопленных активизировалась и приобрела новые черты в середине февраля 1918 г., когда Центральные державы, нарушив перемирие, двинули свои армии в глубь Советской России.

Созванное по инициативе Комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа совещание представителей революционных организаций, в котором впервые приняли участие и чехословацкие социал-демократы из

московской социалистической рабочей организации, для обеспечения единства действий решило создать объединенный революционный комитет и обратиться к военнопленным с призывом вступать в ряды Красной Армии [14].

Февраль ознаменовался коренным поворотом и в характере политической деятельности московской Чехословацкой социалистической рабочей организации. На очередных общих собраниях 17 и 24 февраля после острой дискуссии между представителями оппозиции и руководством большинство проголосовало за необходимость «произвести пересмотр своей деятельности». В политической резолюции, принятой собранием, подчеркивалось, что чехословацкий пролетариат сможет ликвидировать национальный и социальный гнет лишь согласованными действиями со всеми трудящимися Австро-Венгрии и международным пролетариатом. Собрание постановило впредь принимать в организацию лишь того, «кто сделает письменное заявление о том, что он безусловно признает международную социал-демократическую программу», а социалистов «других оттенков», не признавших этого решения, исключить из своих рядов. Собрание предложило созвать съезд «представителей всех социал-демократов чехов и словаков в России» [15] с тем, чтобы создать новый революционный орган руководства освободительным движением.

С конца февраля организация начала действовать в контакте с московским интернациональным объединением. Р. Дворжак и В. Ружичка стали активными агитаторами Революционного комитета социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа [16].

2. Пролетарская революция на Украине и чехословацкая социал-демократия

Сразу же после получения известий о революционных событиях в Петрограде находившиеся в Киеве руководители филиала Чехословацкого национального совета заключили соглашение с командованием Киевского военного округа и Юго-Западного фронта об использовании чехословацких частей для поддержки «законного» правительства. Вслед за этим помощник комиссара Временного правительства при штабе Юго-Западного фронта И. Григорьев распорядился двинуть чехословацкие части на Киев. 28 октября (10 ноября) чехословацкие подразделения совместно с юнкерами уже участвовали в развернувшихся в городе боях.

---

14 «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 27.II 1918.

15 «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Москвы и Московской области», 6.III 1918; «Правда», 10.III 1918.

16 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 3, л. 6.

Вечером 29 октября (11 ноября) члены ЦК чехословацкой социал-демократической организации явились к комиссару корпуса П. Максе и заявили протест против вмешательства чехословацких частей в политическую борьбу в России, потребовав их немедленного вывода из города. Макса, по сообщению газеты «Свобода», ответил, что выступление «анархистских и большевистских элементов» он не считает политической борьбой [17]. Тогда ЦК обратился с листовкой к чехословацким солдатам. «Существует опасность,— говорилось в ней, — что чешская армия истечет кровью на улицах Киева в борьбе не против нашего извечного врага, а против русского и украинского народа... Братья! не допустите, чтобы ваше оружие было обагрено славянской и пролетарской кровью!» [18]

Между тем 30 октября (12 ноября) положение верных Временному правительству войск стало критическим, многие части прекратили сопротивление, а юнкера заявили о своем нейтралитете. На следующий день в Киеве было заключено перемирие, одним из условий которого был вывод из города всех войск, вызванных с фронта. Однако чехословацкие подразделения только 3—5 (16—18) ноября покинули Киев.

В октябрьские дни чехословацкие части использовались против революции не только в Киеве. Еще по пути туда рота 2-го полка обезоружила гарнизон Белой Церкви, восставший против Временного правительства [19], а батальон 1-го полка охранял штаб 11-й армии в Староконстантинове от «ненадежных» русских и украинских частей [20].

Естественно, что события 27—31 октября (9—13 ноября) вновь, как и поведение чехословацкого военного командования в дни корниловского мятежа, не могли не насторожить трудящихся Киева. Недоверие к чехословацкой военщине могло серьезно отразиться и на отношении к тысячам чехословацких военнопленных, работавших на киевских предприятиях. Однако рабочие Киева сумели оценить интернационалистскую позицию чехословацкой социал-демократической организации в октябрьские дни и приняли меры для того, чтобы предотвратить возникновение чреватого серьезными последствиями недоразумения. В открытом письме ЦК чехословацкой социал-демократической организации Киевский совет профессиональных рабочих союзов 8 (21) ноября приветствовал действия чехословацких социал-демократов и заявил, что последние события не изменят мнения о чехословацких рабочих. «В этой великой борьбе рабочих и крестьян против буржуазии, — подчеркивалось в письме, — сказалась сила междуна-

17 «Svoboda», 2 (15).XI 1917.
18 Там же.
19 «Za svobodu». Obrázková kronika československého revolučního hnuti na Rusi 1914—1920» (далее — «Za svobodu»), d. II. Praha, str. 730.
20 «Deník plukovníka Švece». Praha, 1921, str. 189—190.

родной солидарности пролетариата... И как бы ни было выгодно нашим врагам разбить солидарность рабочих разных национальностей, мы будем в одних рядах продолжать творить наше общее пролетарское дело...»[21]

Хотя классовый подход помог чехословацким социал-демократам занять правильную позицию во время октябрьских событий в Киеве, противоречивость предшествующего идейно-политического развития, влияние меньшевиков предопределили первоначально выжидательно-настороженное отношение руководства киевской чехословацкой социал-демократической организации к революционным событиям в Петрограде. В вышедшем 2 (15) ноября номере газеты «Свобода» (первом после получения в Киеве известий об Октябрьской революции) было помещено краткое сообщение о первых декретах II Всероссийского съезда Советов и сформировании Советского правительства. Вместе с тем газета призывала чехословацких социал-демократов к осторожности, «ибо еще не ясно, кто станет хозяином страны»[22]. В следующем номере «Свободы», вышедшем 9 (22) ноября, излагалось содержание Декрета о мире, однако газета комментировала его в том смысле, что декрет, дескать, останется на бумаге, так как у Советской России не хватит сил провести его в жизнь. Поместив также сообщение об открытом письме Г. В. Плеханова к петроградским рабочим с призывом объединиться со всеми классами и слоями, не желающими восстановления самодержавия, редакция «Свободы» заявила, что этот призыв безнадежен, ибо идея коалиции с буржуазией полностью дискредитирована. В то же время в статье «Какое будет правительство в России?» поддерживалась идея «однородного социалистического кабинета, который объединит все социалистические течения — от крайне правых до крайне левых», вытекавшая из ошибочного предположения, что именно такое правительство сможет противопоставить буржуазной контрреволюции все социалистические силы[23].

Важным рубежом в идеологическом и организационном развитии чехословацкой социал-демократической организации на Украине явилась состоявшаяся 25—26 ноября (8—9 декабря) 1917 г. в Киеве партийная конференция. К этому времени чехословацкие социал-демократические организации на Украине объединяли более 3 тыс. членов[24].

В политической резолюции, принятой конференцией, указывалось, что виновниками войны являются правительства обеих империалистических группировок, скрывающие свои захватнические цели под лживым лозунгом борьбы за свободу малых наций.

---

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 18. «Пролетарская мысль» (Киев), 10 (23).XI 1917.
[22] «Svoboda», 2 (15).XI 1917.
[23] «Svoboda», 9 (22).XI 1917.
[24] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 97, лл. 20—21; д. 253, лл. 49, 58, 61.

Осудив социал-шовинистов, поддерживающих свои империалистические правительства, конференция призвала чешских пролетариев и трудящихся всех воюющих стран в случае необходимости с оружием в руках поддержать лозунг русской революции о демократическом мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. Целью чешского пролетариата, говорилось в заключительной части этого документа, является «создание самостоятельной демократической Чехословацкой республики». Австро-Венгрия должна исчезнуть с карты Европы, а на ее месте будет создан «союз самостоятельных независимых демократических республик, который совместно с союзом русских республик будет первым шагом к созданию европейского и всемирного союза наций. . .»[25] Следует отметить, что конференция не сумела еще четко определить своего отношения к буржуазному руководству филиала Чехословацкого национального совета. Она не сумела занять правильной позиции и по отношению к Центральной раде.

Руководители организации подчеркивали в своих речах наличие хороших взаимоотношений и с Центральной радой, и с Советами рабочих депутатов и профессиональных союзов, и «со всеми фракциями русских товарищей»[26]. Но прежде всего они имели в виду хорошие отношения между ними и меньшевиками[27].

26 января (8 февраля) 1918 г. красногвардейские части, поддержанные восставшими рабочими, заняли Киев. Центральная рада была изгнана.

Установление Советской власти на всей Украине создало, как никогда ранее, благоприятные условия для деятельности чехословацких рабочих организаций. К февралю 1918 г. чехословацкая социал-демократическая организация на Украине насчитывала 5054 члена, состоявших в 62 организациях (из них 46 — провинциальных). Тираж газеты «Свобода», имевшей подписчиков в 48 губерниях России, достиг 5 тыс. экземпляров[28]. Чехословацкая революционная социал-демократия начинала лучше понимать, где ее место в той борьбе, которая развернулась между буржуазией и пролетариатом. Обращаясь к исполкому Киевского Совета рабочих депутатов 25 января (7 февраля) 1918 г., ее руководство писало: «В нынешний торжественный момент, когда Советская власть укрепляется на Украине, ЦК чешско-славянской СДРП приветствует эту новую победу русского и украинского пролетариата. ЦК считает своим долгом стоять по боку (так в тексте. — *А. К.*) русских товарищей и их рабоче-крестьянского Советского правительства в их борьбе за осуществление великих идеалов социализма и уничтожение всякой эксплуатации чело-

---

[25] «Svoboda», 30.XI (13.XII) 1917.
[26] Там же.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 51.
[28] Там же, д. 97, лл. 20—21; «Svoboda», 29.XII 1917 (11.I 1918).

века человеком...»[29] События показали чехословацким социал-демократам, что большая часть народа, и прежде всего рабочих, идет за большевиками. Тактика большевиков, констатировала теперь «Свобода», оправдала себя в период революции. «Товарищи! — обращался с ее страниц солдат 7-го чехословацкого полка Йозеф Седларж. — Давайте спросим себя, положа руку на сердце, кто нам ближе — большевики или буржуазия? Ответ ясен — большевики. Большевики были и всегда будут нам ближе, они являются частью единой великой пролетарской семьи, они доказали, что способны к великой творческой работе. Поэтому наша обязанность примкнуть к ним»[30].

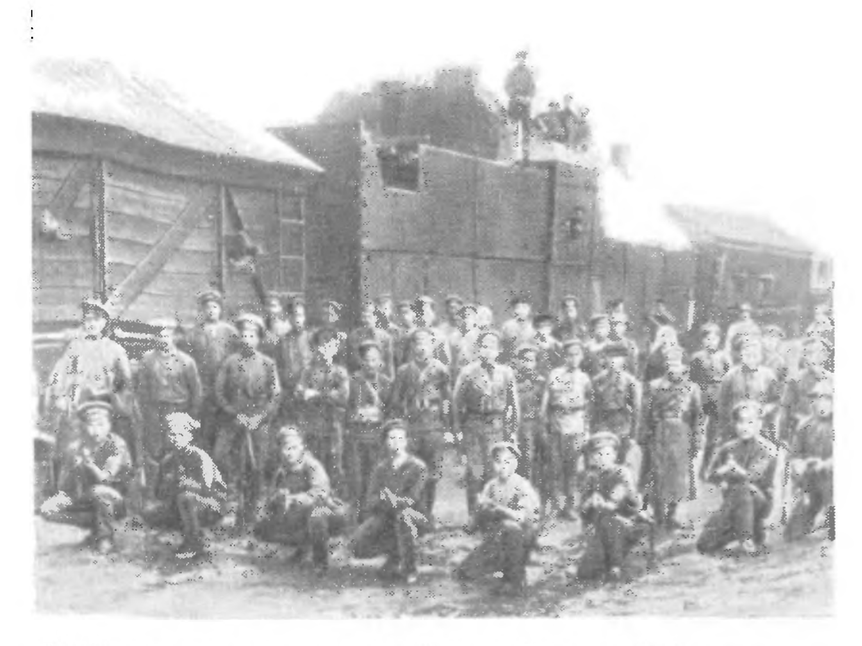
Советское правительство Украины в свою очередь шло навстречу чехословацким социал-демократическим организациям. 15 февраля руководство Чехославянской социал-демократической рабочей партии было официально уполномочено народным секретарем по военным делам Ю. Коцюбинским вести пропаганду среди чехословацких рабочих и солдат и формировать отряды чехословацкой Красной гвардии как составной части социалистической армии пролетарского государства[31]. Имеются сведения, что в красногвардейских частях, освобождавших Киев, было два чехословацких подразделения, в которых насчитывалось около 500 бойцов[32]. В середине февраля к ним присоединилось несколько сот солдат, ушедших из стоявшего в Березани 7-го полка чехословацкого корпуса. Как сообщал позднее Й. Жальский, являвшийся совместно с В. Петрасом, Й. Седларжем, Л. Шварцем, Й. Иравой и другими левыми социал-демократами инициатором перехода солдат 7-го полка в Красную гвардию, только из 10-й роты ушло 92 человека, а из других рот полка — еще около 250[33]. К концу февраля единый чехословацкий отряд Красной гвардии Киева насчитывал уже 700—800 человек, а несколько позже — около 1 тыс.[34]

В Киеве существовали и интернациональные красногвардейские отряды, в которые также входили чехословацкие военнопленные, и красногвардейские отряды отдельных промышленных предприятий. В них, как например в отряде завода «Арсенал», судя по некоторым данным, были и чехи, и словаки[35].

Формировались чехословацкие и интернациональные красногвардейские отряды в Екатеринославе, Таганроге, Харькове и других городах. В Одессе было организовано одно из наиболее крупных на Украине интернациональное красногвардейское фор-

---

[29] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 13.
[30] «Svoboda», 14.II 1918.
[31] «Svoboda», 21.II 1918.
[32] J. Veselý. Указ. соч., стр. 82.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 330, л. 94.
[34] Там же, д. 257, лл. 18, 82; д. 97, л. 20.
[35] «Киевский арсенал в пролетарской революции». Киев, 1928, стр. 127—128.

Группа чехословацких красноармейцев на Украине. 1918 г.

мирование — Интернациональная гвардия. Одним из ее подразделений был чехословацкий красногвардейский отряд, созданный, очевидно, из добровольцев-чехов, служивших ранее в сербском корпусе и работавших на местных предприятиях [36].

Руководители филиала Чехословацкого национального совета утверждали, что Красная гвардия, дескать, предназначается для выполнения «жандармских функций» и что вступление в ее ряды нарушает провозглашенный Масариком принцип нейтралитета. Разоблачая эти измышления, социал-демократы заявляли, что чешский пролетариат «не может быть нейтральным в момент борьбы с капиталом. Чешский пролетариат обязан с оружием в руках выступить в поддержку революции и бороться рядом с русскими товарищами за свободу трудящегося класса и своей нации...» [37] Таким образом, призвав социал-демократов вступать в Красную гвардию, начав агитацию за это и в частях корпуса, отказавшись уплачивать филиалу Чехословацкого национального совета так называемый национальный налог, киевская социал-демократическая организация встала на путь открытой борьбы

---

[36] «Za svobodu», d. II, str. 840.
[37] «Svoboda», 14.II 1918.

против политики буржуазного руководства чехословацкого национального движения.

Между тем командование чехословацкого корпуса отказалось участвовать совместно с советскими войсками в борьбе с австро-германскими армиями, вторгшимися по договоренности с Центральной радой на Украину. Против австро-германских оккупантов бок о бок с советскими войсками сражались лишь чехословацкие интернационалисты. Так, в Ровенском отряде В. И. Киквидзе в боях под Бородянкой и Жмеринкой принимал участие великолепно дравшийся, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, чехословацкий батальон. Чехословацкие красногвардейцы участвовали в недолгой, но упорной схватке под Киевом совместно с отрядами Г. И. Чудновского. Чехословацкий красногвардейский отряд защищал железнодорожный узел Гребенку. Часть его затем, очевидно, была переброшена на север, к Бахмачу, а часть — на юг, к Золотоноше. Эти отряды вновь объединились уже под Ромоданом, а потом с тяжелыми боями, неся серьезные потери, отходили к Полтаве и Харькову[38].

В документах, приведенных в воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко, есть сведения, что в обороне Полтавы, наряду с «русско-сербским отрядом», действовал «чешский отряд» (17 марта). В оперативных документах 4-й армии В. И. Киквидзе при обороне реки Ворсклы фигурируют уже «чехословацкие отряды» (28 марта). В частях 5-й армии Р. Ф. Сиверса, действовавших в районе станции Ворожба, упоминается (16 марта) «отряд интернационалистов и интернациональная батарея» численностью в 900 бойцов. В 20-х числах апреля «чехословацкий батальон с батареей» был направлен из Луганска в Камышеваху в резерв Донецкой армии. Наконец, в начале мая в армии, оборонявшей рубеж между станциями Журавкой и Уразово, числился «чехословацкий батальон» в 150 штыков, при 12 пулеметах и 1 орудии. В дальнейшем часть чехословацких красногвардейцев влилась в формировавшуюся в Тамбове дивизию Киквидзе, часть отошла к Луганску и Миллерово[39], а большая группа (вместе с ЦК Чехославянской социал-демократической рабочей партии, штабом Красной гвардии и редакцией газеты «Свобода») — к Таганрогу. Здесь к ним присоединилась часть чехов и словаков — рабочих

---

[38] В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. М.—Л., 1928, т. II, стр. 32, 86—89, 127, 245, 295.

[39] Эта часть чехословацких красногвардейцев, возможно, перечислена в «Именном списке 1-го чехословацкого отряда», которым командовал в конце апреля 1918 г. Франц Гашек. Отряд, насчитывавший 254 человека, хотя и именовался «чехословацким», фактически был интернациональным. Кроме чехов и словаков, здесь были поляки, русские и украинцы. Ф. Гашек в начале мая вступил в 1-й Пензенский чехословацкий революционный полк, но вскоре погиб и был похоронен в Пензе (ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 63, лл. 68—72; ф. 4882, оп. 1, д. 1, лл. 105, 181).

военного завода Русско-Балтийского общества — членов местной социал-демократической организации. Из Таганрога многие чехословацкие интернационалисты вскоре переехали в Пензу, где формировался 1-й чехословацкий революционный полк, многие — в Москву, ставшую теперь политическим центром чехословацкой революционной социал-демократии.

Известно также, что чехословацкие красногвардейцы сражались под Екатеринославом и на юге, сдерживая наступление немцев на железнодорожной линии Раздельная—Одесса. Затем они через Феодосию были переброшены сначала под Царицын, а оттуда в Пензу [40]. Большинство чехословацких интернационалистов вместе с украинскими советскими войсками с боями отступили на север и восток к границам Российской республики.

3. Брестский мир и чехословацкие интернационалисты

Мирный договор с Центральными державами, утвержденный VII съездом РКП(б) и IV Всероссийским съездом Советов в первой половине марта 1918 г., существенно изменил обстановку, в которой действовали революционные организации военнопленных и других зарубежных интернационалистов.

После переезда Советского правительства в Москву сюда же переместилось и руководство петроградской чехословацкой социал-демократической группы. Оно установило контакт с московской Чехословацкой социалистической рабочей организацией. 27 марта 1918 г. вышел первый номер новой еженедельной газеты «Прукопник» («Пионер») — органа, как значилось в подзаголовке, «чехословацких социал-демократов (коммунистов-интернационалистов)». В первом номере газеты сообщалось о готовящемся съезде «чехословацких социалистов-эмигрантов в России», которому предстояло решить вопрос о единстве действий всех находившихся в России чехословацких социалистов и определить их отношение к русской революции и социалистическим партиям других национальностей [41].

Левые социал-демократы, группировавшиеся вокруг газеты «Прукопник», провозглашая своей целью создание небольшой группы «вполне сознательных и при всех обстоятельствах готовых к борьбе коммунистов» [42], делали особый упор на необходимость обособления, выделения чехословацких коммунистических

---

[40] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 257, лл. 18, 82; д. 97, л. 20; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 163, л. 14; «Československý denník», 21.V 1918; «Za svobodu», d. II, str. 818; J. Křížek. Указ. соч., стр. 99—103; J. Veselý. Указ. соч., стр. 87—89.

[41] «Průkopník», 27.III 1918.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 113, л. 34.

групп из уже существовавших на местах интернациональных партийных организаций. Уже второй номер «Прукопника» вышел с подзаголовком «Орган Чешско-словацкой секции Российской коммунистической партии (большевиков)». Инструкции, опубликованные 4 апреля и 9 мая в газете «Прукопник», предписывали чехословацким интернационалистам действовать самостоятельно и руководствоваться исключительно указаниями московской организации. В местные же интернациональные партийные комитеты рекомендовалось посылать своих представителей лишь для информации. По сути дела у чехословацких революционеров еще отсутствовало четкое представление о необходимых формах организации, которые дали бы наилучшую возможность сочетать интернациональные и национальные задачи движения. Характерной в этом смысле была противоречивая и путаная статья К. Кнофличка «За какую форму?», опубликованная в «Прукопнике» 18 апреля. Создание интернациональных партийных организаций характеризовалось в ней как явление лишь внешне положительное, только как «демонстрация» классовой интернациональной солидарности. Исходя из правильной предпосылки о необходимости учитывать конкретные условия развития революции в отдельных странах, Кнофличек приходил к полному отрицанию целесообразности создания в России не только интернациональных партийных организаций, но и интернациональных формирований Красной Армии, которые якобы не могли быть жизнеспособными, не отвечали практическим задачам и являлись лишь игрой во «внешние эффекты» [43].

Правильные представления о формах организации иностранных коммунистов России, организации, позволившей бы успешно решать как общие интернациональные задачи, так и учитывать своеобразие национальной среды, в которой предстояло работать коммунистам, выкристаллизовывались постепенно, по мере накопления ими собственного революционного опыта, изучения и восприятия богатого опыта большевистской партии.

10 апреля в письме на имя Я. М. Свердлова Исполком Чехословацкой секции РКП(б), как тогда именовался руководящий орган объединенных петроградской и московской организаций, сообщал, что в Москву с Украины в ближайшие дни приезжают руководители Чехославянской социал-демократической рабочей партии и редакции газеты «Свобода». «Вследствие того, — указывалось в письме, — что между Комитетом нашей партии и Центральным комитетом партии из Киева нет принципиальных разногласий, оба комитета после переговоров дошли (так в тексте. — *А. К.*) к соглашению и желают созвать в самом непродолжительном времени съезд всех чешских социалистов, стоящих на платформе Советской власти, который провел бы соединение

---

[43] «Průkopník», 18.IV 1918.

обеих рабочих партий». Чехословацкие коммунисты выражали желание посоветоваться обо всех возникших в связи с этим вопросах с руководством большевистской партии [44]. На следующий день в газете «Прукопник» было объявлено о созыве на 4—6 мая в Москве учредительного съезда Чехословацкой социал-демократической (коммунистической) партии в России. Это объявление было подписано как представителями объединенной петроградской и московской групп, так и киевской организации, два члена Центрального комитета которой уже прибыли из Таганрога [45]. Несколько позднее съезд по просьбе сибирских групп был перенесен на конец мая. Очевидно, в связи с получением более полных сведений о местных организациях, желавших принять участие в съезде (их численность оказалась больше, чем предполагалось), были несколько изменены и нормы представительства. Одного делегата предстояло избрать теперь на съезд не от 50, а от 100 членов партии или бойцов Красной Армии и Красной гвардии [46]. Видимо, во второй половине апреля конституируется местная московская чехословацкая коммунистическая организация [47]. К началу мая в Москве, по сведениям «Прукопника», находилось около 1 тыс. чешских и словацких коммунистов [48]. В конце апреля была создана чехословацкая коммунистическая организация в Тамбове, насчитывавшая 44 члена [49]. Приблизительно в это же время возникла самарская чехословацкая коммунистическая группа, в которую входило около 30 человек [50]. Омская чехословацкая организация, также именовавшаяся теперь коммунистической, во второй половине апреля являлась одной из крупнейших. В апреле—начале мая уже существовали чехословацкие коммунистические группы в Пензе и Воронеже, состоявшие, так же как в Тамбове и Самаре, главным образом из бойцов формировавшихся здесь интернациональных подразделений Красной Армии.

В начале весны 1918 г. были сделаны первые шаги к созданию интернационалистских организаций бывших военнопленных на Дальнем Востоке. Во Владивостоке тогда же был создан небольшой отряд красногвардейцев-интернационалистов, насчитывавший около 40 человек [51]. В середине мая из солдат, ушедших из чехословацкого корпуса, здесь был сформирован Чехословацкий революционный отряд при Красной социалистической армии, насчитывавший первоначально от 200 до 300 бойцов. При

---

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 97, л. 3.
[45] «Průkopník», 11.IV 1918.
[46] «Průkopník», 18.IV 1918.
[47] Там же.
[48] «Průkopník», 2.V 1918.
[49] «Průkopník», 17.V 1918.
[50] «Průkopník», 9.V 1918.
[51] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 436, л. 81.

отряде было создано информационное бюро, публиковавшее воззвания и обращения на страницах советских газет Дальнего Востока и Центральной России [52], а с 5 июня начавшее выпускать на чешском языке свою газету «Правда» («Орган чехословацкой социал-демократической партии коммунистов»). На совещании чехословацких революционных социал-демократов города был избран партийный комитет (председатель — И. Машек, секретарь и редактор газеты — И. Янда) [53]. Командиром чехословацкого революционного отряда, переименованного в июне в 1-й стрелковый батальон Чехословацкой Красной Армии во Владивостоке, стал бывший офицер чехословацкого корпуса Вацлав Мировский.

В середине мая 1918 г. в Москве развернул активную деятельность Чехословацкий отдел Народного комиссариата по делам национальностей. Через отдел, в составе которого было организовано три секции — труда, военная и культурно-просветительная, советские государственные органы принимали в советское гражданство, способствовали трудоустройству, а также проводили политическую и культурно-просветительную работу среди чехословацких колонистов, эмигрантов и военнопленных [54]. В связи с начавшимся в конце мая антисоветским мятежом чехословацкого корпуса основное внимание чехословацких интернационалистов — работников отдела — оказалось сосредоточенным на военно-организационной и агитационно-политической работе [55].

По договоренности с Советским правительством в конце марта чехословацкое командование начало переброску частей корпуса в направлении на Владивосток для дальнейшей отправки во Францию, на Западный фронт. Чехословацкие интернационалисты развернули большую агитационно-пропагандистскую деятельность на крупных железнодорожных станциях, через которые следовали на восток эшелоны корпуса (Пенза, Самара, Петропавловск, Челябинск, Омск и др.).

В Пензе, главным образом из солдат, уходивших из чехословацкого корпуса, успешно шло формирование чехословацкого красноармейского отряда. Ярослав Штромбах, организатор отряда и его первый командир, попал в плен в августе 1915 г., добровольно вступил в чехословацкий корпус, получил чин подпоручика; летом 1917 г. участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Вскоре, однако, как писал он в одной из анкет, «был разжалован за бунт в 3-м чехословацком полку». 28 февраля 1918 г., сказано в этой анкете, Я. Штромбах был командирован «партией чехословацких коммунистов» в Пензу в качестве командира чехосло-

---

52 См. «Крестьянин и рабочий», 19.V 1918; «Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 18.V 1918.
53 «Pravda» (Vladivostok), 12.VI 1918.
54 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, лл. 15—20; ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 49, лл. 3, 5.
55 «Жизнь национальностей», 9.XI 1918.

вацкого коммунистического батальона. С марта батальон начал разворачиваться в полк[56].

Я. Штромбах

Первый из сохранившихся приказов по 1-му Пензенскому чехословацкому революционному полку датирован 12 апреля[57]. Хотя полк состоял главным образом из чехов и словаков, но в разное время в нем были целые подразделения, сформированные из бойцов других национальностей — русских, латышей, сербов[58]. По сведениям контрразведки чехословацкого корпуса, в конце апреля в полк ежедневно переходило около 20 солдат из эшелонов, двигавшихся через Пензу[59]. Судя по неполностью сохранившимся приказам, в полк с 9 по 27 мая прибыло 285 человек, в том числе чехословацкий красногвардейский отряд из Одессы и отряд Ф. Гашека из Донбасса[60]. Общая численность полка, состоявшего из трех стрелковых рот, артиллерийской батареи, пулеметного взвода и взвода связи, к 26 мая достигла 720 бойцов[61].

В Самаре чехословацкие интернационалисты с помощью командированного сюда в конце апреля 1918 г. московской коммунистической группой Ярослава Гашека[62] также сформировали интернациональный отряд из солдат, ушедших из чехословацкого и югославянского корпусов.

Попытки членов филиала Национального совета протестовать перед советскими учреждениями против агитации чехословацких интернационалистов среди солдат корпуса были решительно отклонены. Советские представители в свою очередь потребовали

---

[56] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 323, л. 44; ЦГАСА, Коллекция послужных списков № 241—2/26.

[57] ЦГАСА, ф. 4882, оп. 1, д. 1, л. 1.

[58] Там же.

[59] J. Kvasnička. Československé legie v Rusku 1917—1920. Bratislava, 1963.

[60] ЦГАСА, ф. 4882, оп. 1, д. 1, л. 1 и др.

[61] J. Křížek. Указ. соч., стр. 142; В ЦПА ИМЛ хранится «Именной список Чехословацкой Красной Армии» (без даты), кончающийся порядковым номером 660 (ф. 17, оп. 1, д. 264).

[62] Я. Гашек, будущий всемирно известный чешский сатирик, попал в плен осенью 1915 г., а весной 1916 г. вступил в Чешскую дружину. В Киеве он сотрудничал в газете «Чехословак». Однако в начале 1918 г. Гашек уже решительно порвал с филиалом Чехословацкого национального совета и в марте вступил в РКП(б).

Я. Сынек

от командования корпуса пресечь попытки применить насилие по отношению к агитаторам и тем солдатам, которые выражали желание уйти из корпуса.

В конце апреля—начале мая 1918 г. на сторону чехословацких коммунистов в Пензе перешли несколько членов филиала Национального совета, а также ротных, батальонных, полковых комитетов и комитета 1-й дивизии: В. Ваничек, О. Коуделька, Я. Сынек, А. Скотак, Я. Пекса и другие социал-демократы и социалисты, пользовавшиеся большим авторитетом среди солдат.

2 мая в листовке, обращенной к товарищам из корпуса, В. Ваничек, Я. Сынек, А. Скотак и О. Коуделька заявили, что их надежды добиться в сотрудничестве с Национальным советом демократизации чехословацкого освободительного движения оказались напрасными. Окончательно убедившись в этом, они решили покинуть ряды чехословацкой армии, глубоко уверенные в том, что «когда социалистическая Россия строит новую армию и создает основы нового общественного строя на базе четкой социал-демократической программы, мы, как рабочие и социалисты, не можем и не смеем покидать эту Россию и отказывать ей в своей помощи... Русская революция дала нам опыт, она даст нам и свободу — политическую и социальную...» [63]

25 мая 1918 г. наиболее непримиримо настроенная по отношению к Советской власти группировка внутри чехословацкого буржуазного политического руководства и командования, связанная с российским контрреволюционным подпольем и подстрекаемая дипломатами Антанты, толкнула дезориентированных солдат чехословацкого корпуса на антисоветский мятеж. Руководители мятежа обвинили Советское правительство в сговоре с Германией и нежелании обеспечить отправку корпуса во Францию. В первые дни мятежа были захвачены Челябинск, Новониколаевск, Мариинск, Нижнеудинск, Канск. 29 мая после кровопролитного боя мятежники взяли Пензу. В обороне Пензы вместе с другими частями Красной Армии принял участие и 1-й чехословацкий рево-

---

[63] «Československá Rudá Armáda» (Penza), 19.V 1918.

люционный полк. В боях за город 28—30 мая он потерял, по одним сведениям, 168, по другим — 220 человек [64].

Советское правительство приложило максимум усилий для того, чтобы добиться мирного урегулирования. Во время переговоров с чехословацким командованием в конце мая—начале июня советские представители неизменно указывали, что советская сторона сделает все возможное для немедленной отправки чехословацких частей во Францию, но при непременном условии прекращения военных действий и сдаче оружия. В ходе мирных переговоров советские представители никогда не упускали из виду, что солдатская масса чехословацкого корпуса оказалась вовлеченной в контрреволюционную авантюру вопреки своему желанию, что солдаты не хотят воевать с Советской властью [65]. В. И. Ленин не уставал повторять, что против Советской власти «идут не чехословаки, а их контрреволюционный офицерский состав» [66]. В. И. Ленин призывал в то же время не забывать, что чехословацкими солдатами руководят люди, интересы и цели которых совпадают с интересами и целями российской и международной контрреволюции.

В первые же дни после начала мятежа, как вспоминает чехословацкий коммунист Ф. Каплан, В. И. Ленин, выступая на специальном совещании, на которое Каплан был приглашен вместе с другими видными деятелями чехословацкого коммунистического движения, указывал, что солдаты корпуса долго находились под односторонним идейным влиянием и являются людьми заблуждающимися, политически мало сознательными. Ленин подчеркивал, что по отношению к ним следует действовать чрезвычайно тактично, избегать преждевременных угроз, стремиться договориться, чтобы ликвидировать мятеж путем добровольного разоружения [67].

Настойчиво и терпеливо в течение длительного времени и члены советских мирных делегаций, в которые входили чехословацкие коммунисты, и специально посылаемые навстречу чехословацким эшелонам агитаторы-интернационалисты стремились через головы офицеров установить контакт с солдатской массой, разоблачить провокационную ложь о якобы враждебных намерениях Советского правительства, разъяснить его действительную позицию в отношении чехословацкого корпуса, в вопросах войны и мира. С воззваниями к чехословацким солдатам обращались Советы Пензы, Омска, Екатеринбурга, Томска, Иркутска и других городов. Одновременно к солдатам корпуса обращались и многочисленные интернационалистские организации Поволжья, Урала, Сибири.

---

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, л. 19; д. 283, л. 176 об.
[65] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 441.
[66] Там же, стр. 426.
[67] «Hlas revoluce» (Praha), 21.V 1958.

Контрреволюционное командование корпуса делало все, чтобы не допустить членов советских мирных делегаций к рядовым солдатам, затянуть и затруднить переговоры. Становилось все более очевидным, что оно лишь делает вид, что стремится «уладить недоразумение», что оно старается выиграть время, подтянуть и сконцентрировать свои силы, разведать численность и вооружение советских войск, дать возможность организоваться в зоне мятежа силам русской контрреволюции[68]. В этих условиях Советскому правительству не оставалось ничего другого, как отдать распоряжение, ведя переговоры, не прекращать военных действий вплоть до того момента, пока корпус действительно не разоружится[69].

В результате мятежа чехословацкого корпуса мирная передышка, завоеванная Советской республикой ценой тяжелейших лишений, ценой подписания грабительского Брестского договора, была сорвана. «Наша страна, — отмечал В. И. Ленин, — попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехословаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты»[70].

Именно потому, что чехословацкий корпус стал ядром, вокруг которого объединилась российская и иностранная контрреволюция, В. И. Ленин предупреждал, что к мятежу нельзя относиться несерьезно. «Спасение не только русской революции, но и международной на чехословацком фронте», — подчеркивал он 23 августа 1918 г.[71]

4. Учредительный съезд Чехословацкой коммунистической группы РКП(б). Чехословацкие интернационалисты на первых фронтах гражданской войны

25 мая, когда на сибирской магистрали раздались первые выстрелы мятежников и пролилась первая кровь, в Москве в помещении гостиницы «Европа» на Неглинной улице начало работу предварительное совещание делегатов чехословацких коммунистических и левых социал-демократических организаций в России, собравшихся на свой учредительный съезд. Согласно справке мандатной комиссии, на съезде присутствовало 79 делегатов. Из них 58 представляли 5600 членов социал-демократических и

---

[68] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 28, л. 59.
[69] Там же, д. 44, л. 53.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 15.
[71] Там же, стр. 69—70.

коммунистических организаций и групп и 21 делегат — 1850 добровольцев чехословацких и интернациональных формирований Красной Армии и Красной гвардии[72]. В работе съезда приняли также участие 22 гостя[73], в числе которых были А. А. Андреев, Н. А. Скрыпник, Ю. М. Коцюбинский, Б. Кун, Ст. Бобиньский и др.

Выступившие на первом заседании съезда гости передали привет делегатам от РКП(б), коммунистов Украины, Югославянской, Венгерской и Немецкой коммунистических групп, польских коммунистов, ЦИК Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян и пожелали съезду успешной работы. Н. А. Скрыпник в своем выступлении подчеркнул значение помощи, оказанной чехословацкими красногвардейцами украинскому пролетариату в его тяжелой борьбе против австро-германских оккупантов, и призвал чехословацких революционеров и далее крепить боевую пролетарскую солидарность[74]. Решительно осудив антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, съезд заявил в своей резолюции, что чехословацкий социалистический пролетариат «глубоко убежден, что свобода русского пролетариата является залогом свободы всего мира. Это убеждение властно диктует чехословацким пролетариям объявить, что враги Советской республики являются врагами чехословацкого пролетариата»[75]. Обращаясь к русским товарищам, чехословацкие коммунисты говорили: «...Мы вместе с вами берем оружие в руки, дабы защищать вашу и поддержать нашу революцию»[76]. В воззвании к чехословацким рабочим на родине съезд подчеркнул, что лишь осуществление программы III Интернационала принесет чехословацкому пролетариату социальное и национальное освобождение, и высказал твердое убеждение в том, что в предстоящей решающей схватке между пролетариатом и буржуазией чехословацкий рабочий класс будет бороться, как и раньше, в первых рядах австро-венгерского пролетариата за создание Чехословацкой социалистической республики в федеративном союзе социалистических республик Европы[77].

Вся дальнейшая работа съезда была посвящена обсуждению программных, тактических и организационных принципов, на которых предстояло объединиться чехословацким революционным организациям в России.

Доклады и содоклады, с которыми выступили представители основных течений чехословацкой левой социал-демократии

---

[72] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 299, л. 44а.
[73] Там же.
[74] «Известия ВЦИК», 29.V 1918.
[75] «Československá Rudá Armáda», 9.VI 1918.
[76] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 6.
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 217а, л. 2.

(В. Ружичка и А. Муна, К. Кнофличек и Ф. Бенеш), показали единство взглядов по главным, принципиальным вопросам движения.

II Интернационал, отмечалось в докладах и Программной резолюции, не выполнил своей исторической задачи. Лишь одна партия — русских большевиков — осталась верна революционному марксизму. Она объявила войну войне, осуществила пролетарскую революцию, в небывало тяжелых условиях строит новое, социалистическое общество. «Мы, которые живем на почве русской социальной революции, мы, которые во многих местах России активно ей содействовали, мы, которые одобряем социалистический переворот в России со всеми его последствиями, — заявил в своем докладе В. Ружичка, — сегодня должны провозгласить свое полное согласие с революционным социализмом, социальной революцией и диктатурой пролетариата» [78]. Делегаты записали в резолюции: «Мы вполне соглашаемся с программой и тактикой Российской коммунистической партии (большевиков), принимаем название „Чешско-словацкой коммунистической партии“ и вступаем в международное объединение пролетариата — Третий Интернационал» [79].

Чехословацкие коммунисты, отвергая реформистские и признавая революционные методы борьбы, провозгласили своей целью создание Чехословацкой социалистической республики. Но они не пытались сформулировать свои ближайшие, минимальные программные требования. На съезде возникли серьезные трудности при обсуждении программных и тактических положений по национальному вопросу. Выступивший с приветствием к съезду Ст. Бобиньский в своей речи уделил особое внимание разногласиям между большевиками и польскими революционерами по национальному вопросу. Он заявил, что польская социал-демократия всегда выступала и выступает теперь против лозунга о праве наций на самоопределение, считая, что в эпоху империализма независимость нации — утопия, а национальная идея у угнетенных народов является идеей реакционной. Бобиньский призвал и чехословацких коммунистов, у которых, по его мнению, взгляды на эту проблему также отличаются от точки зрения русских коммунистов, высказаться против права наций на самоопределение, за «самоопределение пролетариата» [80]. И хотя старые разногласия по национальному вопросу, как известно, когда-то расколовшие чехословацких социал-демократов на так называемых автономистов и централистов, не были еще изжиты, выступление Бобиньского встретило решительный отпор. Так, докладчик, выступавший от имени бывших автономистов, заявил,

---

[78] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 217а, л. 6.
[79] Там же, л. 10.
[80] «Известия ВЦИК», 29.V 1918; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 217а, л. 8.

что в национальном вопросе единственно правильным является взгляд представителей русской коммунистической партии[81]. В свою очередь бывший централист, выступавший с содокладом, подчеркнул, что решение национального вопроса «возможно только на основании принципов русского большевизма»[82].

Первый параграф принятого съездом и вскоре опубликованного[83] устава указывал, что членом партии может быть каждый чех и словак, без различия пола и вероисповедания, признающий Программную резолюцию, одобренную Учредительным съездом, имеющий поручительство двух членов партии. Второй параграф предусматривал для членов партии лишь обязанность платить членские взносы и подписываться на центральный печатный орган — новую газету «Прукопник свободы» («Пионер свободы»). Следует, однако, подчеркнуть, что уже 19 июля «Прукопник свободы» опубликовал имеющее принципиальное значение «Обращение ко всем товарищам и организациям». В нем указывалось, что по решению ЦИК каждый член партии обязан «активно участвовать в движении и в организационной работе. . .»[84] Согласно уставу, местные партийные организации строились по производственному и территориальному принципу. Они создавались на предприятиях, в воинских частях, а также по месту жительства и объединялись в масштабах города и района (округа).

Специальные разделы устава были посвящены изложению целей партии и средств их достижения. В них указывалось, что партия стремится практически и теоретически подготовить своих членов к борьбе за освобождение рабочего класса, осуществлению целей, выдвинутых «Манифестом Коммунистической партии» и Октябрьской революцией. Устав подчеркивал решимость чехословацких коммунистов действовать в тесном союзе с другими братскими партиями в России и за границей. Важнейшей задачей членов партии устав объявлял установление связей с товарищами на родине, содействие их трудной борьбе и подготовку к тому, чтобы в решительный момент выступить бок о бок с ними.

Съезд высказался за создание добровольческих чехословацких частей Красной Армии, подчеркнув, что чехословацкие красноармейские части должны действовать в тесном контакте с другими национальными частями, а формирование их проводится в полном согласии с Советским правительством. Съезд также обратил внимание на необходимость политической работы в лагерях военнопленных. Съезд избрал Центральный исполнительный комитет, председателем которого стал Алоис Муна — рабочий-швейник, видный профсоюзный деятель из Моравии, один из организаторов и руководителей чехословацкой социал-демократической

---

81 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 217а, л. 6.
82 Там же, л. 10.
83 «Průkopník svobody», 15.VI 1918.
84 «Průkopník svobody», 19.VII 1918.

организации на Украине. Были избраны также ревизионная комиссия и редакционная коллегия газеты «Прукопник свободы».

Объединив чехословацкие революционные организации и провозгласив создание Чехословацкой коммунистической секции (группы) РКП(б), съезд сыграл важную роль в консолидации находившихся в России сознательных пролетарских элементов чехословацкого революционного движения.

В течение лета и осени 1918 г. Чехословацкая коммунистическая группа РКП(б) провела значительную работу по привлечению в свои ряды новых членов и образованию местных партийных ячеек. Сведения о числе местных организаций, количестве их членов, а также общей численности чехословацких коммунистов в 1918 г., содержащиеся в различных отчетах, сводках, списках и других документах руководящих органов группы, нельзя признать абсолютно достоверными. В связи с военными действиями члены группы постоянно перемещались и зачастую надолго теряли связь с местными и с центральными учреждениями, ячейки в одних местах ликвидировались, а в других возникали. ЦИК не вел учета чехословацких коммунистов, входивших непосредственно в РКП(б), почти не имел сведений о составе местных интернациональных организаций, в частности, например, такой крупной, как туркестанская. К тому же с лета ЦИК был лишен связи с районами значительной концентрации чехов и словаков — от Центральной России были уже отрезаны Поволжье, Урал и Сибирь, где находились ранее сложившиеся многочисленные партийные организации чехословацких интернационалистов.

В связи с тем, что главным для Советской республики летом 1918 г. стал вопрос военный, основное внимание всех иностранных коммунистических групп было обращено на организацию вооруженной поддержки пролетарской революции в России. Особо ответственные и трудные задачи ложились на чехословацких коммунистов прежде всего потому, что чехословацкий корпус стал авангардом антисоветских сил.

11 июня ЦИК Чехословацкой коммунистической группы обратился с воззванием к чехословацким трудящимся в России. Подчеркнув, что мятеж чехословацкого корпуса ложится «тяжелым пятном на весь чешско-словацкий трудовой народ», ЦИК призвал всех сознательных пролетариев вступить в чехословацкие части Красной Армии и всеми силами содействовать быстрейшей ликвидации контрреволюционной авантюры. «Только энергичной и усиленной работой нас всех, — указывалось в воззвании, — мы можем смыть позор, навеянный на нас несчастным и преступным выступлением чешско-словацких полков»[85]. 10 августа ЦИК группы принял специальное постановление о том, что

[85] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 8.

каждый член партии «обязан с оружием в руках защищать Советскую власть от всех ее врагов» и поэтому должен «обучиться военному строю и по первому зову встать в ряды Красной Армии»[86].

Многие чехословацкие коммунисты не оставляли мысли о возможности и необходимости создания крупного национального воинского соединения Красной Армии. Военная секция Чехословацкого отдела Наркомнаца, в частности, в течение длительного времени настаивала на создании такого соединения[87] и полностью игнорировала интернациональные формирования Красной Армии. В июне секция предлагала для начала сформировать дивизию, а потом и «особую чешско-словацкую Красную Армию всех родов оружия»[88]. Между тем в конкретных условиях гражданской войны в России создание крупных национальных формирований из этнических элементов, находившихся вне своих национальных территорий (в том числе из бывших военнопленных и беженцев), было сопряжено с большими техническими трудностями и не диктовалось ни политической, ни военной необходимостью.

Высшие военные учреждения Советской республики считали наиболее целесообразным создание интернациональных формирований Красной Армии (от батальона и выше), включающих подразделения (взводы, роты и т. д.), состоявшие из бойцов, говорящих на общем языке[89].

В правильности этого принципа скоро убедились и многие побывавшие на фронте руководящие работники Чехословацкой коммунистической группы и Чехословацкого отдела Наркомнаца. 3 июля представители ЦИК Чехословацкой коммунистической группы, командированные на Уральский фронт, писали в отчете о своей поездке: «В Екатеринбурге работали мы вместе с ЦК иностранных рабочих и крестьян и вынесли то впечатление, что совместная работа в международных организациях является наилучшей гарантией успеха. Мы убедились в пользе интернациональных отрядов для русской пролетарской революции и создание новых национальных отрядов мы ни в коем случае не рекомендуем. . .»[90]

Практически невозможно назвать ни одной «чисто» чехословацкой части Красной Армии. В то же время с полным основанием можно утверждать, что вряд ли существовало хотя бы одно крупное интернациональное формирование, в котором не было бы большего или меньшего количества чехословацких ин-

---

86 «Правда», 10.VIII 1918.
87 ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, д. 953, л. 23.
88 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 282, л. 115.
89 «Боевое содружество. . .», стр. 131, 150, 164, 165.
90 Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (далее — ПАНО), ф. 5, оп. 6, д. 100, л. 2.

тернационалистов. Чехословацкие коммунисты сыграли активную роль в формировании ряда интернациональных частей и соединений Красной Армии и многие из них за годы гражданской войны выросли в крупных военных и политических работников.

В документах ЦИК Чехословацкой группы РКП(б) и военной секции Чехословацкого отдела Наркомнаца сохранились лишь отрывочные сведения об общей численности чехословацких интернационалистов, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Так, в сообщении ЦИК Чехословацкой группы от 19 июня 1918 г. указывалось, что «Чешско-словацкая Красная Армия насчитывает 2960 добровольцев» [91]. В отчете VIII съезду РКП(б) Чехословацкая группа указывала, что на фронте к концу 1918 г. находилось около 4 тыс. чехословацких интернационалистов [92]. В отчете военной секции Чехословацкого отдела Наркомнаца за 1918 г. указывалось, что в Москве «в течение 6 недель составлены были 2 роты. Одна из них отослана на Воронежский фронт, а другая исполняет караульную службу в Пресненском районе» [93].

Согласно приказам по 1-му Пензенскому чехословацкому революционному полку, к 11 июня 1918 г. в нем числилось 224 человека. В конце месяца после отправки очередного пополнения на Уральский фронт в сводный отряд Я. Штромбаха в Пензе осталась лишь караульная команда и агитационная комиссия — всего 86 человек [94]. В середине августа, судя по докладной записке Чехословацкого отдела Наркомнаца, в Пензенском полку было уже 170 человек, а к концу года — свыше 400 [95].

Об Уральском сводном отряде, которым командовал бывший командир 1-го Пензенского чехословацкого революционного полка Я. Штромбах, сведения весьма скупы. Я. Штромбах писал, что отряд этот участвовал до октября 1918 г. в боях против Дутова [96]. Отряд постоянно пополнялся бойцами, прибывавшими из Пензы. Боец отряда Ян Ганак в опубликованных в Братиславе воспоминаниях упоминает, что в состав отряда входили чехословацкая, русская и латышская роты, взвод венгров и чехословацкая артиллерийская батарея [97]. Летом 1918 г. отряд был преобразован в Пензенский полк, командование которым вскоре после назначения Я. Штромбаха командиром Уральской дивизии принял бывший командир роты 1-го чехословацкого революционного полка К. Галанц. Под его руководством в ян-

---

[91] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 13.
[92] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, стр. 503.
[93] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, л. 19.
[94] ЦГАСА, ф. 4882, оп. 1, д. 1, лл. 267—269.
[95] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 283, л. 176.
[96] ЦГАСА, Коллекция послужных списков, № 241—246; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 323, л. 44.
[97] «Bojová píseň zněla...», Bratislava, 1958, str. 132.

варе 1919 г. этот полк штурмовал Уральск, а впоследствии громил белоказаков генерала Толстова [98].

С марта по май 1918 г. в Тамбове из частей 4-й армии В. И. Киквидзе, вышедших с Украины, была организована дивизия внеочередного формирования. «Вместе с нами с Украины, — вспоминал позднее помощник начальника дивизии С. П. Медведовский, — прибыло десятка два-три революционных чехов... В районе Тамбова, Саратова, Самары находились лагеря военнопленных. У нас возникла мысль сформировать из них революционный полк. По всем лагерям рассыпались красные чехи и приводили оттуда добровольцев целыми группами. Работа шла успешно, и в короткое время был сформирован полк под названием Чехословацкий, впоследствии по желанию самого полка названный Интернациональным, поскольку в нем оказались не только чехословаки, но и немцы, и австрийцы, и мадьяры» [99].

Ф. Каплан

19 мая дивизия приняла присягу, а 22 мая Н. И. Подвойский сообщил В. И. Ленину, что, проводя смотр частей, сформированных в Тамбове, убедился в организаторском таланте Киквидзе, который представил части, «поразившие военных специалистов мужественным видом, хорошей подготовкой, налаженностью обучения и обещающие развиться в грозную и мощную воинскую единицу» [100]. Летом дивизия, в состав которой входили 1-й Чехословацкий (в дальнейшем 2-й Интернациональный) полк и чехословацкая батарея, уже сражалась в рядах армии Южного фронта против Краснова.

В боях 2-й Интернациональный полк показал себя одним из лучших. «Полк этот, — писал Киквидзе 16 августа, — действительно могу назвать боевым и славным — в боях люди дрались, как львы, не щадя жизни...» [101] Из переписки командира полка с Союзом иностранных рабочих и крестьян в Царицыне известно, что в это время в полку было 700 штыков, пулеметная команда,

---

[98] «Военно-исторический журнал», 1965, № 6, стр. 99.
[99] «Солдат революции». М., 1959, стр. 15.
[100] «Южный фронт». Ростов-на-Дону, 1962, стр. 43.
[101] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 16.

эскадрон кавалерии (около 100 бойцов) и артиллерийский дивизион из восьми орудий. В его рядах сражались чехи, словаки, немцы, венгры, итальянцы[102].

В боях на Южном фронте, в районе станции Поворино, летом 1918 г. принял участие и созданный на базе партийного отряда Воронежский интернациональный коммунистический полк. Чехословацкой ротой этого полка (в полку, насчитывавшем 600 бойцов, кроме чехословацкой, были русские, сербская и румынская роты) командовал бывший поручик чехословацкого корпуса Лаудович[103]. Здесь же под Царицыном сражалась и организованная из интернационального отряда Николаевской слободы 3-я интернациональная рота 2-го полка 1-й Луганской коммунистической дивизии[104], на $^2/_3$ состоявшая из чехословацких интернационалистов[105]. В тяжелых летних боях рота понесла большие потери, но была вновь пополнена и осенью влилась в Саратовский интернациональный батальон 10-й армии Камышинского фронта[106]. Я. Пекса, посетивший по заданию ЦИК Чехословацкой группы РКП(б) этот батальон в конце 1918—начале 1919 г., отмечал в своем отчете спаянность и высокие боевые качества чешских, словацких, польских и немецких бойцов батальона. «Отношения между товарищами, — писал он, — дружные, искренние и крепкие. Они — твердые большевики. . .»[107]

Чехословацкие интернационалисты Саратова осенью 1918 г. влились в чехословацкий коммунистический отряд, формирование которого началось еще в середине июня в Москве. К концу сентября этот отряд насчитывал 128 бойцов[108]. В составе Московского коммунистического полка (21-го, а впоследствии 123-го стрелкового), созданного из красногвардейцев Пресненского, Сокольнического, Городского районов и интернациональных отрядов столицы, они уже в середине сентября приняли участие в боях под Новохоперском, а потом под Царицыном в рядах 14-й им. Стенина дивизии 9-й армии[109].

Интернациональный отряд, созданный в Симбирске в конце июня (в нем было 40 бойцов — чехов и словаков), принял участие в ликвидации антисоветской авантюры тогдашнего командующего чехословацким фронтом эсера Муравьева, а затем само-

---

[102] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 16—17.
[103] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 361, лл. 1—17.
[104] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 163, л. 11.
[105] «Литературная газета», 24.X 1957.
[106] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 250, лл. 79—82; «Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Документы и материалы». Саратов, 1958, стр. 38.
[107] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 299, л. 102; д. 289, л. 32.
[108] Там же, л. 200; д. 278, л. 31; д. 257, лл. 79, 119; «Жизнь национальностей», 1.VII 1919.
[109] «Москвичи на фронтах гражданской войны». М., 1960, стр. 214—227.

отверженно защищал город от частей мятежного корпуса[110]. Немало чехов и словаков было и в 1-м Интернациональном полку (сформирован в первой половине 1918 г. в Астрахани), воевавшем против Краснова в районе Кизляра, а потом — в составе героической 11-й армии[111]. Состояли чехи и словаки и в интернациональных отрядах Ярославля, сыгравших крупную роль при подавлении контрреволюционного мятежа в городе летом 1918 г.[112], и во многих других интернациональных формированиях.

Из среды чехословацких интернационалистов вышел ряд талантливых организаторов и командиров Красной Армии. На Восточном фронте начал свой боевой путь один из видных организаторов интернациональных частей Красной Армии Славояр Частек. Его короткая, но яркая жизнь известна лишь по сухим приказам, анкетам, отрывочным воспоминаниям его сподвижников и небольшому взволнованному некрологу, опубликованному в пензенской газете «Красное Знамя». С. Частек родился в 1894 г., а умер от сыпного тифа в феврале 1920 г., когда ему не было еще и 26 лет. Уроженец города Пльзень, по специальности лесовод, поручик запаса австро-венгерской армии С. Частек попал в плен в середине января 1917 г. С 13 марта 1918 г. он — командир небольшого интернационального отряда Красной Армии в Пензе. 24 апреля 1918 г. Частек стал членом организации социал-демократов — интернационалистов Пензы, а с 6 июня 1918 г. — членом Российской коммунистической партии. Его отряд, расположенный в бараках за Уральско-Рязанским вокзалом Пензы, малочисленный и плохо вооруженный (в нем было всего 84 бойца), сумел, как только начался мятеж чехословацкого корпуса, прорваться в центр города, а затем сквозь кольцо врагов к Поповой горе. В июне 1918 г. во главе 300 бойцов-интернационалистов Частек ушел на Восточный фронт. Здесь в боях за Сызрань он был ранен в голову, но остался в строю. Отряд Частека стал ядром сформированного в начале августа 1918 г. интернационального полка 1-й сводной Симбирской пехотной дивизии, командование которой принял организатор самарских боевых дружин Гая Карапетович Бежишкянц (Г. Гай).

В начале сентября 1918 г. интернациональный полк под командованием С. Частека (он насчитывал всего 180 бойцов при семи пулеметах) участвовал в освобождении Симбирска. С. Ча-

---

110 ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 757, лл. 29, 33: «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 144—147.

111 «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы». М., 1957, стр. 104—105; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 67, л. 4.

112 «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 243; Л. Б. Генкин. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Ярославль, 1958, стр. 59.

стек был назначен помощником коменданта, а потом и комендантом освобожденного города. В ноябре 1918 г. Симбирская дивизия стала именоваться 24-й стрелковой Железной дивизией, а интернациональный полк получил номер 216. В конце 1918 г. С. Частек «как коммунист, знающий военное дело», был отозван в Москву, где ему было поручено руководство формированием интернациональных частей Красной Армии на территории Российской Советской Республики [113].

На Восточном фронте продолжал свою боевую деятельность и другой крупный организатор интернациональных частей, уроженец города Хоцень, бывший студент, социал-демократ с 1912 г. Франтишек Каплан (Франц Францевич Лангер). В 1916 г. Ф. Каплан, артиллерист-наводчик, попал в плен и в том же году добровольно вступил в чехословацкий корпус. Зимой 1917/18 г. он уже в рядах красногвардейского отряда, освобождавшего Киев, и с этого же времени считает себя коммунистом. После отступления с Украины Ф. Каплан — делегат Учредительного съезда Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) в Москве. 31 мая 1918 г. Ф. Каплан вместе с Франтишком Козой, Яном Сынеком и другими чехословацкими коммунистами был уполномочен Совнаркомом вести разъяснительную работу среди солдат чехословацкого корпуса. С середины июня по поручению Подвойского Ф. Каплан ведет контрразведывательную работу на Екатеринбургско-Златоустовском направлении. С начала июля он — комиссар броневых понтонов, с конца августа — командир Камской речной флотилии, а затем Пермского броневого флота. 8 марта 1919 г. приказом Реввоенсовета республики Ф. Каплан был назначен помощником С. Частека и вместе с ним начал формировать первое крупное соединение интернационалистов [114].

Во главе Пензенского полка, а затем 2-й (65-й) бригады 22-й дивизии вплоть до лета 1919 г. сражался с белоказачьими армиями на Урале К. Галанц [115]. Командиром полка, а потом и бригады на Восточном фронте стал и чешский шахтер Денис Коуделька (Борис Игнатьевич Коуделько), бывший ранее инструктором красногвардейского отряда Большой ярославской мануфактуры и командиром интернационального батальона [116].

Во главе небольшого красногвардейского отряда, сражавшегося против белоказаков Дутова под Оренбургом, застал мятеж

---

[113] «Боевое содружество. . .», стр. 176, 223, 224, 330 и др.; ЦГАСА, ф. 803, оп. 1, д. 2, л. 1; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, л. 6; оп. 1, д. 275, л. 76; д. 387, л. 134.

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 312, лл. 16—23; ЦГАСА, ф. 803, оп. 1, д. 2, л. 3; д. 50, л. 98; д. 51, лл. 24—32.

[115] «От Урала до Черного моря». Краснодар, 1928, стр. 14—15.

[116] ЦГАСА, Коллекция послужных списков, № 160—955; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 299, л. 108; «Воспоминания ветеранов Октября». Ярославль, 1957, стр. 56.

чехословацкого корпуса будущего героического командира интернационалистов Туркестана Эрнста Кужело. Э. Кужело родился в 1890 г. в Кутной Горе. Еще в годы учебы в Остравском сельскохозяйственном училище он активно участвовал в молодежном социал-демократическом движении. В 1909 г. Э. Кужело был призван в армию, в 1911 г. окончил Венское военное училище, но во время Балканских войн по подозрению в сочувствии сербам был разжалован в рядовые и уволен в запас. В первые месяцы мировой войны Кужело вновь был призван в армию, восстановлен в офицерском звании и отправлен на фронт. Через несколько дней после того, как 6-й драгунский полк прибыл на передовые позиции, Э. Кужело перешел на сторону русских войск. Потом лагерь военнопленных, служба в чехословацком корпусе и изгнание из него в августе 1917 г. «за отказ, — как писал Э. Кужело в одной из анкет, — поддержать Корнилова». В конце 1917 г. Э. Кужело — командир сводного батальона частей бобруйского гарнизона, а с мая 1918 г. — комендант крепости Илецкая Защита. В июне на Кужело было возложено формирование интернациональных дружин Оренбургского фронта[117].

Э. Кужело

В политотделе 24-й дивизии 1-й армии Восточного фронта работал моравский сапожник Йозеф Седларж, бывший солдат 7-го полка чехословацкого корпуса и один из организаторов красногвардейского отряда в Киеве[118].

К концу лета 1918 г., когда части чехословацкого корпуса при поддержке вооруженных отрядов контрреволюционных правительств Поволжья и Урала достигли на северо-западе Казани, а на юго-западе Хвалынска, на укрепление Восточного фронта были брошены все силы большевистской партии и советского народа. В первых числах сентября советские армии Восточного фронта перешли в наступление. 10 сентября интервенционист-

---

[117] ЦГАСА, Коллекция послужных списков, № 190—239; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 364, л. 4; А. Сойфер. Эрнст Францевич Кужело. Ташкент, 1961.

[118] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 325, л. 91.

ские и белогвардейские части были вынуждены очистить Казань. Взятие Казани, по словам В. И. Ленина, ознаменовало «перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям» [119].

Все более ощутимые результаты стала приносить и агитационная работа чехословацких коммунистов на Восточном фронте. 1 сентября в Арзамас в штаб Восточного фронта была отправлена первая чехословацкая передвижная типография. 20 октября вторая такая же типография начала работать в Перми при штабе 3-й армии [120]. Обе типографии печатали специальные агитационные издания: «Чехословацкий бюллетень», листовки, воззвания, которые разбрасывались с аэропланов за линией фронта, переправлялись чехословацкими коммунистами-разведчиками и подпольщиками в глубокий тыл — на Урал и в Сибирь. Работой редакций руководили члены ЦИК Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) Ян (Иван Иосифович) Сынек, сапожник из Плумлова, социал-демократ с 1904 г., а с мая 1918 г. — коммунист; Франтишек Коза (Франц Антонович Пермский), с шестнадцати лет принимавший активное участие в рабочем движении на родине, военнопленный, а затем боец чехословацкого красногвардейского отряда на Украине; Юлиус (Юлий Иосифович) Волек-Хораз, учитель из Моравии, социал-демократ, также ставший красногвардейцем на Украине, а затем коммунистом, и другие видные чехословацкие коммунисты. До конца 1918 г. арзамасская типография выпустила десять номеров «Чехословацкого бюллетеня» (58 тыс. экземпляров) и 112 тыс. экземпляров различных воззваний, а пермская — шесть номеров «Чехословацкого бюллетеня» (135 тыс. экземпляров) [121]. Ежедневно из Москвы отправлялись на Восточный фронт увеличенные тиражи «Прукопника свободы» (отдельные номера газеты выходили тиражом до 45 тыс. экземпляров) [122].

Если в течение первых трех месяцев боев, как отмечалось в докладе политотдела 3-й армии, агитация среди солдат чехословацкого корпуса «видимых результатов не давала» [123], то уже в конце августа—начале сентября в политсводках и прифронтовой печати появляются сообщения о начавшемся брожении в корпусе и появлении первых перебежчиков [124].

Одновременно с успехами на фронте, организованными большевистской партией, в тылу белых и интервентов ею были собраны и консолидированы уцелевшие от разгрома партийные

---

[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 96.
[120] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, л. 17.
[121] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», стр. 503.
[122] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 279, л. 69.
[123] ЦГАСА, ф. 41, оп. 1, д. 550, л. 68.
[124] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 104, лл. 109—110; «Красная Армия» (Пенза), 7.IX 1918.

кадры, созданы подпольные организации на предприятиях и в армии, налажена их связь с Центральной Россией, разведывательная и агитационная работа. Уже в конце осени 1918 г., очевидно, были установлены и первые связи большевистского подполья с солдатами чехословацкого корпуса. В этом отношении несомненный интерес представляет доклад обкому партии, написанный в Перми 14 ноября 1918 г. членом троицкой организации Сергеем Малышевым, ведшим конспиративную работу в Челябинске под именем Бориса Туманова. «Среди чехов, — писал он, — начинается слабое брожение. Были случаи отказа идти на позиции целых эшелонов. Энергично работает чешская подпольная организация коммунистов. Работой организации руководит бывший товарищ председателя Невьянского совдепа [125]. Челябинский чешский гарнизон готов выступить и взять Челябинск, но ставит условие, что выступит только тогда, когда наши части возьмут Уфу и будут близко около Златоуста или когда падет Екатеринбург. Объясняют это условие тем, что если они не смогут удержаться в Челябинске, то им легко будет пробиться к красным. В общем подготовительная работа в тылу неприятеля сделана. Почва для дальнейшей работы благодарная... Долг нашей партии обратить серьезное внимание на тыловую работу и принять в этом направлении спешные меры, и оказать посильную помощь нашим зарубежным товарищам» [126].

Ю. Хораз

Не сразу, но неуклонно все большее число не только чехословацких солдат, но и офицеров начинало понимать, что, вопреки своей воле, они оказались втянутыми в борьбу не с «кучкой германских агентов», а с братским народом, стали орудием чуждой им и чуждой России политики.

В начале 1919 г. чехословацкое командование, оказавшись перед фактом прогрессирующего морального и политического разложения частей корпуса, вынуждено было снять части корпуса с фронта и отвести их в тыл.

---

[125] Фамилии его установить не удалось.

[126] Партийный архив Свердловского обкома КПСС (далее — ПАСв.О), ф. 41, оп. 1, д. 506, л. 8.

5. Революция в Австро-Венгрии и чехословацкие интернационалисты

Как только были получены первые сообщения о революционных событиях в Австро-Венгрии и Германии, интернационалисты создали Германский и Австро-Венгерский Советы иностранных рабочих и крестьян. (В конце 1919 г. были созданы Венгерский, Чехословацкий, Югославянский и Румынский Советы. В связи с созданием Чехословацкого совета 30 октября 1919 г. был ликвидирован Чехословацкий отдел Наркомнаца.) Важнейшей задачей Советов, руководимых иностранными коммунистами и всемерно поддерживаемых Советским правительством, была организация репатриации военнопленных. Однако, как свидетельствовали факты, буржуазное чехословацкое правительство ничего не предпринимало для ускорения возвращения военнопленных на родину. 17 ноября 1918 г. «Прукопник свободы» опубликовал воззвание ЦИК Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) к военнопленным чехам и словакам, в котором отмечалось, что уже более двух недель Прага не отвечает на радиограмму Советского правительства, предлагавшего ускорить и облегчить возвращение военнопленных. Поэтому, заявляли авторы воззвания, мы «отправимся домой сами, не дожидаясь ни милости буржуазного правительства, ни вильсоновского мира... Мы обязаны ехать, чтобы сказать свое слово в момент, когда решается наша будущность, будущность чешского и словацкого рабочего класса». В заключение указывалось, что обязанность всех военнопленных состоит в том, чтобы «немедленно сомкнутыми рядами двигаться к границам» [127].

С призывами такого рода обращались к военнопленным-интернационалистам и другие коммунистические группы, а состоявшаяся 10 ноября 1918 г. конференция коммунистов—выходцев из Австро-Венгрии даже приняла постановление начать ликвидацию местных ячеек и отправку их членов на родину [128]. Такие поспешные действия породили случаи стихийного самороспуска отдельных низовых партийных организаций, а также создали почву для агитации за немедленное, самостоятельное возвращение на родину и в некоторых интернациональных частях на фронтах. В декабре ЦИК Чехословацкой коммунистической группы указывал, что из 35 ячеек, существовавших на местах, отчеты о деятельности за ноябрь прислало лишь 25, причем 11 из них уведомляли о частичной или полной ликвидации [129].

Руководство Федерации и национальные группы, исправляя допущенные ошибки, принимали энергичные меры, чтобы наи-

---

[127] «Průkopník svobody», 17.XI 1918.
[128] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 18.
[129] Там же, оп. 4, д. 38, л. 5.

более целесообразно организовать отъезд коммунистов для партийной работы на родину, провести концентрацию интернациональных частей и планомерную эвакуацию остальных военнопленных.

3—4 марта 1919 г. в Москве состоялась конференция иностранных коммунистов, созванная ЦФИГ. Конференция постановила перенести центр своей деятельности в Киев, а интернациональные части сконцентрировать под руководством С. Частека на Украине[130]. Накануне конференции состоялось совещание чехословацких коммунистов. После отчета ЦИК Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) о проделанной работе[131] совещание приняло политическую резолюцию, которая, приветствуя «достижение национальной независимости чехословацких земель», в то же время подчеркивала, что «этой независимостью далеко еще не удовлетворены требования социалистического пролетариата Чехии, который для своего действительного освобождения должен добиться всего того, чего путем диктатуры достиг революционный пролетариат Советской России». Правительство Масарика—Крамаржа не заслуживает доверия пролетариата, отмечало совещание, ибо оно заявило о своей солидарности с контрреволюционными силами в Сибири, отказалось вернуть десятки тысяч пленных-пролетариев из России, вновь погнало в бой чехословацких трудящихся против немцев, поляков, венгров вместо того, чтобы договориться с народами бывшей Австро-Венгерской монархии на основе принципа самоопределения наций. Совещание призвало чехословацких пролетариев на родине объединиться в рядах коммунистической партии, а находящихся в России — вступить в Красную Армию[132].

В апреле ЦИК чехословацкой коммунистической организации, как и ЦФИГ, переехал в Киев. На базе Чехословацкой группы при Коммунистической партии Украины, организационно оформившейся уже в начале марта[133], и начал свою деятельность Центральный исполнительный комитет чехословацких коммунистических групп в России и на Украине — как теперь именовался руководящий орган чехословацкой коммунистической организации[134]. Новый ЦИК вместо уехавшего на родину А. Муны возглавили Ян Сынек (председатель) и Ярослав Салат-

[130] Там же, оп. 9, д. 3, лл. 1—15; д. 2, л. 18.

[131] За девять месяцев, указывалось в отчете, было создано 32 новые местные организации с 1938 членами. Путем агитации в ряды Красной Армии было привлечено 2736 добровольцев из числа чехословацких военнопленных и солдат корпуса и создано 11 отрядов, в которых состояло 5 тыс. бойцов («Průkopník svobody», 9.III 1918).

[132] «Průkopník svobody», 9.III 1918.

[133] «Киевский коммунист», 9.III 1919; «Коммунист» (Киев), 25.III 1919.

[134] «Коммунист» (Киев), 3.V 1919.

Петрлик (секретарь) — журналист, член социал-демократической партии с 1912 г.). 1 мая 1919 г. в Киеве вышел первый номер новой еженедельной газеты «Правда», редакторами которой были члены ЦИК Франтишек Коза-Пермский и Юлиус Волек-Хораз.

Все усилия чехословацких коммунистов весной и летом 1919 г. были направлены прежде всего на поддержку пролетарской революции в Венгрии и Словакии и на борьбу с контрреволюцией, активизировавшейся на Украине.

В 20-х числах мая Красная Армия Венгерской Советской Республики перешла в контрнаступление на север с целью отбросить и изолировать друг от друга чехословацкие и румынские интервенционистские войска, а в дальнейшем через Словакию и Закарпатскую Украину установить непосредственную связь с Советской Россией, разорвать кольцо политической и военной блокады Венгерской Коммуны.

К наступлению на запад готовились и армии Советской Украины. 24 мая ЦИК Чехословацких коммунистических групп в России и на Украине объявил мобилизацию всех членов групп [135]. Сотни чехословацких коммунистов влились в эти дни в интернациональные части, формировавшиеся на Украине при деятельном участии С. Частека, Ф. Каплана, Я. Пексы, Й. Седларжа, Й. Нетика.

В течение нескольких недель после начала северного похода Венгерская Красная Армия, в рядах которой сражались и сотни чешских, словацких, русских, украинских добровольцев, освободила северную Венгрию и большую часть восточной Словакии. В середине июня в городе Прешове была провозглашена декларация о создании Словацкой Советской Республики [136].

Чехословацкие коммунисты в России правильно оценили политическое значение создания Словацкой Советской Республики. Решительно отметая попытки буржуазной и правосоциалистической печати толковать ее провозглашение как проявление словацкого сепаратизма или венгерского шовинизма, чехословацкие коммунисты заявляли: «Словацкая Советская Республика является ныне революционным авангардом чехословацкого пролетариата». Они призывали рабочий класс на родине остановить руку буржуазии, замахнувшуюся на пролетарскую революцию в Венгрии и Словакии [137]. В приветствии конгрессу венгерской социалистической партии чехословацкие коммунисты выражали свое восхищение «героическими подвигами венгерских рабочих и крестьян, которые сумели отбросить наступающие банды чехословацких, румынских и прочих наймитов международного ка-

---

[135] «Pravda» (Kijev), 24.V 1919.

[136] M. Vietor. Slovenská sovietska republika, v r. 1919. Bratislava, 1955, dok., č. 37, str. 347.

[137] «Pravda» (Kijev), 26.VI 1919.

питала», и заверяли, что «напрягают все свои силы для помощи венгерским братьям»[138]. Поздравляя словацких товарищей с победой, чехословацкие коммунисты в телеграмме Словацкому революционному правительственному совету отмечали, что эта победа придает им новые силы. «Мы счастливы, — писали они, — что вы всеми своими силами пришли на помощь венгерским товарищам»[139].

Одновременно с военно-организационной работой разворачивалась и партийно-политическая деятельность ЦИК чехословацких коммунистических групп. В Киеве при клубе чехословацких коммунистов были созданы специальные курсы агитаторов, по окончании которых члены партии направлялись на политическую работу в армию и на родину. Агитбригады чехословацких коммунистов выезжали в Херсон, Одессу и на Волынь. В Киеве начала печататься документальная книга «Чехословаки в войне и революции», на страницах чехословацкой «Правды» появились новые переводы работ В. И. Ленина, энергично шел сбор средств для поддержки рабочей печати на родине.

Революционный подъем, начавшийся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после окончания мировой войны, естественное стремление принять непосредственное участие в борьбе трудящихся на родине предопределили сосредоточение основного внимания иностранных коммунистов с конца 1918 г. на событиях, происходивших на западных рубежах России. Чехословацкие коммунисты свернули работу на Восточном фронте, исходя из того, что наступление Красной Армии здесь фактически приостановилось, а чехословацкий корпус отведен в глубокий тыл Колчака.

С начала 1919 г. фактически вся агитационно-политическая работа среди солдат чехословацкого корпуса легла на плечи Сибирского бюро ЦК РКП(б), политотделов армий (прежде всего 5-й армии), подпольных большевистских организаций Сибири и тех чехословацких коммунистов, которые находились в армиях Восточного фронта и в колчаковском тылу. Связь чехословацких коммунистов, действовавших в Сибири, с центральным руководством почти полностью прекратилась, несмотря на то, что во время переговоров о переезде ЦИК группы в Киев, ведшихся с ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины в феврале-марте, руководителей чехословацких коммунистов просили не забывать, что «Восточный фронт еще окончательно не ликвидирован»[140]. Хотя по инициативе местной организации чехословацких коммунистов Москвы были отпечатаны воззвания и посланы два человека для нелегальной работы в Сибири, руководство чехословац-

---

[138] «Боевое содружество. . .», стр. 184.
[139] M. Vietor. Указ. соч., стр. 351.
[140] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 289, лл. 34, 48, 52.

ких коммунистических групп вплоть до осени 1919 г. не предпринимало почти никаких реальных шагов для активизации своей политической деятельности на Восточном фронте.

6. Большевистское подполье и чехословацкие коммунисты в тылу Колчака и интервентов

Отдельные спорадические связи между большевистским подпольем и солдатами чехословацкого корпуса прослеживаются, как уже упоминалось, с конца 1918 г., но установлению прочных контактов длительное время препятствовали постоянные перемещения чехословацких частей из одного пункта магистрали в другой, перекрестная слежка колчаковской и чехословацкой контрразведок, недостаток у подпольщиков материальных средств и пропагандистских кадров, способных работать в специфических условиях чехословацкого корпуса. Антисоветская пропаганда, насаждавшая в среде легионеров недоверие к русским большевикам и чехословацким коммунистам, также давала себя знать. Большевикам нужно было преодолеть все эти трудности, чтобы найти путь к сознанию чехословацкого солдата.

В середине марта 1919 г. подпольщики Екатеринбурга освободили из тюрьмы чешского коммуниста Рихарда Косулика, одного из видных организаторов интернационалистского движения на Урале и в Сибири[141]. Косулик сообщил уральским большевикам имена известных ему чехословацких солдат в различных частях корпуса, с которыми следовало установить связь. В середине апреля заместитель председателя Екатеринбургского партийного центра А. Попов выехал в Сибирь, чтобы связаться с большевистскими подпольными организациями, а также с теми чехословацкими солдатами, имена которых назвал Косулик. По возвращении в Екатеринбург Попов был арестован, и дальнейшие связи с чехословацкими частями у екатеринбургских подпольщиков, очевидно, прервались[142]. Эти связи сумели восстановить и укрепить большевики Омска.

В районе Омска размещались крупные лагеря военнопленных[143], в том числе и специальный лагерь для чехов, не пожелавших вступить в корпус (для словаков был создан лагерь в Иркутске). В начале 1919 г. в Омске появились и первые чехословацкие «рабочие дружины», созданные из солдат тех подразделений корпуса, которые были расформированы и раз-

[141] AVHÚ, General ubytovatel, T. V. O., krab. 10, č. 53.
[142] «Колчаковщина». Екатеринбург, 1924, стр. 197—198.
[143] По данным колчаковских властей, к марту 1919 г. в них находилось около 26 тыс. человек (ЦГАОР, ф. 200, оп. 9, д. 19, л. 48).

оружены за неповиновение. Именно через военнопленных и штрафников омские большевики начали устанавливать связи с солдатами чехословацкого корпуса. Особенно интенсивно развернулась работа среди солдат армий интервентов после III Сибирской нелегальной конференции РКП(б), состоявшейся в Омске в 20-х числах марта 1919 г., которая подчеркнула в своих решениях необходимость усиленной агитации «среди иностранных военных частей, находящихся в Сибири» [144].

Под руководством Сибирского областного и Омского комитетов РКП(б) возникают подпольные организации иностранных коммунистов. С помощью чехословацких коммунистов, командированных из Центральной России на подпольную работу в Сибирь, была создана и чехословацкая коммунистическая ячейка. Через нее большевики-подпольщики наладили связь с солдатами чехословацких частей, расположенных не только в Омске, но и в Петропавловске, Челябинске, Барабинске, Томске и, возможно, в других городах. Члены ячейки помогали вести агитационную и разведывательную работу, а также приобретать оружие. В конце марта—начале апреля руководители сибирских большевиков А. Масленников, М. Рабинович и Парняков уже могли сообщить в Москву о наличии связей с солдатами войск интервентов и, в частности, с солдатами чехословацкого корпуса [145].

Одним из чехословацких коммунистов-подпольщиков, работавших весной 1919 г. в Омске, был Владислав Петрас. Уроженец Моравской Остравы, член местной молодежной социал-демократической организации «Лассаль», рабочий, а потом солдат австро-венгерской армии, В. Петрас в 1914 г. оказался в плену, вступил добровольцем в 7-й полк чехословацкого корпуса, а в феврале 1918 г. был уже одним из организаторов чехословацкого красногвардейского отряда в Березани. Во главе этого отряда он участвовал в тяжелых арьергардных боях в составе 4-й армии В. И. Киквидзе. В апреле 1918 г. Петрас приехал в Москву, а оттуда летом 1918 г. был командирован на работу в Сибирь. Арестованный чехословацкими властями, он находился в екатеринбургской тюрьме, а затем был переведен в тюрьму 1-го омского лагеря военнопленных. По заданию местной большевистской организации члены чехословацкой подпольной ячейки Й. Жальский и Й. Ирава помогли Петрасу бежать [146]. Кроме Й. Жальского и Й. Иравы, членами чехословацкой под-

---

[144] «Омские большевики в борьбе за власть Советов». Омск, 1952, стр. 155.
[145] Там же, стр. 142, 164.
[146] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 163, л. 14; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 315, л. 76. В 1920 г. В. Петрас работал в штабе 5-й армии, потом руководил коммунистическими курсами в Москве, был председателем Чехословацкого совета, слушателем Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, делегатом II конгресса Коминтерна.

польной ячейки омских лагерей являлись бывшие красногвардейцы Я. Краткий, Ф. Кагоун, А. Забранский и К. Гарвалик. К. Гарваликом, в частности, подписано хранящееся в Новосибирском партийном архиве письмо, адресованное шести товарищам из 7-го полка, в котором и он, и В. Петрас когда-то служили. Гарвалик сообщил в письме, что большевики уже установили связь с югославянами и тайным польским комитетом в Новониколаевске и что податель этого письма поможет и им связаться с большевистской рабочей организацией [147].

Три других письма чехословацких интернационалистов-подпольщиков, обнаруженные исследователями (два из них подписаны «Чехословацкий коммунист», а третье — «твой Ян»), были адресованы солдатам 9-й роты 2-го полка и 5-й роты 8-го полка [148]. Письма, судя по тексту, были не первыми, направленными по этим адресам. В них указывалось на настоятельную необходимость, не медля, использовать брожение, начавшееся в чехословацкой армии, «для нашего дела, дела справедливого» и сообщалось, что подобная работа ведется уже во всех частях. «В каждом полку мы имеем совет из людей, с которыми работаем рука в руку, и все идет очень хорошо». Во 2-м и 8-м полках, говорилось в одном из писем, также нужно найти людей, «которые возьмут на себя задачу организовать своих товарищей в ротах, основать тайную организацию рабочих, войти в сношение с русскими рабочими, помочь им опять достигнуть той свободы, которая у них была нами отнята». Авторы писем рекомендовали сначала создать ячейки в ротах из четырех-пяти надежных товарищей, а вслед за тем — полковую организацию. Все остальные инструкции, указывалось в письмах, сообщат устно русские товарищи, имеющие поручения в городах (упоминается, в частности, Челябинск), где расположены чехословацкие части [149].

Вероятно, автором писем солдатам 8-го полка являлся чехословацкий коммунист-подпольщик Антонин Забранский, служивший когда-то в этом полку.

Антонин Забранский (подпольные клички «Зика», «Эдмунд») родился в городе Витковице в 1893 г. Рабочий-стекольщик, член Чехославянской социал-демократической рабочей партии с 1908 г., он солдатом 84-го пехотного полка австро-венгерской армии осенью 1915 г. под Дубно попал в плен, а в августе 1917 г. вступил в чехословацкий корпус. В феврале 1918 г. Забранский стал коммунистом. В конце мая 1918 г. он ушел из корпуса и вступил в чехословацкий красногвардейский отряд во Владиво-

---

[147] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 139, лл. 155—161, 167.
[148] ЦГАОР СССР, ф. 176, оп. 3, д. 14, л. 132, 133; «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 140—143.
[149] ЦГАОР СССР, ф. 176, оп. 3, д. 14, лл. 134—135.

Российская Коммунистическая партия (большевиков)

Партийный билет №

Подробное название организации, выдавшей билет

Фамилия

Имя

Отчество

Год рождения 1891

Личная подпись владельца билета

Социальное положение

Родной язык

Образование

Какие специальности знает

Военная подготовка

На каких языках говорит

Какие местности России знает хорошо

Был ли за границей и где

Семейное положение (число членов семьи на иждивении)

Партийный билет В. Петраса

стоке. 29 июля 1918 г. Забранский попал в руки легионеров и осенью того же года полевым судом екатеринбургской группы войск «за дезертирство и коммунизм» был присужден к тюремному заключению со строгим режимом. В начале 1919 г. Забранский был переведен в Омск в так называемую рабочую дружину. Здесь он и начал свою подпольную работу. «Посылал, — как записано в деле, заведенном на него охранной службой корпуса, — в чехословацкие воинские части агитационные письма и листовки, направленные против существующих порядков и законов» [150].

Колчаковская контрразведка располагала сведениями и о некоем чехе Иосифе (фамилию его ей не удалось установить), формировавшем отряд на станции Барабинск и связанном с местными большевиками, а через них — с омскими, и безрезультатно разыскиваемом чехословацкими властями [151].

---

[150] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 366, лл. 118—122; AVHÚ, General ubytovatel, Stražni služba, krab. 6, č. 16.

[151] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 20, л. 120.

Агенты колчаковской контрразведки доносили о существовании в Петропавловске подпольной организации, «поставившей себе целью распространение брошюр и сближение чехов с рабочими». Центр этой организации, по сведениям колчаковцев, находился в Омске или Челябинске[152].

В течение апреля и мая колчаковской контрразведке с помощью провокаторов удалось нанести жестокий удар по большевистскому подполью. Чехословацкая коммунистическая организация также понесла серьезные потери. Некоторые ее члены были арестованы. К. Гарвалик вскоре погиб в омской тюрьме от сыпного тифа; А. Забранский вместе с «рабочей дружиной» был переброшен первоначально, очевидно, в Канск, а потом под Иркутск; Й. Жальский, Я. Краткий, Ф. Кагоун были отправлены на работы в Анжерские копи. Связи, налаженные с чехословацкими частями с таким трудом и риском, оборвались как раз в тот момент, когда волнения в корпусе приобрели наибольший размах. Вскоре, однако, чехословацкая коммунистическая организация вновь возродилась под руководством и с помощью иркутских большевиков. Уже 6 августа агенту контрразведки 1-го полка чехословацкого корпуса, размещенного в Иркутске, стало известно о существовании тайной большевистской организации, в которую входили и чехи. Вскоре ему удалось проникнуть в нее[153]. 21 августа тайное разведывательное отделение при штабе корпуса сообщило в штаб 1-й дивизии, что члены этой организации «создают в наших частях известные уже „пятерки“, работают очень осторожно и, кажется, даже с успехом»[154].

В начале сентября агентам тайного разведывательного отделения стало известно имя руководителя чехословацкой коммунистической организации в Иркутске. Им оказался бежавший 2 августа из рабочей дружины и скрывавшийся в деревне Мельниково А. Забранский. Как следует из многочисленных агентурных донесений, под руководством единого центра, находившегося в Иркутске, работали большевистские организации в Иннокентьевской, на Батарейной, в Усолье, Слюдянке, Канске, Ачинске, Черемхове. Следы вели также в Нижнеудинск и Читу. Чехословацкая коммунистическая организация имела связи с лагерями военнопленных, с армейскими мастерскими, обозной ротой, рабочей дружиной, солдатами 2-го и 3-го полков.

Руководителем интернациональной партийной ячейки на станции Иннокентьевская, работавшей под руководством местной подпольной организации РКП(б) и насчитывавшей по

---

[152] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 20, л. 141.
[153] AVHÚ, Stab I div., krab. 12, I G/16.
[154] AVHÚ, General ubytovatel, T. V. O., krab. 10, č. 53; Svodka, T. V. O., č. 1036, 7.IX 1919.

сообщению агентов, до 30 членов, являлся Ф. Кагоун[155]. Из тех же источников поступали сообщения, что члены иркутской организации распространяли листовки, отдельные номера издававшейся в Брно левой социал-демократической газеты «Дельницки денник» («Рабочая газета»), укрывали дезертиров, переправляли их потом в партизанский отряд Н. Каландарашвили, собирали средства для помощи заключенным, медикаменты и оружие. Организация, доносили агенты, испытывала серьезные материальные затруднения, прежде всего ощущался недостаток типографского шрифта, краски, бумаги, а также взрывчатых веществ. Руководитель чехословацкой коммунистической организации А. Забранский имел связи с иркутским большевистским центром и участвовал в его совещаниях.

А. Забранский.
Иркутская тюрьма, 1919 г.

9 сентября А. Забранский и некоторые другие члены коммунистической организации были схвачены агентами чехословацкой контрразведки в Глазкове. В начале октября был арестован Ф. Кагоун. Й. Жальский и Я. Краткий были вновь отправлены на работу в угольные копи. Однако, как доносило 25 сентября разведывательное отделение 1-й дивизии, тайная коммунистическая организация продолжала свою работу. Теперь, по его сведениям, организацию возглавил Ян Дворжак[156]. Усилия контрразведчиков разгромить организацию не увенчались успехом.

В первой половине сентября чехословацкая коммунистическая организация распространила по всей магистрали листовки Иркутского комитета РКП(б) с призывом к солдатам корпуса не медлить и встать на путь революционной борьбы, ибо «только общий союз с сибирскими рабочими и крестьянами даст вам возможность получить гарантию для отправки на родину через Советскую Россию»[157].

---

[155] После отказа работать в Анжерских копях он, а также Й. Жальский, Я. Краткий были отправлены в Иннокентьевскую и некоторое время работали здесь на интендантских складах. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 330, л. 84; д. 310, л. 12.

[156] AVHÚ, Štab I div., krab. 13, I G/22.

[157] Там же, krab. 12, I G/18.

7. Чехословацкие интернационалисты в борьбе с контрреволюцией и интервенцией в конце 1919—1921 гг.

Осенью 1919 г. инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к Красной Армии. Преследование остатков разгромленной армии Колчака советским командованием было возложено на 5-ю армию. В связи с этим и руководство политической работой на освобождаемой от белых и интервентов территории, а также в тылу врага в значительной степени сосредоточивалось в ее политотделе. Еще летом 1919 г. в составе политотдела была создана иностранная секция (четыре политработника), возглавляемая Я. Гашеком (позднее секция была расширена и преобразована в интернациональное отделение политического отдела 5-й армии). Задачей секции было проведение организационно-агитационной работы среди иностранцев в Сибири. Наряду с изданием газет, листовок, воззваний, брошюр на венгерском, немецком, сербском и чешском языках, организацией митингов, собраний, концертов работники секции производили регистрацию иностранцев, формировали интернациональные подразделения Красной Армии.

В Уфе, Челябинске, Ишиме, Барнауле, Омске, Новониколаевске и других освобожденных городах отделением создавались организации иностранных коммунистов, а в интернациональных частях — коммунистические ячейки [158]. В члены организаций принимались лишь те, кто активно участвовал в подпольной работе в тылу Колчака, а остальные — лишь как сочувствующие [159].

Интернациональное отделение вело агитационную и разведывательную работу в чехословацком корпусе и, как свидетельствуют документы, было хорошо информировано о настроениях солдатской массы в отдельных полках [160]. Освобожденный из омской тюрьмы В. Петрас был прикреплен к уполномоченному ЦК РКП(б) при штабе 5-й армии специально для организации работы среди солдат чехословацкого корпуса [161]. В работе интернационального отделения принимал деятельное участие и другой чехословацкий интернационалист — помощник начальника политотдела 5-й армии А. Кольман [162].

После падения Венгерской и Словацкой советских республик и занятия Киева Деникиным в сентябре 1919 г. в Москву воз-

---

[158] «Боевое содружество. . .», стр. 208—209; ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 267, л. 12; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1454, л. 324.
[159] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 93.
[160] ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 797, л. 27.
[161] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 163, л. 14.
[162] ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 267, л. 12; ААН СССР, ф. 411, оп. 37, д. 761; ф. 4, оп. 8, д. 537.

Группа работников политотдела 5-й армии. Третий справа сидит Я. Гашек. Восточный фронт

вратилось руководство ЦФИГ и национальных групп. С переездом ЦИК чехословацких групп в Москву была восстановлена прервавшаяся связь центрального руководящего органа с местными организациями и с отдельными чехословацкими коммунистами, работавшими в различных уголках республики. Еще в августе из коммунистов, группировавшихся с мая 1919 г. вокруг Совета чехословацких рабочих депутатов Петрограда, была создана новая местная партийная организация [163]. Согласно данным секретариата ЦИК Чехословацкой коммунистической группы, к концу 1919 г. существовали местные чехословацкие коммунистические организации в Москве, Петрограде, Тамбове, Старой Руссе, Угличе, Рассказове, Моршанске, Рузаевке, Метиле, Петрозаводске [164]. Кроме этого, следует назвать тульскую, симбирскую и челябинскую интернациональные организации, в которых было много чехов и словаков-коммунистов [165]. В общем же к концу года секретариат располагал сведениями о 588 чехословацких коммунистах, находившихся на территории РСФСР (чле-

---

[163] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 290, л. 58; АВП СССР, ф. 138, оп. 2, п. 1, лл. 5—6.

[164] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 275, лл. 54—61; оп. 7, д. 86, л. 6; оп. 1, д. 288, лл. 8—9.

[165] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 299, л. 98; оп. 11, д. 322, л. 4; д. 325, л. 7; оп. 9, д. 7, лл. 224—225.

нов партии и сочувствовавших)[166]. В это число, как и ранее, не включались чехословацкие коммунисты, входившие непосредственно в организации РКП(б), а также в интернациональную организацию Туркестана, связь с которой была установлена лишь в начале 1920 г. Между тем к октябрю 1919 г. Коммунистическая организация иностранных рабочих и крестьян Туркестанской республики объединяла 1545 человек, кроме того, в действовавших в Туркестане частях Красной Армии было более 3 тыс. интернационалистов, большинство которых также являлось членами партии[167].

Как в местных и армейских организациях, так и в республиканском руководящем органе — Краевом комитете партии — чехословацкие коммунисты играли весьма заметную роль. С весны 1919 г. председателем Краевого комитета был бывший каменщик, член Чешской социал-демократической партии Австрии с 1898 г. Богумил Свобода, вступивший в коммунистическую организацию в августе 1918 г. в Самарканде. Свобода являлся делегатом VIII съезда Советов Туркестанской республики, делегатом III краевого съезда РКП(б), членом Самаркандского областного, а затем и Краевого комитета РКП(б).

Одновременно с оживлением партийно-организаторской работы в соответствии с решением Всероссийской конференции РКП(б) группа активизировала политическое воспитание и теоретическое обучение членов партии. В Москве была продолжена работа курсов агитаторов, начатая еще в Киеве. В течение двух месяцев слушатели каждого выпуска (до конца года курсы закончило более 60 человек) знакомились с основами марксизма, программой РКП(б), проблемами международной политики и советского строительства[168]. До конца года группа перевела и издала работы В. И. Ленина «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», программу РКП(б), принятую VIII съездом, брошюру Н. И. Подвойского «Звезда Красной Армии», опубликовала книгу документов «Чехословаки в войне и революции»[169].

Созданная в конце сентября 1919 г. Военная комиссия ЦФИГ, в состав которой от Чехословацкой коммунистической группы входил Я. Пекса, перенесла центр формирования интернациональных частей на Урал[170].

Очевидно, с этого времени и ЦИК Чехословацкой группы устанавливает более тесный контакт с политотделами 3-й и

---

[166] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 288, лл. 8—9.
[167] Там же, оп. 9, д. 2, л. 56.
[168] Там же, оп. 7, д. 81, лл. 19—20, 41—64; оп. 1, д. 288, лл. 1—11.
[169] Там же, оп. 1, д. 275, л. 30; д. 237, л. 282.
[170] ЦГАСА, ф. 803/19, оп. 1, д. 6, лл. 6—8; д. 10, л. 16; д. 28, л. 133.

Знамя чехословацкого отряда Красной Армии. Черемхово

5-й армий. Как отмечалось в отчете о деятельности группы за ноябрь 1919 г., вся агитационная работа ее членов была в основном сосредоточена на Восточном фронте [171]. Здесь вновь была учреждена полевая типография, сюда главным образом направлялась издававшаяся в Москве политическая литература и газеты. Большая группа чехословацких коммунистов была отправлена в качестве инструкторов в различные части Красной Армии, действовавшие на Урале и в Сибири; в освобожденные районы были командированы члены ЦИК для организационно-политической работы среди военнопленных, а также несколько коммунистов для подпольной работы в корпусе [172].

В Сибири между тем события приобретали все более грозный для колчаковцев и интервентов характер. 21 декабря

---

[171] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, д. 30.
[172] ЦГАСА, ф. 803/19, оп. 1, д. 28, л. 19, 57.

1919 г. началось антиколчаковское восстание в Черемхове — центре важнейшего угольного бассейна. 24 декабря оно перекинулось в Глазков — предместье Иркутска. Кроме рабоче-крестьянских дружин и партизанских отрядов, а также подразделений колчаковской армии, распропагандированных большевиками, составной частью вооруженных сил иркутских повстанцев являлись интернациональные части. Они были организованы Центральным штабом рабоче-крестьянских дружин из иностранных рабочих-отходников, военнопленных окрестных лагерей, солдат чехословацких, польских, югославянских, румынских строевых и нестроевых формирований, перешедших на сторону восставших.

В 20-х числах января иркутским большевикам удалось сформировать Интернациональный коммунистический полк, состоявший из чехословацкой, польской, корейской, немецкой, югославянской, китайской и венгерской дружин и караульной команды, общей численностью в 436 бойцов[173]. При штабе полка действовала коммунистическая ячейка, преобразованная в дальнейшем в интернациональную секцию при Иркутском губкоме РКП(б). В январе в немецкой, венгерской, чехословацкой и югославянской ячейках секции было 55 членов партии и 94 кандидата[174].

Чехословацкие коммунисты принимали самое деятельное участие в формировании Интернационального полка. Им удалось, как отмечалось в одном из докладов интернациональной секции политодела 5-й армии Сибирскому бюро РКП(б), создать также нелегальные коммунистические ячейки при штабе чехословацкого корпуса и при штабах 2-й и 3-й дивизий корпуса[175]. Особенно эффективной была их работа среди солдат полков, расположенных в Иркутске и западней его[176]. В работу чехословацкой коммунистической организации включались теперь и ушедшие из своих частей бывшие члены подпольных ячеек корпуса и освобожденные из иркутской тюрьмы А. Забранский, Й. Жальский, Р. Филип, Й. Марван, Й. Машек, К. Смишек, Й. Стухлы и др. Р. Филип командовал взводом, Й. Стухлы — батальоном, а потом и интернациональным полком, К. Смишек был избран секретарем полковой коммунистической ячейки. Председателем бюро чехословацкой организации при Иркутском губкоме РКП(б) стал Й. Жальский, а секретарем — Й. Марван[177].

Чехословацкая коммунистическая организация Иркутска, его предместий, близлежащих городов и поселков к весне 1920 г. на-

---

173 «Боевое содружество...», стр. 217.

174 Партийный архив Иркутского обкома КПСС (далее — ПАИО), ф. 1, оп. 1, д. 172, л. 43.

175 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 357, л. 10.

176 Archiv Ústava Dějin KSČ, f. 31, krab. 12.

177 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 313, лл. 301—302; д. 318, лл. 138—144, 246—264; д. 320, лл. 46—66; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 287, лл. 1—40.

считывала уже около 200 человек[178]. Среди ее членов было не менее 35 человек, ранее содержавшихся чехословацким командованием в тюрьмах за политическую деятельность[179]. Это были энергичные, опытные и убежденные пропагандисты революционных идей. С 17 февраля 1920 г. в Иркутске стала выходить еженедельная газета «Чехословацки комуниста» (с марта она стала называться «Комуниста»). Газета печаталась на русском и чешском языках тиражом в 500 экземпляров и распространялась по всей Восточной Сибири[180]. Материалы, публиковавшиеся газетой, листовки и прокламации, издававшиеся иркутской организацией, разъясняли солдатам сущность событий, пережитых ими в России, теоретически и политически вооружали их для предстоящей борьбы за установление действительного народовластия на родине.

Не оставалась пассивной и солдатская масса корпуса. Солдаты по собственной инициативе контролировали выполнение соглашения об эвакуации, заключенное командованием чехословацких частей с советским командованием. Они совместно с русскими рабочими осматривали проходящие на восток поезда, требуя высадки колчаковцев, пытавшихся укрыться в эшелонах корпуса[181]. Как сообщал начальник отделения линейной стражи Забайкальской железной дороги, чехословацкие солдаты требовали выдачи белых офицеров не только у своего, но и у японского командования, угрожая в случае отказа применить оружие. Устанавливался прямой контакт между некоторыми чехословацкими эшелонами и партизанскими отрядами, действовавшими вдоль магистрали. Чехословацкие легионеры нередко снабжали партизан оружием и боеприпасами, помогали им очищать от семеновцев железнодорожные станции[182]. В Черемхове 80 чехословацких солдат из рабочего батальона отказались уехать с последним чехословацким эшелоном и вступили в Красную Армию. Командир 9-го полка, стоявшего в Иннокентьевской, предупреждал командование, что число солдат, требующих отпустить их из корпуса, ежедневно растет, и если полк и далее будет стоять на станции, количество перебежчиков увеличится. 150 чехословацких солдат вступили в интернациональный полк в Чите, более 20 — перешли к партизанам в Хабаровске. Солдаты штрафного так называемого горностаевского батальона и некоторых других частей, ожидавших от-

---

[178] ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 284, л. 73; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 7, л. 18.

[179] ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 287, лл. 1—40.

[180] В начале мая из-за недостатка бумаги издание газеты было прекращено. Всего вышло девять номеров (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 400, л. 33).

[181] AVHÚ, Stab II div., krab. 27, II/209.

[182] «За власть Советов». Чита, 1957, стр. 324—326; «Борьба за Советы в Бурят-Монголии». М., 1940, стр. 136.

правки из Владивостока, помогали партизанам продовольствием, оружием, деньгами и совместно с местными рабочими участвовали в демонстрациях, требуя вывода войск интервентов с советской территории. Часть солдат перешла в Народно-революционную армию ДРВ [183].

Нелегально, минуя жандармские кордоны, скрываясь от полицейской слежки, возвращались на родину чехословацкие коммунисты. В течение 1919 г. для партийной работы на родине ЦИК Чехословацкой коммунистической группы отправил, по одним сведениям, 132, а по другим — 164 человека [184]. Политический опыт, приобретенный ими в революционной России, необходимо было всемерно использовать для активизации наступательных действий чехословацкого пролетариата. Вернувшийся после нескольких месяцев пребывания на родине секретарь ЦИК группы Я. Салат, а также приехавшие в Москву руководители левых чехословацких социал-демократов и социалистов Б. Шмераль, А. Запотоцкий, И. Ольбрахт и другие настаивали на быстрейшей отправке всех способных партийных работников в Чехословакию. Эта задача и стала главной для созданного в марте 1920 г. Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Работой Центрального бюро руководил вначале Ф. Коза-Пермский, а после возвращения из Чехословакии — Я. Салат. Бюро организовало пять областных и пять уездных отделений. Главное внимание, как указывалось в отчете Центрального бюро за 1920 г., уделялось работе в Сибири и Туркестане. Если к началу весны 1920 г. ЦИК Чехословацкой коммунистической группы имел сведения лишь о 302 коммунистах, то летом Центральное бюро получило более точные данные из Сибири, а осенью — из Туркестана, где было около 300 чехословацких коммунистов. Однако по-прежнему многие из чехословацких коммунистов не были учтены, так как находились в различных частях Красной Армии, действовавших в Средней Азии, Крыму, на Кавказе, Западном и Северном фронтах.

В течение 1920 г. Центральное бюро отправило на родину 308 чехословацких коммунистов, а за январь—май 1921 г. — еще 57 [185]. Список коммунистов, уехавших в Чехословакию, составленный в конце декабря 1921 г., включал 468 фамилий [186]. Чехословацкие коммунисты везли с собой на родину новые пере-

---

[183] J. Kvasnička. Указ. соч., стр. 315—316; А. Шурыгин. Революционные волнения в интервентских войсках на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1938, стр. 13; П. В. Галионко. В огне борьбы. М., 1958, стр. 68.

[184] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 288, л. 9; оп. 9, д. 2, л. 16.

[185] Там же, оп. 1, д. 331, л. 18; д. 332, л. 29.

[186] Там же, д. 400, лл. 36—42; д. 6, лл. 24—98; д. 7, л. 31; д. 357, л. 43; д. 359, л. 4; оп. 7, д. 86, л. 6.

Социалистическая Академия
Общественных Наук.

Входной билет

слушателя ... разряда

на 1918/19 учеб. год

... 1918 г.

Секретарь
по делам слуш.

Делопроизводит.

Входной билет слушателя Социалистической академии Ф. Козы

воды работ В. И. Ленина, программу РКП(б), конституцию РСФСР и другую марксистскую литературу. С ними был отправлен в Чехословакию и собранный членами коммунистической группы «Фонд для издания коммунистической литературы», предназначенный прежде всего для поддержки рабочих газет [187], а также многие документы об антисоветском мятеже чехословацкого корпуса.

По-прежнему серьезное внимание Центральное бюро уделяло политической работе среди возвращающихся на родину военнопленных чехов и словаков. «Наша задача, — писал товарищу в Вологду председатель чехословацкого отдела агитации и пропаганды при Петроградском губкоме, — создавать революционное настроение эвакуирующихся масс... Эвакуация долго не продлится, а потом, когда она кончится, мы эвакуируем сами себя в Чехословакию — на баррикады...» [188]

Вплоть до отъезда на родину работали чехословацкие коммунисты во многих советских и партийных учреждениях, на промышленных предприятиях, в шахтах, больницах, сельскохозяй-

---

[187] К концу 1920 г. в этот фонд было собрано 564 256 рублей («Pravda» (Moskva), 15.IV 1921; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 335, л. 21).

[188] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 336, л. 199.

В. Почандо

ственных коммунах [189]. До последних дней гражданской войны сражались они на фронтах.

С декабря 1918 г. сначала во главе интернационального партизанского отряда им. III Интернационала, затем 2-го интернационального им. К. Либкнехта полка и, наконец, 1-й Отдельной ферганской бригады интернационалистов громил басмачей в Ферганской и Алайской долинах Э. Кужело. В начале сентября 1920 г. он командует Каттакурганской группой войск, штурмующей Бухару, в октябре его кавалерийская бригада преследует банды Махно в Таврии, а затем до конца 1922 г. вновь сражается с басмачами в Туркестане. Двумя орденами Красного Знамени и золотым оружием были отмечены героизм и боевое мастерство Э. Кужело в годы гражданской войны [190]. Вместе со своим начдивом прошел славный боевой путь и его ординарец Й. Ганоусек (180 походов, 90 боев), награжденный за храбрость орденом Красного Знамени и золотыми часами [191].

В начале 1919 г. с Восточного на Западный фронт, в Эстонию, был переброшен комбриг Я. Штромбах. Осенью того же года во главе Пензенской сводной бригады Штромбах сражался с войсками Мамонтова и Шкуро под Воронежом и Касторной. С начала 1920 г. его бригада участвовала в операциях против Махно. Вплоть до весны 1921 г. 54-я бригада под командованием Штромбаха вела бои в Закавказье. За личную храбрость, мужество и умелое руководство частями бригады Я. Штромбах был награжден орденом Красного Знамени [192]. На Северном Кавказе сражался сначала военком полка, а потом — отдельной Таманской кавбригады 11-й армии Р. Дворжак. В этой же армии воевал комиссар 172-го полка 20-й стрелковой дивизии В. Форманек. В рядах 1-й Конной армии громили Врангеля и польских интервентов начальник 19-й кавалерийской дивизии В. Новотный, командующий артиллерией Донской дивизии Ф. Каплан, командиры полков Й. Сикора и Я. Гойя, командир батареи Я. Шейфер, боец-артиллерист Б. Новак. Группой бронепоездов 13-й армии

[189] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 10, л. 48; д. 396, лл. 73, 80; д. 405, л. 35.
[190] ЦГАСА. Коллекция послужных списков, № 190—239.
[191] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 357, лл. 27—28.
[192] ЦГАСА, Коллекция послужных списков, № 241—426; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 323, л. 44.

командовал Ю. Скалик, артиллерийским бортом бронепоезда им. Володарского — Ф. Краль. Разведкой Карельского фронта руководил А. Шипек. В разведотделе 3-й армии Западного фронта работал В. Щастный, а на самом юге страны возглавлял гарнизон Кушкинского укрепленного района военком К. Прохазка; командовал артиллерией Закаспийского фронта В. Почандо, добивал басмачей в Ферганской долине начальник уездной милиции Ю. Цмейрек.

Многие чехословацкие интернационалисты отдали свои жизни, защищая первую пролетарскую республику. От руки агента чехословацкой контрразведки погиб партизанский командир Вацлав Мировский, были повешены под Липягами попавшие в плен бойцы 1-го Чехословацкого революционного полка Алоис Скотак, Йозеф Поспишил и Людвик Оченашек. Пал в бою командир одной из рот этого полка Владимир Карник. Казнен под Екатеринбургом один из руководителей уральских интернационалистов Вацлав Смрчка, а в Благовещенске — Суханек. Тиф скосил Славояра Частека. В штыковой атаке под Перекопом погиб бывший командир 3-го Интернационального полка 1-й Интернациональной бригады Йозеф Нетик, в боях с семеновцами — командир роты 2-го Омского интернационального отряда Йозеф Гофман. На Дону под хутором Шемякиным окруженный врагами застрелился тяжело раненый комбриг Константин Галанц. А сколько безымянных могил, в которых покоятся чехословацкие бойцы-интернационалисты, осталось в снегах Сибири и песках Туркестана, на берегах Волги и Сиваша?!

Дальнейшая деятельность Ю. Волек-Хораза, Ф. Козы-Пермского, Ф. Каплана, Й. Марвана и сотен других чехословацких интернационалистов, вернувшихся на родину, неразрывно связана с рабочим движением, с революционной борьбой Коммунистической партии Чехословакии. Э. Кужело, Я. Штромбах, В. Почандо, А. Шипек и многие другие чехословацкие интернационалисты остались в Советской России, активно участвовали в государственном, хозяйственном, военном строительстве первого пролетарского государства.

ГЛАВА 8

ВЕНГЕРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ ОКТЯБРЯ

1. Революционное движение венгерских военнопленных в первые месяцы социалистической революции

Победу Октябрьской революции венгерские военнопленные восприняли по-разному. Одни из них искренне приветствовали ее, другие заняли резко враждебную позицию, третьи предпочитали воздерживаться от всяких проявлений одобрения или осуждения. К первой категории относились прежде всего убежденные социалисты, активные участники венгерского рабочего движения, которые, согласно определению заместителя главы австро-венгерской миссии по делам военнопленных Раабла, «были заражены революционными идеями уже дома» [1]. Вторую группу составляли почти целиком кадровые офицеры, профессиональные военные преимущественно дворянского происхождения. Основная же масса пленных, по свидетельству того же Раабла, «хотя и радостно встретила русскую революцию, но вначале сделала это не потому, что новые идеи в целом нашли их одобрение, а потому, что она обещала осуществление годами вынашивавшихся ими надежд (на возвращение домой. — *Авт.*), а также улучшение их материального положения» [2]. Чтобы перейти от симпатии к активным действиям в поддержку рабоче-крестьянского государства, массе пленных нужно было руководящее и направляющее воздействие их собственных политических организаций. Эта гигантская революционная задача выпала на долю самых передовых, самых сознательных из венгерских пленных — интернационалистов.

Основное организующее ядро движения венгерских интернационалистов составляли бывшие активные участники довоенного

[1] «Magyar katonai közlöny». Budapest, 1929, 969 l.
[2] Там же.

рабочего движения Венгрии. К их числу относились Бела Кун, Карой Лигети, Ференц Янчик, Шандор Кельнер, Лайош Винерман, Тибор Самуэли, Эрнё Пор, Эрнё Зайдлер, Йозеф Рабинович, Карой Вантуш, Арманд Мюллер, Фридьеш Карикаш. Енё Шугар, Ф. Штейнгард, Пал Олеандер и др. К. Вантуш вступил в социал-демократическую партию Венгрии еще в 1897 г., Й. Рабинович — в 1901 г., А. Мюллер — в 1903 г., Э. Пор — в 1905 г., Н. Орос — в 1904 г. В 1902 г., будучи 16-летним юношей, включился в рабочее движение и стал членом Социал-демократической партии Венгрии Бела Кун[3]. В 1906 г. за написание и распространение листовки, в которой было усмотрено подстрекательство и призыв «к насильственным действиям против власти», 20-летний социалист был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Накануне войны Б. Кун являлся одним из руководящих деятелей трансильванской организации венгерской социал-демократии. Призванный в армию, он в 1915 г. попал в плен и вскоре был направлен в томский лагерь. Здесь Б. Кун связался с существовавшим еще до Февральской революции революционным кружком офицеров, в который входили Эрнё Зайдлер, Карой Райнер, Ференц Мюнних, Имре Силади. «С момента появления Бела Куна направление всей деятельности группы приняло решительно социалистический характер», — писал один из ее руководителей — Ф. Мюнних[4].

Ф. Мюнних

О томском периоде деятельности Куна можно судить не только по воспоминаниям его друзей и единомышленников, но и по его статьям, опубликованным в газете «Новая жизнь», являвшейся до июня 1917 г. органом томского объединенного комитета РСДРП, а затем по статьям Куна в большевистских органах «Знамя революции» и «Сибирский рабочий».

12 (25) апреля 1917 г. «Новая жизнь» опубликовала письмо Б. Куна, адресованное руководителю местной организации РСДРП. В нем Б. Кун приветствовал в качестве члена Трансильванского

---

[3] Kun Béláné. Kun Béla. Budapest, 1966, 7 l.
[4] «Sarló és Kalapács», 1930, № 4, 35 l.

комитета Социал-демократической партии Венгрии «победоносную русскую социал-демократию в знак международной солидарности пролетариата». Воодушевленный успехами русских рабочих, победой русской революции, он с нетерпением ожидал наступления того дня, «когда мы вместе сможем продолжить наше общее дело: освобождение пролетариев всего мира; когда социал-демократия, выполняя историческую миссию мирового пролетариата, доведет до победы великое дело освобождения мира». Вслед за написанием этого письма Кун установил непосредственную связь с томской организацией РСДРП. «В середине апреля 1917 г. к нам в партийный комитет явился чрезвычайно энергичный мужчина, человек лет тридцати: это был Бела Кун», — вспоминает Татьяна Сибирцева, член томской организации. Кун информировал комитет о деятельности группы пленных, попросил литературу и предложил установить регулярную связь между местным комитетом РСДРП и венгерскими военнопленными. С тех пор началась совместная работа обеих организаций [5]. Б. Кун быстро завоевал уважение и симпатии томских революционеров. «Это был жизнерадостный, простой, веселый человек. У нас в партийном комитете сразу все полюбили его», — рассказывает другой член томской организации Конкордия Востротина [6].

28 октября (10 ноября) 1917 г. большевистская газета «Знамя революции», публикуя статью Б. Куна о положении крестьянства Венгрии, назвала автора «выдающимся венгерским социалистом». Русская революция пробудила в нем надежду на то, что «вскоре и над венгерскими долинами взовьется красное знамя с надписью „Земля и Свобода“. Что бы ни говорили маловеры и враги русской революции, — писал Кун, — далеко разлетелись искры революции и из этих искр — в этом я убежден — по всей Европе разгорится пламя революции» [7]. Кун решительно выступал за конфискацию помещичьей земли. Он полагал, что землю, как и любой другой вид средств производства, нельзя оставлять в частной собственности, что она должна перейти в коллективное пользование крестьян и аграрного пролетариата.

1 (14) декабря 1917 г., спустя несколько недель после свержения Временного правительства, Б. Кун в статье «Возможна ли революция в Германии?», опубликованной в газете «Сибирский рабочий», оценил события в Петрограде как «новый тип революции», как первую, не считая Парижской Коммуны, пролетарскую революцию, которая в соответствии «с внутренними законами развития общества становится международной революцией» [8].

---

[5] «Népszabadság», 3.V 1966.
[6] Там же.
[7] «Знамя революции» (Томск), 28.X (10.XI) 1917.
[8] «Сибирский рабочий», 1 (14).XII 1917.

После Октябрьской революции наступил новый этап деятельности Б. Куна. Его статьи, доклады томского комитета большевиков, содержавшие высокую оценку деятельности Б. Куна, обратили на него внимание В. И. Ленина[9], и в декабре он был вызван в Петроград. Приехав в столицу, Б. Кун продолжал поддерживать связь с томскими большевиками. В январе 1918 г. в томской печати появилась его важная статья «О революционном Интернационале», в которой отчетливо выражено понимание Куном выдвинутой Лениным исторической задачи создания нового, Коммунистического Интернационала[10]. В каждом шаге, в каждом действии рабочего класса России он видел проявление того, что «его дело перерастает национальные рамки» и стоит в непосредственной связи с делом победы социализма во всех странах. Прекрасным примером широты политических воззрений Б. Куна является статья «Рабочий класс и коммунизм». В центре внимания автора — вопрос о повышении производительности труда, проблемы критики и самокритики в государстве диктатуры пролетариата. Праздничное настроение, экстаз и опьянение от успехов революции, писал он, не должны помешать нам критически и самокритически относиться к успехам. Русские рабочие, одержавшие блестящие победы на поле боя, на улицах и площадях, теперь должны перенести свою деятельность на заводы и служить производственному процессу, являющемуся «источником жизненной силы пролетарского государства». Организация производства — актуальнейшая задача пролетариата, писал Б. Кун[11].

К. Лигети

В петроградский период своей деятельности Б. Кун уделял огромное внимание изданию газет «Факел» и «Немзеткези социалишта» — первых органов коммунистической печати германских и австро-венгерских интернационалистов в России. «Немзеткези социалишта», обращаясь к венгерским солдатам и рабочим, писала: «Вставайте на борьбу против тех, кто продлевает войну! .. Не будьте палачами русской рабочей революции!»

---

[9] «Népszabadság», 3.V 1966.
[10] «Сибирский рабочий», 2 (15).I 1918.
[11] «Знамя революции», 14 (27).I 1918.

Помимо Томска, важнейшим центром венгерского интернационалистского движения был Омск. Здесь также еще до Октябрьской революции сложилась интернациональная организация пленных во главе с венгерскими социал-демократами Й. Фодором, Й. Шомяи, Й. Шомоди, Е. Витрейхом, австрийцем Карлом Томаном и немцем В. Раковым. В Омске же находился и один из виднейших деятелей венгерского интернационалистского движения Карой Лигети.

Сын кузнеца, К. Лигети после окончания школы работал на авторемонтном заводе в Будапеште, где вступил в социал-демократическую партию. Вскоре же Лигети стал сотрудничать в качестве внештатного корреспондента в центральном партийном органе — газете «Непсава» («Голос народа»). В начале войны он был призван в армию, направлен на сербский, а затем на русский фронт. В 1916 г. во время брусиловского прорыва Лигети попал в плен. Из ковровского лагеря в конце февраля 1917 г. Лигети был переведен в Иваново-Вознесенск, где и произошло его первое близкое знакомство с русским революционным движением. Здесь он принимал деятельное участие в создании социалистической организации военнопленных. На Лигети, как и на других пленных социалистов, большое впечатление произвела Февральская революция. На первомайском митинге 1917 г. Лигети выступил с речью перед демонстрантами.

Стремясь избавиться от энергичного социалиста, военные власти в начале сентября перевели его подальше от революционных центров Европейской части России — в Омск. Здесь он стал душой организации военнопленных. Лигети одним из первых венгерских революционеров пытался извлечь уроки из событий в России для будущей венгерской революции. Еще в августе 1917 г. он писал, имея в виду революционный захват земли, что русскую революцию лучше всего поймет венгерский крестьянин. «Он поймет этот шаг русского крестьянина во всей его глубине и революционном величии...» [12].

Накануне октябрьских событий Лигети с помощью омских большевиков организовал боевую дружину военнопленных, а также тайный склад оружия в лагере. Под его руководством группа омских интернационалистов стала надежным оплотом и верным помощником Советской власти. 8 (21) декабря 1917 г. митинг военнопленных омских лагерей принял текст приветственного обращения к Советскому правительству. В обращении, подписанном К. Лигети, Й. Фодором и другими, говорилось: «Товарищи! Мы стали союзниками русской революции и идем теперь вместе с вами». Во имя успешной борьбы против врагов революции они просили предоставить военнопленным гражданские права, чтобы они имели возможность «свободно учиться,

---

[12] Ligeti Károly. Válogatott irásai. Budapest, 1957, 71 l.

равно и учить друг друга»[13]. Тесная связь венгерских интернационалистов с Омским комитетом партии большевиков оказала решающее влияние на идейный рост и организационное оформление движения военнопленных.

31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) президиум Омского Совета удовлетворил просьбу группы венгерских революционеров об организации «партийного комитета венгерских социал-демократов (большевиков)», который должен был работать в рамках общей большевистской организации[14]. Что касается Лигети и его единомышленников, то они фактически еще до Октябрьской революции действовали как большевики, и таковыми себя считали. «Мы все являемся большевиками, — писал Лигети 10 (23) октября, — и домой будем посылать большевистских людей, понимающих толк в баррикадных боях»[15].

Цели, задачи, а также принципы организационного строения венгерской партийной ячейки были разработаны К. Лигети и его товарищами на основе Программы и Устава РСДРП(б), с учетом специфики движения интернационалистов. По их замыслу в целях облегчения агитации партийная организация иностранных рабочих создавалась из национальных групп. Возглавляться они должны были общим центральным комитетом и избираемым последним исполкомом. Национальные группы должны были решать две основные задачи: воспитание, обучение и подготовка пролетарских масс к грядущей социальной революции и защита русской революции морально, а в случае нужды и с оружием против любых ее врагов. В перспективе предусматривались: свержение монархии и власти буржуазии на родине, национализация промышленности и банков, передача земли крестьянам без всякого выкупа. Ближайшей, конкретной задачей партийных организаций в лагерях являлось создание выборных коллегий, призванных заменить старую администрацию лагерей, и формирование Красной гвардии для охраны и поддержания порядка в них. Четко было определено, что иностранные партийные ячейки являются частью организаций РСДРП(б)[16]. Предусматривалось, что партийная организация интернационалистов будет представлена в местных органах власти.

На собрании венгерской организации, состоявшемся 8 (21) января 1918 г., по сообщению газеты «Революционная мысль», присутствовали «и румыны, знакомые с венгерским языком»[17]. С большой речью об Октябрьской революции и задачах интернационалистов выступил К. Лигети. 300 участников собрания еди-

---

[13] «Революционная мысль», 22.XII 1917 (4.I 1918).
[14] ГАОО, ф. 662, оп. 1, д. 16, л. 32.
[15] Ligeti Károly. Указ. соч., стр. 13.
[16] «Forradalom», 14.IV 1918.
[17] «Революционная мысль», 16 (29).I 1918.

ногласно приняли резолюцию, выражавшую решительный протест против захватнических планов Центральных держав и требовавшую от правительства Австро-Венгрии немедленного прекращения войны, заключения мира без аннексий и контрибуций. Венгерские и румынские интернационалисты заявили, что будут до конца защищать русскую революцию, «ибо с гибелью русской революции погибло бы навсегда дело освобождения человечества...» В резолюции выражалась надежда на то, что после заключения демократического мира «все народы Венгрии получат автономию» [18].

17 февраля 1918 г. общее собрание партийной организации интернационалистов, на котором присутствовали 612 из 867 членов партии, избрало членами Омского Совета К. Лигети, Й. Рабиновича и Й. Шомяи [19].

После создания коммунистической организации заметно ускорился процесс идейно-политической эволюции венгерских интернационалистов.

Благодаря помощи местных партийных и советских органов и поддержке Всероссийского бюро пленных ВЦИК было начато издание редактировавшейся К. Лигети венгерской газеты «Форрадалом» («Революция»). Первый номер газеты вышел 10 (23) февраля 1918 г.

В первом номере газеты было помещено подписанное Лигети «Обращение к венгерским рабочим и крестьянам», в котором разоблачались истинные виновники империалистической бойни. Обращаясь к господствующим классам Венгрии, Лигети писал: «Нам не нужен разбой, нам не нужны кровавые плоды порабощения других народов! Мы, венгерские неимущие, венгерские трудящиеся, люди созидания, очень хорошо знаем, что, если даже территория Венгрии увеличится в десять раз, трудящемуся народу от этого никакой пользы не будет. Нам не нужно ни пяди чужой земли, — писал далее Лигети, — нам достаточно и той, что вы держите в ваших паразитических руках и которую мы у вас отберем» [20]. Лигети обвинял господствующие классы Венгрии в том, что они сеяли национальную ненависть, чтобы помешать объединению угнетенных трудящихся. «Вы разделяли нас, чтобы господствовать над нами всеми. Но знайте, что страдания, которые стали уделом мадьяра, румына, серба, хорвата, словака, в равной мере научили нас видеть правду, которую так трусливо вы скрывали от нас... Знайте же, — заявлял Лигети, — что мы, которые по вашему наущению ненавидели и преследовали друг друга, мы все объединились под красным знаменем социализма для борьбы против вас» [21].

---

[18] «Революционная мысль», 16 (29).I 1918.
[19] ГАОО, ф. 662, д. 93, л. 15.
[20] «Forradalom», 10 (23).II 1918.
[21] Там же.

Отдельные материалы, а в некоторых случаях целые номера венгерской газеты «Форрадалом» печатались на румынском языке; в газете публиковались также материалы на немецком, чешском, словацком языках [22].

Омская организация интернационалистов строго соблюдала принципы национального равноправия и интернационализма. В лагерной коллегии, руководящем органе лагеря, каждая национальная группа была представлена пропорционально своей численности. Коллегия положила конец хищениям и, по признанию представителя шведского Красного Креста, улучшила материальное положение пленных, добившись равномерного распределения табака, сахара и других продуктов [23].

Революция резко обострила противоречия, разделявшие массу пленных, одну часть которых составляли несколько десятков тысяч офицеров, выходцев из привилегированных слоев венгерского общества, а другую, исчислявшуюся сотнями тысяч, — рядовые и примкнувшие к ним офицеры из рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. Конфликт между этими двумя антагонистическими силами явился специфической формой проявления классовой борьбы среди военнопленных.

После установления Советской власти революционно настроенные пленные взяли управление лагерями в свои руки. Офицеры читинского лагеря жаловались представителям Красного Креста, что «вступившие в Красную гвардию пленные чехи, хорваты и мадьяры срывают с них знаки различия и отличия и хотят объединить офицеров в одну категорию с рядовыми» [24].

Руководимая венгерскими интернационалистами лагерная коллегия в Омске 1 (14) апреля 1917 г. лишила офицеров их денщиков и потребовала, чтобы офицеры сами занимались уборкой помещения, двора и прочих мест. Кроме того, часть благоустроенных офицерских бараков была отведена больным и инвалидам независимо от ранга и звания.

Представитель Красного Креста граф Бонде с возмущением писал в своем отчете о посещении омского лагеря, что «Лигети — руководитель агитации среди военнопленных», склонил на свою сторону 300 пленных и даже в его, графа, присутствии «держал вместе с товарищами мятежные речи». Подводя итоги увиденному, граф должен был признаться: «... Революционные идеи нашли благоприятную почву именно среди военнопленных» [25].

---

[22] Terbe Lájos. Szibériai magyar lappok. 1915—1921. — «Országos Széchenyi Könyvtár Évkönyve» (далее — OSZKE). Budapest, 1960, 246 l; Budapest, 1966, 286 l.

[23] «Hadifogoly magyarok története», 2 k. Budapest, 1930, 334 l.

[24] Там же, стр. 349.

[25] Там же, стр. 316.

Реакционные офицеры стремились уговорами и нередко угрозами удержать рядовую массу от выступлений на стороне русских трудящихся. В троицком лагере, вспоминал венгерский интернационалист Ференц Ери, офицеры говорили, что «военнопленные никакого отношения к русской революции не имеют», и даже угрожали активистам расстрелом по возвращении на родину за нарушение присяги. Несмотря на их усилия, в Красную гвардию здесь вступило несколько десятков пленных [26].

В Оренбурге дело дошло до вооруженного выступления контрреволюционных элементов из среды военнопленных: в боях против красногвардейских частей здесь приняли участие вооруженные Дутовым военнопленные офицеры [27]. После перехода власти в городе к Совету интернационалисты произвели в лагере обыск с целью изъятия оружия, спрятанного офицерами.

В этой открытой классовой борьбе на стороне рядовой массы пленных стояло рабоче-крестьянское государство и местные советские и партийные органы; офицерская же каста находила неизменную поддержку у правительств Австро-Венгрии и Германии, у представителей международного Красного Креста. Бонде 16 (29) декабря 1917 г. заявил официальный протест Омскому Совету, потребовав от него запрещения всякого участия пленных в политических демонстрациях и привлечения к ответственности К. Лигети и других революционных руководителей, виновных в «подстрекательстве рядовых военнопленных, которые нарушают мир в лагере и угрожают личной свободе лояльных солдат и офицеров» [28].

Заключение Брестского мира еще более осложнило обстановку в лагерях. Офицеры и их покровители становились все более наглыми и бесцеремонными. В Омский Совет явились два офицера и потребовали полного восстановления в лагере старых порядков [29]. Совет отклонил домогательства австро-венгерских офицеров.

Решительные действия омских интернационалистов привлекли к их организации внимание военнопленных всех лагерей Сибири. После начала издания газеты «Форрадалом» из всех уголков Сибири к ним стали обращаться с письмами, с просьбами о помощи, о присылке газет и агитаторов. С помощью омских интернационалистов в феврале—марте 1918 г. были созданы организации пленных в Троицке, Инсаре, Марьяновке, Исиль-Куле, Татарске, Ачинске и других местах.

Разъясняя пленным мировое значение русской революции, газета «Форрадалом» писала: «Каждый пролетарий должен по-

---

[26] «Sarló és Kalapács», 1933, № 1, 80 l.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 193, л. 17.
[28] «Hadtörténelmi Intézet · Levéltára (далее — HIL), Elsö világháborus gyüjtemény, 3389, cs. 35, pall. 7, i.
[29] Там же, 7/24—8.

нять, что русская революционная Республика — священное сокровище пролетариата всего мира, гарантия грядущей мировой свободы, которую каждый рабочий, если нужно, должен защищать с оружием, ценой собственной жизни, с какой бы стороны ни угрожала ей опасность... Интернационалистские организации, — констатировала газета, — должны воспитывать сознательных революционеров, готовить их к бескомпромиссной классовой борьбе» [30].

Газета «Форрадалом» оказала большую помощь вновь возникавшим интернационалистским организациям Сибири.

Ленинизм и практика Октябрьской революции помогли наиболее революционным представителям венгерского рабочего движения критически пересмотреть и переоценить всю ту сумму представлений и систему взглядов о формах классовой борьбы и задачах рабочей партии, которые проповедовались и насаждались в рабочем движении партиями II Интернационала в довоенные годы. В этом отношении весьма примечательна статья К. Лигети «Коммунизм», опубликованная в «Форрадалом» 21 апреля 1918 г. В ней он решительно отмежевывался от старой социал-демократии, которая изменила революционному учению Маркса, отреклась от революционного прошлого и, постепенно сближаясь с радикальными буржуазными партиями, превратилась в пособника империализма. Последний толчок к признанию революционными элементами венгерской социал-демократии необходимости открытой и бескомпромиссной борьбы вплоть до разрыва с партиями II Интернационала дал, по-видимому, VII съезд РКП(б) и его историческое решение о переименовании партии в коммунистическую партию. Касаясь этого решения, Лигети писал: «Организации военнопленных в России тоже присоединяются к этой позиции... Они тоже вместе с соглашательской, официальной политикой социалистов отбрасывают от себя и то последнее, что связывает их с предателями социализма, — они отбрасывают социал-демократическое название и принимают новое название... Мы — коммунисты» — этими гордыми словами закончил свою статью К. Лигети [31].

Венгерские коммунисты хорошо знали нужды, потребности, чувства и настроения массы пленных. Особую сложность представляли для них просвещение и организация той части крестьян-пленных, которые на родине не принимали участия в политических и экономических выступлениях и организациях деревенской бедноты и которых на родине еще не коснулась социалистическая агитация. А в лагерях они составляли большинство. Кажущиеся простыми, ясными и понятными для каждого рабочего идеи пролетарского интернационализма и рабочей солидар-

---

[30] «Forradalom», 24.III 1918.
[31] «Forradalom», 21.IV 1918.

ности пленными крестьянского происхождения усваивались с трудом. Естественно, что и к тем из военнопленных, кто еще находился в поисках своего места в политической борьбе, венгерские коммунисты относились не как к противнику, а как к потенциальному союзнику.

Поскольку с самого начала революции обнаружилась невозможность склонить основную массу пленных к прямым антисоветским выступлениям, а также из опасения сыграть на руку Антанте, после заключения Брестского мира реакционное австровенгерское офицерство главным образом стремилось любыми способами удержать военнопленных от активной поддержки Советского государства. Контрреволюционные офицеры остерегались вести открытую антисоветскую пропаганду в лагерях, предпочитая указывать на необходимость соблюдения нейтралитета и невмешательства во внутренние дела России. В иркутском лагере, где организация интернационалистов вначале была несравненно более слабой, чем, скажем, в Омске, офицерская пропаганда добилась определенных успехов. Подполковник Шамбергер и капитан Деак убеждали пленных, что воинский долг и присяга запрещают им заниматься политикой в плену; что же касается проблем, их волнующих, то они могут разрешить их дома, законным путем. Шамбергер и Деак рекомендовали рядовым бойкотировать собрания и митинги. Однако, как писали они сами, эти указания «венгерские солдаты нарушали в массовом порядке» [32].

Еще в декабре 1917 г. в первом номере газеты «Немзеткези социалишта» было опубликовано письмо военнопленного — социал-демократа из Вологды, отражавшее настроение многих венгерских военнопленных. «Зная самоотверженную приверженность моих товарищей к нашим идеям и выражая мнение многих десятков тысяч наших товарищей, находящихся в русском плену, — писал автор письма, — заявляю, что мы все готовы предложить свои услуги народному правительству русской революции, и как интернациональные социалисты мы были бы счастливы, если бы могли помочь нашим русским товарищам в борьбе против общего врага — буржуазии» [33].

2. Создание и деятельность Венгерской группы РКП(б)

Быстрое расширение массовой базы интернационалистского движения делало все более необходимым его организационное оформление, создание единого руководящего центра. Инициативу создания центральных революционных организаций венгерских

---

[32] HIL, Elsö világháborus gyüjtemény, 3389, cs. 35, pall. 9 i.
[33] «Nemzetközi Szocialista», 14 (27).XII 1917.

военнопленных взяли на себя небольшие группы революционеров, находившихся в Петрограде и Москве. В числе первых интернационалистских групп, выступивших в поддержку победившего Октября, была организация военнопленных завода Гужона. Венгерскими военнопленными на заводе руководил Фридьеш Карикаш. Первоначально венгерские революционеры работали в составе организации военнопленных-интернационалистов Московского военного округа, созданной в декабре 1917 г., и Петроградского революционного центра (комитета) военнопленных, возникшего в феврале 1918 г. Выход «Немзеткёзи социалишта» встретил горячее одобрение сознательных венгерских пленных. В московский комитет военнопленных стали поступать просьбы об оказании содействия в формировании организации и о присылке литературы. Такие просьбы поступили из Брянска, Новгорода, Сызрани, Рязани, Новороссийска и других городов [34].

В организациях интернационалистов, как указывалось в предыдущих главах, шли острые дебаты о формах, характере и направлении их деятельности. Бела Кун и его сторонники предлагали тотчас же приступить к созданию коммунистических национальных групп в составе РКП(б). Одни их оппоненты ссылались на то, что создание таких коммунистических групп будет непонятным для пленных, которые не собираются оставаться в России, а намерены поскорее вернуться на родину; другие считали, что создание организаций по национальному признаку нанесет ущерб идеям интернационализма [35]. Выступая на совещании представителей интернационалистских организаций военнопленных, состоявшемся в Москве 14 марта 1918 г., Э. Пор указывал, что именно создание национальных коммунистических организаций в рамках российской партии придаст их деятельности строго марксистский характер. Приехавший из Петрограда Б. Кун в свою очередь подчеркнул необходимость создания централизованного руководства движением зарубежных интернационалистов и образования национальных коммунистических групп. «Настоящая пролетарская работа может быть достигнута только через национальные группы», — говорил Кун [36].

24 марта в результате большой предварительной работы состоялось учредительное собрание Венгерской коммунистической группы РКП(б). На следующий день созданный на собрании комитет, в состав которого входили Б. Кун, Т. Самуэли и Э. Пор, направил письмо в ЦК РКП(б), подчеркивая, что группа «теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии (большевиков)» и считает ее устав обязательным для себя [37]. Одновременно в другом документе организа-

---

[34] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 1, лл. 2, 54, 103, 200 и др.
[35] Там же, д. 5, л. 27.
[36] Там же, л. 18.
[37] Там же, оп. 1, д. 66, л. 1.

ции указывалось: «Образованная 24-го марта Венгерская группа РКП(б) ставит своей задачей идти по тому пути, по которому русская партия так успешно продвигается вперед. Группа организует курсы, — отмечалось в документе, — для подготовки агитаторов, и подготовленных таким образом товарищей мы хотим направить в Венгрию. Их обязанность — основать венгерскую коммунистическую организацию, поддерживать связь с тамошними левыми социал-демократами и с группой, остающейся здесь. До образования общего международного органа группа будет работать под руководством Центрального Комитета РКП(б)» [38].

В первом номере центрального печатного органа Венгерской группы РКП(б) газеты «Социалиш Форрадалом» («Социальная революция»), вышедшем в свет 3 апреля 1918 г. в Москве, в статье о целях венгерских коммунистов разъяснялось, что они твердо стоят на почве классовой борьбы и революционного марксизма. Передовая статья заканчивалась призывом Коммунистического Манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [39]

11 апреля 1918 г. ЦК РКП(б) сообщил, что создание Венгерской коммунистической группы им принято к сведению и нет возражений против ее деятельности «как группы российской партии в рамках организационного устава партии» [40].

О разносторонней работе, проделанной группой уже в первый период ее деятельности, могут дать некоторое представление следующие данные. Со времени возникновения Венгерской группы до января 1919 г. ею было выпущено 15 листовок и воззваний тиражом в 350 тыс. экземпляров и 11 брошюр в количестве от 15 до 35 тыс. экземпляров каждая [41]. Тираж центрального органа группы газеты «Социалиш Форрадалом» колебался от 15 до 20 тыс. экземпляров. Кроме того, венгерские газеты издавались в разное время и в других важнейших центрах сосредоточения военнопленных: «Эбредеш» («Пробуждение») — в Самаре, «Форрадалом» — в 1918 г. в Омске, а в 1920 г. — в Иркутске, «Непсава» («Голос народа») — в Томске, «Форрадалмар» («Революционер») — в Перми, «Вилагфоррадалом» («Мировая революция») — в Иркутске и Верхнеудинске, «Вилагсабадшаг» («Мировая свобода») — в Ташкенте и др. Эти газеты, по выражению авторов хортистского издания по истории венгерских военнопленных в России, «представляли собой самый настоящий враждебный яд. Их распространяли по всем лагерям. К счастью, они были еженедельными» [42]. Всего в 1918—1920 гг. на тер-

---

[38] «A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogalott. Dokumentumai» (далее — MMTVD). Budapest, 1956, 5 k., 105 l.
[39] «Szociális Forradalom», 3.IV 1918.
[40] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 86, л. 6.
[41] Там же, ф. 1, оп. 9, д. 6, л. 13.
[42] «Hadifogoly magyarok története». Budapest, 1930, 2 k., 342 l.

ритории Советской республики издавалась 51 венгерская газета, 35 из них — в Сибири и Средней Азии и 16 — в Европейской части страны [43].

Основная задача этих газет состояла в распространении среди пленных идей социалистической революции. «Как в открытых большевистских выступлениях, так и через газеты, ими редактируемые на многих языках нашей монархии, вышеназванные (упоминались имена Б. Куна, Ф. Мюнниха и К. Райнера. — *Авт.*) прилагают величайшие усилия к тому, чтобы воздействовать на возвращающихся военнопленных в революционном духе и любым способом подорвать авторитет династии и офицеров», — говорилось в донесении австро-венгерского офицера от 1 июля 1918 г., направленном в Вену [44].

За короткий срок венгерскими коммунистами были переведены и изданы на венгерском языке работы К. Маркса и Ф. Энгельса — «Коммунистический Манифест» (тираж 10 тыс. экземпляров), В. И. Ленина — «Письма о тактике», «Доклад и заключительная речь на VIII съезде Советов» и другие произведения. Кроме того, были выпущены огромным тиражом брошюры и листовки, в которых в популярной форме излагались основы марксизма-ленинизма, разъяснялись истинные причины и цели империалистической войны, задачи пролетариата и т. д. Среди этих изданий — «Чего хотят коммунисты?» (15 тыс. экземпляров), «Чья земля?» (35 тыс. экземпляров), «Кто платит за войну?» (40 тыс. экземпляров), «Что такое Советская республика?» (20 тыс. экземпляров) Б. Куна; «Как глубоки карманы попов?» (15 тыс. экземпляров). «Почему упала царская корона?» (15 тыс. экземпляров), «Что случилось в Венгрии?» (20 тыс. экземпляров) Т. Самуэли; «Воззвание к возвращающимся на родину» (10 тыс. экземпляров), «Обращение к солдатам Украины» (35 тыс. экземпляров), «Мирные предложения украинских рабочих и крестьян» (35 тыс. экземпляров), «Воззвание к трудящимся в Венгрии» (30 тыс. экземпляров) и др.

Большое внимание группа уделяла подготовке революционных кадров. В апреле 1918 г. в Москве была создана школа агитаторов. До ноября 1918 г. пять выпусков школы окончило 102 венгерских интернационалиста [45]. Такие же курсы агитаторов работали в Самаре, Саратове, Пензе, Иркутске и в ряде других городов. В течение 1918 г. на этих курсах прошло подготовку 545 венгерских интернационалистов [46].

Образование Венгерской группы РКП(б) положило начало широкому строительству венгерских коммунистических органи-

---

[43] OSZKE, 1963—1964. Budapest, 1966, 286 l.

[44] HIL, Elsö világháborus gyüjtemény, 3389, cs. 36. pall. № 10—7/7—1076, 35/15.

[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 16; Milei György. A Kommunisták Magyarországi Pártjának megalakitásáról. Budapest, 1962, 57 l.

[46] «Parttörténeti Intízet Archivuma. A(XXVIII) 41.

заций на всей территории Советской России. Венгерские коммунистические ячейки возникли в десятках городов. Только шесть из них уже в августе 1918 г. насчитывали 350 членов. К концу 1918 г. число членов группы достигло 724 человек[47].

В развитие движения венгерских интернационалистов огромный вклад внес Тибор Самуэли. В отличие от других руководителей группы Т. Самуэли, бывший, по выражению Б. Куна, совестью венгерской революции, ее боевым глашатаем и разящим мечом, до Октябрьской революции не имел сколько-нибудь значительного опыта участия в рабочем движении. Незадолго до войны он стал сотрудничать в органах венгерской радикальной и социалистической прессы. С 1913 г. Т. Самуэли работал в отделе информации газеты «Непсава». В декабре 1914 г. Самуэли был отправлен на фронт, а весной 1915 г. оказался в плену. Здесь, в лагерях, он развернул антимилитаристскую и социалистическую пропаганду, чем вызвал к себе злобную ненависть реакционных офицеров. Однажды он был жестоко избит ими в лагере. При попытке к бегству из России, предпринятой незадолго до Октябрьской революции, он был задержан на финской границе и снова подвергнут избиению, а затем заключен в штрафной барак. После Октябрьской революции Т. Самуэли активно включился в работу московской организации интернационалистов. Б. Кун, с которым он встретился в январе 1918 г., хотел предложить Самуэли войти в редакцию газеты «Немзеткези социалишта». Однако газета вскоре под давлением Центральных держав была закрыта, и сотрудничество двух виднейших венгерских революционеров наладилось лишь в феврале—марте 1918 г., после переезда Куна в Москву. Вместе с Куном и Э. Пором Самуэли принял самое активное участие в создании Венгерской коммунистической группы и в налаживании выпуска газеты «Социалиш Форрадалом». «Самуэли работал днем и ночью, — писал позднее Б. Кун, — организовывал, бегал из редакции в типографию, из типографии в редакцию, добывал шрифт, наборщиков и бумагу. Одновременно он задерживал контрреволюционеров, противопоставлял социал-демократически настроенным руководителям военнопленных резкие, клеймящие сатирические выступления, вербовал людей в интернациональные отряды, обеспечивал для них казармы, продовольствие, транспорт, оружие и беспощадно преследовал саботажников, бюрократов и авантюристов»[48]. В июле 1918 г. он вместе с Куном во главе роты интернационалистов заставил капитулировать засевших в здании Московского почтамта левоэсеровских мятежников, дрался спустя некоторое время с белочехами под Казанью.

В статьях, опубликованных в «Социалиш Форрадалом», Т. Самуэли неустанно прививал венгерским интернационалистам идею

---

[47] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 16.

[48] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról. Budapest, 1958, 541 l.

Т. Самуэли и Н. И. Подвойский. Май 1919 г.

международной солидарности. «Никто не может сомневаться в том, — писал Самуэли, — что судьба революции русских рабочих есть судьба и нашей собственной пролетарской борьбы; будущее власти русских рабочих и крестьян, основанной на пролетарской диктатуре, — также и наше будущее» [49]. После начала мятежа чехословацкого корпуса он предупреждал, что «в борьбе против чехословаков никто не должен исходить из так называемой национальной точки зрения. . .» Национальные интересы маскируют покушение против революции рабочего класса, подчеркивал он. «И поэтому, когда вы читаете, что контрреволюционные палачи уничтожают говорящих на венгерском языке пролетариев и крестьян, где бы они ни попадали в их руки, не думайте, что сейчас убивают вас, мадьяр. Не верьте этому, ибо чехословацкие контрреволюционеры не уничтожают жителей офицерских лагерей, которые с радостью взирают на контрреволюцию» [50].

С такой же решительностью против попыток реакции скомпрометировать движение венгерских интернационалистов выступал и Бела Кун. В статье, опубликованной в августе в «Правде», он писал: «Используя давнишнюю вражду между правящей венгерской и чешской буржуазией, русские и чешские контрреволюционные газеты, издающиеся в Самаре, Омске и других городах, клевещут, будто венгерские пролетарии сражаются с чехами из

[49] «Szociális Forradalom», 22.V 1918.
[50] «Szociális Forradalom», 30.VI 1918.

шовинистических побуждений»[51]. От имени венгерских интернационалистов Кун заявлял, что они готовы сражаться на любом фронте революции и делают это, «исходя из чисто пролетарских, революционных, интернационалистических интересов... Сознательные венгерские пролетарии плечом к плечу с сознательными немцами, сербами, румынами и т. д. будут и впредь бороться за мировую революцию и Советскую республику. Они будут бороться не только против чешской, но и против всякой контрреволюции»[52].

Вся деятельность группы со дня ее основания была подчинена защите возникшего пролетарского государства от всех его врагов и подготовке к пролетарской революции, созревавшей и в Венгрии[53]. Обе задачи были взаимосвязаны, ибо участие в русской революции являлось наилучшей школой воспитания и подготовки закаленных в боях, обогащенных неповторимым опытом величайшей в мире революции борцов за освобождение венгерского народа.

Венгерской группе РКП(б) принадлежит заслуга и честь первой начать пропаганду ленинизма в венгерском рабочем движении. Излагая в популярной форме основы ленинского учения, венгерские коммунисты тем самым содействовали созданию идейно-политических предпосылок к образованию Коммунистической партии Венгрии. Исключительную роль в этой труднейшей работе сыграли статьи Б. Куна, опубликованные группой в 1918 г., в особенности его брошюра «Чего хотят коммунисты». Брошюра Куна отражает все сильные и слабые стороны первого этапа становления венгерского коммунистического движения.

Брошюру Куна сочла необходимым переиздать группа «Спартак» в Германии, а затем она была опубликована и в Австрии. В предисловии к немецкому изданию подчеркивалось, что «переведенная почти на все языки бывшей Австро-Венгерской монархии в колоссальном количестве экземпляров, она нашла широчайшее распространение среди военнопленных в России и за пределами России, в Австро-Венгрии и Германии»[54].

Первым из венгерских коммунистов Кун в этой брошюре сделал попытку применить учение Ленина к венгерской действительности. Он указывал, что война и империализм поставили и венгерский пролетариат перед альтернативой — «империализм или социальная революция». В брошюре показаны конкретные проявления действия закономерностей империализма в Венгрии, подчеркнута близость социально-экономических условий России и Венгрии. Большое внимание автор уделил проблеме союза рабочего класса и крестьянства в Венгрии. В ходе революции,

---

[51] «Правда», 4.VIII 1918.
[52] Там же.
[53] См. «Forradalom», 1.V 1918.
[54] B. Kun. Was wollen die Kommunisten? Hamburg, 1919.

Венгерские коммунисты на демонстрации. Москва, 1918 г.

по его мнению, пролетариат и коммунистическая партия должны организовать крестьянство и осуществить безвозмездную конфискацию всей помещичьей и церковной земли. Немедленно после захвата земли она должна быть передана в распоряжение местных крестьянских Советов. О разделе земли среди крестьян в работе не говорится.

Проблема союза пролетариата и крестьянства рассматривалась Б. Куном специально в брошюре «Чья земля?», выпущенной Венгерской группой в мае 1918 г., и в статье «Крестьянин в революции», опубликованной газетой «Социалиш Форрадалом» 27 апреля того же года. Путь крестьянства к земле, указывал Кун, лежит через революционное свержение монархии. Однако само по себе падение монархического строя не означает решения земельной проблемы. В борьбе за землю крестьянство может рассчитывать только на рабочий класс[55]. Деревенская беднота, подчеркивал Кун, может получить землю только участвуя совместно с городскими рабочими в революции[56]. В качестве союзника пролетариата Кун признает только пролетарские и полупролетарские слои деревенского населения, упуская из виду заинтересованность и мелкого, и среднего крестьянства в ликвидации сильнейших пережитков феодализма в венгерской деревне[57]. В статье «Крестьянин в революции» Кун отрицал це-

[55] «Szociális Forradalom», 27.IV 1918.
[56] Kun Béla. Kie a föld. Moszkva, 1918, 8 l.
[57] «Szociális Forradalom», 27.IV 1918.

лесообразность раздела помещичьей земли после ее захвата. Он выступал за объявление земли собственностью всего общества и передачу ее для коллективной обработки крестьянским Советам, обнаружив тем самым непонимание огромного политического значения наделения крестьян помещичьей землей.

Следует также иметь в виду, что практическая работа по пропаганде, агитации, по организации интернациональных частей и, наконец, участие в боевых действиях на фронтах гражданской войны оставляли венгерским коммунистам не слишком много времени для спокойного и углубленного изучения теоретических основ ленинизма. Это обстоятельство способствовало сохранению в венгерском коммунистическом движении тех или иных элементов социал-демократической идеологии. «Даже и мы, вожди и борцы этого движения, — подчеркивал впоследствии Кун, — еще далеко не понимали ленинского учения большевистской партии во всей его глубине и широте... Многие принципы большевизма мы усвоили только внешне» [58].

Вместе с тем стремление молодых венгерских коммунистов к быстрейшему освобождению от груза социал-демократических взглядов и присущий им революционный темперамент и энтузиазм, глубокая увлеченность идеей мировой революции и ее скорейшего осуществления иногда приводили к непродуманным решениям и поступкам, к «левачеству». Руководители венгерских интернационалистов, по образному выражению Б. Куна, «проходили в ту пору лишь первые классы школы Ленина» [59].

Недостаточная на первых порах политическая зрелость венгерских коммунистов проявилась, в частности, в их отношении к Брестскому миру. Не понимая необходимости временных компромиссов и частичных уступок во имя спасения самой революции, их руководители поддерживали «левых коммунистов». Однако они скоро осознали свою ошибку и стали разъяснять массам всю несостоятельность и гибельность антибрестских настроений для дела революции. Так, в статье «Мир», опубликованной 31 марта, К. Лигети доказывал военную и политическую необходимость мира и беспочвенность распространенных среди некоторых венгерских интернационалистов взглядов относительно собственной судьбы и судьбы пролетарской революции [60]. Б. Кун в письме В. И. Ленину от 22 апреля полностью одобрял его позицию в вопросе о мире: «Я потом не стыдился признать, что в вопросе о Брестском мире Ваша политика была правильной, а точка зрения тех, кто утверждал обратное, не была ни исторической, ни марксистской» [61].

---

[58] Б. Кун. Предисловие. — В кн.: Й. Ленгель. Исторический репортаж. М., 1933, стр. 9.
[59] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról, 558 l.
[60] «Forradalom», 31.III 1918.
[61] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról, 180 l.

25 августа 1918 г. на заседании Венгерской группы РКП(б) с сообщением о поездке на фронт и о беседе с В. И. Лениным выступил Т. Самуэли. Как сообщил Самуэли, Владимир Ильич интересовался тем, смогут ли венгерские коммунисты сотрудничать с Социал-демократической партией Венгрии [62]. В соответствии с тогдашними представлениями венгерских коммунистов о социал-демократии Самуэли ответил, что сотрудничество невозможно [63].

Подготовка к созданию Коммунистической партии Венгрии являлась одной из важнейших задач Венгерской группы. Еще в начале лета 1918 г. по предложению Б. Куна было решено созвать специальную конференцию по этому вопросу. Однако мятеж чехословацкого корпуса и начавшаяся интервенция помешали ее созыву; большая часть членов группы находилась на фронте. Лишь 25 октября, когда вести с родины не оставляли уже никаких сомнений в приближении революционного взрыва, была созвана конференция венгерских коммунистов. Венгерскому пролетариату нужна единая строго дисциплинированная партия, подобная той, какой является Российская коммунистическая партия, заявил в своем докладе Б. Кун. Организационные основы венгерской партии, сказал он, должны быть такими же, как и у РКП(б), «и не потому, что мы являемся ее детьми, что мы рождены ею, а потому, что ныне пролетарская диктатура в России представляет краеугольный камень нового, пролетарского Интернационала» [64].

На конференции был принят манифест «К трудящемуся народу Венгрии», под которым стояла подпись Союза коммунистов Венгрии [65]. Он был утвержден в качестве программного документа следующей конференцией коммунистов всех национальностей, выходцев с территории тогдашнего Венгерского королевства, состоявшейся 4 ноября 1918 г. Эта конференция провозгласила образование Партии коммунистов Венгрии. Временно, до создания III Интернационала, ЦК РКП(б) был признан международным интернациональным представительством пролетариата» [66].

Учредительная конференция еще раз подчеркнула невозможность сотрудничества венгерских коммунистов с теми социал-демократами, которые отвергали диктатуру пролетариата, в то время как коммунисты взятие власти считали единственным способом освобождения пролетариата [67]. Выступивший на конференции Б. Кун, ссылаясь на опыт большевистской партии, рас-

---

[62] «Sarló és Kalapács», 1932, № 4-6, 50 l.
[63] Там же, стр. 50—51.
[64] Там же, стр. 52.
[65] Там же, стр. 50.
[66] Там же, стр. 53.
[67] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról, 133 l.

сеял сомнения тех, кто не верил в возможность создания Коммунистической партии Венгрии из-за малочисленности венгерских коммунистов в России. «Наше положение намного легче, — сказал Кун, — потому, что мы опираемся на пролетарскую диктатуру, которая окружает нас своей отеческой заботой, бережной любовью. Наше положение легче и потому, что рабочие всего мира имеют перед собой пример пролетарской диктатуры, власть русского рабочего класса и беземельного крестьянства, которая выражает и наши стремления» [68].

Конференция избрала Заграничное бюро и временный Центральный комитет партии. Заграничное бюро должно было представлять партию в Советской России и вести работу среди бывших военнопленных. Временный ЦК был призван руководить движением до тех пор, «пока на легальной или нелегальной конференции или съезде в Венгрии не будет избран новый Центральный комитет» [69]. В состав ЦК были избраны Б. Кун, К. Вантуш, Э. Пор, А. Пескариу, Э. Боздог, Й. Ковач, М. Кршиак, И. Матузович и Ф. Дробник. Таким образом, в состав ЦК вошли также югославянские, румынские, словацкие коммунисты. Резолюция, принятая конференцией, обязывала всех венгерских коммунистов в кратчайший срок покинуть пределы Российской республики и «посвятить свои силы служению делу международной революции в Венгрии» [70].

Уже через день в Венгрию отправилась первая группа [71].

Венгерские коммунисты, особенно после отъезда на родину их наиболее опытных, теоретически подготовленных руководителей — Б. Куна, Т. Самуэли, Э. Пора, Ф. Янчика, Й. Рабиновича, Ф. Мюнниха, Ш. Кельнера и других, — не всегда умели должным образом увязывать интернациональные и национальные задачи движения. При этом их увлекали в равной мере как собственное революционное нетерпение, так и настроения широких кругов интернационалистов.

После начала революции в Австро-Венгрии благородное, хотя и не до конца трезво продуманное желание осуществить у себя на родине то, что сделали русские рабочие и крестьяне в Советской России, охватило венгерских интернационалистов. К тому же с первого дня существования интернационалистского движения вся печатная и устная пропаганда венгерских интернационалистов была пронизана идеей подготовить борцов грядущей революции на родине, в Венгрии. С особой силой стремление вернуться на родину охватило венгерских интернационалистов после провозглашения Венгерской Советской Рес-

[68] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról, 134 l.
[69] «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 144.
[70] Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársáságról, 135 l.
[71] Всего на партийную работу в Венгрию с ноября 1918 по март 1919 г. выехали из Советской республики 300 венгерских коммунистов (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 35; оп. 7, д. 81, л. 6).

публики. В группу, в редакцию газеты, Центральную федерацию иностранных групп со всех сторон начали поступать десятки писем и запросов о дальнейших планах руководства. Газета Венгерской коммунистической группы в ответ писала, что теперь нет никаких препятствий на пути осуществления желаний интернационалистов. Вместе с тем руководящие органы движения разъясняли, что интернационалисты сами должны проложить себе путь на родину с оружием в руках, оказав помощь в восстановлении Советской власти на всей территории Украины, чтобы установить непосредственный территориальный контакт между Венгрией и Советской республикой [72]. Учитывая интересы фронтов гражданской войны в Советской республике, венгерские коммунисты указывали на то, что «мобилизация на венгерский фронт проводится главным образом среди тех, кто не состоит в Красной Армии» [73].

Э. Пор

Вместе с тем эта линия не всегда и не везде проводилась с достаточной последовательностью. Руководители венгерских интернационалистов в Астрахани — Л. Гавро, Й. Ковач и М. Шугар — 9 декабря обратились с письмом в Реввоенсовет Республики, в котором говорилось: «Ввиду того, что в Средней Европе вспыхнула революция, просим, чтобы все интернациональные войска, находящиеся на Южном фронте, были концентрированы в Астрахани и Саратове и отправлены на Украину... Наша цель, — писали они, — прорвать ряды украинских белогвардейцев, наступать на землю Австро-Венгрии и оказать вооруженную помощь нашим революционным товарищам...» [74]

С такого же рода представлением по предложению Э. Руднянского, заменившего Б. Куна на посту руководителя Венгерской группы, обратилась еще раньше, 7 декабря, ЦФИГ к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, указывая, что и интернационалисты Москвы, Перми, Черного Яра и Александрова-Гая со дня на день ожидают своей отправки в Венгрию [75].

---

[72] «Szociális Forradalom», 9.XII 1918.
[73] «Szociális Forradalom», 20.XI 1918.
[74] ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 33, л. 117.
[75] Там же, л. 115; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 8, л. 120.

Конечно, немедленное и одновременное снятие интернациональных частей с фронтов гражданской войны в Советской Республике могло значительно осложнить положение на некоторых участках. Однако советские органы в данном случае руководствовались не столько военными соображениями, сколько необходимостью предотвращения угрозы дезорганизации, а возможно, и деморализации интернациональных частей и всего движения в целом.

Ввиду создания многомиллионной и регулярной Красной Армии осенью 1918 г. военное значение интернациональных формирований в общем балансе вооруженных сил Советского государства стало намного меньшим, чем было весной 1918 г. Это понимали и многие руководители интернационалистского движения. Б. Кун, например, еще в августе 1918 г. писал: «Сознательные венгерские пролетарии понимают, что в стране, где сила на стороне большинства народа, их борьба имеет второстепенное значение» [76].

23 апреля 1919 г. было получено обращение к интернационалистам народного комиссара иностранных дел Венгерской Советской Республики Бела Куна, в котором разъяснялось, что в случае успеха русских белогвардейцев под угрозу была бы поставлена не только русская, но и венгерская революция, а также дело всего международного пролетариата. «Кто сейчас собирается покинуть фронт, чтобы вернуться в бассейн Дуная и Тисы для защиты революции, тот оставляет пролетарскую революцию в самый критический момент», —писал Б. Кун. В. И. Ленин приписал к обращению следующие строки: «Целиком присоединяюсь к обращению и верю, что венгерские пролетарии, сражающиеся на фронтах, поймут, что еще несколько месяцев борьбы за интересы международного пролетариата и победа, окончательная и решительная, будет за нами» [77].

При помощи большевиков руководители Венгерской группы РКП(б) и ЦФИГ сумели исправить допущенные промахи. Об этом свидетельствовали, в частности, письма венгерских интернационалистов, поступающие с фронтов. «Наш интернациональный долг, — писали венгерские бойцы-интернационалисты, — быть там, где нас поставила революция. Без победы революционной свободы в России революция в Венгрии невозможна» [78].

---

[76] «Правда», 4.VIII 1918.
[77] «Мировая свобода» (Ташкент), 23.IV 1919.
[78] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 8, л. 8.

3. Венгерские интернационалисты в боях за власть Советов в 1918—1919 гг.

В последние месяцы 1917 г. венгерские военнопленные на митингах принимали резолюции, в которых указывалось, что «русской пролетарской революции каждый военнопленный революционер обязан оказать вооруженную помощь» [79].

Германское наступление на Советскую страну в феврале 1918 г. вызвало негодование всех сознательных военнопленных. Боевой призыв коммунистической партии «Социалистическое отечество в опасности!» нашел горячий отклик и в сердцах венгерских рабочих и крестьян — бывших военнопленных.

Революционный комитет венгерских военнопленных в Омске в своем обращении «К оружию» писал: «Общая родина социалистов в опасности. Наша родина, наше сокровище, наше будущее, единственное наследство наших детей и внуков — революция! Разбойничья банда империалистов хочет похитить ее у нас. Они хотят, чтобы палачи растоптали рабоче-крестьянскую революцию, вновь посадили на кровавый трон царя, помещиков на земли крестьян, вновь отнять заводы у рабочих, чтобы навсегда истребить в нас — венгерских, немецких, австрийских рабочих — мысль, надежду на освобождение. К оружию! — это призыв правительства русских рабочих и крестьян. К оружию! — также и наш призыв, призыв Революционного комитета венгерских военнопленных». Обращение заканчивалось лозунгом французской революции конца XVIII в. — «Мир хижинам, война дворцам!» и здравицей в честь венгерских частей Красной Армии [80].

Венгерские военнопленные, находившиеся в Омске, приняли резолюцию, в которой вооруженная защита Советской власти провозглашалась священным делом венгерских рабочих и крестьян. «Российскую Федеративную Советскую Республику, — говорилось в ней, — мы рассматриваем в качестве первого шага к освобождению пролетариата всего мира, и поэтому мы считаем своей священной обязанностью защищать ее как от внутренних,

---

[79] Согласно донесению офицера генштаба Иштвана Швецера от 9 мая 1918 г., до конца марта 1918 г. в Красную гвардию вступило около 60 тыс. австро-венгерских пленных, среди которых был сильно представлен венгерский элемент (HIL, Elsö világháborus gyüjtemény, 3409. cs. B—1/29.412.904). По сведениям, полученным армейской контрразведкой 4-й австро-венгерской армии, предполагалось, что в советских отрядах находилось около 70 тыс. австрийцев, венгров и немцев (HIL, Filmtár (далее — FT). Präs. Kriegsministerium, 10./kgf. Abt. 1918, № 21647). По предположительным опять-таки данным австро-венгерского главного командования, с октября 1917 по май 1918 г. «в распоряжении большевистского правительства находилось 85 тыс. венгров» (HIL, FT AOK. Chef des Generalstabes. Fasc. 1382. 1918, № 130.650).

[80] «Nemzetkozi Szociaista», 23.II 1918.

так и от внешних врагов; защищать словом и делом, а если нужно и силой оружия»[81]. В дни решающих боев против чехословацких мятежников под Омском в мае 1918 г., согласно докладу шведского представителя Густава Расмуссена, «на стороне большевиков сражалось около 800 военнопленных... В этих боях принимало участие относительно значительное количество мадьяр...»[82]

Один из отрядов омских интернационалистов сражался против белогвардейцев и чешских мятежников к западу от Омска, под Марьяновкой, а затем на участке Татарская—Каргат. Отрядом командовал К. Лигети, который еще в начале мая получил приглашение ЦК РКП(б) работать в Москве, но не смог выехать из-за начала военных действий[83]. Несмотря на большие потери, отряд Лигети продолжал защищать свои позиции. После падения Омска, 8 июня, проиграв бой под Каргатом, оставшиеся в живых интернационалисты решили попытаться пробиться через Тобольск. Под Карташевом (Тарой) они попытались захватить пароход, однако попали в засаду. Отряд был разбит, а тяжело раненый Лигети вместе со своей женой, польской революционеркой Зофьей Венцкович попал в плен к карателям из 1-го Сибирского офицерского отряда. Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу.

Исполнению приговора помешало одно из подразделений чехословацкого корпуса, которое взяло Лигети с женой в качестве заложников на захваченный им пароход. Лигети пытались склонить к измене. В ответ на гнусное предложение он дал пощечину чешскому офицеру. Позднее своим товарищам в тюрьме Лигети говорил: «Знаю, что напрасно рисковать жизнью недостойно революционера, но, если бы такой случай повторился, моим ответом могла бы быть только пощечина. Тогда я сделал это импульсивно, но знаю, что и теперь я бы не мог иначе поступить»[84].

В пути пароход подвергся обстрелу. Лигети снова был ранен, на этот раз осколками снаряда в обе ноги. В Тобольске врач-белогвардеец отказался оказать помощь раненому Лигети. Подпольщики Тобольска и в их числе пленные мадьяры подготовили побег Лигети из тюрьмы, однако накануне дня, когда должен был состояться побег, его перевели в Омск. Пытки, которым он подвергался в тюрьме, ни к чему не привели. Лигети стойко выдержал все испытания. После ряда допросов контрразведка перевела его в лагерь. Тут ему удалось восстановить связь с подпольной организацией омских большевиков.

---

[81] «Forradalom», 12.V 1918.
[82] «Hadifogoly magyarok története», 2 k., 360 l.
[83] ГАОО, ф. 715, оп. 7, д. 267, лл. 43—44.
[84] Там же.

22 декабря 1918 г. в Омске произошло восстание местных рабочих и венгерских интернационалистов. Одной из задач повстанцев было освобождение Лигети и его товарищей, интернированных в лагере. Восстание потерпело неудачу. Для Лигети последовали новые страдания и новые пытки; на казнь палачи вынесли его на носилках. Жизнь славного сына Венгрии и героя гражданской войны советского народа оборвалась 2 июня 1919 г. Перед смертью Лигети нашел в себе силы написать на родном языке поэтическое «Завещание»:

Пока хоть искра пламенеет в сердце,
Пока сердца стучат в одном строю,
Вперед стремитесь, красные венгерцы,
Я с вами вместе пасть готов в бою!

. . . .

Останусь я в могиле безымянной,
Но пламя сердца вам, друзья, отдам,
Чтоб, словно факел яростно багряный,
Могучее, оно светило вам.

В последней битве буду вместе с вами,
Мадьяры, Красной Венгрии сыны!
Мы умерли отважными бойцами,
Вы воскресить нас в подвигах должны! [85]

В Томске уже в конце 1917 г. некоторые из венгерских военнопленных-революционеров являлись членами вооруженных отрядов, сформированных местной организацией большевиков. Создание отрядов военнопленных-интернационалистов здесь началось в декабре 1917 г., когда Томский Совет передал руководство двух лагерей революционному комитету военнопленных и разрешил ему организовать Красную гвардию.

В начале 1918 г. в Томске был создан 1-й красногвардейский батальон военнопленных численностью 400—500 бойцов. Этот батальон первоначально охранял лагерь военнопленных офицеров и нес гарнизонную службу. Батальон подавил несколько контрреволюционных выступлений. В феврале был создан 2-й батальон Красной гвардии. «В это переходное время, — писал Ф. Мюнних, — без преувеличения можно утверждать, что интернационалистская Красная гвардия, состоявшая в большинстве своем из мадьяр и значительного числа румын, немцев, чехов и других национальностей бывшей Австро-Венгерской монархии, была единственной обученной в военном отношении и надежной вооруженной силой Томского Совета» [86]. Это объяснялось тем, что в начале 1918 г. в Сибири местные органы Советской власти только приступали к созданию Красной гвардии. Ядро вооружен-

[85] «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 174.
[86] «Sarló és Kalapács», 1931, № 3, 80 l.

ных сил в это время составляли вооруженные рабочие и члены партии, не имевшие в большинстве случаев специальной военной подготовки.

Когда на линии Чита—Иркутск появились банды атамана Семенова, интернационалисты-красногвардейцы в ответ на обращение Томского Совета высказались на собрании за немедленное выступление против Семенова [87]. По свидетельству командира одного из соединений Красной Армии, среди немногих «красных отрядов, принявших на себя первые удары семеновцев и с честью отражавших эти удары, первое место, бесспорно, принадлежит отряду интернационалистов» [88]. В первое время немногочисленным советским войскам приходилось отступать после боев с контрреволюционными силами, превосходившими их как по численности, так и по вооружению. Отряды интернационалистов как наиболее стойкие и дисциплинированные в августе перебрасывались в самые опасные места, нанося противнику серьезные удары.

Отличные боевые качества интернационалистов Забайкалья, подавляющее большинство которых составляли мадьяры, их преданность делу революции, храбрость и самоотверженность заслужили похвалы даже человека такой дерзкой отваги, каким был Сергей Лазо, Вот что, по свидетельству Н. Матвеева, говорил он об интернационалистах: «Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом. Преданы революции. Но жаль — большевистская работа среди мадьяр ведется слабо. Мадьяр политически подготовленных мало. Русские большевики не знают мадьярского языка» [89]. Замечание Лазо относительно слабой политической работы среди венгерских пленных так же справедливо и верно, как и высокая оценка их военной доблести.

Интернационалисты Восточной Сибири и Дальнего Востока в течение длительного времени почти полностью были оторваны не только от Европейской части России, но и от центров сибирского движения интернационалистов. К ним крайне редко и нерегулярно поступали газеты и литература на венгерском языке. По своему идейно-политическому уровню восточносибирские организации интернационалистов значительно уступали таким организациям венгерских военнопленных, как омская или томская.

В Москве в начале 1918 г. был также организован отряд интернационалистов, состоявший из венгров, немцев, сербов, болгар, хорватов и лиц других национальностей. Как отмечалось, 1-й Московский коммунистический отряд интернационалистов во главе с Бела Куном и Тибором Самуэли принял участие в по-

---

[87] «Sarló és Kalapács», 1930, № 4, 35 l.
[88] ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 474, л. 7.
[89] «С. Лазо. Воспоминания и документы». М., 1938, стр. 33.

давлении левоэсеровского мятежа в столице. Затем этот отряд стал базой концентрации интернационалистов. Сформированные в Москве подразделения интернационалистов направлялись на разные участки фронтов — в Царицын, Воронеж, Пермь, Александров-Гай, на Украину [90].

Р. Гарашин

В сентябре 1918 г. «Социалиш Форрадалом» сообщала об отправке из Москвы на фронт третьего «сильного отряда», который присоединился к интернационалистам, выступившим против чехословацких мятежников тотчас же после начала мятежа (два отряда уже длительное время сражались на Уральском и Царицынском фронтах). Вместе с третьим отрядом — батальоном Б. Яроша — на фронт вернулся Бела Кун [91]. Р. Гарашин в ноябре 1917 г. организовал небольшой отряд в 60 человек из военнопленных, работавших на строительстве железной дороги в городе Любиме. Этот отряд затем был развернут в батальон Красной гвардии, а сам Гарашин избран членом революционного военного совета Ярославля [92].

Оренбургскую организацию венгерских пленных возглавляли социал-демократы Пал Олеандер и Йожеф Лукач. В рабочее движение и Социал-демократическую партию Венгрии Олеандер вступил 18-летним юношей в 1903 г., работая каменщиком в Будапеште. Довоенная его деятельность прошла в крупнейшем венгерском профсоюзе строителей, руководителем одной из групп которого он стал в 1910 г. Социалистическую агитацию Олеандер вел и после того, как попал в плен. Находясь с апреля 1917 г. в Оренбурге, он сумел установить связь с оренбургскими большевиками и принял активное участие в борьбе за власть Советов.

В ноябре им была организована стачка пленных, работавших на железнодорожной станции, имевшая целью сорвать движение эшелонов Дутова. В январе 1918 г. Олеандер участвовал в свержении контрреволюционного режима в городе [93].

---

[90] «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, стр. 435.
[91] «Szociális Forradalom», 25.IX 1918.
[92] «Sarló és Kalapács», 1932, № 2, 58 l.
[93] ГАОРСС МО, ф. 2191, оп. 1, д. 1538.

Й. Лукач, руководивший марксистским кружком пленных оренбургского лагеря с 1915 г., в декабре 1917 г. в составе советского отряда Леонтьева сражался против казачьих частей Дутова. Отряд интернационалистов во главе с венгерскими военнопленными Р. Дюрко, Л. Шипко, П. Олеандером 17 (30) января 1918 г. принял участие в антидутовском вооруженном восстании [94].

Крупный отряд интернационалистов был сформирован еще в феврале 1918 г. в Сызрани. В марте вместе с несколькими другими интернациональными частями он был переброшен в Самару, а затем — в Оренбург, где влился во вновь образованный 3-й интернациональный полк под командованием Йожефа Маркуша [95].

Значительные группы венгерских интернационалистов участвовали в обороне Самары в мае 1918 г. «Поэтому, — говорится в официальном хортистском издании, — после взятия города (силами контрреволюции. — *Авт.*) не щадили даже многих невинных мадьяр, венгерских военнопленных» [96]. Только двоим из 50 венгерских пленных, которые никакого отношения к военным действиям не имели и работали на предприятиях, удалось спастись от расстрела.

В деревнях, расположенных между Самарой и Сызранью, работало много венгерских пленных. Часть из них, чтобы избежать казни и расправы, ушла в леса, образовав там партизанские отряды. В боях за освобождение Самары от белочехов принимали участие два кавалерийских полка, один из которых — Саратовский интернациональный полк — «состоял в основном из мадьяр» [97].

Под Челябинском отрядом Красной гвардии, снискавшим славу наиболее надежного соединения, командовал бывший взводный Капошварского полка Иштван Надь. Его отряд нанес чувствительный удар по белочехословакам [98].

Зимой 1917/18 г. венгерские интернационалисты сражались в рядах советских войск и против белоказачьих армий генерала Каледина в районе Юзовки, Мариуполя, Дебальцево. В ожесточенных боях за крупный железнодорожный узел — станцию Ясиноватую пулеметчики-мадьяры не раз срывали своим метким огнем яростные атаки казаков. Они взялись прикрывать понесший большие потери отходивший советский отряд. Все они погибли, но задачу свою выполнили [99].

---

94 ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 136, д. 187, л. 27.
95 «Hadifogoly magyarok története», 2 k., 345 l.
96 Там же, стр. 365.
97 Там же, стр. 383.
98 Там же, стр. 365.
99 И. П. Звягин. От царского солдата до солдата революции. Сталино, 1957, стр. 151—153.

Серьезным испытанием интернационализма пленных, их преданности Советской стране явилась борьба против австро-германских интервентов, оккупировавших Украину, когда быть на стороне Советской власти для каждого пленного, находящегося в прифронтовой полосе, означало прямое выступление против собственного государства. Перед таким трудным выбором, в частности, были поставлены австро-венгерские пленные, размещенные в районе Одессы. Большевистские организации Одессы помогли им сделать правильный выбор. В лагерях появились листовки, напечатанные и на венгерском языке. «Товарищи, братья! — говорилось в одной из них. — Священное дело русской свободы — дело всех рабочих мира. Эта народная свобода, находящаяся под угрозой, призвана объединить пролетариев всего мира под священным знаменем — „Свобода, Братство, Равенство". Пусть угрожающая опасность сплотит всех нас под этим знаменем». На митинге, созванном в одном из лагерей, пленные гневно протестовали против действий австро-венгерского и германского империализма. Было решено избрать делегатов в Центральный комитет военнопленных, взявший на себя функции организатора интернациональных частей [100]. Вскоре был сформирован отряд Международной гвардии из австро-венгерских и германских пленных [101].

4 марта, когда интервенционистские войска Австро-Венгрии перешли в наступление в районе Винницы и Жмеринки, а германские армии оккупировали Киев, исполнительный комитет Международной гвардии вновь обратился к пленным с настоятельным призывом вступить в отряд. «Наступил момент, когда вы должны решать свою судьбу... Орды германского империализма уже достигли Киева. Они угрожают расстрелом находящимся там военнопленным. В Австро-Венгерской монархии, Германии уже созданы концентрационные лагеря, в которые хотят бросить вас!.. Неужели вы хотите оставить без ответа эту пощечину! Вы, сознательные рабочие? Нет! В этот час вы должны объединиться! Вступайте все в Международную гвардию!» [102].

Уже через две недели после оккупации Одессы австро-венгерскими войсками суду военного трибунала были преданы 42 бывших военнопленных-интернационалиста [103]. В концентрационные лагери бросили 50 человек, у которых нашли листовки исполкома Международной гвардии. Кроме того, до 29 марта трибуналу были переданы еще семь арестованных военнопленных.

---

[100] «Одесский листок», 1.III 1918; «Odessauer Zeitung», 1.III 1918.
[101] HIL, Elsö világhaborus gyöjtkmény, 3389, cs. 57. pall.
[102] «Hadtörténelmi Közlemények», 1963, № 2, 141 l.
[103] HIL, FT. AOK. Op. Abt. 130096—1918. 382. Facs. 402 l; HIL, FT. Int. 4, 6.

К ноябрю 1918 г., когда революционный пожар охватил Австро-Венгрию и Германию, находившиеся на Украине оккупационные войска были уже безнадежно деморализованы. Верховное командование, стремясь избежать открытого мятежа солдат, было вынуждено начать поспешную эвакуацию войск. Но предотвратить революционные выступления солдатских масс офицерству удавалось не всегда и не везде. Так, в Жмеринке восставшие солдаты 7-й венгерской кирасирской дивизии перебили часть офицеров, а остальных выбросили с поезда. Солдаты, говорилось в донесении германского консула в Одессе, «всюду заявляли, что они возвращаются домой и хотят принять участие в организации нового политического строя у себя на родине. . .» [104]

В боях, приведших к освобождению Симбирска, Самары, Сызрани, Бугуруслана и других городов Поволжья, принимал участие 216-й интернациональный полк, которым после С. Частека командовал Дьюла Варга. В состав полка входила значительная группа бывших венгерских пленных. Под Сызранью полк отличился при захвате моста через Волгу, что помешало противнику отступить к Самаре [105]. Весной 1919 г. полк сражался на Урале. 19 февраля в районе Преображенского завода в бою, длившемся 7 часов, он разбил сильный отряд казаков [106]. В апреле 1919 г. свыше 2 тыс. венгерских интернационалистов под командованием Варги в составе 25-й дивизии В. И. Чапаева прорвали фронт войск Колчака под Бугурусланом [107]. На этом же фронте сражался 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд во главе с Л. Винерманом.

Жестянщик из небольшого провинциального городка Венгрии Ясберень Лайош Винерман первое боевое крещение получил в Минске, где он организовал интернациональный отряд. Перебравшись в Москву весной 1918 г., он возглавил 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд, сформированный для подавления чехословацкого мятежа. Затем отряд Винермана, развернутый в батальон, громил отборные казачьи сотни на участке фронта от Красного Кута до Новоузенска и Александрова-Гая. Здесь Винерман уже командовал боевым участком фронта. 15 октября в бою с уральскими казаками вражеская шашка скосила этого командира, о бесстрашии и храбрости которого среди красноармейцев ходили легенды. В знак признания заслуг Винермана перед Советской Республикой он был похоронен в Москве на Красной площади 23 октября 1918 г.[108]

---

104 Е. Весенин, Ал. Светлов. Миллионы друзей. М., 1940, стр. 12.
105 «Sarló és Kalapács», 1932, № 9, 96 old.
106 «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 337.
107 «Sarló és Kalapács», 1929, № 1-2, 74 old.
108 «Szociális Forradalom», 16, 23.X 1918.

1-му Московскому интернациональному коммунистическому полку было присвоено имя Винермапа [109].

Л. Винерман

История движения венгерских интернационалистов знает немало примеров боевого содружества мадьяр с представителями угнетенных народов Венгерского королевства. Так, мадьярским отрядом особого назначения, успешно действовавшим летом 1918 г. на Забайкальском фронте, командовал трансильванский румын Михай Бодеску.

«Среди немногих красных отрядов, принимавших на себя первые удары семеновцев и с честью отражавших эти удары, первое место, бесспорно, принадлежит отряду интернационалистов, организованному тов. Бодеску из бывших военнопленных. . .», — такова была оценка, данная отряду Бодеску местными советскими властями [110]. Этот же отряд сыграл крупную роль в боях против белочехов в августе 1918 г. в районе Чита—Благовещенск.

Интернациональный румыно-венгерский полк (1-й Полтавский интернациональный, позднее — 2-й Интернациональный полк, участвовавший в боях в районе Бобринская—Цветково, а затем под Винницей, сыграл немаловажную роль в разгроме банд Григорьева. Командир полка Р. Фекете был назначен начальником Винницкого боевого участка. 25 мая 1919 г., тотчас же по прибытии в Винницу, интернационалисты вступили в бой, а на следующий день, «перейдя в стремительное наступление и сломив сопротивление противника, преследовали его до г. Литина» [111]. Через четыре дня Фекете уже доносил о полной ликвидации банд в этом районе. После этого полк был переброшен под Проскуров.

В это же время под Проскуровом бойцы 1-го Интернационального полка громили отряды петлюровцев. Полк был сформирован в Киеве в мае 1919 г. из 350 интернационалистов, при-

---

[109] После окончания гражданской войны воин-писатель Мате Залка начал писать роман «Звезды возвращаются», главным героем которого под другим именем был Лайош Винерман. Этот незаконченный роман опубликован в Будапеште в 1966 г.
[110] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 474, л. 7.
[111] Там же, ф. 1426, оп. 2, д. 96, л. 36.

бывших из Астрахани, 57 бойцов бывшего интернационального полка Пеньковского и «венгров из всех мест Украины» [112]. Полк, насчитывавший 1500 человек, 29 мая вступил в бой с петлюровскими войсками. В оперативной сводке Винницкого губернского военкомата от 5 июня говорилось: «Под Проскуровом славные интернациональные части перешли в решительное наступление, ими забрана целиком петлюровская батарея и взят Черный остров» [113].

Летом 1919 г. политотдел штаба Украинского фронта пришел к выводу, что интернациональные отряды «в силу особенностей характера их состава в разрозненном состоянии действуют несравненно хуже, нежели собранные вместе». Возник план объединения находившихся на Украине интернациональных полков в одну — 1-ю Интернациональную дивизию, командиром которой был назначен Й. Башкович [114].

В боях против армий Деникина и буржуазной Польши отличились интернационалисты 3-го (519-го) полка Лайоша Гавро. Лайош Гавро, бывший шахтер из Венгрии, вырос в крупного командира Красной Армии. Ему исполнилось всего 23 года, когда в декабре 1917 г. он организовал отряд красных конников в Астрахани. Спустя несколько месяцев он во главе 1-го Астраханского интернационального полка подавлял контрреволюционные восстания в Астрахани и Поволжье. В качестве командира интернационального полка, а затем 173-й бригады Гавро принимал активное участие в боях за освобождение Украины. После окончания гражданской войны Гавро продолжал служить в Красной Армии. Л. Гавро — один из немногих героев гражданской войны, удостоенных двух орденов Красного Знамени. В декабре 1919 г. полк Гавро принял участие в освобождении Киева. За героизм, проявленный в боях, полк наградили орденом Красного Знамени. Многие бойцы и командиры полка были представлены к награде, среди них: Янош Фельдеш, Игнац Небель, Мартон Кулич, Янош Чепалак, Шимон Годингер, Яник Бела и др.

В борьбе за ликвидацию бандитизма на Украине летом 1920 г. отличился 10-й Туркестанский интернациональный полк, который «за беспримерные геройские подвиги» был награжден орденом Красного Знамени. В рапорте командира полка указывалось, что «полк за все свое существование получал пополнение в большинстве своем из мадьяр-добровольцев, которые принесли неисчислимые жертвы на алтарь Республики» [115].

Венгерская газета «Пролетар» («Пролетарий») сообщала 8 июля 1920 г. об участии в польском походе интернациональ-

---

[112] «Боевое содружество. . .», стр. 459.
[113] ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 57, л. 191.
[114] ЦПА ИМЛ, ф. 103, оп. 1, д. 23, л. 159.
[115] «Боевое содружество. . .», стр. 497.

Р. Фекете (в центре)

ного батальона «и в первую очередь венгерских отрядов из Сибири и Туркестана», отправившихся на советско-польский фронт «по собственной просьбе». Газета с гордостью писала, что «сражающиеся в России венгерские красноармейцы большей частью являются членами РКП и многие из них годами служат идее коммунизма с оружием в руках» [116].

В Сибири и на Дальнем Востоке борьба за Советскую власть продолжалась и после временной оккупации этих территорий войсками иностранных интервентов и внутренней контрреволюции. В партизанских отрядах Щетинкина, Мамонтова, Жигалина, Кравченко и других сражались и бывшие венгерские военнопленные.

---

[116] «Proletár», 8.VII 1920.

Большая, полная опасностей борьба велась в лагерях военнопленных, оказавшихся на территориях, захваченных белогвардейцами и интервентами. Администрация лагерей жестоко преследовала за малейшее проявление симпатий к большевистской партии и Советской власти. Контрреволюционные офицеры-военнопленные выдавали колчаковской и чехословацкой контрразведкам тех военнопленных, которые принимали участие в борьбе за Советскую власть или открыто сочувствовали ей. Тем не менее среди военнопленных шла напряженная, строго законспирированная революционная работа. В лагерях создавались организации военнопленных, работавшие в тесной связи с местным коммунистическим подпольем. Начальник колчаковской контрразведки отмечал, в частности, что коммунистическое подполье опирается на военнопленных Австро-Венгрии и Германии, среди которых имеются «коммунистические комитеты» [117].

Под руководством подпольного Омского комитета партии действовала организация интернационалистов в 650 человек, давшая «в распоряжение штаба 50 десятков боевиков» [118].

В подготовке восстания в Омске видную роль играли венгерские коммунисты Й. Шомоди и Эдмунд Радо. Член Омского подпольного комитета РКП(б) Шомоди был назначен начальником подрывного отряда, на который возлагалась задача вывода из строя железнодорожной магистрали. В ходе восстания Шомоди должен был возглавить операцию по разоружению расположенного в Омской крепости полка. Э. Радо, входивший в Омский военно-революционный штаб, являлся и одним из руководителей подпольного штаба третьего района. Его дом был главной явочной квартирой Сибирского бюро ЦК РКП(б) [119]. Восстание не удалось. Белогвардейцы усилили террор и преследования. Однако большевики не прекратили борьбу, они удвоили осторожность и бдительность.

Летом 1919 г. под руководством Шомоди, Полачека (Погач), Бергера (Варга) и других венгерских революционеров военнопленные Омска участвовали в подготовке к новому вооруженному восстанию. «В городе Омске центром подпольных большевистских организаций является мадьярская организация, — доносил начальник колчаковской контрразведки 13 августа, — сгруппированная по системе троек и обставленная строжайшей конспирацией... Эта организация в случае выступления должна сыграть роль инструкторской части, так как в состав ее входят

---

[117] «Омск в дни Октября и установления Советской власти». Омск, 1947, стр. 157—158.

[118] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1032, л. 5 (Протокол II подпольной конференции РКП(б), 20—21 мая 1919 г.).

[119] Н. Колмогоров. Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске. Омск, 1958, стр. 16.

люди, и теоретически, и практически знакомые с военным делом, численностью около 300 человек...»[120]

11 августа колчаковцам удалось арестовать Шомоди и других руководителей омской венгерской организации. Однако на место погибших борцов вставали новые: в поднятом накануне освобождения Омска Красной Армией восстании омских рабочих участвовали и венгерские военнопленные.

Вторым центром подпольного движения венгерских военнопленных после Омска был Красноярск. В конце января 1919 г. в красноярском лагере организовалась небольшая коммунистическая группа. Подпольщики работали в чрезвычайно трудных условиях. Лагерь находился под постоянным и бдительным надзором колчаковских контрразведчиков, которым усердно помогали некоторые офицеры из числа пленных. Они создали свою организацию — Венгерский союз. Разнузданная националистическая пропаганда, развернутая союзом в лагере, сочеталась с борьбой против «своих» же венгерских рабочих и крестьян, которых союз выдавал чехословацкой и колчаковской охранке. Однако революционной организации в конечном счете в результате огромной политической работы удалось парализовать деятельность союза.

Сочувствие и помощь многих сознательных военнопленных, с одной стороны, и поддержка красноярских большевиков, с другой, позволили подпольщикам наладить выпуск двухнедельного журнала «Енисей»[121]. Журнал освещал события русской революции, а также проблемы общественного развития и рабочего движения Венгрии. Кроме того, в нем публиковались статьи по естествознанию и социологии. Одновременно венгерская подпольная группа переводила и распространяла в лагере листовки красноярской организации большевиков. Венгерским подпольщикам удалось проникнуть в городскую тюрьму и оказать материальную помощь политическим заключенным. Подпольная организация венгерских коммунистов понесла тяжелые потери после неудачного восстания в ночь с 30 на 31 июля 1919 г. солдат 31-го пехотного полка, расположенного вблизи лагеря. Лагерь военнопленных заняли чехословацкие части, которые установили режим открытого террора. 1 августа по приговору военно-полевого суда были расстреляны восемь венгер-

---

[120] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 20б, л. 266.

[121] «Vörös Ujság», 1.VIII 1921. Помимо «Енисея», выпускался также рукописный художественный журнал «Эмбер» («Человек»). Его редактировали венгерские пленные Р. Дорнбуш, Е. Шугар, А. Погоньи и др. В начале 1919 г. к подготовке этого журнала был привлечен также Мате Залка (настоящее его имя — Бела Франкл). Так началась революционная деятельность будущего красного командира и писателя, который до этого ни на родине, ни в плену политикой вообще не интересовался.

М. Залка

ских революционеров, обвиненных в большевистской агитации и участии в тайной большевистской организации. Вот имена этих людей, не дрогнувших перед лицом смерти: Артур Дукес, Деже Форгач, Янош Пап, Павел Дьёрдь, Калман Лайош, Лайош Молнар, Албин Крашевски, Алберт Гашпар.

Казнь восьми венгерских большевиков нанесла тяжелый удар движению интернационалистов Восточной Сибири. Все они были опытными руководителями, талантливыми конспираторами и беззаветно преданными делу революции борцами. Глава группы, революционер кристальной чистоты А. Дукес, отличавшийся безграничной смелостью, обширными знаниями, решительностью, внушал уважение даже самым отъявленным реакционерам. Другой руководитель группы, Д. Форгач, бывший до войны секретарем социал-демократической организации города Сабадка (ныне Суботица, Югославия), сразу же после захвата Красноярска Колчаком за революционную деятельность был заключен в тюрьму. Освободившись из тюрьмы, он стал связным между подпольными организациями тюрьмы и лагеря пленных. Несмотря на тяжелую болезнь, огромную организационную и воспитательную работу в лагере вел редактор «Енисея» Калман Лайош. Подстать им были и остальные расстрелянные венгерские коммунисты. В годовщину их гибели, 1 августа 1921 г., их ученики и боевые товарищи-интернационалисты освобожденного от белогвардейцев Красноярска торжественно поклялись сохранить память о героях[122].

Другие подпольщики красноярского лагеря продолжали дело своих казненных товарищей и после разгрома организации. Среди них был и приговоренный к расстрелу Мате Залка, которому удалось бежать из белогвардейской тюрьмы. Вырвавшись из рук тюремщиков, Залка вскоре сформировал из венгерских военнопленных, работавших на лесоразработках Енисейской губернии, отряд, который в ноябре 1919 г. вошел в состав партизанского соединения Щетинкина. В феврале 1920 г. отряд был включен в состав 1-го Интернационального полка дивизии

[122] «Vörös Ujság», 1.VIII 1921.

им. III Интернационала. Полком командовал Иштван Варга. В апреле 1920 г. полк выполнил почетное и ответственное поручение Советского правительства по сопровождению «золотого эшелона» из Ачинска в Казань. Летом 1920 г. интернациональный полк был направлен на врангелевский фронт, а осенью того же года отличился при штурме Перекопа. После освобождения Крыма полк добивал остатки белогвардейских банд и махновцев на территории Украины. Незаурядное военное дарование, дерзкая отвага, удивительная человечность М. Залки снискали ему уважение и любовь всех товарищей. Заслуги его перед революцией были отмечены орденом Красного Знамени.

В боях за освобождение Крыма в качестве члена Реввоенсовета Южного фронта, а затем председателя Крымского ревкома принимал участие Бела Кун. В видного военачальника вырос и венгерский интернационалист Й. Лакатош. В 1919 г. ему было доверено командование 1-й Украинской советской дивизией.

4. Венгерские интернационалисты на заключительном этапе гражданской войны

В начале 1920 г. в соответствии с новым Уставом РКП(б) были созданы единые территориальные партийные организации.

Приближавшееся завершение гражданской войны поставило перед венгерскими коммунистами новые задачи. В связи с возобновлением эвакуации военнопленных большое внимание стало уделяться политическому просвещению отъезжающих: выпускались газеты и брошюры, устраивались собрания, митинги, проводились сборы средств в помощь жертвам хортистского белого террора в Венгрии. Только секция при Екатеринбургском губкоме РКП(б), например, в сентябре 1920 г. направила в Исполком Коминтерна 35 тыс. рублей, собранных для этих целей [123].

С 1 мая 1920 г. в Екатеринбурге начала выходить газета «Вилагфоррадалом». Хотя тираж газеты был невелик — 8 тыс. экземпляров, — тем не менее она рассылалась в 110 различных пунктов Сибири и Европейской части России, где имелись венгерские партийные организации или интернациональные части [124]. Кроме того, было выпущено несколько брошюр, тираж каждой из которых достигал 10 тыс. экземпляров («Конституция РСФСР», «Коммунизм и диктатура пролетариата», «Программа

---

[123] ПАСв.О, ф. 41, оп. 1, д. 540, л. 138. Весной 1920 г. секцией было собрано свыше 13 тыс. рублей в помощь Западному фронту (ПАСв.О, ф. 76, оп. 1, д. 79, л. 196).

[124] ПАСв.О, ф. 76, оп. 1, д. 0, л. 5.

РКП(б)», «Национальный вопрос и Коммунистический Интернационал»)[125].

Создание отделов агитации и пропаганды в освобожденных от белогвардейцев районах вызвало необходимость разработки новых методов общего руководства. Совещание венгерских отделов, созданных на освобожденных территориях, состоявшееся 21—23 марта 1920 г., образовало Центральное бюро венгерских секций агитации и пропаганды при РКП(б) и постановило созвать осенью того же года Всероссийскую конференцию венгерских агитпропотделов[126].

21 сентября 1920 г. состоялось предварительное совещание, на котором Центральное бюро было представлено Э. Руднянским, П. Маркушем, Н. Раабом, Ф. Лебовичем, Я. Переньи, П. Варгой и Ивани; провинциальные отделы — делегатами Самары, Казани, Перми, Челябинска, Саратова, Уфы, Екатеринбурга, Красноярска, Ишима, Тюмени, Петропавловска, Барнаула, Симбирска, Омска, Тайги, Тулы, Томска, Петрограда, интернационалистами Южного фронта и курсов красных командиров в Астрахани. В работе совещания приняли участие также приехавшие после падения Венгерской Советской Республики в Советскую Россию деятели Коммунистической партии Венгрии Бела Кун, Евгений Варга, Йожеф Погань и Тивадар Шугар. Б. Кун в своем выступлении подчеркнул необходимость укрепления связей между венгерскими и русскими коммунистами[127]. Совещание постановило провести Всероссийскую конференцию венгерских коммунистов.

Во Всероссийской конференции, проходившей в Москве с 26 по 29 сентября 1920 г., приняло участие 44 делегата, представлявших 3392 венгерских коммуниста (2240 членов партии и 1152 кандидата). 25 делегатов вступили в партию в 1918 г., 16 — в 1919—1920 гг., 3 — были в партии до 1917 г. или с 1917 г.; 29 делегатов сражались на фронтах; 25 делегатов ранее состояли в социал-демократической партии[128].

По сведениям, поступившим в Центральное бюро с мест, на территории Советской республики были образованы венгерские отделы агитации и пропаганды в 76 городах. Однако не все они были представлены на конференции, в частности, не могли прибыть делегаты организаций, действовавших в Средней Азии. Помимо Центрального бюро, деятельностью отделов агитации и пропаганды руководили три территориальных бюро — в Омске, Ташкенте и Казани. Все они работали под руководством центральных и местных органов РКП(б). Центральное бюро изда-

---

125 ПАСв.О, ф. 76, оп. 1, д. 0, л. 5.
126 ЦПА ИМЛ, ф. 7, оп. 1, д. 92, л. 18; ПАСв.О, ф. 41, оп. 1, д. 1123, л. 120.
127 «Az OKP. Magyar agitációs osztályainak II. öszoroszországi Értekezlete (1920. szeptember 26—29. Moszkvában)». Moszkva, 1920, 4 l.
128 Там же, стр. 21.

вало литературу на венгерском языке, включая газету «Вёрёш Уйшаг» («Красная газета»), руководило подготовкой кадров организаторов, посылало инструкторов и агитаторов для помощи местным организациям [129].

Ш. Сиклаи

Всероссийская конференция утвердила предложенные Центральным бюро тезисы «О наших ближайших задачах в Советской России», исходившие из решений IX съезда партии и указаний руководящих органов РКП(б). В принятой резолюции отмечалось, что все решения РКП(б) и указания ее органов обязательны для всех венгерских коммунистов без исключения [130]. Учитывая отсутствие четкости и единства в формах организации и в содержании их деятельности, конференция призвала «организации говорящих по-венгерски коммунистов к возможно более полному включению и слиянию с соответствующими местными организациями РКП». Конференция признала целесообразным продолжать политическую работу среди венгерских военнопленных, возвращавшихся на родину, и готовить с этой целью кадры агитаторов. Последним рекомендовалось особенно глубоко изучить произведения В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция» [131].

В центре внимания делегатов конференции стояли вопросы, связанные с работой партийных организаций интернациональных частей Красной Армии. Эти вопросы вызвали наиболее острую дискуссию. В докладе бюро отмечались вредные последствия отсутствия общих и твердо определенных принципов работы этих организаций. Среди интернационалистов, включая коммунистов, служивших в Красной Армии, были довольно широко распространены лозунги: «На запад!», «С оружием в руках на родину!» Вновь выдвигались планы сведения интернациональных частей в особые дивизии или бригады с целью осуществления вооруженного прорыва на запад. Центральное бюро неустанно разъясняло необоснованность, неосуществимость этих планов и лозунгов [132]. Тем не менее некоторые делегаты конференции, не считаясь с из-

---

[129] Там же, стр. 25.
[130] Там же, стр. 49.
[131] Там же, стр. 51.
[132] Там же, стр. 52—53.

менениями международной и внутренней обстановки, продолжали настаивать на осуществлении этих лозунгов. Один из них — представитель венгерской секции Новониколаевска Вайс, выступил с предложением сосредоточить интернациональные отряды в Казани, а венгерских коммунистов — в одной из губерний Центральной России [133]. Однако большинство делегатов поддержало позицию Центрального бюро. Секциям вменялось в обязанность разъяснять нереальность и вредность лозунгов о вооруженном прорыве на запад, на родину [134]. Вместе с тем конференция подчеркнула огромное значение интернациональных отрядов, находящихся в тылу, в восточных районах страны, их дисциплинированность, политическую роль, их заслуги при подавлении контрреволюционных кулацких восстаний, в частности в районе Томска, Новониколаевска и Семипалатинска [135].

Решения конференции помогли тысячам венгерских коммунистов и интернационалистов, которые решили остаться в Стране Советов, найти свое место в жизни советского народа, приступившего к гигантскому мирному строительству. Советская страна стала для них второй родиной. Бела Кун, Матэ, Залка, Ференц Мюнних и многие другие бывшие венгерские военнопленные, прошедшие школу Великого Октября и гражданской войны, всю свою жизнь посвятили служению делу международного пролетариата. Во имя идей пролетарского интернационализма на испанской земле под Уэской погиб герой двух гражданских войн — в СССР и в Испании — командующий интернациональной бригадой Мате Залка, известный в последние годы своей жизни как генерал Лукач. Ференц Мюнних в 1956 г. стал одним из главных организаторов разгрома мятежа венгерских контрреволюционеров, в числе жертв которых оказался генерал Шандор Сиклаи, бывший боец интернациональных частей Красной Армии.

Орден Красного Знамени, которым был награжден в 1927 г. Бела Кун, стал символом признания советским народом заслуг венгерских интернационалистов в гражданской войне. Получая орден, Б. Кун заявил, что эту высокую награду он принимает от имени всех венгерских героев, живых и павших. «От имени Лигети, Яроша, Райнера, Винермана, этого бывшего рабочего-жестянщика, ставшего командиром партизанского отряда, и от имени многих других, которых перечислить невозможно, но которые пожертвовали самым дорогим — жизнью, сражаясь на различных фронтах в рядах Красной Армии России» [136].

Газета «Вереш Уйшаг», обращаясь к последним группам венгерских военнопленных, которые после завершения граждан-

---

[133] «Az OKP. Magyar agitációs osztályainak II. öszoroszországi Ertekezlete (1920. szeptember 26—29. Moszkvában)», 55—56 l.
[134] Там же, стр. 54.
[135] Там же, стр. 59.
[136] «Uj Marcius», 1927, X—XI.

ской войны покидали советскую землю, обращаясь к «красным героям, красным мадьярам, сражавшимся вместе с русскими братьями от Амура до Черного моря», писала: «Русский пролетариат товарищеским рукопожатием прощается с вами, красными солдатами-интернационалистами, и этим рукопожатием он также дает вам обещание, что, когда на берегах Тисы вновь загремят пушки, он оставит завод и плуг и придет к вам на помощь, так же как это сделали вы на Урале и на Дону» [137]. Эти слова сбылись и во время второй мировой войны, когда советский народ освободил Венгрию от гитлеровских оккупантов и хортистских фашистов, и осенью 1956 г., когда советский народ оказал помощь братскому венгерскому народу в борьбе против контрреволюции.

---

137 «Vörös Ujság», 15.I 1921.

ГЛАВА 9

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

1. Октябрьская революция и югославяне в России

Октябрьская революция ускорила начавшуюся после февраля 1917 г. поляризацию классовых и политических сил среди югославян, разбросанных по России.

Военно-монархические круги (дипломатическая и военная миссии Сербского королевства, часть офицерства добровольческого корпуса и др.) безоговорочно встали на сторону русской контрреволюции, продолжая действовать в самом тесном контакте с империалистами Антанты. Они старались как можно большее число военнопленных-югославян и особенно солдат из добровольческого корпуса использовать для борьбы с Советской властью или по меньшей мере удержать их от активных выступлений в ее защиту. Эту же цель преследовал сложившийся 17 (30) декабря 1917 г. в Одессе Югославянский союз, объединивший часть деятелей буржуазной эмиграции из югославянских земель Австро-Венгрии. Взгляды Союза выражала выходившая еще с 1915 г. в Одессе газета «Словенски юг». Наиболее активные антисоветские элементы группировались вокруг сербского посланника Мирослава Спалайковича.

4 (17) декабря 1917 г. народный комиссар по иностранным делам направил ноту посланнику Сербии в связи с вызывающим поведением сербских войсковых частей, находившихся в то время в Вологде. В ноте указывалось, что командир сербской бригады «заявил, что для него распоряжения русских властей необязательны»[1]. Советское правительство проявило большое терпение и добрую волю, оказав югославянским добровольческим

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 53.

воинским частям, которые направлялись в Мурманск для переброски на Салоникский фронт, материальную и финансовую поддержку. После полуторамесячной задержки в Вологде и Ярославле сербская бригада была отправлена на Дальний Восток и в конце февраля 1918 г. отплыла из порта Дальнего в Европу [2].

П. Ковачевич. 1934 г.

С враждебной Советской власти позицией буржуазных националистов смыкалась позиция югославянских правосоциалистических организаций и групп, поставивших во главу угла своей деятельности поддержку национальных требований буржуазии.

Буржуазно-монархическим кругам первоначально противостояли разрозненные мелкие группки левых социал-демократов — военнопленных, разбросанные по различным лагерям, и добровольцев, лишенных связи друг с другом и не представлявших единого целого. Эти группы, как правило, состояли из рабочих, обладавших разной степенью революционной закалки и имевших слабую теоретическую подготовку и невысокий общеобразовательный уровень, но обостренное классовое чутье, ненавидевших угнетателей. К моменту свершения Октябрьской революции среди военнопленных и добровольцев-югославян оказалось сравнительно немного людей, без колебаний вставших в ряды революционных рабочих и солдат России. Перед немногочисленными интернационалистами-югославянами была нелегкая задача — не дать врагам революции увлечь за собой многотысячную массу югославянских военнопленных и добровольцев, а добиться превращения их в активную силу революции.

Борьба за массы военнопленных была основной задачей югославян-интернационалистов на протяжении почти всей гражданской войны в России. Эту борьбу они вели под руководством и при огромной помощи партии большевиков. Распространению большевистских идей среди военнопленных-югославян и солдат корпуса содействовала издававшаяся отделом международной пропаганды НКИД в Петрограде в начале 1918 г. на сербско-хорватском языке газета «Земля и Воля». Газета призывала рабочих и

---

[2] «Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914—1918)». Београд, 1954, стр. 187—190.

крестьян из числа военнопленных-югославян к активной поддержке Советского правительства.

Наиболее ярко процесс классового размежевания в рядах югославян проходил на юге страны, где были в то время сосредоточены десятки тысяч югославянских военнопленных и добровольцев. Здесь действовал возникший еще летом 1917 г. Югославянский революционный союз (ЮРС). Переход рабоче-крестьянской части югославян на Украине на позиции поддержки Советской власти проходил сравнительно медленно, что объяснялось как идейной и организационной слабостью Югославянского революционного союза (см. гл. II, раздел 3), так и сложностью политической обстановки на Украине. Все это привело к тому, что в руководстве ЮРС возобладали «нейтралистские» настроения [3]. Как впоследствии отмечал секретарь ЮРС и председатель солдатского комитета сформированного летом 1917 г. в Киеве югославянского ударного (с осени 1917 г. — революционного) батальона Никола Ковачевич, «официально союз считался беспартийным, на деле он был обыкновенной национал-демократической организацией трудящихся угнетенной нации (а следовательно, и условно революционен) со всеми присущими ей мелкобуржуазными шатаниями, колебаниями и предрассудками» [4].

Во время октябрьских событий в Киеве лишь отдельные югославяне, преимущественно из находившихся на предприятиях рабочих дружин, в составе красногвардейских отрядов приняли участие в борьбе за Советы.

Впоследствии Д. Георгиевич, участвовавший в установлении Советской власти в Екатеринославе, вспоминая о положении югославян на Украине, отмечал организационную и идейную слабость ЮРС и большую помощь большевиков — рабочих с заводов Одессы, Киева, Екатеринослава и др. Мы вошли в отряды Красной Гвардии, говорил он, в результате разъяснения и пропаганды, которую среди нас вели русские рабочие, Российская коммунистическая партия (большевиков) [5].

После октябрьских событий в Киеве исполком Совета солдатских депутатов югославянского ударного батальона заявил киевскому ревкому о своей лояльности и получил от ревкома указание продолжать выполнять свои обязанности по охране ряда объектов в Киеве [6].

Всех югославян в России чрезвычайно волновали начавшиеся переговоры Советского правительства о мире с Германией и Австро-Венгрией. Большую тревогу вызывали распространяемые

---

[3] Н. Груловић. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962, стр. 160, 162.
[4] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 168, л. 41.
[5] Там же, д. 187, л. 25.
[6] Н. Груловић. Указ. соч., стр. 162.

агентурой Спалайковича слухи о предстоящей принудительной эвакуации всех югославян в Австро-Венгрию. В связи с этим, а также с рядом других вопросов руководство ЮРС решило созвать съезд, разослав на места активистов союза для выбора делегатов. Максим Чанак поехал в Екатеринославскую губернию, Л. Манойлович — в Каменец-Подольскую, Н. Ковачевич — в Одессу, Н. Грулович — в Елизаветградский уезд и т. д.[7]

Н. Грулович. 1958 г.

1 (14) января 1918 г. в Киеве состоялся съезд Югославянского революционного союза. Среди делегатов съезда было много представителей рабочих дружин. Руководил съездом председатель ЮРС унтерофицер М. Чанак, доклад сделал Н. Ковачевич[8]. Участников съезда особенно волновал вопрос о судьбе югославян в России в связи с мирными переговорами в Бресте. Екатеринославская и ряд других делегаций от рабочих дружин предлагали обратиться к Советскому правительству с просьбой о приеме югославян в советское гражданство. Некоторые делегаты считали, что нужно обратиться за содействием к представителям сербского правительства.

Резолюция, принятая съездом, отражала все углублявшийся раскол в рядах ЮРС. Часть югославян, преимущественно из рабочих дружин, находившаяся под сильным влиянием большевиков, выступила в поддержку дела революции, изъявив готовность активно помогать российскому пролетариату. Другая часть отвергла насильственное изменение социального строя. Обе точки зрения нашли отражение в резолюции съезда ЮРС, в которой, наряду с приветствием и поддержкой Октябрьской революции, целью союза провозглашалась «революционная борьба мирными средствами за осуществление социалистических идеалов»[9]. Немаловажной причиной такой расплывчатости идейных позиций ЮРС было отсутствие руководителей, обладавших серьезной марксистской теоретической подготовкой[10].

В январских событиях 1918 г. в Киеве югославяне приняли уже более активное участие, чем в октябре 1917 г., хотя в целом

---

[7] Там же, стр. 170.
[8] Там же, стр. 170—171.
[9] Там же, стр. 172.
[10] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 167, л. 10.

ЮРС продолжал вести политику выжидания[11]. Тем не менее симпатии руководства союза и солдатского комитета югославянского революционного батальона все больше склонялись на сторону большевиков. В уличных боях на стороне арсенальцев сражалась югославянская пулеметная команда во главе с С. Стойковичем[12]. В составе команды бронепоезда были пулеметчики-югославяне Боголюб Бугарски и Стева Ковач[13]. Вместе с арсенальцами в уличных боях участвовал приехавший из Москвы Вукашин Маркович.

Просоветские настроения югославян из киевского ЮРС проявились в освобождении ими из Лукьяновской тюрьмы, охрана которой была поручена югославянскому батальону, арестованного петлюровцами 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) ревкома Особой армии[14].

Утверждение Советской власти на Украине способствовало дальнейшему сдвигу умонастроений югославян в сторону активной поддержки Советской власти. Большую роль в этом сыграла горячая агитация В. Марковича[15]. В целях пропаганды среди югославян ЮРС начал издавать газету «Югославянский революционер»[16]. Ее редактором стал офицер Стефан Ландикушич. Примиренческая позиция, занятая газетой, не удовлетворила ни левое, ни правое крыло союза. Офицеры сочли ее слишком левой, а Н. Грулович, Н. Ковачевич, С. Стеич и другие критиковали газету в целом и особенно написанную С. Ландикушичем для первого номера передовую статью за замалчивание решающей роли большевистской партии в победе Октябрьской революции[17].

По решению Украинского советского правительства югославянский революционный батальон был переформирован в 1-й социалистический революционный югославянский полк, в который влился весь батальон, кроме нескольких офицеров. При этом большинство офицеров согласились остаться в полку при условии, что «они будут использованы только против внешних врагов, т. е. австро-германцев»[18].

Переход бывших военнопленных-югославян на позиции интернационализма проходил по всей стране. Особенно успешным

---

[11] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 181, л. 23; д. 168, л. 46.
[12] Там же, д. 181, л. 24.
[13] Н. Груловић. Указ. соч., стр. 169; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 168, л. 46; д. 181, л. 24.
[14] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 1, д. 168, лл. 46—47; Н. Груловић. Указ. соч., стр. 174 (арест ревкома Особой армии и подробности его освобождения детально описаны в мемуарах В. Н. Егорьева, подготавливаемых к печати его дочерью О. В. Сваричовской, любезно предоставившей рукопись мемуаров в распоряжение автора).
[15] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 183, л. 46.
[16] До настоящего времени эта газета не обнаружена.
[17] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 181, л. 21; д. 168, л. 41.
[18] Там же, д. 168, лл. 47—48.

он был там, где активную работу вели большевистские организации и где по тем или иным обстоятельствам югославяне оказывались не в казарме, не за оградой лагеря, а в рабочей среде.

Во время восстания рабочих и революционных матросов и солдат в Одессе 15—17 (28—30) января 1918 г. находившийся здесь запасной батальон югославянского добровольческого корпуса, не взирая на все призывы гайдамаков, отказался поддержать последних. После установления в городе Советской власти батальон по призыву Одесского ревкома принял участие в установлении в городе и окрестностях революционного порядка. Отряды, сформированные из солдат запасного батальона и красногвардейцев, разгромили немало банд анархистов и уголовников. Председатель Одесского ревкома В. Г. Юдовский выразил благодарность командованию батальона за нейтралитет во время боев с гайдамаками и помощь в установлении в городе порядка [19].

2. Возникновение и деятельность югославянских коммунистических групп

В начале 1918 г. передовая часть бывших военнопленных-югославян осознала необходимость организационного и идейного сплочения и еще более активного и сознательного участия в борьбе за упрочение Советской власти. Эти задачи ЮРС был не способен выполнить [20]. Нужна была революционная организация с четкой программой.

В марте 1918 г. в Москве по инициативе возникшего ранее объединенного Комитета военнопленных социал-демократов—интернационалистов было созвано совещание социалистически настроенных югославян. В нем приняли участие как революционные социал-демократы, стоявшие на большевистских позициях (В. Маркович, М. Кодрня, Д. Видневич, И. Сорич, Д. Година), так и правые социал-демократы (М. Радошевич и др.). В совещании участвовали также Н. Ковачевич и другие представители ЮРС и некоторые буржуазные демократы из числа югославянских эмигрантов, действовавших в то время в Петрограде. Выдвинутое на совещании предложение организовать «югославянскую группу большевиков и явиться частью русской большевистской партии, — как сообщал впоследствии М. Кодрня, — не собрало большинства» [21].

---

[19] Д. Гајић. Генерални штрајк 1919. Београд, 1951, стр. 27—28.
[20] ЮРС прекратил свою деятельность в марте 1918 г.
[21] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 902, л. 16.

Либеральные буржуа во главе с чиновником сербского посольства Радославом Йовановичем в апреле 1918 г. совместно с М. Радошевичем и другими правыми социал-демократами организовали так называемую Югославянскую революционную федерацию (ЮРФ)[22]. В начале своей деятельности ЮРФ, умело скрывая свои истинные цели, смогла обеспечить себе поддержку даже со стороны некоторых советских организаций[23]. По сути дела многие деятели ЮРФ являлись тайной агентурой сербской военной миссии в России[24], помогали вербовать солдат для пополнения войск интервентов на севере Советской России, а позднее содействовали вербовке югославян в сербские королевские подразделения, сражавшиеся в Сибири на стороне контрреволюции[25].

Коммунистически настроенные югославяне-интернационалисты в начале апреля 1918 г. объединились в организацию, которая затем стала именоваться Югославянской группой международной социал-демократии[26].

Югославянские левые социал-демократы—интернационалисты приняли участие в состоявшемся в Москве в апреле 1918 г. съезде военнопленных-интернационалистов. В избранный на съезде ЦИК Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян от югославян вошел Йоже Сребрнич[27].

Печатным органом революционной части югославянских интернационалистов была газета «Революциа»; с 8 июня 1918 г. она стала выходить под названием «Всемирная революция»[28]. Редактором ее был Иван Ференчак, бывший офицер югославянского добровольческого корпуса, исключенный из 2-й Сербской дивизии за участие в «беспорядках и бунтах» в октябре 1916 г.[29] Газета повела энергичную кампанию за создание югославянской коммунистической группы. В первом же номере в передовой статье под названием «Что делать?» газета призы-

---

[22] Ст. Јовановић. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Београд, 1925, стр. 21.

[23] «Известия ВЦИК», 21.VIII 1918.

[24] D. Kneževic. Pregled gra ħe sa Oktobarskom revolucijom u jugoslovenskim arhivima. — «Arhivist», 1957, № 34, str. 2.

[25] «Известия ВЦИК», 21.VIII 1918.

[26] «Revolucija» (Moskva), 6.IV 1918.

[27] После возвращения в 1919 г. на родину Й. Сребрнич активно участвовал в коммунистическом движении; во время национально-освободительной войны югославянского народа против фашистских захватчиков был удостоен звания Народного героя Югославии. Погиб в 1944 г.

[28] С начала 1919 г. газета «Всемирная революция» стала выходить как «Svetska revolucija». В течение 1918 г. в ней печатались статьи на сербско-хорватском, словенском и болгарском языках. Выходила еженедельно тиражом в 10—18 тыс. экземпляров (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 421, лл. 2—12 об.).

[29] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 444, л. 1236 об.

вала югославян к организации: «Можем ли мы пропустить этот удобный случай, когда пролитая кровь русских товарищей дала нам возможность не только дышать свежим воздухом, как и всем людям, не только наслаждаться самым светлым человеческим правом — свободой, но более того дала нам возможность получить права человека и гражданина, дала нам право собираться, которое у нас так неутомимо отнимали в Австрии; она толкает нас и призывает к организации, к борьбе за свои права, можем ли мы, смеем ли мы остаться глухими к этим призывам?» [30]

В. И. Чопич. 1937 г.

В этом же номере газеты была опубликована статья «Наша программа», в которой излагались программные требования югославянских интернационалистов: вся земля тому, кто ее сам обрабатывает, т. е. крестьянину; национализация всех фабрик, заводов, предприятий и капиталов в пользу рабочих; вся власть Советам рабочих и крестьян; право каждого народа на самоопределение. Особо выдвигалось требование создания Югославянской независимой демократической республики, в которой власть будет в руках рабочих и крестьян. В следующем, втором номере газеты «Революция», в статье «Демократическая революция» разъяснялось, что последний пункт программы надо понимать как требование Югославянской независимой социалистической республики [31]. С 29 апреля 1918 г. газета «Революция» стала выходить как орган югославянских коммунистов.

В газете «Всемирная революция» систематически печатались материалы, разоблачавшие правых социал-демократов. В то же время подчеркивалось, что «левые социал-демократы остались верны учению Карла Маркса, они идут вместе с пролетариатом на баррикады за победу Коммунистической революции. Они подали руку русской Коммунистической партии как бойцы мировой революции» [32]. В газете «Всемирная революция» много внимания уделялось настроениям военнопленных, их отношению

---

[30] «Revolucija», 6.IV 1918.
[31] «Revolucija», 15.IV 1918.
[32] «Всемирная революция», 6.XI 1918.

к возвращению на родину. Она информировала о революционном движении на родине, о восстании моряков австро-венгерского флота, о распаде Австро-Венгрии, о стремлении народных масс югославянских земель создать демократическую республику по «русскому образцу», о Брестском мире и о Советской республике. Газета активно помогала привлечению южных славян в ряды Красной Армии.

16 мая 1918 г. в Москве состоялось первое собрание коммунистически настроенных югославян, которые, исходя из принципов научного социализма, а также руководствуясь опытом Октябрьской революции и тактикой партии большевиков, решили организовать коммунистическую группу[33]. На первом собрании группы присутствовали только представители южнославянских интернационалистов, находившихся в Москве. В резолюции собрания говорилось о необходимости «провести организацию всех южных славян, стоящих на платформе коммунистической программы и защиты Советской власти». В резолюции также отмечалось, что создаваемая организация должна представлять интересы южнославянского пролетариата[34], находившегося в пределах РСФСР. Позднее группа получила официальное название Южнославянской коммунистической группы РКП(б). В резолюции указывалось, что группа «считает себя секцией Российской коммунистической партии (большевиков)...»[35].

16 июня 1918 г. после утверждения Южнославянской коммунистической группы в ЦК РКП(б) был принят учредительный устав. Как и в резолюции первого заседания, в § 7 устава подчеркивалось, что Южнославянская группа РКП(б) теоретически и практически стоит на платформе РКП(б) и подчиняется ее решениям, признает единую партийную дисциплину. В уставе указывалось, что группа подчиняется также решениям руководства Федерации иностранных групп РКП(б)[36].

На заседании Южнославянской группы 3 июля 1918 г. было избрано руководство группой. Председателем группы и редактором газеты «Всемирная революция» был избран В. Маркович (сотрудничавший с большевиками с 1903 г.), заместителем — Д. Година, первым секретарем — И. Сорич, вторым секретарем — Шимунович и кассиром — Ф. Дробник.

Центральный орган Южнославянской группы РКП(б) газета «Всемирная революция» пользовалась большой популярностью среди военнопленных. Кроме «Всемирной революции», материалы на сербско-хорватском и словенском языках печатались

---

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 1; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 896, л. 27.
[34] В южнославянскую коммунистическую группу до 15 октября 1918 г. входили, кроме югославянских коммунистов, и болгарские коммунисты.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 1.
[36] Там же, оп. 4, д. 33, лл. 93 об., 94 об.

Печать Южнославянской группы РКП(б)

также в других газетах интернационалистов, выходивших в разных местах России. К примеру, в органе Федерации иностранных групп — газете «Коммуна», издававшейся в Петрограде в 1918 и 1919 гг. — имелся «сербский отдел», в котором публиковались материалы на сербско-хорватском языке. Аналогичный отдел имелся и в еженедельнике политотдела РВС 4-й армии Восточного фронта «III Интернационал», выходившем в 1918 г.

Особое внимание уделялось подготовке к изданию в переводе на сербско-хорватский и словенский языки работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и распространению их среди югославянских коммунистов и военнопленных в России. В 1918—1921 гг. были изданы на сербско-хорватском и словенском языках работы К. Маркса и Ф. Энгельса («Наемный труд», «Гражданская война во Франции», «Развитие социализма от утопии к науке») и В. И. Ленина («Письма о тактике», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Письмо к американским рабочим 20 августа 1918 г.», «Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г.» и др.). Изданы были биография В. И. Ленина, а также работы: П. Лафарга «Вера в бога», В. Либкнехта «Революция в Париже в 1848 г.», К. Цеткин «Борьба за свободу и мир в России», Б. Куна «Кому принадлежит земля?»; кроме того, «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и другие брошюры [37]. Эти произведения сыграли громадную роль в распространении идей марксизма-ленинизма среди югославян.

---

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 1 об. Переводчиками были югославянские коммунисты В. Чопич, М. Кодрня, П. Верин, И. Смолчич, И. Вук и др.

В течение 1918—1921 гг. югославянские коммунисты развернули активную агитационно-пропагандистскую работу среди бывших военнопленных сербов, хорватов и словенцев, в том числе и среди находившихся в Красной Армии, а также и в югославянских контрреволюционных частях и подразделениях.

Значительное место в изданиях Южнославянской коммунистической группы занимали различные листовки. В виде листовок в 1918 г. были напечатаны обращения к сербским солдатам, втянутым в борьбу на стороне англичан в Мурманске, призывы к борьбе против чехословацкого мятежа.

Много сил и энергии отнимала борьба с упоминавшейся уже Югославянской революционной федерацией (ЮРФ), продолжавшаяся почти до конца 1918 г.

При содействии ЦК РКП(б) Южнославянская коммунистическая группа готовила необходимые кадры в партийных школах и школах агитаторов, где прошли обучение многие десятки коммунистов-югославян и сочувствующих[38].

25 июля 1918 г. Южнославянская группа при РКП(б) обратилась в Народный комиссариат по делам национальностей с просьбой создать при комиссариате отдел южных славян. 26 августа 1918 г. по решению Советского правительства такой отдел был создан. Руководила им Южнославянская коммунистическая группа. Председателем отдела был назначен В. Маркович, секретарем — В. Чопич[39]. Вскоре, однако, в связи с выходом Марковича из группы В. Чопич стал секретарем ЦК Южнославянской группы РКП(б) и руководителем Южнославянского отдела при Наркомнаце. При отделе были созданы секции: воинская, труда, культурно-просветительная и политико-агитационная.

Среди членов Южнославянской коммунистической группы довольно сильно проявлялись мелкобуржуазные настроения. Определялось это главным образом социальным составом и прошлой партийной принадлежностью ее членов. Данные по отдельным организациям дают возможность утверждать, что основную их массу составляли ремесленники и крестьяне. Многие члены южнославянских коммунистических групп в прошлом входили в состав социал-демократических партий, и груз оппортунистических ошибок этих партий оказывал на них определенное воздействие.

В течение 1918 г. вне Москвы возникло несколько южнославянских коммунистических групп. В отчете из Пензы от 10 июня 1918 г. сообщалось о создании в городе южнославянской коммунистической группы, в которую входили 10 членов[40]. Из Петрограда, Самары и некоторых других городов, где имелись югосла-

[38] Только в октябре и ноябре 1919 г. школу агитаторов окончил 81 человек (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 424, л. 95).
[39] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 38, л. 3.
[40] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 8.

вяне — бывшие военнопленные, в конце 1918 г. также поступали сведения об организации южнославянских коммунистических групп [41]. В декабре 1918 г. только на территории РСФСР в южнославянских коммунистических группах насчитывалось 112 членов и 320 кандидатов [42].

Одна из самых крупных южнославянских организаций в 1918 г. была в Царицыне. На Царицынском участке фронта летом 1918 г. насчитывалось около 5 тыс. бывших военнопленных — немцев, венгров, сербов, хорватов, словенцев и др. В апреле 1918 г. здесь была создана Иностранная федерация, которая объединяла немецкую, венгерскую (позднее и южнославянскую) коммунистические группы. Летом 1918 г. федерация издавала газету «Интернационалист», редактором которой являлся серб—коммунист Л. Вукичевич [43]. Южнославянские группы были организованы также в Астрахани, Саратове, в Черном Яре и в южнославянских интернациональных отрядах Красной Армии [44].

Большое внимание Южнославянская коммунистическая группа уделила формированию в Черном Яре осенью 1918 г. 1-го югославянского коммунистического полка. «1-й югославянский коммунистической полк, — говорилось в решении ЦК группы, — признать главной военной частью югославянских рабочих и крестьян, которых необходимо подготовить к вооруженной борьбе против врагов Советской власти. Все командные посты в нем должны занимать исключительно коммунисты...».

В конце 1918 г. в подразделениях югославянского коммунистического полка насчитывалось 293 коммуниста [45].

Включившись в борьбу за дело победившей в России пролетарской революции, коммунисты-югославяне не забывали о том, что им предстоит содействовать организации революционного движения масс у себя на родине. Они внимательно следили за событиями, развернувшимися осенью 1918 г. в югославянских землях, завершившимися провозглашением 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Многие из них полагали, что именно здесь, в России, следует положить начало образованию Коммунистической партии Югославии.

5—7 ноября 1918 г. в Москве проходила чрезвычайная конференция Югославянской коммунистической группы [46]. Член ру-

---

[41] «Всемирная революция». 19.XII 1918; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434 и др.
[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 440, л. 62; «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, стр. 504.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 73.
[44] Там же, д. 415, л. 10 об.
[45] Там же, д. 434, л. 32.
[46] Там же, л. 27.
В октябре 1918 г. из Южнославянской коммунистической группы выделилась самостоятельная Болгарская коммунистическая группа; с этого времени Южнославянскую группу, объединявшую в своих рядах

ководства группы Л. Вукичевич внес резолюцию об организации на базе Югославянской коммунистической группы Коммунистической партии (большевиков) сербов, хорватов и словенцев (КП(б)СХС). Исходя из того, что югославянский пролетариат не имел еще коммунистической партии, конференция приняла решение «основать Коммунистическую партию (большевиков) сербов, хорватов и словенцев как единственную и неустрашимую работницу (так в оригинале. — *Ред.*) для освобождения пролетариата». Партия, как отмечалось в решении, «...основывается на Программе и Уставе РКП (большевиков) и должна в своей борьбе руководствоваться ее принципами»[47]. На конференции было также решено сформировать ЦК и отправить на родину членов партии. В состав ЦК вошли: Л. Вукичевич — председатель, В. Чопич — заместитель председателя, Н. Ковачевич — секретарь, Ф. Дробник — казначей, И. Матузович, Л. Моин, Д. Година.

Руководство КП(б)СХС считало одной из своих главных задач содействовать развертыванию партийной работы непосредственно в югославянских землях. Об этом говорилось в письме руководства от 12 ноября 1918 г.[48]

Для руководства югославянскими коммунистами, оставшимися в Советской России, и для связи с коммунистическим движением в Югославии на конференции в Москве было создано также Заграничное бюро, официально носившее название Заграничный исполнительный комитет[49]. В состав последнего входили: И. Матузович, И. Вук, Н. Грулович. Однако Заграничное бюро не вело активной работы.

Провозглашение на конференции в Москве основания Коммунистической партии (большевиков) СХС являлось несомненно шагом к созданию коммунистической партии на родине, в Югославии. На конференции был создан лишь один из центров формировавшейся в Сербо-Хорвато-Словенском государстве коммунистической партии. Ряд югославянских коммунистов из КП(б)СХС, в том числе представители руководства КП(б)СХС, по прибытии на родину приняли участие в подготовке Учредительного съезда компартии. Члены ЦК КП(б)СХС В. Чопич и Л. Вукичевич вошли в состав ЦК Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов), образованной в апреле 1919 г.

Таким образом, молодое коммунистическое движение в Королевстве сербов, хорватов и словенцев пополнилось «повратниками» (как их называли в Югославии) — кадрами, прошедшими

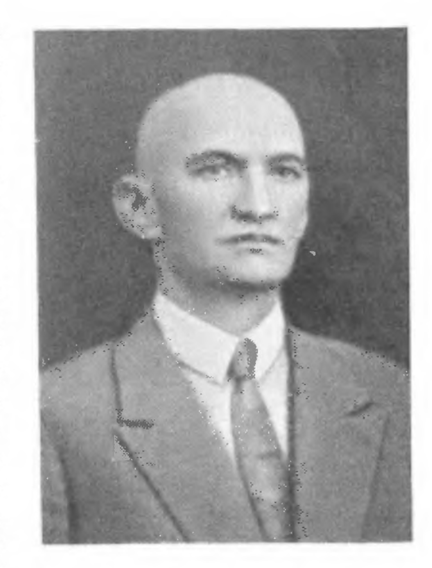
лишь представителей народов Югославии, правильнее будет именовать Югославянской коммунистической группой.

[47] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 27.

[48] Там же, д. 415, л. 15 об.

[49] Там же, д. 434.

школу победоносной социалистической революции в России, воспитанными в рядах РКП(б) на великих принципах пролетарского интернационализма.

И. Матузович, 1934 г.

19 февраля 1919 г., вскоре после отъезда в Югославию ряда югославянских коммунистов, входивших в состав ЦК и в Заграничное бюро, оставшиеся в Москве члены КП(б)СХС, которая стала опять выступать под старым названием Югославянской группы РКП(б), собрались для того, чтобы наметить план дальнейшей работы. На этом собрании был избран новый руководящий комитет: Бранко Бауэр — председатель, Илия Милкич — заместитель, Иван Вук — секретарь и казначей, Иван Ольром, Драгутин Видневич — ревизоры[50]. Вновь избранный ЦК Югославянской группы РКП(б) утвердил 27 февраля 1919 г. новый текст устава группы.

Несколько ранее, 10 февраля 1919 г., как следует из отчета ЦК Югославянской группы, была образована югославянская коммунистическая группа в Харькове[51]. Как сообщалось в докладе харьковской группы от 6 марта 1919 г., она послала несколько агитаторов в Полтаву, Кременчуг, Лозовую, Синельниково, Екатеринослав и Киев. В марте 1919 г. была создана Югославянская группа КП(б) Украины в Киеве[52]. Организовал ее Иван Вук, специально для этой цели посланный из Москвы. В начале апреля 1919 г. была организована югославянская коммунистическая группа в Вознесенске. Югославянские коммунистические группы действовали в Киеве и других городах Украины до середины 1919 г., т. е. до начала наступления Деникина.

Несмотря на организационные трудности, возникшие в 1919 г., и отъезд на родину большого числа югославян, московская группа в течение года зарегистрировала 171 члена и 6 сочувствующих[53]. После принятия на VIII конференции РКП(б) в декабре 1919 г. нового Устава партии формы организации иностранных коммунистов изменились. В частности, вместо Югославянской коммунистической группы в феврале—марте 1920 г.

---

[50] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 36 об.
[51] Там же, д. 422, л. 36 об.
[52] ЦГАОР УССР, ф. 1738, оп. 1, д. 21, лл. 86, 143.
[53] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 463, лл. 482, 484.

было создано Центральное югославянское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) [54]. В него входили: И. Милкич (член Южнорусского бюро Коммунистического Интернационала), М. Кодрня (представитель ЦЮБ при Военной комиссии) и В. Шешок, являвшийся секретарем бюро и ведавший всеми его делами [55].

В середине 1920 г. на территории Советской России работало одиннадцать югославянских коммунистических секций при губкомах РКП(б) в Москве, Казани, Омске, Ташкенте, Самарканде и других городах и восемь агитационных кружков при военных и гражданских организациях. В рассматриваемое время, по неполным данным, в Советской России насчитывалось от 13 до 16 тыс. югославян [56].

В Иркутске югославянская секция при губернском комитете РКП(б) была создана после освобождения города от колчаковцев. Секция начала издавать 2 марта 1920 г. газету «Коммуна» на сербско-хорватском языке тиражом в 750 экземпляров. Редакторами газеты были хорват В. Марион и Петр Верин (Павишич) [57]. Иркутская югославянская секция РКП(б) вела агитационную работу в сербских частях, находившихся в армии Колчака, и среди белочехов. В Енисейском губернском комитете РКП(б) в Красноярске действовал югославянский отдел агитации и пропаганды. В Красноярске много югославян-коммунистов служило в 1-й Енисейской рабочей бригаде. В ней насчитывалось до 700 югославян [58]. В бригаде действовали две коммунистические ячейки [59]. Югославянская секция существовала при Томском губернском комитете РКП(б) [60] и при других губкомах Сибири. В югославянских коммунистических ячейках Сибири в 1920 г. состояло 162 коммуниста и 133 кандидата в члены партии [61]. Значительное число коммунистов-югославян было в омской партийной организации. Членом этой организации был Иосип Броз-Тито. В январе 1915 г. он попал в плен, долгое время находился в госпитале, затем работал на Урале. В июне 1917 г. Тито приехал в Петроград, участвовал в июльской демонстрации, за что был выслан в Сибирь [62].

---

[54] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 422, л. 1; оп. 1, д. 434, л. 71.
[55] Там же, оп. 1, д. 440, л. 64.
[56] Там же, л. 65.
[57] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 1 об., 3, 21; «Komuna» (Иркутск), 24.III 1920.
[58] Эта часть была создана на базе бывших югославянских формирований, входивших в вооруженные силы контрреволюции.
[59] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 442, л. 23 об.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 3; д. 490, л. 18.
[61] Там же, д. 484, л. 49.
[62] По сведениям представителя ЦЮБ в Сибири Д. Георгиевича, членом этой партийной организации в 1920 г. был Иосип Броз-Тито («Политика», 26.X 1957; «Правда», 2.VI 1956.

Важное значение для развертывания работы среди югославян в Сибири имело созванное Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б) совещание представителей югославянских коммунистических секций в Сибири, состоявшееся в Омске 11—12 июня 1920 г. На нем присутствовали представители омской, красноярской, ачинской, томской, семипалатинской, петропавловской югославянских коммунистических секций, 1-й Енисейской рабочей бригады, 3-го батальона обороны железных дорог и др.

В Туркестане югославянские коммунисты, как и другие коммунисты-иностранцы, объединялись в рамках Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Туркестана и отчасти в рамках КП Туркестана. Во второй половине 1919 г. после установления прочных связей туркестанских интернационалистов с Москвой и с ЦФИГ начался процесс перестройки Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Туркестана. В ходе этого процесса были созданы предпосылки для создания групп югославян-коммунистов. Последних в Ташкенте в 1919 г. насчитывалось 95 человек[63]. В июне 1920 г. число югославян-коммунистов, работавших под руководством Югославянского краевого бюро КП Туркестана, выросло до 153 человек. Бюро подчинялось отделу национальных меньшинств при ЦК КП Туркестана. 18—20 июня 1920 г. Югославянское краевое бюро провело 1-ю краевую конференцию. Оно издавало в Ташкенте газету «Црвени баряк» («Красное знамя»), которая выходила раз в две недели тиражом в 500 экземпляров. В редколлегию входили: Ф. Шай — от хорватов, Б. Ружич — от сербов и И. Вук — от словенцев (ответственный редактор). Газета издавалась с 1 мая по 20 ноября 1920 г.

Объем работы югославянских секций в Туркестане, как и во всей Советской России, в 1920 г. начал постепенно сужаться в связи с массовой эвакуацией бывших военнопленных на родину.

В октябре 1920 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция югославянских секций агитации и пропаганды. На конференции были представлены важнейшие югославянские секции, имевшиеся в то время в РСФСР, в частности, Московское областное бюро югославянской секции при губбюро РКП(б), Сиббюро, казанская секция, Краевое бюро югославянской секции при ЦК КП(б) Туркестана; кроме того, были делегаты от Красной Армии, от бюро ячейки партийной школы, от бюро ячейки курсов комсостава и от Наркомнаца[64]. На конференции были заслушаны и обсуждены доклады о работе ЦЮБ при ЦК РКП(б) и Югославянского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также доклады с мест. Конференция уделила большое внимание вопросу об организации возвращения югославян на родину. Секретарь

---

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 495, л. 28.
[64] Там же, д. 442, л. 3.

ЦЮБ Михаил Томац заявил, что югославяне «возвращаются на родину, если не с партбилетом в руках, то во всяком случае с искрой коммунистических идей в своем рабочем сердце»[65].

После конференции ЦЮБ продолжало вести пропагандистскую деятельность среди остававшихся еще в Советской России югославян. Вплоть до сентября 1921 г., когда ЦЮБ прекратило свое существование, оно занималось главным образом репатриацией югославян на родину[66]. Ему активно помогал Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов был образован 20 марта 1919 г. на собрании югославян, проживавших в Москве, и представителей с фронта. В сообщении, опубликованном в связи с этим в газете Югославянской коммунистической группы РКП(б), говорилось: «Совет взял в свои руки все дела, относящиеся к югославянам (сербам, хорватам и словенцам), проживающим в России. Совет получил признание Комиссариата иностранных дел Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»[67]. Югославянский Совет возглавлял исполнительный комитет (президиум), в который входили: председатель — серб Илия Милкич, секретарь — словенец Антон Добник, управляющий делами — хорват Иван Ольром, хорват Драгутин Видневич и серб Милан Глумац — члены исполкома.

Одной из основных задач Югославянского Совета была культурно-просветительная деятельность среди соотечественников и решение вопросов, связанных с эвакуацией на родину. Чтобы облегчить эвакуацию бывших военнопленных на родину, Югославянский Совет попытался установить связь с правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев. Но все попытки получить хотя бы самую минимальную помощь от правительства оказались безуспешными. Оно не только не заботилось о военнопленных, но и всячески старалось вообще не иметь никаких дел с «сыновьями Ленина», как оно называло революционно настроенных бывших военнопленных-югославян, находившихся в Советской России[68].

3 апреля 1919 г. на общем собрании югославян в Киеве был организован Югославянский Совет Украины. Однако центром работы на Украине вскоре стала Одесса, откуда отправлялись транспорты репатриированных на родину. Югославянский Совет в Одессе начал действовать в мае 1919 г. На совместном заседании Совета и Югославянской группы РКП(б) 5 мая был избран президиум Совета. Председателем его стал С. Ирич (Хлаватый)[69].

---

[65] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 442, л. 22.
[66] Там же, д. 2, л. 12; д. 1, л. 10.
[67] «Svjetska revolucija» (Moskva), 23.IV 1919.
[68] См. «Crveni barjak» (Taškent), 15.VIII 1920.
[69] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 24; д. 500, л. 35.

Ф. 28

Заявление

Мы, социалисты 1-го Югославянского полка, солдаты и офицеры, сим заявляем всем, если случайно будем вызываемы со стороны одних из союзных империалистов [illegible] против Российской Советской Республики и своих друзей большевиков, то в этом случае мы все сложим оружие и [illegible] в [illegible] Не одной пули против своих братьев, которые ведут свободу всему трудовому народу. У нас дома ведёт наш народ тоже социальную борьбу и только [illegible] наших братьев большевиков и [illegible].

Мы оставили в гор. Томске тов. полковника Смоляна, чтобы он отстаивал и объявлял советскую власть в нашем [illegible]. Да здравствует социальная свобода и братство всех народов!

20 ноября 1919
Томск

Социалисты 1-го Югославянского полка.

[illegible]

Воислав Смолян

Заявление социалистов 1-го югославянского полка. Томск, 1919 г.

В июне 1919 г. руководство Югославянского Совета, так же как и руководство Югославянской коммунистической группы РКП(б), переехало в Киев. Однако несколько позднее в связи с наступлением Деникина на Украине в августе 1919 г. Югославянский Совет снова перебазировался в Москву, где был образован Центральный югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов [70].

Несколько десятков тысяч югославян находилось в 1919 г. в Сибири в лагерях для военнопленных, а частично в составе сербских королевских войск, фактически являвшихся частью армии интервентов и белогвардейцев. ЦК Югославянской группы РКП(б) и Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов уделяли работе в их среде особое внимание. В Сибирь систематически посылались листовки и газеты, их перевозили специальные агитаторы. В конце 1919 г. для работы среди военнопленных в Сиббюро РКП(б) был послан представитель ЦЮБ и Югославянского Совета Д. Георгиевич. После освобождения Западной Сибири от Колчака здесь была создана югославянская коммунистическая группа и Совет.

В 1920 г. действовал и Югославянский Совет в Петрограде. Он занимался преимущественно эвакуацией югославянских граждан на родину и следил за тем, чтобы вместе с отъезжающими не выехали люди, совершившие преступления против Советской России [71].

3. Участие югославянских интернационалистов в гражданской войне

Когда над первым в мире социалистическим государством нависла смертельная опасность, югославянские коммунисты обратились к своим землякам с призывом вступать в Красную Армию. В воззвании окружной секции по формированию югославянских войск в Самаре, возглавлявшейся Э. Чоппом и С. Ратковым, говорилось: «Не простит нам история, если мы, югославянские рабочие, крестьяне и солдаты, в этот критический момент оставим наших русских товарищей одинокими в этой тяжелой борьбе с чужими и своими угнетателями». Воззвание указывало единственно правильный, понятный каждому честному человеку путь: «Долг наш идти вместе с российским пролетариатом на борьбу с кликой капиталистов и помещиков. Все мы должны, как один человек, вступить в ряды красных борцов против капиталистических и буржуазных банд» [72].

---

[70] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 443, л. 38 об.

[71] Партийный архив Ленинградского обкома КПСС (далее — ПАЛО), ф. 16, оп. 2, св. 1442, д. 12517, лл. 22, 108.

[72] «Солдат, рабочий и крестьянин» (Самара), 7.VII 1918.

Д. Сердич (сидит в центре) со своим штабом

В конце 1917—в январе 1918 г. на территории Советской России было создано около 20 довольно крупных югославянских отрядов Красной гвардии[73]. В эту пору наиболее значительным югославянским отрядом Красной гвардии был 1-й сербский советский революционный отряд, сформированный в Екатеринославе Д. Сердичем и Д. Георгиевичем. Начало деятельности отряда относится к ноябрю 1917 г. Отряд принял деятельное участие в начавшемся 26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.) вооруженном восстании против власти украинской Центральной рады, организованном большевиками. 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) в Екатеринославе была установлена Советская власть. К этому времени в 1-м сербском советском революционном отряде насчитывалось примерно 100 бойцов — сербов и хорватов, а также чехов и венгров[74]. В районе Екатеринослава отряд действовал около полутора месяцев. Позднее к нему присоединился отряд серба Димитриевича в составе 150 человек[75]. Вместе они отходили на восток после нашествия на Украину войск кайзеровской Германии.

---

[73] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 838, л. 13.
[74] Там же, д. 884, лл. 5, 25 об.; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 87, л. 21.
[75] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 5 об.

Как уже указывалось, на сторону Советской власти в дни январского восстания 1918 г. в Киеве перешел югославянский революционный батальон. После установления в Киеве Советской власти там началось формирование югославянского отряда Красной гвардии, возглавлял который Э. Чопп. Отряд нес патрульную и караульную службу. После Э. Чоппа командиром этого отряда стал Сава Лазич [76].

В начале февраля по решению ЮРС из остатков югославянского революционного батальона и рабочих дружин в Киеве было сформировано несколько боевых отрядов. Самым крупным из них командовали председатель ЦК ЮРС Максим Чанак и Никола Ковачевич. В отряд М. Чанака входил небольшой кавалерийский эскадрон. Сражаясь против врагов Советской власти, отряд вписал в историю гражданской войны на Украине немало ярких страниц. Он ушел из Киева в конце февраля 1918 г., перед захватом города германскими частями. Отряд принимал участие в боях за Знаменку, Одессу и другие города юга Украины. В Одессе отряд получил пополнение [77]. Некоторое время отряд сражался вместе с частями Красной Армии против контрреволюционных сил, выполняя приказы главкома Украины В. А. Антонова-Овсеенко. Позднее, в апреле 1918 г., отряд М. Чанака был послан вместе с другими войсками на защиту Екатеринослава. Здесь при обороне моста на Днепре, под напором превосходящих сил противника отряд понес тяжелые потери — 50 человек погибло, вместе с ними пал и М. Чанак [78].

В апреле 1918 г. в Самаре сформировался интернациональный отряд из чехов, словаков и сербов. Организаторами его были Ярослав Гашек и Эмиль Чопп [79]. Командиром самарского интернационального отряда и председателем местной Югославянской группы РКП(б) являлся Э. Чопп. Отряду пришлось вести борьбу с белочехами. После освобождения Красной Армией Самары здесь был сформирован интернациональный полк, командиром которого стал Э. Чопп [80]. По приказу командования полк подавлял восстание эсеров в Ставрополе и в Симбирской губернии.

Еще в конце 1917 г. под Пензой действовал отряд серба Гавриловича. Кроме сербов, в отряде насчитывалось около 30 венгров. В начале 1918 г. отряд совместно с другими советскими частями успешно подавлял кулацкое восстание в селе Басмачево [81]. В составе 4-й армии на Украине сражался еще один отряд

---

[76] Сава Лазич погиб в 1943 г. в борьбе против фашизма. «Зборник за друштвене науке». Нови Сад, 1959, № 22, стр. 127.

[77] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 394, л. 6.

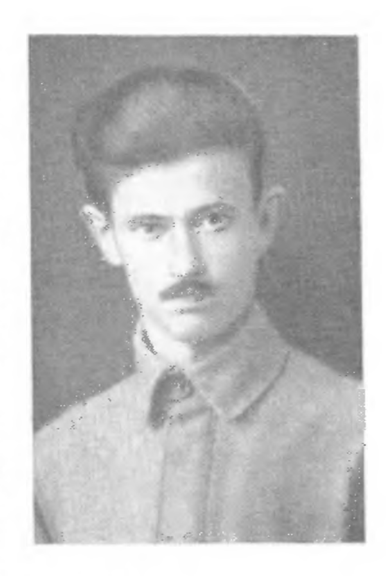
[78] «Всемирная революция», 6.IX 1918.

[79] «Волжский комсомолец», 13.VI 1959.

[80] Э. М. Чопп. Незабываемые дни. Рукопись, стр. 51; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 24.

[81] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 357, л. 8 об.

из югославян, насчитывавший до 600 человек; во главе его стоял талантливый военачальник, позднее командир интернациональной дивизии и начальник штаба 4-й армии, хорватский интернационалист Густав Барабаш [82]. В период Октябрьской революции, когда старая русская армия распалась, Барабаш возглавлял штаб частей Западного фронта. В ноябре 1917 г. под Ровно Г. Барабаш начал формировать красногвардейскую часть.

Э. Чопп

В начале 1918 г. была произведена реорганизация войск, действовавших на фронте от Бахмача до Черного моря, и создано пять армий [83]. В районе Бахмач—Конотоп развертывалась 5-я армия, в районе станций Гребенка—Лубны—Ромодан для прикрытия полтавского направления действовала 4-я армия. Ею командовал В. И. Киквидзе, а Барабаш был назначен начальником его штаба. В Бердичеве армия приняла первый бой с немцами. Во время этого и последующих боев часть югославян-интернационалистов погибла [84]. Югославяне участвовали в боях под Киевом, Гребенкой и Ровно. Самый жестокий бой отряду пришлось вести с бандами Петлюры под Шепетовкой. Здесь в составе 46-й дивизии 4-й армии в боях участвовала бригада, которой командовал югославянский интернационалист Николай Жупан [85].

Оказавшийся летом 1918 г. в Москве Г. Барабаш принимал участие вместе с отрядом югославян в подавлении эсеровского мятежа [86]. В декабре 1918 г. Г. Барабаш был назначен Ставкой Украинского фронта начальником штаба 2-й Украинской повстанческой дивизии. В дивизию входил большой югославянский отряд, который пополнился группами югославян, прибывших из Царицына. Эта дивизия освободила Полтаву. Вскоре она была переброшена под Кременчуг и участвовала во взятии города.

---

[82] Там же, д. 895, л. 24.

[83] Численность армий была невелика. Так, 5-я армия насчитывала всего 3 тыс. штыков, 4-я — 3200 («История гражданской войны», т. 3. М., 1957, стр. 135).

[84] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 396, л. 6.

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 5000, л. 15.

[86] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 891, л. 22.

Концентрация многих югославянских отрядов на Украине в составе частей Красной Армии в конце 1918—начале 1919 г. имела свой особый смысл. «Идеал, который жил в нас, — писал позднее Г. Барабаш, — заключался в том, что мы стремились пробиться на Балканы». В 1919 г. Г. Барабаш был назначен Советским правительством Украины командующим всеми добровольческими отрядами интернационалистов [87].

Параллельно с отрядами Г. Барабаша на Украине действовал с осени 1918 г. отряд Ф. Кумбатовича и Шпрайцера. Он был сформирован из кавалеристов, собранных в Башкирии. В период боев под Фастовом по приказу начальника штаба 4-й армии Барабаша отряд был включен в состав армии и по его заданию принимал участие в обороне Киева, в боях за Кременчуг, Полтаву, Лозовую и Харьков. Кроме того, отряд не раз посылали подавлять контрреволюционные бунты. В феврале 1918 г. был сформирован еще один отряд из югославян. Командиром его был Никола Груловић, а комиссаром — Сава Лазич. Штаб 4-й армии поручил отряду очистить от банд территорию вдоль железнодорожного пути Ромодан—Ромны—Бахмач—Конотоп. Отряд участвовал в многочисленных боях [88]. В Конотопе был сформирован из югославян конный эскадрон, который вел бои в районе Белой Церкви, а оттуда направился в Полтаву.

Личный состав первых югославянских отрядов Красной гвардии, а затем Красной Армии не раз обращался к своим землякам с призывом включиться в борьбу с силами контрреволюции. Показательна в этом отношении резолюция, единогласно принятая на общем собрании сербов-красноармейцев Саратова 18 августа 1918 г., т. е. вскоре после начала мятежа чехословацкого корпуса.

В мае 1918 г. в Самаре сконцентрировалось несколько югославянских частей. Одной из них был 1-й социалистический революционный югославянский отряд (100 человек) под командованием Владимира Радака. Отряд прибыл 19 мая из-под Екатеринослава. В составе сражавшихся под Царицыном частей Красной Армии находилось несколько югославянских отрядов. Самое крупное сосредоточение последних в 1918 г. было на линии Царицын—Черный Яр. Часть югославян специально перебросили на этот участок фронта по договоренности с руководством Югославянской коммунистической группы РКП(б) и командованием Красной Армии. Весной и летом 1918 г. в Царицыне находилось свыше 1 тыс. югославян, большинство которых уже прошли боевой путь в рядах Красной гвардии и Красной Армии [89]. Здесь, в Царицыне, были сосредоточены отряд Д. Сердича, прибывший из Екатеринослава, отряд Н. Груловича (свыше 100 человек)

---

[87] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 87, л. 17.
[88] «Narodna armija» (Beograd), 22.IV 1957.
[89] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 25.

и сербский батальон численностью в несколько сот человек, в котором насчитывалось много коммунистов [90].

1-й Сербский советский революционный отряд во главе с Д. Сердичем, объединился с другими сербскими отрядами. Кроме того, Д. Сердич получил еще пополнение — 100 добровольцев, прибывших из Саратова. Объединенный отряд — 1-й Сербский советский революционный батальон — участвовал совместно с другими частями Красной Армии во многих боях. Здесь же, на Царицынском участке, 1 марта командир батальона Д. Сердич был принят в члены Югославянской группы РКП(б) [91]. 23 мая батальон Д. Сердича был направлен на один из ответственных участков царицынской обороны. Проводы батальона на фронт происходили в торжественной обстановке. С речами выступили председатель Царицынского Совета Я. Ерман, от имени Югославянской коммунистической группы РКП(б) — Л. Вукичевич. Уже 24 мая батальон вступил в бой с белыми между станциями Иловля и Лог [92].

Среди сербов-красноармейцев было немало героев. В царицынской газете «Солдат революции» была напечатана корреспонденция «Смерть революционеров на посту». В ней говорилось, что 8 августа при отступлении от станции Лог красноармеец 1-го Сербского советского революционного батальона Жорж Гуцич, будучи ранен в ноги осколками снаряда и не желая сдаваться в плен врагу, взорвал под собой гранату и героически погиб [93].

Во время борьбы с белочехами сербский отряд, входивший в 4-ю армию, принимал участие в сражениях за Самару [94]. Когда Самара была освобождена, там сразу же началось формирование интернационального полка.

В боях за Самару сербская рота под командованием М. Келячки сражалась в рядах дивизии В. И. Чапаева. По приказу последнего сербская рота первой вошла по понтонному мосту в Самару. Здесь в героических схватках с врагом погибли лучшие пулеметчики сербского отряда: Пиварский, Семич, Станевич и др. В последующих боях сербская рота снова отличилась и была отмечена в печати [95].

Успешное участие югославянских отрядов в борьбе с белогвардейцами побудило ЦК Югославянской коммунистической группы РКП(б) сформировать специальную югославянскую часть, которая должна была стать костяком всех югославянских

---

[90] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, лл. 26, 28 об., 44—45.
[91] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 503, лл. 23, 35; ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 38, л. 20.
[92] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, лл. 27, 47.
[93] «Солдат революции» (Царицын), 17.X 1918.
[94] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 894, л. 5.
[95] «Komuna» (Petrograd), 14.XI 1918; «Политика», 13.X 1957.

военных отрядов Красной Армии[96]. Имелось в виду создание 1-го югославянского коммунистического полка. «Этот полк должен явиться, — говорилось в обращении ЦК Югославянской группы РКП(б), — центром всех наших военных сил в Советской России» [97]. Югославяне-красноармейцы из всех пунктов направлялись в эту вновь организуемую часть. Отряды Сердича, Груловича и Лазича вошли в состав 1-го Югославянского коммунистического полка, который насчитывал около 1,5 тыс. бойцов и командиров[98]. Полк имел в своем составе кавалерийский дивизион. Командиром полка был Д. Сердич, комиссаром — Н. Грулович. Полк действовал в составе 10-й армии, штаб которой находился в Царицыне.

Осенью полк выступил из Черного Яра и прибыл в Сарепту в распоряжение командующего обороной. По дороге, в районе Солодников и Райгорода, полку пришлось выдержать бой с белогвардейской конницей, прорвавшейся со стороны Малодербетовского улуса. Здесь же полк принимал участие в боях против белых карательных отрядов[99]. Во всех этих сражениях и в последующих боях в районе Сарепты бойцы 1-го Югославянского коммунистического полка проявили боевую стойкость. За проявленный героизм Д. Сердич представил к награде начальника пулеметной команды Д. Георгиевича, который при наступлении белых «...сам сел за один из пулеметов (когда вся прислуга этого пулемета была убита), отбивал атаки белых, наступающих со стороны Дабового оврага и Чепурникова. Когда все войска отошли от Сарепты, тов. Георгиевич с командой в четыре пулемета прикрывал эвакуацию эшелонов с боеприпасами и продовольствием, чуть сам не попал в плен, все же дал возможность эвакуировать наши запасы со станции Сарепта» [100].

1-й Югославянский коммунистический полк, однако, как самостоятельная войсковая единица действовал довольно непродолжительное время. В ноябре 1918 г. командование армии решило все кавалерийские отряды влить в 3-й Крымский кавалерийский полк. Пехотные подразделения 1-го Югославянского коммунистического полка предполагалось перебросить в Астрахань, где в составе войск 11-й армии под общим руководством С. М. Кирова уже действовал югославянский батальон Лазаря Ранковича. Однако пехотинцы 1-го Югославянского коммунистического полка были влиты в стрелковую бригаду 37-й дивизии. Из состава бывшего 1-го Югославянского коммунистического полка в марте 1919 г. в Черном Яре оставался только один отряд[101]. Но и его бойцы скоро были включены в другие части Красной Армии.

---

[96] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 32.
[97] Там же, д. 415, л. 15.
[98] Там же, д. 432, л. 38 об.
[99] Там же, д. 418, л. 55.
[100] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 87, л. 16.
[101] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, лл. 9, 32; ф. 31/4, оп. 2, д. 28, л. 62.

После расформирования 1-го Югославянского коммунистического полка отряды югославян (сербов, хорватов, словенцев и др.) продолжали возникать во многих местах Советской России, но мысль об организации специальной крупной югославянской воинской части была оставлена. В значительной мере это объяснялось тем, что в течение 1918—1919 гг. продолжалось массовое возвращение бывших военнопленных на родину.

Б. Агатонович

Д. Сердич позднее был назначен командиром 3-го Крымского кавалерийского полка. Полк входил в кавалерийскую бригаду, командиром которой был Думенко, а его заместителем — С. М. Буденный. Под командованием Д. Сердича полк участвовал бок о бок с другими частями Красной Армии во многих славных боях. За героизм, проявленный на царицынском участке фронта, Д. Сердич получил серебряный портсигар от председателя Реввоенсовета Республики [102]. Затем Д. Сердич отважно сражался в составе 14-й армии под Киевом (в Броварах он был ранен), близ Дарницы, под Черкассами, Черниговом и Кременчугом. В сентябре 1919 г. Д. Сердич был послан в Москву на учебу в академию Генерального штаба.

В боях под Царицыном отличился югославянский интернационалист Боривое Агатонович. Семнадцатилетним юношей он в 1913 г. вступил в Сербскую социал-демократическую партию в городе Крагуевац [103]. В 1915 г. Б. Агатонович эвакуировался вместе с сербской армией в Албанию, однако в 1916 г. вернулся в Сербию, а после вступления Румынии в войну бежал в Россию. В Одессе он определился в Югославянский добровольческий корпус. В период октябрьских событий Агатонович вступил в 1-й Одесский советский полк. Направленный вскоре в Крым, он стал инструктором штаба Красной армии Крымского полуострова, затем был избран начальником штаба отряда черноморских матросов. В сентябре 1918 г. Б. Агатонович оказался в Царицыне. В ноябре 1918 г. на царицынском участке фронта Б. Агатонович командовал 2-й Сводной казачьей стрелковой бри-

---

[102] ЦГАСА, Личное дело № 168015, л. 581 об.
[103] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 535, л. 1.

гадой 1-й Коммунистической дивизии, входившей в 10-ю армию [104]. Под его руководством весной 1919 г. в составе 3-й Украинской советской армии был сформирован интернациональный полк особого назначения из венгров, немцев, турок, югославян. В мае 1919 г. Агатонович был назначен командующим центральным участком Царицынского фронта. Командир Морозовско-Донецкой дивизии И. М. Мухоперец в своих воспоминаниях посвятил Агатоновичу немало теплых строк, говоря о нем как о замечательном командире и человеке «редкой души, беззаветной храбрости...» [105] Приказом Реввоенсовета Республики от 17 ноября 1919 г. за № 309 Агатонович был награжден орденом Красного Знамени за блестящее выполнение возложенной на него боевой задачи по овладению сильно укрепленной неприятельской позицией и личное руководство операцией [106]. Б. Агатонович первым среди интернационалистов-югославян был удостоен высшей награды Советской республики.

В декабре 1919 г. на Южном фронте Б. Агатонович командовал 1-й бригадой 9-й стрелковой дивизии, входившей в состав 1-й Конной армии.

В легендарной 1-й Конной армии, помимо Б. Агатоновича, бились с врагами Советской власти и многие другие югославяне. Навеки вписано в историю славное имя одного из героев гражданской войны — серба Олеко Дундича. Подвиги Олеко Дундича были отмечены боевой наградой Советской республики. В приказе Реввоенсовета от 28 февраля 1920 г. о награждении О. Дундича орденом Красного Знамени отмечалось, что он непрерывно участвовал в боях и, несмотря на неоднократные ранения, «...своим примером постоянно воодушевлял красноармейцев, являя собою образец идейного борца за интересы Революции...» [106а]

На крымском направлении против врангелевцев в октябре—ноябре 1920 г. в боях за Чонгар отличилась 6-я дивизия 1-й Конной армии, в которой бригадой в то время командовал Д. Сердич. За героизм и отвагу Д. Сердич был награжден высшей военной наградой Советской республики — орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики № 127 от 18 мая 1922 г. отмечалось, что награждается «командир 2-й бригады Чонгарской кавалерийской дивизии т. Сердич Даниил Федорович за то, что в бою с войсками Врангеля 28 октября 1920 г. под Агайманом он, будучи окружен со своей бригадой значительно превосходившими его силами противника, с боем вывел бригаду из опасности, нанеся врагу серьезное поражение.

---

[104] ЦГАСА, ф. 1549, оп. 1, д. 7, л. 110.
[105] И. М. Мухоперец. Годы грозовые. М., 1958, стр. 174—179.
[106] ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 91, л. 477.
[106а] Там же, ф. 245, оп. 1, д. 16, л. 7.

О. Дундич. 1920 г.

Проявляя исключительную отвагу и самоотверженность, тов. Сердич воодушевил тем бойцов бригады и на следующий день энергичной атакой разбил противника и взял Агайман»[107].

Немало югославянских интернационалистов сражалось за победу Советской власти и на севере России, и в Средней Азии, и в Сибири. В Якутии на Ленских приисках боролся с врагами революции серб Андрей Стоянович. Ранее Стоянович был преподавателем гимназии в Скопле, в 1916 г. служил в югославянском добровольческом корпусе в чине капитана, а потом за свои политические убеждения был передан русским военным властям для высылки в Сибирь. В Сибири Стоянович работал учителем в Бодайбо. После Февральской революции он выступил в газете

[107] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 98, л. 167 об.; С. М. Буденный. Пройденный путь. М., 1958, стр. 104.

«Ленская тайга» со статьей, в которой высказывался за поддержку Советов. Как вспоминает первый председатель Бодайбинского Совета рабочих и крестьянских депутатов Петр Аладын, Стоянович явился в Совет и заявил, что желает всеми силами помогать большевикам. Сначала Стоянович выполнял поручения Совета, а затем был избран в его состав. Он продолжал сотрудничать в газете «Ленская тайга», выступал на митингах с докладами. 5 апреля 1918 г. постановлением исполкома Совета Приискового района и города Бодайбо была создана военная коллегия для организации частей Красной Армии на территории Ленско-Витимского горного округа; в состав коллегии вошел и А. Стоянович [108]. Весной 1918 г. в Якутии белогвардейцы перешли в наступление. В результате контрреволюционного мятежа Якутск оказался в руках белых. Когда на помощь Якутску в начале мая пришел отряд Красной Армии под командованием польского интернационалиста А. Рыдзинского, в него влился в селе Витим бодайбинский рабочий отряд под командованием А. Стояновича [109]. Эти отряды совместными усилиями 1 июля 1918 г. восстановили в Якутске Советскую власть, просуществовавшую, однако, лишь 34 дня. В 1920 г. А. Стояновичу пришлось сражаться с японскими интервентами. В этих боях он трагически погиб, переправляясь на плоту через Зею во время бури [110]. В память об А. Стояновиче центральная улица Бодайбо и крупный судостроительный завод на Лене носят имя отважного сербского интернационалиста.

В Иркутске в начале 1920 г. был сформирован интернациональный рабочий отряд, который влился в 1-й Интернациональный полк. Командиром полка, в состав которого входили русские, югославянские, румынские, китайские, корейские и другие бойцы, был избран организатор югославянского отряда коммунист Вилько Марион.

В Красной Армии сражались и женщины-югославянки. Нельзя не назвать медицинскую сестру Елизавету Беркович (Перкович). Хорватка из Боснии, она героически сражалась за дело революции на фронтах гражданской войны.

На севере России и в Сибири в составе белых частей имелись отдельные югославянские отряды и подразделения. Английские интервенты сформировали Славяно-британский батальон в Мурманске. В листовках и через газету «Всемирная революция» Югославянская коммунистическая группа РКП(б) не раз обра-

---

[108] «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии». Иркутск, 1957, стр. 309; Государственный областной исторический архив, г. Иркутск, д. 2986; И. Рыбакова. Комиссар Ленского округа. — «Славяне», 1958, № 3; «Ленская правда», 15.IX 1961.

[109] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 661, л. 6.

[110] «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», стр. 288; И. Рыбакова. Указ. соч., стр. 28.

SVJETSKA REVOLUCIJA
Jakov Mihajlović Sverdlov
ZEMLJA i VOLJA
ZEMLJA i SLOBODA
CRVENI BARJAK
REVOLUCIJA
CRVENI BARJAK
SVJETSKA REVOLUCIJA

Югославянские газеты, выходившие в России

щалась к «заблуждавшимся рабочим и крестьянам, сербским солдатам в России» [111], призывая их бросить оружие, прекратить борьбу против своих братьев — русских рабочих и крестьян. Партийная группа посылала в лагеря и в войска интервентов лучших агитаторов и лекторов. В Мурманске героически погибли агитаторы Сава Никитич, Андрей Андреевич [112], а Стане Лапайне и другие были арестованы.

---

[111] «Всемирная революция», 28.XI 1918.
[112] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 14 об.

В Сибири наблюдались случаи массового перехода югославян, вовлеченных в контрреволюционные формирования, на сторону Красной Армии. После того, как в ноябре 1919 г. 1-й Югославянский полк получил приказ о передислокации из Томска в Нижнеудинск, революционно настроенная группа (П. Грегорич, И. Демарий, В. Смолян и др.) выступила с заявлением, что не будет воевать против Советской власти: «...ни одной пули против своих братьев...», — говорилось в заявлении этой группы. Когда в январе 1920 г. к Нижнеудинску подошли части Красной Армии, группа солдат и офицеров полка им. Матии Губеца связалась с местным ревкомом и комитетом РКП(б) в целях организации добровольного перехода полка на сторону большевиков. В результате тщательной подготовки два батальона полка перешли на сторону Красной Армии [113]. Сразу же после перехода этих батальонов началось формирование 1-го Югославянского советского батальона. В дальнейшем 1-й Югославянский советский батальон был реорганизован в 3-й железнодорожный батальон и квартировал в Ачинске. Командиром батальона являлся бывший офицер сербского добровольческого корпуса, а затем офицер полка им. Матии Губеца коммунист Роберт Валгоны [114].

В Средней Азии в организованный еще в 1918 г. 1-й Туркестанский интернациональный стрелковый полк входила рота, состоящая главным образом из словенцев. Военно-политическим комиссаром 3-й боевой группы войск Андижано-Ошского района в Туркестане во время борьбы против шаек басмачей в ноябре 1919 г. был серб Я. Цвейч. В начале 1920 г. он же являлся начальником политотдела 1-й Ферганской отдельной кавалерийской бригады. В местных отрядах Красной Армии в Туркестане сражались вместе со многими иностранными военнопленными и югославяне [115].

Югославяне — бойцы и командиры Красной Армии — показали яркие примеры пролетарского интернационализма, борясь в рядах армии победоносной социалистической революции.

---

[113] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 512, л. 40; д. 438, л. 19.

[114] Там же, д. 463, л. 6 об.; д. 492, лл. 38—39.

[115] А. М. Матвеев. Иностранные интернационалисты на фронтах гражданской войны в Средней Азии (1918—1920 гг.). — «Новая и новейшая история», 1961, № 4.

Г Л А В А **10**

РУМЫНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

1. Октябрь и румынские трудящиеся в Советской России (ноябрь 1917—март 1918 г.)

Румынские трудящиеся, находившиеся в России, с радостью встретили Декрет о мире и первые мероприятия Советской власти, направленные на заключение мира. «Приветствуем шаг Совета Народных Комиссаров, который обращается к войскам и народам для заключения долгожданного мира, — гласила резолюция, принятая 12 (25) ноября 1917 г. на собрании одесской секции румынских левых социал-демократов, — только империалисты и капиталисты хотят продолжения войны. Румынский народ хочет мира» [1]. Стремление к миру румынские трудящиеся демонстрировали на многолюдных собраниях и манифестациях, имевших место в ряде городов юга России в ноябре 1917 г.

16 (29) ноября 1917 г. выходившая в Одессе румынская интернационалистская газета «Лупта» («Борьба») опубликовала Декрет о мире и специальное воззвание Румынского социал-демократического комитета действия «Ко всему румынскому народу». В воззвании говорилось о всемирно-историческом значении Декрета о мире и начатых мирных переговорах. Этот номер газеты вышел тиражом в 10 тыс. экземпляров.

В конце декабря 1917 г. Румынский социал-демократический комитет действия обратился к Советскому правительству со специальным посланием, которое 6 (19) января 1918 г. было опубликовано в «Правде» под названием «Обращение румынских социалистов к русской революции». В этом документе румынские революционеры еще раз горячо приветствовали победу Октябрьской

---

[1] «Lupta», 15 (28).XI 1917.

революции, а также сообщали о проделанной ими работе и излагали свои планы на будущее. В послании говорилось: «...В настоящее время русская революция держит в своих руках знамя социализма, и она стала опорой и надеждой пролетариата соседних стран, а следовательно, и румынского пролетариата»[2]. Послание это было, по-видимому, передано М. Бужором, который приехал в конце декабря в Петроград и встретился с В. И. Лениным.

Михай Бужор был видным деятелем левого крыла румынского рабочего и социалистического движения, одним из редакторов газеты «Ромыниа мунчитоаре» («Рабочая Румыния»), членом исполкома Румынской социал-демократической партии в момент ее воссоздания в 1910 г. В начале 1917 г. за антивоенную деятельность Бужор был арестован. Весной 1917 г., после освобождения, он выехал в Россию и жил в Одессе, где стал одним из руководителей Румынского социал-демократического комитета действия и секции левых румынских социал-демократов Одессы. Как делегат от этих организаций, в декабре 1917 г. он и отправился в Петроград к В. И. Ленину.

Помимо обращения к русским товарищам комитет действия выпустил ряд воззваний, в которых в доступной румынским трудящимся форме излагались декреты и другие основные документы, принятые Советским правительством, раскрывалась природа Советской власти. «В каждом городе и селе рабочие и крестьяне России управляют сами, через свои Советы, — читаем в одном из воззваний... — Россией управляет правительство рабочих и крестьян»[3]. Воззвание, раскрывая суть ленинского Декрета о земле, указывало: «Земля, которая до сих пор находилась в руках клики помещиков и богатеев, передана на пользование народу, который ее обрабатывает»[4].

Ведя большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди румынских трудящихся, находящихся на юге России, комитет действия поддерживал тесную связь с возникавшими в Румынии революционными группами. Значительную часть издаваемой литературы румынские революционеры направляли на родину. Опираясь на помощь большевиков и революционно настроенных солдат русских армий Румынского фронта, разъездные агенты комитета действия переправлялись через Прут и успешно распространяли литературу среди рабочих и крестьян, а также в армии и на флоте королевской Румынии. Некоторые курьеры проникали с революционной литературой и в оккупированную немецкими войсками часть страны. Многочис-

---

[2] «Правда», 6 (19).I 1918.

[3] P. Constantinescu-Iaşi. Influenţa Marii Revoluţii socialiste din Octombrie asupra miscării revoluţionare din Romînia. Bucureşti, 1957, p. 18.

[4] Там же.

ленные рапорты сигуранцы, а также командиров румынских воинских частей свидетельствовали о широком распространении газеты «Лупта», революционных листовок и другой литературы на румынской территории. В донесениях подчеркивалось, что революционная пропаганда Комитета действия влияет на население и солдат [5].

А. Николау

После победы Октябрьской революции число революционно настроенных румынских рабочих и военнослужащих на юге России возрастало. С помощью русских революционеров на территорию Советской России систематически переправлялись румынские солдаты-дезертиры, а также молодые рабочие и крестьяне, не желавшие сражаться за интересы румынской олигархии и избегавшие мобилизации в королевскую армию.

В конце 1917 г. деятельность одесской секции румынских левых социал-демократов заметно активизировалась: она регулярно проводила публичные лекции, организовывала собрания и митинги. Эти мероприятия обычно проводились в помещении одесской большевистской организации на улице Кондратенко [6].

На юге страны возникали и новые румынские революционные организации. В конце 1917 г. сложились румынские социал-демократические секции в Новой Килии, Кишиневе, Тирасполе. Они имели своих представителей в Румынском социал-демократическом комитете действия в Одессе; последний стоял во главе революционной борьбы румынских трудящихся в России и был тесно связан с рабоче-крестьянским движением в запрутской Молдове.

На румынских предприятиях, эвакуированных в Одессу, Херсон и Николаев, рабочие прогнали старую администрацию и избрали фабрично-заводские комитеты. Для охраны предприятий и соблюдения на них революционного порядка румынские рабочие организовали боевые дружины [7]. Часть средств, которые поступали от реализации продукции, выпускаемой предприятиями, шла на из-

---

[5] «Contribuţii la studiul influenţii Marii Revoluţii socialiste din Octombrie în Romînia». Bucureşti, 1957, p. 61.

[6] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 140, л. 2.

[7] «Amintiri despre Marele Octombrie». Bucureşti, 1957, p. 53.

дание газеты «Лупта», революционную пропаганду и организацию боевых рабочих дружин и отрядов.

Румынский социал-демократический комитет действия работал в тесном содружестве с большевистским Румчеродом[8], оказывавшим румынским революционерам политическую и материальную поддержку. В декабре 1917 г. на II съезде Румчерода участвовала группа видных румынских левых социал-демократов, действовавших в Одессе. В своих выступлениях они подчеркивали значение Великого Октября, с воодушевлением говорили, что социалистическая революция в России положила начало освобождению трудящихся всего мира (в том числе и трудящихся Румынии) от капиталистического рабства, а Советская Россия является оплотом и подлинным отечеством международного пролетариата. «Знайте, товарищи, что Румыния смотрит на русскую революцию как на свою избавительницу... Да здравствует русская революция! Да здравствует Интернационал!» — заявил на съезде 12 (25) декабря 1917 г. А. Николау[9]. Активный деятель румынской социал-демократии, он, еще будучи студентом Бухарестского университета, опубликовал в 1910—1912 гг. ряд антивоенных статей и дважды привлекался к суду. В дальнейшем Николау жил во Франции, учился в Сорбонне и сотрудничал с французскими социалистами. В июне 1917 г. Николау приехал в революционную Россию и сразу же стал играть видную роль в румынских социал-демократических организациях Одессы.

Румынские революционеры внимательно следили за происками контрреволюции на Румынском фронте и в Молдове. На состоявшемся 17 (30) декабря 1917 г. общем собрании румынских рабочих и солдат Одессы была принята резолюция протеста против действий румынского королевского правительства, которое, как отмечалось, «...изменнически нападает на русские революционные войска на румынской территории и интригует против правительства Советов»[10]. В связи с тем, что действия румынской олигархии по отношению к русским революционным солдатам Румынского фронта становились все наглее, чрезвычайное собрание представителей румынских трудящихся, которое состоялось 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) в клубе одесской Красной гвардии, гневно осудило совершаемые преступления и заявило, что румынский пролетариат «отомстит олигархии за убитых русских революционеров, поднявших голос в защиту измученных рабочих, солдат и крестьян Румынии»[11].

---

[8] Румчерод — ЦИК Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области.

[9] «Борьба за власть Советов в Молдавии». Кишинев, 1957, стр. 207—208.

[10] Партийный архив Одесского обкома КП Украины (далее — ПАОд. О), ф. 2, оп. 3, д. 41, л. 187.

[11] «Lupta», 26.XII 1917 (8.I 1918).

В январе 1918 г. в «Правде» была опубликована резолюция Румынского социал-демократического комитета действия, принятая в связи с вероломными действиями буржуазно-помещичьего правительства Румынии по отношению к Советской России. Резолюция отмечала, что румынская олигархия, используя помощь американских и англо-французских империалистов и находясь в тесном контакте с русской, украинской и молдавской контрреволюцией, преследует сейчас одну цель: задушить пролетарскую революцию в России. Ярким подтверждением этому, отмечалось далее в резолюции, является расстрел русских революционных солдат в Румынии и захват ряда местностей Бессарабии. Разоблачив преступные замыслы румынских бояр и капиталистов, румынские революционеры призвали всех трудящихся, честное и сознательное население Румынии восстать и свергнуть правительство олигархии — этот источник гибели страны [12].

И. Дическу-Дик

28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) в Одессе на собрании представителей румынских социал-демократических организаций был создан Румынский военно-революционный комитет. В его состав вошли М. Бужор, А. Николау, И. Дическу-Дик, А. Залик, В. Попович, Х. Раковский, Г. Стройчиу и др.[13] Секретарем ревкома был избран И. Дическу-Дик. Военнослужащий румынской армии, спасаясь от преследований сигуранцы, Дическу-Дик в начале 1917 г. эмигрировал в Россию. В апреле 1917 г. в Петрограде он вступил в РСДРП(б), сотрудничал в «Правде», принимал участие в октябрьских событиях в Петрограде, в ноябре—декабре 1917 г. работал в НКИД, а затем уехал в Одессу.

Румынский ревком установил тесную связь с Румчеродом. Один из членов ревкома был введен с правом решающего голоса в состав большевистского Румчерода. В свою очередь представитель Румчерода вошел в состав румынского ревкома [14]. Румчерод

---

[12] «Правда», 10 (23).I 1918.

[13] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 128, л. 5; M. Bujor. In Sprijinul Revoluţiei.— «Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga CC al PMR», 1957, № 3, p. 56—71. Некоторые деятели секции румынских социал-демократов Одессы (Мушетеску и др.), настроенные реформистски, выступили против создания военно-революционного комитета и отошли от организации.

[14] ЦГАОР СССР, ф. 412, оп. 1, д. 31, л. 15.

оказывал румынским революционерам и посильную материальную помощь [15]. Румынский ревком поддерживал также тесную связь с революционным движением в Румынии. Он направлял в Молдову, Мунтению и Добруджу пропагандистов. Эти люди вели агитационно-пропагандистскую работу среди трудящихся Румынии [16].

Спустя несколько дней после образования Румынского ревкома в Одессе сформировалась группа румынских коммунистов — одна из первых румынских коммунистических организаций [17]. С первых же дней существования Румынской коммунистической группы ей оказывали помощь местные большевистские организации. Большевистский Румчерод выделил группе помещение и принял решение о предоставлении ей типографии. Создание Румынской коммунистической группы на юге Советского государства, так же как и Румынского ревкома, имело важное значение в привлечении революционных сил румынских трудящихся на защиту власти Советов.

9 (22) января 1918 г. в Одессе по инициативе Румынского военно-революционного комитета была проведена демонстрация протеста румынских трудящихся против вооруженной интервенции в Бессарабии, начатой королевским правительством Румынии в конце 1917 г. В демонстрации участвовало несколько тысяч человек [18]. В статье «Исторический день», посвященной этой демонстрации, «Лупта» писала: «В день, когда землю Бессарабии стали топтать захватнические войска олигархии, румынские рабочие, крестьяне и солдаты, проживающие в Одессе, организовали демонстрации на улицах этого большого черноморского города и обратились в русские революционные организации за оружием, чтобы выйти на борьбу против правительства, которое погубило страну, трусливо обратило оружие против русской революции» [19]. На другой день после демонстрации та же газета вышла под заголовком «Час нашей революции пробил!» Выражая мысли и чувства румынских трудящихся, «Лупта» писала, что братская кровь, пролитая по вине румынской олигархии на полях Бессарабии, требует возмездия. Опубликованное в газете воззвание румынских революционеров заканчивалось призывом: «К оружию, товарищи и граждане! Образуем революционную румынскую армию для защиты Русской революции, земли Бессарабской республики и свержения прогнившего режима преступной олигархии! Да здравствует революция! Да здравствует республика!» [20]

---

[15] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 1, л. 2.
[16] Там же.
[17] «Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 9 (22).I 1918.
[18] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 55.
[19] «Lupta», 13 (26).I 1918.
[20] «Lupta», 10 (23).I 1918.

Румынский революционный батальон. Одесса, февраль 1918 г.

Румынский ревком совместно с Румынским социал-демократическим комитетом действия повели энергичную работу по формированию добровольческих частей из находившихся в Одессе и Бессарабии румынских рабочих, солдат и моряков. 12 (25) января они выпустили специальное обращение к румынским солдатам, рабочим и крестьянам, в котором протестовали против начавшейся интервенции румынских королевских войск в Бессарабии и призывали вступать в ряды румынского революционного батальона [21]. Начиная с середины января 1918 г. в «Лупте» и одесских большевистских газетах систематически печатались объявления о записи добровольцев в 1-й румынский пехотный революционный батальон. Одновременно началась запись моряков в румынский морской батальон.

В это время пролетариат Одессы и революционные моряки Черноморского флота вели ожесточенные уличные бои против войск Центральной рады. Несколько подразделений из румынских революционных отрядов, которые к этому времени были уже укомплектованы, приняли участие в боях против гайдамаков и отрядов юнкеров в январе 1918 г. в составе Красной гвардии.

---

[21] «Documente din istoria partidului Comunist din Romînia. 1917—1922», vol. I. Bucureşti, 1956, p. 35—37.

В ответ на интервенцию, начатую буржуазно-помещичьим правительством Румынии против Советской России, и на преследование румынских революционеров и русских революционных солдат в Румынии, Румынский ревком арестовал как заложников румынских сенаторов и других парламентариев, высших офицеров и чиновников, находившихся в Одессе и других городах России. Румынский ревком обратился также в ЦИК Румчерода с предложением немедленно секвестровать интендантские склады румынской королевской армии, которые находились в Одессе, Херсоне, Тирасполе, Раздельной, Николаеве и Севастополе. ЦИК Румчерода удовлетворил эту просьбу. За счет конфискованного имущества румынской королевской армии было обеспечено снабжение оружием, боеприпасами и обмундированием формировавшихся румынских революционных батальонов[22].

В конце января 1918 г. по инициативе румынского ревкома в Одессе завершилось формирование двух румынских революционных батальонов— пехотного и морского. Началось формирование третьего батальона. В сухопутный батальон записалось 1085 человек[23]. Кроме румын, которые составляли большинство бойцов батальона, в его состав входило также 142 еврея, 3 итальянца, 2 немца, 1 турок и 2 грека[24]. Командиром батальона был назначен румынский революционер Василе Попович, его заместителями — Т. Диамандеску, М. Буюмович и Удря; командиром 1-й роты являлся Михаил Бузинов. Другими подразделениями батальона командовали Ион Мунтяну, Гейнц-Коган, Ион Сечану, Жак Маринеску и др. Румынскому сухопутному революционному батальону было присвоено имя Карла Либкнехта[25].

Из румынских моряков, находившихся в Одессе, был создан морской батальон, командиром которого стал портовый рабочий из Галаца, один из организаторов профсоюза портовиков Румынии в довоенные годы, Георге Стройчиу. Попав, как и многие другие румынские рабочие и моряки, в 1916 г. в Россию, Стройчиу стал организатором в 1917 г. секции румынских социал-демократов в Новой Килии, а затем членом румынского ревкома в Одессе[26]. Боевым штабом морского батальона стало румынское революционное судно «Дуростор»[27]. Вскоре в морской батальон влились румынские революционные отряды, созданные ранее на юге Бессарабии. Численность батальона достигала 800 человек[28].

---

[22] ЦГАОР СССР, ф. 412, оп. 1, д. 110, л. 11.
[23] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 143, л. 20.
[24] Там же.
[25] «Голос трудового крестьянства», 21.III 1918.
[26] «Analele...», 1957, № 5, p. 195—197.
[27] М. Роллер. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917— начале 1918 г. — «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 103.
[28] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 81; М. Роллер. Указ. соч., стр. 102.

Боевую подготовку румынские революционные батальоны проходили совместно с частями одесской Красной гвардии.

В январе—марте 1918 г. созданные в Бессарабии и Одессе красногвардейские части вели упорные бои с румынскими королевскими войсками. В боях за освобождение города Бендеры 5 февраля 1918 г. вместе с отрядами Красной гвардии и черноморскими моряками участвовали бойцы румынских революционных батальонов. Румынские революционеры рассматривали участие румынских добровольцев в боях под Бендерами против войск румынской олигархии как «боевое крещение румынского пролетариата»[29].

В феврале 1918 г. под Вилковом плечом к плечу с красногвардейцами, матросами Дунайской флотилии и вилковскими рыбаками сражались подразделения румынского морского революционного батальона[30]. В начале марта 1918 г. воины румынских революционных отрядов оказали содействие красногвардейским частям, сдерживавшим наступление войск австро-германских империалистов на Одессу. Они участвовали в боях под Слободкой, Бирзулой, Раздельной и в других местах[31].

Идеи Октябрьской революции, большевистская пропаганда проникали и в среду румын-военнопленных (бывших солдат австро-венгерской армии).

Революционно настроенные военнопленные-румыны приняли участие в создании ряда комитетов и групп военнопленных, возникавших после Октябрьского переворота в некоторых городах и в лагерях военнопленных. В руководстве созданного в декабре 1917 г. Комитета военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа активную роль играл представитель румын М. Гуйю[32]. В возникшей в начале 1918 г. Омской организации интернациональной социал-демократической рабочей партии одной из шести секций была румынская секция[33].

Революционное брожение охватило и часть солдат румынского легиона, формировавшегося в 1916—1917 гг. при поддержке царского, а затем Временного правительства офицерами румынской королевской армии из румын-военнопленных; центр легиона находился в Киеве. Революционные события в России, а затем освобождение Киева советскими войсками в январе 1918 г. от Центральной рады привели к тому, что румынский добровольческий легион фактически перестал существовать как единое целое. Одни подразделения легионеров в организованном порядке вы-

---

29 «Lupta», 28.I (10.II) 1918.

30 ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 142, л. 21.

31 Там же, д. 137, лл. 13—17.

32 К. Арношт. Повернувшие штыки. М., 1927, стр. 11; «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 16; «Интернационалисты в борьбе за власть Советов». М., 1965, стр. 68.

33 «Интернационалисты в борьбе за власть Советов», стр. 68.

ехали в Румынию, другие задержались в Одессе или проследовали вместе с чехословацкими легионерами в Самару и далее на восток, в Сибирь. Командовавшие ими националистически настроенные румынские офицеры сумели втянуть отдельные подразделения румынских легионеров в борьбу против Советской власти.

2. Возникновение и деятельность Румынской коммунистической группы — секции ЦФИГ

Группа румынских коммунистов, возникшая в январе 1918 г. в Одессе, 13 марта 1918 г. в связи с австро-германской оккупацией Одессы на время прекратила свою деятельность. Значительная часть ее членов отступила вместе с бойцами румынских революционных отрядов в Крым и оттуда: одни — на Украину, другие — на Кубань и далее — в Самару или в Астрахань; некоторые остались для подпольной работы в Одессе.

Более продолжительное время действовала Румынская коммунистическая группа в Москве. Одной из первоначальных ячеек этой группы была возникшая в марте—апреле 1918 г. Румынская революционная крестьянская партия. Инициаторами создания этой партии явились активисты из числа военнопленных, проявившие себя в Комитете военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа и в ходе состоявшихся в феврале—марте 1918 г. конференций и совещаний военнопленных-интернационалистов [34], предшествовавших Всероссийскому съезду военнопленных социал-демократов — интернационалистов. В их числе были Михай Гуйю, Алеку Генегариу, Эмил Корнеску, Аритон Пескариу и др.[35] На съезде военнопленных социал-демократов в апреле 1918 г. Гуйю избрали членом ЦИК Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян. Один из активных участников московской конференции военнопленных 14 марта 1918 г. Генегариу был членом президиума съезда военнопленных в апреле 1918 г.

В задачи Румынской революционной крестьянской партии, как их сформулировали ее организаторы, входила пропагандистская работа среди румын в Советской России (в первую очередь

---

[34] О деятельности активистов из числа румынских военнопленных (А. Генегариу и др.) см. «Известия Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Москвы и Московской области», 5.II 1918 и «Социал-демократ» (Москва), 4.II 1918.

[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 103, л. 1; «Интернационалисты в борьбе за власть Советов», стр. 74—75, 82, 84, 248.

среди военнопленных) на основе программы РКП(б) и оказание содействия революционному движению рабочих и крестьян в Румынии[36]. Партия выдвинула ряд программных требований: «а) землю — передать крестьянам-труженикам; б) власть — Советам рабочих и крестьян; в) равноправие национальных меньшинств; г) национализация промышленности и банков; д) право народа самому решать собственную судьбу; е) неустанная и повсеместная борьба против империализма и милитаризма»[37]. Партия стала одной из секций Федерации иностранных коммунистических групп с момента возникновения последней в мае 1918 г.

С 24 марта 1918 г. руководство партии (официально оно именовалось Исполкомом Румынской революционной крестьянской партии) издавало тиражом в 10—15 тыс. экземпляров еженедельную газету на румынском языке «Фоайя царапулуи» («Крестьянский листок»), редактором которой был А. Пескариу, ставший в плену в России членом группы социал-демократов—интернационалистов и игравший активную роль на съезде военнопленных[38]. Газета предназначалась главным образом для военнопленных-румын, основную массу которых составляли крестьяне. В одном из номеров газета писала: «Румыны! Русская революция, залог победы нашей революции, в опасности! Защищайте ее с оружием в руках всюду, всегда и против любого, будь тот даже родным братом»[39].

Ввиду недостаточной теоретической подготовки руководителей и членов Румынской секции ЦФИГ они допускали ошибки в аграрном, национальном и других вопросах, не всегда правильно ориентировались в обстановке. На страницах газеты печатались не зрелые, а иногда и содержащие националистические и оппортунистические ошибки статьи[40].

Кроме газеты, выпускались также листовки и другая революционная литература. Агитаторы секции, начиная с мая 1918 г., разъезжали по тем городам России (Астрахань, Самара, Саратов, Александров-Гай, Тамбов, Воронеж, Курск, Липецк, Омск и др.), где находились большие группы военнопленных-румын, и вели среди них политико-воспитательную работу[41]. Отдельные члены Румынской секции вели в сотрудничестве с Немецкой и Венгерской группами РКП(б) также агитационную работу на Украине, среди румын — солдат оккупационной австро-венгерской армии[42].

---

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 103, л. 1.

[37] А. Н. Глуговский. Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России (1918—1920). — «Новая и новейшая история», 1957, № 3, стр. 14.

[38] «Analele...», 1959, № 4, p. 97—98, «Studii. Revista de istorie», 1963, № 2, p. 357—372.

[39] «Foaia ţăranului», 28.IV 1918.

[40] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 131, лл. 19—20.

[41] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 83, л. 17.

[42] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 3.

С августа 1918 г. в Москве одновременно с Румынской революционной крестьянской партией начал действовать Румынский революционный коммунистический комитет. Он был создан прибывшими с юга бывшими членами одесского Румынского военно-революционного комитета — А. Николау, И. Дическу-Диком, В. Поповичем и др. Комитет поставил своей задачей объединение всех румын в России, стоящих «на платформе революционного коммунизма и власти Советов». Комитет считал себя официальным представительством Румынской социал-демократической партии в России [43] и установил связи с революционными организациями в Бухаресте [44], а также усилил пропаганду среди румын-военнопленных в Советской России.

По рекомендации ЦФИГ было решено не распылять силы, и в конце 1918 г. комитет объединился с Румынской революционной крестьянской партией в единую Румынскую коммунистическую группу, секцию Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). После объединения было избрано новое руководство [45]. Председателем Румынской коммунистической группы стал А. Николау, секретарем — Ион Пенца. Член Румынской социал-демократической партии с 1912 г., член РКП(б) с июня 1918 г. Ион Пенца, владея румынским, венгерским, немецким и русским языками, был одним из активных работников президиума ЦФИГ [46]. Новое руководство провело ряд мер по организационному и идейному укреплению группы.

В редакцию газеты «Фоайя царанулуи» были введены А. Николау, В. Попович и др. Для членов группы стали регулярно читаться лекции на внутриполитические и международные темы. Систематически проводились собрания. На 1 января 1919 г. в Румынской коммунистической группе в Москве насчитывалось 43 человека — 25 членов и 18 сочувствующих [47]. Интенсивно работали при московской Румынской коммунистической группе курсы агитаторов. К декабрю 1918 г. курсы окончило 24 человека [48].

Серьезную роль в идейном воспитании румынских интернационалистов в Советской России сыграли переведенные членами московской группы и изданные в Москве при содействии ЦК РКП(б) на румынском языке произведения В. И. Ленина и материалы о В. И. Ленине, а также брошюры из серии «Революционная библиотека». Осенью 1918 г. А. Николау по поручению группы написал брошюру (была издана в Москве на румынском

---

[43] «Правда», 6.VIII 1918.
[44] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 142, л. 2.
[45] Там же, д. 131, лл. 19—20; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 6, л. 71.
[46] Архив Института истории партии при ЦК КП Украины (Киев) (далее — АИИП при ЦК КП Украины), ф. 1, оп. 5, д. 429, л. 184.
[47] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 58.
[48] Там же, оп. 9, д. 4, л. 6.

языке в 1919 г.) «Социалистическая революция в Румынии», в которой изложил ряд теоретических вопросов и отметил историческое значение Октябрьской революции. В этой брошюре он от имени Румынской коммунистической группы выразил благодарность Советскому правительству за помощь, оказанную румынским революционерам, и подчеркнул, что румынские коммунисты считают необходимым положить в основу своей деятельности исторический опыт большевистской партии, труды В. И. Ленина[49].

Румынской коммунистической группой в Москве были также изданы на румынском языке работы Бела Куна: «Чья земля?» и «Кто платит за войну?», Конституция РСФСР и ряд популярных брошюр и т. д. Кроме того, было выпущено на румынском языке большое количество листовок и воззваний («Что такое большевизм», «К товарищам румынам, находящимся в России», «К бывшим военнопленным-румынам из Австро-Венгрии», «К румынскому народу», «К румынским солдатам» и т. д.[50]).

Одной из важнейших сторон деятельности румынских интернационалистов в Москве было их участие в формировании интернациональных отрядов Красной Армии. Румынский интернационалист Александру Соки (одно время агитатор группы, уполномоченный по работе среди подданных Австро-Венгрии)[51] являлся представителем Румынской группы в Военной комиссии ЦФИГ; И. Дическу-Дик с осени 1918 г. был комиссаром Управления формирования армии штаба Южной группы войск Восточного фронта и принимал участие в формировании интернациональных подразделений Красной Армии; А. Генегариу был направлен политработником в интернациональную бригаду; Владимир Попович — член РКП(б) с августа 1917 г., командовал батальоном в армии А. И. Егорова; позднее он возглавлял продовольственные отряды Астраханской губернии, затем интернациональный коммунистический батальон и 1-ю Интернациональную бригаду[52]. Рабочий-механик из Бухареста, член Румынской социал-демократической партии с 1908 г., член одесского румынского ревкома, командир взвода в 1-м румынском революционном батальоне в Одессе в январе 1918 г. Теодор Диамандеску с февраля 1919 г. был командиром (позднее комиссаром) румынского интернационального полка в Харькове и Полтаве[53].

---

49 Е. И. Спиваковский. Новые материалы о связях В. И. Ленина с румынским рабочим движением и пропаганде ленинизма в Румынии. — «История СССР», 1966, № 2, стр. 197—198.

50 Подробнее см. В. М. Рожко. Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965, стр. 89—91; А. Н. Глуговский. Указ. соч., стр. 14—15.

51 АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 429, лл. 177—179.

52 Там же, л. 167.

53 Там же, л. 168; ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 105, лл. 1—2.

А. Залик

Ион Сечану являлся командиром румынского интернационального полка в Харькове[54].

Представители и агитаторы Румынской группы в Москве помогали местным румынским коммунистическим группам и ячейкам, возникшим в 1918 г. в Самаре, Астрахани, Саратове, Тамбове, Воронеже, Курске и других городах. Наиболее деятельной из местных румынских коммунистических групп в 1918 г. была астраханская (в Царевском уезде Астраханской губернии и в лагерях военнопленных губернии было сосредоточено большое число румын-военнопленных). Астраханская румынская коммунистическая группа с августа 1918 г. входила на правах секции в астраханскую федерацию иностранных групп; председателем федерации был избран румынский интернационалист М. Бузинов, прибывший в город вместе с другими румынскими интернационалистами из румынских революционных батальонов после отступления из Одессы и Крыма[55].

Московская Румынская коммунистическая группа поддерживала связь и с румынскими интернационалистами, оставшимися для подпольной работы на юге России и действовавшими в тесном содружестве с большевиками Украины, левобережной Молдавии и Бессарабии, и с революционерами в Румынии. В Одессе под руководством подпольного комитета КП(б) Украины летом—осенью 1918 г. сложилась группа румынских интернационалистов во главе с А. Заликом. В нее входили Север Димитриу, Макс Гольдштейн, Панделеску, И. Обороча, Николай Мирча, Маркович, Караника, Василеску, А. Аргир, М. Вильдер, Альтштейн, Беллу, Шайн и др. Они вели агитацию среди солдат, издавали и распространяли листовки и другую революционную литературу на румынском языке[56].

В тесном контакте с одесским подпольем находилось большевистское подполье в оккупированном австро-германскими войсками левобережном Приднестровье и захваченной румынскими войсками Бессарабии. Руководил подпольной работой в этом районе Бендерский ревком во главе с большевиками Г. И. Борисовым (Старый) и И. К. Дьячишиным. Летом 1918 г. для пропаганды среди оккупационных войск при ревкоме была со-

---

[54] АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 429, л. 176.
[55] ПАОд.О, ф. 2, оп. 2, д. 949, лл. 2, 5.
[56] Там же, лл. 1—2.

здана иностранная комиссия, в составе которой была и румынская секция. На работу в ней были направлены Василий Попович и Маркович. Под их руководством на румынском языке печаталась революционная литература и велась агитационная работа среди румынских солдат[57]. В помощь агитаторам-подпольщикам, которым приходилось вести работу среди солдат румынской армии и многонациональных австро-германских оккупационных войск, при участии румынских и других интернационалистов был составлен словарь-разговорник, состоявший из 500 наиболее употребляемых в обиходе слов, написанных русской транскрипцией. Впоследствии, после прихода оккупационных войск Антанты, в составе которых были французы. греки, арабы и представители других наций, словарь-разговорник был переработан (охватил 15 языков), расширен и размножен на гектографе. Большую помощь подпольщикам оказал В. Попович, хорошо знавший французский язык (высланный за участие в крестьянском восстании в 1907 г. из Румынии, он прожил некоторое время во Франции).

В период оккупации Одессы и юга России с конца 1918 г. войсками Антанты группа румынских интернационалистов в Одессе во главе с А. Заликом продолжала вести активную подпольную работу, являясь в этот период составной частью Иностранной коллегии, созданной подпольным Одесским обкомом КП(б) Украины[58]. Румынская группа коллегии действовала не только среди румын, но и среди французских и греческих солдат. Многие румынские интернационалисты владели французским языком. А. Залик был, в частности, одним из редакторов газеты «Коммюнист»; Аргир, Вильдер, Караника, И. Обороча и другие вели агитационную работу среди французских солдат[59].

Освобождение 6 апреля 1919 г. Одессы от войск Антанты позволило перенести центр деятельности румынских интернационалистов в Советской республике из Москвы в Одессу.

Румынская коммунистическая группа в Одессе, вновь начавшая действовать с первых же дней после освобождения города[60], сложилась из румынских интернационалистов-подпольщиков, действовавших в Иностранной коллегии, к которой присоединилась значительная часть членов московской Румынской коммунистической группы, а также румынские коммунисты, прибывшие в Одессу в рядах частей Красной Армии. Как и в период под-

[57] Е. С. Алмазова. О большевистском подполье и партизанском движении в Приднестровье. — «Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии». Кишинев, 1964, стр. 144, 152, 156—157.

[58] Подробнее о работе Иностранной коллегии см. в главе V.

[59] ПАОд.О, ф. 2, оп. 2, д. 949, л. 2; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 29, лл. 4—6.

[60] 13 апреля 1919 г. состоялось первое заседание Румынской коммунистической группы в Одессе («Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 17.IV 1919).

полья, Румынская группа (вместе с Болгарской, Югославянской, Польской и др.) действовала в Одессе в составе Иностранной коллегии под руководством Одесского обкома КП(б) Украины (а с весны 1919 г. — и под руководством Южнорусского бюро III Интернационала). В группе числилось 27 членов и 15 сочувствующих[61]. В президиуме Иностранной коллегии группу представляли А. Залик и М. Бужор[62]. Председателем РКГ в Одессе был избран Иван Обороча[63] — член Румынской социал-демократической партии с 1908 г., активный сотрудник румынской коммунистической подпольной группы в Одессе в 1918 г.[64]

С 19 апреля 1919 г. Румынская коммунистическая группа в Одессе начала выпускать тиражом в 3 тыс. экземпляров газеты «Комунистул» («Коммунист»). Ведущими сотрудниками газеты были А. Залик (его статьи под псевдонимом «A. Z.» публиковались почти в каждом номере), Браду, Разеану и др. Газета информировала читателей о деятельности группы в Одессе, о международном положении и революционном движении в Румынии и других странах. В ней был опубликован перевод работы В. И. Ленина «III Интернационал и его место в истории», документы Коммунистического Интернационала («Манифест Коммунистического Интернационала»). Начиная с третьего номера и до последнего (28-го)[65] в газете публиковалась Программа РКП(б)[66]. Наряду с газетой румынские коммунисты в Одессе издавали также листовки, воззвания и отдельные брошюры на румынском и французском языках, предназначавшиеся для распространения среди трудящихся-румын юга России и среди солдат румынских и французских войск в Бессарабии[67]. С конца апреля Румынская коммунистическая группа в Одессе начала два-три раза в неделю устраивать публичные лекции на различные общественно-политические темы. Лекции читали М. Бужор, А. Залик, Н. Мирча, Браду, Сегал, Псата и др.

15—16 мая 1919 г. в Одессе состоялась конференция представителей румынских коммунистических групп России и Украины. В конференции приняло участие 22 делегата от

---

[61] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 7.

[62] «Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 5.VIII 1919.

[63] «Comunistul», 17.V 1919.

[64] Архив Института истории партии при ЦК КП Молдавии, ф. 49, оп. 49/3, д. 25, л. 157; ПАОд.О, ф. 2, оп. 2, д. 949, л. 2.

[65] № 28 вышел 26 июля 1919 г. С 3 августа 1919 г. вместо газеты «Комунистул» начала выходить в качестве органа Румынской группы в Одессе газета «Скынтейя» — «Scînteia» («Искра»).

[66] См. В. Рожко. Газета «Комунистул» — боевой орган румынских революционеров. — «Коммунист Молдавии», 1959, № 6.

[67] ГАОд.О, фонд листовок и прокламаций (в россыпи); Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького, фонд листовок.

Anul I — Nr 1 Preţul 1 rublă

„Proletari din toate ţările, uniţi-vă!"

XVIII
2684

COMUNISTUL

Organul grupului Comunist romîn din Odessa.

CE ESTE COMUNISMUL ?

Газета «Комунистул» — орган Румынской коммунистической группы в Одессе

коммунистических групп Москвы, Одессы, Херсона, Тирасполя и Киева[68]. На конференции было оформлено объединение одесской и московской групп в единую группу, избрано бюро из пяти человек; было решено, что руководящим центром румынских коммунистических групп будет одесская Румынская коммунистическая группа[69]. После конференции ряд активистов одесской группы (Сота, Мирча, Дикман, Панделеску и др.) направлялись в Румынию для связи с коммунистическими организациями и для оказания им помощи[70].

По мере того как ухудшалось военное положение Одессы (к городу приближались деникинцы, захватившие в июне 1919 г. Крым), важнейшей задачей всех интернационалистских групп в Одессе становилась мобилизация всех сил в Красную Армию для отпора врагу. При Румынской группе в Одессе было создано бюро по мобилизации в интернациональный полк[71]. Газета «Комунистул» и сменившая ее в начале августа «Скынтейя» систематически публиковали воззвания к румынским трудящимся с призывом вступать в интернациональные подразделения Красной Армии, обращения румын—бойцов и командиров Красной Армии последовать их примеру и встать на защиту Советской России. В одном из номеров газета «Комунистул» писала: «Румынские рабочие и крестьяне сознают, что победа Советской России будет означать также победу революции в Румынии». В формировавшуюся в Одессе интернациональную дивизию ушли политработниками многие активисты группы: Иван Левеску[72] — военкомом дивизии, помощник редактора газеты «Комунистул» Генрих Горовиц — командиром батальона[73] и др. Несколько членов Румынской группы, в их числе и М. Бужор, в начале августа 1919 г. отправились для революционной работы на родину, в Румынию[74].

Когда советские войска в конце августа оставили Одессу, девять членов группы переехали в Москву. В конце 1919 г. в Румынской группе в Москве насчитывалось 24 члена и 4 сочувствующих[75]. Активную роль в руководстве Румынской коммунистической группы в Москве играли И. Пенца, А. Генегариу, И. Левеску, одна из старейших деятельниц румынской социал-

---

[68] В конференции не смогли принять участие отдельные румынские коммунистические группы, в частности самарская (в Самаре, в мае—июне 1919 г. издавалась на румынском языке тиражом в 500—700 экземпляров газета «Стягул Рошу» («Steagul Roşu» — «Красное знамя»).

[69] «Comunistul», 17.V 1919; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 59.

[70] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 59.

[71] «Comunistul», 29.IV 1919.

[72] АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 429, л. 170.

[73] Там же, л. 163.

[74] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 133, л. 18.

[75] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 30.

демократии, член исполкома Румынской социал-демократической партии с 1912 г. Екатерина Арборе-Ралли[76] и Елена Праля.

С 16 октября 1918 г. по 3 апреля 1920 г. Румынская группа в Москве выпускала тиражом в 4 тыс. экземпляров один раз в две недели газету «Дезробиря сочиалэ» («Социальное освобождение»). Редактором ее была Е. Праля, член Румынской социал-демократической партии с 1914 г.[77] В центре внимания газеты находились вопросы политического просвещения румынских интернационалистов. Большое внимание газета уделяла положению дел в румынском рабочем движении, освещению революционной борьбы румынского пролетариата. Газета заклеймила преступления румынской буржуазии, принимавшей участие в подавлении Советской власти в Венгрии, и выразила свою солидарность с венгерским пролетариатом. Много статей и заметок газета посвятила героической борьбе трудящихся Советской России с контрреволюцией и иностранной интервенцией.

Румынская группа посылала своих агитаторов в различные города, где еще находились румынские военнопленные. В некоторых из этих городов возникли местные румынские группы. В начале 1920 г. в Ташкенте и Омске по инициативе прибывших из Москвы представителей группы были образованы ячейки румынских коммунистов. Группа руководила также работой Румынского Совета, занимавшегося (как и другие иностранные Советы в Советской России) главным образом вопросами, связанными с эвакуацией румын на родину (возглавлял Румынский Совет в конце 1919 г. И. Пенца)[78].

С марта 1920 г. вместо Румынской коммунистической группы в Москве было создано Центральное румынское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). В бюро входили И. Обороча, А. Генегариу, Е. Арборе-Ралли[79]. Наиболее активной из местных румынских секций была секция в Омске, состоявшая из 14 членов и 16 сочувствующих и издававшая одно время в 1920 г. свою газету «Либертатя» («Свобода»)[80].

В августе 1920 г. в связи с тем, что наиболее значительная группа румынских граждан осталась лишь на Украине[81], Центральное румынское бюро агитации и пропаганды перебазировалось в Харьков, где действовало отныне уже как Румынская секция при агитационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б) Украины. Секция, возглавлявшаяся И. Оборочей, выпустила три

---

[76] Архив Института истории партии при ЦК КП Молдавии, ф. 49, оп. 49/3, д. 21, л. 1.
[77] АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 429, л. 131.
[78] Там же, л. 7.
[79] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 11.
[80] Там же, оп. 7, д. 97, л. 10.
[81] В это время на Украине находилось не более 5 тыс. румынских беженцев (АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 428, л. 85).

номера журнала «Комунизмул» тиражом 2 тыс. экземпляров каждый[82]. В ряде статей журнала отразились живейшая заинтересованность и непосредственное участие румынских интернационалистов в проходившей в румынском рабочем и социалистическом движении борьбе течений в связи с подготовкой учредительного съезда Коммунистической партии Румынии[83], состоявшегося в мае 1921 г. В мае же 1921 г. Румынская секция отдела агитации и пропаганды при ЦК КП(б) Украины в Харькове прекратила свою деятельность.

3. Румынские интернационалисты на фронтах гражданской войны

Румынские интернационалисты в 1918—1920 гг. принимали активное участие в боях на всех фронтах гражданской войны.

На Восточном фронте в составе сформированного в Самаре интернационального отряда вместе с югославянами, чехами и другими интернационалистами румыны боролись с контрреволюцией в Самаре, а затем на Южном Урале против белоказаков атамана Дутова[84]. В одном из боев с участием румынских интернационалистов были разгромлены четыре эскадрона белоказаков. Румынские бойцы сражались также под Платовкой, у Сорочинска и Ново-Сергеевской, под Оренбургом[85].

Румынские интернационалисты находились и в составе сводного отряда в Перми, сформированного летом 1918 г. и возглавленного Ференцем Мюннихом. Отряд героически сражался и был отмечен 26 августа 1918 г. в приказе командующего 3-й армией Восточного фронта Р. И. Берзина[86]. В отряде Л. Винермана румынские интернационалисты сражались в боях за Новокузнецк, Александров-Гай, Петропавловку, Березовку, а под Новоузенском вместе с венгерскими и немецкими интернационалистами участвовали в разгроме полка белоказаков[87].

Румыны сражались в составе 1-го полка 1-й Симбирской железной дивизии в октябре—ноябре 1918 г. под Бузулуком и принимали участие в боях за Александровку и Ивановку. В октябре 1918 г. после освобождения Самары в интернациональный полк этой Железной дивизии вступило еще много военнопленных-румын.

---

[82] АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 428, л. 85.
[83] А. Н. Глуговский. Указ. соч., стр. 29.
[84] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 143, лл. 6—7.
[85] А. Н. Глуговский. Указ. соч., стр. 19.
[86] Л. И. Яковлев. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1918—1922 гг.). М., 1964, стр. 138—139.
[87] I. N. Şcerbacov. Voluntarii romîni in Armata Roşie pe frontul de est în 1918—1919. — «Analele. . .», 1959, № 5, p. 47.

В составе 1-й Симбирской железной дивизии румынские добровольцы приняли участие в наступлении на Оренбург и в боях в районе Красной Мечети [88].

Летом 1918 г. румынские интернационалисты влились в ряды бойцов отряда, сформированного в Царицыне Союзом иностранных рабочих и крестьян (бывших военнопленных), объединившим к концу июля около 800 немцев, румын, венгров и сербов. Отряд сражался под Бекетовкой, Дубовкой, Котельниковым. Румынские коммунисты участвовали в обороне Царицына в составе 2-го Интернационального стрелкового полка 1-й Украинской особой бригады Р. Ф. Сиверса [89].

В октябре 1918 г. руководители федерации иностранных коммунистических групп Астрахани сообщили в Москву Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), что «формирование интернациональных частей идет успешно. Второй интернациональный коммунистический батальон насчитывает около 315 человек, и с каждым днем поступают новые люди, усиленно идет запись среди румын, а также и остальных...» [90].

Первым крупным интернациональным отрядом, сформированным Астраханской федерацией иностранных коммунистических групп в основном из румын — бывших дезертиров королевской армии, — был Царевский отряд, командиром которого первоначально являлся Баринов, а затем В. Попович [91]. В середине июля 1918 г. отряд принимал участие в подавлении кулацкого восстания в Черноярском уезде Астраханской губернии. После подавления восстания Царевский отряд участвовал в боях с белоказаками генерала Краснова, наступавшими на царицынском направлении. В районе Сарепты пулеметная команда, состоявшая из румын, прикрывала отход красной конницы Д. П. Жлобы. Несколько часов отважные пулеметчики сдерживали натиск белых. Все бойцы пулеметной команды во главе со своим командиром Панаитеску погибли, но боевую задачу выполнили [92].

Румынские интернационалисты служили и в других подразделениях и частях, сформированных в 1918 г. в Астраханской губернии. Командиром одного из эскадронов 1-го Астраханского полка Красной Армии был П. Константинеску, участник боев с войсками Центральной рады и немецкими империалистами на Украине в январе—марте 1918 г.[93] В этот же полк входила саперная рота, состоявшая из бывших бойцов румынского пехотного революционного батальона, ядром которого были рабочие

---

[88] Там же, стр. 46.
[89] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 15.
[90] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 9.
[91] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 131, лл. 2-3.
[92] Там же, д. 126, л. 6.
[93] Там же, д. 131, л. 3.

галацкой судоверфи «Ферник»[94]. Ее организатором являлся М. Бузинов. Часть бывших военнопленных — трансильванских румын — вступила добровольцами в интернациональный батальон[95]. Командовал этим батальоном (преобразованным затем в полк) с момента его формирования и до конца гражданской войны венгерский интернационалист Лайош Гавро.

15 августа 1918 г. в Астрахани вспыхнул эсеровско-белогвардейский мятеж. Вместе с частями Красной Армии и трудящимися Астрахани в подавлении этого мятежа активно участвовали и интернационалисты. При этом особенно отличились Астраханский интернациональный батальон и Царевский отряд. Они штурмом овладели крепостью, разоружили находившихся там контрреволюционеров и освободили заключенных. С помощью интернационалистов были также быстро подавлены кулацкие мятежи, вспыхнувшие в отдельных уездах губернии.

В конце сентября Царевский интернациональный отряд разделился на две части. Одна из них была переброшена на Царицынский фронт, где заняла участок обороны у станции Морозовская и несколько раз успешно контратаковала белогвардейцев. Другая часть Царевского отряда в количестве 200 человек, с 2 орудиями и конницей приняла участие в ликвидации различных банд в районе местечка Житкомь и озера Эльтон. Этот отряд румынских интернационалистов после завершения операций по ликвидации банд вошел в состав одной из частей 10-й армии[96].

Осенью 1918 г. на Царицынском фронте стойко сражался с белоказаками конный отряд П. Константинеску, который к этому времени, вновь пополнившись румынскими интернационалистами, был преобразован в кавалерийский дивизион. В дальнейшем дивизион вошел как самостоятельная единица в состав 49-й дивизии и участвовал в ряде боев. В начале 1920 г. кавалерийский дивизион Константинеску совместно с другими частями 49-й дивизии освобождал Кизляр, Петровск, Дербент, Баку[97].

Несколько сот румынских интернационалистов служило в рядах 32-й дивизии Красной Армии[98]. Они также участвовали в обороне низовий Волги, затем освобождали от белогвардейцев Донскую область и Северный Кавказ.

В бою с белогвардейцами смертью храбрых пал командир Астраханского полка, румынский интернационалист И. Дима — один из организаторов Астраханской федерации иностранных коммунистических групп[99].

---

[94] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 131, л. 3.
[95] Там же, д. 126, л. 6.
[96] Там же, оп. 1, д. 131, л. 5.
[97] Там же, л. 10.
[98] Там же, л. 7.
[99] Там же, оп. 2, д. 131, л. 28.

Румынские интернационалисты сражались в 1918 г. против сил внешней и внутренней контрреволюции и на Дальнем Востоке. Еще в начале 1918 г. в Красную гвардию Владивостока вступили добровольцами около 60 бывших военнопленных — трансильванских румын. Вскоре из них был образован отдельный взвод, который летом 1918 г. действовал в составе 2-го сводного отряда Красной гвардии Владивостока против белобандитов Калмыкова в районе станций Пограничная и Гродеково[100]. Участник борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке Ион Журжак в своих воспоминаниях пишет, что он и его земляки Ион Моток, Василе Трифонеску, Илие Юлиан, Стэнилэ Флориан воевали в 1918 г. в рядах интернационального батальона Красной Армии против белогвардейцев, японских и американских интервентов[101]. Когда по решению большевистских партийных органов Дальнего Востока красноармейские части перешли к партизанской борьбе с численно превосходящими силами интервентов, эта группа румынских интернационалистов находилась в рядах героических красных партизан Приморья.

В первой половине 1919 г. в связи с переездом Центральной федерации иностранных коммунистических групп на Украину там развернулась усиленная работа по формированию новых интернациональных подразделений и частей, в том числе и румынских. Они предназначались для борьбы с контрреволюцией на Украине и для оказания непосредственной боевой помощи Венгерской Советской Республике. Интернациональные части, состоявшие из румын, югославян и болгар, должны были участвовать в освобождении Бессарабии[102] и тем самым оттянуть из Венгрии значительные силы румынской королевской армии. По призыву Федерации тысячи интернационалистов направились на Украину. Только из одной Астраханской губернии выехало до 500 румынских интернационалистов[103]. В феврале 1919 г. представитель ЦК РКП(б), прибывший с Украины на Восточный фронт для вербовки румынских добровольцев, в течение нескольких дней организовал отряд из 150 военнопленных-румын и выехал с ними на Украину[104].

К числу крупных интернациональных частей, созданных в начале 1919 г. на Украине, относится румынский революционный полк, формирование которого началось в феврале 1919 г. в Полтаве на базе румынского интернационального отряда, состоявшего из 40 человек[105]. В конце февраля полк насчитывал

---

[100] В. Голионко. Красная гвардия на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг. — «Борьба классов», 1936, № 9, стр. 88.
[101] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 257—261.
[102] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 131, л. 12.
[103] Там же, д. 134, л. 4.
[104] I. N. Şcerbacov. Указ. соч., стр. 49.
[105] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 4.

200 человек[106]. Харьковский окружной военный комиссариат приказом от 8 февраля 1919 г. назначил военным комиссаром полка Теодора Диамандеску[107]. Командиром румынского революционного полка был Ион Сечану[108]. В те места Украины, где находились румынские трудящиеся, — Киев, Кременчуг, Елизаветград, Херсон, Синельниково и другие города, — партийная организация полка посылала своих представителей, которые вербовали добровольцев[109]. Большим тиражом были изданы воззвания на русском и румынском языках, призывавшие румынских рабочих и крестьян записываться добровольцами в румынский революционный полк. К середине марта численность румынского революционного полка возросла до 400 человек[110]. В период организации полка румынские интернационалисты несли в Полтаве гарнизонную службу, а также выполняли отдельные поручения губернской ЧК. Боевое крещение румынский революционный полк получил в Полтаве, где он совместно с венгерским особым батальоном подавил подготовленное эсерами контрреволюционное выступление 12-го пулеметного Украинского полка[111]. После подавления мятежа к румынскому революционному полку был присоединен венгерский интернациональный батальон Полтавы. Румынский революционный полк стал именоваться 1-м Полтавским интернациональным полком Украинской Красной Армии[112]. В некоторых исторических документах он упоминается как румыно-венгерский интернациональный полк[113]. Командиром 1-го Полтавского интернационального полка был назначен венгр Фекете, а комиссаром — румын И. Диамандеску[114].

В конце марта полк получил задание ликвидировать несколько банд, действовавших в Миргородском уезде. Наступая по направлению к Миргороду, полк столкнулся с крупной бандой, насчитывавшей около 200 человек. После короткой, но горячей схватки часть бандитов была уничтожена и взята в плен, остальные разбежались. Взяв Миргород, бойцы полка освободили из тюрьмы 150 советских активистов, над которыми бандиты собирались учинить расправу. В течение десяти дней полк очистил Миргородский уезд от бандитов и восстановил железнодорожный путь. Благодарные жители Миргорода подарили румынским и венгерским интернационалистам несколько десятков лошадей. Это позволило сформировать в полку конную разведку[115].

---

[106] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 2.
[107] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 4.
[108] Фонды Государственного музея революции СССР, А. 42811, л. 5.
[109] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 3.
[110] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 13.
[111] Там же, л. 11.
[112] Там же, л. 37.
[113] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 23.
[114] Л. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 168.
[115] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 16.

Командный состав Румынского революционного полка. Полтава

В первых числах апреля полк срочно был переброшен в город Золотоношу для укрепления местного гарнизона. Там активизировали свою деятельность подпольные контрреволюционные силы и со дня на день ожидалось антисоветское выступление. Прибытие интернационального полка сорвало планы контрреволюционеров [116]. По данным командования Украинской Красной Армии, в мае 1919 г. в 1-м Полтавском интернациональном полку было 1200 штыков и сабель. За время своего пребывания в Золотоноше подразделения полка ликвидировали несколько мелких банд атамана Зеленого, орудовавших в окрестностях города.

---

[116] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 293, л. 13.

В конце апреля интернациональный полк по приказу Харьковского окружного военного комиссариата был разбит на две группы. Одна из них направлялась в Вознесенск, где приняла участие в подавлении контрреволюционного мятежа[117]. Другая часть интернационалистов под командованием И. Сечану отправилась в район Черкасс, где совместно с красноармейцами черкасского гарнизона разгромила крупную банду, которую возглавлял один из сподвижников атамана Григорьева[118].

В связи с контрреволюционным выступлением Григорьева и кулацкими восстаниями в районе Винницы, Брацлава, Умани и в других местах приказом командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко была образована группа советских войск правокиевского боевого участка, состоявшая в свою очередь из четырех боевых групп. Румыно-венгерский интернациональный полк вошел в состав группы, которую возглавлял командир 1-й бригады 2-й Украинской стрелковой дивизии Осадчий.

Наступая на станции Богуслав и Мироновку, где были сосредоточены крупные силы врага, подразделения румыно-венгерского интернационального полка несколько суток вели непрерывные бои с отрядами Григорьева и более мелкими бандами. Действуя совместно с отрядом красных курсантов и прибывшим из Петрограда бронепоездом «Гром», полк сломил сопротивление противника. В боях с бандитами Григорьева и восставшими кулаками румыно-венгерский интернациональный полк понес значительные потери. Смертью храбрых пали десятки интернационалистов, в том числе заместитель командира полка Михалаке. Тела погибших товарищей были отвезены в Киев, где их вместе с другими воинами Красной Армии похоронили в братской могиле[119].

Во второй половине мая, после разгрома основных сил Григорьева, некоторые подразделения и части, среди которых был и румыно-венгерский интернациональный полк, получили приказ направиться в Винницу[120], которая была почти полностью окружена кулацкими бандами. Начальником винницкого боевого участка был назначен командир полка Фекете. Менее чем за неделю части Красной Армии разгромили бандитов.

В первой половине июня 1919 г. румыно-венгерский интернациональный полк сражался в составе 2-й Коммунистической бригады в районе Проскурова с петлюровцами и галицийскими сичевиками. Затем после краткого отдыха в Золотоноше полк был направлен на борьбу с деникинцами. В августе 1919 г. ру-

---

[117] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 134, л. 17.
[118] Там же.
[119] Там же, л. 20.
[120] ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 96, л. 34.

мыно-венгерский интернациональный полк влился в 1-ю интернациональную стрелковую бригаду. Командовал бригадой Славояр Частек. Румынские интернационалисты принимали участие в боях под Киевом, Гомелем и Черниговом.

В борьбе с контрреволюцией на Украине в первой половине 1919 г. принимал участие и румынский интернациональный отряд Павлова. Этот отряд образовался в феврале 1919 г. в Киеве из находившихся там революционно настроенных румынских рабочих и военнопленных-трансильванцев. Организатором и командиром отряда был бывший прапорщик румынской армии, принявший фамилию Павлов [121]. Отряд насчитывал около 100 человек. Он расположился в Печерских казармах. В марте 1919 г. отряд перевели на железнодорожную станцию Васильков. Ему было поручено охранять станцию и ликвидировать бандитизм в этом районе. «Отряд румынских коммунистов под руководством тов. Павлова в Василькове, — говорилось в одном из документов, — прекрасно выполнявший свою работу... страдает главным образом отсутствием вооружения» [122]. В другом документе подчеркивалось, что «отряд отличается редкой революционной дисциплинированностью» [123]. В Василькове румынский интернациональный отряд пополнился добровольцами. В июне 1919 г. в отряде уже насчитывалось 500 штыков [124]. В некоторых архивных документах, относящихся к началу июля 1919 г., отряд Павлова называется румынским коммунистическим батальоном города Василькова [125]. В мае — июне 1919 г. отряд Павлова участвовал в разгроме банд Григорьева и Зеленого. 20 июня 1919 г. по приказу народного комиссара по военным делам УССР отряд был направлен в Черкассы в распоряжение командира формировавшейся там 2-й бригады интернациональной дивизии [126].

Весной 1919 г. после освобождения юга Украины и левобережной Молдавии от интервентов и петлюровцев в этом районе стали формироваться новые интернациональные части. В начале мая 1919 г. в Одессе началось формирование 1-го румынского коммунистического, 3-го интернационального полков [127], а также 9-го интернационального полка, в котором, кроме румын, были и представители других народов балканских стран [128]; в Херсоне — 2-го румынского революционного полка [129]. Небольшие

---

[121] Подлинной фамилии Павлова установить не удалось.
[122] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 33.
[123] Там же, д. 293, л. 80.
[124] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 462.
[125] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 293, л. 82.
[126] «Боевое содружество...», стр. 466—467.
[127] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 5.
[128] «Боевое содружество...», стр. 464.
[129] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 105, л. 5.

интернациональные подразделения были созданы в Елизаветграде, Екатеринославе, Николаеве и Тирасполе. Согласно приказу народного комиссара по военным делам УССР от 5 мая 1919 г., из этих полков и отрядов, а также из интернациональных частей, созданных ранее в Киеве, Полтаве и Харькове, начала формироваться 1-я Интернациональная советская дивизия [130]. Командование и штаб дивизии располагались в Одессе. Основную массу бойцов дивизии составляли представители балканских народов. Кроме того, в нее входили польские, китайские и немецкие интернационалисты.

Сложная военно-политическая обстановка, создавшаяся летом 1919 г. на юге Советской страны, и отсутствие необходимых материально-технических средств помешали формированию интернациональной дивизии. Вместо дивизии была создана интернациональная бригада под командой В. Поповича. Бригада была направлена в конце июня в район Черкасс, где она вместе с другими частями Красной Армии участвовала в ликвидации банд Зеленого и Ангела. С августа по октябрь 1919 г. интернациональная бригада сражалась с деникинцами в районе Триполья, Переяславля и на подступах к Киеву. В ноябре 1919 г. после непрерывных кровопролитных боев она была отведена в тыл на отдых [131].

Румынские добровольцы-интернационалисты участвовали в составе войск Восточного фронта в 1919 г. в боях за Бугуруслан, Белебей, Уфу.

В мае 1919 г. на Восточный фронт прибыл 1-й интернациональный полк из Самары, который затем воевал под Бузулуком и Уральском. В этот период в Самаре действовала румынская коммунистическая группа, в которую одно время входили Ион Дическу-Дик, Василий Стрезой и Г. Стройчиу [132]. Группа развернула активную политико-воспитательную работу среди бывших военнопленных—трансильванских румын. В результате из румынских трудящихся была сформирована караульная рота, принимавшая участие в боях под городом Александров-Гай. Затем часть бойцов этой роты вступила в ряды 25-й дивизии В. И. Чапаева [133].

Некоторые румынские рабочие и военнопленные, оказавшиеся на временно захваченной белогвардейцами и иностранными интервентами территории Сибири и Дальнего Востока, принимали участие в партизанской борьбе в тылу врага. За участие в восстании в Красноярске в июле 1919 г. колчаковцы расстреляли Павла Георга и многих других интернационалистов [134].

---

[130] «Боевое содружество. . .», стр. 450.
[131] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 135, лл. 24—25.
[132] Там же, д. 142, л. 2.
[133] Там же, оп. 3, д. 381, л. 18.
[134] Л. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 152.

В Енисейской тайге, вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, между Кемеровом и Красноярском успешно сражался с белогвардейцами отряд красных партизан (50 человек), возглавляемый Михаем Георгиу. В конце 1919—начале 1920 г. в рядах воинов 5-й армии и других соединений, освободивших от белогвардейцев города и села Сибири, сражались многие румынские интернационалисты [135].

Неувядаемой славой покрыл себя в боях с бандами атамана Семенова в Забайкалье 1-й Читинский интернациональный отряд, в основное ядро которого входили румынские бойцы [136]. Большой боевой путь проделал интернационалист, рабочий из Клужа Франчиск Ковач. Он принимал участие в освобождении Урала и Сибири от колчаковцев, в изгнании из Забайкалья семеновцев, весной 1921 г. участвовал в разгроме банд барона Унгерна в Монголии [137]. Группы румынских интернационалистов в Забайкалье и на Дальнем Востоке были малочисленны. Но они, выполняя свой интернациональный долг, вместе с рабочими и крестьянами Советской страны отстаивали завоевания Великого Октября.

В Туркестане румынская коммунистическая группа Ташкента, организованная по инициативе московской Румынской коммунистической группы, в январе 1920 г. направила своих активистов в интернациональную часть, в которой уже были румынские добровольцы. Эта часть была отправлена на Южный фронт [138]. В январе же 1920 г. И. Дическу-Дик был назначен военным комиссаром политотдела Туркестанского фронта [139].

В красноармейских частях и интернациональных отрядах, сражавшихся на Актюбинском, Закаспийском, Ферганском и Семиреченском фронтах против белогвардейцев, английских интервентов и басмачей, были многие сыны румынского народа. В мае 1920 г. в составе 1-го дивизиона тяжелой артиллерии 1-й Туркестанской стрелковой бригады числилось 35 румын [140]. В 1-м Ферганском кавалерийском полку служила группа румынских интернационалистов [141]. Немало румынских интернационалистов было в Краснознаменном 1-м Туркестанском интернациональном стрел-

---

[135] См. «Правда», 18.X 1959; «Советская Россия» 31.X 1957; «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 223, 229, 238; «Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga CC al PMR», 1961, № 5, p. 90.

[136] А. Мюллер. Первый Читинский интернациональный отряд. — В кн.: «Этих дней не смолкнет слава». М., 1958, стр. 215—237.

[137] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 242—243.

[138] R. Deutsch. Din activitatea şi lupta grupurilor revoluţionarilor romîni din Rusia pentru apărarea puterii sovietice (1917—1920). — «Studii şi materiale de istorie contemporană». Bucureşti, 1962, vol. II, p. 459.

[139] В. Кондратьев. Румынский интернационалист И. О. Дик-Дическу. — «Новая и новейшая история», 1961, № 3, стр. 111.

[140] ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 460, л. 8.

[141] Там же.

ковом полку[142]. Эта интернациональная часть, ставшая грозой для внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, была известна по всему Туркестанскому фронту.

В период гражданской войны в Туркестане румынские интернационалисты входили также в состав небольших подразделений и отрядов Красной Армии. Член Краевого комитета иностранных партийных организаций Туркестана румынский коммунист Сикла в своих воспоминаниях отмечал, что во время пребывания на Закаспийском фронте он «всюду встречал в мелких отрядах там и тут румынских товарищей»[143].

Когда мирная передышка Республики Советов была сорвана в 1920 г. новым походом Антанты, оставшиеся в Советской России бойцы-интернационалисты вновь взялись за оружие. С гордостью вспоминает бывший румынский интернационалист Теодор Олару те дни, когда он, красноармеец 1-й Конной армии, ходил в лихие кавалерийские атаки на польские части Пилсудского, а затем бился с врангелевцами в Северной Таврии[144]. В конце мая 1920 г. румынский коммунист И. Дическу-Дик был направлен на Юго-Западный фронт. Затем он заведовал отделом информации штаба Южного фронта[145]. Самоотверженно сражались с войсками буржуазно-помещичьей Польши румыны-интернационалисты: Андрей Щекель, Карол Грама, Замфир Енака[146] и др. Осенью 1920 г. они принимали участие в боевых действиях в Северной Таврии, штурме Перекопа и окончательном разгроме врангелевских войск в Крыму.

Высокую оценку получила боевая деятельность В. Поповича. Командующий IV армией В. С. Лазаревич в донесении Реввоенсовету Южного фронта 14 декабря 1920 г. писал: «...Докладываю, что тов. Попович является членом Румынской коммунистической партии. Осужденный полевым судом в Румынии на 20 лет каторги, с первых дней революции находится в рядах Красной Армии, будучи уже три раза раненым и дважды награжденным, и своей работой доказал свою преданность делу революции...»[147]

Румынские бойцы в рядах Красной Армии в 1918—1920 гг. самоотверженно боролись на многих фронтах гражданской войны и, стойко преодолевая трудности, прошли плечом к плечу со своими братьями по классу из Советской России славный боевой путь борьбы и побед.

---

[142] ЦГАСА, ф. 259/4758, оп. 1, д. 1, лл. 45—47.
[143] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 143, л. 13.
[144] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 208.
[145] В. Кондратьев. Указ. соч., стр. 113.
[146] «Amintiri despre Marele Octombrie», p. 173, 193, 248.
[147] «Боевое содружество...», стр. 292.

ГЛАВА 11

БОЛГАРСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1. Октябрь и болгарские интернационалисты

Коренное изменение в положении военнопленных и гражданских пленных после победы Великой Октябрьской социалистической революции активизировало и болгарских военнопленных. Число военнопленных-болгар по сравнению с количеством военнопленных большинства других национальностей было крайне незначительным. К тому же они были разбросаны мелкими группами в различных городах Европейской части России — в Москве, Петрограде, Инсаре, Самаре[1], Саратове[2], Рязани, Астрахани, Царицыне, Орле[3], Курске[4]; на территории Средней Азии и Сибири болгарских военнопленных почти не было. Тем не менее некоторые представители болгарских военнопленных довольно скоро стали играть активную роль в отдельных комитетах и организациях военнопленных, возникших в конце 1917—начале 1918 г. Это объяснялось в первую очередь, по-видимому, тем, что среди болгарских военнопленных были члены революционной Болгарской рабочей социал-демократической (БРСД) партии (тесных социалистов) и сочувствующие ей. Попав в плен, они смогли благодаря относительно лучшему пониманию русского языка быстрее установить контакты с большевистскими организациями и Советами.

Представители болгарских военнопленных проявили себя в конце 1917—начале 1918 г. в Москве на заре организации Ко-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, лл. 2, 5, 10.
[2] Там же, д. 421, лл. 1, 3—5, 8, 9, 11, 12.
[3] «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах», 1918, № 18; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 87 об.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, лл. 1—2.

митета военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московского военного округа [5]. Весьма активными были болгарские военнопленные-интернационалисты из кружка «Революция» в Инсарском уезде Пензенской губернии. В конце 1917—начале 1918 г. они установили контакты с Инсарским Советом и оказывали ему посильную помощь [6]. Тесная связь установилась у болгарских военнопленных-интернационалистов Инсара с военнопленными других стран, сосредоточенными в то время в значительном числе в Инсаре и других городах Пензенской губернии [7].

Болгарские интернационалисты Инсара сыграли активную роль в объединении всех находившихся в городе военнопленных, одним из этапов которого было собрание, состоявшееся в марте 1918 г.[8] На этом собрании были заслушаны доклады о текущем моменте и по организационному вопросу. Резолюция по текущему моменту приветствовала рабочих и крестьян России в связи с их решительной борьбой против «мировой бойни империализма», выражала протест против грабительских целей империалистов Центральных держав и призывала к братству и единению всех народов, к мировой социалистической революции. Резолюция по организационному вопросу выражала благодарность Совету Народных Комиссаров и Советской власти за права и свободы, дарованные военнопленным; в ней было также зафиксировано решение создать организацию, объединяющую всех военнопленных Инсарского уезда во главе с комитетом из 12 человек [9].

В момент возникновения организации военнопленных в Инсаре несколько болгарских интернационалистов во главе с Г. Михайловым (Добревым) находились уже в Москве, куда они поехали в качестве представителей кружка «Революция» на конференцию военнопленных. Еще до их отъезда в Москву у болгарских интернационалистов Инсара возникла мысль создать в Москве болгарскую интернационалистскую группу, которая должна была бы стать руководящим центром всех революционно настроенных болгар-военнопленных [10].

По прибытии в середине февраля 1918 г. в Москву Г. Михайлов (Добрев), П. Ташков, С. Николов и И. Деянов сразу же включились в работу московской организации военнопленных

---

[5] К. Арношт. Повернувшие штыки. Воспоминания военнопленного. М.—Л., 1927, стр. 5—7.

[6] «Септември», София, 1957, № 11, стр. 166—173, 192—193, 198—199.

[7] «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 28.II 1918; «Септември», 1957, № 11, стр. 161—162, 164, 170; «Известия Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 2.III 1918.

[8] «Социал-демократ» (Москва), 2.III 1918.

[9] «Известия Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 2.III 1918; «Социал-демократ», 2.III 1918.

[10] «Септември», 1957, № 11, стр. 173.

Группа болгарских военнопленных, членов кружка «Революция»; сидит второй справа — Г. Михайлов (Добрев)

социал-демократов — интернационалистов[11]. В это время германские империалисты, прервав мирные переговоры в Бресте, напали на Советскую республику. Болгарские интернационалисты-военнопленные, как и интернационалисты других наций, выступили в защиту Советской России. Делегаты болгарских военнопленных участвовали в конференции военнопленных социал-демократов — интернационалистов Московской области, состоявшейся 24 февраля 1918 г., в совещаниях, на собраниях и митингах военнопленных, проходивших в Москве в конце февраля 1918 г., призывая всех военнопленных вступать в ряды Красной Армии[12]. Г. Михайлов вошел в состав Революционного комитета военнопленных Московского военного округа, образованного 26 февраля 1918 г. Болгарские интернационалисты приняли активное участие в состоявшейся 14 марта 1918 г. в Москве конференции военнопленных-интернационалистов, а их предста-

---

[11] Там же, стр. 174—177, 194.

[12] «Известия Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 27.II 1918; «Социал-демократ», 28.II 1918; «Септември», 1957, № 11, стр. 176—177, 194.

витель Г. Михайлов вошел в избранную на конференции комиссию по подготовке съезда [13].

Не менее активную роль сыграли представители болгарских интернационалистов и в ходе работы Всероссийского съезда военнопленных 16—18 апреля 1918 г., причем их делегат Г. Михайлов выступал с докладом и был избран членом ЦИК созданной на съезде Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян [14]. По поручению организации болгарские интернационалисты разъезжали по городам, поселкам и выступали перед военнопленными с докладами и лекциями [15]. Несколько позднее, в мае 1918 г., в связи с началом репатриации военнопленных на родину Г. Михайлов и другие болгарские интернационалисты по поручению Интернациональной революционной социалистической организации иностранных рабочих и крестьян приняли участие в работе краткосрочных курсов революционной пропаганды среди военнопленных, подлежащих репатриации [16].

Еще в середине февраля болгарский интернационалист, член БРСД партии (тесных социалистов) Г. Матеев опубликовал в петроградской печати воззвание к болгарскому народу с призывом прекратить войну и бороться за мир [17]. Несколько болгарских интернационалистов из Петрограда вступили в ряды 1-го интернационального отряда и другие части Красной Армии [18]. Среди них были, в частности, Михал Антонов и Петр Захариев, которым поручалось организовать военный госпиталь. Это поручение они выполнили с помощью болгарских студентов-медиков В. Герова, Каваева и др.[19]

В мае—июне 1918 г. часть болгарских военнопленных, в том числе несколько активных интернационалистов из Москвы во главе с Г. Михайловым, выехала на родину в связи с репатриацией пленных согласно условиям Брестского мира [20]. Все эти

---

[13] «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах», 1918, № 20; «Правда», 17.III 1918.

[14] «Правда», 16, 21.IV 1918; «Пролетарская революция», 1929, № 7, стр. 103.

[15] «Септември», 1957, № 11, стр. 177, 182, 194; «Социал-демократ», 14, 15.III 1918.

[16] «Септември», 1957, № 11, стр. 182.

[17] «Рабочая и крестьянская Красная Армия и флот», 19.II 1918.

[18] «Петроградская правда», 2, 19.IV 1918.

[19] «Българо-съветска дружба», 1959, № 22, стр. 11.

[20] «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах», 1918, № 1; «Септември», 1957, № 11, стр. 182, 194. После возвращения на родину болгарские военнопленные были вскоре снова отправлены на фронт, на этот раз на Салоникский (см. ЦПА (София), ф. «Спомени», д. 1131; «Септември», 1957, № 11, стр. 177—178, 186, 194). Некоторые из них стали активными участниками революционного движения в Болгарии. В частности, Г. Михайлов был репрессирован в связи с Владайским восстанием осенью 1918 г., участвовал в антифашистских восстаниях в июне и в сентябре 1923 г., а позднее в борьбе против фашистских

обстоятельства привели к тому, что болгарские интернационалисты, оставшиеся в различных городах России и Украины, не создали в этот период самостоятельных болгарских интернационалистских организаций, а вошли как в объединенные комитеты иностранных рабочих и крестьян и другие общие интернационалистские организации, так и в отдельные южнославянские организации, комитеты или группы.

2. Болгарские интернационалисты и Южнославянская коммунистическая группа

Весной и летом 1918 г. болгарские интернационалисты действовали под руководством сформировавшейся в Москве в мае 1918 г. Южнославянской коммунистической группы. Под проектом и на окончательном тексте учредительного устава Южнославянской коммунистической группы стояли подписи и представителей от болгар — Х. Манолова, Р. Найденова, А. Миркова, Миятова и др.[21] Болгарин Ф. Кишев был избран в состав руководящего комитета группы, а позднее — представителем от Южнославянской группы в Центральную федерацию иностранных коммунистических групп[22]. Важнейшие документы и обращения Южнославянской группы составлялись и обнародовались от имени представителей всех четырех южнославянских наций, входивших в группу — сербов, хорватов, словенцев и болгар[23].

Болгары — члены Южнославянской коммунистической группы в Москве (а их было вначале всего несколько человек) занимались главным образом журналистской деятельностью: сотрудничали в выходившем с июня 1918 г. органе группы — газете «Всемирная революция». Позднее, с августа 1918 г., в газете появился болгарский отдел и стали публиковаться статьи на болгарском языке (редактором болгарского отдела был Ф. Кишев)[24]. В них подчеркивалось, что русская революция открыла путь социальной революции угнетенного пролетариата всех стран[25], а также печатались призывы к болгарам поддержать русскую революцию и выступить на борьбу против общего врага — империализма под знаменем революционного социализма[26].

мятежников и итало-германских интервентов в Испании («Септември», 1957, № 11, стр. 186).

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, лл. 93—94. Х. Манолов и Р. Найденов были избраны в состав первоначального руководства Южнославянской группы (там же).

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, лл. 13—13 об., 14—16, 18.

[23] ЦГАОР СССР, ф. 1918, оп. 1, д. 38, л. 3.

[24] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 1; д. 434, л. 21.

[25] «Всемирная революция», 15.IX 1918.

[26] Там же, 25.IX 1918.

Одно из наиболее ярких обращений к болгарам с призывом поддержать революционную Москву было написано Георгием Василевым-Шейтановым[27], который некоторое время входил в Южнославянскую группу и сотрудничал в болгарском отделе «Всемирной революции». Кроме обращения «К болгарам в России», Шейтанов опубликовал в газете и другие статьи, восторженно приветствуя дело Октября, воздавая должное борцам, павшим в борьбе за революцию в России, приветствуя К. Либкнехта и других представителей международного рабочего движения, борцов против войны и тирании и разоблачая социал-шовинистов и буржуазных деятелей, ввергнувших народы в преступную войну[28]. Напечатанные в газете пламенные статьи были только частицей творческой деятельности темпераментного революционера и талантливого публициста Г. Василева-Шейтанова[29].

Статьи болгарских интернационалистов отмечали также успехи революционной борьбы и революционного строительства в Советской России, информировали читателей о революционном подъеме в европейских странах, в том числе и в Болгарии[30]. Распространявшаяся по всей территории Советской России газета «Всемирная революция» помогала налаживать связи с болгарскими интернационалистами, находящимися в Петрограде и Саратове, Рязани и Царицыне, Самаре и Орле.

Болгарские интернационалисты, члены Южнославянской группы в Москве, перевели (перевод был выполнен Иваном Димитровым)[31], подготовили к изданию и выпустили тиражом в 10 тыс. экземпляров на болгарском языке Конституцию РСФСР[32]. Подготовлены были также переводы на болгарский

---

[27] «Всемирная революция», 17.VIII 1918; «Литературен фронт», 31.VII 1962.

[28] «Всемирная революция», 17, 24.VIII 1918; «Литературен фронт», 31.VII 1962.

[29] Г. Василев-Шейтанов — родом из Ямбола, еще 17-летним юношей в 1913 г. был арестован за революционную деятельность. Бежал из тюрьмы и жил в эмиграции — в Румынии, Турции и Франции. В Париже в 1914 г. познакомился с русскими революционерами-эмигрантами. В начале первой мировой войны вернулся в Болгарию и выступил против войны. Снова был арестован. В июле 1917 г. вновь бежал из тюрьмы и в 1918 г. перебрался в Советскую Россию, желая принять участие в русской революции. Летом 1918 г. вступил в члены Южнославянской коммунистической группы (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 416, л. 65; д. 434, л. 4 об.) и сотрудничал в газете «Всемирная революция». Узнав о Владайском восстании в сентябре 1918 г. в Болгарии, вернулся на родину и обратился с воззванием «К интеллигенции», призывая ее объединить силы в борьбе с монархией. Принимал активное участие в борьбе против фашизма после переворота 9 июня 1923 г., установив тесную связь с коммунистами и земледельцами-единофронтовцами, за что и был зверски убит фашистами 2 июня 1925 г.

[30] «Всемирная революция» 15, 25.IX; 2, 19, 23, 26.X 1918.

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, лл. 123—125.

[32] Там же, лл. 2, 5, 8. «Конституцията на Руската социалистическа федеративна съветска республика. Издание на българските комунисти (Южнославянска комунистическа група)», № 1. М., 1918.

язык и нескольких других брошюр о революции в России (по некоторым сведениям, ряд из них был издан) [33].

Кроме того, болгарские интернационалисты выступали с докладами и лекциями перед военнопленными, разбросанными в различных пунктах страны, учились на агитационно-пропагандистских курсах [34].

Некоторые болгарские интернационалисты, члены Южнославянской коммунистической группы, участвовали и в работе созданного по инициативе группы летом 1918 г. Южнославянского отдела Народного комиссариата по делам национальностей [35]. Болгарский подотдел этого отдела возглавлял П. Смилов [36].

Летом 1918 г. в связи с мятежом чехословацкого корпуса и расширением антисоветской интервенции Антанты усилился приток в Красную Армию зарубежных интернационалистов. «Как во времена Парижской Коммуны иностранцы сражались на баррикадах, так и сейчас мы пойдем с русскими рабочими на борьбу с вековым врагом — капиталом», — писал один из военнопленных в письме, опубликованном в советской печати летом 1918 г. [37] В интернациональные отряды и подразделения, возникавшие еще весной и в более массовом порядке летом 1918 г., вступали и болгарские интернационалисты. В основном они включались в южнославянские (или сербские) взводы, роты, батальоны или отряды интернациональных подразделений. Небольшие группы болгар-интернационалистов были, в частности, в интернациональных южнославянских (или сербских) ротах и батальонах в Саратове, Астрахани, Царицыне [38] и некоторых других городах (например, в Орле) [39].

Одной из героических страниц, вписанных болгарскими интернационалистами в историю боевого содружества зарубежных интернационалистов с бойцами Красной Армии в годы гражданской войны, было участие интернационального отряда Стояна Джорова [40] в боях против белогвардейцев генерала Бичерахова

---

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 2; д. 417, л. 23; д. 418, л. 123.
[34] Там же, лл. 2, 3, 23; д. 434, лл. 2—3; оп. 9, д. 5, л. 44.
[35] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 38, лл. 3—5.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 416, лл. 7—9; д. 434, л. 3.
[37] «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах», 14.II 1918.
[38] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, лл. 4, 8; д. 421, лл. 3, 11; оп. 9, д. 5, л. 44.
[39] Там же, оп. 4, д. 31, л. 87 об.
[40] С. Джоров — по профессии художник-декоратор, вступил в рабочее и социалистическое движение Болгарии в начале XX в., входил в партию тесняков, примыкал одно время к группе анархо-либералов. Позднее жил в эмиграции; находясь во Франции, установил контакт с русскими большевиками, в том числе с Н. К. Крупской. В 1908 г. приехал в Россию, где активно работал в большевистских организациях Кавказа и Одессы. В 1911 г. вместе с братом Г. Димитрова Н. Димитровым, с которым был тесно связан по нелегальной работе в Одессе, был сослан в Сибирь, в Красноярский край. После Февральской рево-

С. Джоров. 1919 г.

в Дагестане летом 1918 г.[41] В этом отряде, во главе которого стояли болгарские интернационалисты (командир — С. Джоров, комиссар — Попов), насчитывалось около 400 бойцов (мадьяр, югославян, румын, чехов и словаков, австрийцев и др.), в том числе около 100 болгар. Отряд, присланный из Царицына на помощь местному военно-революционному комитету, участвовал

люции — активный участник революционной борьбы в Красноярске, член горкома РСДРП(б); позднее работал на Кавказе и в Поволжье. Летом 1918 г. возглавил отряд интернационалистов, посланный из Царицына в Дагестан. В октябре 1918 г., возглавив Болгарскую коммунистическую группу в Москве, Джоров стал одним из активных работников ЦФИГ. С конца 1919 г. — снова в Болгарии, где активно боролся против реакции и фашизма. Участник антифашистского партизанского движения в годы второй мировой войны.

[41] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 14, л. 21.

в конце августа 1918 г. в сражении у города Петровска (ныне — Махачкала), в ходе которого погибло 30 бойцов (в том числе и комиссар Попов) [42].

3. Болгарские коммунистические группы в Москве и Петрограде

В самом конце сентября—начале октября 1918 г. в движении болгарских интернационалистов наступил новый этап, ознаменовавшийся образованием самостоятельных болгарских коммунистических групп в Москве и в Петрограде. Создание болгарских коммунистических групп было закономерным результатом предшествующей деятельности болгарских интернационалистов. Непосредственным толчком к формированию этих групп послужили революционные события в самой Болгарии.

Вести о нараставшей в конце сентября 1918 г. в Болгарии революционной волне, о восстании солдат болгарской армии и о провозглашении ими республики воодушевили всех революционно настроенных болгар, находившихся в Советской России. Их деятельность сразу же активизировалась.

1 октября 1918 г. состоялось собрание болгар Петрограда (коммунистов и им сочувствующих) под председательством Ивана Някшева [43]. Собрание постановило создать в Петрограде Болгарскую коммунистическую группу и послало приветствие в Болгарию [44]. 3 октября 1918 г. группа была утверждена Петроградским комитетом РКП(б) на правах одной из национальных секций [45]. В эти же дни был выработан и устав группы [46]. Как и многие местные большевистские организации, вырабатывавшие свои уставы до принятия нового Устава РКП(б) в декабре 1918 г.

---

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 14, л. 21; П. Панайотов. Българи — участници в боевете за съветския Дагестан. — «Работническо дело», 4.XI 1964.

[43] Иван Някшев — уроженец Варны, еще в предвоенные годы был близок к болгарскому рабочему движению. В годы мировой войны жил в России и за революционную деятельность был сослан в Архангельск. Позднее, в 1919—1920 гг., сражался в рядах Красной Армии и был несколько раз ранен. 23 сентября 1920 г. погиб в боях против войск буржуазно-помещичьей Польши на посту комиссара 96-го стрелкового полка.

[44] «Вооруженный народ» (орган военной секции Петросовета), 2.X 1918.

[45] «Петроградская правда», 4.X 1918.

[46] ПАЛО, ф. 1, оп. 1, д. 103, лл. 18—18 об. Текст устава опубликован в оригинале в статье М. А. Бирмана «К истории возникновения Болгарской коммунистической группы в Петрограде» («Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965) и в статье И. Д. Очака в переводе на болгарский язык (см. журнал «История и география». София, 1961, № 5). Первая информация об уставе появилась в газете «Известия ВЦИК» от 6.X 1918.

(так как старый Устав августа 1917 г. не соответствовал новой обстановке) [47], некоторые иностранные коммунистические группы в 1918 г. создавали свои уставы.

Устав Болгарской коммунистической группы (очень краткий) в некоторых пунктах перекликался с Уставом РСДРП(б), принятым в августе 1917 г., а в некоторых параграфах (например, установление института «сочувствующих») соответствовал положению дел в РКП(б) в 1918 г.[48] В уставе формулировались в качестве задач группы организация болгар-рабочих, живущих в Петрограде и его окрестностях, содействие формированию соответствующих коммунистических групп среди представителей других балканских народов (что объяснялось чувством братской солидарности балканских народов). Организаторы группы ставили задачу связаться с болгарами, находившимися в других городах Советской России, а также установить контакты с революционными силами в Болгарии. Группу возглавлял комитет, в который входили И. Някшев, И. Николов, С. Сапунов, П. Захариев [49]. Вскоре активным членом группы стал и упоминавшийся М. Антонов, вступивший добровольно в Красную Армию весной 1918 г. и служивший в это время в Петроградском эвакоприемнике [50].

В Петроградскую группу входили также студенты-медики В. Геров и Каваев [51], рабочий-машинист Димитр Ратков [52], Начев и др. Всего, по некоторым, нуждающимся в уточнении, сведениям, в петроградской Болгарской коммунистической группе насчитывалось около 20 членов и сочувствующих [53].

Несмотря на свою сравнительную малочисленность, Болгарская коммунистическая группа в Петрограде развернула в октябре 1918 г. довольно активную деятельность. Представители группы по согласованию с Петроградским комитетом РКП(б) выступали на митингах петроградских рабочих. К примеру, на рабочем митинге, проведенном 6 октября 1918 г. в Охтенском театре, выступил член группы В. Геров. Он приветствовал русских рабочих от имени болгарского пролетариата и заявил, что

---

[47] М. И. Киршин. Уставы местных организаций РКП(б) в 1918—1919 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5.

[48] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 384; М. И. Киршин. Указ. соч., стр. 112.

[49] ПАЛО, ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 18 об.

[50] «Автобиография Антонова», стр. 6 (из личного архива М. Антонова).

[51] Так он значится в статье С. Чукалова «Българи — участници в Октомврийската революция» («Българо-съветска дружба», 1959, № 22, стр. 11). В статье П. Таушанова «Славные дни» («Новая Болгария», 1956, № 20, стр. 3—4) упоминается Ковачев. Возможно, это одно и то же лицо.

[52] В других материалах упоминается Добри Радков (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 12, л. 14). По-видимому, речь идет об одном и том же лице.

[53] Д. Мичев. Първи български комунистически групи в Русия. — «Българо-съветска дружба», 1957, № 11-12, стр. 9.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Личность и подпись
удостоверяется.
1920 года.
Петроград.

Удостоверение М. Антонова — депутата Петроградского Совета

«мы будем рука об руку бороться с общим врагом — капиталом» [54]. На митинге рабочих Московско-Нарвского района 6 октября 1918 г. с приветствием от группы выступил Ратков; на митинге рабочих в театре «Колизей» 6 октября 1918 г. выступил И. Някшев [55].

В эти же дни И. Някшев опубликовал в петроградской печати статью «Почему Болгария первая откликнулась на русскую революцию». В статье Някшев отметил, что «...болгарский пролетариат и болгарская интеллигенция всегда считались учениками русского пролетариата, что факел русской революции осветил дорогу и болгарскому народу» [56]. Спустя две недели Болгарская коммунистическая группа в Петрограде опубликовала обращение к болгарскому народу, в котором она призывала его свергнуть династию Кобургов и установить власть рабочих и крестьян [57].

К середине октября 1918 г. болгарские интернационалисты, члены объединенной Южнославянской коммунистической группы в Москве, выделились в самостоятельную Болгарскую комму-

---

[54] «Петроградская правда», 10.X 1918.
[55] Там же.
[56] Там же. Под аналогичным названием статья Някшева была опубликована и на болгарском языке в газете «Всемирная революция», 9.X 1918.
[57] «Всемирная революция», 26.X 1918.

нистическую группу[58]; она вошла на равных правах с другими, ранее существовавшими группами, в ЦФИГ. Душой московской группы был Стоян Джоров, прибывший в Москву незадолго до образования группы и ставший ее председателем; секретарем группы был избран Иван Георгиев, казначеем — Ф. Кишев[59]. Представителями группы в ЦФИГ были С. Джоров и Иван Дечев (И. Дечев был включен в Военную комиссию ЦФИГ)[60]. Активистами первоначального состава группы были Л. Табачников, Э. Лабенский (агитаторы), И. Димитров, Х. Боев, П. Смилов и др.[61] Многие из активистов московской группы до прибытия в Россию принимали участие в болгарском рабочем движении (были членами партии тесняков и т. п.); некоторые из них имели опыт работы в большевистских организациях, принимали участие в революционной борьбе в России, а после Октябрьской революции действовали в различных советских и партийных органах и были членами РКП(б)[62].

Болгарская коммунистическая группа в Москве к концу года превратилась в центр притяжения всех болгарских коммунистических групп и болгарских интернационалистов в Советской России.

Члены московской группы, разъезжая по заданию Федерации и группы по различным городам, где в это время проживали бывшие военнопленные южнославянского (в том числе и болгарского) происхождения, устанавливали контакты и проводили беседы с ними[63]. Благодаря этому были налажены тесные связи с петроградской группой[64], с ячейкой болгар-коммунистов в интернациональном батальоне в Орле[65] и с болгарами-интернационалистами в Саратове, Царицыне, Липецке и в других городах[66].

---

[58] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 17; оп. 4, д. 31, лл. 87—89.

[59] Там же, оп. 9, д. 5, л. 62; д. 6, л. 5.

[60] Там же, д. 6, л. 3. Иван Дечев в 1911 г. приехал в Россию на учебу. Призванный в 1912 г. на военную службу, он принял участие в нелегальной революционной деятельности в болгарской армии, примкнул к теснякам. В связи с преследованиями за антивоенную деятельность Дечев в 1913 г. вновь выехал в Россию, работал зоотехником в Курганском уезде, находясь под надзором полиции. После Февральской революции вступил в Красную гвардию, а в мае 1917 г. — в партию большевиков. Летом 1918 г. участвовал в боях с чешскими легионерами в составе партизанских отрядов, был комиссаром военных сообщений 1-й Уральской дивизии.

[61] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 5, л. 62; д. 6, л. 6. Позднее в группу входили С. Гольдштейн, И. Пенчев и др.

[62] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 60; оп. 4, д. 31, л. 87; оп. 9, д. 5, л. 62; д. 11, л. 1.

[63] Там же, оп. 4, д. 31, лл. 85, 87 об.; оп. 9, д. 12, лл. 1, 6, 7, 10, 11, 13, 14.

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 101; оп. 4, д. 31, лл. 85, 87, 88 об., 89.

[65] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 87 об.

[66] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, лл. 16—18; оп. 4, д. 31, л. 92.

По мере того как все более разворачивалась деятельность московской группы, к ее редакционно-журналистской и агитационно-пропагандистской работе стали привлекаться наиболее активные сотрудники петроградской группы (Някшев, Николов и др.). Они временами бывали в Москве и иногда числились в составе московской группы [67].

Для установления связей с Болгарией (с руководством БРСД партии тесных социалистов) туда в конце 1918 и начале 1919 г. было послано несколько болгарских интернационалистов [68]. До Болгарии удалось добраться только единицам; некоторые задержались в Будапеште (Ф. Кишев), где позднее приняли участие в революционных событиях в Венгрии, и в Берлине, где установили связь с Болгарской коммунистической группой при союзе «Спартак» [69].

Болгарские интернационалисты, члены московской группы, занимались и переводческо-издательской деятельностью под руководством специальной редакционной коллегии. За короткий срок они перевели с русского языка и подготовили к изданию работы В. И. Ленина «Уроки революции» и «Очередные задачи Советской власти» и несколько популярных брошюр («Что такое Советская власть и как она строится?», «Что дала революция народу?» и др.)[70]. К началу января 1919 г. группа издала четыре популярных брошюры и два воззвания [71].

Заслуживает внимания листовка-воззвание, выпущенная болгарскими интернационалистами в октябре 1918 г. под названием «Селянино!» («Крестьянин!»). В этом обращении к болгарскому трудовому крестьянству содержался призыв к борьбе против капиталистов, сельских богачей-мироедов и царя, к построению государства труда. Утверждалось, что союз рабочих и крестьян — непобедимая сила [72]. Воззвание свидетельствовало о том, что в мировоззрении находившихся в Советской России представителей болгарского рабочего движения, для которых ранее характерно было игнорирование революционных возможностей крестьянства, происходили под влиянием опыта революции в России значительные сдвиги.

С течением времени между московской и петроградской группами установилось своеобразное разделение труда в переводческо-издательских делах: было условлено, что московская группа займется главным образом подготовкой переводов и изданием популярных революционных брошюр, а петроградская

---

[67] Там же, оп. 4, д. 31, лл. 75—91; оп. 9, д. 6, л. 5.
[68] Там же, оп. 9, д. 10, л. 10; оп. 9, д. 12, лл. 2—3.
[69] Там же, оп. 4, д. 31, л. 85.
[70] Там же, оп. 9, д. 5, лл. 62—63; д. 6, л. 11.
[71] Там же, оп. 1, д. 415, л. 8 об.; оп. 4, д. 31, лл. 75, 85 об.; 91.
[72] Там же, оп. 4, д. 38, л. 7.

будет готовить к изданию более солидные труды[73]. К концу 1918 г. Болгарская коммунистическая группа Петрограда издала в болгарском переводе ряд брошюр, в том числе работу В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», и выпустила от своего имени «Манифест к болгарскому трудовому народу»[74]. В манифесте группа призывала болгарский народ выступить на защиту Советской России — оплота мировой революции и помешать империалистам Антанты задушить Советскую республику путем нападения с юга, через Балканы.

16—18 января 1919 г. в Москве по инициативе московской и петроградской групп была проведена конференция болгар-коммунистов. В ней приняли участие делегации московской и петроградской болгарских коммунистических групп, представители от Болгарской коммунистической группы в Берлине и от болгар-коммунистов города Царицына и Южного фронта[75]. В качестве гостей присутствовали представители ЦК РКП(б), ЦФИГ, Югославянской, Французской, Румынской коммунистических групп и Наркомнаца. Почетными председателями конференции были избраны В. И. Ленин, К. Либкнехт и Д. Благоев. Конференция послала приветствия В. И. Ленину, К. Либкнехту, Д. Благоеву, Красной Армии и Петроградскому Совету рабочих и красноармейских депутатов[76].

Конференция заслушала доклады с мест. Отчет о деятельности московской группы сделал С. Джоров (избранный председателем конференции). Докладчик охарактеризовал деятельность группы (насчитывавшей к 1 января 1919 г. 17 членов и сочувствующих)[77] по налаживанию связей с болгарами в других городах и с ЦК партии тесняков, отметил деятельность агитаторов группы, часто выступавших с докладами по важнейшим вопросам в разных местах. Отчет о работе петроградской группы сделал И. Някшев, рассказавший об издательской и иной деятельности группы, состоявшей к январю 1919 г. из одиннадцати членов и пяти сочувствующих[78]. Представитель берлинской группы Н. Грамовский сообщил, что группа, созданная после Ноябрьской революции из болгарских интернационалистов-коммунистов, насчитывает одиннадцать человек и ведет политическую работу среди болгарских солдат в Германии[79].

---

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 91.
[74] «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[75] «Правда», 15.XII 1918; «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[76] «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 85.
[78] «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[79] ЦПА (София), ф. «Спомени», д. 259; «Жизнь национальностей», 2.III 1919. После конференции Н. Грамовский, возвращаясь в Берлин, задержался в Будапеште и принял участие в революционных событиях в Венгрии («Известия на института по история на БКП», т. 6. София, 1959, стр. 303).

Доклад о программной платформе болгарских коммунистических групп сделал М. Антонов. Он подчеркнул необходимость союза рабочего класса с широкими массами крестьянства для успешного исхода революции в Болгарии. После обсуждения программная платформа была утверждена конференцией и опубликована [80].

В основу организационной системы групп был положен принцип демократического централизма. Конференция постановила усилить внимание к деятельности болгарских коммунистов на Украине, имея в виду перспективы работы среди болгарского населения юга и юго-запада страны [81].

На конференции было избрано Центральное бюро болгарских коммунистических групп при ЦК РКП(б) (ЦБ БКГ), куда вошли С. Джоров, Х. Боев, И. Стойков и др. К нему переходила «вся ответственная организационно-политическая и агитационно-печатная работа» [82]. Центральное бюро должно было отныне руководить деятельностью всех болгарских коммунистических групп и болгарских коммунистов в Советской России и на Украине.

Подготовка к конференции и сама конференция способствовали дальнейшей активизации деятельности болгарских интернационалистов в Советской России как в центре, так и на периферии. Накануне созыва конференции в Липецке (где побывал агитатор петроградской группы) возникла Болгарская коммунистическая группа из четырех человек [83]. К началу февраля 1919 г. московская группа насчитывала уже 20 членов и 4 сочувствующих [84].

В это время происходила постепенная переориентация в деятельности всей ЦФИГ. Революционный подъем в Германии, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в Болгарии, успехи Красной Армии усилили внимание интернационалистских организаций к проблемам и задачам революционного движения за рубежом.

4. Болгарская коммунистическая группа в Одессе

С начала 1919 г. у болгарских интернационалистов возникает проект переноса центра агитационно-пропагандистской деятельности болгарских коммунистических групп на Украину для ра-

---

[80] «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[81] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, лл. 86, 92.
[82] Там же, л. 92; «Жизнь национальностей», 2.III 1919.
[83] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 85 об.; «Известия Липецкого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 15.I 1919.
[84] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 92.

боты среди болгарского населения Украины и Бессарабии и для налаживания систематической связи с Болгарией.

После конференции Центральное бюро болгарских коммунистических групп в течение второй половины января и в феврале 1919 г. направило для работы на Украину в качестве агитаторов нескольких болгарских коммунистов [85]. При ЦК КП(б) Украины с помощью ЦБ БКГ была создана группа болгарских коммунистов [86]; группу в Киеве возглавлял Марин Цухлев [87]. Представитель болгарских интернационалистов входил в Комитет иностранных коммунистов в Киеве [88].

В феврале 1919 г. ЦБ БКГ выработало конкретный план переброски большинства болгарских коммунистов из центральных городов России на Украину [89] и с одобрения ЦФИГ и ЦК РКП(б) начало постепенно осуществлять этот план [90].

Наряду с этим болгарские интернационалисты, активисты болгарских коммунистических групп в Москве и Петрограде вместе с представителями других иностранных коммунистических групп принимали деятельное участие в подготовке I конгресса Коммунистического Интернационала. Так, М. Антонов участвовал в митинге, созванном 19 декабря 1918 г. Петроградским комитетом РКП(б) в связи с подготовкой к I конгрессу, и выступил на нем с речью от имени болгарских интернационалистов [91]. Накануне конгресса С. Джоров опубликовал статью, в которой отметил предательскую роль лидеров II Интернационала и подчеркнул, что болгарские интернационалисты-коммунисты, как и все болгарские трудящиеся, горячо поддерживают идею создания нового, революционного Интернационала. В качестве представителя болгарских коммунистических групп в Советской России С. Джоров принял участие (на правах делегата с совещательным голосом) в работе I конгресса Коммунистического Интернационала, открывшегося в Москве 3 марта 1919 г.[92] С основанием Коммунистического Интернационала одним из активных сотрудников его Исполкома был болгарский интернационалист С. Минев [93].

---

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 31, л. 92; оп. 9, д. 12, лл. 10—13.
[86] Там же, оп. 4, д. 31, л. 92.
[87] ЦПА (София), ф. «Спомени», д. 361.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 19—19 об.
[89] Там же, оп. 4, д. 40, лл. 2—3; оп. 9, д. 1, л. 12.
[90] Там же, оп. 4, д. 12, лл. 10—13, 15—16.
[91] Там же, ф. 75, оп. 3, д. 25626, лл. 1—2.
[92] «Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы конгресса». М., 1933, стр. 251.
[93] «Работническо дело», 7.V 1959; С. Минев — член партии тесняков с 1907 г., во время первой мировой войны находился в Швейцарии, принимал активное участие в молодежной социалистической конференции в Берне в 1915 г., познакомился с В. И. Лениным и начал работать в большевистских секциях в Швейцарии, член КПСС с 1916 г.

Переезд большинства активистов Болгарской коммунистической группы из Москвы на Украину был ускорен преждевременным решением Всероссийской конференции иностранных коммунистов (3—4 марта 1919 г.) о ликвидации ЦФИГ и ее центральных и местных групп. В конце марта 1919 г. начался переезд ЦБ БКГ и активистов Болгарской коммунистической группы Москвы в Киев[94]. Некоторые из активистов Болгарской коммунистической группы Петрограда (И. Някшев, М. Антонов и др.) служили в это время в Красной Армии и оторвались от деятельности группы. Отдельные лица перешли на другую партийную или советскую государственную работу. Таким образом, с апреля 1919 г. болгарские коммунистические группы в Москве и Петрограде, численность которых резко сократилась, фактически перестали действовать[95]. Уполномоченным ЦБ БКГ и болгарских коммунистических групп при ЦФИГ и ЦК РКП(б) в Москве остался С. Сапунов[96], впоследствии перешедший на работу в Исполком Коминтерна; на работу в аппарат Исполкома Коминтерна перешел также и И. Дечев[97].

После освобождения Красной Армией в начале апреля 1919 г. Одессы 20 апреля туда из Киева перебазировалось ЦБ БКГ во главе с С. Джоровым[98]. В конце апреля возникла и Болгарская коммунистическая группа при Одесском губкоме КП(б) Украины[99]. В группу входили, кроме прибывших вместе с Джоровым болгарских коммунистов, несколько сотрудников болгарского консульства в Одессе, порвавших с ним по приходе Красной Армии (К. Телалов, Л. Белоречки и др.), интернационалисты из числа других болгарских подданных, проживавших в Одессе, а также болгары из коренного населения юга России во главе с И. Г. Геновым. Руководили группой К. Телалов, И. Г. Генов и др.[100] Одной из важных организаций болгарских интернационалистов был избранный на общем собрании болгар Одессы 6 мая 1919 г. Совет болгарских рабочих и солдатских депутатов

---

[94] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 12, лл. 15—16.

[95] В связи с тем, что часть членов петроградской группы, случайно вошедших в ее состав и не проявивших в ней особой активности, отказалась выехать на Украину, группа была в мае 1919 г. распущена, а ее членам было предложено вступить в РКП(б) в индивидуальном порядке.

[96] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 6, л. 10; д. 12, лл. 17—19.

[97] Государственный архив Харьковской области, ф. Р-1772, оп. 1, д. 436, л. 6.

[98] ЦДИА (София), ф. 176, оп. 1, д. 529, лл. 11—12; Д. Тишев, П. Панайотов. Революционна дейност на българи в гр. Одеса през 1919 г.— «Исторически преглед», 1957, № 5, стр. 76.

[99] «Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 30.IV 1919.

[100] ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 51, л. 4; ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 765, л. 46; ЦДИА (София), ф. 176, оп. 1, д. 520, лл. 11—12.

Година I. Брой 1. Цена 1 рубла Четвъртък, 1 май 1919 г.

КОМУНА

ОРГАН

ДА ЖИВЕЕ ПЪРВИ МАЙ!

Да живее Българската Социал. Съветска Република!

Първи май

К редакцията.

ДРУГАРИ!

ЛЕКЦИЯ

«Комуна» — газета Болгарской коммунистической группы в Одессе

во главе с К. Касабовым, Н. Пеловым и Чакыровым[101]. Руководство деятельностью всех болгарских интернационалистов в Одессе осуществляло ЦБ БКГ, возглавлявшееся С. Джоровым[102].

Как и другие группы иностранных коммунистов, возникшие при Одесском губкоме КП(б) Украины (Румынская, Югославянская, Греческая, Польская, Французская и др.), Болгарская группа работала под общим руководством Южнорусского бюро Коммунистического Интернационала, но действовала более или менее автономно[103].

Одним из первых и важнейших начинаний группы было издание на болгарском языке газеты «Комуна», первый номер которой вышел к 1 мая 1919 г. (всего вышло девять номеров; последний был опубликован 2 августа 1919 г.). Газета, являвшаяся органом ЦБ БКГ, издавалась при содействии Одесского губкома КП(б) Украины, предоставившего ей необходимые средства и помещение.

Газета освещала жизнь и деятельность болгарских коммунистов Одессы, информировала о мероприятиях группы и т. д. Большое внимание газета уделяла пропаганде идей и лозунгов Коммунистического Интернационала (разъяснению его целей и задач были посвящены, в частности, во втором номере две статьи С. Джорова). В ряде номеров публиковались документы I конгресса Коминтерна: написанная В. И. Лениным «Платформа Коммунистического Интернационала» (№ 6—8), тезисы конгресса «Международное положение и политика Антанты» (№ 7) и воззвания ИККИ (№ 7, 8)[104]. Был напечатан (в изложении) и доклад В. И. Ленина от 23 марта 1919 г. о работе в деревне (№ 4), подчеркивавший необходимость внимательного отношения к середняку. Редакция публиковала и другие материалы об опыте революции в России («Чему нас учит русская революция?», «Что такое Советская республика?» и другие материалы — № 1, 4, 7, 9).

В каждом номере печаталась информация о международном положении, о революционном движении в Европе; специальное

---

101 «Комуна», 10, 24.V 1919. Койчо Касабов родом из села Зелениково Пловдивского округа, демобилизовавшись после Балканских войн 1912—1913 гг. из армии, уехал на заработки в Румынию, откуда попал в Одессу. В январе 1918 г. вступил в Красную гвардию и принимал участие в революционных боях в Одессе. Позднее служил в Красной Армии (в 3-й армии и на Царицынском фронте). После освобождения Одессы в апреле 1919 г. вновь вернулся в Одессу (см. ЦПА (София), ф. «Спомени», д. 357, 358; ЦДИА (София), ф. 176, оп. 1, д. 520, лл. 11—12).

102 ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 53, л. 8; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 51; «Комуна», 1.V 1919.

103 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 316, л. 55.

104 Кроме того, отдельным изданием был напечатан на болгарском языке «Манифест на III-я Комунистическия Интернационал» (Одесса, 1919).

Х. Катев

внимание уделялось Балканам, в особенности Болгарии. Были опубликованы материалы состоявшегося в Софии в конце мая 1919 г. съезда БРСД партии тесных социалистов, на котором партия была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), информация о принятии БКП принципов и тактики Коминтерна (№ 8).

В отдельных заметках о коммунистическом движении в Болгарии сквозило сочувствие «левым» — антипарламентаристам из рядов БКП, призывавшим к бойкоту парламента (см., в частности, № 5), что свидетельствовало о недостаточной идейной зрелости членов болгарских коммунистических групп в Советской России.

Трудовое болгарское население Одессы поддерживало Болгарскую коммунистическую группу и газету «Комуна», вносило денежные пожертвования в так называемый Революционный фонд при ЦБ БКГ[105].

Болгарские интернационалисты, члены Болгарской коммунистической группы в Одессе, уделяли особое внимание революционной агитации и пропаганде среди болгарского населения Одессы и ее окрестностей, а также, по мере возможности, и в болгарских селах более отдаленных районов. Важнейшим средством пропаганды и агитации болгарских интернационалистов была газета «Комуна», проникавшая в болгарские села Бессарабии, Херсонской губернии[106] и других мест.

Одесская Болгарская коммунистическая группа вела агитационно-пропагандистскую работу среди болгар Одессы и через существовавшую при группе библиотеку-читальню, где устраивались доклады и лекции. Группа стремилась сплотить болгарское население для защиты Советской власти, парализуя контрреволюционную пропаганду со стороны некоторых болгарских подданных, связанных с консульством[107]. Особое внимание руководство Болгарской коммунистической группы обращало на идейное воспитание членов группы, многие из которых не избавились,

---

[105] По данным газеты, в Революционный фонд при ЦБ БКГ внесли пожертвования около 110 человек («Комуна», № 4, 5, 7, 8).
[106] АИИП при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 5, д. 422, л. 21.
[107] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 307, л. 36; «Комуна», 5.VII 1919.

в частности, от реформистских иллюзий и т. д. С целью укрепления коммунистического мировоззрения для членов группы проводились систематические беседы по важнейшим вопросам текущей политики и об этапах борьбы РКП (б). Занятия вели руководители группы, в частности С. Джоров, являвшийся, по свидетельству членов группы, начитанным марксистом [108].

П. Трайчев

Часть людей и средств ЦБ БКГ выделило для работы в Добруджанском ревкоме (занимавшемся разложением антисоветских сил и войск в Румынии, издававшем листовки и воззвания на румынском и болгарском языках и т. д.) [109] и для установления связи с Болгарской коммунистической партией [110] (П. Грудков и др.).

Главной задачей группы была мобилизация и организация болгар Одессы и окрестностей на борьбу против контрреволюции и иностранной интервенции. Члены группы по вечерам выполняли оборонные задания военной комендатуры Одессы [111]. Несколько активных и энергичных работников группы — К. Касабов, Л. Белоречки и другие — были выдвинуты на ответственную работу по формированию и комплектованию интернациональной дивизии и ее составной части — болгарской бригады [112]. В формировавшуюся интернациональную дивизию и ее болгарскую бригаду (их так и не успели сформировать) записывалось немало болгарских интернационалистов, откликнувшихся на призывы ЦБ БКГ и Болгарского Совета встать на защиту Советской власти [113]. Болгарские интернационалисты вместе с немецкими и другими интернационалистами принимали участие в подавлении спровоцированного белогвардейцами в конце июля—начале августа кулацкого мятежа в селах немецких колонистов на Одесщине [114].

---

[108] ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 51, лл. 3—3 об., 18, 24.
[109] ГАОд.О, ф. «Листовки и прокламации» (в россыпи). Деятельностью Добруджанского ревкома руководил С. Джоров (ПАОд.О, ф. 2, оп. 2, д. 949, л. 7; ф. 13, оп. 3, д. 51, л. 10).
[110] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 2, л. 51.
[111] ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 51, л. 8 об.
[112] ЦГАСА, ф. 178, оп. 1, д. 3, л. 116; д. 5, л. 540; оп. 3, д. 13, л. 68.
[113] Там же; «Комуна», № 3—6, 8, 9.
[114] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 53.

В конце августа, накануне вступления деникинцев в Одессу, деятельность Болгарской группы была фактически свернута. Часть болгарских коммунистов ушла в ряды Красной Армии на оборону Одессы. Несколько человек во главе с С. Джоровым отправились на нелегальную работу по разложению антисоветских армий Антанты и в Болгарию[115]. Группа болгар из коренного населения Одесщины была оставлена для подпольной работы в Одессе и в окрестных болгарских селах. Большая часть подпольщиков-болгар была арестована в октябре—ноябре 1919 г.[116]

С самоликвидацией ЦБ БКГ и Болгарской коммунистической группы наступил новый этап в деятельности болгарских интернационалистов в Советской России. Теперь они действовали только в рамках советских и партийных организаций под непосредственным руководством РКП(б) и КП(б) Украины.

Болгарские интернационалисты — члены РКП(б) и КП(б) Украины и беспартийные — работали на предприятиях и заводах, в советских и партийных учреждениях. Немало болгарских интернационалистов сражалось на различных фронтах гражданской войны. Некоторые из них (Караивански, Н. Попов и др.) находились в рядах бригады Г. Котовского и отдали свою жизнь в борьбе за власть Советов в России; боец бригады К. Константинов погиб 18 октября 1918 г. в боях в районе Винницы[117]. В боях под Одессой в августе 1919 г. участвовало много болгарских интернационалистов (причем Л. Белоречки, Н. Ангелов, Муравиев и другие геройски погибли[118]). В декабре 1919 г. в боях у Киева погиб Марин Цухлев[119].

В Конной армии Буденного сражались прибывшие весной 1920 г. из Болгарии и стремившиеся попасть в «буденновцы» два болгарских коммуниста — Б. Шаранков и Т. Главчев[120]. В рядах Красной Армии против войск буржуазно-помещичьей Польши сражался Д. Кацарский[121], против махновцев — Г. Гологин-

---

[115] ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 51, лл. 5, 8 об., 18.

[116] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 564, л. 89; «Одесские новости», 21.IX 1919 г. В выявлении болгарских коммунистов-подпольщиков значительную помощь деникинской контрразведке оказало консульство царской Болгарии в Одессе (см. ПАОд.О, ф. 13, оп. 3, д. 51, лл. 5, 37—38).

[117] П. Панайотов. Приносът на българи за победата на Октомврийската революция (1917—1920). София, 1967, стр. 128—131.

[118] «Работнически вестник», 2.VI 1920; «Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (далее — «БКП... в резолюции...»), т. II, София, 1951, стр. 66. II съезд БКП тесных социалистов в июне 1920 г. специально почтил память Л. Белоречки, Н. Ангелова, Муравиева и других болгарских интернационалистов, погибших в боях в рядах Красной Армии.

[119] «БКП... в резолюции...», т. II, стр. 66.

[120] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 765, лл. 63—64, 98—89.

[121] ЦПА (София), ф. «Спомени», д. 355.

ков[122]. В строительстве вооруженных сил молодой Советской республики приняли участие и некоторые офицеры болгарского происхождения, ранее служившие по разным причинам в армии царской России — в частности генерал П. Стаев и др.[123]

В подпольной революционной группе, состоявшей главным образом из болгарских и греческих революционеров и смело действовавшей в 1918—1919 гг. в тылу по разложению армий Антанты, находились Х. Катев, позднее, в 1920 г., сражавшийся против врангелевцев[124], Н. Трайчев, М. Стойчев, Хр. Добрев и др.

Охваченные революционным энтузиазмом и идеями международной пролетарской солидарности, болгарские интернационалисты внесли свой вклад в победу и утверждение Советской власти.

---

122 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 499, л. 125; «1917-та година», стр. 47—48.

123 П. Панайотов. Указ. соч., стр. 182.

124 Х. Катев. В рядах борцов за победу революции. — «Советское славяноведение», 1967, № 1, стр. 52—55; А. Цветков. Участието на българи в Октомврийската революция. — «Отечествен фронт», 27.X 1957.

ГЛАВА 12

ГЕРМАНСКИЕ И АВСТРИЙСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

1. Октябрьская революция и германские и австрийские военнопленные

Основная масса германских и австрийских военнопленных, считая Октябрьскую революцию внутренним делом России, увидела в ней первоначально лишь «начало эры отъезда на родину» и именно поэтому приветствовала борьбу Советского правительства за прекращение войны. В то же время они с благодарностью и воодушевлением воспринимали шаги Советского правительства, направленные па коренное улучшение их материального и правового положения.

Однако революционные преобразования, происходившие на их глазах, разъяснительная работа большевиков и левых социал-демократов из их собственной среды постепенно приносили свои результаты. В сознании значительной части военнопленных наметились серьезные сдвиги. Октябрьская революция прочно завоевала на свою сторону передовую часть германских и австрийских военнопленных. Их авангард составляли интернационалисты. Германские и австрийские интернационалисты на территории Советской России с самого начала объединялись в организации, созданные по принципу общности языка, без учета подданства и национальности. Они входили в единые (языковые) фракции на совещаниях, съездах, конференциях; создавали общие объединения в массовых революционных организациях, входили в одни подразделения и части Красной гвардии, Красной Армии и партизанских отрядов, а в дальнейшем объединились в единые группы РКП(б). Поэтому нет возможности дифференцировать их организационную, политико-воспитательную, издательскую, военную, подпольную и трудовую деятельность.

Германские и австрийские военнопленные участвовали в митинге в Москве 3 (16) декабря 1917 г. и голосовали за резолюцию, в которой приветствовалась Октябрьская революция и одобрялись действия К. Либкнехта и его сторонников — австрийских левых социал-демократов, решительно осуждались империалистическая война и оппортунизм [1]. Германские и австрийские военнопленные в Петрограде в январе 1918 г. выступили в цирке «Модерн» на интернациональном митинге, где ярко продемонстрировали свою солидарность с Октябрьской социалистической революцией [2]. Они проголосовали также за резолюцию, принятую участниками митинга, состоявшегося в Петрограде 19 февраля 1918 г., в которой говорилось: «Мы вместе с русскими революционерами-интернационалистами требуем прекращения кровавой войны... Мы призываем своих братьев — солдат Германии, Австрии и Венгрии свергнуть иго генералов и офицеров Вильгельма и Карла и всех верных слуг капитализма» [3]. Немцы и австрийцы участвовали в митинге протеста против нарушения Центральными державами перемирия в феврале 1918 г. [4] Для разъяснения политики Советского государства местные организации РСДРП(б) и Советы направляли в лагеря военнопленных и на сборные пункты своих агитаторов и лекторов.

В декабре 1917 г. тиражом в 500 тыс. экземпляров издавалась на немецком языке газета «Факел», предназначенная «для бесплатного распространения среди немецких братьев-солдат». В газете разъяснялась мирная внешняя политика Советского правительства, помещалась подробная информация о деятельности Советов, о положении военнопленных и т. д. С 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) в Петрограде начал выходить на немецком языке орган Международного отдела ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — газета «Фёлькерфриден» («Мир народов»). Газета подробно освещала переговоры в Брест-Литовске, революционное движение в Германии и Австро-Венгрии, пропагандировала политику большевистской партии и Советского правительства. «Издающаяся на немецком языке „революционная“ газета, — доносил германскому командованию вернувшийся из Петрограда пленный Де-Боер, — во множестве распространяется среди немецких гражданских и военных пленных. И фактически много пленных переходит к большевикам...» [5] Газета «Фёлькерфриден» попадала к солдатам германских войск, находившимся не только на территории России, но и

---

[1] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 34—35.
[2] «Der Völkerfrieden», 10.I 1918.
[3] «Боевое содружество...», стр. 48.
[4] Там же, стр. 50.
[5] ЦПА ИМЛ.

в Германии[6]. Уже в декабре 1917 г., получив соответствующие сведения от шведских представителей в России, военный атташе Германии в Стокгольме с тревогой доносил в Генеральный штаб, что «большевистские идеи большей части пленных... падают на плодородную почву и их перенесение в Германию представляет большую опасность»[7]. Подобные же сообщения о деятельности австрийских интернационалистов поступали в военные ведомства монархии Габсбургов. Так, старший лейтенант венгерских гонведов, вернувшийся зимой 1918 г. из плена на родину, с тревогой докладывал австро-венгерским властям о влиянии революции на солдат-военнопленных. «Наши рядовые жили среди русского народа более свободно, чем мы, офицеры; они принимали участие во всех его выступлениях... Говорили, что в период ноябрьских уличных боев в Москве большевики вооружили наших людей... В Санкт-Петербурге на средства большевиков издавались венгерские и немецкие газеты; редакторы этих газет, немецкие и австрийские рядовые, призывали к свержению династий и подстрекали к классовой борьбе... Большое количество наших рядовых присутствовало на большевистских собраниях»[8].

Уже в конце 1917 г. в некоторых лагерях интернационалисты начали издавать свои газеты на немецком языке. Например, в Вятке выходила газета под редакцией Е. Тегнера и К. Бартельса. В начале 1918 г. германские и австрийские интернационалисты стали издавать свои газеты в Самаре и Омске[9].

Германские и австрийские социал-демократы активно участвовали в создании интернациональных организаций в Москве, Петрограде, Самаре, Нижнем Новгороде, Симбирске, Омске, Иркутске, Хабаровске и других городах. Одна из первых социал-демократических организаций военнопленных в России, как указывалось выше, сформировалась еще до Октябрьской революции в Ростове-на-Дону под руководством австрийского социал-демократа Г. Мельхера. Он же весной 1918 г. руководил созданием Союза иностранных рабочих и крестьян в Царицыне. В январе 1918 г. в Петрограде возникла революционная группа немецких интернационалистов «Спартак»[10].

Руководителями организации военнопленных — социал-демократов Московского военного округа, возникшей в конце 1917 г., были немецкие и австрийские интернационалисты А. Эбенгольц, Э. Рейтер, Р. Роткегель и др.[11] В Туле председателем революци-

[6] В частности, прусская полиция в феврале 1918 г. отмечала, что газета «Фёлькерфриден» распространяется в районах Гамбурга и Берлина (ЦПА ИМЛ).

[7] ЦПА ИМЛ.

[8] Из документа Военно-исторического архива Венгерской Народной Армии (коллекция).

[9] «Die Welt-Rewolution», 9.V 1918.

[10] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 1, л. 97.

[11] «Интернационалисты в боях за власть Советов». М., 1965, стр. 68.

онного комитета военнопленных был избран австрийский рабочий Ф. Веллер (Керше), член большевистской партии с конца 1917 г., один из организаторов крупной забастовки военнопленных, работавших на тульских оружейных заводах во времена правления Керенского. Позже Ф. Веллер являлся членом Тульского губкома партии и депутатом городского Совета. Одним из инициаторов создания интернациональной организации военнопленных Нижнего Новгорода, а затем и ее руководителем был Иоганн Коплениг (бывший сапожник, член социал-демократической рабочей партии Австрии с 1909 г., а с марта 1918 г. — коммунист). В Симбирске председателем Комитета военнопленных-интернационалистов стал немец Л. Форст. Председателем Союза социал-демократов—интернационалистов Урала (Екатеринбург) был избран германский социал-демократ О. Фильтер [12]. Австрийский социал-демократ И. Грюн являлся руководителем революционной организации военнопленных, возникшей в лагере города Верхотурье [13], а затем вошел в состав ЦК Союза социал-демократов—интернационалистов Урала. Организаторами немецкой языковой группы омской организации социал-демократов—интернационалистов были австрийские социал-демократы К. Томан и Ф. Эффенбергер и германские — В. Раков и Лампе. Видную роль в интернациональных организациях Вятки играли немцы А. Шредер, Ю. Пайне, К. Пфейфер, А. Гофер; Троицка — Г. Копиц, Г. Хендрик; Новониколаевска — Циликепс; Томска — австриец М. Юнг; Иркутска — немец Э. Штер; Красноярска — немец Г. Кольгоф и австриец Фихтер [14]. Председателем созданного в январе 1918 г. в Ташкенте Комитета военнопленных-социалистов был избран австрийский социал-демократ И. Цвиллинг [15].

Своей важнейшей задачей интернационалисты считали защиту Советской республики от белогвардейцев и интервентов, в частности от германских и австро-венгерских. Они разъясняли пленным грабительский характер Брест-Литовского договора и организовывали митинги протеста против агрессивной политики Германии, Австро-Венгрии и их союзников. Такие митинги состоялись в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Рязани, Екатеринбурге, Пензе, Бузулуке, Балашове.

Немецкие интернационалисты не ограничивались осуждением захватчиков, а призывали военнопленных с оружием в руках защищать Советскую республику. На митинге военнопленных в Твери, посвященном юбилею революции 1848 г., немецкий солдат призывал товарищей: «Как один человек станьте на защиту

---

[12] Там же, стр. 69.
[13] Там же, стр. 75.
[14] ЦПА ИМЛ; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 116, л. 23; д. 81, л. 1; «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 69.
[15] «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 258.

святого дела революции и направьте ваше оружие против палачей свободы!»[16] Военнопленные, находившиеся в Твери и Богородске, решили просить Совет Народных Комиссаров разрешить им вступить в Красную Армию для участия в борьбе против нашествия германских и австро-венгерских империалистов на Советскую республику[17]. По предложению Л. Форста собрание военнопленных в Симбирске постановило: «Российская социалистическая рабоче-крестьянская республика считается исходным пунктом всемирной революции. Мы, иностранные рабочие и крестьяне, находящиеся в свободной России, должны защищать Российскую Советскую Республику всеми силами против каждого иностранного или внутреннего врага!»[18] В связи с наступлением германских войск в феврале 1918 г. Московский Совет вместе с представителями военнопленных-интернационалистов, среди которых были немцы и австрийцы, принял решение об «организации отрядов военнопленных с целью отправки на фронт как агитаторов и для вооруженного отпора немецким империалистам»[19].

Германские и австрийские военнопленные добровольно вступали в интернациональные отряды Красной гвардии в Самаре, Пензе, Перми, Костроме, Воронеже, Вятке и других городах Европейской части России[20]. 26 февраля 1918 г. из Москвы на фронт отправился 1-й интернациональный добровольческий отряд. Половину его составляли немцы, другую — австрийцы и венгры. На знамени отряда было написано: «Русская революция — наша революция, наша надежда»[21].

Славную страницу в историю борьбы против врагов Советской республики вписали бывшие австрийские и германские военнопленные, воевавшие против банд Каледина и австро-германских захватчиков на Украине[22]. Еще в декабре 1917 и в феврале 1918 г. немецкие интернационалисты участвовали в боях против белогвардейцев за Ростов. Сложившийся здесь интернациональный отряд под командованием И. Гутше воевал против германских захватчиков под Бахмачем[23]. Из германских и авст-

---

[16] «Die Welt-Rewolution», 15.IV 1918.
[17] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 241.
[18] «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 145.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 2, л. 47.
[20] «Die Welt-Rewolution», 9.V 1918; «Weltenwende — wir waren dabei». Berlin, 1962, S. 33 и др.; «Дело трудящихся всего мира». М., 1957, стр. 14; І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918—1919 рр.). Київ, 1959, стр. 35.
[21] «Die Welt-Rewolution», 2.III 1918.
[22] І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Указ. соч., стр. 31.
[23] «Weltenwende — wir waren dabei», S. 74; С. Штригниц. Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции. — «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 114.

Группа немецких интернационалистов

рийских интернационалистов состояли рота 1-го Туркестанского полка в Ташкенте, первые формирования Красной гвардии и Красной Армии в Самарканде и некоторых других городах Туркестана [24]. Немецкие и австрийские интернационалисты записывались в отряды Красной гвардии в Красноярске и Иркутске (где участвовали в подавлении контрреволюционного мятежа) [25], Томске и Хабаровске [26].

2. Брестский мир и германские и австрийские военнопленные

Подписание Брест-Литовского мирного договора изменило условия деятельности германских и австрийских интернационалистов в России.

Выполняя договор, Советское правительство перестало издавать газеты на немецком языке и распорядилось, чтобы государственные органы воздерживались от агитации среди военно-

---

[24] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 92, лл. 15, 16, 20; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 74, 168.
[25] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 82, л. 12; д. 117, л. 13.
[26] «Die Welt-Rewolution», 9.V 1918; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 236.

пленных [27]. Не довольствуясь этим, германский МИД потребовал разоружения интернационалистов, отделения германских военнопленных от всех прочих и, в частности, от австро-венгерских ввиду крайней «зараженности» последних большевизмом [28], восстановления привилегий офицеров, запрещения всех собраний и съездов военнопленных. Через своих осведомителей, работников шведского Красного Креста, а также путем опроса возвратившихся из России военнопленных [29], германские и австро-венгерские власти выявляли фамилии активных интернационалистов, чтобы расправиться с ними, как только для этого представится возможность. В оккупированном Киеве германские власти повесили 25 бывших военнопленных за поддержку большевиков, в Полтаве была расстреляна группа немецких военнопленных, обвиненных в большевизме [30].

Политика германских и австро-венгерских властей побуждала многих военнопленных искать нелегальных путей возвращения на родину или откладывать свой отъезд из России, тем более что желающих попасть на Западный или Итальянский фронты, куда германское и австро-венгерское командования обычно отправляли бывших военнопленных, было совсем немного.

Для работы среди военнопленных в России германское правительство прислало в Москву так называемую Разъяснительную комиссию, имевшую в своем штате 75 человек. Она издавала и рассылала по лагерям листовки и брошюры, направляла деятельность контрреволюционных элементов из среды военнопленных. От имени комиссии выступали и немецкие священники. Апеллируя к патриотизму и религиозным чувствам, они увещевали военнопленных быть верными кайзеру. В Петрограде германское консульство издавало для военнопленных специальную газету «Ст.-Петербургер нахрихтен» («Санкт-Петербургские известия»).

Получив поддержку дипломатических миссий Германии и Австро-Венгрии, работники шведского Красного Креста усилили борьбу против революционных организаций. В Омске они отказали в материальной помощи революционно настроенным военнопленным, препятствовали созданию органов самоуправления в ряде лагерей.

В лагерях Рязани, Каширы, Андижана поднявшие голову германские и австрийские офицеры и фельдфебели попытались помешать созданию интернационалистских организаций, взять под

[27] «Пролетарская революция». 1929, № 7 (90), стр. 101, 107.
[28] «Борьба классов». М., 1935, № 3, стр. 58.
[29] Необходимо отметить, что большинство возвратившихся пленных, кроме явных контрреволюционеров, давали показания неохотно, старались не называть имен и не приводить фактов.
[30] «Die Welt-Rewolution», 9, 26.V 1918.

свой контроль лагеря. В Омске некоторые немецкие гражданские пленные и офицеры участвовали в контрреволюционном заговоре.

В лагерях развернулась острая политическая борьба, в ходе которой немецкие и австрийские интернационалисты при поддержке местных советских и партийных организаций создавали новые революционные объединения. Они возникли в Рязани, Слободском, Глазове, Буе, Семибратове, Астрахани и других городах.

Представители германских и австрийских интернационалистов участвовали в конференции революционных военнопленных Московского военного округа, решившей созвать Всероссийский съезд военнопленных, а также в подготовке самого съезда. С 6 апреля 1918 г. они начали выпускать в Москве на немецком языке газету «Вельт-революцион» («Мировая революция»). Ее редактором была Ирма Гельрих-Петрова, а организатором типографии — австрийский интернационалист Генрих Бродниг. Немецкая секция Всероссийского съезда военнопленных, состоявшегося в Москве 16—18 апреля 1918 г., объединяла всех делегатов, родным языком которых был немецкий. Австрийские и немецкие интернационалисты из Москвы, троицкого лагеря, Семипалатинска, Новониколаевска, Усмани, Жиздры, Владимира, Казани[31] и других городов активно участвовали в работе съезда. Делегат омских интернационалистов австриец К. Томан[32] был избран председателем, а немец Ф. Вальц — членом ЦИК созданной на съезде Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян.

Одновременно немецкие и австрийские интернационалисты активно участвовали в работе съезда революционных военнопленных Восточной Сибири и Дальнего Востока, состоявшегося в Иркутске. Их представители — немец Швабенгаузен, австрийцы Г. Каплелер и Зингер — вошли в ЦИК Коммунистической партии иностранных рабочих (бывших военнопленных) Сибири, как первоначально именовалась организация, созданная на этом съезде. Председателем ЦИК стал австрийский социал-демократ Фихтер[33].

В конце апреля 1918 г. в Ташкенте возникла интернациональная организация военнопленных — Комитет иностранных подданных. Вскоре вокруг комитета сложилось массовое объединение — Союз иностранных подданных, в который к лету 1918 г.

---

[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 4, лл. 26, 61, 72, 87, 91.

[32] Одно время К. Томан был членом ЦК Коммунистической партии Австрии, редактором ее центрального органа — газеты «Роте Фане» («Красное знамя»). В дальнейшем отошел от коммунистического движения и был исключен из партии.

[33] «Власть труда», 18.V 1918.

входило около 8,5 тыс. военнопленных. Из них около 2 тыс. составляли австрийцы и немцы. Председателем комитета союза был избран австриец М. Гроссер [34].

3. Образование Немецкой коммунистической группы РКП(б)

Постепенно передовые германские и австрийские военнопленные стали объединяться в коммунистические организации. 24 апреля 1918 г. на собрании в гостинице «Дрезден» в Москве была создана Немецкая коммунистическая группа РКП(б), объединявшая коммунистов, говоривших на немецком языке, без различия национальности и подданства — немцев, австрийцев и др. Члены Немецкой коммунистической группы заявили: «Будем поддерживать Советское правительство во всех отношениях всеми находящимися в нашем распоряжении средствами. Мы будем бороться за существование Русской коммунистической федеративной республики плечо к плечу с нашими русскими братьями». В письме в ЦК РКП(б) они отмечали: «Мы работаем в полном согласии с коммунистическими группами венгров, чехов и румын» [35].

В мае 1918 г. Немецкая группа РКП(б) вместе с другими группами объединилась в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Вначале в Немецкой группе было всего 11 членов. Летом 1918 г. численность группы превысила 60 человек, из которых обычно только 10—17 находились в Москве, а остальные вели работу в провинциальных городах, в Красной Армии, на фронтах. В сентябре 1918 г. лишь в московской группе насчитывалось 83 коммуниста. Кроме того, ячейки немецких коммунистов имелись по меньшей мере еще в шести городах [36].

В июле 1918 г. Немецкая группа РКП(б) выпустила 3 брошюры тиражом почти в 8,5 тыс. экземпляров. В сентябре удалось опубликовать 6 брошюр, тираж которых составлял 100 тыс. экземпляров. Всего за 1918 г. Немецкая коммунистическая группа издала 18 брошюр тиражом 510 тыс. экземпляров и еще 110 тыс. экземпляров воззвания к германским и австрийским солдатам [37].

С мая 1918 г. печатным органом Немецкой группы стала выходившая с апреля того же газета «Вельт-революцион», которую теперь редактировали К. Томан, Крафт и В. Раков [38]. В 1918 г. было выпущено 64 номера газеты. Ее тираж постепенно вырос с 7 до 38 тыс. экземпляров. Газета разъясняла политику РКП(б)

---

[34] «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 265.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 91, л. 3.
[36] Там же, д. 4, л. 96; д. 11, лл. 9, 19.
[37] Там же, д. 11, лл. 11, 19, 24.
[38] Там же, л. 9.

И. Коплениг. Партийный билет И. Коплепига

и Советского правительства, разоблачала социал-шовинизм и центризм. В ней перепечатывались статьи В. И. Ленина, Ф. Меринга, К. Цеткин. На видном месте помещались сообщения о положении на фронтах Советской России. Из номера в номер газета сообщала о деятельности революционных организаций военнопленных, разъясняла задачи этих организаций в Советской России, сущность диктатуры пролетариата, различие между империалистической войной и войной гражданской. Газета решительно выступала против национализма, против смешения понятия родины с гогенцоллерновским и габсбургским режимами. «Тот, кто еще имеет честь и мужество, — призывала газета, — пусть идет за нашим коммунистическим боевым знаменем к свободе международного пролетариата!» [39] «Вельт-революцион» знакомила военнопленных с положением в Германии и Австро-Венгрии, с судьбой военнопленных, возвратившихся на родину.

Некоторые номера «Вельт-революцион» вместе с перемещавшимися на запад германскими частями попадали в Германию, Эльзас и на Западный фронт. В мае 1918 г. германская полиция установила, что солдаты 280-й и 43-й дивизий, перевезенные с Востока, распространяли большевистские газеты и листовки на немецком языке в Дюссельдорфе; осенью 1918 г. полицейское

---

[39] «Die Welt-Rewolution», 9.V 1918.

управление Берлина отмечало распространение ряда номеров газеты «Вельт-революцион» в столице [40].

Кроме «Вельт-революцион», в 1918 г. на немецком языке издавалось также несколько газет в провинции, в частности, в Самаре, Иркутске и Пензе. Как указывалось в отчете Всероссийского бюро пленных, за 1918 г. было издано 800 тыс. экземпляров немецких революционных газет [41].

В октябре 1918 г. агитаторы Немецкой группы находились в 18 крупных городах, вдоль всей демаркационной линии германских войск и на всех фронтах [42]. Ее агитаторами активно работали германские и австрийские интернационалисты: В. Раков, Р. Роткегель, И. Коплениг, В. Гельпих, Г. Мельхер, Крафт, Липка, Барташ, А. Шнейдер, О. Фишер, Ф. Шмидт, Я. Беккер, Ф. Гипперт, Г. Клейн, Алибекро, П. Гирш, Г. Шлиссель, Л. Левинсон и десятки других. Немецкие интернационалисты уделяли самое серьезное внимание политической агитации среди возвращавшихся на родину военнопленных. В. И. Ленин придавал этой работе особенно большое значение. Еще весной 1918 г. он указывал на возможность после заключения мира путем обмена военнопленными перебросить в Германию «...громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, — подчеркивал В. И. Ленин, — они легче смогут работать над ее пробуждением в Германии» [43]. И интернационалисты, как указывала газета «Вельт-революцион», прилагали все силы, чтобы «возвращающиеся домой военнопленные были на деле проникнуты революционным духом» [44]. Во многих местах, особенно в лагерях и по пути следования эшелонов возвращавшихся на родину военнопленных, активно действовали агитаторы Немецкой группы РКП(б). Сюда направлялась значительная часть революционной литературы. На станции Лиски в октябре 1918 г. собрание германских и австрийских военнопленных, возвращавшихся на родину, в своей резолюции заявляло: «Мы, собравшиеся здесь, ...признаем русскую Октябрьскую революцию идеалом, следовать за которым является долгом каждого классово сознательного пролетария... То, чему научила нас Октябрьская революция, мы хотим распространить среди наших братьев, которые еще томятся под империалистическим капиталистическим игом, и превратить их в отважных борцов революции» [45]. Подобные митинги состоялись в Туле, Ельце, Орле, Карачеве и других местах. Участники митингов в Орле и Карачеве потребовали

---

[40] ЦПА ИМЛ.

[41] «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах», 1918, № 20, стр. 8.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 11, л. 22.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 318—319.

[44] «Die Welt-Rewolution», 6.IV 1918.

[45] «Die Welt-Rewolution», 10.X 1918.

освобождения из кайзеровской тюрьмы Карла Либкнехта и других революционеров [46]. Вместе с первыми группами пленных в Германию, по совету В. И. Ленина, как писал немецкий коммунист Р. Роткегель, возвратились и некоторые из находившихся в плену революционных социал-демократов (И. Фихтенау, Л. Левинсон, несколько позже выехали Крафт, Липка, Барташ) [47]. Они и другие германские и австрийские интернационалисты доставляли из России революционную литературу на немецком языке в Германию, Австрию, Швецию, Финляндию, Данию, Голландию, Швейцарию. Так, в сентябре 1918 г. в Берлин было отправлено 1520 экземпляров газеты «Вельт-революцион» и 5140 экземпляров различных брошюр. В октябре в Германию было послано 8700 экземпляров газет и брошюр [48].

Как ни фильтровали германские и австрийские власти возвращавшихся военнопленных, последние заметно воздействовали на настроение внутри страны. В одном из полицейских донесений уже в августе 1918 г. отмечалось: «Серьезная угроза для Германии состоит в том, что с обменом военных и гражданских пленных с Россией оттуда со скоростью огня распространяются слухи о господствующем в России коммунистическом хозяйстве. Уже теперь можно наблюдать, что те, кто вернулся из русского плена, повсюду рассказывают о нем хорошее, например, что все, кто там раньше работал 12 часов, теперь работает только 8, и кто зарабатывал 5 марок, теперь получает от 15 до 20 марок» [49]. Встревоженная немецкая полиция считала, что в Германии «большевизм станет заметно сильнее после возвращения большинства военнопленных...» [50] В свою очередь начальник разведывательного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии летом 1918 г. в специальном докладе подчеркивал, что в связи с массовым обменом военнопленных в границах монархии оказывается все больше людей, «которые стали сторонниками большевистского учения». Военные власти предупреждали императора, что, как только военнопленные вернутся в свои части, «разразится кризис» [51].

Оставшиеся в России германские и австрийские интернационалисты принимали активное участие в советском строительстве, добровольно с оружием в руках шли защищать Советскую власть.

Сотни интернационалистов вступили в Красную Армию по призыву Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) в связи

[46] «Die Welt-Rewolution», 15.IX; 20, 27.X 1918.
[47] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 11, л. 22; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 45, 139.
[48] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 12, лл. 19, 33.
[49] ЦПА ИМЛ.
[50] Там же.
[51] K. Pichlik. Vzpoury navratilců z ruského zajetí na jaře 1918. Praha, 1964, str. 94.

с мятежом чехословацкого корпуса. «Берите оружие! — писали коммунисты, — не выпускайте его до тех пор, пока не уничтожите корни всякой контрреволюции!»[52] Немецкая группа РКП(б) призывала: «Немецкие коммунисты, все до последнего человека вступайте в коммунистические отряды»[53]. Многие германские и австрийские военнопленные влились в интернациональный батальон, который был направлен из Москвы в Астрахань, а затем на фронт — в Красный Кут.

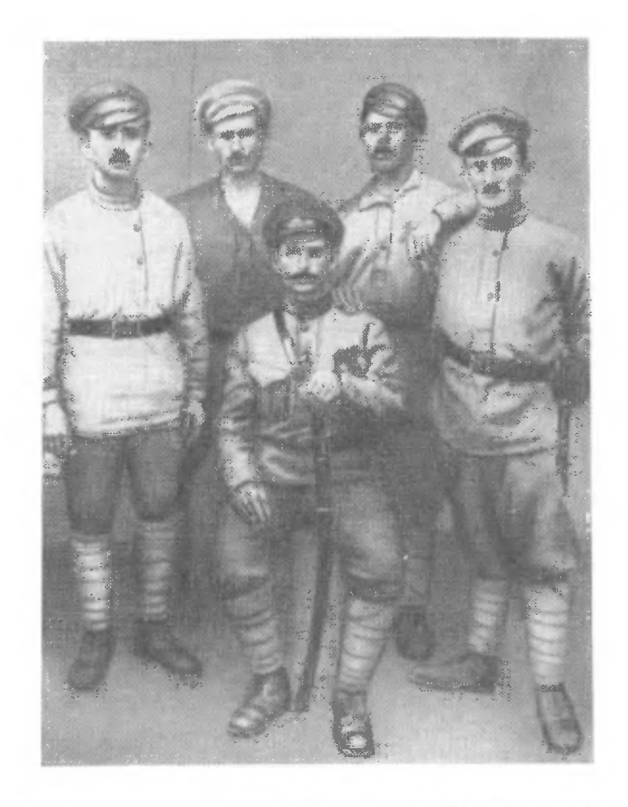
В Царицыне они вступили в местный интернациональный батальон. Сформированная из интернационалистов артиллерийская батарея была послана из Царицына в Баку против английских интервентов. Немало немецких и австрийских интернационалистов вступило в Красную Армию в Пензе, Саратове, Самаре, Воронеже, Казани, Новгороде, Симбирске, Иваново-Вознесенске, Орле, Муроме, Арзамасе, Астрахани и других городах. Немец В. Ферниц стал комиссаром 1-й Симбирской железной дивизии. Немецкие интернационалисты Хендрик, Копиц и другие руководили созданием интернациональных частей в Троицке. На Ишимском фронте отрядом интернационалистов командовал член Немецкой группы И. Пеньковски[54]. В боях под Иркутском отличился бронепоезд, которым командовал австрийский интернационалист Лихтенауер, трагически погибший вместе со 130 другими интернационалистами от рук семеновцев в Благовещенске[55].

В Иркутске и Забайкалье отрядами интернационалистов руководили австриец Зингер и немец Кеффке[56]. К красным партизанам у Верхнеудинска присоединились А. Брох и его товарищи. Немецкие интернационалисты вступили в Хабаровске в революционный отряд, сражавшийся под городом Никольск-Уссурийским[57]. В Новониколаевске немцы участвовали в создании батальона им. К. Маркса. Многие из них погибли в боях с белыми и интервентами. Попал в плен и был расстрелян в октябре 1918 г. в Красноярске руководитель сибирских интернационалистов Фихтер, умер от ран на Тунгире (в Забайкалье) Зингер, пропал без вести попавший в плен и другой член ЦИК Коммунистической партии иностранных рабочих Сибири Швабенгаузен[58].

Газета «Вельт-революцион» с полным основанием писала, что дух бойцов интернационалистских отрядов «совершенно

---

[52] «Die Welt-Rewolution», 16.VI 1918.
[53] «Die Welt-Rewolution», 25.VII 1918.
[54] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 1, л. 59.
[55] R. Rabitsch. Panzerzug Lichtenauer. Moskau, 1936.
[56] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 114, лл. 10, 11; д. 115, лл. 2—33. Бывший миссионер в Китае Кеффке организовал в Иркутске партизанский отряд, состоявший главным образом из китайцев.
[57] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 122, л. 11; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 236.
[58] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 116, л. 24.

Группа красноармейцев (сидит Ф. Шварц). 1918 г.

превосходный и гарантирует, что все будут стараться всю свою жизнь отдать для защиты Советской республики» [59].

Члены Немецкой группы РКП(б) распространяли среди солдат германских и австро-венгерских оккупационных войск на Украине революционные газеты и листовки, рассказывали правду о Советской республике и о положении в Германии и Австро-Венгрии. Если летом 1918 г. у демаркационной линии работали 5 агитаторов группы, то в октябре — уже 14 [60]. Немецкие коммунисты (Я. Эккерт и др.) были направлены в большевистское подполье оккупированных областей и там вели работу среди солдат. Для координации работы интернационалистов с деятельностью украинских коммунистов Немецкая группа направила австрийского интернационалиста Г. Мельхера своим представителем в ЦК КП(б) Украины.

---

[59] «Die Welt-Rewolution», 7.VII 1918.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 11, лл. 19 об., 22.

Центром, откуда велась агитация немецких интернационалистов в германских войсках, оккупировавших Белоруссию и Литву, стал Смоленск. В результате большой политической работы большевистских организаций и немецких интернационалистов начался процесс политического разложения оккупационных войск. Северо-западный областной комитет РКП(б) создал немецкую секцию и помог немецким солдатам-интернационалистам образовать Революционный совет германских войск Восточного фронта [61].

Кроме 7—7,5 тыс. экземпляров «Вельт-революцион» ежемесячно и листовок, среди солдат германской армии распространялась печатавшаяся в Смоленске с 17 октября газета «Роте Зольдат» («Красный Солдат») [62]. «Спрос на нашу литературу, — отмечали немецкие коммунисты, — все время велик среди германских солдат на Украине, в Финляндии, в Крыму» [63].

Интернационалист К. Димтер доставлял революционную литературу на немецком языке в Харьков и распространял ее среди солдат 133-го и 244-го полков германской армии. Вскоре в них началось брожение. Гюртлер доставлял революционную литературу в Курск и распространял ее среди солдат 33-го полка австро-венгерской армии. Успешно вел агитацию среди солдат кайзеровской армии Ф. Шварц [64].

Летом 1918 г. антивоенные выступления солдат оккупационной германской армии имели место в Двинске, Пскове, Звенигородке. В сентябре в Ровно немецкие солдаты организовали массовый митинг протеста против войны. С красными флагами они демонстрировали свою солидарность с Советской республикой. В Луцке, Фастове, Здолбунове солдаты германских частей арестовывали и убивали своих офицеров, отказывались выступать на фронт [65].

Хотя Немецкая группа РКП(б) ощущала недостаток хорошо подготовленных и опытных революционеров — агитаторов и подпольщиков, хотя иногда в ее ряды попадали случайные люди, самоотверженно преодолевая трудности, очищая и укрепляя свою организацию, немецкие коммунисты в марте—ноябре 1918 г. под руководством РКП(б) сумели внести свою существенную лепту в дело защиты Советской власти.

---

[61] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии». Минск, 1961, стр. 343.

[62] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 11, л. 22.

[63] Там же.

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 153, л. 12; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 60.

[65] «Дружба народов», 1957, № 10, стр. 168; І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Указ. соч., стр. 41—42. Подробнее см.: К. Л. Селезнев. Большевистская агитация и революционное движение в германской армии на Восточном фронте в 1918 г. — «Ноябрьская революция в Германии». М., 1960, стр. 271—328.

4. Революции в Германии и Австро-Венгрии и интернационалисты

Первое, что предприняли интернационалисты после получения известий о революциях в Германии и Австро-Венгрии, было создание в Москве Германского и Австро-Венгерского Советов рабочих и солдатских депутатов. Германский Совет состоял из 30 человек. Его председателем был избран баварский металлист, участник социал-демократического движения с 1910 г., член Немецкой коммунистической группы РКП(б) Р. Роткегель, а секретарем — Ф. Шахт [66].

Советское правительство признало Центральный (московский) Совет германских рабочих и солдат представителем германских граждан в Советской России. НКИД опубликовал сообщение, в котором говорилось: «В связи с революцией в Германии проживающие в Москве германские революционные рабочие и солдаты на общем собрании 10 сего ноября постановили взять на себя представительство граждан Германии и избрали для этой цели революционный Совет германских рабочих и солдат в Москве, который и будет вести отныне все дела, касающиеся интересов германских граждан, впредь до получения директив от нового германского правительства. В этом смысле его полномочия были признаны Народным комиссариатом по иностранным делам» [67].

Заботясь о бывших германских пленных, Советское правительство передало на их нужды с ноября 1918 по июль 1919 г. Центральному Совету 1 млн. 200 тыс. рублей и, кроме того, много одежды [68].

Новое правительство Германии — Совет народных уполномоченных (СНУ), состоявший из социал-шовинистов и центристов, — отказалось ликвидировать старый аппарат германского представительства в России и признать революционный Совет германских рабочих и солдат. Когда Роткегель связался по телефону с Берлином, член СНУ Гуго Гаазе потребовал от него признания полномочий старого германского консульства. Чтобы установить связь с революционными силами Германии, Роткегель отправился в Берлин вместе с советской делегацией, посланной на I Всегерманский съезд Советов. Делегация была задержана, а Роткегелю в начале января 1919 г. с трудом удалось добраться до Берлина. Здесь в переговорах с Ф. Шейдеманом и чиновниками сохраненного СНУ старого правительственного аппарата

---

[66] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 160, л. 17; оп. 11, д. 31, л. 11; «Weltenwende — wir waren dabei», S. 49.

[67] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 564.

[68] «Die Rote Fahne» (Moskau), 21.VIII 1919.

Роткегель убедился, что новое правительство не желает признавать Совет и ускорить возвращение пленных из России [69].

По возвращении Роткегеля в Москву Германский Совет, руководство которого в начале 1919 г. было укреплено включением в него ряда видных германских коммунистов, отправил в Германию несколько транспортов с бывшими военными и гражданскими пленными. Чтобы устранить препятствия проезду германских граждан на родину, осенью 1919 г. Роткегель вновь выехал для переговоров в Германию. Однако там его арестовали и освободили только весной 1920 г. Он вернулся в Москву, где Совет продолжал заботиться о бывших пленных и содействовать их возвращению домой [70]. До мая 1919 г. Совет отправил в Германию 35 тыс. человек [71].

Совет разъяснял военнопленным свои действия и политику Советского правительства, информировал о ходе революционного движения в Германии, созывал митинги, распространял революционную литературу, вместе с Австро-Венгерским Советом с 11 декабря 1918 г. до лета 1919 г. он издавал на немецком языке газету «Нахрихтен» («Известия») [72].

В составе Совета имелась ячейка Немецкой коммунистической группы РКП(б) [73], секретарем которой был А. Геванд, вступивший в ряды германской социал-демократии в Берлине еще в период первой русской революции. Была группа немцев и австрийцев, сочувствующих РКП(б). Ячейка обсуждала важнейшие политические вопросы и направляла всю деятельность Совета. Осенью 1919 г. ячейка осудила нападки группы ультралевых во главе с Хохульским, утверждавших, что Советы германских трудящихся в России, отправляя бывших пленных на родину, тем самым якобы подрывают революционное движение [74].

Центральный Совет поддерживал связь с местными Советами германских трудящихся, созданными в Киеве, Самаре, Саратове, а несколько позже — в Оренбурге. Уфе, Сызрани, Харькове и других городах. Летом 1919 г. Центральный Совет заслушал отчеты о работе местных Советов, ознакомился с докладом секретаря Совета германских рабочих и солдат Киева Ф. Шефера [75]. По рекомендации коммунистов Немецкой группы Совет летом 1919 г. направил своих представителей на Урал, чтобы улучшить там пропаганду среди германских военнопленных и организовать

---

[69] Роткегель представлял Совет на похоронах зверски убитого германскими белогвардейцами Карла Либкнехта («Weltenwende — wir waren dabei», S. 49, 51—54).

[70] Там же, стр. 55—57.

[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 29, л. 12.

[72] «Nachrichten der Deutsche und Österreichische Arbeiter und Soldaten Rat in Russland» (Moskau).

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 36, лл. 1—52.

[74] Там же, д. 29, л. 42; д. 36, л. 28.

[75] Там же, оп. 1, д. 159, лл. 1—8; д. 29, лл. 12—19.

их выезд в Москву и на Украину[76]. После отъезда значительной части гражданских и военных пленных на родину по решению ЦФИГ летом 1919 г. началась ликвидация большинства местных Советов германских трудящихся.

Центральный Германский Совет в Москве продолжал свою деятельность. В августе 1920 г. Р. Роткегель и А. Геванд доложили о его работе Всероссийской конференции немецких секций РКП(б), речь о которой пойдет ниже. Большинством голосов конференция одобрила деятельность Центрального Совета[77].

Австро-Венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов в России был образован 5 ноября 1918 г. Он состоял из представителей всех национальностей, проживавших на территории бывшей монархии Габсбургов.

Во главе Центрального (московского) Австро-Венгерского Совета стоял выборный президиум. С июня 1919 г. председателем президиума Совета являлся Иосиф Бэм, «один из активнейших, сознательнейших и честнейших членов Немецкой группы..., одним из первых ставший в России во главе революционного движения среди военнопленных...»[78], как его характеризовала Центральная федерация иностранных групп. Председателем Австро-Венгерского Совета в Орле одно время был И. Копленит[79].

Австро-Венгерские Советы в центре и на местах, как и Германские Советы, являясь революционными органами, взяли на себя представительство интересов граждан бывшей Австро-Венгерской монархии в Советской России. Они проводили политико-просветительную работу среди военнопленных, знакомили их с советским строительством, учением Маркса, Энгельса, Ленина, оказывали им всестороннюю материальную поддержку, проводили их репатриацию[80].

I конгресс Австро-Венгерских Советов, состоявшийся в Москве в феврале 1919 г., подвел итоги проделанной работы, принял важные решения, касающиеся дальнейшей политической подготовки военнопленных к возвращению на родину. В своей резолюции конгресс выразил благодарность правительству Советской России за помощь, оказанную в работе Советов. На II конгрессе Австро-Венгерских Советов (10 июня 1919 г.) отмечалось, что, несмотря на существовавшие трудности, на родину возвращено 200 тыс. бывших военнопленных[81].

Денежные средства, израсходованные Австро-Венгерским Советом со дня основания до 31 июля 1919 г., в большинстве своем пошли на снабжение продовольствием и одеждой (65%), на лече-

---

[76] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 19, л. 7.
[77] Там же, оп. 4, д. 45, л. 35.
[78] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 4, д. 201, лл. 131 об., 132 об.
[79] Там же, д. 31, л. 5.
[80] Там же, оп. 1, д. 4, л. 38; оп. 4, д. 201, л. 130.
[81] «Die Rote Fahne», 21.VIII 1919.

ние раненых и перевозку военнопленных (более 18%); затраты на остальные нужды не превышали 8% общей суммы, выделенной Совету [82].

В связи с тем, что ко времени I конгресса Австро-Венгерских Советов монархия Габсбургов перестала существовать, Федерация иностранных групп поставила вопрос о необходимости создания автономных национальных Советов [83]. В феврале 1920 г. был утвержден «Проект положения о Федерации иностранных Советов». В Федерацию входили представители от каждого национального Совета, составляя исполком Федерации [84]. В конце 1920 г. в связи с отъездом большинства военнопленных на родину Советы иностранных рабочих и солдат прекратили свою деятельность.

Если Советы были революционной организацией широких масс германских и австрийских пленных, то авангардом и руководителем движения германских и австрийских интернационалистов оставалась Немецкая коммунистическая группа РКП(б). После начала революций в Германии и Австро-Венгрии ее деятельность стала особенно активной и напряженной. Уже 9 ноября 1918 г. в Москве состоялась конференция представителей почти всех организаций Немецкой группы РКП(б). Было решено направить партийных организаторов и агитаторов в Германию и Австро-Венгрию и на оккупированную территорию. В конце 1918—начале 1919 г. на родину выехали Г. Мельхер, И. Гельрих-Петрова, В. Перльмуттер, Гебауэр, К. Рейтер, Г. Клейн, Галл, Вагер и другие видные германские и австрийские интернационалисты [85]. Но потребность в опытных кадрах была чрезвычайно велика. Поэтому 17 ноября всем местным организациям Немецкой группы РКП(б) были посланы телеграммы с требованием срочно направить в Москву всех коммунистов (одних намечалось послать в Германию и Австрию, другим дать поручения по линии РКП(б), третьих направить в Красную Армию, а четвертых — на учебу). С 25 ноября в Москве для германских и австрийских коммунистов Немецкая группа РКП(б) организовала курсы агитаторов. Ими руководил член группы австриец И. Грюн. Работе курсов содействовали П. Стучка и другие видные деятели РКП(б)) [86]. Позднее наряду с курсами была создана немецкая партийная школа [87].

Несмотря на отъезд в Германию и Австрию значительной части коммунистов, общая численность Немецкой группы росла. В марте 1919 г. в ней насчитывалось 150 человек, а к декабрю —

---

[82] «Die Rote Fahne», 21.VIII 1919.
[83] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 3, л. 8; д. 4, лл. 38—40.
[84] Там же, д. 3, л. 8.
[85] Там же, оп. 4, д. 17, л. 2; д. 19, лл. 20, 36, 84.
[86] Там же, д. 11, л. 30.
[87] Там же, д. 25, л. 408; «Die Rote Fahne», 27.IX 1920.

около 400 (включая сочувствующих)[88]. В марте 1919 г. в московской организации Немецкой группы было 50, а в ноябре 1919 г. — 110 коммунистов и 90 сочувствующих. Быстро росло и число членов провинциальных организаций Немецкой группы РКП(б), в которых весной насчитывалось 100, а к декабрю 1919 г. — 200 человек[89].

После создания Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. Немецкая группа РКП(б) установила непосредственную связь с его Исполкомом, предоставила в его распоряжение свои кадры, но по решению ИККИ осталась в РКП(б) и продолжала работать под руководством ЦК РКП(б) в рамках Федерации иностранных групп. Руководство группой — президиум (в котором видную роль играли А. Геванд, И. Бэм, Р. Роткегель, К. Бартельс) поддерживал непосредственную связь и с ЦК КП(б) Украины, а через ИККИ и ЦК РКП(б) — с коммунистическими партиями Германии и Австрии. Президиум собирался три—пять раз в месяц.

Немецкая группа РКП(б) в конце 1918 г. издала 6 номеров газеты «Вельтфриден», 123 тыс. ее экземпляров было распространено в России, а 38 тыс. — за границей[90]. С августа 1919 г. вместо переставшей выходить еще в декабре 1918 г. «Вельт-революцион» центральным печатным органом группы стала газета «Роте Фане». Ее тираж достигал 10 тыс. экземпляров. Только в Москве с осени 1918 до осени 1919 г. на немецком языке было напечатано 25 брошюр общим тиражом 540 тыс. экземпляров[91].

Постепенно почти весь актив группы был переброшен на запад, а агитационный центр перенесен в Минск[92]. Коммунисты командировались поодиночке и небольшими группами в Вильнюс, Ковно, Двинск. Но особенно много интернационалистов-агитаторов продолжало работать на демаркационной линии. Их деятельность способствовала распространению революционных идей среди солдат германской армии, созданию ими своих советов, многочисленным выступлениям солдат оккупационных частей в поддержку Советской России против белогвардейцев и немецких контрреволюционеров. Например, в Дриссе в декабре 1918 г. германские солдаты разоружили белогвардейцев и передали их советским войскам[93]. Подобных случаев было немало. Между тем коммунисты, приезжавшие в Москву из Германии и Австрии, все настойчивее требовали, чтобы Немецкая группа РКП(б) скорее посылала на родину всех лучших и надежных коммунистов[94].

---

[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 25, л. 408; д. 26, лл. 67—68.
[89] Там же, д. 26, л. 67; д. 25, л. 408.
[90] Там же, д. 11, л. 29.
[91] Там же, д. 25, л. 101; д. 26, л. 93.
[92] Там же, д. 11, л. 133; д. 15, л. 240.
[93] «Дружба народов», 1957, № 10, стр. 169.
[94] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 32, л. 1.

Приехавший в 1919 г. на I конгресс Коминтерна представитель австрийских коммунистов Карл Штейнхардт, выступая перед интернационалистами с отчетом о работе Австрийской коммунистической партии, заявил: «Мы вправе ожидать от товарищей, которые вернутся из России с транспортом военнопленных, что они, зная наши громадные задачи, вступят в наши боевые организации, чтобы помочь своими знаниями, которые они приобрели в революционной борьбе в России»[95]. Президиум Немецкой группы выдвинул лозунг: «Все на родину для ускорения социалистической революции в Германии и Австро-Венгрии!»[96]

Самой крупной из местных организаций Немецкой группы РКП(б) была московская. Два-три раза в месяц она собиралась, чтобы обсудить положение в Советской России, Германии и Австрии, политическую работу в интернациональных отрядах, деятельность Германского и Австро-Венгерского Советов, вопросы эвакуации военнопленных на родину, заслушать информацию о работе других национальных групп. Московская организация Немецкой коммунистической группы вела большую агитационно-пропагандистскую работу среди немецкого населения Москвы и других городов страны. На ее собраниях часто присутствовала и выступала представитель ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова[97].

Однако в августе 1919 г. в работе московской организации и президиума Немецкой группы выявилось много серьезных недостатков. При участии Е. Д. Стасовой, под руководством Коминтерна и ЦФИГ московская организация и руководство Немецкой группы были реорганизованы. В октябре 1919 г. немецкие коммунисты избрали новый президиум группы, в который вошли Геванд, Тенненбаум, Шлиссер, Вах и др. Под руководством Е. Д. Стасовой новый президиум и московская организация дали решительный отпор «левым» дезорганизаторам — Рейхе, Хохульскому, Тигеру[98].

Осенью 1919 г. в Пермь был откомандирован на партийную работу И. Коплениг. Ему поручили организовать партийные ячейки и группы, вести агитационную работу среди военнопленных. И. Коплениг проявил большой организаторский талант. Он был избран председателем президиума местной группы РКП(б)[99]. Под его руководством интернационалисты провели большую политико-воспитательную работу среди военнопленных. Недаром в Центральной федерации иностранных групп его имя стояло в списке «самых необходимых лиц»[100], которым можно было доверить сложную и ответственную работу.

---

[95] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 4, д. 16, л. 47.
[96] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 29, л. 71.
[97] Там же, лл. 18, 33.
[98] Там же, д. 25, л. 248; д. 29, лл. 126, 144.
[99] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 4, д. 187, л. 4; оп. 1, д. 5, л. 77.
[100] Там же, оп. 1, д. 5, л. 77.

Большую работу вели немецкие и австрийские коммунисты на Украине. Еще до ее освобождения от оккупантов при ЦК КП(б) Украины в Харькове была создана коммунистическая группа, являвшаяся частью Немецкой группы РКП(б). Она стала центральной немецкой партийной организацией на Украине. С помощью московской и царицынской организаций Немецкой группы РКП(б) в конце 1918 г. немецкие коммунисты на Украине организовали в Харькове выпуск на немецком языке газеты «Вельткоммуне» («Мировая коммуна») — с мая 1919 г. она была переименована в «Фёлькерфрайхайт» («Свобода народов»). С середины апреля 1919 г. газета, издававшаяся в то время уже в Киеве, стала органом Немецкой группы КП(б) Украины «Спартак». В Харькове, Киеве и других городах Украины немецкие коммунисты проводили десятки митингов военнопленных и солдат германской армии, призывали их «после возвращения на родину идти путем, каким российский пролетариат идет уже в течение года». На солдатском митинге в декабре 1918 г. в Харькове была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы целиком и полностью присоединяемся к коммунистам и признаем программу коммунистической партии» [101].

Активно действовали небольшие организации немецких и австрийских коммунистов в Екатеринославе, Одессе, Николаеве. В частности, в результате революционной агитации спартаковцев (так на Украине называли членов Немецкой группы) в Николаеве часть германских солдат с оружием в руках выступила в защиту Советской власти [102]. Деятельность интернационалистов способствовала развитию движения за создание солдатских Советов, распространявшегося с ноября 1918 г. в германской оккупационной армии [103].

Немецкая коммунистическая организация в Киеве входила в созданную там в марте 1919 г. Федерацию иностранных коммунистов, работавшую до лета под руководством Южнорусского бюро III Интернационала. Киевская немецкая организация постоянно получала помощь от руководства Центральной Немецкой группы РКП(б). Летом 1919 г. киевский «Спартак» объединял 37 коммунистов и 6 сочувствующих. Часть из них служила во Всеукраинской ЧК и в Красной Армии [104]. Под руководством немецких коммунистов Киева работал местный Совет германских трудящихся. Немецкие коммунисты на Украине, особенно в районах Харькова, Николаева, Екатеринослава, Одессы, с февраля 1919 г. начали революционную пропаганду среди местного немецкого населения [105].

---

[101] І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Указ. соч., стр. 85.
[102] Там же, стр. 105.
[103] К. Л. Селезнев. Указ. соч., стр. 311—322.
[104] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 153, лл. 174, 189, 240; д. 189, л. 1.
[105] І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Указ. соч., стр. 122 и сл.

Активно работали немецкие коммунисты в Петрограде, Смоленске, Казани, Самаре, Оренбурге, Уфе, Сызрани, Перми. Однако часть немецких коммунистов, особенно работавших в Поволжье и на Урале, была заражена детской болезнью «левизны». Они резко выступали против выезда бывших военнопленных на родину, считали это дезертирством, требовали мобилизовать всех немцев в Красную Армию. «Левые» дезорганизовывали деятельность некоторых местных Советов германских трудящихся и вносили раскол в ряды Немецкой группы РКП(б). Осенью 1919 г. они пытались создать особую организацию — так называемый Спартакусбунд [106].

С германскими и австрийскими коммунистами Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, отрезанными белогвардейцами, президиум Немецкой группы РКП(б) не имел регулярной связи вплоть до второй половины 1919 г. Между тем уже в конце 1918 г. среди военнопленных в Средней Азии возникли первые коммунистические ячейки. Инициаторами их создания были специально командированные летом 1918 г. ЦФИГ и ЦИК Интернациональной социалистической революционной организации иностранных рабочих и крестьян коммунисты Ф. Фаглер, И. Зенфтлебер и Ф. Лоранд. Состоявшаяся в начале декабря 1918 г. конференция делегатов иностранных коммунистических организаций Туркестана (к этому времени они существовали в 13 городах и насчитывали 2200 членов) провозгласила создание Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Туркестанской республики. Председателем первого краевого комитета партии был избран австриец Франц Фаглер. В резолюции, принятой конференцией, указывалось, что бывшие военнопленные уже год борются в Средней Азии, помогая «нашим русским товарищам словом и делом, советом и ружьем». Одновременно конференция призывала иностранных коммунистов готовиться к возвращению на родину, чтобы помочь своим братьям по классу создать «на баррикадах Запада диктатуру пролетариата, диктатуру над капиталом» [107]. В декабре 1919 г. Немецкая группа РКП(б) направила в Туркестан несколько коммунистов, в том числе Р. и А. Шлиссер, А. Шнейдера, послала оборудование для издания газеты. Несколько активистов группы были направлены на Урал и в Сибирь [108].

---

[106] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 25, л. 451; д. 36, л. 28.
[107] «Интернационалисты в боях за власть Советов», стр. 292.
[108] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 25, лл. 408, 455, 456.

5. Германские и австрийские интернационалисты на фронтах гражданской войны и на трудовом фронте. Немецкая группа в 1919—1920 гг.

Немецкая группа РКП(б) в 1919 г. признала несвоевременным отъезд из России германских и австрийских интернационалистов, служивших в Красной Армии[109]. Группа откликнулась на призыв ЦК РКП(б) о мобилизации всех сил на борьбу против Деникина. А. Гофман представлял Немецкую группу в созданной осенью 1919 г. Военной комиссии Федерации иностранных групп РКП(б)[110]. К. Мюллер и другие представители группы были направлены в отдел формирования интернациональной Красной Армии, находившийся в Смоленске[111].

Немецкие коммунистические организации Москвы, Уфы, Смоленска, Одессы, Киева, Полтавы, Екатеринослава, Харькова и других городов участвовали в формировании интернациональных частей, вели в них политическую работу.

Немецкие и австрийские интернационалисты в 1919—1920 гг. сражались на многих фронтах гражданской войны.

В Северном экспедиционном отряде 87-го стрелкового полка 10-й дивизии воевал политрук роты венский рабочий Иоганн Цейтельгофер. Весной 1919 г. под Николаевом немецкие интернационалисты в составе Советского железного полка участвовали в боях с бандами Григорьева. «Николаевская группа спартаковцев, — отмечал исполком Николаевского Совета, — является самой надежной, сознательной, дисциплинированной войсковой частью, на которую может опереться Советская власть»[112].

Немецкие и австрийские интернационалисты сражались под Уфой в составе 1-го Интернационального полка 25-й стрелковой дивизии, сформированного в Самаре, в рядах 1-й интернациональной бригады под Киевом и на Десне[113]. Бойцы этой бригады Р. Шленгер, Г. Волгман, Л. Эранш, П. Краус отдали свою жизнь за власть Советов. Один из бойцов 1-й Интернациональной бригады немец Ф. Шварц впоследствии писал: «Я никогда не забуду тех дней. Тогда я особенно хорошо почувствовал, что все люди на земле делятся на врагов и друзей не по нациям, а по классу. Невозможно забыть, как русские женщины, проклиная русских белогвардейцев, выносили нам, бойцам интернациональной бригады, последний кусок хлеба, крынку молока и от души

---

109 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 29, л. 89.
110 ЦГАСА, ф. 803, оп. 1, д. 6, л. 9.
111 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 25, л. 100.
112 Е. Весенин, А. Светлов. Миллионы друзей. М., 1940, стр. 77.
113 Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960, стр. 60, 83.

желали нам здоровья и сил. Такое не забывается»[114]. Рота немецких интернационалистов (примерно 130 человек) вела бои против махновцев в районе Кобеляк. Позднее она пополнилась за счет бывших пленных, направлявшихся в Германию, но пожелавших помочь Красной Армии покончить с бандитами[115]. Ровенский немецкий отряд (начальник отряда — Зельман, комиссар — Зандер) 34-й стрелковой дивизии 11-й армии Туркестанского фронта героически сражался в районе Ханской Ставки[116]. Много немецких и австрийских интернационалистов служили в рядах 1-й Ферганской интернациональной кавбригады[117]. Они были в командах бронепоезда «Роза Люксембург» и санитарного поезда «Карл Либкнехт», в рядах красноармейских частей, действовавших на Ашхабадском и Закаспийском фронтах, в районе Кушки и у монгольской границы, среди бойцов партизанских отрядов в Сибири и на Кавказе[118].

Многие освобожденные из колчаковской неволи германские и австрийские военнопленные просили и требовали включить их в части Красной Армии, сражавшиеся на фронтах с белогвардейцами и интервентами. В мае 1920 г. австрийский коммунист Пауль Кон заявил представителям Советской власти, что, когда военнопленные были освобождены Красной Армией из колчаковского плена, некоторые бросили лозунг «Домой!», но я возразил: «Я становлюсь в ряды тех, кто дал мне действительную свободу. С тех пор я являюсь красноармейцем и членом РКП(б)... Как коммунист-интернационалист я вижу свой долг в том, чтобы принимать участие в борьбе против польских панов»[119].

Многие бывшие австрийские и германские военнопленные напряженно и самоотверженно трудились в тылу. Некоторые из них проявляли настоящий героизм.

Иначе, как подвигом, трудно назвать действия австрийских военнопленных-врачей Макса Маера, Миллера, Феликса. В начале 1919 г. в одном из тамбовских лагерей для военнопленных вспыхнула эпидемия тифа. Под угрозой заразы оказалось население соседних мест. Всю свою энергию и умение отдали австрийские врачи борьбе с болезнью, и через три месяца она была ликвидирована. Врач Феликс при этом заразился тифом и погиб. В марте 1919 г. тамбовская немецкая коммунистическая группа

---

[114] Цит. по кн.: Н. Ф. Шитов. Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1957, стр. 16.
[115] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 88, лл. 18, 19; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 170, л. 1; І. М. Кулінич, М. М. Кошик. Указ. соч., стр. 121.
[116] «Боевое содружество...», стр. 404—417.
[117] И. С. Сологубов. Иностранные коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961, стр. 107.
[118] «Казахстан в огне гражданской войны». Алма-Ата, 1960, стр. 152, 153.
[119] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 4, д. 201, л. 38.

и Австро-Венгерский Совет отметили заслуги австрийских врачей в борьбе с эпидемией [120].

В начале 1920 г. опять большие группы коммунистов были направлены в Германию и Австрию. В частности, в связи с мартовскими боями 1920 г. в Германии на родину срочно выехало 85 немецких коммунистов из Москвы и других городов [121].

С февраля 1920 г. в связи с прекращением деятельности ЦФИГ немецкие группы, как и другие группы иностранных коммунистов, вошли в местные организации РКП(б) и работали под руководством комитетов партии на правах языковых секций [122]. 26 февраля 1920 г. в Москве было создано Центральное бюро немецких секций при ЦК РКП(б) (ЦБ) во главе с Вселомовым (Альбрехтом), Гевандом, Шефером, Куршем. ЦБ являлось организационным и руководящим центром всех секций немецких коммунистов. Оно направляло деятельность газеты «Роте Фане», выходившей с перерывами до ноября 1922 г. В июле 1920 г. при ЦБ была создана партийная школа, в которой обучалось более 20 человек.

Группа немецких коммунистов в Москве влилась в одну из районных партийных организаций города. Своей задачей секция считала продолжение пропаганды среди бывших военнопленных и подготовку способных агитаторов для отправки в Германию и Австрию [123]. Такие же задачи ставила перед собою одна из активнейших в то время немецких коммунистических секций, созданная в марте 1920 г. в Перми [124].

Летом 1920 г. в Немецкой коммунистической организации Москвы состояло 84 человека. Всего в центральных губерниях России к лету 1920 г. функционировали 14 немецких коммунистических секций. В них числилось 450 членов и 120 кандидатов в члены РКП(б) [125]. В Туркестане летом 1920 г. действовали четыре организации немецких коммунистов, насчитывавшие 375 членов и 9 кандидатов. Кроме того, несколько сот немецких и австрийских коммунистов служили там в частях Красной Армии. В Сибири существовали 17 немецких коммунистических секций, общая численность которых составляла примерно 1500 человек [126].В августе 1920 г. было зарегистрировано всего 73 немецкие коммунистические секции, в том числе 9 — в интернациональных частях Красной Армии. В них насчитывалось 2850 членов и 720 кандидатов в члены РКП(б) [127].

---

120 ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 52, л. 41.
121 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 171, л. 8.
122 Там же, оп. 11, д. 45, лл. 28, 29.
123 Там же, л. 81.
124 Там же, оп. 1, д. 183, л. 183 об.
125 Там же, д. 170, лл. 4, 136—137, 139—140.
126 Там же, лл. 1, 2, 4.
127 Там же, лл. 6, 7; оп. 11, д. 51, л. 6.

Немецкие коммунистические секции продолжали вести значительную агитационно-пропагандистскую работу. Кроме «Роте Фане» (Москва) и «Фёлькерфрайхайт» (Киев), в Казани выходила газета «Дритте Интернационале» («Третий Интернационал»), в Ташкенте — газета «Фёлькерфрайхайт» (позднее переименованная в «Роте Фане») и журнал «Дритте Интернационале», в Омске издавалась тиражом в 6 тыс. экземпляров газета «Вельтреволюцион». Газеты на немецком языке выходили также в Томске, Новониколаевске, Красноярске, Семипалатинске, Барнауле, Иркутске, Верхнеудинске [128]. Немецкие коммунисты продолжали вести устную агитацию. Только в Екатеринбурге в августе 1920 г. было проведено десять митингов бывших военнопленных, возвращавшихся на родину. На каждом митинге присутствовало от 400 до 1200 человек. В сентябре было проведено еще девять митингов [129].

Покидая пределы Советской России, бывшие военнопленные заявляли: «Мы, пролетарии, говорящие по-немецки, возвращаемся с твердой волей туда, откуда взяла нас пять лет назад на бойню империалистическая война. Мы возвращаемся назад не к спокойствию, а как сознательные бойцы за окончательную победу трудящихся, за Красное знамя революции в Вене и Берлине» [130].

Немецкие коммунисты ставили теперь перед собой новые задачи, искали новые методы работы. В Перми с весны 1920 г. они стали участвовать в субботниках, привлекая по нескольку сот человек из находившихся там военнопленных. Немецкие интернационалисты принимали участие в субботниках и в Москве. В Иркутске с их участием была создана сельскохозяйственная коммуна, членами которой стали 83 человека. Она обрабатывала 120 десятин земли [131].

Серьезное внимание немецкие коммунисты обращали на колонистов. По примеру немецких коммунистов Одессы в 1920 г. политическую работу среди немецких колонистов — советских граждан, проживавших в Сибири [132], стали вести немецкие коммунисты Омска, Барнаула и других сибирских городов.

2 июля 1920 г. в Москве состоялось совещание 30 делегатов немецких коммунистических секций и руководителей ЦБ. На совещании обсуждалось, как лучше и быстрее отправить на родину всех гражданских и военных пленных, оказать помощь красноармейцам-интернационалистам. Шефер доложил о новых

---

[128] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 170, лл. 3, 6.
[129] Там же, оп. 11, д. 64, лл. 66, 76.
[130] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 4, д. 201, л. 118.
[131] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 160, лл. 11—13; д. 170, л. 4, оп. 11, д. 45, л. 8.
[132] Там же, оп. 1, д. 170, л. 2.

задачах секций и предложил лозунг «В Красную Армию!» заменить призывом «На рабочее место!»[133]

16 августа 1920 г. в Москве открылась Всероссийская конференция немецких коммунистических секций РКП(б). Каждая секция, имевшая 50 членов, могла прислать одного делегата. В работе конференции участвовало 40 делегатов с решающим голосом и 5 — с совещательным. На конференции в качестве гостей присутствовали представители Коминтерна, КП Германии, КП Польши и др. 12 делегатов выступили при обсуждении отчета ЦБ. Многие упрекали его за слабую связь с провинциальными секциями. Затем были заслушаны отчеты девяти местных организаций. Одобрив большинством голосов отчет Роткегеля и Геванда о деятельности Центрального Совета германских рабочих и солдат в России, конференция с большим вниманием заслушала сообщение Э. Майера о деятельности КПГ и II конгресса Коминтерна. Был избран новый состав ЦБ[134].

Согласно решению конференции все желающие австрийские и немецкие коммунисты могли выехать на родину. Был выдвинут лозунг: «Помощь при эвакуации и поддержка революционной борьбы на Западе!» Делегаты конференции были проинформированы о порядке перевода членов Немецкой секции РКП(б) в ряды КПГ. Конференция приняла решение об укреплении связи с КПГ, а также с коммунистической организацией немцев Поволжья[135].

В «Тезисах о новых задачах» в соответствии с новой обстановкой — началом восстановления народного хозяйства Советской России — лозунг «В Красную Армию!» был заменен лозунгом «На рабочее место!». Вместе с тем те, кто оставался в России, должны были в основном работать среди немцев-колонистов на Украине, Кавказе, в Поволжье, Сибири, создавать там новые секции. Конференция приняла решение о централизации работы немецких секций РКП(б). Одновременно сокращалось число немецких коммунистических газет в России, но тиражи оставшихся газет увеличивались[136].

В ноябре 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) конкретизировало организационный статут и задачи немецких секций. Они превращались в часть подотделов окружных и губернских комитетов РКП(б) для национальных меньшинств. На секции в основном возлагалась агитационно-пропагандистская работа среди немецкого населения России[137].

Вместо ЦБ немецких секций РКП(б) при ЦК РКП(б) было создано Центральное бюро немецких секций для агитации и про-

---

[133] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 54, лл. 1, 4, 6 об., 8.
[134] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 54, лл. 33, 35, 43; «Die Rote Fahne», 15.V 1920.
[135] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 171, лл. 15—17.
[136] Там же, д. 170, л. 23; д. 171, лл. 8, 16—17.
[137] Там же, оп. 11, д. 51, лл. 41—50; «Die Rote Fahne», 13.XI 1920.

паганды. Это бюро продолжало издавать газету «Роте Фане», а затем журнал «Арбайт» для немецкого населения Советской России.

Немецкие и австрийские интернационалисты оказали помощь молодой Советской республике в самые трудные годы. Их участие в социалистической революции, в защите Советской республики укрепило братские связи между трудящимися России, Германии и Австрии, способствовало распространению в Германии и Австрии идей социалистической революции, опыта большевистской партии.

ГЛАВА 13

ФИНСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ в 1917—1921 гг.

1. Политическая и организаторская деятельность финских коммунистов в Советской России

28 или 29 октября (10 или 11 ноября) 1917 г. на Выборгской стороне, в помещении финской школы на бывшей Оренбургской улице было созвано собрание членов правлений финских рабочих организаций Петрограда, чтобы обсудить предложение Петроградского комитета большевиков об объединении и вооружении финских рабочих города[1]. На собрании присутствовали представители от Петроградского и Охтенского социал-демократических объединений финских рабочих, профсоюзов металлистов, строителей, железнодорожников, обувщиков и домашних работниц[2]. Собрание приняло решение создать финский отряд Красной гвардии, так как финским рабочим, не владевшим русским языком, трудно было действовать в борьбе за общее дело в составе красногвардейских отрядов, состоявших только из русских рабочих.

Для проведения организационной работы по созданию отряда и последующего руководства им собрание избрало правление из 10 человек. На первом же заседании правления Э. Рахья был избран политическим руководителем отряда, А. Дувва — строевым командиром и А. Уотинен — секретарем правления. Отряд подчинялся штабу Красной гвардии Выборгской стороны; его центром стал бывший царский зал Финляндского вокзала, откуда

---

[1] «Kansalaissodan rintamilta. Suomalaisten vallankumouksellisten muistelmia taisteluista Neuvostovallan puolesta. Toimittaneet: T. Antikainen, K. Pietarinen, T. Törmälä». Leningrad, 1930, s. 43.

[2] «Punakaarti rintamalla. Luokkasodan muistoja. Toimittanut J. Lehtosaari». Leningrad, 1929, s. 259.

были вытеснены солдаты, охранявшие вокзал по поручению комиссариата Временного правительства[3].

В отряд принимали только членов социал-демократических и профсоюзных организаций финских трудящихся в Петрограде. В первые же дни в отряд вступило более 100 рабочих; многие из них ранее входили в финскую милицию и неоднократно участвовали в революционных выступлениях[4]. Из оружейного склада Петропавловской крепости для отряда было получено 200 винтовок и 20 тыс. патронов[5].

12—13 (25—26) ноября около 20 красногвардейцев-финнов 45 часов бессменно несли охрану Смольного со стороны Шпалерной улицы (ныне ул. Воинова).

Финский отряд Красной гвардии охранял Финляндскую железную дорогу и разоружал те войсковые части, которые прибывали из Финляндии и не подчинялись распоряжениям Советской власти[6]. Финские красногвардейцы обеспечивали порядок на вокзале и препятствовали выезду из Советской республики по Финляндской железной дороге богачей, стремившихся вывезти припрятанные от конфискации ценности.

Быстро и без кровопролития в начале декабря 1917 г. отряд разоружил женский батальон, «прославившийся» бессмысленной защитой Временного правительства во время Октябрьского вооруженного восстания.

Отряд выполнял и многие другие поручения Советского правительства и сыграл серьезную роль в обеспечении революционного порядка на Выборгской стороне. В мае 1918 г. в связи с тем, что задачи отряда были исчерпаны, он был распущен. Большинство финских красногвардейцев влилось в ряды регулярной Красной Армии.

Многие финские пролетарии состояли в других отрядах милиции и Красной гвардии. Например, работница-финка Нина Теллинен входила в рабочую милицию Сестрорецкого оружейного завода; командиром отряда милиции был рабочий-финн Андрей Сийка. Командирами отрядов рабочей милиции на станции Белоостров были финны Т. Антикайнен и Маркконен[7]. Рабочий-металлист Эркки Кярня из города Оулу вместе с рабочими завода «Вулкан» в октябре 1917 г. участвовал в подавлении сопротивления жандармов и в штурме юнкерского училища на Петроградской стороне[8]. В этих же операциях принимал участие рабочий

[3] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 148, оп. 1, д. 24, лл. 48—49.

[4] «Punakaarti rintamalla...», s. 260.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 262.

[7] ГАОРСС ЛО, ф. 5301, оп. 1, д. 1078, лл. 1, 3—5.

[8] Архив Петрозаводского института языка, литературы и истории (далее — АПИЯЛИ), ф. 1, оп. 17, д. 131, л. 3.

завода «Лангензиппен» финн Петр Толванен, революционная деятельность которого началась еще в 1903 г.[9] Позже Кярня и Толванен боролись за победу Финляндской революции и сражались на фронтах гражданской войны в Советской России. Кярня был награжден орденом Красного Знамени за храбрость и мужество, проявленные в боях с врагами Советского государства[10]. В Февральской и Октябрьской революциях активно участвовал рабочий-металлист Ялмар Виртанен[11]. Он также сражался на фронтах гражданской войны. Впоследствии Я. Виртанен стал известным поэтом, творчество которого высоко ценил А. М. Горький.

Э. Рахья

В борьбе за установление и упрочение Советской власти рука об руку с русскими братьями по классу участвовали многие уроженцы Финляндии[12].

Революционизирующее влияние Октябрьского вооруженного восстания на трудящихся-финнов, живших в Петрограде и Петроградской губернии, проявилось в резком увеличении количества членов партии. Если в июле 1917 г. в финском национальном районе петроградской городской организации большевиков было 613 членов, то в ноябре количество финнов — членов партии достигло 1200 человек[13]. Росло количество членов партии и в Петроградской губернии.

Победа Октябрьского вооруженного восстания оказала огромное влияние на революционное движение и в самой Финляндии. Она всколыхнула все слои финского общества. Активизировали свою деятельность политические партии. Финская буржуазия снова поставила вопрос о предоставлении государственной независимости Финляндии. Это требование было поддержано и финскими социал-демократами. 13 (26) декабря 1917 г. ЦК Социал-демократической партии Финляндии обратился с письмом

---

[9] ГАОРСС ЛО, ф. 5301, оп. 1, д. 1091, л. 6.

[10] Центральный государственный архив Карельской АССР (далее — ЦГА КАССР), ф. 701, оп. 1, д. 5/158, лл. 1, 2.

[11] Там же, д. 4/41, лл. 1—4.

[12] Там же, д. 4/54, лл. 2, 4; д. 5/154, л. 2; АПИЯЛИ, ф. 1, оп. 17, д. 171, л. 3; ГАОРСС ЛО, ф. 5301, оп. 1, д. 1114, л. 2 и др.

[13] «Большевики Петрограда в 1917 г. Хроника событий». Л., 1957, стр. 310; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 74, л. 45.

в ЦК РСДРП(б), в котором просил поддержать немедленное предоставление государственной независимости Финляндии. В письме выражалась уверенность, что после разрыва принудительной связи «финляндский и русский пролетариат будут находиться в солидарном братском союзе между собой, борясь рука об руку против международного капитала» [14].

18 (31) декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров специальным постановлением, подписанным В. И. Лениным, признал государственную независимость Финляндии и вошел с соответствующим предложением во ВЦИК. 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) ВЦИК утвердил постановление Совета Народных Комиссаров; постановление о признании независимости Финляндии 15 (28) января 1918 г. принял III Всероссийский съезд Советов.

Еще 18 (31) декабря 1917 г. В. И. Ленин лично вручил представителям Финляндии декрет СНК о признании ее независимости. Это нужно было сделать, говорил позднее В. И. Ленин, потому, что финляндская буржуазия «обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов» [15].

Когда в январе 1918 г. началась пролетарская революция в Финляндии, Советское государство оказало посильную помощь финскому рабочему классу в борьбе с объединенными силами финской буржуазии и германских интервентов. Между обеими социалистическими республиками установились дружественные отношения, основанные на взаимном доверии. Почти все финские интернационалисты — активные участники революционных событий в России — немедленно вернулись на родину и активно включились в революционную борьбу. Многие из них, в частности А. В. Шотман, И. А. Рахья, А. П. Тайми, стали видными деятелями революции, руководили Красной гвардией Финляндии и внесли ощутимый вклад в вооруженную борьбу финского рабочего класса. Из Петрограда отправлялись в Финляндию отряды красногвардейцев-финнов [16].

В мае 1918 г. рабочая революция в Финляндии потерпела поражение. Красногвардейцы отступили на восток, в сторону Советской России. Примерно десяти тысячам из них удалось с оружием в руках пробиться на советскую территорию [17].

Несмотря на горечь поражения, революционный дух финских эмигрантов был исключительно высоким. Подавляющее большинство финских красногвардейцев почти сразу же по прибытии в Советскую Россию влилось в ряды Красной Армии. Этот про-

---

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1-А, д. 359, лл. 1—3.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158.
[16] В. Малаховский. Из истории Красной гвардии. Л., 1925, стр. 35.
[17] М. С. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг. (Воспоминания и материалы). М.—Пг., 1923, стр. 104.

цесс, начавшийся стихийно, получил одобрение и поддержку как руководителей Финляндской революции, так и советских властей.

В июле 1918 г. в Москве состоялся митинг финских красноармейцев, направлявшихся на фронт. Выступившие на митинге ораторы подчеркивали, что сохранение и укрепление Советской власти в России является обязательным условием вызревания революции в других странах. С большой речью на митинге выступил один из виднейших руководителей Финляндской революции Юрье Сирола. Говоря об участии финских эмигрантов в защите Советской власти и высоких задачах, стоявших перед отправлявшимися на фронт красноармейцами-финнами, он, в частности, заявил: «Сейчас не только революция в России находится в опасности, сейчас опасность угрожает социалистической родине трудящихся всех стран мира... Финские товарищи, красноармейцы, вы являетесь одними из передовых борцов мировой революции и правильно понимаете свой долг, общий долг всех нас. Да здравствует Советская власть и Красная Армия! Да здравствует мировая революция!» [18]

С 31 июля 1918 г. выходившая в Петрограде финская газета «Вапаус» («Свобода») стала органом финских эмигрантов. На следующий день в ней было опубликовано обращение к финским революционерам в Советской России: «Для защиты социалистического отечества создается регулярная Красная Армия. В ее состав уже вошли латышские стрелки, немцы, австрийцы, венгры, эстонцы, беломорские и олонецкие карелы и ингерманландцы. Финские рабочие тоже должны вступать в ее ряды. Сейчас такое время, что каждый должен защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Финский рабочий одновременно будет защищать и интересы своей родины, вступив в ряды Красной Армии. Там, где нет возможности создавать финские национальные войсковые части, вступайте в другие национальные части, например в ряды латышских стрелков» [19].

Летом и осенью 1918 г. газета «Вапаус» регулярно печатала статьи и материалы, посвященные участию финнов в создании Красной Армии, сообщала адреса пунктов по записи добровольцев, информировала о ходе создания финских войсковых частей. 11 августа в «Вапаус» была опубликована статья «Встань в строй», в которой сообщалось, что финские войсковые части уже созданы в Петрограде и Москве, планируется их создание в Перми и других городах. В Перми, писала газета, имеется войсковая часть, в которую входит более ста финнов, кроме того,

---

[18] J. Sirola. Isänmaa en vaarassa-aseisiin! Puhe pidetty suomalaisille puna-armeijalaisille Moskovassa heinäkuussa 1918. Petrograd, 1918, s. 12.
[19] «Vapaus», 1.VIII 1918.

там же в эстонских войсковых соединениях имеется около 80 финнов. «Это хорошее начало, — заключала газета. — Нашим девизом должно быть: каждый социалист обязан сражаться с международным капиталом там, где он находится в настоящее время»[20].

После поражения революции в Финляндии обострилась борьба между различными течениями в финском рабочем движении. Она шла как на территории самой Финляндии, так и среди социал-демократов, эмигрировавших в Советскую Россию. Деятели правого крыла финского рабочего движения — Вяйне Таннер и подобные ему оппортунисты — создали новую реформистскую социал-демократическую партию. Среди эмигрантов оппортунистические взгляды защищал бывший лидер финских профсоюзов Оскар Токой. В июле 1918 г. Токой под видом поездки в Архангельск для поисков возможностей трудоустройства финских эмигрантов пробрался в Мурманск и предложил свои услуги англо-американским оккупантам[21]. Он вел провокационную агитацию среди финских легионеров, находившихся в районе Мурманска, призывал их действовать совместно с интервентами, в специальных воззваниях предлагал классовый мир финской буржуазии и т. д.[22]

Анализ уроков Финляндской революции и изучение исторического опыта русского революционного движения способствовали тому, что вскоре по прибытии в Советскую Россию значительная часть финских эмигрантов безоговорочно встала на позиции революционного марксизма. ЦК Заграничной организации финских социал-демократов, которая была создана в Петрограде, созвал 25 августа 1918 г. в Москве конференцию представителей Социал-демократической партии, Социал-демократического союза молодежи и профсоюзного движения Финляндии для обсуждения перспектив развития рабочего движения своей страны в трудной обстановке, сложившейся после поражения революции. В подготовленных ЦК тезисах доказывалась необходимость создания коммунистической партии. После четырехдневной дискуссии, 29 августа, тезисы были одобрены подавляющим большинством участников конференции: 72 проголосовали за принятие тезисов, 16 — против и несколько человек воздержалось от голосования. 29 августа 1918 г. — первый день работы Учредительного съезда КПФ стал днем создания партии. В избранный на съезде ЦК вошли О. Куусинен, Ю. Сирола, И. Рахья, Л. Летонмяки и К. Эвя. В конце 1918 г. в состав ЦК были кооптированы К. Маннер, Э. Рахья и М. Сирола[23].

---

[20] «Vapaus», 11.VIII 1918.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 7.
[22] Там же.
[23] Там же, л. 4.

Вопрос об отношении финских эмигрантов к событиям в России, об их участии в защите первого в мире социалистического государства был одним из важнейших в работе Учредительного съезда КПФ. Участники съезда обратились с открытым письмом к В. И. Ленину. Письмо заканчивалось словами: «Можете сказать русским товарищам за нас: финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, когда крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унизительным оставаться в тылу, когда пролетариат всех стран завоевывает мир» [24].

О. Куусинен

Съезд принял специальное обращение к финнам, находившимся в рядах Красной Армии, в котором говорилось: «Вы поступили правильно, предложив свою помощь и кровь своего сердца Советской республике. Стойте непоколебимо на своих постах бок о бок с русскими товарищами, безжалостно громите врагов пролетариата, кто бы они ни были, и сокрушайте их. Боритесь за победу пролетариата России. Эта победа будет решающей для международной революции и коммунизма» [25]. Одновременно с обращением Учредительного съезда КПФ было опубликовано обращение ЦК Заграничной организации финской молодежи к финской трудящейся молодежи в России с призывом вступать в ряды Красной Армии и отдавать все силы защите первого в мире социалистического государства. «Теперь мы должны встать в ряды борцов в России, — подчеркивалось в обращении. — Сейчас наше место в рядах Красной Армии России. В ее рядах мы будем бороться против мирового капитализма. Эта борьба одновременно будет борьбой за свержение буржуазной диктатуры в Финляндии. Участие в этой борьбе является нашей кровной обязанностью» [26].

После своего создания КПФ развернула многостороннюю деятельность по оказанию материальной помощи эмигрантам, их трудоустройству, культурно-просветительной работе среди них,

[24] «Финляндская революция». М., 1920, стр. 31.
[25] «Из истории Коммунистической партии Финляндии». М., 1960, стр. 8.
[26] «Kumous», 1918, № 8-9, стр. 100.

содействию вступлению в ряды Красной Армии и осуществлению политического руководства финскими национальными войсковыми частями Красной Армии, находившимися на различных фронтах. Для осуществления всех этих задач в сентябре 1918 г. при ЦК КПФ были созданы промышленный комитет, агитационный отдел и военная организация [27].

Промышленный комитет занимался в основном снабжением, размещением и трудоустройством финских эмигрантов.

Еще в мае 1918 г. для кратковременного отдыха прибывавших из Финляндии эмигрантов Советское правительство выделило помещение в городе Буй Костромской губернии, где и был создан эвакопункт [28]. Работоспособные отдыхали там по нескольку дней, а инвалиды, старики и дети жили более длительное время. На эвакопункте оказывалась медицинская помощь, была создана больница с тремя штатными врачами. Для поддержания порядка была организована милиция, которая по просьбе городских властей также несла караульную службу на железнодорожном вокзале [29].

В отчете ЦК Заграничной организации финских социал-демократов Учредительному съезду КПФ приводились следующие данные о числе финских эмигрантов, находившихся на эвакопункте весной и летом 1918 г.: 15 мая — 3268, 30 мая — 2653, 1 июня — 2827, 15 июня — около 1000, 30 июня — 716, 15 июля — около 700, 30 июля — свыше 500 человек (из них большая часть — женщины-вдовы и дети-сироты) [30]. К концу июля 1918 г. основная масса эмигрантов уже была трудоустроена, а желавшие служить в армии и способные к военной службе были направлены в финские национальные части Красной Армии.

Промышленный комитет не только занимался трудоустройством финских эмигрантов на действующие предприятия, но и направлял их на восстановление заброшенных во время войны фабрик и заводов. Так, например, финскими эмигрантами был пущен в ход инструментальный завод «Война» в Петрограде, литейный завод в Муроме, бумажная фабрика в Костроме, деревообрабатывающая фабрика в Буе [31] и др. Ими были созданы две земледельческие коммуны: около села Верещагино Пермской губернии и вблизи города Буй [32]. Финские эмигранты принимали участие в доставке продовольствия из богатых хлебом районов в крупные города. Только с 1 сентября 1918 г. по 15 февраля 1919 г. они доставили в Петроград более 100 тыс. пудов хлеба [33].

---

27 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, лл. 5, 9, 11.
28 «Vapaus», 22.IX 1918.
29 «Vapaus», 24.IX 1918.
30 «Vapaus», 22, 24.IX 1918.
31 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 11.
32 Там же.
33 Там же.

После образования КПФ большая работа была проделана ее агитационным отделом среди эмигрантов и финского населения Петрограда и Петроградской губернии. Руководителем отдела была утверждена Аура Кийскинен. 23 сентября 1918 г. ЦК КПФ обратился с письмом в ЦК РКП(б), в котором предложил организовать при ряде местных организаций РКП(б) финские отделы для проведения агитационной работы среди финского населения и эмигрантов. Кроме того, ЦК КПФ высказал пожелание объединить коммунистов-финнов в партийные организации не по производственному, а по национальному признаку [34]. В ответном письме от 5 октября 1918 г., подписанном секретарем ЦК РКП(б) Е. Стасовой, выражалось согласие на то, чтобы КПФ проводила самостоятельную агитационную работу, создавала национальные клубы и другие подобные организации, которые могут быть подотделами местных организаций РКП(б). Но вместе с тем в письме ЦК РКП(б) отклонялось предложение финских товарищей создавать партийные организации по национальному признаку [35].

Основываясь на договоренности с ЦК РКП(б), в тесном контакте с петроградской организацией большевиков агитационный отдел КПФ развернул широкую пропагандистскую и агитационную работу среди финнов, проживавших в Петрограде и его окрестностях. Это было тем более важно, что русские коммунисты, не владевшие финским языком, не могли проводить разъяснительной работы среди финнов, а местная буржуазия финского происхождения вела активную контрреволюционную деятельность и даже пропагандировала идею создания «самостоятельной и независимой Ингермаландии» [36]. К тому же ввиду того, что советско-финляндская граница в то время охранялась плохо, из Финляндии на территорию Петроградской губернии проникали шюцкоровские агенты, занимавшиеся антисоветской деятельностью [37]. Работа агитатора была не только трудной и сложной, но и опасной, особенно в деревнях, расположенных близко от государственной границы. Это было, отмечалось в отчете агитационного отдела ЦК КПФ, что-то «вроде очистки нерасчищенного дремучего леса» [38].

Прежде всего агитационный отдел подобрал из финских эмигрантов группу людей, способных вести пропагандистскую и агитационную работу. Всего в агитационно-пропагандистскую группу отдела осенью 1918 г. входил 31 человек. Среди них были Т. Антикайнен, В. Вуорио, И. Коскелайнен, С. Леппя, И. Саaристо, И. Сандгольм, А. Талвитие, Х. Ялонен и др. Для того чтобы

[34] ПАЛО, ф. 16, св. 1348, д. 11606, лл. 3, 4, 5.
[35] Там же, св. 676, д. 11625, л. 1.
[36] «Vapaus», 9.VII 1918.
[37] ПАЛО, ф. 16, св. 1350, д. 11626, л. 9.
[38] Там же, св. 1348, д. 11606, л. 44.

вооружить агитаторов соответствующими знаниями, было проведено четыре семинара агитаторов, на которых Ю. Сирола выступил с лекциями по наиболее актуальным вопросам теории и текущего момента. На основе этих лекций будущие агитаторы подготовили пробные выступления, которые были обсуждены на семинаре [39].

Большой популярностью среди финского населения пользовался Тойво Антикайнен. Его выступления отличались простотой и доступностью, сложные политические вопросы в интерпретации Т. Антикайнена становились понятными для самых неподготовленных слушателей.

Успешно выступали перед финским населением агитаторы И. Сааристо и И. Сандгольм. С 3 по 10 октября 1918 г. они провели ряд собраний в деревнях Токсово, Хиттолово и Матоксы Токсовской волости Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии. Агитаторы И. Коскелайнен и С. Леппя с 18 по 29 сентября 1918 г. провели шесть митингов в районе Дубровки. После митингов в деревнях Дубровка и Манускало были созданы местные партийные организации. В Колтушах им выступить не удалось: кулаки сорвали митинг [40]. Агитаторы К. Вуорио и А. Талвитие с 26 сентября по 13 октября 1918 г. находились в Петрозаводске. По их сообщению, там проживало около 1200 финнов, из них 140 человек служили в Красной Армии. Вуорио и Талвитие провели в городе митинг, на котором присутствовало 240 трудящихся-финнов. После митинга была создана первичная партийная ячейка, в которую записалось 68 человек [41].

Значительную политико-массовую работу агитационный отдел вел непосредственно в Красной Армии, в тех войсковых частях, в которых служили финны, а также и карелы (особенно на Северном и Западном фронтах). С 1 ноября по 31 декабря 1918 г. финские агитаторы постоянно находились на Эстонском и Мурманском фронтах [42]. С эпизодическими выступлениями агитаторы направлялись и на Пермский фронт.

С 10 сентября по 31 декабря 1918 г. на территории Советской России было распространено 27 642 экземпляра газеты «Вапаус», 7902 экземпляра журнала «Кумоус» («Революция») — теоретический орган КПФ, 40 278 разных изданий КПФ и 17 485 листовок и прокламаций [43], были организованы 23 финских коммунистических клуба [44] и 8 финских библиотек [45]. За первые восемь месяцев

---

[39] ПАЛО, ф. 16, св. 1348, д. 11606, л. 44.
[40] Там же, св. 1349, д. 11614, л. 15.
[41] Там же, л. 19.
[42] Там же, св. 676, д. 11620, лл. 2—5.
[43] Там же, св. 1348, д. 11606, л. 45.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 5.
[45] ПАЛО, ф. 16, св. 1348, д. 11606, л. 45.

1919 г. сотрудники агитационного отдела создали партийные ячейки в 24 населенных пунктах [46].

В 1918 г. по инициативе военной организации ЦК КПФ в Петрограде была сформирована отдельная финская войсковая часть (так называемый отряд Рахьи), дислоцированная сначала на Выборгской стороне, а потом в Московских казармах. Первоначально она насчитывала около 500 штыков [47]. Из этой части выделился 1-й Финский стрелковый полк (позже 54-й, затем 480-й), который участвовал в военных действиях на Северном и Западном фронтах. Также из состава этой части был сформирован пограничный батальон, который длительное время охранял государственную границу в районе Белоострова [48].

В конце 1918 г. военная организация попыталась собрать в Петрограде все финские войсковые части, возникшие в разных районах страны: из Перми прибыли два отряда, из Москвы — один. Но в это время ухудшилось положение на Эстонском фронте, и собранные в Петрограде финские войсковые части были направлены на этот фронт [49].

В конце 1918—начале 1919 г. военная организация провела регистрацию всех финских интернационалистов в возрасте от 18 до 45 лет. Специальные уполномоченные направлялись в те города, где проживало много финских эмигрантов — Москву, Буй, Вологду, Петрозаводск, Нижний Новгород и др. В этих городах они зарегистрировали сотни финнов, желавших и способных служить в Красной Армии (например, только в Петрограде зарегистрировалось 928 человек) [50]. Разумеется, всех их нельзя было направить в армию, так как многие работали на предприятиях оборонного значения, но значительная их часть при содействии военной организации влилась в ряды Красной Армии и активно участвовала в защите Советского государства.

Военная организация КПФ обеспечивала политическое руководство финскими национальными войсковыми частями, направляла туда военных комиссаров и политработников. В феврале 1919 г. она организовала краткосрочные курсы политруков, на которых ряд красноармейцев из 6-го финского полка был подготовлен для работы политическими руководителями рот [51].

Военная организация также проделала огромную работу по подготовке командных кадров для финских войсковых частей. 14 октября 1918 г. был издан приказ об образовании финских курсов красных командиров в Петрограде, которые начали функ-

---

[46] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 19.
[47] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 110.
[48] Там же, стр. 55. Для удобства изложения в дальнейшем будем называть этот полк 480-м.
[49] Там же.
[50] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 10.
[51] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 55.

ционировать с ноября 1918 г.[52] Сначала эти шестимесячные курсы готовили командиров только для финских войсковых частей. Позже на их базе была создана Интернациональная военная школа с обычной для таких учебных заведений программой обучения. Эта школа выпустила несколько сот красных командиров, сыгравших решающую роль в подъеме боевого уровня финских войсковых частей Красной Армии[53].

В 1918—1919 гг. военная организация КПФ создала курсы санитаров и телеграфистов[54]. По ее инициативе в летной школе Нижнего Новгорода было открыто финское отделение, которое окончило несколько летчиков-финнов[55]. Под руководством военной организации с ноября 1918 г. по июль 1920 г. работал организованный ею военный госпиталь. За это время в госпитале лечилось 1296 красноармейцев[56].

Таким образом, в первый год своего существования КПФ занималась большой и разносторонней деятельностью на территории Советской России. Но вскоре в центре деятельности партии стали вопросы развития рабочего движения в самой Финляндии. Поэтому II съезд КПФ, состоявшийся осенью 1919 г., принял решение всю работу среди финского населения Советской республики передать в ведение соответствующих советских органов, а партии сосредоточить силы на руководстве революционным движением в Финляндии[57].

16 октября 1919 г. ЦК КПФ обратился с письмом в ЦК РКП(б), в котором предлагал дела, связанные с пребыванием финских интернационалистов на территории Советской России, передать в ведение советских органов и создать при ЦК РКП(б) бюро финских организаций партии большевиков[58]. Оргбюро ЦК РКП(б) согласилось с этим предложением и 10 декабря 1919 г. приняло решение создать в Петрограде Бюро финских организаций при ЦК РКП(б) в составе Калле Лепола, Вяйне Иокинена и Густава Ровио[59].

2. Боевые действия финских интернационалистов на фронтах гражданской войны

Наиболее заметную роль финские интернационалисты сыграли в разгроме интервентов на Северном фронте и, в частности, в защите Советской Карелии в 1918—1920 гг.

[52] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 10.
[53] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 56.
[54] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, л. 11.
[55] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 56.
[56] Там же.
[57] «Из истории Коммунистической партии Финляндии», стр. 32.
[58] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 50, лл. 39—44.
[59] Там же, л. 54.

Пользуясь временной слабостью молодого Советского государства, финская буржуазия попыталась расширить границы Финляндии за счет северных районов Советской страны. В феврале 1918 г. главнокомандующий белофинской армией Г. Маннергейм даже издал приказ, в котором поклялся, что не вложит свой меч в ножны «прежде, чем последний солдат Ленина не будет изгнан как из Финляндии, так и из Советской Карелии, и не будет создана мощная великая Финляндия» [60].

Еще в начале 1918 г. белофинны готовили прорыв к Мурманской железной дороге в районе Кандалакши и сосредоточили здесь довольно значительные вооруженные силы. В этом же районе находилось много революционно настроенных финских рабочих. В марте 1918 г. они получили оружие, присланное революционным правительством Финляндии по договоренности с Советским правительством. За короткий срок в Кандалакше органами власти было вооружено около тысячи финских пролетариев [61], которые выступили против белофиннов, перешедших советско-финляндскую границу. В апреле 1918 г. к западу от Кандалакши, у деревень Толвантоярви, Соукело и Рува, шли ожесточенные бои между финскими интернационалистами и белофиннами, вторгшимися на советскую территорию. В ходе развернувшихся боев белофинны потерпели поражение и вынуждены были отступить обратно в Финляндию [62].

В марте 1918 г. в районе Ухты на советскую территорию вторгся белофинский отряд под командованием подполковника Мальма. Враг быстро продвинулся в глубь страны и в начале апреля подошел к городу Кемь, крупному железнодорожному узлу на Мурманской железной дороге.

В отражении нападения белофиннов в районе Ухта—Кемь, наряду с русскими и карелами, активное участие принимали 374 финских интернационалиста, прибывших на специальном поезде из Петрозаводска 3 апреля 1918 г.[63] Из этого отряда 150 человек были оставлены для оказания помощи защитникам Кеми, а остальные отправлены дальше на север, в район Кандалакши. На следующий день из Петрограда в Кемь прибыли еще 50 финских интернационалистов [64]. Финские интернационалисты были сведены в Кемский батальон. Командиром батальона стал бывший рабочий-судоремонтник Калле Весанто. Сражение с белофиннами за город Кемь закончилось для врага сокрушительным

---

[60] Цит. по кн.: И. Сюкияйнен. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях. Петрозаводск, 1948, стр. 68.

[61] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 60.

[62] Там же, стр. 60.

[63] «Punalippu», 1963, № 5, s. 73—74.

[64] Там же, стр. 80.

поражением. Кемский батальон и отряд военных моряков перешли в наступление и преследовали врага до деревни Подужемье.

В январе 1919 г. отдельные белофинские банды совершали нападения на приграничные районы Карелии. Но основное, тщательно подготовленное вторжение белофинских банд при участии регулярных войсковых частей на территорию Советской Карелии началось 20 апреля 1919 г.[65] На этот раз нападение было совершено в районе Салми—Олонец. Интервенты, не встретив почти никакого сопротивления, быстро продвигались в сторону реки Свирь и Петрозаводска. 23 апреля они захватили город Олонец и учинили там зверскую расправу над местным населением и тяжелоранеными красноармейцами. Подоспевшие части Красной Армии преградили захватчикам путь к Мурманской железной дороге. В районе Александро-Свирского монастыря, в 18 км к западу от Лодейного Поля, и на подступах к Петрозаводску начались ожесточенные бои, в которых активное участие принимали и финские войсковые части Красной Армии.

25 апреля 1919 г. 1-й (480-й) Финский стрелковый полк, насчитывавший тогда 830 штыков[66], был отправлен из Петрограда на Олонецкий фронт. Незадолго до этого состоялся первый выпуск финских курсов красных командиров. Из 20 выпускников 10 были направлены в полк. Уже на следующий день после выезда из Петрограда, 26 апреля, полк вступил в бой в районе Александро-Свирского монастыря, захваченного белофиннами. В ночь с 27 на 28 апреля совместно со 2-м батальоном 50-го полка и 1-м батальоном 48-го полка Красной Армии финский полк предпринял штурм хорошо укрепленного, расположенного на высокой горе монастыря. Совместными усилиями к утру 28 апреля монастырь был взят[67].

От монастыря белофинны в панике отступили к деревне Маггрега, которая находилась на подступах к городу Олонец. Финский стрелковый полк совместно с 50-м стрелковым полком, 3-й ротой 6-го финского полка и коммунистическим отрядом станции Званка участвовал в кровопролитных боях за Олонец[68]. Город два раза переходил из рук в руки. Только 12 мая Олонец был освобожден от белофиннов.

В этих боях особенно отличилась рота 6-го финского полка[69]. В донесении командующему 7-й армии военком Кузнецов отмечал, что благодаря доблести и мужеству этой роты продвижение противника в направлении на Петрозаводск было задержано.

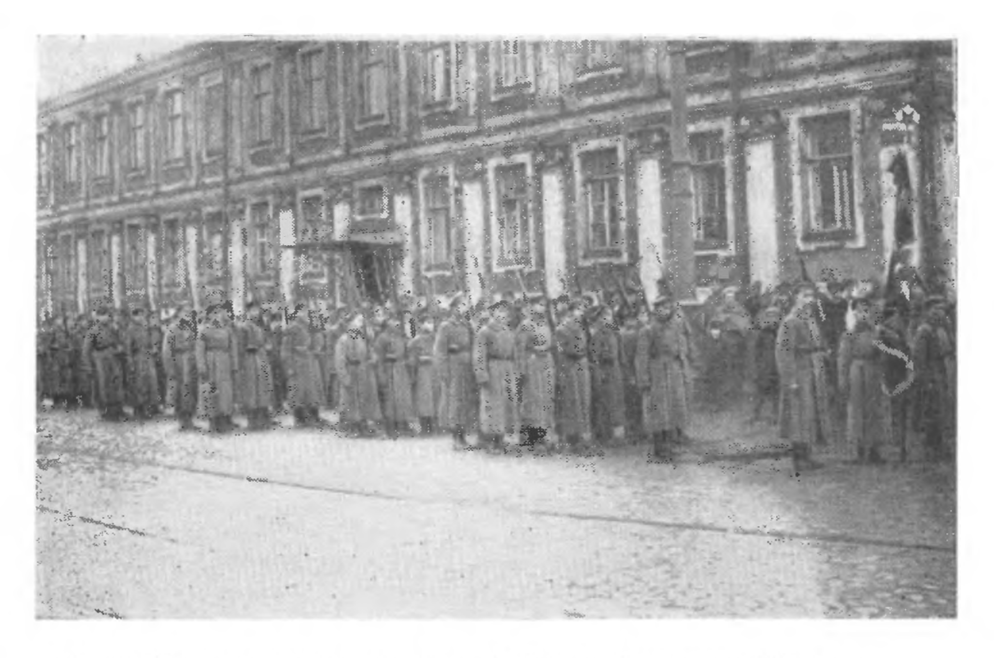
[65] И. Сюкияйнен. Указ. соч., стр. 89.

[66] «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг.». Петрозаводск, 1964, стр. 74.

[67] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 112.

[68] «Очерки истории Карелии», т. II. Петрозаводск, 1964, стр. 96.

[69] О создании этого полка речь будет идти ниже.

Финские курсанты-пехотинцы Красной Армии. Петроград. 1919 г.

Командир роты Оскар Юлин был представлен к награждению орденом Красного Знамени[70].

В освобождении олонецкой Карелии от белофинских захватчиков также участвовала рота курсантов финских курсов красных командиров. После первого выпуска весной 1919 г. на курсах насчитывалось около 300 курсантов[71]. Рота курсантов-финнов 3 мая 1919 г. была направлена на Олонецкий фронт. Командиром роты был А. Партанен, командиром пулеметного взвода — Т. Антикайнен. В мае—июне 1919 г. рота вела бои с белофиннами западнее Олонца. Она активно поддерживала Видлицкую операцию, освободив во второй половине июня после упорных боев деревни Нурмойла, Тенгу, Кукемяки и Сорвали[72]. В конце июля, когда враг на этом направлении был отброшен рота курсантов заняла оборону непосредственно у государственной границы по линии Каукоярви—Кайванто—Хонка. Здесь белофинны неоднократно атаковали позиции, обороняемые ротой, но каждый раз с большими потерями отбрасывались назад, за границу. 11 сентября рота была отозвана в Петроград для про-

[70] «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг.», стр. 74.

[71] «Neuvosto-Karjalan puolesta. Taistelukuvanksia pohjoiselta rintamalta. Toimittanut Toivo Antikainen», Leningrad, 1927, s. 73.

[72] Там же, s. 73.

должения учебы. Командование неоднократно отмечало мужество, проявленное в боях курсантами этой роты [73].

Полный разгром белофиннов и их поспешное отступление в Финляндию были ускорены блестящей операцией частей Красной Армии у деревни Видлица, расположенной на берегу Ладожского озера, на тракте, ведущем в Финляндию. Здесь находилась основная база снабжения интервентов и располагался их главный штаб. Внезапный удар частей Красной Армии у Видлицы в конце июня 1919 г. в глубоком тылу белофиннов поставил под угрозу их войска во всей олонецкой Карелии и ускорил поспешное отступление захватчиков. В Видлицкой операции также принимали активное участие финские интернационалисты, прибывшие из Петрограда на Олонецкий фронт. Комиссаром группы советских войск, осуществивших разгром штаба белофиннов у деревни Видлица, был Э. Рахья [74].

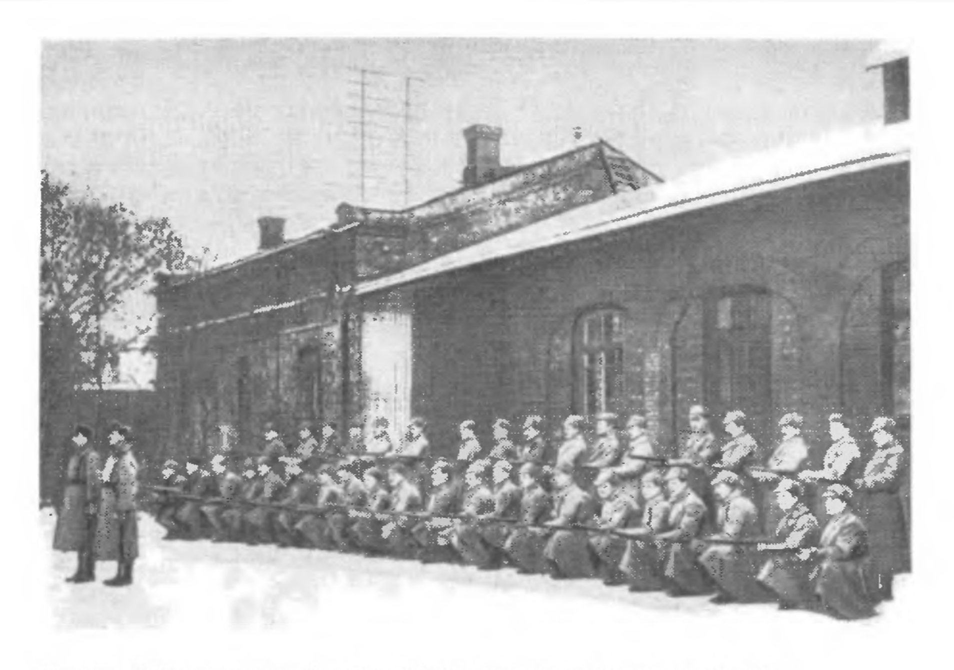
Части Красной Армии, активно поддерживавшиеся местным населением, быстро продвигались вперед. К концу лета 1919 г. вся территория олонецкой Карелии была освобождена от белофинских оккупантов, исключая только Ребольскую волость, очищенную от белофиннов после заключения Юрьевского мирного договора в 1920 г.[75]

Весьма ощутимым явилось участие финских интернационалистов в разгроме и изгнании английских и французских интервентов из северной части страны. Наступая на юг по Мурманской железной дороге, интервенты надеялись достигнуть Петрозаводска и Петрограда и здесь соединиться с войсками Юденича. Из Архангельска они решили двинуться по Северной Двине на Котлас и далее на юго-восток для соединения с армией Колчака. Положение усугублялось предательством руководителей Мурманского краевого Совета, перешедших на сторону оккупантов.

Интервенты почти без боев дошли до станции Сорока, но дальше, встретив упорное сопротивление местных рабочих и партизанских отрядов, вынуждены были замедлить, а потом и вовсе приостановить наступление. Фронт установился по реке Онда в 40 км к югу от Сороки. Советское правительство предпринимало огромные усилия для укрепления Северного фронта. На север был направлен 1-й Вологодский стрелковый полк, 4-й Балтийский морской батальон и отряд путиловцев с артиллерийским дивизионом. Если в начале августа 1918 г. на Севере находилось не более 4 тыс. бойцов, то к 1 сентября их насчитывалось уже 9 тыс. Из присланных на Север частей и местных отрядов была создана 6-я армия, которая вошла в состав образован-

---

[73] «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг.», стр. 99.
[74] «Красная Карелия», 3.VIII 1930.
[75] И. Сюкияйнен. Указ. соч., стр. 93.

Группа бойцов отряда финских железнодорожников-коммунистов, защищавших Петроград во время первого похода Юденича

ного в сентябре 1918 г. Северного фронта[76]. Командующим фронтом был назначен опытный военный работник М. С. Кедров.

Наряду с регулярными частями Красной Армии, отрядами добровольцев из рабочих Кеми и Сороки и местными партизанскими отрядами активное участие в борьбе с интервентами на Севере принимали войсковые части и отряды, сформированные из финских интернационалистов, в частности, 6-й Финский стрелковый полк.[77]

Полк был сформирован летом 1918 г. главным образом из числа финских красногвардейцев, эмигрировавших в северную Карелию после окончания гражданской войны в Финляндии. Его ядром стал отряд из 40 финских революционеров. Командиром отряда был революционер-подпольщик Александр Вастен. 14 июля 1918 г. отряд направился специальным поездом из Петрозаводска в сторону Мурманска. В Сороке к отряду присоединилось еще около 50 финских эмигрантов, прибывших из Кандалакши и Княжьей губы[78].

---

[76] «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1957, стр. 202.
[77] «За Советскую Карелию». 1918—1920 гг. Воспоминания о гражданской войне». Петрозаводск, 1963, стр. 311.
[78] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 106—107.

Оказав помощь в эвакуации из Сороки материальных ценностей (на юг было отправлено более 10 эшелонов), отряд стал отходить, уничтожая за собой железнодорожные мосты и полотно железной дороги, что в значительной степени задержало дальнейшее продвижение интервентов на юг от Сороки. Действия отряда Вастена получили одобрение командования советских войск. Командир архангельской группы частей Красной Армии Огородников прислал на имя А. Вастена телеграмму, в которой благодарил финских интернационалистов. Телеграмму с благодарностью прислал также комиссар Мурманско-Беломорского края С. П. Нацаренус. В этой же телеграмме он дал группе Вастена официальное название «Финский отряд», приказал остановиться на станции Надвойцы и занять оборону на реке Онда [79].

Примерно через неделю Финский отряд перевезли в Сегежу, а оттуда в Медвежьегорск для пополнения. В начале октября 1918 г. в отряде насчитывалось примерно 400 человек, и он был преобразован в 1-й финский коммунистический стрелковый полк.

В конце 1918 г. и в начале 1919 г. полк пополнялся финскими интернационалистами, сражавшимися ранее на Восточном и Южном фронтах. В связи с реорганизацией Северного фронта приказом от 4 января 1919 г. полк был назван 164-м финским стрелковым полком. В то время он насчитывал 1003 штыка. В марте 1919 г. в полк влились финны, прибывшие с Эстонского фронта, и его численность достигла примерно 2 тыс. человек. В это время полк состоял из семи рот, пяти отдельных взводов (пулеметного, кавалерийского, связи, хозяйственного и санитарного) и артиллерийской батареи. Кроме того, была создана своя полковая школа для подготовки младших командиров. Командиром полка был назначен А. П. Петров. А. Вастен остался комиссаром полка. Для улучшения военной подготовки командного состава полка в марте 1919 г. около 60 человек были откомандированы для учебы на 3-х финских пехотных курсах. В начале мая в полк было направлено около 100 окончивших эти курсы красных командиров [80].

Штаб полка находился в Петрозаводске. В августе 1919 г. полк был переименован в 6-й финский стрелковый полк.

В феврале—марте 1919 г. на Мурманской железной дороге, к северу от станции Масельгская, шли кровопролитные бои. Среди противостоявших противнику сил здесь находились три роты 6-го финского стрелкового полка.

В начале июня эти роты были сведены в батальон, который насчитывал примерно 350 штыков [81]. Командиром батальона назначили широко известного в Карелии красного командира

---

[79] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 108—109.
[80] Там же, стр. 80—83.
[81] Там же, стр. 89.

Э. Матсона, комиссаром — Т. Антикайнена. Батальон получил приказ препятствовать наступлению врага из Повенца через Шуньгский полуостров в направлении Пудожа.

В течение лета 1919 г. войска интервентов в районе Мурманской железной дороги продвинулись далеко на юг, захватив станции Масельгская и Медвежья гора, город Повенец и вышли на рубеж Уница — станция Кяппясельга — Тивдия — Святнаволок [82]. Противник стремился к полному охвату Онежского озера и к овладению Петрозаводском. К началу сентября интервенты были уже в 60 км от Петрозаводска.

Э. Матсон. 1923 г.

Командование Северного фронта накапливало силы для ответного удара.

Утром 25 сентября 1919 г. отряд кораблей Онежской флотилии высадил в тылу у противника, в Лижемской губе, батальон 3-го полка под командованием Е. Линовского, сформированный из преданных делу революции питерских рабочих [83]. Высадка десанта была настолько дерзкой и неожиданной, что на первых порах враг не оказал никакого сопротивления. Батальон закрепился на побережье и начал успешно продвигаться в направлении станции Лижма, чтобы перерезать железную дорогу. На следующий день Онежская флотилия перебросила на захваченный плацдарм батальон 6-го Финского стрелкового полка под командованием Э. Матсона [84]. «Это был замечательный отряд, — писал Е. Линовский о финском батальоне — ... Отряд и его командира т. Матсона знали все в Карелии — не только красные, но и белые. Одни вспоминали его с восторгом, другие — с проклятием. Каждый финн из отряда Матсона знал, что его в плен не возьмут, а если и возьмут, то только для издевательства, для того, чтобы замучить медленной смертью... Бойцы отряда отличались бешеной, какой-то нечеловеческой храбростью. Отряд действовал всегда на самых опасных местах, на флангах, в тылу у белых и пользовался всегда большой самостоятельностью» [85]. Даже внеш-

[82] «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1959, стр. 184—185.
[83] Е. Линовский. Под Петрозаводском. Исторический очерк. М., 1928, стр. 10—11.
[84] «Очерки истории Карелии», т. II, стр. 116.
[85] Е. Линовский. Указ. соч., стр. 30—31.

ний вид его бойцов был необычный — они носили полушубки мехом наружу. В батальоне было около 20 женщин.

Совместными усилиями батальонов Линовского и Матсона был почти полностью разгромлен полк белых. Остатки его отступили на 60—70 км к северу[86]. Мурманская железная дорога была перерезана. Красные войска освободили станцию Лижма. Внезапный удар в тыл войск противника, наступавших на Петрозаводск, парализовал действия врага. Фронт был отодвинут от административного и политического центра Карелии на 120 км. Опасность с севера для Петрозаводска миновала.

Другой (1-й) батальон 6-го финского стрелкового полка под командованием краскома Викинга Севелиуса совместно с другими частями Красной Армии в начале мая 1919 г. занял оборонительные позиции в 24 км к западу от Петрозаводска. 12 июня белофинны получили подкрепление и 13 июня утром перешли в наступление. Разгорелся жестокий бой. Погиб командир батальона В. Севелиус. К вечеру красные отступили и заняли позиции в районе Сулаж-горы[87].

Белофинны яростно рвались к Петрозаводску, стремясь опередить англо-французских интервентов и русских белогвардейцев, наступавших с севера. Рано утром 23 июня начался бой у Сулаж-горы, которая находится в непосредственной близости от Петрозаводска. После артиллерийской подготовки белофинны поднялись в атаку и густыми цепями двинулись на защитников города, но были отброшены назад ружейно-пулеметным огнем. Однако спустя некоторое время они снова поднялись в атаку и опять вынуждены были отступить с большими потерями. Так продолжалось семнадцать часов подряд[88]. Белофинны потеряли более 100 человек убитыми и ранеными и вынуждены были отступить[89]. В конце июня—начале июля части Красной Армии освободили деревни Половина, Матросы, Видана, Пряжу[90]. В этих боях финский батальон потерял более 100 человек убитыми и ранеными[91].

В середине августа батальон финских интернационалистов достиг государственной границы и некоторое время нес ее охрану[92]. В конце августа батальон интернационалистов был отозван в Петрозаводск.

В связи с начавшимся наступлением частей Красной Армии 8 октября 1919 г. весь 6-й Финский стрелковый полк (840 шты-

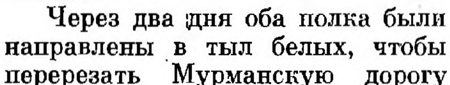
---

[86] «Красная Карелия», 3.XI 1927; Е. Линовский. Указ. соч., стр. 38—39.
[87] «Neuvosto-Karjalan puolesta...», s. 48.
[88] Ф. И. Егоров. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 г. Петрозаводск, 1952, стр. 52—55.
[89] «Neuvosto-Karjalan puolesta...», s. 53—54.
[90] «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.». Петрозаводск, 1944, стр. 112.
[91] «Neuvosto-Karjalan puolesta...», s. 54—55.
[92] Там же, стр. 60.

ков, 21 пулемет и 2 пушки) на судах Онежской флотилии был направлен из Петрозаводска в Заонежье[93]. Полк высадился в Повенецкой губе и начал продвигаться в сторону Повенца[94]. Бои за город, которые продолжались около недели, не увенчались успехом. 14 ноября полк возвратился в Петрозаводск. 1 декабря он был снова отправлен на фронт. На этот раз планировалось наступление вдоль линии железной дороги на север. Полк поездом прибыл на станцию Лижма и оттуда вместе с 3-м полком предпринял наступление на деревню Викшозеро, которая находится примерно в 20 км к северу от Лижмы.

Т. Антикайнен

Через два дня оба полка были направлены в тыл белых, чтобы перерезать Мурманскую дорогу у Восьмого разъезда. Снова путь красных лежал через зимний лес, болота и кустарники. Около 20 км шли по льду озера Кедроярви. В глубоком снегу бойцы волокли пушки, тащили на себе боеприпасы и продовольствие. К разъезду подошли незамеченными и внезапно овладели им. Дорога была перерезана. Но противник подтянул к разъезду свежие резервы, с севера прибыл бронепоезд белых. После ожесточенного боя оба красных полка вынуждены были снова отступить на станцию Лижма. Как впоследствии вспоминал комиссар 2-го батальона финского полка Т. Антикайнен, поход на Восьмой разъезд явился одним из наиболее тяжелых в боевой истории полка[95].

Походом на Восьмой разъезд фактически закончились активные зимние боевые действия 6-го полка. Командование направило полк на охрану советско-финляндской границы на участке Ладожское озеро—озеро Тулемаярви.

В марте 1920 г. Северный фронт прекратил свое существование: под совместными ударами 6-й армии и местных отрядов рабочих белая армия генерала Миллера была разгромлена. Это вызвало в Финляндии новый взрыв антисоветской истерии и шовинизма. В карельские деревни снова хлынули белофинские

[93] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 96.
[94] «Очерки истории Карелии», т. II, стр. 112.
[95] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 100.

агенты и пропагандисты. В селе Ухта активизировалось марионеточное «карельское правительство», которое претендовало на управление всей Карелией[96].

В. И. Ленин в телеграмме от 11 марта 1920 г. предупреждал Реввоенсовет республики: «На финском фронте необходима готовность к обороне»[97].

В конце марта 1920 г. 6-й финский стрелковый полк был направлен в Кемь[98]. 25 апреля авангард полка вышел из Кеми в Подужемье, а оттуда в начале мая — на Ухту. По весенней распутице полк прошел 250 км. Белофинны и их прихвостни поспешно покинули Ухту и ушли в сторону границы. 18 мая Ухта без боя была занята финскими интернационалистами[99].

Бездорожье и плохая организация снабжения не позволили интернационалистам немедленно продолжать наступление. Но в течение июля 1920 г. финский полк очистил всю территорию ухтинской Карелии от захватчиков[100].

Особого рассказа заслуживает боевой путь 480-го финского стрелкового полка. Полк был укомплектован как из финских интернационалистов-добровольцев, так и из призванных в Красную Армию ингермаландцев. Командный состав полка перед отправкой на фронт пополнили выпускниками 3-х пехотных курсов. К концу июля 1919 г. в полку насчитывалось более 4 тыс. бойцов[101].

В середине августа полк прибыл на Архангельский фронт и две недели находился в резерве 54-й дивизии. 6 сентября он сменил на передовой, на правом берегу Северной Двины, 478-й стрелковый полк.

Вслед за этим полк предпринял наступление на деревню Фалук, находящуюся в 30 км к северу от Нижней Толмы. Деревня была оккупирована английскими войсками. Лишь после третьей атаки англичане отступили, оставив на поле боя около 100 убитых солдат[102].

Наступая дальше на север, финский полк освободил деревню Риепаново, а затем был переброшен в район села Моржегорское, где вел оборонительные бои вплоть до начала 1920 г. 5 февраля 1920 г. красные войска снова начали наступление. Финский полк

---

96 «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.», стр. 81.
97 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 158.
98 «Как мы били белофиннов. Сборник воспоминаний, материалов и документов о разгроме белофинских банд в 1918—1922 гг.» Л., 1939, стр. 24.
99 «Очерки истории Карелии», т. II, стр. 132.
100 И. Н. Хропов. В борьбе с белофинской авантюрой в беломорско-ухтинской Карелии в 1920—1922 гг. (Из воспоминаний политработника). — «Красная летопись», 1933, № 2 (53), стр. 169—170; «Как мы били белофиннов. . .», стр. 25; «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции 1919—1920 гг.», стр. 527.
101 «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 115.
102 Там же, стр. 117—118.

теперь сражался против белых на левом берегу Северной Двины. Он взял сильно укрепленные пункты белых — Шипилиху, Звоз, Николу и другие, освободив от врага значительный участок левобережья Северной Двины. 21 февраля 1920 г. совместно с другими частями Красной Армии финский полк вступил в Архангельск. За героизм и мужество, проявленные в боях на Архангельском фронте, 57 наиболее отличившихся воинов 480-го стрелкового полка были представлены командованием армии к награждению орденами Красного Знамени[103]. До мая 1920 г. полк нес гарнизонную службу в Архангельске, а потом был отправлен на противопольский фронт.

Участие красных финнов в боевых действиях на других фронтах гражданской войны имело меньшее значение, чем на Северном.

Еще зимой 1918/19 г. войсковые части, сформированные из финских интернационалистов, участвовали в боях против белогвардейцев, эстонских националистов и белофиннов в районе Нарвы, Гдова и Ямбурга.

25 ноября 1918 г. из Сызрани в Ямбург прибыл 3-й (563-й) финский коммунистический полк[104], в котором насчитывалось 520 бойцов. Из них 400 были финны, 120 — русские[105]. Через несколько дней к полку присоединилась рота финнов, прибывшая с Урала. 17 января 1919 г. из Перми в Ямбург прибыла еще одна рота финских интернационалистов (350 человек) под командованиемУуно Малмберга, которая также влилась в полк. Полк входил в 6-ю дивизию 7-й армии и наряду с другими частями принимал активное участие в боях за Нарву, Гдов, Ракке, Тапс и другие населенные пункты.

После зимних боев финский коммунистический полк некоторое время находился в резерве 7-й армии, а потом был переведен на Мурманский фронт и влился в 6-й финский стрелковый полк[106].

Весной 1919 г. враг подошел к Петрограду с запада. 2 мая город был переведен на военное положение. Необходимо было мобилизовать все силы на защиту Петрограда. На фронт, наряду с другими войсковыми частями, были направлены курсанты военных училищ. Среди них рота красных финнов-курсантов 3-х пехотных курсов. 26 мая рота прибыла в Старый Петергоф. Более двух недель рота курсантов находилась в непрерывных боях. Она участвовала в наступлении в начале июня и освобо-

---

[103] Е. М. Зыков, Н. А. Попов. Участие финских пролетариев в защите Советской республики в 1918—1922 гг. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», № 1. М., 1961, стр. 23.

[104] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 516.

[105] «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 180.

[106] Там же, стр. 198—202.

дила деревни Каприо, Ламоха Сиеста и др.[107] Смертью храбрых пал в бою у деревни Ратсино командир роты Эйнар Торикка.

Осенью 1919 г. во время последнего наступления Юденича на Петроград снова на фронт были направлены курсанты военных училищ. 14 октября на фронт выехал батальон курсантов-финнов численностью 250 человек. Курсанты снова проявили мужество и беззаветную преданность революционным идеалам. Враг из последних сил рвался к Петрограду. Впервые здесь появились танки, поставленные Юденичу англичанами. Упорно держались и защитники города.

Был момент, когда под натиском танков противника, с которыми красноармейцам раньше не приходилось иметь дело, советские части начали беспорядочно отступать по дороге от станции Александровка к Пулкову. Но наперерез отступавшим командование направило курсантов военных училищ, которые задержали отступавших и организовали оборону у Пулковских высот[108]. «Особенным, неслыханным героизмом, — вспоминал впоследствии Н. И. Подвойский, один из руководителей обороны Петрограда, — отличались финские курсанты. Из холодной снежной Финляндии они принесли горячий революционный жар. Когда впервые появились на фронте белые танки, когда одно слово „танк" вызывало паническое отступление, финские курсанты бросались на танки в атаку. Под д. Кошелево взвод финских курсантов захватил было уже танк в плен, но в это время подоспело два других, и взвод почти весь был уничтожен. Когда финские курсанты шли в атаку со страшными проклятиями („Перкеле" — „Дьявол"), они напоминали гранитную массу, перед которой никакая сила не может устоять»[109].

Геройской смертью погиб на подступах к Петрограду молодой комиссар батальона, финский коммунист Тармо Сирен[110].

После непрерывных двухнедельных боев батальон курсантов-финнов был направлен на отдых в Гатчину, а оттуда 10 ноября 1919 г. в Петроград продолжать учебу.

В обороне Петрограда во время наступления Юденича принимали участие также финские интернационалисты-летчики: Отто Калвица, Вернер Лехтимяки, В. Бергстрем, А. Таскинен, Карл Рейняс, Мауна Тюнюс, Каронен и Калле Тяхтеля[111].

---

[107] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 206—208.
[108] Там же, стр. 218.
[109] Н. И. Подвойский. Коммунары защищают Петроград. М.—Л., 1925, стр. 34.
[110] «Kansalaissodan rintamilta...», s. 215—223.
[111] Журналист Калле Тяхтеля и ранее принимал активное участие в революционном движении в Финляндии и Америке. Он пользовался большим уважением среди своих товарищей — красных летчиков. Вместе с бортмехаником К. Тяхтеля совершил несколько боевых вылетов, выполняя задания командования. Во время одного из вылетов его самолет был подбит и сделал вынужденную посадку на территории, запя-

Несколько войсковых частей, сформированных из финских интернационалистов, действовали на Восточном фронте. 3-й финский советский полк входил в Инзенскую дивизию 1-й армии[112]. Этот полк был сформирован из отряда, созданного еще летом 1918 г. в Хельсинки.

В отряд записалось около 400 человек[113]. После Октябрьской революции отряд был откомандирован в Москву, где нес гарнизонную службу, в частности охранял здания ВЧК и Моссовета. 10—12 апреля 1918 г. отряд участвовал в подавлении мятежа анархистов. Весной 1918 г. в отряд записалось еще около 350 финских красногвардейцев, отступивших в Советскую Россию после поражения Финляндской революции[114].

В начале июня 1918 г., когда белогвардейцы совместно с чехословацкими мятежниками захватили Сызрань, четыре роты отряда (примерно 500 человек) были отправлены на Восточный фронт[115]. Возглавлял этот отряд Чернов. Во время боев за Сызрань финский отряд понес значительные потери и был выведен на отдых в Саранск, пополнен людьми и вооружением и стал именоваться 3-м финским коммунистическим полком[116].

В конце августа 1918 г. Инзенская дивизия, в составе которой находился 3-й финский полк, начала новое наступление на Сызрань[117]. Через некоторое время после освобождения Сызрани финский полк был переведен на Западный фронт.

На Восточном фронте, в районе Перми, в составе 2-го горного полка 3-й армии сражалась рота финских интернационалистов. Рота была сформирована в Петрограде летом 1918 г. При выезде из Петрограда в ней насчитывалось примерно 200 человек[118]. Когда рота прибыла в Пермь, в нее влились еще 35 финских интернационалистов, прибывших из Мурманска. Командиром роты был финский коммунист В. Ринне. Рота участвовала в наступлении 3-й армии в районе города Кунгура. Совместно с латышскими ротами она освободила станции Тулумпас и Кордон[119]. В декабре начались тяжелые оборонительные бои, во

той противником. Оба летчика попали в руки врага и были зверски убиты. Когда враг был отогнан, трупы героев-летчиков опознали и с воинскими почестями похоронили в братской могиле в Ораниенбауме. Именем Калле Тяхтеля был назван клуб одной из летных частей на Черном море («Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 225—227).

112 «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 263.
113 Там же, стр. 225—227.
114 Там же, стр. 264.
115 Там же, стр. 272.
116 Там же, стр. 265.
117 Е. М. Зыков, Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 24.
118 «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 279.
119 «Kansalaissodan rintamilta. . .», s. 279.

время которых финские интернационалисты понесли большие потери. Из 235 человек более половины погибло на снежных склонах Уральских гор[120]. Несколько позднее остатки роты были переведены на Северный фронт и влиты в 164-й финский стрелковый полк.

В составе батальона пермской ЧК находилась также рота, сформированная из финских интернационалистов. Из 360 красноармейцев этого батальона около 180 были финны[121]. Командиром роты сначала был Равелин, потом — финский коммунист Ууно Малмберг. Финская рота участвовала в подавлении контрреволюционных мятежей в различных уездах Пермской губернии, на станции Клосино, в селах Верещагино и Голубянка, в городах Усолье, Оса и др.

Кроме регулярных финских войсковых частей, в районе Восточного фронта действовали продотряды, в охране которых участвовали финские интернационалисты. Часто эти отряды вынуждены были с оружием в руках защищаться от нападений кулацких банд. В тылу у Колчака боролись партизанские отряды. Среди них были отряды, почти целиком состоявшие из финских интернационалистов[122]. Один из таких отрядов под командованием Я. Виртанена сражался в Тарском уезде Тобольской губернии. Второй финский партизанский отряд был сформирован в 1919 г. в районе Омска из финнов, приехавших в Сибирь еще до начала гражданской войны[123].

Хотя финские войсковые части и партизанские отряды на Востоке и были сравнительно небольшими, они сыграли важную роль в борьбе с опасным и сильным противником в самое тяжелое для Советского государства время.

На Польском фронте летом 1920 г. сражался 480-й финский полк. Как уже отмечалось, он направился на запад из Архангельска. Полк прибыл в Полоцк в середине мая 1920 г. и вошел в состав 160-й бригады 54-й дивизии 4-й армии[124].

6 июня полк участвовал в бою на подступах к городу Германовичи. Это было время, когда войска буржуазно-помещичьей Польши отчаянными контратаками пытались остановить наступление Красной Армии. У города разгорелся долгий и кровопролитный бой. Финский полк понес большие потери. Вскоре он был выведен с передовой и некоторое время отдыхал в деревне Венцово на берегу Западной Двины.

4 июля полк снова на фронте. На этот раз Красная Армия быстро наступала к Варшаве. 4-й армии было поручено освобо-

---

120 «Kansalaissodan rintamilta...», s. 280, 284.
121 Там же, стр. 285, 288.
122 Там же, стр. 296.
123 Е. М. Зыков, Н. А. Попов. Указ. соч., стр. 24.
124 «Kansalaissodan rintamilta...», s. 341—342.

дить от польских войск приграничные с Латвией, Литвой и Германией районы Советского государства.

В ходе наступательных боев 480-й финский полк оказался за Варшавой, в районе города Млава. В это время противник ударил по сильно растянутым флангам 4-й и 15-й армий. Обе армии оказались окруженными и начали пробиваться назад, на восток. Финский полк находился в арьергарде, ведя непрерывные бои с атакующим врагом и обеспечивая отход своих частей. Но пробиться к своим не удалось. 24—26 августа 1920 г. 4-я армия и две дивизии 15-й армии вынуждены были перейти на территорию Германии, где они были интернированы немецкими властями [125].

После окончания гражданской войны финские национальные войсковые части были расформированы, но в военных училищах Петрограда продолжали учебу финские интернационалисты. В те годы командование Красной Армии часто направляло курсантов военных училищ на подавление мятежей, инспирируемых западными империалистическими державами и местными контрреволюционными элементами. Курсанты-финны участвовали в подавлении кронштадтского мятежа в марте 1921 г.

Особенно отличились курсанты Интернациональной военной школы во время легендарного похода на Кимасозеро в январе — феврале 1922 г., который привел к разгрому последней белофинской авантюры на территории Советской Карелии. Советское правительство высоко оценило героизм, отвагу и самоотверженность участников этого легендарного похода. 34 курсанта-лыжника были награждены орденами боевого Красного Знамени, 65 — именными часами [126]. Первым в списке награжденных был командир отряда Тойво Антикайнен, получивший орден боевого Красного Знамени за № 641. В память о героическом лыжном рейде специальным указом Советского правительства Интернациональная военная школа была переименована в Интернациональную военную школу им. Карельской Трудовой Коммуны [127]. Так школа называлась вплоть до ее расформирования в 1923 г.

---

[125] «История гражданской войны в СССР», т. 5. М., 1960, стр. 160.

[126] С. С. Хесин. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 г. М., 1949, стр. 136.

[127] «На Кимасозеро! Воспоминания бывших командиров и курсантов Интернациональной военной школы, участников лыжного рейда на Кимасозеро в 1922 году». Петрозаводск, 1948, стр. 44.

ГЛАВА 14

ФРАНЦУЗСКАЯ, АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

1. Французская группа РКП(б)

«В то время, когда англо-французские бандиты нападают на пролетарскую революцию, — говорилось в обращении, опубликованном 30 августа 1918 г. в „Правде" под заглавием „Англо-французская коммунистическая группа", — долг каждого честного социалиста собрать все революционные силы для того, чтобы открыть глаза здесь живущим английским и французским гражданам на ложь и клевету, распространяемую провокаторами и шпионами, а также защитниками капиталистического строя; неменьший долг — известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч на Мурмане»[1]. В заключении обращения инициативная группа приглашала «всех товарищей, говорящих на французском и английском языках и сочувствующих нашим идеалам», на собрание в клуб интернационалистов 30 августа 1918 г. На повестке дня стояли доклад о текущем моменте на английском и французском языках и организация англо-французской коммунистической группы. На собрание приглашались также члены других иностранных групп и партийные работники райкомов, МК и ЦК РКП(б).

Собрание, как информирует «Правда», «прошло под знаком организационной деятельности». Докладчик на английском языке Филипп Прайс[2] познакомил собравшихся с планом митингов, лекций, курсов при клубе, с проектом организации

---

[1] «Правда», 30.VIII 1918.

[2] Прайс Филипп — сотрудник английской газеты «Манчестер Гардиан». Подробнее о нем см. 2-й раздел настоящей главы.

Печать Французской коммунистической группы РКП(б) и начальные буквы факсимиле Жанны Лябурб

изучения «важнейших языков» для ведения пропаганды. «Нас упрекают в измене родине, — сказал другой оратор, — но мы не хотим, чтобы она покрыла себя позором, подавляя рабочее движение».

Докладчик, выступивший на французском языке, рассказав о высадке десанта Антанты в Мурманске, выразил уверенность в том, что интервенты действовали втайне от народов своих стран: «Разумеется, французские и английские солдаты не знают, что происходит в России. Если бы они узнали, то революционное движение во Франции пошло бы несравненно более быстрыми шагами. Мы должны повести агитацию, чтобы довести до сознания западноевропейского рабочего класса, что такое большевики. Если бы рабочие Запада знали это достаточно ясно, то они никогда не позволили бы душить русскую революцию» [3]. Так с трибуны собрания прозвучала глубокая вера в силу идей пролетарского интернационализма, в правоту дела социалистической революции. Оратором, выступившим с этой речью, была французская учительница, член РКП(б) Жанна Лябурб — подлинный основатель и организатор группы. Она как бы впитала в себя кипучую революционную страсть французского народа и скромную деловитость партийного деятеля-большевика, прошедшего долгую школу революционной борьбы.

Жанна-Мари Лябурб родилась 8 апреля 1877 г. в семье

---

[3] «Правда», 4.IX 1918.

крестьянина деревушки Лапалис близ Виши[4]. Нужда и лишения были постоянными спутниками ее юности. Она пасла скот, работала гладильщицей в прачечной. 18-летней девушкой она по объявлению поступила в качестве полугорничной-полугувернантки в польскую семью, с которой вскоре уехала из Франции в Польшу. Здесь, в городе Томашуве, Жанна сблизилась с польскими и русскими революционерами.

Пользуясь своим паспортом французской гражданки, Жанна переправляла за границу немало русских революционерок, выполняла трудные и опасные обязанности партийного курьера. Она познакомилась с Розой Люксембург и Феликсом Дзержинским, который оказал большое идейное влияние на формирование ее взглядов. В 1905 г. Жанна вступила в рабочую партию. Она принимала активное участие в революции. Дважды царское правительство высылало ее из Российского государства. Но это не сломило воли, не уменьшило силы француженки-революционерки.

Октябрьская революция застала Жанну Лябурб в Москве, где она работала учительницей. Вместе со своим мужем В. Марковичем, одним из организаторов Южнославянской группы РКП(б), она участвовала в создании клуба «III Интернационал»[5]. Ж. Лябурб стремилась активизировать работу английских и французских интернационалистов, вывести ее из узких рамок клуба, сделать более полезной и действенной. Очевидно, инициатива Жанны и ее товарищей не всеми и не сразу была правильно понята. После ряда бесплодных попыток она решила обратиться лично к В. И. Ленину. Сохранились два письма Жанны Лябурб В. И. Ленину[6], а также ленинская записка Г. В. Чичерину от 19 августа 1918 г. Ленин писал наркому иностранных дел, что направляет к нему для подробной беседы «товарища Жанну Лябурб», о которой они уже ранее говорили[7]. Эта записка позволяет предположить, что В. И. Ленин принял

---

[4] Биографические сведения о Жанне Лябурб очень лаконичны. В сборниках «Борці за Жовтень» (Одесса, 1957) и «Дело трудящихся всего мира» (М., 1957), в кн.: Г. Коновалова «Иностранная коллегия» (Одесса, 1958) приводится ряд неточных данных о ней и не раскрывается деятельность Ж. Лябурб во Французской коммунистической группе. Автор настоящего раздела опирался на свидетельства ее соратников: Е. Соколовской, Н. Нюрина, Ж. Садуля, А. Коллонтай. Ряд ценных биографических сведений был получен автором при содействии французского историка Жана Фревиля.

[5] «Правда», 25.III 1919.

[6] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 223—224. Публикуя эти письма, Л. И. Жаров ориентировочно определяет их дату концом 1918—началом 1919 г. и связывает их с заявлениями Ж. Лябурб о направлении на подпольную работу. Это предположение, на наш взгляд, необоснованно. Письма относятся к периоду организации Французской коммунистической группы, к августу 1918 г.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 158.

Жанну Лябурб и направил ее к Чичерину, вероятно, для подробной информации о положении дел во Франции, о проживавших в России французских и английских гражданах, об издательских возможностях и т. д. О личной беседе Ж. Лябурб с В. И. Лениным сообщается в годовом отчете 1919 г. о работе Французской коммунистической группы: «Она видела Ленина, и он выразил ей свое одобрение» [8].

Уже через три дня, 22 августа 1918 г., Ж. Лябурб был вручен мандат. В архиве сохранилась расписка: «Я получила мандат, который уполномачивает меня организовать англо-французскую группу. Жанна Лябурб» [9].

25 августа Ж. Лябурб «как представительница англо-французских коммунистов» принимала участие в праздновании 25-летнего юбилея Социал-демократии Польши и Литвы. После речей Ю. Уншлихта, Ю. Мархлевского, Я. М. Свердлова, Ф. Дзержинского она выступила с небольшим приветственным словом, указав на интернациональные задачи английского и французского пролетариата. «Хотя англо-французские империалисты и напали теперь на революционную Россию на Мурмане, но английские и французские рабочие всей душой вместе с революционными российскими рабочими», — заверила она [10].

4 сентября 1918 г. состоялось второе организационное заседание группы [11]. Избранная секретарем группы, Ж. Лябурб рассказала о первых трудностях работы и рекомендовала решить организационные вопросы. И. Арманд предложила теперь же начать активную пропаганду среди французских рабочих, находящихся в Москве. А. Эбенгольц, Н. Тихменев, Ф. Прайс, В. Маркович говорили о необходимости установления связей с ЦК РКП(б) и Наркоматом иностранных дел, о присоединении к Федерации иностранных коммунистических групп при ЦК РКП(б) [12]. Было решено обратиться с призывом к рабочим-иностранцам, живущим в Москве, поддержать деятельность группы.

Большинство признало необходимым образовать две группы — французскую и английскую [13], так как, несмотря на общность целей, задач и методов работы в группах, вопросы языка играли подчас важнейшую роль и требовали своей специализации. В группы в отличие от других организаций Федерации входили

---

[8] «Demain. Pages et documents. Organe du groupe communiste français de Moskou, 1919, № 31, p. 33.

[9] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 223.

[10] «Правда», 30.VIII 1918.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 104, л. 6.

[12] На некоторое время, с весны 1919 г., группа вышла из Федерации и действовала под руководством отдела советской пропаганды при ЦИК («Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 501).

[13] Англо-американская группа была создана несколько позже, 28 ноября 1918 г. См. «Правда», 30.XI 1918.

не военнопленные, а рабочие, солдаты, служащие, немногочисленные эмигранты или просто русские коммунисты, владевшие иностранным языком. В объявлении о собрании англо-американской группы говорилось как о собрании «коммунистов, живших в Англии и Америке и говорящих по-английски» [14], а французская группа часто называлась группой французского языка. В приглашении на первое собрание 30 августа, направленном в адрес ЦК РКП(б) от имени инициативной группы, второй пункт повестки дня в отличие от объявленного в газете был сформулирован так: «Формирование секции русской коммунистической партии, говорящей по-французски» [15].

Свою задачу Французская группа коммунистов в Москве видела в работе среди трудящихся из Франции, Швейцарии и Бельгии, проживавших в России, и среди солдат французской интервенционистской армии.

Во Французскую коммунистическую группу входили французы, жившие в Советской России, а также русские коммунисты, знавшие Францию и связанные с нею либо по рождению, либо долгими годами жизни и борьбы. Общее число членов группы было небольшим — около 20 человек. В сохранившемся списке за 1919 г. указаны: рабочий-металлист Роберт Дэм, работавший в Сормове; рабочий газового завода Эрнест Руллиэ; бывший ремесленник, а затем солдат-артиллерист Жак Цукорция; инженер-механик Эдмонд Розие; наборщик Марсель Боди; учительница французского языка, дочь парижской коммунарки Розалия Барберэ и ее сын студент Анри; прибывшие из Киева учительница Сюзанна Деполье (Жиро) и служащий Жорж Гельфер [16]. В группу входили и некоторые сотрудники и солдаты французской военной миссии. «Они, — как отмечалось в отчете группы за 1919 г., — ежедневно наблюдали преступления и низость своих шефов, и это раскрывало им глаза» [17]. Среди них были лейтенант Пьер Паскаль, солдат Робер Пети и его жена — учительница Мария-Луиза Пети, Рауль Шапоан. Кроме французов — членов РКП(б), в группу входили сочувствующие — учителя и переводчики Бомбой, Лавали, моряк Леру. В деятельности группы принимали участие также румынские коммунисты, владевшие французским языком, — И. Дическу-Дик и А. Николау [18].

Особую роль в организации и деятельности группы играла Инесса Федоровна Арманд (1875—1920), выдающийся деятель РКП(б) и международного рабочего движения, француженка по

---

[14] «Правда», 30.XI 1918.
[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 104, л. 5.
[16] Там же, д. 48, лл. 44—45.
[17] «Demain. . .», 1919, № 31, p. 33.
[18] Там же, стр. 45.

происхождению. После победы Советской власти она работала первым председателем Московского губернского Совета народного хозяйства, редактировала журналы «Жизнь работницы» и «Коммунистка», руководила женским отделом ЦК РКП(б) и была организатором группы французских коммунистов в Москве. «Я имела возможность лично общаться с Инессой Арманд в Москве, во Французской коммунистической группе, — вспоминала Сюзанна Деполье (Жиро) спустя много лет. — Она оставила впечатление человека очень собранного, отличавшегося большой деликатностью в своих отношениях с нами, проявлявшего много заботы, чтобы никого не обидеть во время споров. Ее аргументы всегда были точны и исполнены решимости» [19].

Активным деятелем группы стал капитан Жак Садуль. В сентябре 1917 г. французское правительство направило его в Россию в качестве политического наблюдателя и прикомандировало к французской военной миссии в Петрограде, а затем в Москве. Капитан Садуль добросовестно выполнял возложенное на него поручение и регулярно посылал во Францию правдивую информацию о событиях в России, о ходе русской революции. Соприкосновение с революционной действительностью помогло Садулю глубже понять величие дела российской революции. Из добросовестного наблюдателя этот французский социалист постепенно стал сторонником революции, а затем и активным ее борцом. Решающее влияние на Садуля оказали встречи и беседы с В. И. Лениным. «Я начал встречаться с Лениным, и тогда я уже чувствовал, что рву с прошлым и становлюсь коммунистом. Меня какие-то силы удерживали: возможно, мое официальное положение, с одной стороны, а с другой — я столько лет работал в социалистической партии...», — рассказывал позднее Садуль. Но вот 22 августа 1918 г. Садуль прочел в «Правде» знаменитое «Письмо к американским рабочим», где В. И. Ленин мимоходом упомянул его как человека, на словах сочувствовавшего большевикам, а на деле служившего верой и правдой французскому империализму [20]. Глубоко потрясенный суровой ленинской оценкой, Садуль собрал копии всех писем, посланных им во Францию, и направил их В. И. Ленину. «Я ждал 2—3 дня, — рассказывал он. — ... Я буквально не спал по ночам. Мне хотелось узнать, наконец, возьмет ли обратно Ленин то, что им было написано обо мне». И вот долгожданный вызов в Кремль, в ленинский кабинет. Ильич встретил его с улыбкой, пожал ему руку и заявил, что не жалеет о написанном, так как благодаря этому прочел его письма. В. И. Ленин выразил надежду, что Садуль порвет с французским правительством и социалистиче-

---

[19] «La Pensée». Revue du rationalisme moderne, № 78, mars—avril, 1958, p. 137.
[20] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 55.

ской партией и станет коммунистом, а письма рекомендовал опубликовать [21].

Когда развернулась вооруженная интервенция Антанты против Советской республики и французская миссия покинула советскую столицу, — капитан Садуль открыто порвал с французским правительством и остался в Москве. В заявлении, адресованном депутатам-социалистам французского парламента, он дал следующее обоснование своего поступка: «Вооруженное вмешательство союзных бандитов и их вассалов в дела рабоче-крестьянской России ни в какой мере не может быть признано войной французского народа с русским. Это война буржуазии против пролетариата, эксплуататоров против эксплуатируемых. В этой классовой борьбе место всякого искреннего социалиста и, следовательно, мое место — в рядах пролетарской армии, против армии буржуазии. Я вступаю в Красную Армию» [22]. Тогда же Жак Садуль вступил во Французскую коммунистическую группу.

В письме, адресованном Ромену Роллану, Садуль призвал писателей и ученых своей страны «помешать сынам великой французской революции покрыть себя несмываемым позором, выполняя роль палачей великой русской революции» [23]. Когда это письмо было зачитано на съезде Французской социалистической партии в октябре 1918 г., левые делегаты поднялись со своих мест, и в зале раздались возгласы «Да здравствует Советская республика!»

Французская буржуазная пресса обливала Садуля потоками грязной клеветы, обвиняла его в «предательстве», «антипатриотизме» и т. п. Трижды Садуля заочно приговаривали к смертной казни [24].

В. И. Ленин в заключительном слове на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 г. говорил о капитане Садуле, «который присоединился к большевизму» [25].

Еще на втором организационном собрании Французской коммунистической группы обсуждался вопрос о создании печатного органа [26]. В тот же день была избрана редакционная комиссия в составе А. Эбенгольца, Ж. Лябурб, И. Арманд, А. Барберэ и Н. Тихменева. Через день, 6 сентября, редакционная комиссия

---

[21] В. А. Деготь. Под знаменем большевизма. М., 1933, стр. 306—307. Письма Жака Садуля были опубликованы во Франции в 1919—1920 гг. (см. J. Sadoul. Notes sur la Révolution bolchevik. Paris, 1920).

[22] «Дело трудящихся всего мира». М., 1957, стр. 37.

[23] «Известия», 24.VIII 1918.

[24] Эти приговоры тяготели над Ж. Садулем до 1925 г. В 1927 г. по случаю десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции Ж. Садуль был награжден Советским правительством орденом Красного Знамени. Умер он в Париже в 1956 г.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 226.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 10.

подробно сформулировала цели газеты: «1) осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о русской революции; 2) агитация на фронте среди французских солдат в России; 3) организация живущих в России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев» [27].

Редакционная комиссия назвала газету «Социалистическая революция». Было решено выпускать газету еженедельно, по воскресеньям, на четырех страницах тиражом 10 тыс. экземпляров. Для реализации своего плана редакционная комиссия 11 сентября 1918 г. представила в ЦК РКП(б) «Доклад о предполагаемой к изданию Французской коммунистической группой газеты» [28].

Как сообщала дополнительным письмом в адрес ЦК РКП(б) Инесса Арманд, ввиду отъезда членов редакционной комиссии Эбенгольца и Тихменева в состав комиссии были включены Нюрин и Мартинс. Газете было дано другое название — «III Интернационал» [29]. Благодаря энергии, настойчивости и активности секретаря группы Жанны Лябурб [30] удалось найти полиграфистов, бумагу, типографию, установить связь с Наркоматом иностранных дел.

Газета «III Интернационал» — орган Французской коммунистической группы или, как она называлась, Французской секции РКП(б) — издавалась на французском языке в Москве. С 20 октября 1918 по 1 марта 1919 г. было выпущено 16 номеров. «Наша цель заключалась в том, чтобы добраться до французского пролетариата повсюду, где мы находили его представителей — в Москве, в интервенционистских армиях и, наконец, во Франции. Мы знаем сегодня, — заявляли члены группы в конце 1919 г., — что эта цель была достигнута, потому что „III Интернационал" был известен на фронтах и вызвал шум во Франции... К счастью, не существует ни цензуры, ни пограничных застав, которые смогли бы остановить правду» [31].

Первый номер газеты «III Интернационал» открывался обращением «К трудящимся Франции»: «Алчные капиталисты Антанты стремятся послать своих солдат к самому сердцу России, чтобы уничтожить русскую революцию. Надо, чтобы крестьяне и рабочие Франции отказались быть убийцами своих братьев — крестьян и рабочих России» [32]. Так, с первых слов обращения газета призывала трудящихся Франции к выполнению своего интернационального долга. В газете публиковались также

---

[27] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 18—19; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 104, лл. 8—9.
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп, 4, д. 104, лл. 8—9.
[29] Там же.
[30] «Demain...», 1919, № 31, p. 33.
[31] Там же.
[32] «III Internationale», 20.X 1918.

призывы к французским солдатам, посланным душить русскую революцию, повернуть оружие против своего внутреннего врага. Было опубликовано «Обращение трудящихся Петрограда к их товарищам во Франции, Англии, Америке» [33].

Газета «III Интернационал» разоблачала замыслы Антанты. На большом документальном материале она показывала, какие цели преследуют интервенты. В первом номере газеты были перепечатаны выдержки из французской буржуазной газеты „Эко де Пари» («Эхо Парижа») от 9 сентября 1918 г., которая признавалась: «Союзники заявили о своем твердом намерении не вмешиваться во внутренние дела России. Абсурдное заявление! Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков. Хотят этого или нет, но это означает вмешательство во внутренние дела России. Утверждать обратное, значит хотеть перейти море посуху» [34].

В речи на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин рассказал об этом признании французской буржуазной газеты, отметив, что его цитируют «наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету „Третий Интернационал“» [35]. В. И. Ленин подчеркивал большое значение публикации подобных материалов для разоблачения целей интервентов. «И разумеется, — продолжал В. И. Ленин, — сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают, и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь» [36].

Газета «III Интернационал» систематически и подробно освещала жизнь, борьбу и победы Советской республики. В ней публиковались выступления и статьи В. И. Ленина, были помещены записи ленинских речей на заседании ВЦИК 22 октября 1918 г., его речь на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов и выдержки из других его выступлений. Газета «III Интернационал» пропагандировала мирную политику Советской власти, публиковала дипломатические предложения и ноты правительства РСФСР, противопоставляя его открытую и честную внешнюю политику кровавой дипломатии империалистов Антанты. В газете был создан постоянный отдел, освещающий борьбу Красной Армии на фронтах. Отделы газеты «Неделя в стране», «Год советского труда», «Социалистическое строительство» стремились раскрыть все стороны жизни молодого Советского государства. Специалист по экономическим вопросам И. Арманд поместила в газете статью о развитии советской экономики за первый год диктатуры пролетариата [37].

[33] «III Internationale», 20.X 1918.

[34] Там же.

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 166.

[36] Там же.

[37] «III Internationale», 12.I 1919. Статья подписана псевдонимом И. Арманд «Е. Блонина».

Важной задачей Французской коммунистической группы была правдивая информация читателей о международном революционном движении и особенно о роли в нем французских трудящихся. Газета широко использовала материалы советской печати и телеграммы РОСТА. В трудных международных условиях группе удавалось получать для своей газеты информацию и документы о событиях во Франции и даже создать там группу своих корреспондентов — «крайних кинтальцев»[38]. В одном из номеров газеты сообщалось о товарищах, прибывших из-за границы и привезших информацию о кровавых столкновениях полиции с рабочими Парижа[39]. Интересно, что в первом номере газеты за 1919 г. был дан разбор выступлений Марселя Кашена, который с трибуны французского парламента и в газете «Юманите» повел решительную и смелую кампанию протеста против антисоветской интервенции.

В конце ноября 1918 г. на Северном фронте в районе Котласа в плен советским воинам добровольно сдались около 50 английских солдат. Газета «III Интернационал» опубликовала письма этих солдат, разоблачавших обман империалистов и заявлявших о своей солидарности с Советской республикой. «Не далек тот день, когда правительства Англии и Франции пожалеют о том, что они послали в Россию своих солдат», — такой вывод делала газета из этих писем[40]. В конце декабря 1918 г. передовая статья газеты сообщала об отказе группы американских солдат на Архангельском фронте сражаться против советских войск. «Солдаты Антанты не желают быть жандармами Европы», — говорилось в газете. «Пусть господа Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон хорошо знают это!». Газета приветствовала благородный поступок солдат и выражала уверенность, что их французские товарищи, находящиеся в России, «последуют столь мужественному примеру»[41].

Вся деятельность группы была проникнута идеями пролетарского интернационализма. 7 ноября 1918 г. ее члены приняли участие в демонстрации в Москве в честь первой годовщины Великого Октября. «Да здравствует социальная революция во Франции!» — читали москвичи на красном стяге, который несли представители группы[42]. Французские товарищи шли в одном ряду с группой немецких коммунистов. Даже стяг у обеих групп был общим: на одной стороне был начертан французский текст, а на другой — немецкий. На Красной площади перед демонстрантами выступил В. И. Ленин. Об этом с большим подъемом рас-

---

[38] «III Internationale», 20.X 1918.
[39] «III Internationale», 20.XII 1918.
[40] «III Internationale», 4.XII 1918.
[41] «III Internationale», 27.XII 1918.
[42] J. Fréville. Inessa Armande une Grande figure de la Révolution russe. Paris, 1957, p. 139.

сказывала газета в статье, подписанной инициалами Жанны Лябурб. «Никогда никакое правительство не пользовалось такой поддержкой среди масс, никогда никакая идея не поднимала народ к такому высокому сознанию справедливости и братства... Мы гордимся русским пролетариатом», — писала она[43].

5 декабря 1918 г. в Москве состоялся интернациональный митинг с участием представителей Индии, Турции, Сербии и других стран. От имени Французской группы с речью выступил Жак Садуль. Митингу пролетарской солидарности группа придавала большое значение. «Знамение времени» — так было озаглавлено сообщение о нем в газете[44].

Когда телеграф принес известие о том, что французские солдаты, посланные империалистами для подавления Венгерской Советской Республики, заявили о своем несогласии оккупировать Будапешт, Французская коммунистическая группа приветствовала этот мужественный акт, а также призвала французских солдат, находившихся на территории России, отказаться от борьбы против Советской республики. Она выразила уверенность в том, что, подобно гражданам-солдатам, которые не стали жандармами Венгрии, французские солдаты не будут палачами русского народа[45].

Призывы коммунистов попали на благодатную почву. Уже в декабре 1918 г. на Северном фронте солдаты 21-го полка французской колониальной пехоты самовольно покинули свои позиции и прибыли на станцию Обозерская, требуя у командования возвращения на родину. «Война во Франции закончилась, — заявляли они, — почему мы должны сражаться здесь, в России?» Командование арестовало и заключило в архангельскую тюрьму 90 французских солдат. Но это не устрашило остальных. Через несколько дней другой французский батальон покинул свои позиции и направился в Архангельск[46].

С ноября—декабря 1918 г. события на юге России, и особенно в районе Одессы, начали привлекать все большее внимание французских интернационалистов: там происходила массовая высадка французских интервенционистских войск.

Интересна оценка, данная газетой событиям в Одессе: «Характерно, что со времени „союзной" оккупации Одесса стала центром сосредоточения крупной буржуазии и черносотенцев. Именно там, в Одессе, под высоким покровительством союзных миссий формируется активное ядро для монархической реставрации в России... Работайте же, господа! Красная Советская Армия сумеет разрушить ваши планы! Трудящиеся Франции уже

---

[43] «III Internationale», 9.XI 1918.
[44] «III Internationale», 12.XII 1918.
[45] «III Internationale», 27.XII 1918.
[46] «К десятилетию интервенции». М.—Л., 1929, стр. 218—219.

Матросы французского крейсера «Мирабо», вышедшие 20 апреля 1919 г. на Графскую пристань в Севастополе с протестом против интервенции

сделали свой выбор между вами и солдатами Революции!» [47]. Газета, рассказывая о том, как в Севастополе французские матросы посадили на мель крейсер «Мирабо», иронически замечала, что это — «прекрасный символ всей политики Антанты в России» [48].

Наряду с газетой группа издавала ряд листовок, которые обычно подписывались «Французская коммунистическая группа» и представляли собой отдельные издания наиболее важных и удачных статей газеты. Анализируя эти листовки, нельзя не отметить в них влияния ленинских воззваний к солдатам Антанты. В. И. Ленин лично заботился об агитации среди войск Антанты, давал указания о направлении и политической программе агитационной литературы. Сохранилась листовка на английском языке — обращение к британским и американским солдатам «Зачем вы пришли на Украину?», подписанная председателем Совнаркома В. И. Лениным и народным комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным, изданная, вероятно, в конце ноября 1918 г. Написанная просто и ясно, листовка разоблачала цели интервенции Антанты: «Цель капиталистической интервенции в России — уничтожить социалистическую республику и вос-

---

[47] «III Internationale». 2.II 1919.
[48] «III Internationale», 1.III 1919.

становить царство капиталистов и помещиков». Кратко и убедительно рассказывалось в листовке о результатах революции в России: «Мы уничтожили капитализм и помещичье землевладение. Земля принадлежит всему народу. То же сделано с заводами, шахтами, железными дорогами и всеми средствами производства. Все это находится под контролем рабочих и крестьян. Мы строим новое общество, в котором плоды труда пойдут тем, кто работает... Товарищи! Мы переживаем сегодня начало нового периода в истории человечества». Обращаясь к солдатам Антанты, листовка разъясняла: «...Финансисты Уолл-стрита и Сити с вожделением глядят на наши обширные и богатые сокровища. Они хотят контролировать богатый Донецкий угольный бассейн, нефтяные скважины Баку, хлопковые поля Туркестана и минералы Кавказа, великие леса Севера и обширные хлебные поля Юга. Они хотят превратить миллионы рабочих и крестьян России в наемных рабов, чтобы вымучить из них барыши для себя. Друзья-рабочие, — вот цель, для которой вы брошены сюда...»[49] В листовке подчеркивалось, что, борясь против Советской Республики, империалисты борются по сути дела против революции в собственных странах: «Высший мотив, который воодушевляет капиталистические правительства союзников при вторжении в Россию, — есть подавление этой цитадели революционного социалистического движения. Они боятся прежде всего, что рабочий класс в их собственных странах свергнет их и возьмет власть в свои руки. Они надеются, раздавив русскую революцию, обезглавить все мощное освободительное движение рабочего класса, которое развертывается повсюду». Листовка рассказывала о мощном революционном подъеме в странах Европы и Америки и заканчивалась призывом к солдатам выполнить свой классовый долг, отказаться от войны против своих русских братьев и с оружием в руках присоединиться к этому революционному движению.

Написанная в ноябре 1918 г., листовка давала возможность в какой-то мере обобщить опыт борьбы с иноземным нашествием 1918 г. — с германской оккупацией ряда областей России. В обращении указывалось на восстание украинского народа против германской оккупации, опровергалась излюбленная басня оккупантов о якобы радушной встрече их народом. При этом подчеркивалось, что восстание советского народа, его забастовки и различные акты мести, направленные против захватчиков, показывают «враждебность народа к установленному режиму не потому, что он был германский, но потому, что это был капиталистический режим». Так умело и тонко направлялась мысль солдата в сторону его классовых интересов.

---

[49] Листовку «Why have jou come to Ukraine?» см. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 1624. См. также перевод «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 29—31.

Листовки аналогичного содержания публиковались различными коммунистическими группами. В конце ноября 1918 г. в Москве была издана другая листовка — обращение «Зачем вас послали на Украину?» Она была выпущена без подписи. Но по содержанию и политической направленности ее можно причислить к литературе, издаваемой московскими интернационалистами, среди которых работали и товарищи из Французской коммунистической группы [50]. Текст, однако, адресовался ко всем солдатам Антанты. Листовка представляет собой сложенный лист бумаги, на каждой странице которого имеется текст на одном из языков: английском, французском, итальянском, румынском, сербском, русском. Она напоминала о славных революционных традициях народов и говорила, что советские люди будут сражаться за свою свободу и независимость так, «как боролись когда-то за свою свободу американские крестьяне против английских наемников, как боролись во время своей революции французы против королей всей Европы» [51].

Листовки Французской коммунистической группы зачастую выпускались за подписью Жака Садуля, имя которого было широко известно французским трудящимся. В октябре—ноябре 1918 г. были изданы листовки Жака Садуля «К французским солдатам» и «К трудящимся Франции», где развивались те же идеи, что и в выше разобранных обращениях, но на более конкретном материале, близком и дорогом непосредственно французскому народу. «Сыны французской революции откажутся подавлять русскую революцию», — такую уверенность выражал Жак Садуль. «Ни одного шага по русской земле против русского народа! Ни одного выстрела против русской революции!» — «Все переходите на сторону ваших братьев — русских рабочих и крестьян!» — призывало обращение «К французским солдатам», подписанное Садулем [52].

В январе 1919 г. Французская коммунистическая группа издала и распространила на фронтах листовку «Подавят ли они большевизм?» [53]. Эта листовка была составлена по материалам статей Инессы Арманд, опубликованных в январских номерах газеты «III Интернационал». Ярко и образно рассказывалось в листовке о всемирно-историческом значении первой Советской Республики. Она сообщала о выступлениях трудящихся в Милане, Париже, Лионе, Безансоне против вооруженной интервенции в России. Интересна листовка «Союзники и Россия», рас-

---

[50] Архив Государственного музея революции СССР, ф. 1235/42.

[51] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 22, л. 9.

[52] «Aux soldats français». Листовка на французском языке. Отдельное издание передовой статьи газеты «III Internationale» за 20.XI 1918.

[53] «Etouffront-ils le bolchevisme?». Архив Государственного музея революции СССР, ф. 1814/190, л. 113, 113 об. Перевод см. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 32—34.

пространенная в марте 1919 г. и рассказывавшая французским солдатам правду о конференции на Принцевых островах [54].

Сохранилась ленинская записка, где говорится: «Согласен. Надо больше и больше таких листков (*с французским, итальянским* и украинским переводами). *Тотчас* послать *и на юг*, на Украину, навстречу англичанам» [55]. На телеграмме, полученной из Курска с сообщением о высадке в Крыму сенегальских частей французской армии, В. И. Ленин подчеркнул слова «*Необходима литература на английском, французском языках*» и добавил: «*и на арабском*» [56]. В соответствии с этим ленинским замечанием вскоре стали распространяться листовки и на арабском языке.

Французская коммунистическая группа издала, кроме газеты и листовок, несколько брошюр на французском языке, в том числе «Письмо к трудящимся Европы и Америки» В. И. Ленина, «Чего хочет партия спартаковцев», «Да здравствует Советская республика!» и др.

На юг, в оккупированные Одессу и Севастополь, доходили ленинские брошюры, переведенные и изданные Французской коммунистической группой в Москве. «Огромное значение для успешной пропаганды среди войск интервентов имело „Письмо к рабочим Европы и Америки“ В. И. Ленина, — писал секретарь Севастопольского подпольного горкома партии в 1919 г. Ю. Крупчицкий (Торба). — Эта ленинская работа была издана брошюрой на французском языке и распространена среди матросов эскадры» [57].

Жанна Лябурб стремилась в Одессу. «Она не может мириться с кабинетной работой в Москве. Она рвется в оккупированные союзным десантом области, ей хочется войти в непосредственный контакт с „облаченными в солдатские шинели пролетариями“, с „обманутыми братьями“, расшевелить, взбунтовать эту пассивную массу», — рассказывал ее соратник по Французской группе Н. Нюрин. В феврале 1919 г. Французская группа санкционировала ее отъезд на нелегальную работу.

В оккупированной антантовскими войсками Одессе, где французское командование формировало белогвардейские деникинские отряды, банды националистов-петлюровцев, где пригрелось эсеро-меньшевистское охвостье, бывшие царские генералы и сановники, бежавшие от власти Советов, началась новая, пожалуй, самая яркая страница революционной деятельности Ж. Лябурб [58].

---

[54] «Les Alliés et la Russie». ЦГАОР УССР (Харьков), фонд листовок. Перевод см. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 34—35.

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 232.

[56] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 7995, л. 1. Цит. по: Л. И. Жаров. Организация и деятельность иностранных групп РКП(б) в Советской России (1918—1920 гг.). М., 1963, стр. 202—203 (канд. дисс.).

[57] «Правда», 19.IV 1959.

[58] О деятельности Ж. Лябурб в Одессе см. в разделе «Иностранная коллегия в Одессе» главы V.

В это время Французская коммунистическая группа в Москве продолжала свою работу. Она избрала бюро в составе Жака Садуля, Пьера Паскаля и Марселя Боди [59]. Вместе с другими иностранными группами французские интернационалисты деятельно готовились к знаменательному для всего международного революционного движения событию — I (учредительному) конгрессу Коммунистического Интернационала. На конгресс группа направила своего делегата с совещательным голосом — Жака Садуля. Здесь было оглашено приветствие Французской коммунистической группы русскому революционному пролетариату, принятое единогласно 1 марта 1919 г.: «Французская коммунистическая группа, — говорится в этом документе, — приветствует русский революционный народ и от имени сознательных элементов французского рабочего класса выражает свое восхищение и признательность за его планомерные героические труды и усилия, в результате которых создано социалистическое государство». Со словами привета группа обратилась к Красной Армии, «ведущей навязанную ей борьбу с хищническим империализмом правительств Антанты, которым она дает победоносный отпор» [60].

Вскоре до Москвы дошла скорбная весть о гибели Жанны Лябурб. На вечернем заседании VIII съезда партии 23 марта 1919 г. с внеочередным сообщением от имени группы французских коммунистов выступил Жак Садуль. Его речь о жизни и героической смерти Ж. Лябурб переводила делегатам А. М. Коллонтай. «Жанна Лябурб является первой французской коммунисткой, которая погибла во имя и во славу только что возникшего III, Коммунистического Интернационала... Кровь Жанны Лябурб теснее спаяла французских коммунистов с коммунистами России», — сказал с волнением Ж. Садуль [61]. Склонив голову, стояли во главе с великим Лениным руководители Коммунистической партии, рабочие, красноармейцы, крестьяне — делегаты съезда, отдавая последний долг француженке-коммунистке, интернационалистке, погибшей за дело революции.

В тот же день «Правда» опубликовала траурное извещение на русском и французском языках:

«Французская группа РКП извещает товарищей о трагической смерти секретаря группы тов. Жанны Лябурб, расстрелянной 2 марта в Одессе наемниками французского капитала. Вечная память славному товарищу, погибшему на революционном посту!»

12 апреля 1919 г. Французская коммунистическая группа сообщила по радио трудящимся всего мира о злодейском убийстве в Одессе их товарищей-коммунистов. В обращении говорилось,

[59] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 42.
[60] «Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. I конгресс Коминтерна». М., 1933, стр. 225.
[61] «Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 359, 360.

что «украинские трудящиеся взяли на себя задачу наказать палачей, изгнав их с территории России»[62].

После изгнания интервентов с южной Украины Жак Садуль с группой товарищей выехал в Киев, ставший в то время местом работы Федерации иностранных групп под руководством Южно-русского бюро III Интернационала[63].

7 апреля 1919 г. в Киеве на торжественном заседании в честь основания Коммунистического Интернационала присутствовали делегаты I конгресса Коминтерна. В числе гостей находились французские солдаты, сдавшиеся в плен Красной Армии под Одессой и работавшие в рядах Французской коммунистической группы в Киеве. На митинге с горячей речью выступил Жак Садуль.

Французская коммунистическая группа в Киеве неоднократно организовывала публичные митинги-конференции на открытом воздухе. Как сообщала секретарь группы Сюзанна Депольс, митинги проводились регулярно и пользовались большим успехом[64].

В первом номере журнала «Драпо руж» («Красное знамя»), органе Французской коммунистической группы в Киеве, рассказывалось об освобождении Одессы и о полном крахе планов французских интервентов в России. Один из солдат-французов, добровольно перешедших на сторону советских войск, писал: «Трепещите, тираны!.. Вы не знаете, что те солдаты, которых вы вернете во Францию, прошли тут хорошую школу»[65]. Жак Садуль вскоре выехал в Одессу, откуда специальной телеграммой потребовал немедленной присылки из Киева журнала и вызывал участников группы из Киева в Одессу, сообщая им о предстоящей интересной работе в печати[66]. По-видимому, речь шла об издании обращений к морякам второй эскадры французского флота, которая еще находилась в Черном море. Действительно, в апреле—мае 1919 г. Французская коммунистическая группа выпустила ряд листовок-обращений. В воззвании от 10 мая «К солдатам и морякам армий союзников на Востоке»[67], подписанном Жаком Садулем, разоблачались попытки французского военного командования превратить сынов свободолюбивого французского народа в полицейских. Листовка призывала французских солдат и моряков отказываться быть «цепными собаками для тронов и сейфов», прекратить борьбу против революционных народов и поддержать своих братьев — рабочих и крестьян, — сражавшихся за свободу и независимость.

---

[62] ЦГАОР УССР ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 206.

[63] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 30.

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 3, л. 32.

[65] «Le Drapeau Rouge». Revue hebdomadaire du groupe communiste français de Kiew, 12.IV 1919, № 1.

[66] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 79, л. 95.

[67] «Aux soldats et aux marins des armees Allies en Orient». Перевод см. «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 169—173.

LE DRAPEAU ROUGE

REVUE HEBDOMADAIRE DU GROUPE COMMUNISTE FRANÇAIS DE KIEW (S.F.I.C.)

Toutes les demandes de renseignements concernant le journal doivent être adressées à la Rédaction. | Prix: 80 kop. | Adresse: Rue Engels 23

№ 1. | 12 AVRIL 1919. | № 1.

SOMMAIRE: [illegible]

L'ENTENTE ET LA RUSSIE.

[illegible]

Журнал «Драпо руж» — орган Французской коммунистической группы в Киеве

Обращение «К французским солдатам, вынуждаемым буржуазной реакцией подавить социалистическую революцию на Украине»[68] было издано в Одессе за подписью председателя Одесского Совета И. Клименко, руководителя высшей военной инспекции В. Юдовского и делегата Коммунистического Интернационала Жака Садуля. Обращение напоминало о славных революционных традициях французского народа и призывало солдат быть достойными своего великого революционного прошлого.

Правдивая и действенная агитация, проводимая местными большевистскими организациями и Французской коммунистической группой, дала свои плоды. Весной и летом 1919 г. произошли восстания французских солдат и матросов черноморской эскадры, которые положили конец интервенции в Южной России и, по словам Виктора Жоаннеса, явились «наиболее конкретным и возвышенным выражением поддержки французскими трудящимися Октябрьской социалистической революции»[69].

С изгнанием интервентов закончился наиболее важный этап в деятельности Французской коммунистической группы РКП(б). С середины 1919 г. главное внимание было обращено на теоретическую и агитационно-пропагандистскую работу внутри группы и среди французских, бельгийских и швейцарских рабочих в России. В это время в составе группы стал работать приехавший из Швейцарии на I конгресс Коммунистического Интернационала Анри Гильбо[70].

Весной и летом 1919 г. группа провела ряд собеседований и митингов с широким привлечением сочувствовавших. Тематика этих собраний была разнообразна. Так, на одном из них обсуждались задачи французского пролетариата в связи с созданием III Интернационала. С большим интересом на заседании группы были прослушаны доклады о творчестве выдающихся французских писателей — Ромена Роллана и Анри Барбюса. С особенным вниманием были выслушаны доклады о положении во Франции, прочитанные Д. З. Мануильским и И. Ф. Арманд, вернувшимися из поездки во Францию с миссией Красного Креста[71].

Следует отметить, что в практической работе группы, в ее печатной и устной пропаганде, имелся существенный пробел: она недостаточно остро и последовательно боролась против выступлений центристов во Франции. С большим опозданием Француз-

[68] «Aux soldats français chargés par la réaction bourgeoise d'ecraser la Révolution socialiste en Ukraine». Одесская публичная библиотека имени А. М. Горького, фонд листовок. Перевод см. «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 36—38.

[69] В. Жоаннес. Октябрьская социалистическая революция 1917 года и интернационализм французских рабочих. М., 1957, стр. 10.

[70] Впоследствии А. Гильбо предал дело революции и перешел в лагерь ее врагов.

[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 42.

ская коммунистическая группа опубликовала «Открытое письмо Жану Лонге», в котором разоблачила его поведение, показала разрыв между словом и делом у французских центристов [72].

Был в группе и ряд инцидентов личного характера. С помощью ЦК РКП(б) и лично И. Ф. Арманд, Е. Д. Стасовой, Ф. Э. Дзержинского и других эти инциденты были ликвидированы. «Французская коммунистическая группа, — говорилось в заявлении группы от 1 августа 1919 г., — всегда придерживалась и будет придерживаться строго идейной почвы, коммунистической точки зрения и обязательного коллективного труда» [73].

Работа Французской коммунистической группы была в поле зрения В. И. Ленина. Когда в апреле 1919 г. Анри Гильбо выпустил книгу «Французское социалистическое и синдикалистское движение во время войны» [74], В. И. Ленин написал к ней предисловие. Отметив своевременность книги, В. И. Ленин подчеркнул, что она вскрывала «глубоко лежащие корни III Коммунистического Интернационала, его подготовку, своеобразную внутри каждой нации в зависимости от ее исторических особенностей» [75]. В. И. Ленин выразил уверенность, что брошюра будет широко распространена среди всех сознательных рабочих и за ней последуют другие подобные же издания, посвященные истории социализма и рабочего движения.

Члены группы, особенно Анри Гильбо и Жак Садуль, активно сотрудничали в газетах «Правда» и «Известия», а также в журнале «Коммунистический Интернационал», содействовавшем сплачиванию коммунистических сил всех стран.

В. И. Ленин привлекал французских коммунистов и в качестве переводчиков на русский язык лучших произведений французского социализма. «Однажды, — писал Ж. Садуль, — Ленин с большой радостью обнаружил у меня экземпляр книги „Новая Армия" Жореса, которого он сам считал превосходным знатоком военных вопросов. Он заставил перевести большие отрывки из этой книги и передал их организаторам Красной Армии» [76].

Последним важным актом деятельности Французской коммунистической группы был выпуск журнала «Дэмен» («Завтра»). По сути дела возобновился журнал, издававшийся под тем же названием А. Гильбо в Женеве с января 1916 по октябрь 1918 г. Единственный номер этого журнала (№ 31), вышедший в Москве в сентябре 1919 г., был отредактирован А. Гильбо, И. Арманд и Пьером Паскалем. Группа поставила перед собой задачу прав-

---

[72] «III Internationale», 20.XI 1918.

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 1.

[74] H. Guilbeaux. Le mouvement socialiste et syndicaliste français pendant la guerre (esquisse historique). Préface de N. Lenine. Petrograd, 1919.

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38 стр. 297.

[76] J. Sadoul. La naîssance de l'U. R. S. S. Paris, 1946, p. 308.

диво освещать современное международное положение и в первую очередь «смелые и могучие действия русских коммунистов» [77].

В журнале были опубликованы обзоры революционного движения во Франции и в других странах, материалы теоретической дискуссии, проведенной группой по вопросам использования буржуазного парламентаризма во Франции. В кратких аннотациях характеризовалась вышедшая в Советской стране литература. Здесь же был опубликован отчет о годичной деятельности Французской коммунистической группы в Москве. Журнал призывал своих товарищей во Франции «усилить действенную борьбу в защиту Советской России». Со страниц журнала прозвучал горячий призыв к лучшим революционным элементам во Франции развернуть борьбу не только против буржуазии, но также и «против социал-оппортунистов, которые в нашем словаре уже отождествляются с гнусностью и подкупом», борьбу за создание коммунистической партии во Франции.

Деятельность Французской коммунистической группы пустила глубокие корни. Проводимые ею идеи пролетарского интернационализма оказали влияние на действия французских солдат и моряков, вернувшихся во Францию из бесславного антисоветского похода, сказались в их борьбе за мир, против контрреволюции и реакции, против гнета монополий, за образование коммунистической партии Франции.

Изобличая гнусную политику интервентов, Марсель Кашен приветствовал французских моряков, которые «остались верными закону своей нации», братаясь с русскими рабочими и отказавшись бомбардировать советские города [78]. 19 октября 1919 г. на митинге в Париже в зале Гранж-о-Бель Анри Барбюс выступил с замечательной речью «Русская революция и долг трудящихся». Восставших матросов он назвал единственными героями беззаконной войны, которую повели французские интервенты против России [79].

«Реакционной интервенцией и голодной блокадой Франция опозорила себя перед миром и историей, — говорилось в воззвании Комитета защиты моряков, созданном из представителей левых организаций. — Но нашлись смелые люди, которые спасли честь французского пролетариата. Это были солдаты и черноморские матросы. Они отказались объединиться с палачами, с наемными убийцами Жанны Лябурб» [80].

Вокруг имени Жанны Лябурб французские власти создали заговор молчания. Клемансо и Пишон не ответили на ноту

---

[77] «Demain...», 1919, № 31, p. 1.
[78] «L'Humanité», 20.VI 1919.
[79] «L'Humanité», 20.X 1919.
[80] «Comité de defense des marins. Section de Paris. Joustice pour les marins de la Mer Noire. Faits. Documents, Suplements». Paris, 1919, p. 4.

Украинского Советского правительства по поводу злодеяний интервентов в Одессе и Херсоне. Цензура запретила упоминание имени Жанны Лябурб в печати. Только в июне 1919 г. брюссельская газета «Интернасьональ комюнист» сообщила об убийстве Ж. Лябурб. 23 июля 1919 г. парижская газета «Ви увриер» («Рабочая жизнь») перепечатала статью из этой газеты, озаглавленную «Эдит Кавель и Жанна Лябурб». Буржуазная пресса использовала для шовинистической пропаганды поступок английской санитарки Эдит Кавель, устроившей побег из немецкой тюрьмы нескольким французам и англичанам и расстрелянной за это немецким офицером. Рабочая социалистическая пресса противопоставила этой Эдит Кавель Жанну Лябурб, погибшую во имя пролетарских интересов — дела мира и революции. Статья на основании сообщения большевистской «Правды» рассказывала об обстоятельствах гибели Жанны Лябурб и объясняла рабочим, почему вся буржуазная пресса Франции замалчивает этот факт, боясь авторитета революционерки в массах народа и тайно ликуя по поводу ее гибели. Газета призывала рабочих к действенному протесту: «Пусть каждая группа рабочей партии поднимет голос протеста, к которому зовет это убийство... И предупреждаем капиталистическую реакцию, что народ сумеет отомстить в час расплаты, а этот час близок, когда Жорес, Либкнехт, Роза Люксембург, Жанна Лябурб и все наши безыменные мученики подскажут нам, как надо действовать!» [81]

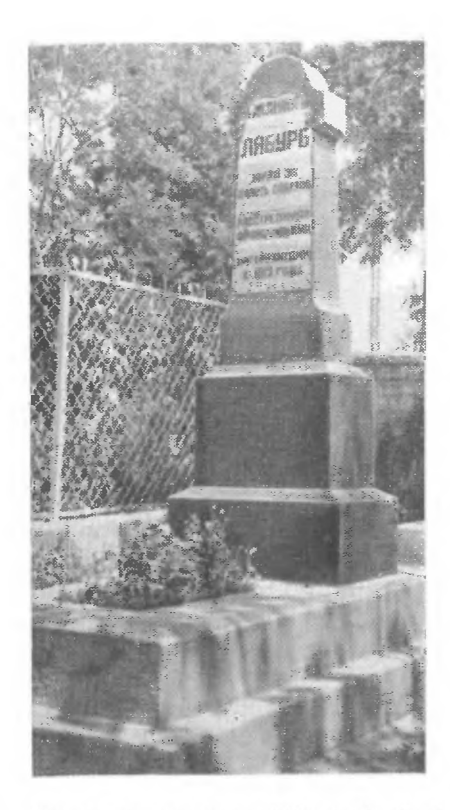
С передовой статьей, посвященной Жанне, выступила в газете «Юманите» ее школьная подруга — учительница Луиза Бодэн. Взволнованный рассказ о подвиге Жанны Лябурб завершался страстным призывом к женщинам и молодежи Франции всеми силами бороться против интервенции, продолжать дело Жанны, «следовать примеру нашей героической подруги, погибшей за свой идеал» [82].

Под влиянием революционных рабочих Лига прав человека в октябре 1919 г. направила правительству запрос с требованием расследовать причины убийства Жанны Лябурб и покарать виновных. Ответ был опубликован лишь в начале следующего года. В этом единственном правительственном документе о гибели Жанны Лябурб французские власти цинично сваливали ответственность на «русскую полицию», т. е. на своих подручных из белогвардейцев.

На многочисленных собраниях трудящиеся Франции вспоминали имя Жанны, чтили ее светлую память, выносили резолюции протеста против антисоветской политики французского правительства.

---

[81] «La Vie Ouvrière», 23.VII 1919.
[82] «L'Humanité», 11.VIII 1919.

Памятник на могиле Жанны Лябурб в Одессе

«Мы знаем, что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — говорил Ленин в декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма, — все объединились для выступления против международного империализма» [83].

Народ Франции выразил глубокое уважение и своему верному сыну — Жаку Садулю. В тяжелых условиях избирательной кампании ноября 1919 г., когда буржуазия вела разнузданную антисоветскую агитацию, левые социалисты имели мужество выдвинуть Жака Садуля кандидатом в палату депутатов. Садуль, как писал Марсель Кашен, стал символом рабочей революции, атакуемой, блокируемой, обрекаемой на голод международным капиталом. Голосовать за Садуля, разъясняла «Юманите», значит «голосовать за русскую революцию, которую хотят задушить возглавляемые Ллойд-Джорджем и Клемансо руководители священного единения капиталистов». «Мы хотим, — заявлял Поль Вайян-Кутюрье, выступая на митинге социалистической федерации департамента Сена, — чтобы имя капитана Садуля... развевалось над битвой, как знамя!..» [84] И 40 тыс. парижских рабочих вписали имя Садуля в свои бюллетени, осудив тем самым политику антисоветской интервенции и выразив братскую солидарность с Советской республикой.

По окончании гражданской войны Жак Садуль вернулся на родину, где империалисты предали его военному суду. Только

---

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 390—391.
[84] «L'Humanité», 2.XI 1919.

под напором и по требованию широких масс французского народа он был оправдан. Как писал позднее Морис Торез, Жак Садуль плодотворно влиял на рабочее движение Франции[85].

Таким образом, Французская коммунистическая группа оставила глубокий след в революционном движении французских трудящихся. В сложное время контрреволюционной интервенции Антанты она являлась связующим звеном между Советской Республикой и лучшими социалистическими силами Франции. Ее деятельность в большой мере способствовала победе над интервентами Антанты. Работая в тесном контакте с великим Лениным, группа явила собой образец действенного пролетарского интернационализма, страстной борьбы за мир, стойкой защиты первой в мире республики Советов и в то же время укрепления лучших традиций свободы и демократии французского народа. Французская коммунистическая группа внесла свой вклад в борьбу передовых сил Франции, приведшую к концу 1920 г. к созданию Французской коммунистической партии.

2. Англо-американская группа РКП(б)

Истоки создания Англо-американской группы РКП(б) следует отнести к деятельности небольшой группы американцев и русских реэмигрантов из США и Англии, ставшей заметной еще накануне Октября. Среди этих лиц особо значительной оказалась роль Альберта Рис Вильямса и Джона Рида.

А. Рис Вильямс — видный американский прогрессивный писатель и журналист приехал в Россию в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк пост» в июне 1917 г. По дороге в Россию он познакомился с несколькими эмигрантами, возвращавшимися на родину. Среди них были В. Володарский, А. Нейбут, С. Восков и др. От них Вильямс узнал о Ленине. Большевики произвели на Вильямса огромное впечатление. Он писал, что уже через шесть месяцев после знакомства с ними перешел в их лагерь[86].

Находясь в Петрограде, Вильямс участвовал в событиях Великой Октябрьской социалистической революции, выступал с приветствиями от имени американского пролетариата в июне 1917 г. на I и в январе 1918 г. на III Всероссийских съездах Советов, в сентябре 1917 г. — перед Центробалтом в Гельсингфорсе, присутствовал на II съезде Советов, видел штурм Зимнего дворца, неоднократно встречался и беседовал с В. И. Лениным.

Когда в феврале 1918 г. в связи с наступлением германской армии в стране создалось угрожающее положение, Вильямс всту-

---

[85] М. Торез. Октябрь указал нам путь. — «Вопросы истории КПСС», 1957. № 3, стр. 90.
[86] А. Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 39.

А. Рис Вильямс (второй слева) и другие бойцы интернационального отряда

пил в Красную Армию, чтобы принять участие в защите Петрограда. Услышав об этом, В. И. Ленин предложил Вильямсу образовать интернациональный отряд[87]. Вместе с С. Агурским и А. Нейбутом Вильямс составил воззвание к иностранцам. По указанию В. И. Ленина оно было опубликовано в центральных газетах на английском и русском языках, а также разослано по телеграфу во все концы страны.

Несмотря на то, что первый интернациональный отряд был немногочисленным, сама идея организации интернациональных воинских частей привела впоследствии тысячи и тысячи иностранцев в ряды Красной Армии.

---

[87] А. Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции, стр. 209.

Несколько позднее А. Рис Вильямса, в сентябре 1917 г., в качестве корреспондента прогрессивного журнала «Мэссиз» приехал в Россию Джон Рид. В октябрьские дни Рид находился в Петрограде. Вместе с ним была его жена, американская журналистка Луиза Брайант, деятельность которой высоко оценивал В. И. Ленин [88].

Рид восторженно встретил Октябрьскую революцию, посещал много митингов, особенно те, на которых должен был выступать В. И. Ленин. Он ежедневно бывал в Смольном, куда у него был постоянный пропуск за подписью Ф. Дзержинского. За сравнительно короткое время Джон Рид успел собрать большой материал, положенный в основу его книги «Десять дней, которые потрясли мир».

Перед отъездом из России в США в феврале 1918 г. Дж. Рид вместе с Вильямсом и Б. Рейнштейном присутствовали на заседании III съезда Советов. На съезде Рид произнес краткую речь-клятву, которой остался верен до последних дней своей жизни: «Я торжественно клянусь, — сказал Джон Рид, — что, вернувшись в царство капитала, расскажу всем правду о победе пролетариата в России.

Я расскажу о героях и мучениках революции и о новом государстве, которое вы строите. И я торжественно клянусь отдать себя всего делу рабочего класса» [89].

По возвращении в начале 1918 г. в США Рид в своих статьях, выступлениях на массовых митингах, собраниях в различных городах США помогал американскому народу узнать правду об Октябрьской революции и Советской власти. В марте 1919 г. вышла его прославленная, облетевшая весь свет книга «Десять дней, которые потрясли мир». В конце того же года В. И. Ленин писал: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата» [90].

В. И. Ленин придавал огромное значение пропагандистской работе, он призывал бороться против империализма «не только путем национальной войны, но и путем пропаганды и разложения его извнутри» [91]. Вот почему уже вскоре после Октябрьской революции, в декабре 1917 г., при ВЦИК был создан отдел советской пропаганды (совпроп). Руководителем этого отдела стал Борис Рейнштейн. Участник революционного движения в России с 1898 г. он вскоре эмигрировал в США. Там он вступил в со-

---

[88] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 302.
[89] Т. Гладков. Джон Рид. М., 1962, стр. 231—232.
[90] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 48.
[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 212.

циалистическую партию США, одно время представлял ее во II Интернационале. По возвращении в 1917 г. на родину Б. Рейнштейн примкнул было к меньшевикам-интернационалистам, но практически поддерживал большевистскую партию, в которую вошел в апреле 1918 г.

Отдел советской пропаганды вел большую издательскую работу. Он распространял информацию о Советской России в иностранных государствах, занимался пропагандой среди войск интервентов, среди иностранцев, живших в России, среди военнопленных, эмигрантов и т. д.

С отделом советской пропаганды активно сотрудничали Д. Рид и А. Рис Вильямс.

Джон Рид и А. Рис Вильямс принимали участие в издании листовок в выходившей в Петрограде в декабре 1917 г. газете «Факель», в сменившей ее газете «Фёлькерфриден» и в других изданиях отдела.

В отделе работали также люди, далекие от большевизма, но активно выступавшие против антисоветской интервенции и разоблачавшие политику империалистических стран. Среди них особенно заметен был английский журналист Филипп Прайс. С 1914 по 1917 г. он был петроградским корреспондентом влиятельной в Англии либерально-буржуазной газеты «Манчестер гардиан». Прайс подробно и регулярно публиковал в своей газете корреспонденции об Октябрьской революции, о внешней политике Советской России, о стремлении ее к миру со всеми странами. В своих статьях он неизменно подчеркивал, что русские коммунисты выражают интересы пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Большое внимание Прайс уделял решениям III Всероссийского съезда Советов, этого, по его словам, «парламента без помещиков и капиталистов» [92].

11 мая 1918 г. Прайс послал в «Манчестер гардиан» статью о причинах интервенции. Обращаясь к английским и американским рабочим, он писал, что, если они не помешают этой войне, Советская Россия может оказаться добычей империалистов, а ее народ будет низведен до рабства [93]. Он выразил убеждение в том, что интервенция в конечном счете потерпит поражение. «Те, кто попытаются затронуть социальные реформы русской революции, только добавят горючего в большевистское пламя» [94].

Перу другого английского журналиста — Артура Рэнсома принадлежит «Открытое письмо в Америку», написанное летом 1918 г. Рэнсом выступал против утверждения, будто Советское правительство силой узурпировало власть и не выражает воли

---

[92] «Manchester guardian», 31.I 1918.
[93] «Manchester guardian», 2.VII 1918.
[94] Там же.

народа. Он подробно объяснял, как реакция в Советской России пыталась бороться, опираясь на Учредительное собрание [95].

Разъясняя читателям причины советско-германских мирных переговоров, закончившихся подписанием Брестского договора, Рэнсом отмечал, что Советское правительство неоднократно предлагало мир всем странам. Однако ни Англия, ни ее союзники на мир не пошли. Оказывая поддержку контрреволюционному меньшинству в России, утверждал он, Англия тем самым помогает немецким империалистам [96].

В конце своего «Письма» Рэнсом говорил: «Никто не утверждает, что большевики — ангелы. Я лишь прошу, чтобы люди проникли взглядом сквозь туманную завесу лжи, которая окружает большевиков, и увидели, что идеал, за который они борются единственно возможным для них путем, находится среди тех светлых огней, которые каждый, кто молод и честен душою, видит перед собой где-то на пути, а не среди тех огней, от которых он решительно отворачивается. Люди, которые создали Советское правительство в России, если и должны будут потерпеть неудачу, то их знамена не будут запятнаны, а их душа будет чиста, ибо они стремятся к идеалу, который переживет их» [97].

«Письмо в Америку» было опубликовано в Стране Советов на английском языке в 1918 г., затем в США в газете «Нью Рипаблик» и под названием «Правда о России» вышло отдельной брошюрой в Англии в издательстве Рабочей социалистической федерации.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании Гарри Поллит писал в 1957 г.: «...Большой заслугой двух английских писателей — Филиппа Прайса и Артура Рэнсома — являлось их стремление осветить более или менее объективно в газетах „Манчестер гардиан" и „Дейли ньюс" события, происходившие в Советской России» [98].

Широкая публицистическая деятельность А. Рис Вильямса, Дж. Рида и их прогрессивных коллег в известной мере проложила дорогу к созданию Англо-американской группы РКП(б). Потребность в такой группе стала весьма ощутимой в связи с развертыванием английской и американской интервенции против Страны Советов.

30 августа 1918 г. в Москве была организована Англо-французская коммунистическая группа [99]. Но совместная деятельность Англо-французской группы продолжалась лишь несколько дней. На очередном собрании 4 сентября 1918 г. группа приняла ре-

---

[95] A. Ransome. An open letter to America, p. 35.
[96] Там же, стр. 41—42.
[97] Там же, стр. 44.
[98] «Вопросы истории КПСС», 1957, № 1, стр. 56.
[99] «Правда», 30.VIII 1918; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 104, л. 27.

шение о своем расформировании и об образовании отдельно Французской и Английской групп РКП(б) [100].

О деятельности английских и американских коммунистов с момента их разъединения с французскими коммунистами и до конца ноября 1918 г. каких-либо сведений не обнаружено. Первое учредительное собрание Англо-американской группы РКП(б) состоялось под председательством И. И. Файнберга 28 ноября 1918 г. На этом собрании было организационно оформлено образование группы и избран ее руководящий орган — исполком. На заключительной, торжественной части собрания присутствовало 60 человек [101].

Некоторые из участников учредительного собрания выдвигали предложения, чтобы в члены группы принимались и сочувствующие группе или лица, «поддерживающие Советское правительство и разделяющие его принципы» [102]. После обстоятельного обсуждения было принято решение, что «в члены группы принимаются только коммунисты, хотя будет приветствоваться помощь в работе и со стороны других товарищей» [103]. На собрании указывалось, что создание группы вызвано необходимостью ведения пропаганды среди интервенционистских войск на фронтах, необходимостью организации и ведения работы среди англо-американских военнопленных внутри страны и транспортировки литературы в Англию и Америку.

В исполком группы вошли: Иосиф (Джон) Файнберг (председатель), С. Ю. Рутгерс (секретарь), Петр Петров, Раиса Лихачева, Соломон Михельсон и др.

И. Файнберг в 1918 г. возвратился в Россию из Англии. Вступив в коммунистическую партию и начав работать в отделе советской пропаганды при ВЦИК, он скоро завоевал большой авторитет. Его знания и опыт высоко ценил В. И. Ленин [104].

Голландец Себандт Юстиниус Рутгерс, приехавший в Советскую республику лишь в сентябре 1918 г., был видным деятелем левого крыла голландской социал-демократии — так называемых трибунистов. В 1915 г. он эмигрировал в США, где сблизился с жившими там большевиками. «Благодаря нашей совместной работе со многими русскими товарищами, — писал он, — мы были довольно хорошо информированы о событиях в России, а так как в США русская революция вызвала огромный интерес,

---

[100] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 104, лл. 3—4; Л. М. Зак. Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б). — «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 162—165.

[101] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, лл. 1—2; «Вопросы истории КПСС», 1965, № 10, стр. 91.

[102] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, лл. 1—2.

[103] Там же.

[104] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 188—189.

то мы решили вместе с некоторыми русскими товарищами основать Бюро большевистской информации. В задачу этого бюро входили сбор материала о Советской России и публикация его в печати, включая и буржуазную печать»[105].

По приезде в Советскую Республику С. Рутгерс вступил в РКП(б), причем ему засчитали стаж участия в голландском рабочем движении, и он считался членом РКП(б) с 1899 г. С. Рутгерс работал в совпропе, издавал листовки на английском языке, вел пропагандистскую работу среди интервенционистских солдат на Северном фронте, среди военнопленных. Опыт и знания Рутгерса пригодились и в народном хозяйстве страны[106].

Член исполкома Англо-американской группы Петр Петров до января 1918 г. находился в Англии. В период мировой войны он был в рядах английского рабочего движения. Вместе с Джоном Маклином и другими социалистами Петров боролся против оппортунистической группы Гайндмана. Маклин и Петров неоднократно арестовывались за антиимпериалистическую пропаганду. Уильям Галлахер, знавший П. Петрова с 1912 г., дал высокую оценку его деятельности в Англии[107].

П. Петров вместе с Г. В. Чичериным был освобожден из тюрьмы по требованию Советского правительства и под давлением английского пролетариата. Оба они прибыли в Советскую Россию в январе 1918 г. П. Петров и его жена стали активными членами Англо-американской группы коммунистов.

Р. Лихачева[108] и С. Михельсон[109] также были до эмиграции деятелями российского рабочего движения.

Позднее исполком пополнялся другими лицами; на собрании группы 9 декабря 1918 г. в исполком были избраны И. М. Иохель и Моисеев (М. Финкель), 5 января 1919 г. — Ковалевский, А. М. Коллонтай, 8 января — Б. И. Рейнштейн. На заседании ис-

---

105 «Историк-марксист», 1935, № 2-3, стр. 87.

106 Рутгерс был высококвалифицированным и разносторонне образованным инженером. В начале 1919 г. он был назначен техническим консультантом по портовым и гидротехническим сооружениям при правительстве Советской Латвии. Осенью 1919 г. по поручению В. И. Ленина выехал в Голландию. В 1921 г. по возвращении в Москву вместе с У. Хейвудом организовал «Автономную индустриальную колонию — „Кузбасс"», которой руководил вплоть до 1927 г., затем работал в ЦК РКП(б) и в Международном аграрном институте. В 1938 г. вернулся в Голландию. Умер в 1961 г.

107 W. Gallacher. Revolt on the Clyde. London. 1936, p. 59; о Петрове см. также «Правда», 5.II 1918.

108 Р. Лихачева в 1912 г. эмигрировала в США, состояла в левом крыле Социалистической партии США. Возвратилась в Россию в июне 1917 г. Все время находилась на руководящей партийной, советской работе.

109 С. Михельсон до 1918 г. жил в Англии и в США. В сентябре 1918 г. вернулся в Россию. Член РКП(б) с 1918 г. Работал заведующим службой организации распространения иностранной литературы отдела советской пропаганды при ВЦИК по Северному, Северо-Восточному и другим фронтам.

полкома 24 января 1919 г. И. Файнберг был избран секретарем группы, а его помощником — Добин.

К декабрю 1918 г. Англо-американская группа насчитывала 34 человека. Группа состояла не только из англичан и американцев, находившихся по тем или иным причинам в Советской России, но и из русских коммунистов, владевших английским языком и в прошлом связанных с рабочим движением в США или Англии.

О создании Англо-американской группы было решено официально сообщить В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, в ЦК и МК партии, а также широко оповестить общественность через газеты «Правда» и «Известия». Сохранились письма группы В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и в ЦК РКП(б), идентичные по содержанию, датированные 26 декабря 1918 г.

Вот текст письма, адресованного В. И. Ленину:

«Уважаемый тов. ЛЕНИН.

При сем препровождаем официальное объявление об основании Англо-американской группы коммунистов в России, членов РКП(б). Обращаем ваше внимание, что мы готовы информировать Россию относительно английского и американского рабочего движения, что касается организации военнопленных, говорящих по-английски, мы обращаемся к вам с просьбой способствовать нам концентрировать таковых в Москве с целью предоставить нам возможность пропагандировать их.

Просим оказать нашей группе содействие в ее деятельности».

К письму был приложен текст следующего объявления:

«Настоящим извещаем об образовании Англо-американской группы коммунистов в России, наметившей себе следующую задачу:

Вести устную и печатную пропаганду среди британских и американских рабочих в России и за границей, осведомлять и организовать британских и американских военнопленных и информировать партию коммунистов о рабочем движении в Англии и Америке» [110].

5 января 1919 г. группа приняла решение о вступлении в ЦФИГ. 15 января на заседании Центральной федерации иностранных групп Англо-американская группа была принята в члены ЦФИГ. Представителями в ЦФИГ были избраны С. Ю. Рутгерс и Ковалевский, но в конце января 1919 г. в связи с их отъездом из Москвы представителями группы в ЦФИГ стали Б. И. Рейнштейн и И. И. Файнберг [111].

На заседании исполкома группы 2 января 1919 г. было утверждено обращение ко всем партийным и советским организациям

---

[110] ЦПА ИМЛ, ф. 19, вр. оп., д. 186, лл. 1—2; ф. 67, оп. 1, д. 94, л. 148; ф. 17, оп. 4, д. 37, л. 4.

[111] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, лл. 20, 22.

об оказании помощи в создании англо-американских групп на местах и подробный план этой работы. Одному из руководителей группы было поручено связаться с ЦК КП(б) Украины с целью установления контакта с подпольными партийными центрами для организации групп в Николаеве, Одессе, Симферополе, Севастополе. Исполком группы обратился в ЦК РКП(б) с просьбой санкционировать создание местных групп, предоставить рекомендации и оказать содействие в работе по их организации.

Свидетельством потребности в организации групп на местах может служить телеграмма А. М. Коллонтай из Крыма в июне 1919 г. Г. В. Чичерину для председателя Англо-американской группы И. Файнберга с просьбой о немедленном прибытии его в Симферополь для организации английского отдела пропаганды.

О необходимости пропагандистской работы среди эмигрантов свидетельствует, в частности, письмо Михельсона из Одессы с просьбой о высылке немедленно агитационной партийной литературы на английском языке, в том числе манифеста Коммунистического Интернационала, для работы группы среди проживавших в Одессе и Николаеве английских эмигрантов (более 100 человек), мало знакомых с советской действительностью.

Несколько позднее николаевские «Известия» уже сообщали о прибытии в Николаев интернационального отряда. «Прибывший отряд, — писала газета, — состоит из высланной в свое время из Англии группы лиц, выступавших активно с протестом против империалистической войны. Эти английские коммунисты вместе со спартаковцами, находящимися в Николаеве, объединены в „интернациональный отряд“ численностью в 200 человек» [112].

ЦК и лично В. И. Ленин повседневно направляли деятельность иностранных групп, в том числе и Англо-американской группы РКП(б). И. Файнберг вспоминает: «В 1918—1919 гг. я был занят изданием листков и небольшой газеты „Колл“ („Призыв“) для распространения среди британских и американских оккупационных войск в Мурманске, Архангельске и других местах. Ленин читал каждый из этих листков и предлагал изменения, если находил их целесообразными».

«Однажды Ленин пригласил нас троих [113] к себе в Кремль, чтобы обсудить дело, которым мы были заняты... Ленин всячески старался объяснить нам до мельчайших подробностей, как нужно печатать, запаковывать и отправлять литературу, чтобы она могла пройти через самые прочные заграждения» [114].

---

[112] «Николаевщина в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1918—декабрь 1920)». Херсон, 1962, стр. 131.

[113] И. И. Файнберга, Р. Майнера (американский левый социалист) и Ф. Прайса.

[114] И. Файнберг. Заметки о встречах с Лениным. «Ленин и международное рабочее движение», т. I. М., 1934, стр. 51.

Главные усилия англо-американских интернационалистов были сосредоточены на издании газеты «Призыв» (полное ее название «The Call of the workers and peasants of Russia to their English speaking fellow workers» — «Призыв рабочих и крестьян России к своим говорящим по-английски собратьям-пролетариям»). Первый номер «Призыва» вышел в Москве 14 сентября 1918 г. Начиная с этого времени и до 21 декабря того же года газета издавалась Советом революционной пропаганды. В каждом номере газеты давалось пояснение: «„Призыв" издается Центральным исполнительным комитетом рабочих и крестьянских депутатов с целью убеждать товарищей-рабочих, говорящих по-английски, что интересы рабочих всех стран являются едиными и что существует настоятельная необходимость в установлении международной солидарности, которая может обеспечить мир во всем мире».

С 1 января 1919 по конец сентября 1919 г. газета «Призыв» издавалась Англо-американской группой РКП(б). На заседании исполкома группы 12 декабря 1918 г. тираж газеты был определен в 15 тыс. экземпляров [115]. Сотрудниками газеты являлись И. Файнберг, Б. Рейнштейн, А. М. Коллонтай и др. Газета стала называться «The Call — The organ of the English speaking group of Communist in Russian» («Призыв — орган группы говорящих по-английски коммунистов в России»).

Материалы газеты «Призыв» подбирались таким образом, чтобы фактами разоблачать антисоветскую клевету, распространяемую буржуазными правительствами и прессой, объяснять солдатам и матросам вооруженных сил Англии и США действительные цели интервенции, пробуждать в них классовую сознательность, заставлять задуматься над судьбой трудящихся в своих странах.

В начале января 1919 г. под заголовком «Ленин о международном положении» в газете излагалась речь главы Советского правительства на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (25 декабря 1918 г.). Газета отметила то место в выступлении Ленина, где он говорил о поражении Германии и об антисоветской политике держав Антанты, о движении против интервенции, случаях братания английских и американских солдат с советскими красноармейцами [116].

Интересный материал был опубликован газетой «Призыв» 22 января 1919 г. В одной из статей говорилось, что американские сенаторы Бора, Томас, Вильсон и Джонсон требуют возвращения американских войск из России. Сенатор Джонсон пожелал узнать, почему правительство США не объясняет причин нахождения своих солдат в России. Сенатор Хичкок пытался доказать,

---

[115] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, л. 14.
[116] «The Call», 8.I 1919.

WORKERS OF ALL COUNTRIES UNITE!

THE CALL

You have nothing to lose but your chains, you have a world to win.

Of the workers and peasants of Russia, to their English speaking fellow workers.

No. 8, MOSCOW. November 2, 1918.

Газета «Колл» — орган Англо-американской группы РКП(б)

отвечая Джонсону, что американцы вовсе не являются завоевателями, и их войска находятся в России якобы в связи с войной против Германии. По поводу всего этого газета «Призыв» поместила ноту народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина государственному департаменту США, в которой отмечалось, что пребывание американской армии на советской территории не может быть ничем оправдано. Народный комиссар указал также, что Советское правительство разделяет желание ряда видных лидеров основных политических партий США восстановить нормальные отношения между Америкой и Россией [117].

Помимо официальных документов Советского правительства, на страницах «Призыва» был опубликован «Манифест большевистского правительства Украины», в котором сообщалось о разгроме контрреволюции и о восстановлении Советской власти на Украине [118]. Особый интерес представляет воззвание Революционного совета Балтийского флота к морякам судов британского и французского флотов, участвовавших в антисоветской интервенции. В нем говорилось: «Братья моряки, зачем вы прибыли в эти воды? Почему угрожаете Кронштадту и Петрограду? Почему вы провоцируете своих братьев на борьбу? Ваши правительства желают, чтобы вы стали палачами русского народа. Вас обманули. Вам рассказали невероятные басни относительно Петрограда и вообще о Советской России... Во имя братской солидарности мы предлагаем вам прекратить эту войну против России» [119]. В воззвании также говорилось, что десятки тысяч красных рабочих и моряков будут насмерть отстаивать свой родной город, город мировой революции.

21 сентября 1918 г. в «Призыве» был помещен манифест Британской социалистической партии под названием «Спасти

[117] «The Call», 22.I 1919; «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, стр. 24—26.

[118] «The Call», 14.XII 1918.

[119] «The Call», 21.VI 1919.

русскую революцию!» В нем содержался призыв к английскому пролетариату активно встать на защиту русской социалистической революции [120]. 12 октября был опубликован манифест Британской независимой рабочей партии, в котором империалистическая интервенция против Советской России рассматривалась как вызов демократии и социализму [121].

Заслугой газеты «Призыв» была подробная информация читателей о развитии международного рабочего и коммунистического движения. Немецкие солдаты, отмечала газета, все чаще и чаще стали отказываться сражаться против революционной России и требовать заключения мира без аннексий и контрибуций. 9 ноября в газете были приведены интересные данные о росте революционных настроений среди австрийских, немецких, итальянских, австралийских и т. д. солдат и матросов. Ссылаясь на пример русских солдат, перешедших во время революции на сторону народа, газета «Призыв» писала: «Все это доказывает, что эффективные действия в пользу мира и свободы должны быть начаты солдатами. Если они хотят мира, они должны прекратить борьбу. Если они хотят свободы, то пусть используют свое оружие и станут на сторону своих товарищей-рабочих против капиталистов» [122].

28 сентября 1918 г. газета «Призыв» сообщала, что рабочие Англии все чаще выступают с требованием использовать «прямое действие», т. е. всеобщую стачку, в знак протеста против антисоветской интервенции [123]. «Призыв» обращал внимание на то, что различные социалистические организации Англии начали переговоры об объединении в единую пролетарскую революционную партию. Английские социалисты обсуждали вопрос о разрыве со II Интернационалом и о присоединении к Коммунистическому Интернационалу [124].

На страницах газеты «Призыв» также помещались подробные материалы о борьбе американского рабочего класса. Американские солдаты могли узнать о преследовании Евгения Дебса и других социалистов, о том, что в некоторых городах США и Канады возникли Советы рабочих депутатов [125]. Газета сообщала о многочисленных забастовках американского пролетариата в защиту своих экономических интересов, о требованиях трудящихся прекратить интервенцию, признать Советское правительство и оказать России необходимую помощь [126].

28 сентября 1919 г. газета сообщала об образовании в США

---

[120] «The Call», 21.IX 1918.
[121] «The Call», 12.X 1918.
[122] «The Call», 9.XI 1918.
[123] «The Call», 19.X 1918.
[124] «The Call», 28.IX 1918.
[125] «The Call», 22.II, 16.VIII 1919.
[126] «The Call», 28.II 1919.

коммунистической партии, объединившей в своих рядах 40 тыс. человек [127].

«Призыв» умело использовал материалы буржуазной прессы, статьи и выступления известных деятелей культуры. Так, например, в нем были помещены материалы из лейбористской газеты «Дейли геральд», в частности, высказывание писателя Брэйлсфорда против интервенции. «Собираемся ли мы позволить британским войскам отправиться в Россию расстреливать наших товарищей социалистов?» — спрашивал Брэйлсфорд. Писатель утверждал, что цель интервенции вовсе не в том, чтобы бороться с Германией. Война в России — это война за восстановление реакции, царизма [128].

14 сентября 1919 г. газета «Призыв» опубликовала резкое осуждение Бернардом Шоу английского правительства. Великий писатель предостерегал правящие классы своей страны от безрассудной «роялистской» войны в России. «Если мы будем настаивать на войне с Россией, чтобы заставить Ивана восстановить царизм, то мы создадим такой кризис, по сравнению с которым прошедшая война покажется шуткой» [129].

«Призыв» регулярно помещал на своих страницах сведения о разложении в войсках интервентов, о случаях братания между солдатами, о гуманном отношении советских властей к военнопленным. Например, газета привела интересные факты, имевшие место во время братания между американскими и советскими солдатами на Северном фронте. Во время братания американский офицер заявил, что американские войска на Мурманском фронте признают русское революционное правительство и не желают более сражаться с большевиками, что американские войска постепенно покидают Северный фронт и ничего общего не имеют и не хотят иметь с белогвардейской сволочью. Этот офицер сказал и о том, что сильное недовольство имеется и среди английских войск, которые, по его мнению, вскоре также откажутся воевать [130].

Газета сообщала, что захваченные в плен у Шенкурска белогвардейские офицеры признали, что были обмануты правительствами Англии и США и сожалели, что подняли оружие против Советской власти [131].

Много интересных фактов приводила газета «Призыв» о волнениях в войсках интервентов на юге Советской России (например, о том, как солдаты французской армии в районе Одессы

[127] «The Call», 28.IX 1919.
[128] «The Call», 21.IX 1918.
[129] «The Call», 14.IX 1919.
[130] «The Call», 1.I 1919. Этот документ приводится также в отчете командира 18-й стрелковой дивизии И. П. Уборевича (см. «Интервенция на Севере в документах». М., 1938, стр. 92).
[131] «The Call», 28.II 1919.

отказались участвовать в войне). Показателем их настроений был случай, когда офицер, вырвавший из рук солдата революционную газету, был убит тут же на месте [132].

2 апреля 1919 г. «Призыв» опубликовал письмо французских солдат своим русским товарищам (это письмо они ранее послали в нелегально распространявшуюся в Одессе газету «Коммунист»). Солдаты писали, что после приезда в Советскую Россию убедились в том, какое позорное дело было им поручено. «Простите нас, братья и товарищи, — писали они. — Не считайте нас убийцами. 18 декабря мы не понимали, когда стреляли в вас...» [133] Газета «Призыв» также сообщала, что 350 французских моряков высадились на берег и с красными флагами прошли по улицам Севастополя. Против моряков были брошены войска. 6 моряков были убиты, 10 — ранены; демонстранты были рассеяны [134].

Письма военнопленных на родину, опубликованные на страницах газеты «Призыв», являлись замечательной иллюстрацией новых настроений среди солдат интервенционистских войск Антанты. Так, например, сержант Гуде писал своей матери: «Я хочу, чтобы ты знала, что к нам относятся с исключительным вниманием, так же как и к своим. Нас напичкали ложью об их плохом отношении к пленным, что совершенно неверно». Далее сержант отмечал, что в Советской России все должны работать. По его мнению, чем скорее союзные войска уйдут из России, тем скорее там установятся нормальные условия жизни [135]. Рядовой Линфорд писал своей матери, чтобы она не верила и опровергала разговоры о плохом отношении к пленным. «В этой стране каждый должен работать... Богатых теперь здесь нет... Ныне это страна рабочих» [136]. Об этом же пишет и рядовой Орр: «Теперь здесь нет капиталистов. Раньше бедные классы не имели возможности учиться или повышать свою квалификацию. Теперь у них есть такая возможность» [137].

Представители Англо-американской группы принимали активное участие в издании газеты «Коммуна» — еженедельного органа петроградского отделения Федерации иностранных групп. «Коммуна» была предназначена для распространения в войсках Антанты на Северном фронте. Ее первый номер вышел 7 ноября 1918 г. Материалы «Коммуны» печатались на многих языках.

В «Коммуне» постоянно публиковались статьи и заметки народного комиссара просвещения А. В. Луначарского. «Почему вы сражаетесь против нас?» — спрашивал он в своем обращении к солдатам интервенционных войск. Он писал о том, что пре-

---

[132] «The Call», 7.III 1919.
[133] «The Call», 2.IV 1919.
[134] «The Call», 14.V 1919.
[135] «The Call», 30.XI 1919.
[136] Там же.
[137] Там же.

зидент США Вильсон так и не ответил на ноту Г. В. Чичерина. Также молчали и английские империалисты. Луначарский разъяснял причины той ненависти, какую питали империалисты к советским и немецкому народам, поднявшимся на борьбу. «Товарищи, — писал Луначарский, — война народов закончилась, началась война классовая». Он призывал иностранных солдат прекратить интервенцию [138].

Ценный материал содержался в статье Ф. Прайса «О тех, кто является немецкими агентами». Прайс писал о том, что он, англичанин, проживающий в России, испытывает головокружение, когда читает английские газеты. Общественность Англии и США, английские и американские солдаты, отмечал журналист, не знают того, что происходит в Советском государстве. Солдаты уверены в том, что большевики являются агентами Германии. Прайс опровергал эту клевету. Разоблачая немецких империалистов, он подчеркивал, что они вместе со странами Антанты стремятся уничтожить социалистическое государство рабочих и крестьян. В газете прусских юнкеров «Крейц-Цейтунг», напоминал Прайс, прямо говорится о том, что «в борьбе против большевизма союзники и Германия могут соединиться для защиты своих общих интересов» [139].

Прайс писал также и о том, что в Красной Армии есть немало интернационалистов—немцев, австрийцев, поляков, итальянцев, французов, сербов, есть там англичане и американцы. Можно ли их называть агентами кайзера? Своих читателей Прайс подводил к пониманию того, что английских и американских солдат используют в качестве орудия в интересах царизма, кайзера, лондонских и нью-йоркских капиталистов [140].

2 января 1919 г. в «Коммуне» была помещена статья Прайса «Их действительные цели». Обращаясь к английским и французским солдатам, он напоминал о тех лживых доводах, которые использовались для оправдания империалистической войны. Английский журналист отмечал, что Советское правительство опубликовало секретные договоры, заключенные бывшим царским правительством и западными державами, и что война с Германией закончилась. Он просил читателей задуматься над вопросом, почему же союзные армии не отправляются по домам, почему солдат бросают на подавление революций в Венгрии, на Украине [141].

5 декабря 1918 г. газета «Коммуна» опубликовала «Воззвание к народу» великого пролетарского писателя А. М. Горького. Писатель выступил с разоблачением целей «империалистов трех

---

[138] «Коммуна», 21.XI 1918.
[139] «Коммуна», 14.XI 1918.
[140] Там же.
[141] «Коммуна», 2.I 1919.

материков» и призывал всех идти «на борьбу против старого порядка к свободе и красоте жизни». Горький отмечал: «Все, кто страстно жаждет обновления мира, могут и должны радоваться той быстроте, силе и жадности, с которой русский рабочий класс стремится к строительству новой жизни и обладанию всеми духовными завоеваниями человечества» [142].

Интересные факты о различных проблемах Англии, главным образом о рабочем движении этой страны, содержались в статьях и заметках Н. Семенова, бывшего эмигранта, участника английского социалистического движения. Семенов писал, что под давлением рабочих оппортунистические вожди лейбористской партии стали выступать с протестами против вмешательства в дела революционной России [143].

В середине января 1919 г. «Коммуна» опубликовала серию сообщений о братании солдат на Северном фронте, о том, что в Англии и Франции происходят массовые демонстрации против продолжавшейся интервенции. В связи с этим, «боясь революционного настроения масс, правительства союзных стран вынуждены были публично отказаться от непосредственного вмешательства», — писала газета [144].

23 января 1919 г. «Коммуна» поместила обращение к братьям-солдатам всех наций, находившимся на Северном фронте. «Вы еще в дурмане и машинально продолжаете еще по приказу ваших господ проливать свою и нашу кровь, — говорилось в обращении. — Довольно. Опомнитесь... Мы призываем вас окончить оскорбительную войну светлым братанием между рабочими по ту и по эту сторону боевой линии. Долой кровопролитие рабочих между собой. Да здравствует единая священная война, война эксплуатируемых против эксплуататоров...» [145]. В этом же обращении рассказывалось о случаях братания между солдатами, о переходе на советскую сторону английских моряков, пожелавших защищать Советскую Россию.

«Россия согласна на мир!» — под таким заголовком газета «Коммуна» опубликовала свой экстренный номер для солдат Северного фронта. Здесь подробно излагалась радиотелеграмма народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина от 4 февраля 1919 г. к правительствам Англии, Франции, Италии, Японии, США [146].

Представители различных фронтов и местных партийных организаций обращались в Англо-американскую группу за литературой. «Прошу дать свежие газеты и воззваний сколько есть, а также литературу на английском языке и воззваний, всего

---

142 «Коммуна», 5.XII 1918.
143 «Коммуна», 12, 19.XII 1918; 9.I 1919.
144 «Коммуна», 16.I 1919.
145 «Коммуна», 23.I 1919.
146 «Коммуна», 10.II 1919.

вообще дайте до двух пудов весу для отправки на Пинежский фронт», — просили в одном из писем [147]. С передовых позиций в районе Северной Двины телеграфировали: «7 февраля, Москва, коминдел, совпроп. Рейнштейну. Желательно перевести для англо-французов обращение товарища Ленина всемирному пролетариату выпустить плакаты современном международном положении запятая желательны иллюстрированные плакаты и карикатуры вскройте листовках обман начальников обещающих весной навигацией отправить солдат родину укажите революционные способы вернуться Англию Америку точка Нужны товарищи могущие заниматься пропагандой передовых позициях точка НР 7 Суздальцева» [148].

С. М. Киров в телеграмме от 11 июня 1919 г. просил Файнберга: «Срочном порядке отправить в Астрахань курьером с ручной кладью летучки и брошюры: английские „Позор быть штрейкбрехером", „Понимаешь ли ты, что ты делаешь?", „Почему вас не отсылают домой?", „Правда об интервенции". Файнбергу срочно написать на темы: „А ты член профессионального союза?" „Протест английских рабочих против помощи белогвардейцам". Также специальные летучки для Персии и к английским солдатам с разъяснением, что они являются резервом для уничтожения русской революции и почему не посылают их домой» [149].

Интервенты вынуждены были не раз признавать, что коммунисты в Советской России умело использовали свое идейное оружие. Капитан американской армии Кьюдахи, участник интервенции на севере, писал: «На Кадышском фронте большевики довели до крайних пределов свою пропаганду — оружие, которым они часто пользовались с таким мастерством. Тысячи экземпляров памфлетов, листовок, прокламаций, воззваний и другой не менее красноречивой литературы разбрасывались на дорожках дозоров в снегу лесов». Он отмечал, что эта пропаганда походила «на ожесточенную словесную бомбардировку, на ведение войны отточенными словами на русском, французском и английском языках» [150].

Англо-американская группа с большой ответственностью подходила к подбору пропагандистских кадров для фронта. Исполком группы на заседании 7 декабря 1918 г. принял решение направлять своих представителей для оказания помощи в пропагандистской работе в каждый штаб войск, ведущих борьбу против оккупантов [151].

---

[147] Цит. по кн.: В. Р. Ферина. Северные парторганизации в гражданской войне. Архангельск, 1939, стр. 83.
[148] «Борьба классов», 1935, № 9, стр. 74.
[149] С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. I. М., 1936, стр. 137—138.
[150] «К десятилетию интервенции». М.—Л., 1929, стр. 223.
[151] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, л. 8.

Группе удалось наладить регулярную еженедельную посылку газет, листовок и литературы из Москвы с курьерами, приезжавшими как с Северного, так и с Южного фронтов. Только в апреле—мае 1919 г. политорганами Северного фронта, большевистскими организациями и группой было напечатано в Москве 170 300 экземпляров газет, воззваний, брошюр для Северного фронта на иностранных языках [152].

Часть листовок по решению исполкома группы от 30 ноября 1918 г. была выпущена за ее подписью, а часть от имени Советского правительства. Так, за подписями председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина и народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина были изданы на английском языке следующие листовки: «Скажите, кто вы?», «Зачем вы пришли на Украину?», «Позор быть штрейкбрехером», «А ты член профессионального союза?», «Понимаешь ли ты, что ты делаешь?» [153] и др. За подписью группы коммунистов в России, говорящих по-английски, были выпущены листовки: «На чьей вы стороне: рабочих или капиталистов?», «За что вы сражаетесь?», «Парламент или Совет?», «Брожение среди британских войск в Англии», «Почему вы не возвращаетесь домой?», «Социалистическая Россия, капиталистическая Англия», «Капиталистическая Америка» [154].

В листовке «Скажите, кто вы?» у английских и американских солдат спрашивали, как могло случиться, что их — рабочих — погнали воевать за чуждые им интересы; неужели они намерены выступить как бандиты и наемники международной буржуазии против революции. Листовка заканчивалась призывом отказаться от участия в интервенции, использовать оружие и помочь своему рабочему классу освободиться от угнетателей [155].

В воззвании «Позор быть штрейкбрехером» говорилось: «Знаете ли вы, что такое Советское правительство? Это правительство рабочего класса. Рабочий класс является верховной властью в России. Сражаясь против Советов, вы сражаетесь против рабочего класса, против своего же собственного класса. Наша революция была похожа на забастовку колоссального масштаба. Но мы потребовали не просто повышения заработной платы, мы потребовали весь продукт нашего труда. Мы выиграли потому,

---

[152] Г. Г. Алахвердов. Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на севере России в 1918—1919 гг. — «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 24.

[153] И. М. Краснов. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции. М., 1961, стр. 245—255; Л. М. Зак. Коммунистические листовки и воззвания к солдатам Антанты. — «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 26—40.

[154] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 21, лл. 1—6.

[155] Из приложения к книге И. М. Краснова (Указ. соч., стр. 249—252).

Британские солдаты!

British Soldiers!

Do you know that your kith and kin, the British workers, appointed a great demonstration strike as a protest against England's intervention into Russian affairs?

And what does „intervention into Russian affairs" mean?

It means your being here on the Murman coast, other British troops fighting us in Siberia, yet others in Southern Russia, it means British warships patrolling the Baltic Sea, inorder to prevent our bringing our famished people the naked necessaries of life by the sea-way, it means British rifles, guns and ammunition helping the counter-revolutionary generals and admirals to shoot, hang, burn alive (yes, incredible as it may sound, burn alive) Russian working men, who are your fellows as well as our brothers.

And why should England intervene into Russian affairs? Of what use, can it be to you, in England, if some thousands more of women, children, aged and infirm die of sickness and hunger this summer, of cold and want next winter? Or is the well-being of profligate Russian grand-dukes, of the big land and manufacturing magnates, or of the Czar's generals so very near your hearts, that you should fight and die for them?

The British workers protest against your being here, against your fighting us. You are wanted at home. Why not go home then? Nobody has the right to keep you back, for the will of the British nation is, that Russia is to be left to work out her own salvation as best she may. England has beaten the Germans, England has won the war, there is no shadow of right or sense in your continuing to fight us. And we dont want to fight you. We want to be left alone, we want to work.

British soldiers! Stop fighting us!

Do not help to keep up this infamous blockade that starves our women and children!

Demand to be sent home at once! Dont take no f r an answer! Nobody has any earthly right to keep you away from home any longer!

Go home and let us too return to our homesteads, to our wives and children!

Good luck to you on your way!

The Political Department of the VIIth Army.

Одна из листовок, изданных Англо-американской группой

что рабочие и солдаты России действовали сообща. Скэбов (штрейкбрехеров. — *Ред.*) не было» [156].

«Что вы собираетесь делать? — спрашивала листовка „А ты — член профсоюза?“ — Собираетесь ли вы уничтожить то дело, которое мы начали? Намерены ли вы делать грязную работу для ваших врагов — класса капиталистов? Или вы сохраните верность своему собственному классу — рабочему классу — и под-

[156] Там же, стр. 248.

держите наши усилия, направленные на то, чтобы сделать весь мир достоянием трудящихся? Помните, ведя войну против нас, вы воюете не за свою страну, а за тех капиталистов, против которых в Англии борются ваши товарищи — члены профсоюза. Ведя войну против нас, вы воюете против своих товарищей-рабочих. Каждый удар, который вы наносите нам, — это удар, направленный против вас самих».

В листовке «Почему вас не отсылают домой?» разъяснялось, что война против Советской власти — это война не за демократию, а против демократии. «Если вы убеждены в справедливости дела трудящихся, переходите на нашу сторону. Мы будем рады приветствовать вас в рядах тех, кто сражается за освобождение труда» [157].

Пропагандистская литература оказывала действенное влияние на интервенционистские войска. Первые признаки разложения солдат оккупационных армий стали проявляться уже спустя несколько месяцев после начала интервенции. На Северном фронте, отмечала «Красная газета» 17 сентября 1918 г., заколебались английские и американские солдаты. Они «в смущении расспрашивали у окрестного населения, кто же такие большевики?» [158] Стали появляться первые перебежчики, в некоторых местах происходили братания. Некоторые из перебежчиков заявляли, что готовы сражаться за Советскую республику. В январе 1919 г. в Ригу прибыла группа английских матросов, отказавшихся служить на кораблях, направленных против революции [159]. На Северном фронте около 50 человек англичан, американцев и канадцев пожелали учиться на военных командных курсах, чтобы «впоследствии в качестве красных офицеров принять участие в борьбе с международным империализмом за торжество социалистических идей» [160]. Из бывших военнопленных была образована особая рота, которую отправили в Москву на курсы командного состава [161].

Белогвардейский генерал Марушевский писал, что в Йоркширском пехотном полку состоялся митинг и что местное английское командование «на случай открытого бунта у англичан» готово было использовать против них пулеметы русских белогвардейцев [162].

В марте—апреле 1919 г. на Севере было арестовано свыше 500 американских и французских солдат; многих из них заклю-

---

[157] И. М. Краснов. Указ. соч., стр. 258.
[158] «Красная газета», 17.IX 1918.
[159] «Коммуна», 23.II 1919.
[160] «Наша война», 15.III 1919.
[161] «Наша война», 22.III 1919.
[162] «Карело-Мурманский край», 1929, № 2, стр. 2.

чили в архангельскую тюрьму. По приговорам военных судов 40 человек были расстреляны [163].

Добровольно сдавшиеся в плен в районе Котласа английские солдаты (около 50 человек) заявили, что осуждают интервенцию. Они пожелали опубликовать свои письма, которые появились на страницах газеты «III Интернационал» 4 декабря 1918 г.[164]

Факт перехода на сторону Красной Армии нескольких американских солдат вынужден был признать командующий войсками США на Дальнем Востоке генерал У. Грэвс [165].

Следует отметить, что интерес к Советской России проявляли не только рядовые солдаты и матросы. Часть английского и американского офицерства стремилась понять причины победы социалистической революции, причины войны стран Антанты с Советской Россией. Один из пленных английских офицеров заявил, что офицерство «заинтересовалось большевизмом с научной точки зрения» [166], а попавший в плен летчик американской авиации Ноэль Д. Ньюнен признал: «Уверен, что союзникам подавить большевизм не удастся» [167].

Некоторые из офицеров интервенционистских армий принимали активное участие в кампании за прекращение войны с Советской Россией. Подполковник английской армии Джон Шервуд Келли, добровольно отправившийся на Северный фронт, вскоре убедился, что официальная позиция правительства Англии в корне отличается от его политики на месте, в Советской России. Он писал: «Я пришел к убеждению, что игрушечное правительство, посаженное нами в Архангельске, не пользуется ни доверием, ни поддержкой населения и оно немедленно развалится, как только его не будут поддерживать английские штыки» [168]. Джон Келли считал своим долгом рассказать о политике правительства Англии. Его письмо конгрессу тред-юнионов, опубликованное лейбористской газетой «Дейли геральд» [169], а также «Дейли экспресс», некоторые его заявления на страницах «Манчестер гардиан» способствовали расширению борьбы против интервенционной политики английского правительства.

В. И. Ленин придавал исключительное значение агитационной работе среди военнопленных, полагая, что пленные сами станут агитаторами за прекращение интервенции. 23 ноября 1918 г.

---

[163] Г. Е. Мымрин. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром. Архангельск, 1953, стр. 152.
[164] «III Internationale», 4.XII 1918.
[165] У. Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, стр. 123, 124.
[166] «Наша война», 8.V 1919.
[167] А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Победа Советской власти на Севере. Архангельск, 1957, стр. 104.
[168] «Daily Herald», 8.IX 1919; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6, стр. 930.
[169] «Daily Herald», 9.IX 1919.

Ленин в телеграмме командующему 6-й армии А. А. Самойло писал: «Вполне сочувствую Вашему плану отпускать пленных, но только непременно понемногу и исключительно тех, кто действительно хорошо распропагандирован» [170]. Через несколько дней, 27 ноября, Ленин возвратился к этому вопросу. «Пошлите сюда, в Комиссариат иностранных дел, Рейнштейну, — просит он командующего 6-й армией, — английских пленных. До отпуска их домой всех посылать в Москву» [171].

Судя по одной из записок Г. В. Чичерина от 19 апреля 1919 г., из Вологды в Москву были доставлены 15 английских военнопленных. Б. Рейнштейн и И. Файнберг знакомили их с коммунистической программой, с положением в стране. В записке Чичерина ставился вопрос об обмене военнопленных или просто о возвращении их английскому командованию, «так как они, несомненно, будут разлагать английские войска. Нельзя сказать, чтобы они были сознательными коммунистами, но им стало вполне ясно, что означает интервенция. Они постоянно говорят, что теперь поняли, что их обманывали, что им ясна преступность интервенции, против которой они будут всеми силами бороться, когда будут иметь возможность» [172].

Английские и американские пленные не содержались в тюрьмах или лагерях. О гуманном отношении к ним свидетельствует то, что в Советской республике отмечался День военнопленных. Рабочие некоторых предприятий отчисляли в пользу пленных часть своего заработка.

Военнопленным старались помочь разобраться в сложных политических вопросах современности. Кроме повседневной работы с военнопленными, еженедельно, по воскресным дням в Москве в клубе III Интернационала и других местах проводились лекции, доклады, собрания, к которым привлекались А. М. Коллонтай, Б. Рейнштейн и другие коммунисты, владевшие английским языком. На собраниях военнопленные рассказывали о своей жизни в плену [173].

В протоколах Англо-американской группы приводится решение от 16 декабря 1918 г. о посылке трех военнопленных в Петроград на международный митинг [174], который состоялся 19 декабря под председательством Максима Горького. Выступившие там военнопленные разоблачали империалистическую политику Антанты. Молодой американский рабочий Хальдерс — первый солдат, попавший в плен на Северном фронте, говорил, как при помощи обмана правительства США и стран Антанты гнали войска против русского народа. Он был удивлен тем приемом,

---

[170] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 52.
[171] Там же.
[172] ЦПА ИМЛ, из необработанных фондов.
[173] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 20, л. 16.
[174] Там же, л. 15 об.

какой оказали пленным в России. «С великим удовольствием, — заявил Хальдерс, — я присутствовал в Вологде на годовщине Октябрьской революции... Мне не остается ничего больше, как только пожелать дальнейшего успеха Российской Советской Социалистической Республике. За вами и по вашему примеру красный флаг скоро будет развеваться повсюду, по всему миру, на благо трудящегося народа. Во всяком случае, когда вернусь в Америку, то, со своей стороны, сделаю все возможное, чтобы помочь водрузить это знамя и над Америкой и завоевать для американских рабочих возможность наслаждаться истинной свободой и плодами своих рук» [175].

Английский солдат Ленивуди (родом из Шотландии) говорил об исключительном мужестве петроградских рабочих, которые сражались как настоящие обученные войска. «Рассказы, что немецкие офицеры руководят Красной Армией и что наших пленных расстреливают, оказались баснями... В одной деревне русский красноармеец разговорился со мной. Русские не хотят воевать с нами, но должны защищаться от нападения. Я ответил ему, что мы, английские солдаты, не хотим сражаться против русских и только теперь начинаем понимать правду» [176].

Последним из этой группы выступил еще один английский солдат (фамилия его в документах не указана), заявивший: «Мы уже достаточно пригляделись к русской жизни, чтобы уяснить себе, что русский народ занят переустройством своей хозяйственной и социальной жизни для того, чтобы обеспечить за рабочими плоды их труда. Союзные правительства боятся, что если они допустят, чтобы такое положение вещей развивалось, то и другие страны последуют за Россией. Поэтому-то союзники и решили раздавить Россию раньше, чем в ней укрепится новый порядок. Другими словами, они хотят задушить социализм руками собственных рабочих» [177].

Говоря о заботе Советского правительства о военнопленных, Б. Рейнштейн в своих воспоминаниях «На пути к I конгрессу Коминтерна» писал: «Они вернулись домой развитыми, отдохнувшими и окрепшими. Большевики платили солдатам Антанты добром за зло» [178].

Военнопленные долго не задерживались в Советской России. Как правило, они отпускались на родину или обменивались на советских пленных. Так, например, в боях на Северном фронте был захвачен в плен капитан английской армии Вильсон. Его направили в Москву, а затем отпустили под честное слово на три дня в Архангельск для переговоров об обмене военнопленными.

---

[175] «Советская Россия и народы мира», 1919, стр. 16—17.
[176] Там же, стр. 23.
[177] Там же, стр. 24—25.
[178] «Ленин и международное рабочее движение», т. I. М., 1934, стр. 37.

Член реввоенсовета 6-й армии Н. Н. Кузьмин в своих воспоминаниях писал, что, возвратившись к своим, капитан Вильсон был «живым опровержением всех россказней про нас»[179]. Далее Н. Н. Кузьмин отмечал: «А так как одновременно с этим на разных участках без всякого требования обмена нами посылались по 2—3 рядовых бойца из пленных англичан или американцев, начиненных прокламациями и воззваниями, то можно было рассчитывать, что среди всего состава английских войск, кроме, может быть, генерала Айронсайда, появится решительное нежелание вести войну»[180].

Под влиянием успехов Красной Армии и пропаганды Англо-американской группы РКП(б) некоторые военнопленные стали принимать участие в работе по разложению интервенционистских войск. Так, английский военнопленный Лэнхем обратился с воззванием к своим соотечественникам в экспедиционных войсках с призывом переходить на сторону Красной Армии.

Среди тех мужественных людей, которые вели пропагандистскую работу в тылу врага на Северном фронте, был американец Майкл Смит, моряк, уроженец города Лос-Анжелос. Смит был членом организации «Индустриальные рабочие мира». В Россию он попал во время мировой войны. Участник гражданской войны на севере П. И. Нартин, лично знавший Смита и оставивший о нем воспоминания, пишет, что Смит завоевал симпатии местных жителей, быстро овладел северным русским говором[181]. Под влиянием Октябрьской революции Смит пришел к большевизму. Он знал, что делать, когда на Советском Севере появились интервенты. «Майкл Смит глубоко осознал свою ответственность перед судьбами русской революции и долг интернациональной пролетарской солидарности, направился на Северную Двину лесами и принял деятельное участие по разложению экспедиционных войск. Он под видом бежавшего из русского плена матроса входил в гущу английских солдат, распространяя листовки на английском языке с агитационным содержанием», — пишет о нем П. И. Нартин[182].

Нередко Смит (он стал называть себя Михаилом Большаковым) отправлялся с солдатами, отпущенными из плена, в лагерь противника. Все они несли с собой листовки и газеты.

Однажды интервенты арестовали Смита. Английские офицеры хотели его расстрелять, но солдаты помешали расправе. Вторично он был арестован белогвардейцами в январе 1920 г. перед самым освобождением Советского Севера. Майкл Смит

---

[179] «Этапы большого пути». М., 1962, стр. 316.
[180] Там же.
[181] ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 154, лл. 16—19.
[182] Там же, л. 17.

был зверски убит. Его похоронили в братской могиле в поселке Пинега Архангельской области [183].

Таким же мужественным человеком был американец Джеймс Хиггинс, жизнь которого подробно описана Эптоном Синклером в романе «Джимми Хиггинс». Джеймс Хиггинс участвовал в мировой империалистической войне. После окончания военных действий на Западе он вместе с американскими войсками попал на Советский Север. Здесь он скоро усомнился в том, что американские солдаты должны были, как им внушалось, спасать ценное имущество от немцев. Связавшись с местными большевиками-подпольщиками, Хиггинс начал вести антивоенную пропаганду. Арестованный за революционную деятельность, он был приговорен к 20 годам тюрьмы.

Обращение таких людей, как Хиггинс и десятков его товарищей, из врагов в друзей Советской республики — один из важных результатов деятельности Англо-американской группы РКП(б). Как и другие подобные ей группы, Англо-американская группа явила собой один из примеров пролетарской интернационалистской деятельности.

Данных, позволяющих точно установить время ликвидации Англо-американской группы, пока не имеется, но не вызывает сомнений, что она существовала вплоть до начала 1920 г.[184]

3. Деятельность Итальянской группы РКП(б)

Среди военнопленных лица итальянского происхождения составляли сравнительно малочисленную группу — в 6-ти тыловых военных округах, где содержалось $^3/_4$ всего числа военнопленных, их насчитывалось всего 10 тыс. человек [185]. В основном это были уроженцы находившихся под господством Габсбургов Адидже, Триеста, Истрии и других районов с итальянским или славяно-итальянским населением. Разбросанные по различным лагерям военнопленных, они во многих случаях входили в состав организаций интернационалистов, не образуя в них национальных секций или групп. Так, 25-летний социалист из Триеста Марио Авон был с октября 1918 г. членом международной (интернациональной) группы при Пензенском губкоме РКП(б) [186]. Другой триестинец — Джиованни Седмак — состоял на родине в социалистической партии, а в 1918 г. вступил в тамбовскую группу иностранных коммунистов [187]. В эту же группу вступил Фран-

---

[183] Там же, л. 19.

[184] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 21, лл. 1—2; д. 5, л. 92; ф. 17, оп. 7, д. 81, л. 88.

[185] АВП СССР, ф. 496, оп. 1, д. 53, п. 5, л. 229.

[186] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 23, лл. 119—120.

[187] Там же, л. 124.

ческо Ческутти, проявивший себя превосходным агитатором[188], и другие итальянские интернационалисты. Всего в тамбовской группе с лета 1918 по февраль 1919 г. насчитывалось 55 итальянцев[189].

Еще весной 1918 г. сложилась итальянская секция в составе Омского объединения военнопленных-интернационалистов[190].

С августа 1918 г. в Югославянской группе РКП(б) состояла 18-летняя триестинка Милена Година, приехавшая в Россию в 1916 г. вместе с отцом Карлом Годином и матерью Амалией Годиной.

М. Година, окончив шестимесячные лекторские курсы Всероссийского бюро военных комиссаров, работала в агитационно-просветительном отделе этого бюро, затем с марта 1919 г. являлась сотрудницей по поручениям в общем отделе Политического управления Революционного военного совета Республики (ПУР). Одновременно она являлась членом комитета Югославянской группы РКП(б) и уполномоченной ЦФИГ по редактированию югославянской газеты вместо В. Марковича. В октябре 1919 г. по просьбе руководства Итальянской группы РКП(б) М. Година была направлена ПУРом в Итальянскую группу, где она выполняла функции секретаря группы, а затем Центрального итальянского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) и являлась представителем от Итальянской группы в ЦФИГ при ЦК РКП(б)[191].

Амалия Година в сентябре 1918 г. также вступила в РКП(б), некоторое время работала в Югославянской группе РКП(б), затем в Исполкоме Коминтерна, а с 1920 г. она была членом Центрального итальянского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б)[192].

Уже к лету 1918 г. среди итальянских военнопленных выделились столь стойкие и убежденные революционеры, что, например, председатель Уфимского Совета посчитал возможным направить нескольких из них со своим письмом к В. И. Ленину. Дважды встретившись с ними, В. И. Ленин согласился с предложением, видимо, выдвинутым этими военнопленными, о предоставлении им возможности вернуться на родину для проведения там революционной пропаганды. В пользу такого предположения говорит письмо В. И. Ленина от 3 августа 1918 г. к главе советской дипломатической миссии в Швейцарии Я. А. Берзину. «Податели — итальянские военнопленные, представившие нам рекомендацию председателя Уфимского Совета. Я их видел два

---

[188] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 48, л. 9; д. 57, л. 12; д. 58, л. 145.

[189] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС (далее — ПАТам.О), ф. 840, оп. 1, д. 50, л. 23.

[190] «Delnicky dennik», 22.IX 1918.

[191] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 6, д. 204, л. 15; оп. 1, д. 23, л. 49.

[192] Там же, оп. 1, д. 23, лл. 34, 55, 60, 62.

раза, — пишет Ленин, — и очень доволен впечатлением от беседы с ними. Надо соблюсти максимум осторожности и помочь им всячески для организации работы и изданий среди итальянцев на итальянском языке» [193].

М. Година

Ощущая острую потребность в итальянском революционере большого опыта и масштаба, руководители коммунистической партии решили пригласить на работу в Москву Франческо Мизиано. Видный деятель итальянского рабочего движения, член Итальянской социалистической партии с 1907 г. Ф. Мизиано был одним из руководителей профсоюза железнодорожников, а в 1914 г. стал редактором туринской социал-демократической газеты. Арестованный в 1915 г. за антивоенную пропаганду, он в 1916 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в Швейцарию, где начал издавать журнал «Л'Авенире дель Лаворатори» («Будущее рабочих»). Ф. Мизиано стоял на интернационалистических позициях. Его лично знал В. И. Ленин по встречам во время своей последней швейцарской эмиграции. В Москве было хорошо известно, что Мизиано восторженно приветствовал Октябрьскую революцию. Он охотно принял предложение о переезде в Советскую республику.

Осенью 1918 г. Я. А. Берзин предложил Ф. Мизиано для того, чтобы облегчить преодоление ряда препятствий, подать заявление с просьбой о принятии его в советское гражданство. После получения соответствующего заявления Президиум ВЦИК принял Ф. Мизиано в гражданство РСФСР [194]. Вслед за тем Мизиано выехал из Швейцарии в Москву через Германию. Попав в Берлин в ноябре 1918 г., Ф. Мизиано принял участие в революционных событиях, последовавших за низложением кайзера, активно действуя в рядах спартаковцев-коммунистов. В январе 1919 г. он сражался на баррикадах Берлина. Январское поражение германского пролетариата, убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург сопровождались разгулом террора. Приговоренный германским военным судом за революционную деятельность

---

[193] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 135.
[194] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3593, д. 26, л. 246.

к 10 годам тюремного заключения, Ф. Мизиано так и не смог тогда приехать в Советскую Россию [195].

По собственной инициативе в конце 1918 г. в Советскую республику прибыл капитан Генерального штаба итальянской армии Артуро Цирони. Участник многих сражений на Западном фронте, в том числе и битвы за Верден, Цирони был награжден орденом Почетного легиона. 12 декабря 1918 г. часть Цирони получила приказ отправиться на восток Европы для борьбы против Советской власти. Тогда Цирони заявил своим подчиненным: «Друзья! Этого я не сделаю. Это грязь, это репрессия. Я буду защищать революцию России, а вы, все солдаты, можете ехать домой, в Италию, и сказать, что капитан Артуро Цирони не негодяй, он интернационалист. Он защищает свободу, равенство и братство, и нам вместе нужно воскликнуть: Да здравствует интернационализм..! Долой буржуазию! Да здравствует Великая Россия!» [196] Цирони покинул армию и, избежав ряд грозивших ему опасностей, сумел в районе Вильно перейти линию фронта [197].

Вступив в Красную Армию, А. Цирони писал: «Я хочу посвятить свою жизнь защите интернационализма, защите России, чтобы доказать, что война, ведущаяся теперь Россией, есть война за светлое будущее народов...» [198] В подвиге Цирони воплотились стремления многих передовых людей различных стран Европы и в первую очередь — славные гарибальдийские, интернационалистские традиции итальянского народа. Он мужественно сражался в рядах Красной Армии на различных фронтах гражданской войны [199].

Тем временем интернационалистское движение среди итальянцев в Советской республике постепенно принимало все более отчетливые организационные формы. 21 июня 1919 г. в помеще-

---

[195] Широкая кампания итальянского пролетариата против заточения Ф. Мизиано в германскую тюрьму, избрание его в ноябре 1919 г. депутатом итальянского парламента принесли ему в начале 1920 г. свободу. Вернувшись на родину, он участвовал в организации Итальянской коммунистической партии. На ее I съезде в 1921 г. он был избран членом Центрального Комитета партии. Еще в 1920 г. Мизиано возглавлял делегацию итальянских рабочих, доставивших транспорт зерна пролетариям Царицына, а в 1921 г. он был одним из организаторов итальянского комитета по оказанию помощи голодающим Поволжья. Лишенный в результате яростной враждебной кампании фашистов депутатской неприкосновенности, Ф. Мизиано, приговоренный к тюремному заключению, эмигрировал. С 1922 г. он был одним из руководителей ЦК Международной рабочей помощи — международной рабочей организации, созданной для оказания политической и материальной помощи Советской России («Труд», 26.VI 1934).

[196] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 222.

[197] ЦГАСА, ф. 1458, оп. 2, д. 521, л. 13.

[198] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 222.

[199] ЦГАСА, ф. 4578, оп. 1, д. 1, лл. 42, 104.

нии федерации иностранных групп в Киеве было проведено собрание итальянцев, проживавших в городе. Присутствовало 23 человека, из них 7 были уже членами коммунистической партии. Аттилио Френнер, ранее состоявший в тамбовской организации иностранных коммунистов, сделал доклад, в котором говорил о неизбежности победы мировой революции и необходимости союза с рабочими и крестьянами всего мира. На собрании обсуждался также вопрос о создании Итальянской коммунистической группы и выборе ее исполкома. Все участники собрания, кроме четырех воздержавшихся, высказались за образование Итальянской коммунистической группы.

Ф. Мизиано

В ее исполком были избраны: председатель — А. Френнер, секретарь — член РКП(б) с декабря 1918 г. Джокино Бартоли [200], член исполкома — Джиованни Вашвари, член РКП(б) с февраля 1919 г.[201] В группу вошли 36-летний механик, член социалистической партии с 1901 г. триестинец Луиджи Кастеллиц [202], член социалистической партии триестинец Эмилио Гольдини, с января 1919 г. состоявший в Немецкой группе РКП(б) [203], и др. На заседании исполкома 1 июля 1919 г. в члены РКП(б) был принят Джиованни Седмак, сражавшийся 19 месяцев на фронтах гражданской войны [204]. Число членов группы постепенно возрастало и достигло 45 человек [205].

На последующих собраниях группы утверждались планы работы, обсуждались текущие вопросы, заслушивались доклады, лекции, проходил прием в партию. Интересна переписка группы с ЦФИГ, отделом международной солидарности НКИД Украины, с бюро III Интернационала по вопросам созыва интернационального митинга 6 июля 1919 г. и т. д.

На заседании исполкома группы 17 июля 1919 г. была заслушана информация А. Френнера о международном положении и революционном движении в Италии. Тогда же вместо

---

[200] ЦПА ИМЛ, ф. 548, оп. 1, д. 23, лл. 109, 118.
[201] Там же, лл. 109, 122.
[202] Там же, л. 127.
[203] Там же, л. 128, 160.
[204] Там же, л. 111.
[205] Там же, л. 2.

ушедшего на фронт Д. Бартоли избрали нового секретаря группы — М. Авона [206].

С сентября 1919 г. начинается московский период деятельности группы, связанный с возвращением ЦФИГ в Москву.

29 сентября 1919 г. в Москве было созвано общее собрание итальянцев, на котором присутствовало 12 человек, из них 5 коммунистов. После общего собрания состоялось партийное организационное собрание, где был избран новый исполком группы из трех человек. Председателем группы остался Френнер, секретарями стали Милена Година и Джиованни Седмак. 1 ноября 1919 г. в исполком была избрана А. Балабанова, в члены группы приняты Н. Полумбо и Моске [207]. Состав представителей от группы в ЦФИГ не был постоянным в связи с частыми выездами ее членов в командировки, на фронты.

В октябре 1919 г. представителем от группы в ЦФИГ являлась Милена Година, в ноябре группу в ЦФИГ представлял Д. Седмак, в декабре 1919 г. — Д. Перлотти [208]. 27-летний слесарь-механик Джиованни Перлотти одно время жил в Германии, где состоял в социал-демократической партии; 1 октября 1918 г. он вступил в Немецкую группу РКП(б), а затем перешел в Итальянскую группу [209].

Образование Итальянской группы РКП(б) было утверждено решением Оргбюро ЦК РКП(б) 15 октября 1919 г. и по представлению Е. Д. Стасовой группа была введена в состав Федерации иностранных групп РКП(б) [210]. ЦК РКП(б) внимательно следил за работой группы. Об этом, в частности, говорит письмо секретаря ЦК Е. Д. Стасовой, которая 9 декабря 1919 г. просила группу «впредь писать протоколы так, чтобы был ясен заслушанный на заседании доклад, а не только его заглавие» [211].

В плане работ Итальянской группы РКП(б), который был утвержден на первом организационном заседании итальянских коммунистов в Москве 29 сентября 1919 г., указывалось, что «деятельность итальянской коммунистической группы в Москве заключается в объединении итальянского пролетариата вокруг группы с целью:

1. Классового и политического воспитания.

2. Привлечения итальянского пролетариата в ряды Красной Армии.

3. Информирования итальянского пролетариата о всеобщем революционном движении в России» [212].

---

[206] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 23, л. 112.
[207] Там же, л. 10.
[208] Там же, л. 64, 66, 75.
[209] Там же, л. 104.
[210] Там же, л. 1.
[211] Там же, л. 184.
[212] Там же, л. 9.

Эти задачи свидетельствовали о том, что итальянские коммунисты, как и все находившиеся в Советской России коммунисты из зарубежных стран, не мыслили своей деятельности в отрыве как от русской революции, так и от революционного движения в своих странах.

Группа проводила партийные недели, митинги. Туда, где проживали итальянцы, посылались агитаторы или члены группы. Часто работа группы в Москве в связи с выездами руководящих деятелей на места сужалась. 2 января 1920 г. Итальянская группа отправила в ЦФИГ такое письмо: «Ввиду того, что все члены группы частично уехали, а другая часть будет отправлена в Туркестан, временно работа группы здесь приостанавливается. Для информации оставляется представитель группы А. Година»[213].

Группа проводила доклады и лекции по таким вопросам, как отношение итальянцев к защите Советской России, политическое и экономическое положение в Италии, значение Красной Армии в деле освобождения пролетариата, задачи итальянских рабочих, почему рабочим нужно вступать в коммунистическую партию и др.

Члены группы приложили много труда, чтобы провести регистрацию итальянских граждан, находившихся на территории Советской России, и итальянцев — членов РКП(б). Через газеты «Правда» и «Известия» группа оповещала о сроках регистрации. «Итальянская группа РКП(б) уведомляет всех итальянских подданных, что с 10 февраля по 10 марта 1920 г. начнется обязательная регистрация всех итальянских подданных, проживающих в г. Москве и окрестностях», — гласило одно из извещений группы, опубликованное в «Правде»[214]. В марте 1920 г. было дано вторичное объявление о продлении регистрации до 1 мая 1920 г.[215]

Центральное бюро группы рассылало циркулярные письма губкомам с просьбой зарегистрировать всех итальянских граждан и военнопленных и списки по прилагавшейся форме прислать в бюро. В регистрационной карточке были такие вопросы: 1) фамилия, имя и отчество; 2) эмигрант или военнопленный; 3) профессия; 4) год рождения; 5) где работает; 6) место жительства; 7) семейное положение; 8) состоит ли в партии и номер партийного билета или кандидатской карточки; 9) где вступил в партию и когда[216].

Группа издавала листовки, воззвания, обращения к итальянским солдатам. Сохранилась листовка группы от сентября 1919 г. Волнующе звучит обращение итальянских коммунистов к своим

---

[213] Там же, л. 65.
[214] «Правда», 5.II 1920.
[215] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 23, л. 56.
[216] Там же, д. 23, лл. 43, 102, 104, 115, 118, 121, 165—169, 171, 174.

соотечественникам, разоблачающее происки империалистических правительств против Советской России, призывающее не поднимать оружие против своих братьев по классу. «...Братья!.. Кто те, кого вас теперь хотят заставить уничтожить? Это русские братья, кровь от крови вашей, плоть от плоти вашей, ибо они дети той же самой нужды, жертвы той же самой эксплуатации... В героической борьбе, ценой несказанных жертв этот народ освободился от многовекового царского и капиталистического гнета помещиков... Русский народ завоевал своей кровью эту грандиозную победу, означающую победу справедливости, избавление угнетенных, освобождение рабов, отмену неравенства, нищеты, войны во всем мире.

...Ваш долг — примкнуть к сынам труда, к солдатам революционной армии.

Пусть при возвращении на родину звучит ваш клич: Долой бойню народов и ее поджигателей.

Да здравствует Интернационал труда!

Да здравствует социальная революция!»[217]

Группа практиковала перепечатку листовок и статей, помещенных в итальянской печати и обращенных к итальянским солдатам. Так, например, в одной из миланских газет 1 мая 1919 г. была опубликована статья Эджинио Дженари «К итальянским солдатам». «Зачем вы прибыли в Россию? Почему не возвращаетесь на родину, чтобы свести счеты с вашими эксплуататорами, с теми, кто толкает вас в пропасть кровавой войны, которые одевают в траур ваших жен и детей... Вы посланы в Россию, чтобы погасить пламя социализма, а значит равенство и мир. Читайте, что представляют собой Советы, которые ваши враги заставляют вас потопить в крови», — говорилось в статье.

Кроме листовок к итальянским солдатам, группа издала в переводе на итальянский язык программу большевистской партии, Конституцию РСФСР и др.

Итальянская группа публиковала воззвания и обращения к итальянским солдатам в газете «Коммуна» — органе федерации иностранных групп в Петрограде.

Один из членов группы был направлен на курсы красных офицеров в Петроград, другой член группы — в университет им. Я. М. Свердлова[218].

Группа поддерживала связи с близкими ей партийными кругами, действовавшими в Италии[219].

---

[217] Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 1163, оп. 2, д. 4. Опубликовано в журнале «Коммунист» (Вильнюс, 1966, № 2, стр. 44).

[218] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 23, л. 2 об.

[219] Там же.

Так же, как венгерские, немецкие и другие интернационалисты, итальянские коммунисты-интернационалисты принимали активное участие в гражданской войне. Число интернациональных подразделений из итальянцев было небольшим. Это были в основном маленькие отряды, взводы, иногда роты. Находились итальянцы и в рядах 1-го интернационального легиона, созданного в марте 1918 г.

Д. Штикс

В августе 1918 г. самоотверженно защищала Царицын итальянская рота, которая входила во 2-й Интернациональный полк дивизии В. И. Киквидзе. Командир полка писал: 3-я рота — итальянцы; ротный командир — итальянец» [220]. Итальянцем был командир 3-го батальона этого же полка Пино Каппун. По профессии художник-декоратор П. Каппун, уроженец Триеста, с 1908 г. состоял в социалистической партии, подвергался репрессиям со стороны австрийских властей за революционную деятельность. В 1920 г. П. Каппун вступил в РКП(б) и в ее Итальянскую группу.

В письме Г. Мельхеру — командиру 1-го иностранного коммунистического батальона — отмечалось, что создание интернационального отряда имеет не только политическое, но и большое моральное значение. Автор письма не без гордости писал: «1-я рота итальянцев — это же редкость» [221]. Имеются сведения о службе итальянских интернационалистов в частях Красной Армии, действовавших в Туркестане. В управлении инженерных войск Туркестанского фронта при Перовской караульной команде работало 29 итальянцев из бывших военнопленных австрийской армии [222].

Артуро Цирони, о котором речь шла выше, в 1920 г. командовал 1-м Туркестанским интернациональным полком 13-й армии Юго-Западного фронта. За успешные боевые действия полк был удостоен высшей награды — ордена Красного Знамени.

Выдающимся командиром Красной Армии проявил себя Джованни Штикс. В сентябре 1915 г. он добровольно сдался в плен,

---

[220] ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 81, л. 32.
[221] Там же, л. 9.
[222] И. С. Сологуб. Иностранные коммунисты в Туркестане (1918—1921 гг.). Ташкент, 1961, стр. 147.

затем работал в Чулковских рудниках Донбасса. В апреле 1918 г. он вступил в 3-й Московский стрелковый полк. Вскоре Штикс уже командовал ротой в 1-й Симбирской железной дивизии, участвовал в боях за освобождение Сызрани, Симбирска, Оренбурга и др. С 1918 г. Штикс являлся членом РКП(б). Известны имена других мужественных интернационалистов — Роберто Мутоне, Гавриилe Карпелини, Петрио Кура, Вальтере Каталло и ряда их соотечественников, отдавших жизнь за свободу и счастье народов вдали от родины [223].

Тепло отзывался герой гражданской войны В. К. Путна о своем ординарце Михаэле Годони, который был всегда первым в бою и действовал с удивительным мужеством и хладнокровием.

Итальянский рабочий М. Годони в 1916 г. был призван в армию и вскоре попал в австрийский плен. После Октябрьской революции он нелегально пробрался в Россию и вступил в ряды Красной Армии. Летом 1918 г. участвовал в подавлении ярославского мятежа. В сентябре 1919 г. в схватке с белыми Годони получил тяжелое ранение, но спустя две недели самовольно явился на фронт для того, чтобы, как пишет В. Путна, «доумереть» [224].

Славный боевой путь в Красной Армии прошел бывший военнопленный Р. Батагелли. В конце гражданской войны он был членом военного трибунала 2-го кавалерийского корпуса на Туркестанском фронте [225].

24 марта 1920 г. решением Оргбюро ЦК РКП(б) Итальянская группа была реорганизована в Центральное итальянское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). На заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 15 октября 1920 г. было принято решение о ликвидации Центрального итальянского бюро и об откомандировании его работников в распоряжение Исполкома Коминтерна. Центральное итальянское бюро в течение некоторого времени продолжало еще свою деятельность.

Создание и деятельность Итальянской группы РКП(б), борьба итальянских интернационалистов за власть Советов в России вошли яркой страницей в летопись истории пролетарского интернационализма.

---

[223] А. С. Кузнецов. Плечом к плечу с русскими братьями. — «История СССР», 1962, № 5.

[224] В. К. Путна. Восточный фронт. Штрихи. М., 1927, стр. 69—70.

[225] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 121, л. 1—2.

ГЛАВА 15

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ И СОЕДИНЕНИЯ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Органы формирования интернациональных частей Красной Армии

Начатое весной и летом 1918 г. планомерное строительство Вооруженных Сил Республики Советов предопределило новый этап и в истории участия трудящихся зарубежных стран в вооруженной защите дела революции. Этот этап характерен созданием интернациональных регулярных армейских частей, которые входили в состав воинских формирований РККА и подчинялись всем установленным в Красной Армии правилам, инструкциям, наставлениям и приказам.

В условиях объединения сил внутренней и внешней контрреволюции возникла необходимость создания единого централизованного органа, который мог бы проводить формирование интернациональных частей во всероссийском масштабе.

В соответствии с приказом Народного комиссариата по военным и морским делам, принятым на основе постановления Совета Народных Комиссаров, в Красную Армию могли вступать только добровольцы из числа иностранцев, которые приняли гражданство РСФСР [1].

Интернационалисты выступали с опровержением лживых утверждений буржуазной пропаганды. Австрийский рабочий Бергер, боец 1-й Конной армии, писал в газету «Красный кавалерист», что вместе с ним около 4 тыс. бывших военнопленных из одного лагеря добровольно, никем не принуждаемые, вступили в ряды Красной Армии, считая своим пролетарским долгом защищать Советскую власть от международного империализма [2].

[1] «Известия ВЦИК», 21.IV 1918.
[2] См. «Красный кавалерист», 18.IX 1920.

Ни буржуазная пропаганда, ни трудности военного времени, переживаемые Советской республикой, не могли поколебать твердого решения тысяч иностранных трудящихся выступить с оружием в руках на защиту завоеваний социалистической революции.

Для интернационалистов — военнопленных, отходников, беженцев, эмигрантов — вступление в ряды Красной Армии было актом большого политического значения. Почетное звание защитника Великого Октября могли носить только достойнейшие. Зачастую добровольцы должны были представлять командованию Красной Армии рекомендации революционных организаций военнопленных[3]. Записываясь в интернациональные отряды Красной Армии, бойцы принимали торжественную присягу. В тексте одной из распространенных в то время формул присяги говорилось: «1) Обязуюсь воевать и защищать до последней капли крови власть пролетариата; 2) врагов не щадить; 3) погибнуть в бою за великое дело рабочего класса считаю высшей наградой; 4) за побег с поля боя заслуживаю расстрел; 5) за пьянство и воровство также заслуживаю быть расстрелянным»[4].

Иностранные группы РКП(б), группы польских, финских и других коммунистов оказали существенную помощь местным партийным и советским органам в налаживании работы окружных, губернских, уездных и волостных военных комиссариатов. Они посылали в комиссариаты стойких коммунистов, а также создавали специальные органы (коллегии, комитеты и т. д.), которые занимались формированием интернациональных частей Красной Армии. К их числу относились, в частности, образованная на Всероссийском съезде военнопленных-интернационалистов в апреле 1918 г. Центральная коллегия по формированию интернациональной революционной армии, Штаб межнациональных революционных войск, называвшийся одно время (в июне 1918 г.) Штабом интернациональной Красной Армии, Штаб иностранных отрядов при русской Красной Армии во главе с С. Частеком в Пензе и другие организации, возникшие в различных городах, действовавшие на первых порах по собственной инициативе и часто дублировавшие друг друга[5]. Постепенно деятельность различных комиссий и комитетов интернационалистов, занимавшихся по собственной инициативе и без единой системы формированием различных отрядов, упорядочивалась, увязывалась с действиями полномочных советских органов.

---

[3] «Пролетарская революция», 1929, № 7 (90), стр. 109.

[4] «Этих дней не смолкнет слава. Сборник воспоминаний участников гражданской войны». М., 1958, стр. 78.

[5] См. ЦГАОР СССР, ф. 8415, оп. 1, д. 83, л. 69.

В связи с повсеместным формированием интернациональных отрядов по инициативе ЦФИГ в июне 1918 г. Народным комиссариатом по военным и морским делам, как указывалось выше, была образована Комиссия по формированию интернациональных групп Рабоче-Крестьянской Красной Армии при ВЦИК. Она должна была вести работу в пределах РСФСР в самом тесном политическом контакте с ЦФИГ. В состав комиссии входили представители национальных групп РКП(б) [6] — Браухвельд (председатель), Бернштейн, Мельников (секретарь) и др.

Комиссией, приступившей к работе в июле 1918 г., была разработана «Инструкция о приеме и работе в частях интернациональной Красной Армии». Условиями приема бывших военнопленных были: «1) принятие советского гражданства, 2) рекомендация комитета иностранных интернационалистов, 3) устный экзамен для выяснения политического лица вступающего, 4) подписание торжественного обещания о преданности делу Советской власти» [7].

Члены Комиссии регулярно выезжали в места концентрации военнопленных, главным образом в прифронтовые районы. Они создавали (по согласованию с губернскими военными комиссариатами) местные секции Комиссии по формированию интернациональных отрядов, проводили вместе с ними большую работу по политическому просвещению военнопленных и вовлечению их в ряды Красной Армии. В июле—ноябре 1918 г. представители Комиссии проводили работу в Нижнем Новгороде, Пензе, Арзамасе, Рязани, Туле, Орле, Курске, Ярославле, Казани, Симбирске. В частности, в Нижнем Новгороде была создана секция, в которую вошли С. Голлер, Л. Шинский, И. Коплениг, Р. Гегер и др. Находившийся в городе интернациональный отряд был включен в формировавшийся Советский полк. О результатах своей работы комиссия докладывала председателю ВЦИК Я. М. Свердлову [8].

Наряду с Комиссией по формированию интернациональных групп Рабоче-Крестьянской Красной Армии созданием интернациональных воинских формирований занимались и некоторые другие органы, в частности военные секции Чехословацкого и Югославянского отделов и Польского комиссариата Наркомнаца [9]. Например, при Чехословацком отделе в июле 1918 г. был создан Штаб по формированию чехословацких рот Красной Армии, действовавший до конца 1918 г.

В связи с образованием специальных военных органов, занимавшихся формированием интернациональных частей Красной

---

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 425, л. 105; д. 474, л. 8; оп. 9, д. 6, л. 135.
[7] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 134, л. 61.
[8] Там же, лл. 62—65, 70.
[9] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 278, л. 10; ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 38, л. 8.

Армии, со всей остротой встал вопрос о принципах строительства и комплектования вооруженных отрядов из добровольцев-иностранцев. Некоторые руководящие работники иностранных групп РКП(б) и отделов Народного комиссариата по делам национальностей не оставляли мысли о возможности и необходимости создания крупных однонациональных воинских соединений. Военная секция Чехословацкого отдела Наркомнаца, в частности, в течение длительного времени настаивала на создании особой Чехословацкой Красной Армии и полностью игнорировала интернациональные формирования Советских Вооруженных Сил [10].

Между тем, как отмечалось, в существовавших условиях создание крупных национальных формирований вне национальных территорий (в том числе из бывших военнопленных и беженцев), как правило, не отвечало ни политической, ни военной необходимости. Надежность и прочность для дела пролетарской революции каждого национального формирования могла быть обеспечена только сильной и влиятельной национальной коммунистической революционной организацией, способной поставить национальное армейское соединение на службу интересам трудового народа, оградить его от буржуазно-националистического влияния. Но национальные коммунистические организации иностранных рабочих и крестьян в революционной России только начинали свою работу, еще не имели серьезного опыта политической и военной деятельности, еще не успели завоевать необходимый авторитет. Весьма значительными были в условиях царившей транспортной разрухи и технические трудности сосредоточения разбросанных по всей стране больших масс бойцов одной национальности в одном месте. Перемещения из одной части в другую отдельных бойцов и командиров и целых подразделений определенной национальности не отвечали военным потребностям страны, в которой шли непрекращающиеся боевые действия.

7 мая 1918 г. коллегия Наркомнаца высказалась за образование «национальных отрядов Советской Армии лишь на территории данной национальности (например, Украина, Башкирия, Армения и т. д.)». Что же касается национальных формирований, образованных из беженцев, эмигрантов и т. д., то создание их коллегия считала возможным лишь в порядке исключения, при безусловной гарантии заинтересованного национального комиссариата (и соответствующей национальной коммунистической организации) «относительно политической надежности, что данные отряды не попадут в руки националистов и буржуазии» [11].

---

[10] А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, стр. 240.
[11] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 106, л. 20.

Военные органы Советской Республики выступали за формирование интернациональных частей Красной Армии. ЦФИГ в свою очередь высказывалась против формирования национальных частей [12]. Наиболее целесообразным было признано формирование интернациональных воинских единиц силой до батальона с тем, чтобы в дальнейшем перейти к созданию более крупных частей и соединений [13]. В отношении внутренней структуры интернациональных формирований оказалось наиболее правильным создание подразделений (рот, взводов и т. д.) из бойцов одной национальности или говорящих на общем языке. Это способствовало более успешному военному обучению и политическому воспитанию, а также отвечало задачам оперативного руководства этими формированиями в бою. В правильности таких принципов формирования интернациональных частей Красной Армии вскоре убедились сторонники создания однонациональных соединений.

С. Частек

К октябрю 1918 г. в рядах Красной Армии насчитывалось, по некоторым данным, около 50 тыс. добровольцев из числа бывших военнопленных [14]. С учетом красноармейцев — поляков, финнов, а также китайцев, корейцев, персов и других народов зарубежного Востока — численность интернационалистов в Красной Армии была много выше названной. В связи с расширяющимися масштабами военной деятельности ЦФИГ в октябре 1918 г. в ее составе была создана Военная секция (или Военный отдел), которая занималась выявлением местопребывания и численности ранее созданных интернациональных отрядов, а также организацией интернациональных частей и подразделений Красной Армии.

В течение марта—апреля 1919 г. Комиссия Наркомвоенмора по формированию интернациональных групп РККА была преобразована в Управление по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР. Начальником (военкомом) этого управ-

---

[12] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 14; см. 5-ю главу.

[13] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957, стр. 131—132, 150, 164—165.

[14] «Известия Центральной Коллегии о пленных и беженцах», № 20, 1918, стр. 8.

ления приказом Реввоенсовета Республики был назначен Славояр Частек, а его заместителем — другой чехословацкий интернационалист Франтишек Каплан [15]. Начальником политотдела управления был венгерский интернационалист, красногвардеец с 1917 г. Имре Ковач, которого затем заменил Й. Папп. Окончательно управление было создано 17 апреля 1919 г. Оно выяснило, что в Нижнем Новгороде, Курске, Туле, Пензе, Астрахани и других городах Советской России существуют интернациональные части и подразделения общей численностью до 18 тыс. бойцов [16]. Кроме того, поступили сведения из Туркестана, согласно которым там существовало девять интернациональных подразделений, насчитывавших около 3 тыс. бойцов [17].

Перед управлением была поставлена задача сформировать «последовательно бригаду в составе трех стрелковых полков, двух кавалерийских дивизионов и одного легкого артиллерийского дивизиона... использовав для сего, — указывалось в приказе Реввоенсовета Республики от 17 апреля 1919 г., — личный состав и имущество уже существующих интернациональных частей, отрядов и групп, находящихся на фронте, а также и в тылу...» [18] Местом формирования бригады был назначен Нижний Новгород, куда 19 апреля управление выехало из Москвы вместе с запасным интернациональным батальоном (287 бойцов) под командой Й. Нетика. В Нижнем Новгороде стали сосредоточиваться интернациональные подразделения Поволжья и Центральной России. Запасной интернациональный батальон был развернут в полк, в котором к концу мая 1919 г. насчитывалось 540 бойцов и командиров [19]. Одновременно формировался интернациональный кавалерийский дивизион (командир Иштван Хорват) и дивизион артиллерии. В начале июля полк был переброшен в освобожденный Киев. После слияния полка с интернациональными частями Украинской советской республики была создана 1-я интернациональная бригада, командование которой в конце июля принял С. Частек.

В июле 1919 г. Управление по формированию интернациональных отрядов Красной Армии было упразднено. С целью борьбы за восстановление Советской власти в Венгрии 6 августа 1919 г. был образован Ревком Венгрии, который до 25 августа играл роль главного органа по формированию воинских частей из интернационалистов. Вслед за тем 25 августа 1919 г. было вновь организовано Управление по формированию

---

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, л. 15; ЦГАСА, ф. 803/19, оп. 1, д. 2, л. 1.

[16] «Боевое содружество...», стр. 13. По другим данным, в марте 1919 г. в Красной Армии насчитывалось около 25—30 тыс. интернационалистов лишь из бывших военнопленных (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 179, л. 8).

[17] ЦГАСА, ф. 803/19, оп. 1, д. 15, л. 100.

[18] «Боевое содружество...», стр. 176.

[19] ЦГАСА, ф. 803/19, оп. 1, д. 41, л. 31.

интернациональной Красной Армии, во главе которого встал венгерский коммунист И. Ковач [20].

Я. Пекса

26 сентября 1919 г. ЦФИГ направила ходатайство в Реввоенсовет Республики о передаче ей всех дел по формированию интернациональных частей. Согласно приказу Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. Управление по формированию интернациональной Красной Армии, находившееся в Серпухове, было упразднено и формирование интернациональных частей было возложено на Военную комиссию при ЦФИГ. Ранее существовавшая Военная секция при ЦФИГ в начале 1919 г. была ликвидирована. В состав Венной комиссии ЦФИГ вошло по одному представителю от Венгерской, Чехословацкой, Румынской, Югославской и Немецкой групп (Я. Ивани, Я. Пекса, О. Соки, М. Кодрня, А. Гофман). Комиссия имела агитационный, культурно-просветительный и хозяйственный отделы.

Приказом Реввоенсовета Республики от 7 декабря 1919 г. за № 2129 Военная комиссия была официально признана единственным органом, ведающим формированием интернациональных частей Красной Армии. Этим же приказом были утверждены инструкция и план по формированию интернациональных частей [21]. В плане формирования интернациональных частей Красной Армии предусматривалась подготовка командных кадров и политических комиссаров для сформированных интернациональных частей через систему Главного управления военно-учебных заведений РККА (ГУВУЗ) Наркомвоенмора. Командирами могли быть только коммунисты и сочувствующие, рекомендуемые ЦФИГ [22].

В работе по формированию интернациональных частей Красной Армии Военная комиссия опиралась на местные военные комиссариаты, а также устанавливала связи с местными партийными и советскими организациями и иностранными коммунистами. В местах наибольшей концентрации иностранных трудя-

---

[20] ЦГАСА, ф. 11, оп. 15, д. 17, л. 69.
[21] Там же, оп. 5, д. 737, л. 113.
[22] «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 28—29. Например, в Баку находились венгерские курсы красных командиров ГУВУЗа. Каждый курс насчитывал 100 человек. В мае 1921 г. венгерские курсы переехали в Петроград (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 92, л. 28 об.; д. 10, л. 4).

щихся Военная комиссия с согласия местных партийных и советских органов организовала агитационные отделы, которые вели политическую агитацию и запись добровольцев в Красную Армию. Деятельность комиссии всегда находилась в поле зрения ЦК РКП(б) и Советского правительства [23].

В ходе формирования и дислокации интернациональных частей Красной Армии неоценимую помощь иностранным коммунистам оказывал В. И. Ленин. Он рассматривал интернациональные части как наиболее яркое, наиболее действенное проявление пролетарского интернационализма. В. И. Ленин постоянно требовал от Советского командования и Реввоенсовета Республики внимательного отношения к делу формирования интернациональных частей. Так, 15 ноября 1918 г. он направил телеграмму главнокомандующему Вооруженными Силами РСФСР И. И. Вацетису, в которой просил «разрешить в благоприятном смысле проект Центрального бюро оккупированных стран [24] относительно формирования польского и литовского ударных батальонов, в особенности насчет западной бригады на Южном фронте. Напоминаю Троцкому, — подчеркивал В. И. Ленин, — наше решение» [25].

7 декабря 1918 г. Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) направила В. И. Ленину отношение по поводу невыполнения в срок военными органами решения «Об отправке на Украинский фронт интернациональных отрядов» [26]. 10 декабря Владимир Ильич ознакомился с отношением Федерации и тут же, на полях, пометил: «*Склянскому.* В чем тут дело? И что вы сделали?» [27]

Систематическую помощь в формировании интернациональных частей Красной Армии оказывали Я. М. Свердлов, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, В. И. Межлаук, Е. Д. Стасова, М. В. Фрунзе, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский и др. Они выезжали к интернационалистам, знакомились с их делами, жизнью, помогали им советами, проводили с ними беседы [28].

Помимо Военной комиссии ЦФИГ продолжали действовать и другие органы, занимавшиеся интернациональными частями и подразделениями.

Еще в августе 1918 г. в Москве был создан специальный штаб по формированию китайских боевых отрядов. Во главе

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 1, лл. 2, 7, 13, 15, 49 и др.
[24] Имеется в виду Центральное бюро коммунистических партий и организаций оккупированных областей.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 207.
[26] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 7682, л. 1; ф. 17, оп. 9, д. 1, лл. 3—3 об., 4.
[27] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 7682, л. 1.
[28] Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960, стр. 37; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 404; «Красный архив», 1935, № 1 (86), стр. 114—115 и др.

штаба стояли комиссар Шен Чен-хо (в конце 1917 г. он командовал китайским отрядом Красной гвардии) и его помощник А. В. Леонов. Уполномоченные штаба находились в разных городах страны, где имелось китайское население, входили в местные военные комиссариаты. Созданные китайские отряды вливались в интернациональные части и подчинялись командованию Красной Армии. С июня 1920 г. формированием китайских частей начало заниматься Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б) [29].

Корейские боевые отряды формировались корейскими коммунистическими организациями и Союзом корейских социалистов, созданным в начале 1918 г. на Дальнем Востоке. Военные вопросы были в центре внимания Центрального комитета корейских коммунистических организаций, созданного в июле 1920 г. при ЦК РКП(б) [30]. Большая заслуга в формировании китайских и корейских интернациональных отрядов Красной Армии и партизанских соединений принадлежала китайским и корейским коммунистам Сан Фу-яну, Пау Ти-сану, Жен Фу-чену, Шен Чен-хо, Шап Бей-фуну, Лен Куну, Ан Нен Хаку, Хан Чан Геру и др.

Боевые отряды из финских трудящихся создавались Военной организацией, которая была образована осенью 1918 г. при ЦК Коммунистической партии Финляндии. «В России мы ставим ближайшей и самой важной задачей нашей партии, — писал Отто Куусинен в октябре 1918 г., — формирование финляндских отрядов Красной Армии» [31]. С образованием в декабре 1919 г. Бюро финских организаций при ЦК РКП(б) военные вопросы перешли в ведение этого бюро [32].

В 1918 г. благодаря инициативе местных польских социал-демократических организаций удалось сформировать ряд польских боевых частей Красной Армии, созданием которых занимался Польский комиссариат [33].

В период польско-советской войны началось формирование Польской Красной Армии. 21 июля 1920 г. Польбюро при ЦК РКП(б) обсудило вопрос о необходимости создания польских вооруженных частей Красной Армии [34]. 6 августа Ф. Дзержинский телеграфировал В. И. Ленину: «Важнейшей задачей считаем организацию Польской Красной Армии, надеемся при до-

---

[29] ЦГАСА, ф. 2817, оп. 1, д. 1, л. 32; «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 20.
[30] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 263, д. 86, лл. 3—4.
[31] О. В. Куусинен. Революция в Финляндии (самокритика). Пг., 1919, стр. 60.
[32] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 50, л. 17; д. 243, л. 2; «Исторические науки», 1961, № 1, стр. 19—20. См. также 8-ю главу.
[33] См. 6-ю главу.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 1.

статочной организации создать быстро пролетарскую армию»[35]. Позднее Ф. Дзержинский сообщал В. И. Ленину: «Приступлено к организации польского советского полка в Белостоке на принципе добровольчества»[36]. В Польскую Красную Армию принимались рабочие и крестьяне — поляки, добровольно изъявившие желание с оружием в руках защищать народную власть. В состав Польской Красной Армии предполагалось включить 52-ю польскую стрелковую дивизию, которая с ноября 1919 г. находилась на Южном фронте[37]. Идя навстречу пожеланиям Польбюро при ЦК РКП(б), Советское командование организовало в августе 1920 г. польские объединенные курсы красного комсостава в ведении Главного управления военно-учебных заведений РККА[38]. Развернувшееся формирование частей Польской Красной Армии было приостановлено в конце августа 1920 г. в связи с отходом советских войск с территории Польши. В октябре сформированные части Польской Красной Армии были переименованы в польские красные части, а через полтора месяца — в части красных коммунаров. В июле 1921 г. польские части были преобразованы в Стрелковую бригаду красных коммунаров РККА[39].

К середине 1920 г., когда положение Советской республики значительно упрочилось и Военная комиссия при ЦФИГ РКП(б) была в мае 1920 г. упразднена, а для дальнейшей организационной деятельности среди существовавших интернациональных частей Красной Армии при Организационном управлении Всероссийского главного штаба (ВГШ) было создано Отделение по организации интернациональных частей (9-е отделение по организации интернациональных частей Красной Армии в отделе по устройству и боевой подготовке войск Организационного управления ВГШ)[40]. Отделение это действовало до конца 1920 г., а после демобилизации из Красной Армии большинства интернационалистов было упразднено.

Интернациональные воинские формирования являлись, конечно, сравнительно небольшой частью Красной Армии. Кроме того, в их составе повсеместно сражались и русские, и украинцы, и белорусы, и представители других народов многонациональной Республики Советов. Вместе с тем в некоторых частях Красной Армии, на отдельных боевых участках и в отдельных партизанских отрядах Сибири и Дальнего Востока интернационалисты нередко составляли значительный процент красных бойцов.

---

35 Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 295.
36 Там же, стр. 296.
37 ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 600, лл. 108—110.
38 Там же, ф. 63, оп. 1, д. 84, л. 15; д. 25, л. 52.
39 «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. Сборник статей». М., 1957, стр. 180.
40 ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 737, л. 113 об.

2. Боевые дела интернациональных частей и подразделений

Интернационалистские части и подразделения оставили памятный след в боевой истории Красной Армии. На Восточном фронте прославился 1-й (216-й) Интернациональный стрелковый полк 1-й (24-й) стрелковой дивизии 1-й армии.

1-я сводная Симбирская дивизия была сформирована в июле—августе 1918 г. в Симбирске из отдельных отрядов и дружин. Начальником дивизии был назначен Г. Гай. Приказом по 1-й армии Восточного фронта от 10 ноября 1918 г. 1-я Симбирская дивизия за боевые заслуги была переименована в 24-ю стрелковую Железную дивизию. В ее составе действовал и 1-й Интернациональный стрелковый полк, переименованный на основании приказа по дивизии в 216-й.

Интернациональный полк (216-й), состоявший из чехословацких, мадьярских и иных интернационалистов, был причислен к 3-й бригаде этой дивизии. Под командованием Славояра Частека полк отличился в боях за Волгу и при освобождении 12 сентября 1918 г. Симбирска и 8 октября Самары. Одним из батальонов полка командовал Дьюла Варга, который после назначения С. Частека начальником Управления по формированию интернациональной Красной Армии РСФСР стал в ноябре 1919 г. во главе полка.

Мужество и отвагу проявили интернационалисты в боях под Самарой, действуя совместно с боевыми отрядами местных рабочих[41]. В начале октября 1918 г. полк интернационалистов и рабочие отряды попали в окружение и вынуждены были принять неравный бой, который продолжался 36 часов[42]. Прорвав вражеское кольцо, интернационалисты и рабочие-дружинники соединились с наступающими частями Красной Армии и вместе атаковали передовые позиции противника. Опасаясь окружения, противник оставил город.

В конце 1918—начале 1919 г. 216-й интернациональный полк, пополненный иностранными коммунистами, отличился в боях за освобождение Бузулука, а затем под Уральском. Интернационалисты заняли Майтуги, Бердяшево, Султангузино, Баймак (Таналык), Халилово и многие другие населенные пункты. В феврале 1919 г. в бою под хутором Воробьевка одна из рот полка, вплотную подпустив к своим окопам белоказаков, бросилась в атаку. Казаки в панике бежали, преследуемые интернационалистами.

В том же месяце исключительное мужество полк проявил в бою за деревню Бердяшево. Несмотря на значительный числен-

---

[41] «Правда», 11.X 1918.
[42] «Солдат, рабочий и крестьянин» (Самара), 23.X 1918.

ный перевес противника, занимавшего оборону вокруг деревни и установившего сильные огневые точки на переднем крае, бойцы-интернационалисты разгромили белогвардейцев и овладели этим населенным пунктом [43].

На Восточном фронте также прославился своими успешными боевыми действиями польский кавалерийский эскадрон, развернутый затем в полк, которым командовал П. Боревич. Полк прошел в составе 24-й стрелковой Железной дивизии славный боевой путь от Волги до Урала, участвуя в освобождении Симбирска, Сызрани, Самары, Бузулука, Оренбурга и других городов. Подводя итоги боевой деятельности польского кавалерийского полка на Восточном фронте, Реввоенсовет 1-й армии писал в аттестации полка: «Дана командиру 4-го кавалерийского полка товарищу Боревичу в том, что вверенный ему полк за время своего пребывания на фронте неизменно честно исполнял как всем составом, так и отдельными отрядами возлагавшиеся на него боевые задачи. Неся свои обязанности в очень тяжелой боевой обстановке, полк... с отвагой и храбростью честных красноармейцев выполнял выпадавшие на его долю боевые задачи. Точно так же за все время своего пребывания на фронте полк являет собою во внутреннем строе пример, достойный подражания. В его рядах установлены достойная сознательной красноармейской части суровая при исполнении обязанностей дисциплина и искренние товарищеские взаимоотношения между командиром и рядовыми...» [44]

Когда осенью 1918 г. генерал Бичерахов осадил город Петровск (ныне Махачкала), плечом к плечу с рабочими и матросами города сражались венгерские и болгарские интернационалисты. Многие из них геройски погибли под огнем врага. Газета Венгерской группы РКП(б) сообщала: «Они пришли в социалистическую Красную Армию защищать власть Советов рабочих и крестьян... Слава и честь вам, дорогие товарищи! Россия рабочих и крестьян с благодарностью вспомнит о вашей героической самоотверженности. И жители Дагестана, вернувшись в Петровск, поднимут достойный памятник над вашими могилами!» [45]

Во время жестоких боев в районе села Верхний Икорец на Южном фронте в конце 1918 г. погибло более 200 бойцов Люблинского интернационального батальона [46], командир которого в своем

---

[43] «Боевое содружество...», стр. 327—350.

[44] «Годовщина 1-й революционной армии». М., 1920, стр. 22—23.

[45] «Szociális Forradalom», 12.X 1918. Памятник интернационалистам — героям боев за Петровск был позднее воздвигнут жителями Дагестана.

[46] Люблинский батальон, состоявший в основном из польских интернационалистов, осенью 1918 г. был включен в состав 1-го Московского советского пехотного полка Западной стрелковой дивизии. В ноябре 1918 г. батальон находился временно в составе 3-й Воронежской дивизии

донесении писал: «Люди дрались не могу как и описать, нет слов тому геройству, которое они проявляли. Я еще за время войны не видел, чтобы так дрались солдаты. Это истинные борцы за революцию» [47].

Д. Варга

В районе Стерлитамака вел боевые действия интернациональный батальон 20-й стрелковой дивизии 1-й армии Восточного фронта. В марте—августе 1919 г. батальон принимал участие в освобождении Кагинского завода, села Исаева, деревни Сейткуловой и многих других населенных пунктов. 10 мая 1919 г. интернациональный батальон после упорных боев своими силами освободил местечко Имангулово, имевшее важное тактическое значение в ходе наступления Красной Армии. В составе дивизии батальон успешно действовал в боях против войск Колчака. С 14 августа 1919 г. интернациональный батальон в составе 20-й стрелковой дивизии вместе с другими частями и соединениями 1-й армии действовал на Туркестанском фронте [48].

На Восточном фронте в августе 1918—марте 1919 г. в составе отдельной (Александрово-Гайской) стрелковой бригады [49] 4-й армии стойко сражался 1-й Московский интернациональный коммунистический батальон, сформированный в Москве летом 1918 г. В коммунистический батальон входили венгры, немцы, румыны. Командиром его был венгерский интернационалист Лайош Винерман. Боевое крещение интернационалисты получили под Новоузенском, в районе которого проходили ожесточенные бои. Газета «Правда» писала о кровопролитных боях с белогвардейцами на Уральском фронте: «Маленький отряд во главе с комиссаром Линда и командиром Винерманом отправился 7 августа, после взятия Новоузенска, в деревню Петропавлов-

---

8-й армии Южного фронта и участвовал в боях против воронежской группы Донской белой армии Краснова («Боевое содружество...», стр. 501).

[47] «Боевое содружество...», стр. 502.

[48] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 175, лл. 234—236; «Боевое содружество...», стр. 354—359.

[49] С начала декабря 1918 г. Александрово-Гайская дивизия, переформированная в ноябре 1918 г., стала именоваться отрядом, который 16 декабря 1918 г. был переформирован в Александрово-Гайскую отдельную стрелковую бригаду (см. «Боевое содружество...», стр. 369).

скую (в 25 верстах к востоку от Новоузенска)... Целый полк казаков окружил деревню, где находились интернационалисты. Пятеро интернационалистов-венгров тотчас же поскакали в Новоузенск за помощью, а остальные геройски сражались против более многочисленного врага.

По показанию населения, более тысячи казаков одолели, наконец, конный отряд интернационалистов и увели с собой десять оставшихся в живых мадьяр. Тридцать защитников пало в деревне. Трупы их покрыты многочисленными ранами. Но и казаки понесли большие потери: они оставили на месте 291 убитого, в том числе 50 офицеров.

Несколько часов спустя явился весь батальон. Но было уже поздно. Интернационалисты преследовали казаков на броневиках до Александров-Гая и перебили несколько сот казаков... Из местностей, находящихся в руках казаков, ежедневно бегут десятки венгерских военнопленных, которые присоединяются к борющимся интернационалистам»[50].

В октябре 1918 г. боевые части Красной Армии перешли в наступление с целью овладеть Уральском и выйти к Бузулуку и Оренбургу. Батальон Винермана, насчитывавший к тому времени 500 штыков, 300 сабель, 15 пулеметов и 4 орудия, обеспечивал правый фланг армии и прочно удерживал занимаемые позиции. Утром 13 октября интернационалисты столкнулись с довольно крупными силами белоказаков. Ожесточенная схватка не стихала ни днем, ни ночью. Винерман находился в первых рядах сражающихся. Узнав, что группа его разведчиков попала в плен к белым, он взял с собой несколько бойцов, пулемет и поспешил на выручку. В самый разгар схватки пулемет, которым Винерман прикрывал атаку, внезапно отказал. Казаки бросились на замолкший пулемет. В короткой рукопашной схватке Винерман был зверски зарублен. Это произошло 14 октября 1918 г.[51]

Реввоенсовет 4-й армии в особом приказе выразил скорбь всех бойцов по поводу гибели одного из лучших своих командиров. Венгерские коммунисты писали в газету «Правда»: «Товарищ Винерман был настоящим пролетарием, сознательным борцом, истинным и героическим защитником революции... Он был для нас больше чем верный товарищ, больше чем руководитель в борьбе против конрреволюционеров. Он был нашей надеждой в будущей борьбе против наших собственных контрреволюционеров и белогвардейцев. Мы кладем его тело на жертвенник великой пролетарской революции с глубоким убе-

---

[50] «Правда», 28.VIII 1918.

[51] Л. И. Яковлев. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917—1922. М., 1964, стр. 136.

ждением, что кровь товарища Винермана обеспечит и нам и пролетариату всего мира окончательную победу»[52].

П. Боревич

В середине ноября 1918 г. в составе Александрово-Гайской дивизии были созданы 1-й пехотный и 1-й кавалерийский интернациональные коммунистические полки им. Винермана, которые успешно участвовали в освобождении Урала от белогвардейцев.

В мае—июне 1919 г. под Уфой сражался 222-й Самарский стрелковый интернациональный полк 25-й стрелковой чапаевской дивизии. В полку служили югославяне, венгры, чехи, словаки, поляки, немцы, австрийцы, китайцы. В результате сокрушительных ударов этого полка, несмотря на большой перевес в живой силе и технике, противник был не раз вынужден оставлять свои позиции[53].

На подступах к Перми вместе с рабочими Урала мужественно сражался с белогвардейцами Пермский сводный интернациональный отряд. Сформированный в июле 1918 г. из добровольцев — бывших военнопленных отряд, командиром которого был назначен Ференц Мюнних, действовал на Лысьвинском участке фронта. Отряд интернационалистов находился в составе 3-й стрелковой бригады, командиром которой был Рейхардт, а комиссаром — Бела Кун. В жестоких боях у станции Кын интернационалисты сорвали продвижение белых па Пермь. Вспоминая об этих боях, Ф. Мюнних характеризовал их как боевой подвиг интернационалистов[54]. Успехи красных бойцов и отважных друзей из-за рубежа были отмечены в приказе командующего 3-й армии Восточного фронта Р. И. Берзина от 26 августа 1918 г.: «Искреннюю благодарность приношу командиру бригады Рейхардту, военным комиссарам Бела Куну и Залуцкому, начальнику штаба и начальнику связи, начальнику отряда интернационалистов Мюнниху и всем сотрудникам штаба.

Штаб бригады, несмотря на кратковременную свою работу, уже сумел наладить работу и [части бригады] успешно продви-

---

[52] «Правда», 20.X 1918. Л. Винерман был похоронен 23 октября 1918 г. на Красной площади в Москве.
[53] «Боевое содружество. . .», стр. 378.
[54] «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1959, стр. 225.

гаются вперед, оттесняя постепенно противника. Наступление [продолжается], обеспечивая нашу победу. Надеюсь, что и в будущем штаб бригады усиленно продолжит развивать свои успехи»[55].

На Восточном фронте в районе города Верхотурья активное участие в боях против чехословацких мятежников и белогвардейских войск Колчака принимал 225-й китайский стрелковый полк, входивший в состав 29-й стрелковой дивизии 3-й армии. Оперативные сводки и донесения начальника 29-й стрелковой дивизии штабу 3-й армии отмечали мужество и героизм китайских бойцов. Например, в донесении от 29 октября 1918 г. сообщалось: «На Верхотурском направлении сегодня китайский батальон, перейдя р. Актай, выбил противника из двух рядов окопов и отбросил его к Верхотурью. Отступление банд происходило в беспорядке, во время которого им нанесены огромнейшие потери. Развить дальнейшее наступление не удалось вследствие медленной переброски резервов через мост на Актае, который все время противником держался под артиллерийским огнем... В этом бою нами захвачены пленные и много снаряжения»[56].

В ноябре 1918 г. во время ожесточенных боев в районе станции Выя китайские интернационалисты попали в окружение. Много храбрецов пало в рукопашном бою, однако вражеское кольцо было прорвано, и китайские бойцы соединились с красными частями. В этих боях геройски погиб командир полка коммунист Жен Фу-чен. Газета ЦК РКП(б) «Коммунар» по поводу его гибели писала: «Товарищ Жен Фу-чен пользовался большим влиянием среди китайцев, и все свое влияние и авторитет среди китайцев он принес на службу Советской России. Китайские части, организованные им, были наиболее стойкими и надежными частями... Память... о товарище Жен Фу-чене, отдавшем свою жизнь за дело угнетенных всего мира, будет свято храниться борцами революции»[57].

В боях на реке Каме участвовали корейские интернационалисты, финский отряд, эстонский и латышский батальоны.

Антисоветский мятеж чехословацкого корпуса встретил упорное сопротивление рабочих и крестьян Сибири и Дальнего Востока. Среди тех, кто с оружием в руках выступил на защиту власти Советов, были зарубежные интернационалисты. Несколько крупных интернациональных отрядов было создано в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите и других городах.

Передовая часть иностранных трудящихся, находившихся в тылу у Колчака и не имевших возможности перейти на сторону Красной Армии, оставалась верна своему интернациональ-

---

[55] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 317, лл. 14—15.
[56] «Боевое содружество...», стр. 361—362.
[57] «Коммунар», 28.XII 1918.

ному долгу. Многие группы трудящихся-интернационалистов вступали в партизанские отряды, участвовали в восстаниях против колчаковского режима. По мере освобождения Красной Армией территории, захваченной белогвардейцами и интервентами, формировались новые интернациональные подразделения и части, в которые вступали интернационалисты, действовавшие в тылу врага.

Развертывание успешных боевых действий на Восточном фронте создавало предпосылки для полного освобождения Туркестана от белогвардейцев и интервентов. Весной 1919 г. командующим Туркестанским фронтом был назначен М. В. Фрунзе. К тому времени на Туркестанском фронте в рядах Красной Армии уже действовало несколько отрядов интернационалистов. Высокой революционной дисциплиной и героизмом в боях выделялись 1-й Туркестанский стрелковый интернациональный полк, Казанский полк, Ровенский немецкий отряд 34-й стрелковой дивизии, отряд им. III Интернационала и сформированный в ноябре 1919 г. 2-й Интернациональный полк им. Карла Либкнехта [58].

Интернационалисты сражались за станции Тамды, Аккемир, Кандагач, Челкар. Они защищали Эмбу, подавляли кулацкое выступление в Джелал-Абадском районе, освобождали города Красноводск и Старая Бухара, уничтожали банды басмачей и остатки белогвардейских отрядов в районах Оша, Карасу, Урды, Коканда. За особые заслуги и боевые подвиги 1-й Туркестанский стрелковый интернациональный полк в июне 1920 г. постановлением Реввоенсовета Туркестанского фронта был награжден орденом Красного Знамени [59].

На основании приказа по войскам Туркестанского фронта от 25 апреля 1920 г. был сформирован Отдельный персидский интернациональный отряд. В его составе находилась турецкая рота, командиром которой был Агях [60]. В августе 1920 г. персидский интернациональный отряд был переформирован в Отдельный персидский стрелковый полк [61].

За героизм, проявленный в боях за Советский Туркестан, многие интернационалисты были отмечены боевыми наградами: словак Л. Шипко, командир отряда им. III Интернационала;

[58] «Боевое содружество...», стр. 399—417. В целях обеспечения единства и согласованности действий интернациональных отрядов и частей Красной Армии в марте 1920 г. был издан приказ М. В. Фрунзе о формировании отдельной интернациональной бригады. На основании приказа был сформирован 4-й Туркестанский стрелковый полк, в котором в конце апреля 1920 г. насчитывалось 253 русских бойца, 618 венгров, 148 немцев и 306 бойцов других национальностей. 940 бойцов являлись коммунистами («Боевое содружество...», стр. 405—407).

[59] «Боевое содружество...», стр. 408—409. В июле 1920 г. 1-й Туркестанский стрелковый интернациональный полк был переброшен на Юго-Западный фронт.

[60] Там же, стр. 410, 412, 413.

[61] Там же, стр. 412.

венгр И. Варга, командир 1-го Туркестанского стрелкового полка; румын И. Дик-Дическу, комиссар политотдела Туркестанского фронта, и многие другие.

Интернациональные части принимали активное участие в боях за освобождение юга Советской России. На Южном фронте в августе 1918—апреле 1919 г. на балашовско-поворинском направлении сражался 2-й интернациональный стрелковый полк 16-й стрелковой дивизии. Дивизия была сформирована еще в мае 1918 г. в Тамбове. С конца октября того же года она стала именоваться 16-й стрелковой (командир дивизии В. И. Киквидзе). В интернациональном полку дивизии находились чехи, словаки, венгры, китайцы, итальянцы и представители других национальностей. В августе 1918 г. полк сыграл важную роль в разгроме войск Краснова на подступах к Царицыну. По словам В. И. Киквидзе, интернационалисты сражались, как львы, не боясь усталости и не зная страха.

В январе 1919 г. в память погибшего командира ей было присвоено наименование: «16-я стрелковая им. Киквидзе дивизия» [62].

На балашовско-камышинском участке Южного фронта в обороне Царицына в августе—ноябре 1918 г. принимал участие 2-й интернациональный стрелковый полк 1-й Украинской особой бригады Р. Ф. Сиверса [63]. Боевые действия бригады имели большое значение в ликвидации первого окружения Царицына (август 1918 г.). 2-й интернациональный полк бригады в октябре 1918 г., выполняя очередное боевое задание командования, сорвал план окружения красновцами соседних частей Красной Армии (отряда Ухенберга).

В разгроме белогвардейцев на Южном фронте участвовал китайский сводный батальон 21-го Московского полка Московской бригады. Этот батальон, сформированный в Москве, прибыл на фронт под Новохоперск в сентябре 1918 г. В октябре превосходящие силы противника на одном из участков фронта, близ хутора Преснякова, обрушились на передовые позиции красноармейцев. Завязались ожесточенные бои. Геройски сражались китайские интернационалисты. Во взаимодействии с другими красноармейскими частями, бойцы бригады отстояли свои рубежи, захватили инициативу и перешли в контрнаступление. Политотдел Реввоенсовета Южного фронта 15 ноября 1918 г. сообщал: «В полку батальон в 500 человек китайцев-интернационалистов. Китайцы дисциплинированы, терпеливы, стойки в бою» [64].

---

[62] «Боевое содружество...», стр. 420. После гибели В. И. Киквидзе начдивом 16-й дивизии был назначен Р. П. Эйдеман.

[63] Там же, стр. 434. Первоначально 2-й интернациональный стрелковый полк входил в состав Сводной бригады внеочередного формирования. 15 сентября 1918 г. бригада была переименована в 1-ю Украинскую особую бригаду.

[64] «Боевое содружество...», стр. 441.

Бойцы 16-й стрелковой дивизии принимают присягу. Текст присяги читает Н. И. Подвойский. Справа — командир дивизии В. И. Киквидзе

Интернациональные формирования приняли активное участие в разгроме контрреволюционных сил и интервентов на юго-западе Советской страны. В начале апреля 1919 г. на Полтавщине в боях против кулацких и бандитских банд участвовал батальон интернационалистов. После включения в его состав сформированной в Полтаве румынской революционной части батальон был развернут в 1-й Полтавский интернациональный полк. Командиром полка был назначен венгр Р. Фекете, а военкомом — румын Т. Диамандеску. Выступив в конце апреля 1919 г. походным порядком из города Золотоноши в Киев, интернационалисты приняли участие в ликвидации контрреволюционных банд, орудовавших вдоль Днепра. В мае полк был направлен на подавление мятежа атамана Григорьева и кулацких восстаний в районе Винница—Литин—Брацлав—Вапнярка—Гайсин—Умань—Липовец. 1-й Полтавский интернациональный стрелковый полк вошел в группу советских войск Правокиевского боевого участка Украинского фронта. Интернациональный полк был в подчинении командира 1-й бригады 2-й Украинской стрелковой дивизии Осадчего, командовавшего группой войск, перед которой стояла задача освободить станции Цветково и Бобринская и

очистить от банд город Черкассы. 17 мая 1919 г. станция Цветково была занята интернациональным полком. 27 мая 1919 г. батальоны 1-го Полтавского интернационального полка заняли город Литин. Через четыре дня начальник Винницкого участка командир интернационального полка Фекете докладывал, что в районе Литина и Винницы ликвидация банд закончена [65].

Другой интернациональный полк, сформированный в Киеве в мае 1919 г. и насчитывавший 1500 человек, 28 и 29 мая 1919 г. под командованием Тардина был отправлен в район станции Проскуров. Под Проскуровом полк сражался с петлюровцами в составе 2-й Коммунистической бригады Украинского фронта.

О боях интернационалистов Винницкий губернский военкомат сообщал: «Под Проскуровом славные интернациональные части перешли в решительное наступление, ими забрана целиком петлюровская батарея и взят Черный остров» [66].

В составе 12-й армии Западного фронта летом и осенью 1919 г. против войск Деникина вела бои 1-я Интернациональная бригада, в которую входили 1-й и 3-й Интернациональные полки [67], кавалерийский и артиллерийский дивизионы, саперная рота и рота связи, комендантская команда и запасной батальон. 31 августа 1919 г. под давлением войск Деникина части Красной Армии вынуждены были оставить Киев. Перед тем как покинуть город, интернациональная бригада удерживала фронт юго-западнее Киева в районе города Василькова. В начале сентября бригада вошла в левобережную Черниговскую группу войск.

В течение октября—ноября 1919 г. 3-й Интернациональный полк бригады вел активные оборонительные бои, готовясь к наступлению на Киев. За героические боевые действия против войск Деникина и белополяков полк был награжден почетным революционным Красным знаменем. Командир полка Лайош Гавро в приказе от 7 января 1920 г. писал: «Вашей беззаветной

---

[65] В середине августа 1919 г. полтавчане-интернационалисты влились в 1-ю интернациональную стрелковую бригаду, сформированную в Киеве С. Частеком.

[66] «Боевое содружество. . .», стр. 459—460.

[67] Сформированный в мае 1919 г. в Одессе 1-й Интернациональный полк особого назначения при штабе 3-й Украинской Советской Красной Армии состоял из венгров, немцев, болгар, румын, турок, сербов (7-я особая сербская рота, входившая в 1-й Белорусский советский пехотный полк), македонцев и представителей других национальностей. С 31 мая интернациональный полк особого назначения, оставаясь в оперативном отношении в подчинении начштаба 3-й Украинской Советской Красной Армии, был включен в состав 1-й интернациональной бригады. 3-й Интернациональный стрелковый полк до 5 июня 1919 г. дислоцировался в Нижнем Новгороде, затем был переведен в Киев для включения в формируемую интернациональную бригаду. По пути в полк влились интернационалисты Воронежа, Орла, Тулы и Киева («Боевое содружество. . .», стр. 464).

3-й Интернациональный стрелковый полк на Юго-Западном фронте. В центре — командир полка Л. Гавро. 1920 г.

храбростью на полях сражений, ценою тяжких лишений и крови вы заслужили для полка эту высокую боевую награду. Непрерывным рядом побед и преданностью революции вы прославили имя 3-го Интернационального полка. Голодные и оборванные, не теряя бодрости, вы крепко держали в руках оружие рабоче-крестьянской власти» [68].

С мая 1920 г. на Юго-Западном фронте в составе 24-й стрелковой дивизии 12-й армии в боях против войск буржуазной Польши участвовал упоминавшийся выше 216-й Интернациональный полк [69], ранее сражавшийся в составе 1-й армии на Восточном фронте.

В октябре 1920 г. для борьбы против Врангеля была сформирована отдельная интернациональная кавалерийская бригада, вошедшая в конце октября 1920 г. в состав 4-й армии Южного фронта. Численный состав бригады — 1800 человек, из них —

---

[68] «Боевое содружество...», стр. 484.

[69] После кратковременного пребывания на Юго-Восточном фронте (декабрь 1919 г.—март 1920 г.) и в войсках Донской области (март—май 1920 г.) полк был переброшен на Юго-Западный фронт в район города Чернобыль. С 8 августа и до ноября 1920 г. 216-й Интернациональный полк 24-й дивизии сражался в составе 14-й армии Юго-Западного фронта северо-восточнее Львова, а затем в районе Жмеринки.

827 интернационалистов[70]. Сосредоточение бригады проходило в районе станции Синельниково. Бригада готовилась для переброски в район Крымского полуострова на борьбу с Врангелем. В последних числах октября 1920 г. интернациональные части успешно выполнили боевую задачу по разгрому войск барона Врангеля на подступах к Чонгарскому полуострову. После краткого отдыха в армейском резерве бригада с 26 ноября в составе тыловых частей 4-й армии приступила к ликвидации банд Махно в районе Гуляй-Поля. Активные бои вместе с другими частями Красной Армии интернационалисты бригады вели в районе Бердянска, Ногайска.

Боевой славой покрыли себя польские интернационалисты, мужественно сражавшиеся с белогвардейцами и кайзеровской армией на Западном фронте в составе Западной стрелковой дивизии и на других фронтах[71]. Не забудет советский народ братскую боевую помощь, которую оказали трудящимся Советской республики финские[72], венгерские, чехословацкие, югославянские, румынские, болгарские, германские, австрийские бойцы-интернационалисты и интернационалисты других национальностей, участвовавшие в кровопролитных боях за Советскую власть в рядах Красной Армии.

В 1918—1920 гг. в Самаре, Смоленске, Челябинске, Тюмени и ряде других городов в войсках были сформированы интернациональные отряды, которые помогали ликвидировать антисоветские заговоры и контрреволюционные очаги, и состоявшие в ряде случаев из интернационалистов части особого назначения. В самые грозные для Советской республики дни чекистов направляли на фронты гражданской войны. Так, в мае 1920 г., когда войска буржуазно-помещичьей Польши прорвали советские оборонительные рубежи и устремились в глубь Республики Советов, на фронт был направлен интернациональный коммунистический батальон ЧК Омска. «Нельзя не отметить блестящего вида этого батальона, — писала „Правда“ по поводу смотра интернационального батальона в Москве, — состоящего целиком из красных интернационалистов, среди которых — мадьяры, немцы, украинцы, галичане и поляки, причем этот батальон носит доподлинно коммунистическое имя, так как почти половина его состава, около 400 товарищей, члены РКП(б) и кандидаты РКП(б), причем 70 процентов всего состава батальона — рабочие. Этот батальон проявил как на смотре, так и в своей борьбе на Востоке и с колчаковскими бандами образец железной дисциплины и непоколебимой пролетарской твердости»[73].

---

[70] «Боевое содружество...», стр. 442—449.
[71] См. VI главу.
[72] См. XIII главу.
[73] «Правда», 3.VI 1920.

Знамя 1-го Интернационального полка города Благовещенска

Интернациональные отряды, подразделения и части Красной Армии с честью и до конца пронесли через многие сражения великое знамя пролетарского интернационализма. Кровь лучших сынов зарубежных народов и Советской России, обильно пролитая на российской земле в совместной борьбе за общее дело освобождения трудящихся, навеки укрепила и закалила вечную и нерушимую дружбу между ними. Трудящиеся многих стран и национальностей выступали как братья по оружию и проявляли глубокое понимание общности классовых интересов. Интернационалисты показывали пример беззаветной преданности идеям Великой Октябрьской социалистической революции. Многие из них стали командирами и комиссарами крупных воинских подразделений, которые в упорных боях громили белогвардейские части и части интервентов.

В ожесточенных боях с белогвардейцами и интервентами интернационалисты сражались, не щадя своей жизни, до последнего патрона, до последней капли крови.

Трудящиеся Советской России выражали глубокую признательность зарубежным трудящимся, мужественно сражавшимся на русской земле за торжество правды Октября. В газете «Правда» за подписью «Красноармеец» было опубликовано стихотворение, посвященное бойцам — венгерским интернационалистам:

Как странно вспомнить мне, что были мы враги,
Что разделяла нас когда-то грань окопов
И шли на грозный бой, мы шли с тобой в «штыки»

Друг друга убивать под пенье пулеметов.
Ты был в плену, мадьяр, когда восстал народ,
Когда рабочий класс истерзанной России
Разрушил в октябре последний злой оплот
И радостно воздвиг знамена боевые.
Как верный сын труда, как верный член семьи,
Семьи трудящихся, семьи международной,
Ты к нам пришел как друг в те памятные дни,
Когда восстал народ великий и свободный.
И стали мы друзья до гробовой доски
В борьбе за власть труда — рабочих депутатов,
И вместе мы с тобой направили штыки
На тех, кто нас терзал, на бойню гнал когда-то [74].

Эти написанные от всего сердца простые строки хорошо передали чувства, рожденные у российских рабочих и крестьян подвигом интернационалистов. Их дела были важны не столько своими непосредственными практическими результатами — большими и малыми — сколько тем, что они практически подтверждали единство пролетариев всех стран, что у российского красногвардейца и красноармейца, в невероятно тяжелых условиях сражавшегося за власть Советов, присутствие в отряде, в полку, в дивизии интернационалистов из-за рубежа материализировало великие идеи пролетарского интернационализма, укрепляло веру в непобедимость своего дела, которое одновременно являлось делом, отвечавшим заветным стремлениям трудового народа всех стран — ближних и дальних.

Конечно, авторы настоящего труда сознают, что еще многое можно было бы сказать об интернационалистах, — частично это будет сделано в следующей работе, рассказывающей о делах интернационалистов на Украине и Закавказье, в Поволжье и Средней Азии, Сибири и Дальнем Востоке... Наконец, многие яркие страницы подвига интернационалистов раскрыты в монографиях, статьях, очерках советских и иностранных исследователей.

Но важнее то, что дела интернационалистов неизгладимы в памяти советского народа. «Советские коммунисты, весь советский народ высоко ценят и интернациональную поддержку своих зарубежных братьев, — говорится в постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Неизгладимо в памяти советских людей участие тысяч и тысяч интернационалистов, которые с оружием в руках отстаивали первое отечество трудящихся» [75].

---

[74] «Правда», 12.VI 1918.
[75] «Правда», 5.I 1967.

Среди этих тысяч славные имена Феликса Дзержинского и Джона Рида, Бела Куна и Юлиана Мархлевского, Жака Садуля и Ярослава Гашека, Юзефа Уншлихта и Франтишека Козы, Тибора Самуэли и Лайоша Винермана, Юлиана Ленского и Вукашина Марковича, Михая Бужора и Николы Ковачевича, Ференца Мюнниха и Альтера Залика, Жанны Лябурб и Мустафы Субхи, Тойво Антикайнена и Пау Ти-сана, Иона Дик-Дическу и Хан Чан-Гера, Каройя Лигети и Стояна Джорова, Иогана Копленига и Владимира Чопича, Станислава Будзиньского и Славояра Частека, Данило Сердича и Станислава Жбиковского, Густава Барабаша и Ярослава Штромбаха, Эйно Рахья и Лайоша Гавро, Бронислава Весоловского, Станислава Бобиньского, Станислава Пестковского, Джованни Штикса, Юлиуса Хораза, Боривое Агатоновича, Эрнста Кужело, Эдуарда Матсона, Антонина Забранского, Адама Славиньского, Джеймса Хиггинса, Эдмунда Радо, Петра Боревича, Теодора Диамандеску и всех других, о ком говорилось в этой книге, и о многих из тех, о ком в книге не сказано. Не сказано в книге — это намного расширило бы ее рамки — не только о тех сотнях тысяч иностранных пролетариев, кто участием в движении солидарности со страной Советов помог ей в борьбе против внешних и внутренних врагов, но и о тех тысячах американцев и немцев, поляков и финнов, французов и представителей других народов, которые рвались через границы, через «санитарный кордон» империалистов, через фронты интервенционистских армий и войск белогвардейцев, чтобы стать в ряды защитников дела Октября. Отдельным из них удалось преодолеть преграды, другие пришли позже, как итальянец Джиованни Джибелли, в 1921 г. вступивший в Красную Армию и погибший в боях под Мадридом в 1936 г. За мужество, проявленное в борьбе с фашизмом в Испании, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Дела интернационалистов были подвигом революционеров и патриотов. Помогая рабочим и крестьянам Республики Советов в их справедливой борьбе, иностранные трудящиеся укрепляли единственную в мире власть, ставящую своей целью свободу и независимость всех народов, ликвидацию всякого насилия и угнетения. Участие многих тысяч интернационалистов в вооруженной борьбе против интервентов и белогвардейцев, в строительстве молодого Советского государства, в его политической и хозяйственной жизни явилось не только действенной помощью советскому народу, но и великой международной школой революционного опыта. Об этом, подводя итоги интернационалистскому движению, убедительно сказал один из его видных руководителей — Бела Кун: «Если интернационалисты, участники гражданской войны, участники Октябрьской революции, имеют кое-какие заслуги в завоеваниях пролетарской революции, то они значительно более должны быть благодарны этой пролетар-

ской революции, потому что здесь открылись им глаза, здесь учились они большевизму. . .» [76]

Обучаясь большевизму, интернационалисты много сделали для того, чтобы рабочий класс и все трудящиеся их родных стран поняли международное значение Октября, увидели в Советской республике оплот и базу своего грядущего социального и национального освобождения, восприняли великое учение марксизма-ленинизма. Отмечая, что на фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии сражались венгры, поляки, югославяне, болгары, чехи, словаки, немцы, финны, китайцы, корейцы, представители других народов, ЦК КПСС в своих тезисах «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркнул: «Интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции» [77].

Интернационалистское движение 1917—1920 гг. явилось важным составным элементом мирового революционного процесса. Оно прошло через годы испытаний и по праву вписано в бессмертную историю Октября.

---

[76] ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 10, л. 20.
[77] «Правда», 25.VI 1967.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* Указатель составлен А. К. Стрижковой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

ТРУДЯЩИЕСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН —
УЧАСТНИКИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редакторы *А. Н. Демченко, Г. В. Шелудько*
Художник *В. П. Рафальский*
Технический редактор *Р. М. Денисова*

Сдано в набор 4/V 1967 г. Подписано к печати 13/IX 1967 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага № 1. Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 40,1 (40+0,1 вкл.).
Тираж 3400 экз. Тип. зак. 294. Т-12196

Цена 2 р. 65 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
387	12 сн.	5—7 ноября	5 ноября
397	10 св.	штаб частей Западного	один из штабов Юго-Западного
397	19 сн.	вести с	вести весной 1919 г. с
397	20 сн.	Ровно	Лубнами
397	20 сн.	отряду	Барабашу и его товарищам
397	23 сн.	В Бердичеве армия приняла	Еще в феврале в Бердичеве югославяне приняли
398	9 св.	с осени	весной
601	2 св.	228	328
605	10 св.	148	178
610	1 сн.	78	178

Интернационалисты

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»